

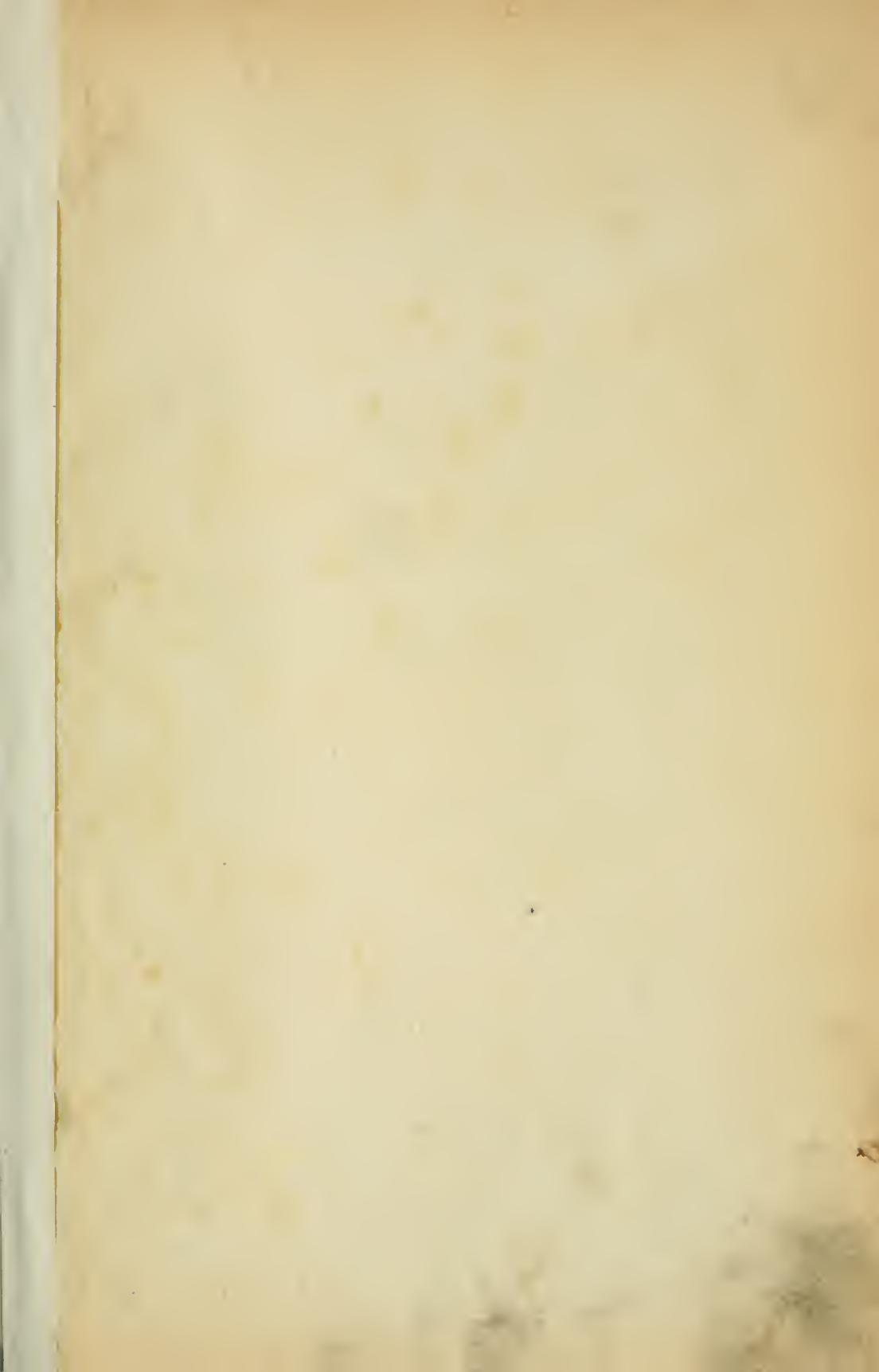

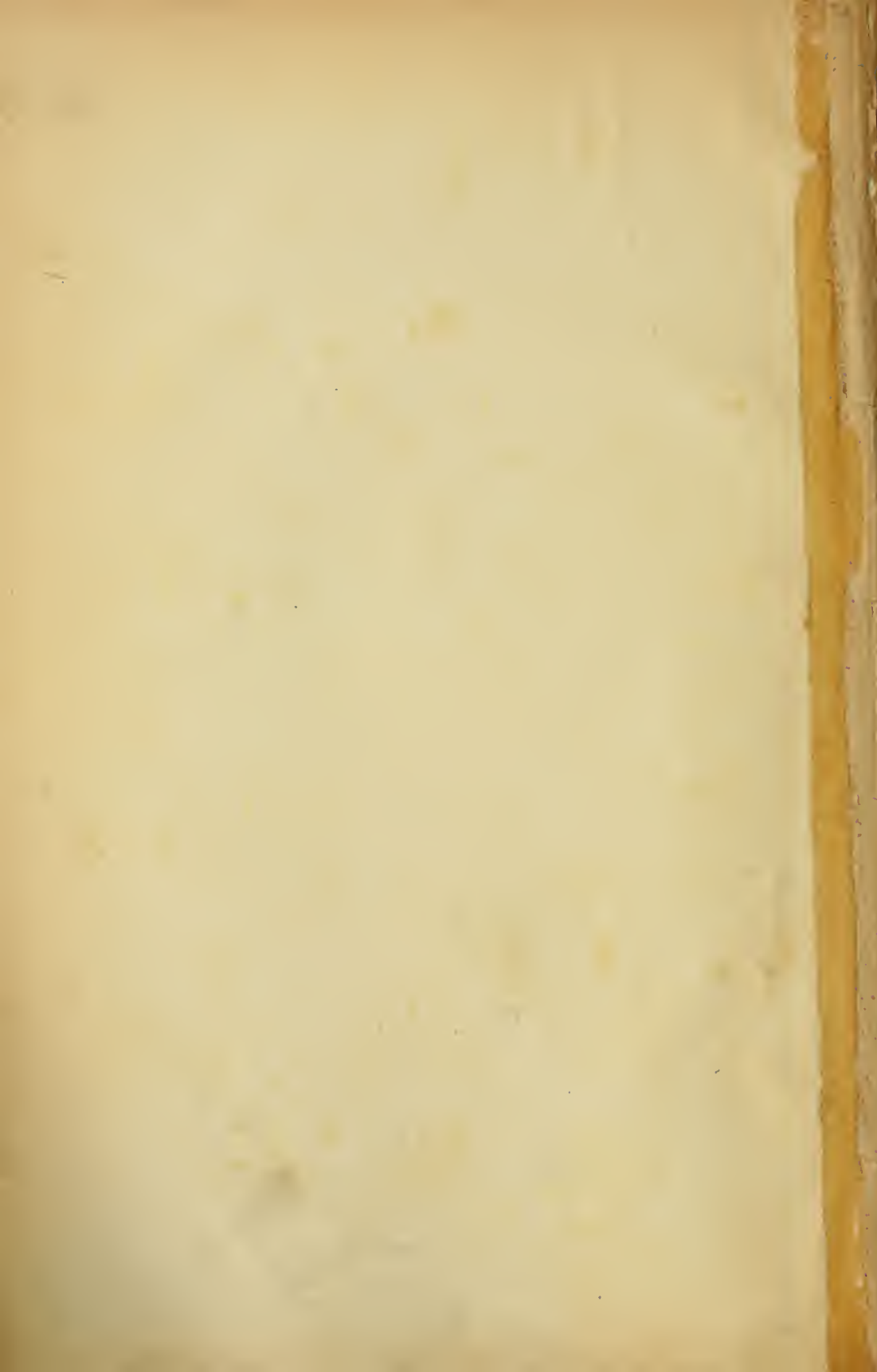
3 1761 08106712 6

72m. 311/85

DUPLICATE

5892

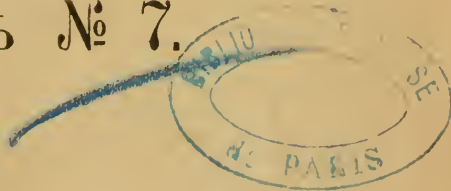
2 изд. 200

СѢВЕРНЫЙ
ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

І Ю Л Ъ № 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.

1894.

~~057
50833
18947
1911~~

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Юня 1894 года.

AP
50
557
1894
no. 7

9-19-612VL

Въ виду того, что некоторые изъ подписчиковъ Сѣвернаго Вѣстника, выписывающихъ журналъ уже нѣсколько лѣтъ, заявили желаніе получить портретъ А. О. Смирновой, который былъ разсланъ только повымъ годовымъ подписчикамъ вмѣстѣ съ оттисками за 1894 г. 1 ч. Записокъ Смирновой, контора Сѣв. Вѣстника симъ увѣдомляетъ, что всѣ годовые подписчики, не получившіе портрета съ оттисками, получать его отдѣльно въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала.

Главная контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше просить гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ августовской книжки, поторопиться высылкой 3-го взноса, съ указаніемъ адреса и № бандеролн.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТРАН.
I. — ВЪ ТАТЬЯНИНЪ ДЕНЬ. Разказъ Л. Л. Толстого	1
II. — ПРИНЦИПЪ СВОБОДЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ЖИВОТНЫХЪ. Проф. Н. Вагнера	25
III. — ВСАДНИКЪ. Стихотвореніе К. Льдова	62
IV. — БѢГЛЫЙ. Разказъ Я. Крюковскаго	63
V. — СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ. Часть вторая. Генриха Сенкевича . (Переводъ съ польскаго М. Кривошеева)	71
VI. — ИЗЪ ОМАРА ХАЙЯМА. Стихотвореніе. (Съ персидскаго). П. Порфинова	120
VII. — ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ БАХРЪ-ЛУТА. Изъ путевого альбома русскаго туриста. В. Корженевскаго	121
VIII. — ЭШАФОТЪ. Стихотвореніе Виктора Гюго . Переводъ Ивана да-Марья	140
IX. — НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ. Часть вторая. Гл. XIII—XVI. Вас. Немировича-Данченка	147
X. — СВЯЗКА ПИСЕМЪ А. И. ГЕРЦЕНА 1838—1840 гг. Е. Некрасовой	185
XI. — СОВРЕМЕННАЯ НЮБЕЯ. Романъ Іоанаса Ли . (Переводъ съ датскаго В. Фирсова)	205
XII. ЕПШКОПО П К ⁹ . Разказъ Габріеля д'Авнунціо . Переводъ Н. Арабажиной	261
XIII. — ИЗЪ ДНЕВНИКА АМЕЛЯ. Переводъ съ французскаго гр. М. Толстой , подъ редакцію гр. Льва Толстого	289

(См. на обороты).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СТРАН.

<p>I. — ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. ВОЛГА И ВОЛГАРИ. VIII. Балахнинскій уѣздъ.— Катунки.—Копатники.—Катунское парьчье.—Васплева слобода.—Городецъ.—Раскольники.—Городецкіе промыслы.—Балахна.—Соляные источники и Вердеревскій.—Кружевишны.—Рагозинскій заводъ.—Древотдѣльные промыслы.—IX. Волга передъ Нижнимъ.—Сормовскіе заводы.—Видъ Нижняго издали и вблизи.—Первыя впечатлѣнія.—Мѣстоположеніе города.—Его прошлое.—Пространство и раслапровка.—Откосы и сѣзды.—Нижній базаръ.—Кремль.—Церкви и монастыри.—Благоустройство. А. Субботина.</p>	1
<p>II. — ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. «Призовскій Край» о г-жѣ Палемъ.—«Судъ женщинъ».—Случай истязанія изъ «Смоленскаго Вѣстника». — Приговоръ изъ «Саратовскаго Листка».—«Новороссійскій Телеграфъ» возводитъ дрязги въ преступленіе.—Полемика его съ «Одесскимъ Листкомъ». — Покаяніе репортера.—Одесскіе фельетонисты.—О безперемонности репортеровъ и хрипкеровъ.—«Минскій Листокъ» о пожалованіи французскаго ордена.—«Прибалтійскій Листокъ» объ эстетическихъ обществахъ. Л. Прозорова</p>	17
<p>III. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. А) КРИТИКА. Лирическія стихотворенія А. Фета.—Всеволодъ Чешихинъ, Стихи.—А. М. Фодоровъ, Стихотворенія.—Р. М. Хипъ, Силуэты.—Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. К. Ушпскаго.</p>	33
<p>Б) БИБЛИОГРАФІЯ. I. Литература и педагогія. II. Общественныя науки. III. Естеств. науки и медицина. IV. Книги для дѣтей.</p>	46
<p>IV. — ПИСЬМО ИЗЪ АНГЛІИ. Лондонскія сцены. Немного статистики.—Снаружи и внутри театра.—довольные и недовольные.—О содержаніи театровъ актерами и театральной цензурѣ.—Критика.—Драма «The Second Mrs. Tanqueray». С. Рыбакова</p>	55
<p>V. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Рѣчь министра юстиціи въ Петрозаводскѣ.—Программа для работъ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ.—Несмысленность судей и судъ присяжныхъ.—Предположеніе о преобразованіи училища правовѣднія.—Правила объ офицерскихъ поединкахъ.—Выкупъ юго-западныхъ, Севастопольской и Двинско-Витебской дорогъ.—Закрытіе фипляндскаго сейма.—«Недѣля» о евреяхъ и терпимости</p>	66
<p>VI. — ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Жизнь Ипп. Тона.—Успѣхи начальнаго образованія въ С.-Петербургѣ.—Л. Н. Толстой о языкѣ «эсперанто».—Правда и ложь въ искусствѣ.—† Н. М. Астыревъ.—† Н. М. Ядринцевъ —† Н. Н. Ге.</p>	83
<p>VII. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Карво и Казиміръ Перье. Л. Полонскаго.</p>	99
<p>VIII. — КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.</p>	
<p>IX. — ОБЪЯВЛЕНІЯ.</p>	

ВЪ ТАТЬЯНИНЪ ДЕНЬ.

(Разсказъ).

«Повѣрьте мнѣ, самый плохой разсказъ
дѣльнѣе самаго отличнаго разсужденія».
(Тургеневъ. «Андрей Колосовъ»).

I.

Двѣнадцатаго января 189*-го года студентъ Власовъ проснулся утромъ въ особенно радостномъ настроеніи духа. Когда онъ открылъ свои голубые, круглые глаза и встрѣтилъ бѣлый, низкій потолокъ своей комнатки, которую уже успѣлъ полюбить, и увидѣлъ красноватый свѣтъ недавно возшедшаго зимняго солнца, проходившій черезъ заиндѣвѣвшія стекла небольшихъ, безъ шторъ, оконъ, онъ почувствовалъ, что онъ не можетъ больше спать, хотя было еще рано.

„Какъ все прекрасно, какъ отлично и весело жить“, — подумалъ онъ прежде всего.

Въ комнатѣ было холодно, такъ что Власовъ увидѣлъ паръ, который шелъ отъ его рта. Но ему было тепло въ нагрѣтой постели, подъ шерстянымъ разноцвѣтнымъ одѣяломъ, связаннымъ ему его матерью, и этотъ свѣжій воздухъ, охватившій его лицо, ему былъ только пріятенъ.

Товарищъ Власова, Иванскій, еще спалъ на своей погнувшейся желѣзной кровати. Онъ громко сопѣлъ изъ подъ полинявшей студенческой шинели. Онъ лежалъ лицомъ къ печкѣ, согнувъ свое громадное тѣло и видны были только его черный, какъ воронье крыло, стриженный затылокъ, да жирная шея.

Власовъ немного приподнялся на постели, посмотрѣлъ на свои никелевые часы, потомъ на товарища и улыбнулся.

„Пусть высыпается, — рѣшилъ онъ, — еще рано. Вчера читалъ до поздней ночи. Ну, какъ-то онъ сегодня поведетъ себя? Охъ, боюсь“ — подумалъ онъ съ тревогой.

Власовъ снова улегея на спину, натянувъ мягкое одѣяло до самаго подбородка.

Его славное, открытое лицо съ ямками на розовыхъ щекахъ и вздернутымъ широкимъ носомъ приняло счастливое, наивное выраженіе. Губы его сложились въ довольную улыбку, глаза блестѣли и во всемъ его видѣ были видны свѣжесть и здоровье и та нетронутость молодости, какая встрѣчается только у чистыхъ, еще не испорченныхъ юношей и какая всегда такъ привлекаетъ къ себѣ.

Глядя на Власова теперь никто бы не сказалъ, что этотъ мальчикъ уже студентъ, преодолѣвшій цѣлую премудрую науку остеологию. Власовъ подложилъ обѣ руки подъ голову, покрытую густыми и мягкими свѣтлыми волосами, и сталъ думать:

„Сегодня Татьянинъ день. Первый въ его жизни. Онъ будетъ праздновать его, какъ студентъ, какъ взрослый. Онъ будетъ обѣдать въ Московской Гостинницѣ, услышитъ все рѣчи, разговоры, увидитъ эти прекрасныя отношенія равенства и свободы, которыя устанавливаются въ этотъ день у профессоровъ со студентами.

„Да, стлично быть студентомъ — еще радостнѣе продолжалъ думать Власовъ, — совѣмъ человѣкомъ себя сознаешь, совѣмъ другимъ сталъ. Крылья точно выросли. Это не то, что въ гимназій, гдѣ учителя кажутся недосыгаемыми существами, гдѣ чувствуешь себя всегда какимъ-то глухимъ, неспособнымъ и маленькимъ передъ ними. А тутъ совѣмъ не то. Иванскій разсказывалъ, какъ сходятся въ Татьяну все и профессора и бывшіе и настоящіе студенты. Какъ всемъ весело, легко и просто. Это, должно быть, удивительно хорошо“.

Власовъ сталъ подробно представлять себѣ то, что онъ сегодня наконецъ самъ увидитъ и испытаетъ, и о чемъ до сихъ поръ только зналъ по разсказамъ да по собственному воображенію.

„Только не надо пить много за обѣдомъ, — рѣшилъ онъ, вспоминая о пьянствѣ, какое, онъ слышалъ, бываетъ въ Татьянинъ день, — выпью тамъ маленько изъ приличія и больше не стану. Вечеромъ въ театр. Посмотрю съ пользой (Власовъ подумалъ именно такъ) Островскаго, потомъ домой и спать. А тамъ опять пойдутъ занятія и правильная жизнь. Отлично. Какъ пріятно учиться, пріобрѣтать все новыя знанія, ксторыя знаешь, что не пустяки, а несомнѣнно, несомнѣнно полезны. Какъ все чудесно... Что же? Вотъ уже полъ года цѣлыхъ прошло. Остается еще 4¹/₂-ой и я врачъ, докторъ — такъ все равно зовутъ врачей — докторъ Власовъ. Вернусь домой въ С., буду имѣть большую практику, буду извѣстенъ всему городу, какъ теперь у насъ отецъ Иванскаго. Какъ это Иванскій сынъ пошелъ на юридическій? Чудакъ. „Охота, говорить, копаться въ мертвечинѣ“. Но что можетъ быть лучше этой науки? Потому можно приносить пользу людямъ, можно имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ

честный и все таки достаточный заработокъ. Лучше дѣла на свѣтѣ нѣтъ“.

И Власовъ сталъ мечтать о той жизни, какую онъ поведетъ, когда кончить куреть.

Бѣдныхъ онъ будетъ лѣчить даромъ, будетъ посѣщать для этого ихъ грязныя квартиры въ подвальныхъ этажахъ, утѣшать ихъ; съ богатыхъ будетъ брать за свой трудъ. Тогда и старый отецъ его можетъ оставить свою канцелярскую службу и хорошенько отдохнуть дома.

Власовъ вспомнилъ свой родной городъ и семью. Онъ перенесся мысленно въ ихъ скромную квартиру въ С—ѣ и ему ужадно захотѣлось увидать ихъ всѣхъ, обнять, поговорить хорошенько. Особенно ярко онъ представлялъ себѣ мать, худую и высокую, съ робкимъ свѣтлымъ взглядомъ и сухими руками, которыя онъ такъ любилъ.

„Когда кончу, — съ чувствомъ сказалъ себѣ Власовъ, — всѣхъ ихъ устрою. Денегъ будетъ пропасть, кромѣ частной практики, будетъ еще и какое нибудь мѣсто, тогда не будемъ нуждаться, какъ теперь иногда, какъ въ прошломъ году, напр., когда нечѣмъ было заплатить за сестеръ въ гимназію“.

Власовъ продолжалъ блаженно улыбаться одинъ съ собой, отдаваясь своимъ мечтаніямъ и надеждамъ. Ему было радостно въ это утро, какъ никогда.

„Какъ все хорошо, какъ отлично!“ — повторялъ безпрестанно въ его душѣ какой-то голосъ, — какъ онъ любить всѣхъ своихъ, да и вообще всѣхъ и все на свѣтѣ и Иванскаго и профессоровъ и университетъ и науку.

Власову вдругъ захотѣлось взбрыкнуть ногами, вообще выкинуть что-нибудь. Но онъ только велухъ усмѣхнулся своему желанію и продолжалъ лежать. Отъ его смѣха тѣло Иванскаго грузно зашевелилось и съ мычаніемъ повернулось на другой бокъ. Власовъ подумалъ, что онъ просыпается, но когда замѣтилъ, что черная голова опять спряталась подъ шинель, онъ махнулъ рукой и сталъ опять думать съ собой.

Онъ посмотрѣлъ на человѣческій черепъ, лежавшій на столѣ около окна, и на свои новыя, недавно купленныя книги. Эти вещи послѣднее время очень радовали его. Онѣ пріятно напоминали дѣйствительность и показывали, что всѣ его мысли о будущемъ не были однѣми мечтами, а уже начали осуществляться въ самой его жизни.

Вонъ анатомія Зернова, физика Гано, химія Кольбэ, вонъ кости подъ столомъ со своимъ ѣдымъ запахомъ... Вотъ виситъ на гвоздикѣ позвоночникъ скелета, похожій на связку баранокъ. Все это не мечта, а дѣйствительность, основа къ его будущимъ знаніямъ и извѣстности. Власовъ сталъ припоминать разныя латинскія названія бугорковъ и канальчиковъ на височной кости черепа. Онъ все помнилъ отчетливо и это еще прибавило ему радости.

Ему стало такъ весело, что теперь ему показалось уже необходимымъ взбрыкнуть ногами. Онъ согнулъ колѣнки подъ одѣяломъ и высоко надъ головой приподнял его на пяткахъ. Но тутъ онъ почему-то вспомнилъ пѣню: „Что такъ задумчива, что такъ печальна“, которую дома пѣли въ два голоса его сестры и принявъ опять лежачее положеніе, онъ со вкусомъ въ полголоса сталъ напѣвать ее.

Между тѣмъ въ комнатѣ стало свѣтлѣе. Солнце за окнами поднялось выше и переплеты новыхъ книгъ и черепъ на столѣ съ одной стороны освѣтились и блестѣли, какъ покрытые лакомъ. Пора была вставать. День предстоялъ интересный, разнообразный и Власовъ рѣшилъ одѣваться и будить товарища.

Но нечаянно ему попалось на глаза лежавшее на полкѣ письмо, на дняхъ полученное имъ отъ матери, и ему захотѣлось еще перечесть его, теперь уже въ третій разъ. Онъ досталъ конвертъ, сначала прочелъ адресъ, потомъ съ любовью вынулъ тонкую почтовую бумажку, исписанную въ разныхъ направленіяхъ блѣднымъ почеркомъ его матери, и медленно сталъ читать. Въ письмѣ подробно описывалась вся ихъ семейная жизнь. Потомъ слѣдовали разныя материнскія заботы. Власовъ все это уже зналъ чуть ли наизусть, но ему пріятно было еще лишній разъ перенестись въ эту дорогую ему среду.

Все тамъ по старому; все также его любятъ и часто вспоминаютъ о немъ. Мать продолжаетъ видѣть въ немъ какія-то особенныя способности и надѣяться, что изъ него выйдетъ необыкновенный человѣкъ. Она каждый день молится за него, почти о немъ одномъ только и думаетъ. Отецъ тоже вѣритъ въ его силы.

„Я и добьюсь, и добьюсь толка—рѣшилъ Власовъ, кончивъ письмо и бережно вкладывая его назадъ въ конвертъ—чего бы мнѣ это не стоило. Я и буду хорошимъ врачомъ, хорошимъ человѣкомъ, а можетъ быть даже и знамени“...

Но ему вдругъ страшно стало доканчивать эту самонадѣянную мысль и онъ круто оборвалъ ее на послѣднемъ словѣ. Онъ приподнялся на кровати и сталъ разглядывать свою красную крѣпкую руку и розовые ногти на пальцахъ. Потомъ обѣими ладонями онъ потеръ свои упругія щеки. Ему стало пріятно ощущать себя такимъ сильнымъ и здоровымъ. Онъ напрягъ мускулъ правой руки и сталъ ощупывать его.

„Ничего себѣ, хватить про меня, — подумалъ онъ самодовольно, поминая лѣвой рукой круглый и твердый, какъ кость, мускулъ—больше не нужно“.

— Васька, Василій Васильевичъ,—неожиданно закричалъ онъ во все горло, ногами подкинувъ одѣяло такъ, что оно перелетѣло черезъ задокъ кровати — вставать пора, эй просыпайся...

Громадный Иванскій опять заворочался, такъ что ножки кровати

покривились теперь почти до пола. Онъ медленно выпросталъ здоровенную воловсатую руку изъ подъ шинели и, повернувшись къ Власову, лѣниво открылъ свои заспанные глаза. Его большое лицо съ козлиной бородой, очень длиннымъ носомъ и опущенными книзу концами рта теперь болѣе, чѣмъ обыкновенно, выражало какое-то вѣчное разочарованіе и уныніе.

— Ну что тебѣ? спросилъ онъ недовольнымъ хриплымъ басомъ. — Чего ты орешь, какъ полоумный?

— Вставай, братъ, вставай — засмѣялся Власовъ, — виче, знаешь что, — Татьяна.

— Мнѣ то какое дѣло — замычалъ Иванскій — ну, Татьяна. Охъ чортъ, холодъ-то у насъ какой.

Онъ опять зажмурилъ глаза и хотѣлъ еще спать. Но, почувствовавъ должно быть, что выспался, черезъ нѣсколько секундъ громко кашлянулъ и сѣлъ на постели, поправивъ за спиной подушку.

— А ну-ка, голубчикъ, — съ улыбкой обратился онъ къ Власову, — дай мнѣ папирески мои, вонъ на столѣ около тебя.

Иванскій закурилъ толстую папиреску. Онъ нѣсколько разъ сильно затянулся, потомъ взглянулъ на Власова и сказалъ:

— Такъ, Татьяна, значить — дождался таки ты. А?

— Да — отвѣтилъ Власовъ.

— Любопытно, любопытно, братъ, — заговорилъ Иванскій, моргая узкими глазами и обѣими руками распутывая свою длинную бороду, — много можно увидеть всякой всячины. Я тебѣ, впрочемъ, уже рассказывалъ. Главное хорошо равенство тутъ, вотъ что. Все равны.

Иванскій помолчалъ. Потомъ, вспоминая что-то, продолжалъ:

— Вотъ вечеромъ недурно бываетъ за городомъ. Тутъ ужъ душа на распашку. Дѣло идетъ по настоящему. Рѣчи какія, откровенность — страсть. Въ прошломъ году, помню, Зѣвако, знаешь этотъ извѣстный, таеъ рѣчь держалъ студентамъ съ бассейна. Разгорячился, что-ли, да какъ вырветъ туда къ стерлядямъ — потѣха. Какой-то студіозъ ужъ его оттуда чуть ли не за носъ выудилъ, а то захлебывается бѣдняга, никакъ на ноги не встанетъ. Стерлядину то всю перепугалъ...

Иванскій говорилъ все это не торопясь и хотя съ улыбкой, но все съ тѣмъ-же вѣчнымъ своимъ выраженіемъ унынія на лицѣ. Власовъ весело слушалъ. Онъ зналъ, что Иванскій, какъ всегда, преувеличиваетъ, но не хотѣлъ останавливать его.

— Потомъ, какъ вылѣзъ оттуда, — продолжалъ Иванскій, — мокрый, какъ мышъ, дрожитъ весь, сѣлъ тутъ къ столику, принесли ему шампанскаго, суютъ со всехъ сторонъ, тащутъ въ кабинетъ переодѣваться; мундиры снимали студенты, предлагаютъ, а онъ посидѣлъ, посидѣлъ, посмотрѣлъ на насъ, да какъ разрешется, какъ зарыдастъ, просто, знаешь, ужасъ, даже жалко его стало, бѣднаго“.

Иванскій сдѣлалъ серьезное лицо.

— Неужели это правда? невольно спросилъ Власовъ.

— Правда, братъ, истинная, самъ видѣлъ. Это непріятное осталось впечатлѣніе. Ну, да не все такъ. Много и хорошаго. Особенно говорю это равенство... Все-таки за городъ надо будетъ съѣздить вечеркомъ, хоть посмотрѣть — добавилъ Иванскій, немного помолчавъ, — а твои какіе сегодня планы?

— Да какъ рѣшилъ, отвѣтилъ Власовъ. — Послѣ акта буду обѣдать съ вами въ Московской. Пить буду поменьше, такъ только для виду, вечеромъ въ театръ, у меня ужъ и билетъ взятъ. А тамъ домой спать.

— Такъ, кратко отозвался Иванскій и крѣпко затаившись, замолчалъ.

II.

Иванскій былъ на нѣсколько лѣтъ старше Власова и годами и университетомъ. Они жили вмѣстѣ, потому что были земляки и знали другъ друга съ дѣтства. Вмѣстѣ устроиться имъ было и дешевле и веселѣе. Они были родомъ изъ одного города, гдѣ жили ихъ семьи, тоже между собой давно знакомыя, учились въ одной гимназій и давно привыкли другъ къ другу.

Родители Власова были рады устроить сына съ Иванскимъ, все-таки человѣкомъ знакомымъ. Хотя они и не слишкомъ довѣряли ему, зная его за легкомысленнаго и довольно ограниченнаго малаго, однако, они вполне полагались на то, что Иванскій не будетъ завлекать Власова въ разные кутежи, къ которымъ онъ самъ былъ склоненъ. Когда Иванскій уѣзжалъ въ Москву, онъ общалъ имъ это, а они просили его наблюдать за сыномъ и въ случаѣ чего помочь ему.

И, дѣйствительно, Иванскій вполне добросовѣстно и даже трогательно относился къ своему сожителю. Онъ заботился о немъ, всегда спрашивалъ, когда замѣчалъ въ немъ какую-нибудь печаль и не только не завлекалъ Власова въ попойки, но самъ почему-то совѣмъ оставилъ ихъ и вопреки своимъ прежнимъ привычкамъ и жизни, велъ себя всю осень тихо, сидѣлъ больше дома и цѣлыми днями читалъ. Разъ только онъ прорвался и пришелъ откуда-то домой въ свирѣпомъ и мрачномъ духѣ, но за то на слѣдующій день искренно раскаивался и долго зарекался Власову на вѣки оставить пьянство. Онъ просилъ у него прощенія за то, что наканунѣ наговорилъ ему безъ всякой причины грубостей и съ этого дня сталъ еще смиреннѣе.

Власовъ совѣмъ не зналъ, чему приписать такую перемену въ товарищѣ. Ему и въ голову не могло придти, что это было его вліяніе. Онъ зналъ, что Иванскій первые года университета былъ извѣстенъ всѣмъ за отчаяннаго кутиду, теперь-же онъ совѣмъ преобразился. Власовъ не

могъ не радоваться на это и еще сильнѣе привязался къ Василю Васильевичу.

Они жили дружно и дѣльно. Иванскій занимался много и читалъ, Власовъ бѣгалъ на лекціи, цѣлыми часами сидѣлъ въ анатомическомъ музеѣ и библіотекѣ. Дома они бесѣдовали, вспоминали про свою жизнь въ С—ѣ и благодумствовали за самоваромъ, который Иванскій обыкновенно допивалъ до послѣдней капли.

Но въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу все-таки была разница, происходившая отъ неодинаковости ихъ возрастовъ и характеровъ.

Иванскій былъ человѣкомъ скрытнымъ, про себя говорилъ мало и неохотно. Власовъ, напротивъ, всегда откровенничалъ и ничто такъ не любилъ, какъ выворачивать передъ близкими людьми всю свою душу. Иванскому было уже 25 лѣтъ, Власову только—18. Иванскій былъ уже вполне взрослымъ мужчиной, на видъ гораздо старше своихъ лѣтъ, пожившимъ и все испытавшимъ; Власовъ передъ нимъ казался мальчикомъ. Иванскій давно зналъ женщинъ и онѣ успѣли ему „надоѣсть“, какъ онъ самъ выражался. Власовъ боялся думать о нихъ и безсознательно берегся отъ всего, могущаго соблазнить его. Поэтому онъ не ходилъ къ товарищамъ, опаснымъ для него въ этомъ отношеніи, и старался не пить. Ему было хорошо, радостно жить и онъ боялся испортить себѣ это счастливое настроеніе.

Когда его тревожили похотливыя желанія, которыя за послѣдній годъ стали чаще приходиться ему въ голову, онъ пугался ихъ и сейчасъ-же отгонялъ отъ себя, стараясь развлечься чѣмъ-нибудь другимъ. Пока ему это легко удавалось.

Иванскій продолжалъ лежать и молча курить свои толстыя „пушки“. Онъ думалъ о Власовѣ и вспоминалъ себя, какимъ онъ былъ въ его возрастѣ въ послѣднемъ классѣ гимназіи. Онъ вспомнилъ свое тогдашнее настроеніе, свою чистоту и ему сдѣлалось грустно.

Что случилось съ нимъ за эти три года? Какая громадная перемена. Нѣтъ ни того веселья, ни бодрости. Впереди темно и скучно. Пошлая карьера юриста, пошлая жизнь, и надеждъ никакихъ ни на что свѣтлое.

Иванскій почувствовалъ себя въ особенно уныломъ настроеніи. Концы его рта опустились еще ниже.

„И чего я читаю теперь съ утра до вечера?—подумалъ онъ мрачно, взглянувъ на книжку Спенсера на стулѣ около себя,—читаешь, читаешь и „занимаешься“ называется, да еще наизусть заучиваешь мѣста—къ чему это все нужно? Тоска!“

Иванскій опять вспомнилъ прошлогоднюю Татьяну.

„Нахлестаться развѣ? пришло ему въ голову.—Тоже хорошаго мало. Скверно, ужасно все скверно.

Онъ сталъ сильно моргать своими глазками.

— Такъ ты все-таки собираешься за городъ? спросилъ въ это время Власовъ, уже совсѣмъ одѣтый.

— Не знаю, братъ, подумаю тамъ, тебѣ во всякомъ случаѣ не совѣтую, а я не знаю. Что то скучновато какъ-то послѣдніе дни, надо признаться тебѣ; пожалуй, хорошо маленько развлечься. А то читаешь, читаешь, огалтѣль совсѣмъ. И вся эта ахиня, вѣдь, никакому чорту не нужна. Вотъ въ чемъ пакость-то.

Иванскій любилъ крѣпко выражаться и зналъ цѣлую кучу странныхъ и пошлыхъ въ то-же время словъ, вродѣ „огалтѣль“, „ахиня“ и т. д., которыми пересыпалъ все свои рѣчи.

— Однако, ты невеселъ сегодня, сказалъ Власовъ съ огорченіемъ, но улыбаясь. — Вставай-ка лучше, да чайку выпьемъ, — добавилъ онъ весело, подойдя къ двери и кликнувъ слугу.

Черезъ нѣсколько минутъ корридорный лакей меблированныхъ комнатъ, по прозванію „Зайчикъ“, маленькій юркій человѣчекъ, съ сморщеннымъ безволосымъ лицомъ, въ засаленномъ сюртукѣ, надѣтомъ на кумачную рубаху, стремительно внесъ, какъ дѣлалъ каждое утро, сначала кипящій самоварчикъ на подносѣ, потомъ два свѣжихъ калача на тарелкѣ и новенькій номеръ „Русскихъ Вѣдомостей“.

— Добраго утра, господа, проговорилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, — съ праздникомъ васъ.

— Спасибо, Зайчикъ, сказалъ Иванскій.

— А тамъ ужъ на актъ ушли изъ 15-го номера, такъ-же быстро и торопливо, какъ двигался, сказалъ Зайчикъ, — долго изволите почивать очень, господа, — одиннадцатый часъ.

Зайчикъ вынырнулъ изъ комнаты. Иванскій съ Власовымъ напились чаю, просмотрѣли газету и, одѣвшись, вышли вмѣстѣ на улицу.

III.

Власовъ былъ на актѣ въ университетѣ, потомъ обѣдалъ въ Московскомъ трактирѣ. Онъ увидѣлъ, наконецъ, и слышалъ все, о чемъ мечталъ. Говорились рѣчи, теплыя слова, велись душевные разговоры. Много было выпито за процвѣтаніе студенчества и университета, профессоръ и науки.

Нѣкоторые профессора совсѣмъ очаровали Власова своимъ отношеніемъ къ студентамъ. Одинъ, напримѣръ, всемъ пожималъ руки и говорилъ самыя сердечныя пожеланія. Другой велъ себя такъ просто, что въ немъ даже нельзя было заподозрить профессора. Третій сказалъ прекрасную, хотя короткую рѣчь о значеніи знанія и въ связи съ этимъ о значеніи студенчества и университета.

„Да, правда, свобода полная и равенство — подумалъ Власовъ,

выйдя часовъ въ 7 вечера изъ Московской гостиницы на улицу, — это очень хорошо“.

Онъ былъ доволенъ. Главное, радовало его, что и онъ, наконецъ, присутствовалъ, какъ взрослый, какъ равный на этомъ праздникѣ въ средѣ людей самыхъ образованныхъ и просвѣщенныхъ.

Власовъ и собой остался доволенъ. Онъ, какъ хотѣлъ, выпилъ за обѣдомъ немного и чувствовалъ себя теперь вполне трезвымъ и бодрымъ. Разъ благополучно прошелъ обѣдъ, самая опасная для него, какъ онъ почему-то думалъ, часть дня, теперь вечеръ онъ проведетъ отлично.

„Бокалъ шампанскаго, — сталъ считать Власовъ, быстрыми шагами направляясь вверхъ по Тверской, — полъ стакана пива, даже меньше, четверть рюмки рябиновки, — нельзя было отказаться, — всего немного, ничего. Все отлично“. И Власовъ опять почувствовалъ ту радость, которую испытывалъ утромъ. На улицѣ было удивительно тихо и пріятно, послѣ шума и гвалта за обѣдомъ.

Морозъ подбадривалъ и пощипывалъ немного за уши. По мостовой беззвучно проѣзжали санки, по тротуарамъ двигались прохожіе съ дѣловымъ видомъ, зеркальныя окна магазиновъ были ярко освѣщены.

„Зайду домой на минутку, рѣшилъ Власовъ, — спрошу, нѣтъ-ли пишемъ изъ дому, потомъ въ театръ, а завтра опять заниматься — надо Ньютоновскіе законы хорошенько зазубрить, и пойдетъ жизнь отлично. Учиться и учить“.

Власовъ вспомнилъ объ Иванскомъ. Онъ за обѣдомъ многопилъ. Власовъ замѣтилъ это и теперь это стало его тревожить.

„Что-то разошелея ужъ очень — подумалъ Власовъ, — началъ рѣчь какую-то, красный весь едѣлаея, впрочемъ сказалъ сейчасъ, что послѣ обѣда вернется прямо домой. Дай Богъ, дай Богъ“.

И Власовъ хотѣлъ на этомъ утѣшиться. Но почему-то ему казалось, что Иванскій непременно напьется сегодня и надѣлаея глушостей. Въ такомъ ужъ онъ былъ духъ съ утра — и эта мысль теперь не давала Власову покоя.

Въ это время ему встрѣтилось нѣсколько студентовъ, которые быстро шли куда-то, о чемъ-то горячо совѣщаясь. Власовъ взглянулъ на нихъ. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который говорилъ, былъ ему по виду знакомый. Онъ повторялъ, что что-то „обязательно нужно“, „обязательно нужно“ и Власовъ замѣтилъ, что студентъ былъ сильно на веселѣ. Глаза его блестяли и въ выраженіи лица было что-то звѣрское. Власову стало не пріятно.

„Пьянствуютъ, пьянствуютъ, — подумалъ онъ съ грустью — какъ это нехорошо“. И опять ему вспомнился Иванскій.

„Вѣдь, вотъ не было-бы Татьяны, — началъ онъ разсуждать, — пожалуй и зпль-бы себѣ мой Василій Васильевичъ все также смирно. А сегодня

не выдержать, да уже пустился, я сразу замѣтилъ. Какая досада. Неужели нельзя безъ всего этого? И, главное, пріятнаго-то ничего нѣтъ въ этой водкѣ хоть“.

Власовъ почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе. Все-таки чего-то лучшаго онъ ожидалъ отъ Татьяны. И обѣдъ какъ будто не совсѣмъ удался, точно чего-то не хватало. Ему вспомнился одинъ жалкій студентъ, котораго онъ только-что видѣлъ на лѣстницѣ, выходя изъ Московской гостиницы. Онъ стоялъ, прислонившись къ периламъ, блѣдный, какъ полотно, съ закаченными кверху мутными глазами и что-то безсвязно бормоталъ. На коврѣ передъ нимъ была какая-то красная лужа. Власовъ сначала подумалъ, что это кровь, но, подойдя ближе, замѣтилъ, что это было красное вино съ неперевавленными кусками селедки.

„Какъ это противно, — подумалъ Власовъ. — А тотъ большой съ длинной бородой, который упалъ со стула и расшибъ себѣ лобъ—вспомнилъ онъ другого, сильно подгуляващаго студента,—какое безобразіе“.

И отъ этихъ впечатлѣній, воскресшихъ теперь передъ нимъ, подъ влияніемъ тревоги объ Иванскомъ, весь студенческой праздникъ освѣтился для Власова съ темной стороны.

И что тамъ много пьютъ и что говорятъ много пустаго и лишняго и даже то, что нарочно бьютъ ни въ чемъ неповинную посуду — все вдругъ показалось ему чѣмъ-то не нужнымъ, лишнимъ.

Но ему стало жалко разрушать созданное раньше въ воображеніи свѣтлое представленіе о „Татьянѣ“ и онъ опять нарочно припомнилъ милаго профессора, который ему такъ понравился.

„Ну, да это отъ тебя зависитъ, пить или не пить,—подумалъ онъ себѣ въ утѣшеніе,—сами они виноваты, кто не знаетъ мѣры, а все-таки хорошо все въ общемъ; какъ цѣловались, напр., тѣ два господина, которые не видались десять лѣтъ, — видна искренняя радость, какъ умно говорилъ въ началѣ Береженко; студенты столпились у дверей большой залы, чтобы слушать его, нѣтъ сходятся все, сближаются; „свобода и равенство“ — повторилъ Власовъ слова Иванскаго, которыя все приходили ему почему-то въ голову.

Власовъ незамѣтно дошелъ до своихъ меблированныхъ комнатъ. Морозный воздухъ его вполне освѣжилъ и радостный онъ воѣжалъ по узкой лѣстницѣ. Въ полутемномъ коридорѣ ему встрѣтился Зайчикъ.

— Что, мнѣ писемъ нѣтъ? весело спросилъ Власовъ.

— Нѣтъ, нѣту.

— А почтальонъ былъ ужъ?

— Былъ, да писемъ-то вамъ нѣту.

— Жалко, огорчился Власовъ.

Но сейчасъ-же опять онъ пришелъ въ свое прежнее оживленное настроеніе.

— Ну, а ты какъ поживаешь? обратился онъ игриво къ Зайчику.

— По-маленьку живемъ. Что откушали, поприрадовали?

— Да, братъ, въ театрѣ вотъ бѣгу, „Лѣсъ“ смотрѣть.

— Лѣсъ? проговорилъ Зайчикъ, весь просіявши — хорошая комедія-съ — Островскаго. Я видѣлъ, съ поваромъ нашимъ смотрѣли, онъ страшный любитель. Счастливецъ ужъ очень въ „Лѣсъ“ хорошъ. Я смѣялся ужасно...

И сморщенное лицо Зайчика еще больше съежилось въ уморительную гримасу.

— Давно ты это смотрѣлъ?—спросилъ Власовъ, улыбаясь.

— Да еще въ прошлый сезонъ.

Власовъ заемѣлся и побѣждалъ въ театрѣ.

IV.

Послѣ Островскаго въ театрѣ долженъ былъ идти маленькій водевиль. Власовъ хотѣлъ и его посмотреть. Въ антрактѣ, такъ какъ его мучила жажда отъ непривычнаго ему вина и вкуснаго обѣда, онъ пошелъ въ буфетъ, чтобы выпить своей любимой грушевой воды, на которую онъ рѣшилъ израсходовать еще двугривенный, уже послѣдній въ этотъ день. Онъ сказалъ себѣ, что домой онъ пойдетъ иѣшкомъ.

Онъ сошелъ внизъ по нѣсколькимъ каменнымъ лѣстницамъ, потомъ поворотилъ на лѣво, за двумя нарядными дамами, которыя, вынимая на ходу папиросы изъ портегаровъ, очевидно, шли курить.

Власовъ вошелъ за ними въ душный, полный табачнаго дыма и народа буфетъ и подошелъ къ прилавку.

— Дайте, пожалуйста, бутылку грушевой воды, — спросилъ онъ учтиво суетившагося, потнаго буфетчика, который откупоривалъ въ азартъ одну бутылку за другой столпившимся около него мужчинамъ.

— Одну бутылку грушевой — важно, на всю комнату, командовалъ своему помощнику голосъ буфетчика. Власова смутило, что его желанія такъ всенародно выкрикиваются и онъ покраснѣлъ. Какой-то господинъ съ рыжими бакенбардами покосился на него и снисходительно улыбулся.

— Кому грушевой? Пожалуйста, готова-съ, — проговорилъ буфетчикъ, вполнѣ упоенный своею дѣятельностью. Онъ сталъ наливать шишучую водичку въ толстую граненую кружку. Власовъ робко приблизился къ столу и прежде, чѣмъ пить, заплатилъ деньги. Потомъ онъ нерѣшительно взялся за ручку кружки.

Въ это время въ двери буфета съ шумомъ вломилаь, очевидно, подгулявшая компанія студентовъ. Они громко заразъ говорили и одинъ голосъ грустнымъ басомъ громче всѣхъ повторялъ: „пропалъ, пропалъ, каналья; а больше негдѣ ему быть, какъ здѣсь“.

Власовъ узналъ Иванскаго. У него упало сердце. — Спрятаться, убѣжать, провалиться-бы куда-нибудь — первое, что пришло ему въ голову. Но было уже поздно.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! — дико закричалъ Иванскій, узнавъ товарища, — я вамъ что говорилъ, — въ буфетѣ спрятался. *А? Каналья ты этакая, Петрушка, голубчикъ...

Власовъ никакъ не ожидалъ этого. Онъ почувствовалъ, точно сейчасъ заберутъ его, едѣлаютъ надъ нимъ что-то, что онъ попался. У него застучало въ вискахъ и блѣдный, онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ, точно не понимая. Иванскій былъ сильно пьянъ и порядочно пошатывался. Власовъ никогда не видалъ его въ такомъ видѣ. Сюртукъ его былъ растегнутъ на все пуговицы, глаза совсѣмъ спрятались куда-то, ротъ расползался въ стороны и лицо съ длиннымъ носомъ, который висѣлъ теперь какимъ-то вялымъ, лишнимъ кускомъ, имѣло совершенно безмысленное, остановившееся выраженіе.

— Ты не думай, что я пьянъ, — продолжалъ Иванскій, — ну, хлебнулъ малость — вѣрно; а за тобой заѣхали на тройкахъ звать. Ёдешь что ли? Ты не думай, что завеземъ тебя куда нибудь въ непотребное мѣсто. Самъ прогоню домой. А такъ прокатиться. Согласенъ? Ты не думай, что я...

— Да я ничего не думаю, — наконецъ проговорилъ Власовъ, переводя духъ, — не кричи ты такъ на всю комнату, — неловко.

— Неловко? повторилъ Иванскій, — да ты знаешь ли, что ловко? — и онъ нарочно сталъ кричать еще громче. — Скажи пожалуйста? Спрятался и грушевую воду пить свою. Господи, Аллахъ всемогущій! Грушевую воду пить, каналья онъ этакая!...

Власовъ не зналъ, куда дѣваться. Иванскій былъ совершенно неприличенъ и на нихъ все смотрѣли; но, къ счастью, въ это время прозвенѣлъ звонокъ къ началу водевиля и буфетъ сталъ пустѣть.

За Иванскимъ подошли къ Власову и остальные студенты, нѣкоторые ему знакомые. Во главѣ всехъ былъ князь Т., высокій, стройный малый съ смуглымъ, сухимъ лицомъ. Власовъ только недавно познакомился съ нимъ въ университетѣ и онъ тогда понравился ему.

Князь подошелъ къ Власову и поздоровался.

— Вашъ другъ немного веселъ, — проговорилъ онъ учтиво, — но это пройдетъ. Вы не смущайтесь.

— Посидѣлъ бы ты вонъ на стулѣ — обратился онъ къ Иванскому.

— Мы заѣхали за вами, предложить прокатиться на тройкахъ. Вотъ онъ безъ васъ самъ отказывается ѣхать. Вы согласны?

— Согласенъ — заревѣлъ Иванскій, — что ты съ нимъ, братъ, разводишь.

— Погоди, прервалъ его князь, — сядь лучше, говорю.

Иванскій замолчалъ и послушавшись, прошелъ къ мраморному столику, около котораго грузно опустился на стулъ. Голова его сейчасъ же безсильно повисла на грудь и глаза закрылись.

— Пойдемте, — продолжалъ мягко князь, взявъ Власова за руку — не правда ли, вы согласны?

— Благодарю, — отозвался Власовъ, — но сейчасъ вѣдь начнется представленію и кромѣ того, я хотѣлъ вернуться пораньше домой.

Власовъ совсѣмъ не приготовился къ этому неожиданному приглашенію и не зналъ, что отвѣчать. Онъ покраснѣлъ до ушей и неловко поставилъ на прилавокъ свою грушевую воду.

Князь познакомилъ Власова съ тѣми изъ студентовъ, кого онъ не зналъ. Всѣ въ одинъ голосъ стали дружно уговаривать его ѣхать.

— Охота вамъ водевилъ смотрѣть, — говорилъ одинъ изъ нихъ, — какая-нибудь дрянь, не лучше ли проѣхаться? Какая погода славная — прелесть.

— Домой успѣете вернуться, — говорилъ другой, — теперь еще не поздно.

— Ыдетъ, ѣдетъ, — сказалъ третій, — я вижу, онъ малый покладистый, не разстроитъ компаніи.

Эти веселые, ласковые голоса, просьбы, собственное желаніе прокатиться на тройкахъ, — все это ошеломило Власова.

Какъ же было ему теперь отказаться? Онъ не видѣлъ возможности. Онъ бы разстроилъ этимъ все ихъ веселье, показалъ бы себя плохимъ товарищемъ и студентомъ. Кромѣ того, онъ не видалъ пока ничего дурнаго въ томъ, чтобы проѣхаться и онъ согласился.

— Вотъ благодарю васъ, — сказалъ князь, — вотъ это мило съ вашей стороны, — ну, господа, обратился онъ къ студентамъ, — по рюмкѣ водки передъ отъѣздомъ.

— Вѣрно, вѣрно, — сказалъ одинъ изъ студентовъ, — правильно, да и ѣхать пора.

Всѣ столпились въ кучу около прилавка. Одинъ Иванскій все сидѣлъ около столика и продолжалъ дремать, покачивая головой.

— За ваше здоровье, — сказалъ князь, взявъ налитую рюмку, а другую пододвигая Власову — и за процвѣтаніе вашей науки медицины.

Власовъ хотѣлъ сказать, что онъ не пьетъ, что уже выпилъ довольно за день, что онъ очень благодаренъ, но вмѣсто этого онъ безсмысленно улыбнулся и взялся за рюмку.

Всѣ выпили. Власовъ минуту постоялъ въ нерѣшительности, но, боясь отстать отъ другихъ, тоже опрокинулъ водку себѣ въ ротъ залпомъ, какъ это сдѣлалъ князь.

„Что я, маленькій что ли? подумалъ онъ съ напускнымъ молодечествомъ, — не могу даже водки выпить“?

Онъ не закашлялся на этотъ разъ, какъ за обѣдомъ отъ рябиновки, потому что уже понялъ теперь, что надо закрывать сейчасъ же ротъ и помолчать немного послѣ того, какъ выпьешь. Онъ даже не сталъ ничѣмъ закусывать.

— Однако раскисъ нашъ Василій Васильевичъ, сказалъ князь, прожевывая бутербродъ съ икрой и глядя на Иванскаго, — давно, впрочемъ, онъ уже не куралѣнлъ.

Въ это время Иванскій, должно быть, совсѣмъ заснувъ, всѣмъ тѣломъ пошатнулся впередъ и грузно повалился на полъ. Студенты громко расхохотались. Власову стало неприятно. Сердце его на мгновеніе больно сжалось, но онъ тоже сталъ улыбаться и смѣяться вмѣстѣ съ другими. Иванскій упалъ на руки и сейчасъ же поднялся. Онъ робко посмотрѣлъ на всѣхъ и сталъ слабо и сконфуженно улыбаться.

— Задремалъ, проговорилъ онъ, вяло отряхивая пыль съ колѣней. — Что же, ѣдемъ?

— Ёдемъ, ёдемъ, — бойко проговорилъ князь — надо еще по рюмкѣ водки на дорогу и тронемся. Господа, пожалуйста, кто съ Власовымъ на вы — пейте брудершафтъ, а я начну. Хотите? спросилъ онъ Власова.

— Отчего же...

Иванскій, молча глядя, какъ князь съ Власовымъ, скрестивъ руки, пили на „ты“, сталъ медленно застегивать пуговицы своего мундира. Онъ очевидно хотѣлъ придти въ аккуратный видъ и по выраженію его лица было видно, что онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы казаться трезвымъ.

Послѣ брудершафта всѣ студенты гурьбой пошли изъ буфета. Иванскій же, который все это время стоялъ на мѣстѣ и никакъ не могъ застегнуть своей верхней пуговицы, вдругъ, вмѣсто того, чтобы идти со всѣми, вернулся къ своему стулу и опять сѣлъ, свѣсивъ голову.

— Ты что же это? спросилъ князь, замѣтивъ это и вернувшись къ нему назадъ, — ну, ну подымайся.

— Подниматься? повторилъ безсмысленно Иванскій, моргая сонными глазами.

Студенты, остановившіеся въ дверяхъ, опять всѣ громко засмѣялись.

— Мы безъ тебя уѣдемъ, — сказалъ князь, — право — совсѣмъ пришелъ было въ себя п...

— Въ себя? А въ тебя? А? Что ты на это скажешь?

И Иванскій опять улыбнулся робко и сконфуженно. Потомъ, сдѣлавъ усиліе и крикнувъ, онъ всталъ на ноги. Нѣсколько человекъ изъ публики, докуривая папироски, и буфетчикъ, съ улыбкой, смотрѣли на него.

— Помни, братъ, — началъ Иванскій, грозя князю указательнымъ пальцемъ, — помни, понимаешь, помни: нѣтъ той политической алхиміи, посредствомъ которой можно было бы создать изъ свинцовыхъ инстинктовъ

золотое „поведеніе“—понялъ? Золотое поведеніе. Онъ проговорилъ все это съ большимъ чувствомъ.

— Что, что онъ говорить тамъ? заемѣлись студенты.

Иванскій съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ, потомъ повторилъ всю фразу сначала: „нѣтъ той политической алхиміи“ и т. д.

— Это изъ Спенсера, сказалъ Власовъ, смущенно улыбаясь:—онъ все читалъ его и заучивалъ кое-что наизусть что ему нравилось.

— Вотъ умница — ласково проговорилъ Иванскій, — вотъ Петруша умница, а вы все что? Вы разве понимаете какого-нибудь чорта? Неучи все, негодяи. Понимаете вы? Негодяи и больше никакихъ.

Иванскій вдругъ сдѣлалъ свирѣпое лицо. Онъ опустилъ голову, наступилъ брови и сжалъ кулаки, точно хотѣлъ наступать на кого-то.

— Пожалуйета ужъ по пугай насъ, — сказалъ князь съ шутливой строгостью, — а вотъ задерживася ты насъ напрасно.

Иванскій хотѣлъ еще что-то сказать, но промывавъ что-то себѣ поднось, поднялъ голову и лицо его опять приняло добродушно-слабое и разочарованное выраженіе.

— Ыдемъ, — сказалъ онъ кратко:—чортъ съ вами.

Студенты вышли изъ театра. Къ подъѣзду, около котораго прохаживалось нѣсколько полицейскихъ, подкатили двѣ тройки. Компания разбилась на двѣ части и шумно стала размѣщаться. Князь съ двумя своими ближайшими пріятелями и Власовымъ сѣли въ однихъ саняхъ, Иванскій съ остальными—въ другихъ.

Веселые ямщики въ высокихъ круглыхъ шапкахъ и синихъ кафтаныхъ, подпоясанные красными кушаками, тронули лошадей и бубенчики зазвенѣли. Вольшія ковровыя сани закачались и, выѣхавъ изъ ряда извозничьихъ санокъ, понеслись внизъ по просторной улицѣ. Погода была, какъ днемъ, тихая съ сѣроватымъ небомъ, но морозило покрѣпче.

Князь, стоя въ передней тройкѣ, заиѣлъ:

«Gaudeamus igitur...»

Все подхватили. Власовъ тоже сталъ пѣть, хотя плохо еще зналъ слова этой студенческой пѣсни.

Ему было удивительно весело на душѣ и легко. Ему хотѣлось кричать, суетиться и все дальше и дальше летѣть на этихъ прекрасныхъ тройкахъ. Онъ тоже всталъ въ саняхъ и пѣлъ, самъ не зная что. Онъ влюбленно смотрѣлъ то на лицо князя, то на сытыхъ прістѣжныхъ, которыя, подбадриваемыя пѣснью и криками ямщиковъ, забрала все сильнѣе, кидая имъ въ лицо изъ подъ копытъ желтые комья городского снѣга.

Иванскій басомъ ревѣлъ сзади:

«Vivant omnes virgines
Faciles, formosae...

„Вотъ за водку я не заплатилъ,—подумалъ Власовъ, Богъ знаетъ почему,—надо будетъ отлатъ ему“.

— Сколько я вамъ долженъ? спросилъ онъ князя,—вы расплачивались тамъ въ буфетъ.

Но ему тотчасъ же стало неловко, что онъ сдѣлалъ этотъ теперь совсѣмъ неумѣстный вопросъ.

— Что? сказала князь почти-что строго.—Во первыхъ „вы“, а во вторыхъ, между товарищами нѣтъ такихъ счетовъ, милый другъ мой, такъ пожалуйста это знай. Кромѣ того, сегодня я желаю платить за все.

Власову стало еще болѣе неловко.

— Все-таки, проговорилъ онъ нерѣшительно,—нельзя же тебѣ за все это платить.

— Какой ты чудакъ, сказалъ князь, улыбаясь и показывая свои бѣлые зубы,—но ты удивительно милый малый.

И онъ ласково положилъ ему руку на плечо.

«Pereat tristitia, pereant dolores...»

продолжалъ онъ пѣсню.

Власовъ посмотрѣлъ на него и опять ему стало весело и легко.

„Правда, что это за счета?—подумалъ онъ,—другой разъ я заплачу за него, три рубля есть еще“.

И онъ тоже сталъ пѣть.

— Ишь, студенты-то, студенты-то гуляютъ—вотъ это такъ,—замѣтилъ своему сосѣду стоявшій на углу улицы молодой толстолицый извозчикъ,—теперь закатятся—шабашъ. Всего будетъ. Тппру... обратился онъ къ своей молоденькой шустрой лошаденкѣ, которая было рванулась впередъ за промчавшимися тройками:—тппру, зараза какая, не терпится ей...

V.

Было три часа ночи, когда хозяйка одного изъ заведеній въ С-мъ переулкѣ, Марья Егоровна, собралась пить чай. Она только что обошла свою квартиру,—задніе коридоры съ закрытыми по обѣимъ сторонамъ дверями, ярко освѣщенную и полную народомъ залу и очень довольная вошла въ свою маленькую комнатку на лѣво отъ „гостинной“, гдѣ на столѣ кипѣлъ самоварчикъ, стояла банка варенья и сладкіе пирожки на сѣней тарелкѣ. У окна висѣли клѣтки съ кана-

рейками и стояло нѣсколько горшковъ гераніума. Въ углу передъ дорогими образами горѣла лампадка.

— Нѣтъ, не могу, голубчикъ, съ превеликимъ бы удовольствіемъ,—сказала Марья Егоровна съ сожалѣніемъ, обращаясь къ маленькому, блѣдному человѣчку, который сидѣлъ у нея по дѣлу:—вѣдь сами вы видите, что народу, студентовъ полно. Всѣ номера заняты.

— Ахъ, наказаніе какое,—проговорилъ человѣчекъ, поставивъ на столъ блюдечко съ чаемъ и завертѣвшись на стулѣ,—что-жъ я теперь дѣлать буду?

— Ну, ужъ какъ хотите,—отвѣтила Марья Егоровна:—знаете, голубчикъ, говорится: на нѣтъ и суда нѣтъ. Всѣ, то-есть, до единой разобраны, нельзя же изъ залы послѣднихъ?.. Сами знаете.

— А окказія-то какая, окказія! купечество молоденькое, подгуляли достаточно, денъга. Къ вамъ вотъ къ пятымъ, повѣрите ли? Что тутъ будешь дѣлать? Видно не судьба? Заѣхалъ бы напередъ къ вамъ, да знаю, самый студентъ тутъ у васъ постоянно... Такъ вотъ оно и вышло...

Маленькій человѣчекъ задумался, опустивъ руки на колѣнки. Лицо у него было усталое, несчастное и больное. Онъ сталъ поглаживать блѣдной худой рукой свою рѣдкую, рыжую бородку. Передъ тучной и самодовольной Марьей Егоровной онъ казался еще болѣе жалкимъ. Она посмотрѣла на него и проговорила съ сочувствіемъ:

— Ну, полно вамъ, голубчикъ, чего тамъ, плюньте, чайку угодно еще? Смотрѣла сейчасъ—думала ослобонятся, тутъ компанія одна ужъ давно пріѣхала, да нѣтъ, что-то не видно, не выходили еще. Посидите, голубчикъ еще минутъ пятокъ, тамъ увидимъ.

Марья Егоровна имѣла привычку на каждомъ шагу говорить всѣмъ „голубчикъ“. И она умѣла выговаривать это слово съ особенной нѣжностью и лаской.

Маленькій человѣчекъ сталъ дожидаться и началъ пить второй стаканъ чаю. Онъ немного оживился и сталъ рассказывать длинную исторію о томъ, какъ ему удалось разъ въ одну ночь заработать 300 рублей за свои комиссіи.

— А всетаки наше дѣло трудное, суетно больно, — закончилъ онъ съ жалобой, — то ли дѣло вамъ вотъ, похаживаете себѣ по дому, чаекъ попиваете, а работаете-то какъ посмотрю я, страсть просто.

Заведеніе Марьи Егоровны дѣйствительно хорошо работало въ эту ночь.

Въ это время дверь въ комнату отворилась и вбѣжала, запыхавшись, одна изъ „барышень“ съ обнаженной шеей и руками. Лицо

ея было грубо намазано фіолетовыми румянами. Шелковое зеленое платье неловко стягивало ея обрюзглое, толстое тѣло.

— Студенты тѣ вышли,—сказала она скороговоркой,—уѣзжаютъ, вы приказали сказать.

— Ахъ, спасибо, голубчикъ, отвѣтила Марья Егоровна.

— Не на чѣмъ...

И сейчасъ же барышня повернулась и выбѣжала.

— Видите? обратилась Марья Егоровна къ своему гостю,—вотъ и дождались, можетъ быть и дѣло сдѣлаемъ.

Она встала и молча, легкой дѣловой походкой пошла изъ комнаты, на ходу закуривая папироску.

Маленькій человѣчекъ пошелъ за ней. Онъ совсѣмъ оживился теперь и глаза его забѣгали.

— Сейчасъ, можетъ быть, и устроимъ дѣло, голубчикъ,—повторила Марья Егоровна, подходя къ настежь открытымъ дверямъ залы, въ которой гости съ „барышнями“ танцовали кадрили и откуда доносились ужасные пискливые звуки скрипокъ и шумные, нетрезвые голоса,—я, голубчикъ, для васъ готова—вотъ какъ, да знаете, голубчикъ...

Но она не успѣла договорить своей фразы. Какой-то молоденькій студентъ въ это время, какъ сумасшедшій, выскочилъ изъ залы и изо всѣхъ силъ налетѣлъ на нее, ударившись лбомъ о ея лицо. Марья Егоровна пошатнулась назадъ и схватилась руками за ротъ. Потомъ она торопливо стала отплевываться густой темной кровью.

— Ахъ Боже мой, ахъ Боже мой,—застонала она слезливо—кровь-то! До крови сумасшедшій мальчишка разбилъ. Вотъ черти полоумные... охъ, сумасшедшіе, таскаются...

Къ ней подбѣжало нѣсколько барышень. Маленькій человѣчекъ подскочилъ тоже.

— Водички вамъ?—предложилъ онъ.

— Принесите, голубчикъ... охъ, Господи, разорви ихъ совсѣмъ, сумасшедшіе—продолжала охать Марья Егоровна—что это съ нимъ, ошалѣлъ что-ли! Мальчишка проклятый.

И она все плевала въ уголъ, куда отлетѣла ея папироска, и стала ругаться еще крѣпче.

Власовъ тоже ушибъ себѣ лобъ, но онъ только разъ оглянулся назадъ и стремглавъ сбѣжалъ внизъ въ переднюю.

— Голубчикъ,—услышалъ онъ за собой. Да и передъ тѣмъ, какъ онъ наткнулся на эту женщину, она говорила кому-то это слово.—Голубчикъ,—повторилъ Власовъ. И ему показалось такъ дико это слово, сказанное такъ нѣжно въ этомъ ужасномъ мѣстѣ.

Онъ вырвалъ свою шинель изъ рукъ швейцара, накинулъ ее на

илечи и побѣжалъ внизъ по послѣдней лѣсенкѣ, которая вела черезъ открытыя настежъ двери прямо на улицу.

— Не торопитесь, баринъ, поспѣете, — насмѣшливо и лѣниво сказалъ ему вслѣдъ сонный швейцаръ, который такъ долго не могъ найти ему пальто.

Власовъ выскочилъ на тротуаръ и вдругъ круто остановился. Всею грудью онъ вдохнулъ въ себя морозный, крѣпкій воздухъ. Тишина. Темное, прояснившееся, все усыпанное звѣздами, небо. Надъ головой „Большая Медвѣдица“. Въ троечныхъ саняхъ подъ полостями дремали ямщики, лошади стояли смиренно опустивъ головы, подалеже дожидалось нѣсколько извозчиковъ. За домомъ, на право, высоко стояла неполная въ ущербъ луна неподвижнымъ яркимъ пятномъ.

„Что это все? подумалъ Власовъ, — неужели это все на землѣ? И на минуту онъ совсѣмъ отрезвѣлъ. — Боже, какая красота, — проговорилъ онъ тихо — а я, что я сдѣлалъ?“

Въ это время, изъ открывшейся на другой сторонѣ улицы форточки, послышалась та самая музыка, мимо которой онъ только-что пробѣжалъ. Чувство отчаянія, только-что испытанное имъ „тамъ“, еще больѣе защемило ему сердце. Опять ему захотѣлось бѣжать и бѣжать отсюда прочь, убѣжать отъ того, что сейчасъ случилось.

„Что я сдѣлалъ? Неужели? спросилъ онъ себя въ ужасѣ. — Да, это случилось“. И онъ не хотѣлъ вѣрить себѣ.

„Да, потерялъ, потерялъ, отняли у тебя самое дорогое, лучшее, отняли безвозвратно, — повторялъ голосъ въ душѣ, — никогда ты уже не воротишь потеряннаго“.

И никогда прежде не испытанное Власовымъ чувство настоящаго глубокаго горя, — горькаго и неутѣшнаго, и безпомощности охватило его. Бѣжать? Но куда-же? подумалъ онъ съ горечью, и онъ понялъ, что то, что произошло съ нимъ сейчасъ, осталось въ немъ, перевернуло вдругъ всю его душу и будетъ всегда неразлучно съ нимъ, всю жизнь преслѣдую его тяжелымъ кошмаромъ. Но онъ не могъ теперь ясно думать. Въ головѣ и въ ухахъ у него стоялъ шумъ отъ выпитаго вина, мысли путались и разрывались на какія-то мелкія глупыя фразы и слова.

Пискливые звуки какого-то вальса продолжали визжать изъ противоположнаго дома. Власовъ постоялъ съ минуту на мѣстѣ и быстро повернувшись, пошелъ внизъ по переулку. Онъ взялся рукой за ушибленный лобъ, который на морозѣ занялъ сильнѣе.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ опять остановился, точно забылъ что-то за собой и оглянулся.

— Да, проговорилъ онъ велухъ, — чувствуя въ первый разъ въ жизни состояніе, близкое къ сумашествію, — да, „голубчикъ“, она сказала... а какія онъ всетаки жалкія, а луна-то какая...

И Власовъ вдругъ снялъ фуражку и нѣсколько разъ торопливо перекрестился. „Господи, помоги мнѣ, спаси меня, — проговорилъ онъ шепотомъ... — помоги“.

Въ переулкѣ было тихо, но необычно ярко освѣщено. Кромѣ газовыхъ фонарей, надъ подъѣздами заведеній горѣли цвѣтные фонари и изъ оконъ „домовъ“ яркій свѣтъ проходилъ на улицу. Два студента и съ ними господинъ, одѣтый въ барашковое пальто и сѣрой шапкѣ, проѣхали мимо, — втроемъ на извозикѣ съ какой-то пошлой пѣсню. Изъ дома, около котораго остановился Власовъ, торопливо вышелъ молоденькій офицеръ и прошелъ мимо него, что-то бормоча себѣ подъ носъ и размахивая рукой. Гдѣ-то дальше кричали дикимъ, раздирающимъ голосомъ. Какой-то таинственной преступностью вѣяло отъ всей этой ночной жизни этого жуткаго переулка съ криками нетрезвыхъ людей, съ освѣщенными домами и съ тѣми дѣлами, которыя совершались въ немъ.

„Поспѣете, — повторилъ Власовъ слова швейцара, — нѣтъ, не поспѣешь теперь никуда. — Нѣтъ той политической алхиміи“ — вдругъ пришло ему въ голову совершенно неожиданно то, что говорилъ Иванскій — нѣтъ, да нѣтъ“.

Власову стало страшно за себя. „Что съ нимъ? Онъ сходить съума?“ И быстро накинувъ шинель на голову и крѣпко сжавъ ее руками около рта, онъ пустился бѣжать изо всѣхъ силъ, точно гнались за нимъ. На поворотѣ улицы онъ наткнулся на дворника въ тулупѣ, который сметалъ съ тротуара, и, поскользнувшись, чуть не упалъ.

Тогда онъ замѣтилъ, что онъ забылъ „тамъ“ свои калоши.

— Не падай, милый, не падай, — сказалъ добродушно дворникъ.

— Калоши забылъ, потерялъ, три рубля стоили, — проговорилъ Власовъ, взглянувъ себѣ на ноги, — да Богъ съ ними. Что мнѣ нужно теперь? Ничего, ничего.

Онъ посмотрѣлъ на дворника, который, снявъ рукавицу, спокойно правялъ метлу, и вдругъ ему стало такъ стыдно встрѣтиться глазами со взглядомъ другого человѣка, точно всѣ знали — и этотъ дворникъ тоже-то, что онъ сдѣлалъ.

Если-бы открылась передъ нимъ теперь пропасть, онъ, не задумавшись-бы, кинулся въ нее, чтобы только спрятаться отъ людей, отъ всего, что окружало его тутъ на землѣ.

Онъ опять бросился бѣжать и одно только, не то чувство, не то мысль: „потерялъ, погубилъ на вѣки“ — мучительно твердила ему свой приговоръ и жестоко билась въ душѣ, не находя себѣ облегченія.

„Какъ это случилось? Какъ онъ допустилъ себя до этого?“ Но на эти вопросы онъ не могъ отвѣчать себѣ теперь. Онъ потерялъ, потерялъ...

Онъ сознавалъ пока только это.

Власовъ летѣлъ, какъ сумасшедшій, по бульварамъ, переулкамъ, по-

томъ, переводя духъ, шелъ тише. Но, отдохнувъ, онъ опять принимался бѣжать по направленію къ дому.

Онъ чувствовалъ себя нетрезвымъ, несчастнымъ, на вѣки испорченнымъ. Незамѣтно онъ очутился дома. Вбѣжавъ въ свою комнату, онъ, не зажигая лампы, быстро раздѣлся и кинулся подъ одѣяло. Онъ легъ не шевелясь и уткнулъ лицо въ подушку.

Онъ сталъ думать, хотѣлъ разрѣшить что-то, понять, — но только проговорилъ про себя шепотомъ: — „Господи, спаси меня, помоги мнѣ, Господи“ — и сейчасъ-же заснулъ тяжелымъ, крѣпкимъ сномъ.

VI.

На слѣдующій день Власовъ проснулся только въ 12-мъ часу дня. Онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ себя, потомъ въ себя, и не узналъ ни себя, ни того, что его окружало. Въмѣсто обычнаго радостнаго утренняго настроенія, на душѣ у него лежала какая-то тяжесть, которая придавила въ немъ жизнь. Во рту былъ горькій, отвратительный вкусъ, голова была точно стянута мѣдными кольцами. Сейчасъ-же все вчерашнее воскресло въ его памяти. Онъ вспомнилъ все подробности.

Но не вчерашніе ужасъ и отчаяніе овладѣли имъ — онъ почувствовалъ теперь какое-то безразличіе ко всему на свѣтѣ и вялость. Онъ сталъ думать, попробовалъ, какъ вчера вечеромъ, повторять слова: „потерялъ, отняли“, но ему было все равно теперь. Ему не было ни жалко, ни страшно, ни грустно. Онъ былъ въ состояніи полной душевной неподвижности.

„Театръ, — думалъ Власовъ, припоминая послѣдовательность вчерашняго вечера, — водка, тройки, потомъ эта „Румынія“, князь, шампанское. Да, а потомъ заѣхали еще въ одинъ трактиръ, угощали ямщиковъ, а потомъ и „туда“. Какъ все это сдѣлалось незамѣтно и быстро“.

И онъ вспомнилъ свой вчерашній духъ. Какое-то молодечество нашло на него, желаніе быть вожакомъ компаніи и не только участвовать во всѣхъ продѣлкахъ, но самому давать имъ починъ. Онъ никогда и не подозрѣвалъ раньше въ себѣ этихъ сторонъ.

„Что-жь? сталъ думать онъ дальше — „испекся“, какъ сказалъ Иванскій про Орлова — ну, испекся и отлично“.

И его самого удивило это равнодушіе къ тому, что совершилось съ нимъ. Вчера онъ испытывалъ другое.

„Поспать что-ли еще“ — рѣшилъ онъ, закрывая глаза.

Но вмѣсто этого онъ приподнялся на постели и уеѣлся, охвативъ колѣни руками. Лицо его теперь сильно осунулось, было блѣдно и грустно, глаза потускнѣли и немного ввалились. Онъ посмотрѣлъ на Иванекаго, который спалъ, уродливо открывъ запевшіяся ротъ. — „Какое у него про-

тивное лицо“, — подумалъ Власовъ. Потомъ онъ взглянулъ въ окно, въ которое ударило яркое солнце. Въ комнатѣ были всё тѣ-же предметы: кости, книги, черепъ.

„Но какъ все это скучно, никому и ни для чего не нужно. Какой запахъ отвратительный отъ этихъ гадкихъ костей“.

Власовъ опустилъ голову и задумался. На ногахъ у него лежалъ одѣяло, которое онъ такъ любилъ.

„Вотъ, кабы она узнала, — подумалъ онъ, вспомнивъ мать. Да, можетъ-быть, я и заболѣю теперь — пришло ему почему-то въ голову. Впрочемъ это и хорошо-бы, хорошо. Нужно-же что-нибудь за это“.

И эта мысль вдругъ опять показала ему все значеніе его несчастія.

„Такъ вотъ онъ какъ смотритъ на него. Онъ презираетъ себя, онъ до того огорченъ, что даже хочетъ себѣ болѣзни, какъ наказанія за свою слабость, за свою порочность“.

И Власову стало глубоко грустно на душѣ.

„И надо жить дальше, — подумалъ онъ, все больше и больше выходя изъ состоянія апатіи, съ которымъ онъ проснулся, — жить дальше послѣ этого“.

Онъ посмотрѣлъ на свою руку. Потомъ понюхалъ ее. Отъ нея пахло тѣми самыми духами, которыми былъ пропитанъ весь этотъ домъ и эти женщины. Власовъ хотѣлъ встать и умыться. Но онъ не двинулся и только провелъ рукой по волосамъ.

Въ это время вошелъ въ комнату Зайчикъ. Онъ принесъ сапоги и платье.

— Съ добрымъ утромъ, — сказалъ онъ со своимъ обычнымъ радушіемъ, — денекъ сегодня славный и морозецъ тоже, градусовъ двадцать будетъ.

Власовъ равнодушно взглянулъ на него и ничего не сказалъ.

— Что это вы, баринъ, скучный какой? спросилъ Зайчикъ, остановившись у двери: — вчера какіе веселые были, а нынче вонъ что. Такъ не годится.

Власовъ только слабо улыбнулся на это и опять ничего не отвѣтилъ.

Зайчикъ выюркнулъ изъ комнаты.

„Вчера веселый, а сегодня скучный, — повторилъ Власовъ, — да, я думаю“.

И онъ представилъ себѣ себя, какимъ онъ былъ и какимъ сталъ. Онъ припомнилъ свое вчерашнее утро и вдругъ ему захотѣлось плакать.

„Потерялъ, отняли“, опять проговорилъ голосъ въ душѣ, какъ вчера съ горечью и болью.

— Боже, помоги мнѣ, спаси.

Власовъ всталъ съ кровати и подошелъ къ окну. Онъ прислонилъ лобъ къ холодному стеклу и сталъ смотрѣть на улицу.

Въ это время по тротуару проходилъ булочникъ; онъ закуривалъ папироску. Власовъ взглянулъ на него и ему тоже захотѣлось курить. Вчера онъ уже, впрочемъ, пробовалъ. Онъ подошелъ къ столу, взялъ папироску изъ портсигара Иванскаго, зажегъ ее, и сталъ жадно втягивать въ себя дымъ. У ему показалось, что послѣ этого ему стало полегче.

— Ты что это? спросилъ въ это время Иванскій, который проснулся противъ обыкновенія безъ мычанія.

— Вотъ курю, видишь.

— А—проговорилъ Иванскій,—такъ.

Власова удивилъ тонъ, съ какимъ онъ сказалъ это. Иванскій, очевидно, уже нѣсколько времени, какъ проснулся и должно быть о чемъ-нибудь молча думалъ.

— А ты давно проснулся? спросилъ Иванскій.

— Нѣтъ, недавно.

Власовъ вернулся къ окну и сталъ около него.

Съ босыми ногами на голомъ полу и въ ночномъ бѣльѣ, ему было холодно. Онъ чувствовалъ маленькую дрожь въ спинѣ и въ волосахъ, но она была ему пріятна. Иванскій тоже закурилъ папироску.

— Ты что? Въ меланхолин? мягко спросилъ онъ немного помолчавъ.

Власовъ ничего не отвѣтилъ.

— Что, братъ, грустно? опять серьезнымъ тономъ началъ Иванскій,—Ничего, пройдетъ, всё, душа моя, всё черезъ это проходить. Плюнь, но вернешь теперь.

Власовъ все молчалъ. Но вдругъ голова его затряслась, плечи стали вздрагивать и онъ неудержимо зарыдалъ, зарыдалъ, точно прорвалось что-то у него въ душѣ. Онъ сталъ всхлипывать какъ ребенокъ.

— Да, но вернешь теперь, тебѣ хорошо говорить,—проговорилъ онъ наконецъ сквозь слезы,—тебѣ хорошо говорить, ты забылъ, какъ это пріятно терять, терять... самое дорогое, самое...

Онъ загнулся на минуту и повернулъ къ Иванскому свое славное, молодое лицо съ курносимъ носомъ и красными отъ слезъ глазами.

— Никогда я не прошу себѣ этого, никогда—добавилъ онъ съ трудомъ произнося слова:—и зачѣмъ я едѣлалъ это, ну, зачѣмъ? Въдь это ужасно... навѣки, навсегда...

Онъ замолчалъ и опустивъ голову точно задумался. Потомъ вдругъ кинулся къ своей кровати и, быстро накрывшись одѣяломъ, легъ на животъ, спрятавъ лицо въ подушку. Все тѣло его задергалось и стало подпрыгивать отъ глухихъ рыданій,

— Полно, полно,—тихо проговорилъ Иванскій и голосъ его дрогнулъ.

Они оба молчали нѣсколько минутъ.

— Слушай, Петруша, сказалъ Иванскій, вставъ съ постели и по-

дойдя къ Власову,—который продолжалъ всхлипывать—прости меня. Ради Бога, прошу тебя, ну прости меня, это я одинъ виновать.

Онъ нѣжно положилъ свою большую руку на плечо Власову и ждалъ. Глаза его часто моргали.

— Если бы не я, ты бы себѣ вернулся домой, какъ хотѣлъ.

— Да нѣтъ же,—проговорилъ Власовъ изъ подъ одѣяла,—не то, ты тутъ не при чемъ... право. Это все я, я... и потомъ... другое... Я самъ не знаю.

И онъ опять сталъ рыдать сильнѣе.

Иванскій отошелъ къ столу и сѣлъ на стулъ. Онъ неуежливо отеръ пальцемъ слезу, которая покатилаь по его щекѣ и странно его заще-котала.

— Бѣдный мальчикъ,—прошепталъ онъ про себя,—а я? Какой я подлець, какой... слабый...

— Самое дорогое навсегда, навѣки, еще разъ повторилъ рыдающій, почти дѣтскій голосъ Власова.

Л. Л. Толстой

ПРИНЦИПЪ СВОБОДЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ЖИВОТНЫХЪ.

Ш.

Молекулярный составъ и сознание.—Лейкоциты и ихъ отправление.—Клѣтки губокъ.—Сознательная и безсознательная функция.—Безсознательное развитіе функций и органовъ.—Отправленія безъ органовъ.—Типы строенія первой системы.—Раздѣленіе первой системы у суставчатыхъ на двѣ половины: сознательную и безсознательную.—Безсознательное не имѣетъ границъ.—Предположенія, какъ основанія для заключеній о безсознательномъ. Общій путь движенія и развитія.—Привязанности къ жизни индивидуальной и потомственной.

Изслѣдуя природныя явленія и предметы, мы почти всегда забываемъ ихъ размѣры и относительную величину;—забываемъ тотъ міръ, который скрывается отъ нашего глаза, приспособленнаго только къ среднему. Это міръ необыкновенно мелкихъ предметовъ и организмовъ, до полнаго изслѣдованія которыхъ еще не могутъ дойти современные средства нашего изученія, наши микроскопы и анализы. Между тѣмъ въ этихъ мелкихъ тѣлахъ и скрываются самыя основныя тайны жизни и отношеній всего живущаго. Когда былъ открытъ микроскопическій составъ вообще растеній и животныхъ, когда узнали, что основной элементъ растительныхъ и животныхъ тканей есть клѣтка, то многое въ строеніи самой клѣтки было еще неясно. Спорили о томъ: существуетъ ли клѣточное ядро, или оно есть только искусственный элементъ нашихъ микроскопическихъ манипуляцій. Въ 1858 году, знаменитый вѣнскій физиологъ Брюке представилъ вѣнской академіи статью, въ которой доказывалъ сложность организаціи микроорганизмовъ. Въ послѣдніе годы такой взглядъ сталъ не только всеобщимъ, но микроскопъ и реакціи все глубже и глубже проникаютъ въ молекулярный составъ клѣтки и одноклѣточныхъ организмовъ и наука уже толкуетъ объ идио-плазмѣ, о наследственности свойствъ нѣкоторыхъ составныхъ частей протоплазмы, составляющей клѣтку. Гекель назвалъ невидимыя частицы,

составляющія протоплазму клѣтки, «пластидулами» и считалъ ихъ одушевленными, самодѣйствующими тѣльцами. Олманъ, въ рѣчи своей Британской ассоціаціи въ 1878 году высказалъ мнѣніе, что такія частицы имѣютъ сознаніе.

Мнѣ кажется, что это мнѣніе точно также преувеличено, какъ и тотъ старый взглядъ, который относитъ всѣ поступки животныхъ къ дѣйствию безсознательнаго инстинкта. При томъ, самое понятіе о сознаніи не имѣетъ ничего твердо обоснованнаго. Одни считаютъ его простымъ разумѣніемъ предмета, другіе принимаютъ его за болѣе высшую разумную способность, посредствомъ которой человѣкъ и животныя усваиваютъ вещи своему психическому организму. Полагаю, что для нашей цѣли достаточно будетъ допустить извѣстную долю инстинкта, сильно преобладающаго надъ интеллектомъ, чтобы предположить эту минимальную долю сознанія у инстинктивныхъ животныхъ и у всѣхъ одушевленныхъ частицъ, составляющихъ ихъ клѣтки, которыя представляютъ подобіе организмовъ, хотя и не живутъ самостоятельной жизнью.

Къ такимъ квази-организмамъ должно отнести свободныя самодвижущіяся клѣтки, которыя находятся въ общей полости тѣла или въ кровеносной и лимфатической системѣ всѣхъ животныхъ. Чтобы судить объ функціи этихъ клѣтокъ, достаточно взглянуть на совершенно прозрачныхъ гусеницъ иглокожихъ. Въ общей полости этихъ странныхъ гусеницъ мы видимъ, какъ медленно, почти незамѣтно переползаютъ съ мѣста на мѣсто эти микроскопическіе организмы, которыхъ зоологи называютъ *лейкоцитами*. Каждый движется амебообразно, выпуская и утягивая отростки протоплазмы ее составляющей и прикрѣпляясь ими къ какимъ-нибудь частямъ полости тѣла. Каждый представляется совершенно прозрачнымъ организмомъ, безъ ядра, съ крупинками протоплазмы, а у нѣкоторыхъ формъ буровато-краснаго, зеленаго или оранжеваго пигмента. Всѣ или почти всѣ новообразованія гусеницы начинаются съ этихъ маленькихъ движущихся клѣточекъ. Онѣ, какъ привычныя зодчіе, собственными тѣлами строятъ эти новообразованія. Ихъ можно привлечь къ тому или другому мѣсту гусеницы, поранивъ это мѣсто. Онѣ тотчасъ же, какъ бы сознавая случившуюся бѣду, собираются къ пораненному мѣсту и начинаютъ работу.

Въ этихъ новообразованіяхъ закладываются части будущей вполне развитой формы и лейкоциты гусеницы собираются то у начала системы водяныхъ каналовъ, то около желудка гусеницы на круговидныхъ отложеніяхъ и мало по малу собственными тѣлами увеличиваютъ эти отложенія. Неужели же можно допустить, чтобы эти мелкія микроскопическія самодвижущіяся клѣточки имѣли какое-нибудь представленіе о томъ, что онѣ строятъ? Онѣ просто собираются тамъ, гдѣ эта стройка необходима. Какой фізіологическій телеграфъ передаетъ имъ

извѣстіе объ этой необходимости, наука еще не рѣшила этого вопроса. Но онъ съ пунктуальной точностью является на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предстоитъ постройка новыхъ зачатковъ органовъ или починка и поправка старыхъ. Этотъ электрическій (вѣроятно нервный) телеграфъ содержится въ общей связи всѣхъ органовъ и всѣхъ тканей. Слѣдовательно дѣятельность этихъ лейкоцитовъ находится въ связи и въ зависимости отъ общей дѣятельности организма, отъ его роста и развитія. Ихъ роль болѣе частная, чѣмъ роль всѣхъ клѣтокъ, составляющихъ организмъ.

У высшихъ животныхъ (а можетъ быть и у птицъ) эти лейкоциты несутъ названіе фагоцитовъ, и къ ихъ направленіямъ присоединяется еще одно, такъ какъ они поѣдаютъ паразитовъ, проникающихъ въ организмъ и производящихъ различныя заразныя смертельныя болѣзни. Если же этого нѣтъ, то микробы берутъ верхъ надъ лейкоцитами, болѣзнь развивается и большой организмъ умираетъ. Слѣдовательно между болѣе крупными фагоцитами и болѣе мелкими микробами идетъ постоянная ожесточенная борьба, но нельзя изъ этого заключить, чтобы фагоциты были сознательные хранители организма. Можетъ быть они дѣйствуютъ потому, что микробы встрѣчаясь съ ними вызываютъ съ ихъ стороны извѣстную реакцію.

Въ простѣйшихъ организмахъ, какъ напр. въ губкахъ, всѣ клѣтки, составляющія тѣло губки, пользуются извѣстной самостоятельностью и каждая, отдѣлившись отъ организма, который ее произвелъ, можетъ развиваться въ новую губку. Слѣдовательно, въ каждой такой клѣткѣ заложенъ планъ развитія полной губки. Онъ безспорно исполняется безсознательно въ силу законовъ роста и развитія.

Этимъ законамъ подчинено очень многое въ развитіи и морфологій каждого организма, и если мы будемъ разбирать, какія функціи животныхъ высшихъ и даже человѣка исполняются сознательно и какія бессознательно, то на долю первыхъ придется очень немного. Придутся всѣ тѣ аппараты, которые мы двигаемъ съ помощью нервно-мышечной системы. Но даже и здѣсь мы не можемъ отличить движенія каждой мышцы, мы только поднимаемъ или опускаемъ руку, сжимаемъ или разжимаемъ ее и проч. и проч. Мы можемъ извнѣ пріобрѣсти знаніе мышечной системы. Мы будемъ знать, какія мышцы участвуютъ въ томъ или другомъ движеніи, но сознавать ихъ движенія мы всетаки будемъ не въ состояніи.

Системы органовъ пищеварительныхъ, кровеносныхъ, лимфатическихъ—все это дѣйствуетъ безсознательно. И только голодъ и жажда или давленіе крови въ сосудахъ подвержены критериуму нашего самочувствія.

Да иначе оно не могло быть по способу своего происхожденія. Въдъ каждая часть нашего организма, каждая система органовъ, каждый

органъ, ткань и клетка, все это вырабатывалось независимо отъ нашей воли и нашего сознанія. И не только такъ совершалось въ нашемъ организмѣ, но и въ организмѣ всѣхъ животныхъ. Область безсознательнаго у нихъ имѣетъ большіе размѣры и вотъ почему явленія цѣлесообразности, приспособленности и мимичности достигаютъ у нихъ большей силы интенсивности и удивляютъ насъ. Разъ заложенное явленіе, вслѣдствіе чего бы то ни было, должно дойти до конца и принести извѣстный результатъ. На своемъ пути оно можетъ удаляться сколько угодно отъ первоначальной цѣли, отходить въ стороны, но въ концѣ концовъ оно должно придти къ опредѣленной цѣли. Если оно отклонится въ сторону, заблудится и погибнетъ, то на его мѣсто явятся новыя цѣли, и все таки выработается то, что удивитъ насъ своею глубокою обдуманностью и цѣлесообразностью, а главное свободой дѣйствій.

Мы видѣли, что неодушевленный мельчайшій порошокъ какого-нибудь вещества въ каплѣ воды движется, крупинки толкутся на одномъ мѣстѣ, какъ будто попеременно притягивая и отталкивая другъ друга. Это движеніе, извѣстное подъ именемъ Броунова движенія, извѣстно давно, но до сихъ поръ никто еще не открылъ его причины. Если мы будемъ разсматривать подъ микроскопомъ каплю воды, въ которой разведены мириады *Paramecium Colpoda*, то увидимъ пѣчто въ родѣ этого движенія. Инфузоріи точно также толкутся на одномъ мѣстѣ, то сближаясь, то отдаляясь другъ отъ друга. Въ этомъ движеніи дѣйствуетъ другая болѣе сложная причина и можетъ быть здѣсь уже является начало сознанія.

На поверхности гниющихъ веществъ образуется тонкая пленка. Ее образовали мириады мелкихъ инфузорій, монадъ. По мѣрѣ ихъ развитія они всплывали на поверхность и умирая образовали пленку. Эта пленка среда или почва, которая служить для развитія, какъ пища другимъ болѣе высшимъ инфузоріямъ, о которыхъ монады не имѣли никогда никакого понятія и представленія. Но эти высшія инфузоріи должны развиться изъ низшихъ. Таковъ законъ осложненія развитія.

Въ общей картинѣ развитія мы постоянно встрѣчаемся съ явленіями единенія, концентрированія и явленіями разъединенія съ интеграціей и дезинтеграціей. Это какъ мы видѣли общее міровое явленіе, постоянное *va et vient* міровой жизни. Поклонники механическаго взгляда на природу все сводятъ къ безостановочному и безцѣльному движенію, къ постояннымъ колебаніямъ и дрожаніямъ атомовъ. За свободой явленій они не видятъ цѣли. Для нихъ эта свобода непонятна съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Но болѣе вѣрный и предусмотрительный взглядъ видитъ во всѣхъ природныхъ явленіяхъ громадную, можетъ быть, безконечную массу круговъ, часто пересѣкающихъ другъ друга,

сталкивающихся и взаимно уничтожающихся другъ друга. Но отъ этихъ разбитыхъ явленій всегда или остается нѣчто болѣе сложное или является отъ ихъ взаимнаго столкновенія новая энергія и новый подъемъ, а вмѣстѣ съ ними и новый кругъ явленій. Притомъ, никогда не должно забывать, что при этихъ столкновеніяхъ измѣняется только матеріальная оболочка, служащая для лѣпки, а не сущность энергіи. Какъ примѣръ, можно привести теорію Кролли, доказывающую необходимость столкновеній небесныхъ тѣлъ, причемъ освобождается громадная масса тепла, свѣта и вообще производительной энергіи.

Полагаю, что никто не будетъ оспаривать, что въ явленіяхъ развитія самыя сложныя и, слѣдовательно, болѣе высшія мы встрѣчаемъ въ явленіяхъ психическихъ, а болѣе правильныя, нормальныя между этими явленіями будутъ явленія этическія. Доказательства послѣднему будутъ представлены ниже, а теперь мы только мимоходомъ укажемъ на высшее мѣсто, которое занимаютъ въ общемъ ходѣ развитія явленія психическія. Главное вмѣстилище ихъ органы, посредствомъ которыхъ происходятъ эти явленія, это органы нервной системы и никто не будетъ оспаривать, что эта система у человѣка, представляющаго высшій кульминаціонный пунктъ развитія всѣхъ животныхъ, достигаетъ также высшей сложности.

Здѣсь я долженъ оговориться. Большая часть натуралистовъ физиологовъ думаютъ, что безъ органа не можетъ быть отправления. Это совершенно невѣрно. У инфузорій нѣтъ нервной системы, а отправления ея существуютъ, существуютъ опредѣленные пути для рефлексовъ и передачи вничалѣпій. Для примѣра можно взять шиповницу (*stylonicchia mytilus*). У этой инфузоріи, съ выпуклымъ тѣломъ со спинной стороны и совершенно плоскимъ съ брюшной, существуютъ шипы и щетинки, посредствомъ которыхъ она движется. Съ боковыхъ краевъ все ея тѣло усажено рядами ровныхъ щетинокъ. Если мы коснемся этихъ щетинокъ или даже воды, которая кругомъ нихъ, то животное дѣлаетъ быстрый скачекъ въ сторону, впередъ или назадъ. Шиповница опускаетъ ихъ съ обѣихъ сторонъ и подвигается впередъ или она быстро подвигаетъ ихъ впередъ и вслѣдствіе этого отбрасывается назадъ, или наконецъ она двигаетъ только щетинками съ одной стороны тѣла и дѣлаетъ такимъ образомъ боковое движеніе.

Функция нашего сознанія связана, повидимому, съ головнымъ мозгомъ, который такимъ образомъ вмѣщаетъ въ себѣ много разнообразныхъ органовъ и ихъ отправленій, которыя опредѣляютъ и устанавливаютъ наше отношеніе къ окружающему насъ міру. Но если мы глубже и пристальнѣе вдумаемъ, то въ возникновеніи всѣхъ этихъ органовъ увидимъ только приспособленіе нашего организма къ этому міру. Посредствомъ органовъ чувствъ и отравленій нашего головного мозга.

мы входимъ въ сношеніе съ вѣшнимъ міромъ, съ окружающею насъ природою, познаемъ и сознаемъ его.

Совершенно другая роль принадлежитъ области безсознательнаго. Эта область не разсуждающая, а чувствующая, не тѣми органами чувствъ, которые даютъ намъ представленіе о колебаніи волнъ эфира или воздуха, или дозволяютъ намъ обонять пахучія вещества или различать вкусы разныхъ веществъ. Въ этой области прежде всего и рѣзче всего проявляются наши страсти, эта область патетическая. Но подъ этими страстными рефлексами скрывается нѣчто болѣе глубокое и таинственное. Скрываются разные влеченія въ ту или другую сторону, скрываются симпатіи и антипатіи. Эта область руководитъ нами, отталкиваетъ отъ одного, привлекаетъ къ другому, тогда какъ область разсудочнаго и сознательнаго познаетъ и опредѣляетъ то, что производитъ область безсознательнаго. Мы можемъ посредствомъ разсудка подавлять или измѣнять тѣ наши поступки, которые вытекаютъ изъ области безсознательнаго, но мы не можемъ уничтожить нашихъ безсознательныхъ симпатій или антипатій.

Область безсознательнаго—широкая область, въ которой наши интеллектуальные механизмы тонутъ, какъ въ безграничномъ мірѣ. Мы дѣйствительно не знаемъ, гдѣ границы этой области и гдѣ границы вліяній и отношеній ея составныхъ частей. Мы знаемъ, напр., что тѣла нашей солнечной системы взаимно притягиваются, но можетъ быть существуетъ притяженіе и между самыми отдаленными тѣлами небесныхъ пространствъ. Эфиръ, наполняющій все пространство мірозданія, можетъ быть служить соединяющимъ звеномъ между всѣми небесными тѣлами.

Всѣ подобныя гипотезы находятся только въ сферѣ простыхъ соображеній, но допущеніе ихъ мыслимо; скажу болѣе—оно необходимо. Нельзя представить себѣ, чтобы всѣ части мірозданія возникали, образовывались и существовали отдѣльно, независимо другъ отъ друга, чтобы между ними не было никакихъ отношеній и никакого приспособленія. Такому взгляду противорѣчитъ устройство нашей солнечной системы и всѣхъ извѣстныхъ небесныхъ тѣлъ.

Спускаясь изъ этихъ отдаленныхъ сферъ на нашу планету, мы видимъ, что и здѣсь, въ земной природѣ, область безсознательнаго проявляется въ видѣ отвошеній къ окружающимъ предметамъ, въ видѣ скрытыхъ или очевидныхъ симпатій и антипатій или въ видѣ тѣхъ отношеній, связи, которая возникаетъ вслѣдствіе приспособленій. Слѣдовательно все, что вырабатывается этими приспособленіями для сознательной сферы, обязательно также и для сферы безсознательнаго. При этомъ припомнимъ, что всѣ процессы и функціи сознательныя могутъ переходить въ сферу безсознательнаго и наоборотъ.

Всякое животное растетъ и развивается безсознательно и безсознательно повторяетъ то, что проходили въ развитіи отецъ и мать, его дѣдъ и бабушка, его прадедъ и прабабушка и т. д. и т. д. до перваго вновь возникшаго колѣна изъ какого-нибудь видоизмѣненія. Ничто не утрачивается въ развитіи, напротивъ, все сохраняется, что должно и что можетъ сохраниться. Всѣ стадіи развитія постепенно, послѣдовательно возникаютъ одна изъ другой. А производить В, В производитъ В и такъ далѣе. Каждая стадія повторяетъ аналогичную стадію ей предъидущаго поколѣнія. Всякое измѣненіе, которое вводится извнѣ, въ одного изъ производителей, должно отразить его вліяніе на всѣхъ послѣдующихъ стадіяхъ. Но всякое измѣненіе приходитъ въ организмъ посредствомъ собственной его дѣятельности и вотъ эта безсознательная дѣятельность составляетъ совершенно темный предметъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Что и какъ творится въ этихъ закрытыхъ сферахъ, мы не знаемъ. Передъ нашими глазами является только готовый, выработанный результатъ и мы можемъ ставить одни бездоказательныя предположенія.

Во-первыхъ, мы предполагаемъ, что большинство случаевъ выработывается въ необыкновенно долгое время. И такое предположеніе въ особенности мыслимо въ случаяхъ «естественнаго подбора». При томъ здѣсь до нѣкоторой степени мы можемъ пользоваться фактическими доказательствами и подбирать видоизмѣненія такъ, что они оправдываютъ предположеніе.

Во-вторыхъ, мы предполагаемъ, что измѣненія вслѣдствіе особенностей неизвѣстныхъ намъ условій могутъ совершаться быстро и производить очень крупный и совершенно неожиданный результатъ. Такъ является *Amblystoma* изъ Аксолотля, бабочка изъ гусеницы и куколки и т. п. При томъ въ этой категоріи мыслимы два подраздѣленія. Или а) быстрый результатъ выработался медленно, черезъ длинный рядъ измѣненій и не менѣе длинный рядъ годовъ и мы видимъ только послѣднюю современную его фазу. Такое предположеніе въ особенности подтверждается многими видоизмѣненіями и переходными формами. Или-же б) этотъ результатъ есть слѣдствіе внѣшнихъ, сильно дѣйствующихъ условій. Такимъ образомъ у *Vanessa Prorsa* отеладывается въ крыльяхъ масса темнобураго, почти чернаго пигмента во время зимы, такъ что эту бабочку считали особымъ видомъ отъ *V. Levana*, которая выходитъ изъ куколки въ концѣ или серединѣ лѣта. Экземпляры, выходящіе позней осенью, принимались за видоизмѣненіе и извѣстны подъ названіемъ *Vanessa prima*.

Въ-третьихъ мы можемъ и даже должны предположить, что каждый организмъ составленъ какъ бы изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна развилась подъ вліяніемъ окружающихъ природныхъ условій и служитъ

для жизни среди этихъ условій (приспособилась къ нимъ), а другая составляетъ часть другого міра, бессознательнаго. Эта часть дѣйствуетъ подъ вліяніемъ тѣхъ-же явленій и условій, какъ и часть сознательная, но поле ея дѣятельности болѣе обширно и для нея многое открыто и доступно, о чемъ сознательная часть не имѣетъ никакого понятія. Такъ лейкоциты, живущіе во всѣхъ многоклеточныхъ организмахъ, до известной степени распоряжаются его процессами. Они переносятъ воздухъ (въ слѣдствіе окисленія) или питательныя вещества изъ одной части организма въ другую. Они являются на мѣста поврежденія и поправляютъ, починиваютъ ихъ. Они приползаютъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ происходитъ стройка новыхъ органовъ будущей стадіи развитія и сами своими тѣлами строятъ эти органы—идутъ всецѣло на ихъ развитіе.

Въ четвертыхъ, бессознательное кроется въ такихъ частяхъ организма, которыя едва доступны или вовсе недоступны нашимъ современнымъ средствамъ изслѣдованія. Это не есть предположеніе, это фактъ, но который заставляетъ насъ предпологать, что за этими мельчайшими частицами скрывается еще нѣчто болѣе мелкое и слѣдовательно недоступное намъ. Мы знаемъ, что матерія дѣлима и не знаемъ границъ этой дѣлимости. Существуютъ-ли онѣ и что лежитъ за предѣлами этой дѣлимости? Здѣсь является предположеніе о существованіи атомовъ, недѣлимыхъ частицъ, существованіе которыхъ тѣмъ не менѣе отвергается многими изъ современныхъ химиковъ и физиковъ. Но существуютъ или нѣтъ эти недѣлимыя частицы, тѣмъ не менѣе мы убѣждаемся фактически, что независимо или зависимо отъ нихъ всѣ и мѣра играютъ существенную роль въ явленіяхъ бессознательнаго, въ составѣ организмовъ и въ ихъ морфологическихъ явленіяхъ.

Такъ напр. мы видимъ, что известковыя соли, изъ которыхъ строится раковина корненожекъ, при дальнѣйшемъ развитіи замѣняются болѣе легкими кремнеземистыми солями, а затѣмъ органическими соединеніями. Такая замѣна дѣлается, безъ сомнѣнія, бессознательно, въ силу того, что корненожка, начавшая откладывать кремнеземистый скелетъ или раковину, пользуется большими удобствами, большей легкостью тѣла, чѣмъ корненожка съ тяжелой известковой раковинной. Изъ кремнеземистой легкой, притомъ продыравленной раковины могло выработаться бессознательно громадное, почти безконечное разнообразіе кремнеземистыхъ панцирей-лучевиковъ. Высшія корненожки сумѣли освободиться отъ этихъ известковыхъ и кремнеземистыхъ отложеній. Бессознательное путемъ естественнаго подбора привело ихъ къ выработкѣ органическаго вещества, которое замѣнило имъ раковину. Это вещество сначала выводилось вонъ, какъ продуктъ ненужный организму, затѣмъ склеивало мелкія песчинки или крупинки и панцири Діатомовыхъ и образовало изъ нихъ раковину у корненожекъ одноподомныхъ. Наконецъ, само отло-

женіе превратилось въ болѣе легкой удобный покровъ, который гораздо лучше защитилъ корненожку отъ неблагопріятныхъ переменъ въ температурѣ окружающей воды и другихъ жизненныхъ неудобствъ.

Почти во всѣхъ группахъ животныхъ болѣе развитыхъ формъ мы встрѣчаемъ эту замѣну неорганическаго состава поддерживающихъ и защищающихъ частей составомъ органическимъ. Въ особенности паглядно это выражено у губокъ въ ихъ скелетахъ: известковомъ, кремнеземистомъ и роговомъ. Здѣсь тѣ же три степени, что и у корненожекъ.

Изъ полиповъ мы видимъ первоначально сильныя отложенія извести у *Milleporida* и *Madreporida*; а затѣмъ постепенное ся исчезаніе до полнаго уничтоженія у *Malacodermata* (*Actinida*) и наконецъ постепенную замѣну этого скелета роговымъ,—какъ у роговыхъ *Anthipataria Isis* и т. п.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ путь возникновенія твердыхъ частей (скелета или раковины) одинъ и тотъ же. У корненожекъ минеральныя соли, проглатываемыя животнымъ, выводятся вонъ на поверхность тѣла и здѣсь подъ влияніемъ среды и безсознательной фізіологической дѣятельности животного изъ нихъ вырабатывается раковина. Процессъ, который первоначально является постороннимъ, внѣшнимъ дѣятельности организма, въ концѣ развитія входитъ въ кругъ устройства его собственнаго тѣла, превращается въ покровъ, защищающій это тѣло отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній или въ скелетъ поддерживающій мягкія полужидкія части его тѣла.

И не только въ этихъ случаяхъ, но вездѣ и всюду въ природѣ мы видимъ одинаковый путь и планъ движенія впередъ. Вездѣ каждому животному представляется богатый выборъ средствъ для организаціи. Вездѣ то, что становится впоследствии необходимымъ, является первоначально какъ случайное и постороннее въ родѣ неорганическихъ солей, которыя сначала выбрасываются организмомъ, а затѣмъ становятся необходимымъ условіемъ для выработки раковины или скелета, который, въ свою очередь опредѣляетъ прогрессъ дальнѣйшихъ морфологическихъ и фізіологическихъ явленій.

Въ этихъ случаяхъ въ матеріалѣ для закладки и построекъ новыхъ системъ органовъ каждому организму предоставлена полная свобода выбора. Онъ можетъ выбрать изъ окружающей природы то или другое вещество... Если же это вещество не находится въ окружающихъ условіяхъ, то онъ можетъ выработать его изъ составовъ собственнаго тѣла или собственной дѣятельностью и энергіей переселиться въ другую мѣстность, гдѣ найдетъ то, что ему необходимо. При этой свободѣ выбора тотчасъ же опредѣляется путь, по которому будетъ идти этотъ организмъ. Если онъ энергиченъ, дѣятеленъ, то онъ непременно достигнетъ желаемаго, выработаетъ то вещество, которое ему необходимо.

Если онъ самъ не въ состояніи это сдѣлать, то это сдѣлаютъ его отдаленные потомки. Все равно, только бы достало на это ихъ сила, ихъ энергической дѣятельности.

Другіе недѣятельные организмы при этомъ свободномъ выборѣ или погибаютъ, не думая приспособляться къ жизненнымъ условіямъ, или выбираютъ изъ этихъ условій самыя легкія и остаются цѣлые годы, вѣка, десятки вѣковъ на неудобномъ *statu quo* ихъ организаціи. Такимъ образомъ до нашего времени дожило множество организмовъ съ самой первичной неуклюжей конструкціей, какъ напр. Орбитулиты. тогда какъ другіе, болѣе дѣятельные (или болѣе счастливые) прошли длинный рядъ морфологическихъ и фізіологическихъ измѣненій и дошли до тѣхъ вершинъ, на которыхъ стоятъ высшія формы царства животнаго.

Но мы отклонились въ сторону и далеко не докончили рядъ предположеній, вытекающихъ изъ природныхъ явленій безсознательнаго.

Въ-пятыхъ, мы должны предположить (вмѣстѣ съ Негели и Вейсманомъ), что болѣе консервативная протоплазма каждаго организма или такъ называемая «идіоплазма» служитъ для наслѣдственной передачи его свойствъ. Это протоплазма сохраняется, какъ извѣстно, въ болѣе внутренней, центральной части клѣтки, въ ея ядрѣ. Какими мелкими тонкими частями этой протоплазмы — ея нуклеина или хроматина воспринимаются, сохраняются и передаются развивающемуся поколѣнію всѣ свойства его производителей? Вотъ вопросъ который съ радостью разрѣшилъ бы каждый фізіологъ и морфологъ, если бы только существовали средства для его разрѣшенія. Здѣсь безсознательное упорно хранитъ свою тайну и еслибы мы даже фізіологически разрѣшили, какая часть протоплазмы здѣсь участвуетъ — то мы все-таки не знали бы процесса этого закрѣпленія и передачи наслѣдственныхъ свойствъ протоплазмы и, за неимѣніемъ этихъ данныхъ, мы снова должны ставить предположеніе.

Въ-шестыхъ, всякое впечатлѣніе оставляетъ слѣдъ въ организмѣ, смотря по тому, будетъ-ли оно кратковременно или продолжительно, а также смотря по тому, какъ сильно оно поразитъ организмъ и наконецъ, какъ этотъ организмъ отнесется къ этому впечатлѣнію, т. е. будетъ-ли онъ вообще впечатлительнъ, воспримчивъ или апатиченъ и равнодушнъ ко всякимъ впечатлѣніямъ. Съ этимъ предположеніемъ, мы невольно вступаемъ въ высшія психическія сферы дѣятельности каждаго организма и можетъ быть переходъ въ данномъ случаѣ отъ свойствъ грубой матеріальной протоплазмы къ психической дѣятельности будетъ слишкомъ грубъ. Но если намъ неизвѣстны молекулярные процессы этой протоплазмы, то гдѣ же мы найдемъ факты и слова для выраженія процессовъ не матеріальной, психической дѣятельности орга-

низма?! Процессъ сохраненія и удержанія впечатлѣній въ мозгу животныхъ и въ нашемъ собственномъ мы называемъ памятью, не понимая ни сущности его, ни того, въ чемъ онъ состоитъ. Мы знаемъ только, что этотъ процессъ держится на впечатлѣннѣхъ и представленнѣхъ, на ассоціи этихъ представленнѣхъ и что ритмическій строй сильно помогаетъ этому процессу. Такъ заучиваніе, запомянаніе какихъ-нибудь выраженнѣхъ и словъ идетъ легче, если эти слова и выраженія переложены въ ритмическую форму, въ стихи.

Если мы при этомъ будемъ слѣдить, какимъ образомъ возникаютъ въ нашей памяти эти заученныя слова и выраженія, то ясно увидимъ, что это совершается безсознательно. Все заученное является механически безъ участія нашего разсужденія. Оно является совершенно также, какъ являются безсознательныя привычки, и главное, что здѣсь дѣйствуетъ, это безсознательный ритмическій размѣръ.

Изъ этого весьма неяснаго факта мы можемъ вывести предположеніе, что вообще психическіе молекулярные процессы дѣйствуютъ ритмическимъ путемъ и всѣ вообще комбинаціи должны имѣть такъ сказать музыкальную форму, т.-е. являться въ извѣстныхъ эстетическихъ отношеннѣхъ.

Мы можемъ представить себѣ, что впечатлѣніе дѣйствуетъ такимъ же образомъ, какимъ производится отпечатокъ свѣтовыхъ цвѣтнѣхъ лучей на сѣтчаткѣ нашего глаза. Въ случаѣ внезапной смерти субъекта этотъ отпечатокъ остается на сѣтчаткѣ. При жизни онъ только служитъ стимуломъ для возбужденія глазнаго, оптическаго нерва. Онъ возбуждаетъ сначала окончаніе его волоконъ, дѣйствуетъ на такъ называемыя «нервныя палочки или цилиндрики» и затѣмъ передается по волокнамъ зрительнаго нерва, въ центральныя зрительныя органы. Путь этого впечатлѣннѣ до зрительныхъ центровъ совершается посредствомъ матеріальной передачи и производитъ колебанія или перестановку въ матеріальныхъ частицахъ въ нервѣ. Но какимъ образомъ это впечатлѣніе идетъ дальше и перерабатывается въ наше представленіе мы положительно не знаемъ. Можетъ быть изображеніе предметовъ приходитъ въ той самой формѣ въ которой оно отпечатлѣвается на сѣтчаткѣ. Можетъ быть оно уменьшается проходя далѣе и доходитъ до размѣровъ тѣхъ молекулъ, изъ которыхъ сложены кѣлки зрительныхъ центровъ. При нынѣшнемъ состояніи фотографіи, мы можемъ получить изображеніе въ одинъ миллиметръ, въ которомъ заключается цѣлая картина или цѣлая страница. Это мы можемъ сдѣлать нашими далеко несовершенными современными фотографическими средствами. Во сколько же разъ средства природы сильнѣе и богаче этихъ жалкихъ средствъ!.

Въ-седьмыхъ, наше предположеніе входитъ въ таинственную глубину этихъ средствъ, для насъ еще совершенно недоступную. Впечатлѣніе

можетъ быть мгновенно и тѣмъ не менѣе оно можетъ оставить неисчезающій слѣдъ въ организмъ, или же оно можетъ суммироваться черезъ рядъ постоянно повторяющихся краткихъ впечатлѣній. Здѣсь весь процессъ вѣроятно сводится къ образу привычныхъ дѣйствій и закрѣпляется точно такимъ же путемъ. Но предположимъ, что такое впечатлѣніе, довольно сильно подѣйствовавши на организмъ, отражается не только на немъ, но и на его потомкахъ. Къ сожалѣнію, здѣсь цѣлый длинный рядъ фактовъ, который могъ бы уяснить намъ этотъ предметъ, не признается или оспаривается до сихъ поръ физиологами. Я говорю о тѣхъ передачахъ отъ матери къ ея плоду, которыя французы называютъ: «желаніями» (*envies*). Если бы эти факты могли быть подтверждены опытами надъ наслѣдственными признаками, то можетъ быть многое стало бы ясно для насъ въ этой темной области. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ допустить, что впечатлѣніе въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть передано наслѣдственно матерью ея сыну или дочери.—и если такое впечатлѣніе можетъ передаваться мгновенно, то нѣтъ никакого основанія отрицать, что оно можетъ передаваться суммированіемъ или повторнымъ дѣйствіемъ, повторяющимся болѣе или менѣе продолжительное время.

Принявъ въ расчетъ всѣ эти болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, мы можемъ, кажется, приступить теперь къ объясненію явленій подражанія и мимичности—и прежде всего я напому о томъ фактѣ, что функція нервной системы могутъ совершаться безъ этой системы съ помощью неоформенной протоплазмы. Примѣры тому мы видимъ у инфузорій, у шиповницы. При этомъ самый процессъ—передача возбужденій—совершается невидимымъ для насъ образомъ. Такіе невидимые органы могутъ существовать не только у индивида, но передаваться имъ наслѣдственно въ поколѣніе. Слѣдовательно, это поколѣніе получаетъ отъ него въ наслѣдство невидимую и неосызаемую идею функціи—нѣчто, что не получило еще ни формы, ни строенія, нѣчто въ родѣ запаха или вкусоваго ощущенія, нѣчто въ видѣ неопредѣленнаго звука, неопредѣлившагося колебанія матеріальныхъ частицъ.

Точно такимъ же образомъ вѣроятно начинаются всѣ другіе процессы въ той массѣ протоплазмы, которая служитъ для выработки соотвѣтствующихъ органовъ. Точно также всякое желаніе или стремленіе переходятъ въ видимую и осызаемую реальную форму. Если какое нибудь насѣкомое будетъ возбуждено почему-либо видомъ другого насѣкомаго и у него явится желаніе подражать ему, то это желаніе сначала въ видѣ смутнаго представленія, затѣмъ въ видѣ опредѣленной и болѣе и болѣе уясняющейся идеи, будетъ сильнѣе и сильнѣе возбуждать сперва извѣстную часть нервной системы, затѣмъ отразится на протоплазмѣ всѣхъ клѣтокъ и, наконецъ, дойдетъ до клѣтокъ вос-

производительныхъ и отразится на потомствѣ. Это отраженіе будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе и сильнѣе, чѣмъ интенсивнѣе самецъ и самки будутъ стремиться къ выполнению одного и того-же желанія.

Съ другой стороны въ тѣхъ-же самыхъ насѣкомыхъ, такъ сказать, зараженныхъ уже желаніемъ подражать какому-нибудь другому насѣкомому, точно также какъ и во всѣхъ вообще организмахъ, есть общія желанія, привязанности и стремленія, которыя руководятъ ими во всѣхъ случаяхъ жизни. Казалось-бы что выше привязанности къ индивидуальной жизни не можетъ быть ничего у каждаго живаго и нормальнаго организма и между тѣмъ мы видимъ, что бабочки, забывая объ жизни, летятъ прямо въ огонь и обжигаютъ крылья. Блуждающія животныя стремятся въ невѣстномъ направленіи и встрѣчая на пути ручей и даже рѣку—слѣпо бросаются въ нее и гибнуть сотнями, но все-таки многія изъ нихъ достигаютъ желаемого берега и идутъ, идутъ, не зная сами куда ихъ ведетъ таинственная, слѣпая, инстинктивная сила. Мы знаемъ, что бабочки сносятъ яйца, покрываютъ ихъ пухомъ собственнаго тѣла и умираютъ на этихъ яйцахъ. Наконецъ, мы знаемъ въ какихъ сильныхъ, необузданныхъ порывахъ ироявляется половая страсть. Мы знаемъ, какъ стремительно бѣжитъ перепелъ на звуки перепелиной дудки, подражающей голосу самки, съ какой слѣпой страстью онъ бросается на перчатку, которую кидаетъ ему птицеловъ. И такіе же слѣпые безумные порывы мы встрѣчаемъ въ царствѣ животныхъ, повсюду, не исключая и человѣка. Припомните царицу Тамару Лермонтова или египетскія noci Пушкина.

Въ общемъ привязанность къ индивидуальной жизни борется съ привязанностью къ жизни потомства. Первая является полусознательной и сознательной—во второй огромное мѣсто отведено безсознательному. Но въ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ, что безсознательное стремленіе къ чему-то пересиливаетъ инстинктивную привязанность къ жизни и потомству. Таково стремленіе къ переселенію или бабочки къ горячей свѣчѣ.

Теперь представимъ себѣ, что стремленіе къ подражанію чему бы то ни было является у насѣкомаго въ такой же острой формѣ, какъ и стремленіе къ переселеніямъ и т. п. Такое стремленіе или желаніе непременно отразится на его потомствѣ, которое получить его въ наслѣдство отъ производителей. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію оно будетъ усиливаться, такъ какъ экземпляры, въ которыхъ оно сильнѣе разовьется, будутъ возбуждѣны и жизнениѣе, будутъ заключать больше жизненной энергіи, чѣмъ другіе болѣе квіетическіе и апатичные. Первые будутъ имѣть больше задатковъ продолжать жизнь, вторыя мало по малу погибнуть въ борьбѣ за существованіе. Это инстинктивное неодолимое стремленіе къ подражанію разойдется по всѣмъ клѣткамъ, обхватитъ

всю ихъ протоплазму и наконецъ выйдетъ въ ту форму, къ которой стремилось послѣдовательно нѣсколько поколѣній.

Это процессъ, общій для многихъ явленій въ царствѣ животныхъ. Это процессъ, которымъ вырабатывается не только подражаніе какому нибудь виду, но которымъ вырабатывается, создается самый видъ. Идея и необходимость жить въ крови, въ пластическихъ сокахъ, въ протоплазмѣ каждаго существа и мало по малу вырабатывается новый видъ, родъ и т. д.

IV.

Объясненіе мимичности у *Leucochloridium*.—Зрѣніе безъ глазъ.—Объясненіе Гектокотилия.—Случай у *Lauga girardii*.—Старый и современный взглядъ на телеологию.—Законъ двойныхъ результатовъ.

Нисшіе организмы имѣютъ болѣе слабую связь между составляющими ихъ клѣтками. За то большая часть этихъ клѣтокъ или даже всѣ (какъ у губокъ) могутъ производить новые организмы. Препятствія, которыя встрѣчаютъ они въ своей жизни и въ своемъ развитіи, достаточно уравновѣшиваются громаднымъ количествомъ этихъ клѣтокъ. Тоже самое должно сказать о количествѣ яицъ, которыя производятъ нисшіе организмы. Такъ напр. индивиды ленточныхъ глистовъ, въ послѣдней стадіи развитія, представляются намъ въ видѣ члениковъ, биткомъ набитыхъ яйцами. Вообще чѣмъ сильнѣе увеличиваются препятствія къ размноженію, оплодотворенію или развитію яицъ, тѣмъ болѣе увеличивается количество этихъ яицъ и способовъ къ размноженію и сохраненію ихъ во время развитія. Совершается это весьма просто. Остановка или препятствіе въ ихъ снесеніи или кладкѣ не оставиваетъ ихъ развѣтія. Оно продолжается и дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на женскій организмъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выработаетъ новыхъ способовъ для ихъ снесенія. Такое раздраженіе дѣйствуетъ какъ стимулъ возбуждающимъ образомъ на инстинктивныя способности и отправления. Подъ этимъ постояннымъ возбужденіемъ организмъ вырабатываетъ новые пути и новые органы для вывода или снесенія яицъ. У ленточныхъ глистовъ—цѣлый индивидуализированный членикъ выводится вмѣстѣ съ яйцами вонъ изъ кишечнаго канала хозяина. У глистовъ плоскихъ или *сосальщиковъ* (Trematoda) это дѣлается иначе. Здѣсь развитіе вырабатываетъ болѣе или менѣе сложные способы для той же самой цѣли. И вотъ съ однимъ изъ этихъ способовъ мы встрѣчаемся у той *двуротки* (*Distomum macrostomum*), о которой мы выше говорили.

Мы видѣли, что мимичность можетъ дѣйствовать безсознательно, но первые зачатки ея всегда совершаются по волѣ и желанію животнаго. Притомъ эти зачатки, въ данномъ случаѣ, явились въ ретроградномъ

метаморфозѣ, который уже самъ по себѣ представляетъ позднѣйшее явленіе. Въ этомъ періодѣ, въ неокрѣвшихъ тканяхъ организма мы встрѣчаемъ большую подвижность и вмѣстѣ съ ней большую пластичность. Сначала экскременты паразитныхъ глистовъ — *Leucochloridium* попадались безразлично разными травоядными организмами, но только въ кишкахъ и общей полости тѣла ятарокъ они нашли соответствующее мѣсто, изъ котораго можно было попасть дальше. Въ этотъ періодъ, а можетъ быть и ранѣе ихъ организація раздѣлилась на главное тѣло и на его придатки ¹⁾. Тѣло этой глисты, двигаясь и блуждая въ общей полости тѣла, необходимо рано или поздно должно было встрѣтить продолженіе этой полости въ щупальцы и вступить въ эти послѣдніе. Здѣсь оно продолжало тѣ же движенія какъ и въ общей полости тѣла, т. е. постоянное вытягиванье и сокращеніе періодическое, черезъ короткіе промежутки. Вслѣдствіе этого и самые щупальцы постоянно вытягивались и сокращались.

Дойдя до этой стадіи развитія спороцистъ *Leucochloridium* вступаетъ въ болѣе близкое отношеніе къ внѣшнему міру. Сквозь прозрачную тонкую кожу щупальца ятарки на него со всѣхъ сторонъ падаютъ лучи свѣта—и этого мало, онъ самъ можетъ просвѣчивать сквозь эту тонкую кожу. Въ это время стремленіе къ эмиграціи, переселенію достигаетъ въ немъ наивысшей точки. Припомнимъ, что это переселеніе—слѣпое, инстинктивное—заставляетъ животныхъ идти многія сотни верстъ по прямому пути, не смотря ни на какія препятствія и задержки. И вотъ подъ влияніемъ этого сильнаго страстнаго стремленія съ спороцистомъ нашей глисты случаются необыкновенныя вещи. Онъ видитъ безъ глазъ точно также какъ шишопица совершаетъ роковые рефлексы безъ нервной системы. Свѣтовые цвѣтные лучи отражаются на кожѣ этого паразита и подъ влияніемъ внутренняго страстнаго импульса становятся видимыми.

Предполагаемая мною довольно смѣлая гипотеза не такъ далека отъ истины, какъ это кажется съ перваго взгляда. Мы знаемъ, что многое въ организаціи животныхъ начинается снаружи, съ периферіи. Припомнимъ волоски инфузорій, чувствительныя волоски и органы чувствъ (глаза и слуховыя пузырьки) у медузъ. Припомнимъ связь пигментальныхъ движущихся клѣтокъ съ дѣйствіемъ свѣта, съ одной паружной стороны, и влияніе на нихъ нервовъ и даже психическихъ функцій, съ другой, внутренней, стороны. Принявъ все это во вниманіе, нетрудно будетъ допустить появленіе этихъ цвѣтныхъ скопленій подъ влияніемъ свѣта, а главное подъ влияніемъ нервно-психическаго аффекта.

¹⁾ Такое раздѣленіе мы встрѣчаемъ у гусеницъ многихъ формъ изъ отряда *сосальщиковъ* (Trematoda) напр. *Distoma bucephalum*.

Но почему же эти цвѣтныя, пигментальныя скопленія краски и пятна являются въ извѣстных мѣстахъ, располагаются извѣстнымъ образомъ и придають спороцисту глисты, заключенному въ прозрачномъ чехлѣ щупальца, такое удивительное сходство съ гусеницей бабочки?—На это можно отвѣтить другимъ вопросомъ: Какимъ образомъ яйца кукушки внутри ея яйцеводовъ принимаютъ точь въ точь такую окраску какую имѣютъ яйца той птицы, въ гнѣздо которой она ихъ положить?

Мы скажемъ, что она видитъ эти яйца и подражаетъ имъ, т. е. окраска этихъ яицъ, посредствомъ внутренняго психическаго процесса, отражается на вервахъ ея яйчника и на клѣточкахъ его откладывающихъ скорлупу и пигменты.—Но гусеница (спороциста) глисты также видитъ, хотя и безъ глазъ ¹⁾. Она видитъ, что подлѣ него птица поѣдаетъ гусеницъ бабочекъ извѣстной породы. Страстное инстинктивное (слѣпое) стремленіе подсказываетъ ему, что необходимо подражать этимъ гусеницамъ, ихъ окраскѣ и она это дѣлаетъ. Естественный подборъ здѣсь какъ и вездѣ дополняетъ и совершенствуетъ то, что не по силамъ одному страстному стремленію. Черезъ длинные многолѣтніе ряды поколѣній спороциста, наконецъ, доходитъ до своей цѣли и въ совершенствѣ обманываетъ неосмотрительнаго жаднаго рѣполова, который слезливаетъ вмѣстѣ съ мнимой гусеницей и цѣлую улитку.

Это переселеніе—критическій моментъ въ жизни спороциста. На этотъ моментъ направлялась вся возбужденная дѣятельность многихъ поколѣній. Достигая его, онъ переходитъ Рубиконъ. Дальнѣйшая судьба дорогаго ему поколѣнія обезпечена. Это поколѣніе, въ видѣ гусеницъ двуротки (*Distoma macrostomum*), наполняетъ всѣ многолѣтствыя придатки тѣла спороциста. Его кожа, точно также какъ и покровы его придатковъ исчезаютъ въ желудкѣ рѣполова и всѣ зародыши глисты становятся свободными; имъ необходимо только сбросить кожу, а подъ ней уже лежитъ готовая половозрѣлая форма. Они расселяются въ кишечникѣ птицы, сосутъ ея кровь и лимфу, можетъ быть и пищу, и изъ всего этого внутри половыхъ органовъ этихъ гермафродитовъ вырабатывается громадное количество яицъ.

Такимъ образомъ посредствомъ разныхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, можно построятъ гипотезу, которая объясняетъ удивительный случай мимичности. Но есть еще болѣе удивительный случай, который съ перваго взгляда напоминаетъ намъ о вліяніи какой-то посторонней силы, чуждой законамъ и явленіямъ развитія. Вотъ этотъ случай.

¹⁾ Этотъ странный и съ физиологической точки зрѣнія совершенно необъяснимый фактъ вѣроятно найдетъ современемъ объясненіе въ неразработанной безсознательной психической дѣятельности, которую до сихъ поръ можетъ быть въ рѣдкихъ спорныхъ случаяхъ подмѣтили только у человека.

Между головоногими моллюсками существуетъ одна, которая несетъ названіе «*кораблика*» (*Argonauta argo*). Самка этого вида выдѣляетъ раковину посредствомъ двухъ изъ своихъ щупальцевъ, сильно растяжимыхъ, лопастевидныхъ, которые не только выдѣляютъ эту красивую, по формѣ, тонкую раковину, но и поддерживаютъ ее во время плаванія животнаго ¹⁾. Самецъ и самка до извѣстнаго возраста развиваются одинаково, съ тѣмъ отличіемъ, что одно изъ 10 щупалецъ самца развивается въ пузыреобразномъ мѣшкѣ, но совершенно на томъ же мѣстѣ, какъ и соответствующее ему щупальце самки. Съ возрастомъ длина его увеличивается и, сообразно этому, увеличивается и пузырь, въ которомъ оно заключено. Достигая зрѣлости, это щупальце мало по малу освобождается изъ пузыря, отрывается отъ головы моллюски и плаваетъ свободно. Оно ищетъ самку.

Снаружи это щупальце, которое называютъ *Гектокотилемъ* (*Hectocotylus*) ²⁾ очень мало отличается отъ другихъ щупальцевъ. Точно также какъ и въ другихъ щупальцахъ съ внутренней стороны этого длиннаго щупальца тянется двойной рядъ присосковъ. Оно той же длины и болѣе вытянуто на концѣ. Но внутри въ немъ помѣщается мужской половой аппаратъ, служащій для оплодотворенія. Нервная система его точно также, какъ и въ другихъ щупальцахъ, состоитъ изъ нервовъ управляющихъ мышцами. Эти нервы мѣстами образуютъ сплетенія. Мѣстами въ этихъ сплетеніяхъ появляются маленькіе узелки, точно также, какъ и въ другихъ обыкновенныхъ щупальцахъ, служащихъ для движенія. При знакомствѣ съ этимъ строеніемъ невольно возникаетъ вопросъ: что же такое въ этомъ щупальцѣ дѣйствуетъ, управляетъ и доводитъ его до выполненія его функцій? Какими средствами и способами оно отыскиваетъ самку?! Еслибы въ немъ присутствовали какіе нибудь первные органы, узлы, которые можно было призвать за центры нервнаго отправленія. Но такихъ органовъ въ немъ нѣтъ. Въ немъ нѣтъ даже органовъ обонянія, этихъ органовъ, которые всего ближе и чаще участвуютъ въ половыхъ процессахъ и развиваются подъ ихъ вліяніемъ.

И такъ вотъ передъ нами фактъ крайне загадочный. Мы видимъ

¹⁾ Въ прежнее старое время натуралисты думали, что эти лопастевидные щупальцы служатъ животному парусамъ, что онъ поднимаетъ ихъ вверхъ и плыветъ въ своей раковинѣ, какъ въ лодкѣ.

²⁾ Замѣчательно въ исторіи науки открытіе этого щупальца. Въ первый разъ описать его Кювье, какъ червь, описалъ, чтобы показать, что естественная исторія вообще и зоологія въ частности есть «*наука фактовъ*» и только описывая точно всѣ факты мы можемъ достигъ до разгадки явленій. Въ сущности то, что онъ описалъ не было фактомъ. Его *Hectocotylus* не только не былъ червемъ, но даже не былъ самостоятельной формой. Это была часть, одинъ органъ и притомъ не червя, а моллюски.

оторванный отъ животнаго органъ, притомъ отрывающійся самопроизвольно, видимъ ногу, щупальце, органъ, который служитъ обыкновенно для передвиженія, для плаванія — и этотъ органъ здѣсь превращается въ органъ оплодотворенія, самопроизвольно плаваетъ, отыскиваетъ самку съ зрѣлыми яичами и оплодотворяетъ ихъ. Къ чему же послѣ этого вся сложная нервная система? Къ чему ея центральные органы, координирующіе и управляющіе движенія? Какими органами это щупальце можетъ отыскивать самку? Оно не видитъ, ибо у него нѣтъ глазъ, не слышитъ, такъ какъ у него нѣтъ слуха, не обоняетъ, такъ какъ у него нѣтъ органовъ обонянія и между тѣмъ, оно исполняетъ крайне важное отправленіе и исполняетъ съ такою вѣрностью и правильностью, съ какой не можетъ исполнить его ни одинъ механизмъ и никакое животное.

Для объясненія этого страннаго факта намъ необходимо нѣсколько отойти отъ предмета и замѣтить прежде всего, что этотъ фактъ не единственный въ царствѣ животныхъ. Между медузами трубчатниками въ родахъ *Eudoxia* и *Diphyes* — отъ общаго стебля, на которомъ расположены организмы, въ эпоху зрѣлости отрываются организмы половые и плаваютъ свободно по морю при встрѣчѣ другъ съ другомъ производятъ оплодотвореніе. Въ этомъ случаѣ отрываніе производится легко и какъ бы случайно, такъ какъ ткани этихъ организмовъ весьма нѣжны, хрупки и цѣльня колоніи этихъ медузъ часто разрываются на куски — при неосторожномъ, грубомъ прикосновеніи къ нимъ.

Мы спустимся еще ниже, въ область чуждую зоологіи, но не чуждую природѣ. Между однодольными растеніями есть одно — *Vallisneria spiralis* — водяное растеніе очень легко разводимое въ акваріяхъ. Оно двудомное и его женскіе цвѣты сидятъ на длинныхъ цвѣтовыхъ ножкахъ, скручивающихся спирально. Когда настаетъ время для этихъ цвѣтовъ раскрыться, то ихъ ножка мало по малу раскручивается, развертывается спирально. Цвѣты достигаютъ уровня воды и развертываются. Но мужскіе цвѣты не имѣютъ такого приспособленія. Ихъ цвѣтная ножка очень коротка и въ то время, когда настаетъ время цвѣтенія, эта ножка отрывается отъ растенія. Цвѣтокъ всплываетъ, распускается и опыляетъ женскіе цвѣты, которые послѣ этого снова закрываются, ихъ длинныя цвѣтныя ножки опять свертываются спирально, они погружаются въ воду и развиваютъ сѣмена.

Слѣдовательно, вотъ случаи аналогичные по ихъ постройкѣ и идеѣ съ случаями у *Argonauta Argo*. Посмотримъ же, какъ могли развиваться такіа страннае случаи.

Въ природѣ очень часто попадаются случаи «преждевременнаго развитія». Организмъ какъ бы торопится скорѣе исполнить ту функцію, для которой вырабатывается его организація и если это стремленіе

сильно, повелительно, инстинктивно, то нѣтъ ничего удивительнаго, если эта функція наступить преждевременно, если она, такъ сказать, непосредственно перескочитъ черезъ другія функціи. Эти функціи обыкновенно слѣдуютъ одна за другой, въ строгомъ физиологическомъ порядкѣ, т. е. сперва является и вырабатывается функція питанія, является кишечный каналъ, съ его отдѣленіями и придатками, за нимъ слѣдуетъ система кровообращенія, за ней—дыхательныхъ органовъ, за ней—первая и, наконецъ, послѣ всего, появляются органы воспроизведенія, органы половые. Сначала организмъ эгоистично вырабатываетъ то, что необходимо ему самому, а затѣмъ излишки оны отдастъ потомству. Но если вслѣдствіе закона дезинтеграціи долженъ наступить процессъ дезинтеграціи—распаденія организма на клѣтки, изъ которыхъ развиваются продукты размноженія. то этотъ процессъ наступаетъ раньше. Такъ, въ группѣ паразитныхъ червей (глистовъ) у гусеницъ (спороцистовъ) въ первомъ поколѣніи раньше развитія первой системы, органовъ кровообращенія и дыханія наступаетъ развитіе зародышей слѣдующаго поколѣнія. Но въ группѣ глистовъ это явленіе не такъ поражаетъ насъ, какъ въ группѣ колоратокъ или ракообразныхъ. Тамъ пропускаются, пропадаютъ вовсе органы пищеваенія и развиваются прямо органы половые и первая система. Наконецъ, въ разсматриваемомъ нами случаѣ, у гектокотилия, нервная система остается въ томъ состояніи, въ какомъ она существуетъ въ прочихъ цупальцахъ—ногахъ и развиваются только органы половые.

Здѣсь я позволю себѣ отступитъ еще нѣсколько въ сторону, чтобъ остановиться ненадолго на томъ взглядѣ, который имѣли на это явленіе прежніе зоологи, олицетворявшіе природу, въ видѣ матери, постоянно заботящейся и пекущейся о будущемъ поколѣніи и благосостояніи всѣхъ существъ. Должно ли говорить, что въ настоящее время подобный взглядъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Въ немъ все невѣрно, начиная съ самаго олицетворенія природы. Въ ней совершается все просто, естественно, не по человѣчески. Каждое явленіе является вслѣдствіе химическихъ или механическихъ законовъ и условий, доводится само собой до удивительной и для перваго взгляда совершенно непонятной сложности и біологической цѣлесообразности. Для того, чтобы понять его, необходимо знаніе возможно большаго числа фактовъ и только это знаніе дастъ намъ средство объяснить его.

Въ данномъ случаѣ по старому взгляду явленіе объясняется очень просто. Природа экономна, она не тратитъ лишняго, а потому предусмотрительно уничтожаетъ тѣ органы, которые не нужны организму. Но если допустить такой взглядъ, то слѣдуетъ упрекнуть природу въ излишней расточительности и даже неряшливости, въ жестокосердечіи и неосмотрительности, наконецъ въ небрежности, съ какой она тра-

тить множество индивидуальных жизней, каждую минуту отдавая ихъ на жертву простымъ элементарнымъ неорганическимъ явленіямъ. Нѣтъ! прежніе романтическіе взгляды должны уступить мѣсто новымъ, взглядамъ, твердо основаннымъ на болѣе глубокомъ знаніи фактовъ.

Случай, который мы находимъ у кораблика, существуетъ въ такой же простѣйшей формѣ у одного очень страннаго паразитнаго рачка. у *Laura Girardii*. Самка этого рачка живетъ въ клѣтчаткѣ тѣла полиповъ изъ семейства *Gorgonida*. Она лежитъ въ особомъ мѣшкѣ, образуемомъ изъ ея покрововъ, и высасываетъ соки полиповъ множествомъ ртовъ, расположенныхъ на стѣнкахъ этого мѣшка. Внутри этого мѣшка, вблизи личниковъ, прилѣпляется самецъ, организація котораго доводится до организаціи простой ноги.

Но приведенный примѣръ аналогиченъ только въ этой послѣдней его стадіи, тогда какъ въ первыхъ стадіяхъ его развитія самецъ этотъ являлся въ видѣ свободно плавающего маленькаго рачка. Хотя этихъ первыхъ стадій мы не знаемъ, но мы должны предположить о нихъ по аналогіи съ другими рачками той же группы. У гектокотили нога прямо отрывается самопроизвольно отъ самца, вполне развитаго, который вырабатываетъ оплодотворяющее сѣмя внутри своихъ половыхъ органовъ и передаетъ его въ особый, назначенный для этой цѣли резервуаръ, лежащій въ щупальцѣ. Такимъ образомъ, онъ такъ сказать экипируетъ щупальце для его поисковъ за самкой.

Случай съ самцемъ *Laura Girardiae* представляетъ намъ дальнѣйшую степень того, что мы встрѣчаемъ у гектокотили. У этого послѣдняго только часть организма, часть самца — одно щупальце превращается въ оплодотворительный органъ, у *Laura* (какъ кажется) весь самецъ идетъ на образованіе этого органа, но въ сущности это все равно. Вопросъ въ томъ: почему щупальце-нога распоряжается такимъ самостоятельнымъ образомъ? Почему оно отрывается, плаваетъ, отыскиваетъ самку и оплодотворяетъ ее? Очевидно, что на этотъ вопросъ можетъ быть отвѣтъ только въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ. Очевидно, что здѣсь преобладаетъ надъ всѣмъ слѣпое, безсознательное половое стремленіе. Оно составляетъ исходную и конечную точку явленія, которое вѣроятно шло долгимъ путемъ, пока не выработалось въ такой сложной и необыкновенной формѣ.

Посмотримъ сперва ближе на строеніе и отправленіе самого щупальца. Всѣ эти щупальца-ноги моллюски весьма подвижныя органы, состоящіе почти исключительно изъ мышечныхъ слоевъ и лентъ, имѣющихъ твердыя точки опоры въ стягивстой кожѣ. Притомъ этотъ органъ приспособленъ къ чрезвычайно разнообразнымъ движеніямъ. Онъ можетъ плавать, извиваясь какъ угорь. Онъ можетъ ползать какъ змѣя или червь и притомъ присасываться къ разнымъ точкамъ тѣла, благо-

даря вантузамъ, которые идутъ въ два ряда по брюшной (внутренней) сторонѣ его. Онъ можетъ приэтомъ перевертывать все свое тѣло винтомъ и присасываться къ различнымъ предметамъ. Наконецъ, онъ можетъ заползать, какъ ужъ или змѣя, въ разныя трещины и полости тѣла. Однимъ словомъ, онъ богато, роскошно снабженъ всевозможными средствами движенія. Почти каждая часть тѣла этого щупальца имѣетъ соотвѣтствующій узелокъ, который иннервируетъ, управляетъ ея движеніями. Всѣ они могутъ дѣйствовать безъ центрального координирующаго аппарата. Они могутъ производить всѣ простые рефлексы, а сила, побуждающая ихъ къ движенію, находится не въ нихъ, а въ томъ страстномъ слѣпомъ стремленіи, источникъ котораго кроется въ резервуарѣ, наполненномъ сперматофорами. Но, кромѣ этого приспособленія, щупальце кораблика обладаетъ необыкновенной чувствительностью. Это главный, почти исключительный органъ, посредствомъ осязанія котораго животное (корабликъ) пріобрѣтаетъ знакомство съ вѣшнимъ міромъ. Рядомъ съ нервными волокнами, посредствомъ которыхъ передаются импульсы движенія, въ Гектокотилѣ распредѣляется множество чувствительныхъ нервовъ, съ окончательными приводами ихъ въ кожѣ, съ крайне чувствительными воспринимающими нервными тѣльцами. Вообще кожа головоногихъ отличается крайней чувствительностью, воспримчивостью и раздражительностью, но высшей чувствительности она достигаетъ въ вытянутыхъ и утонченныхъ концахъ щупальцевъ. Здѣсь чувство осязанія граничитъ съ чувствомъ зрѣнія и слуха. Щупальце, вѣроятно, издалека ощущаетъ по какимъ-либо неуловимымъ для насъ признакамъ присутствіе самки и плыветъ извиваясь прямо къ ней; достигнувъ ее, оно всползаетъ по ея тѣлу и безъ труда отыскиваетъ тѣ органы, которые оно должно оплодотворить.

Въ этомъ фактѣ, очевидно, проявляется то желаніе или стремленіе, которое долго раздражало самца и наконецъ передалось его щупальцу ¹⁾ Подъ вліяніемъ этого рокового импульса и роковыхъ рефлексовъ, оно продолжаетъ дѣйствовать, пока не освободится отъ оплодотворяющей жидкости. Самецъ, произведшій это щупальце и снабдившій его этой жидкостью и этимъ страстнымъ стремленіемъ, умираетъ. Его роль кончена—онъ исполнилъ свое дѣло. Въ этомъ фактѣ замѣчательно, во-первыхъ, что явленіе переносится въ тотъ органъ, который былъ наиболѣе дѣятеленъ, который служилъ для энергическаго движенія и ощупыванія предметовъ. Во-вторыхъ, то сокращеніе въ фазахъ (стадіяхъ) явле-

¹⁾ Случай, аналогичный съ гектокотилемъ у головоногихъ, мы встрѣчаемъ во всемъ порядкѣ пауковъ (*Araneida*), у которыхъ щупальцы самцовъ превращаются въ оплодотворятельные органы. Здѣсь чувство осязанія развито въ одну сторону, какъ бы притягиваетъ къ себѣ и органъ, который возбуждается этимъ осязаніемъ. Тоже самое мы видимъ у гектокотили.

нія, которое выясняется чрезъ сравненіе этого случая съ другими аналогичными. У глстовъ сокращаются (выбрасываются) всѣ органы и остаются только клѣтки, изъ которыхъ развивается новое поколѣвіе. У коловратокъ выбрасывается кишечный каналъ. У гектокотилия отбрасывается весь организмъ самца и остается только одинъ органъ, служащій для движенія и непосредственно для оплодотворенія. Но этотъ органъ вырабатывался цѣлымъ организмомъ и даже цѣлымъ длиннымъ рядомъ организмовъ. Въ немъ выразилось то страстное стремленіе, которое было накоплено цѣлымъ длиннымъ рядомъ поколѣвій и все это наконецъ вылилось въ этомъ самодѣйствующемъ органѣ, quasi-организмѣ, служащемъ для оплодотворенія.

Въ предлагаемомъ объясненіи существуютъ пробѣлы—слѣдствіе недостающихъ фактовъ, но всякій согласится, что это единственный вѣрный путь для реальнаго объясненія и когда будутъ открыты эти недостающіе факты, то все свяжется въ стройную картину, и то, что было загадочнымъ и темнымъ, выяснится и прольетъ свѣтъ на всѣ области этихъ явленій бессознательной жизни.

Теперь, если мы представимъ какое-бы то ни было изъ природныхъ явленій, то оно расчленился передъ нами на множество ступеней или фазъ, послѣдовательно-возникающихъ одна изъ другой. Первые фазы явленія могутъ зарождаться или сознательно, подъ вліяніемъ желанія и индивидуальной воли организма,—или они являются бессознательно, какъ результатъ предыдущихъ сознательныхъ и бессознательныхъ явленій. Если эти фазы мы означимъ рядомъ буквъ: а, b, с, d, е, и т. д., то первая изъ нихъ могутъ совершенно выпасть, исчезнуть изъ ряда. Такимъ образомъ, исчезаютъ стадіи развитія какой-нибудь формы изъ ряда ея эмбриологическихъ явленій. Если усилія и старанія организма и длиннаго ряда его поколѣвій будутъ всецѣло направлены на выработку какого-нибудь результата, то этотъ результатъ можетъ появиться равнѣе. Онъ будетъ лежать уже готовый въ зародышѣ той формы, которая должна произвести его. Такъ напр., существуетъ одинъ глстъ (*Gyrodactylus elegans*), внутри котораго развивается зародышъ, по строенію совершенно подобный своей матери, развивается со всѣмъ комплексомъ женскихъ половыхъ органовъ, въ маткѣ которыхъ онъ лежитъ и вырабатывается. Внутри этого дѣтеныша мы видимъ другой зародышъ, также съ полнымъ комплексомъ половыхъ органовъ и въ маткѣ его можно замѣтить зародыша третьяго поколѣвія, а въ этомъ послѣднемъ уже лежитъ зародышъ четвертаго поколѣвія. Такимъ образомъ, мы видимъ какъ-бы *четыре* поколѣвія, вложенныхъ другъ въ друга и напоминающихъ извѣстную гипотезу Лейбница *eingeschachtelte Embryonen* («*emboitement des embryons*»). Въ этомъ случаѣ очевидно, что самая идея организаціи будущихъ поколѣвій, уже такъ сказать предшествоуетъ

ихъ появленію; и если есть стремленіе произвести ранѣе другихъ зародыши 3-го или 4-го поколѣнія, то многое исчезнетъ въ тканяхъ зародышей 1-го и 2-го поколѣнія и сами они выпадутъ изъ общей серіи развитія. Такія сокращенія тканей и органовъ можно часто видѣть въ различныхъ формахъ животныхъ. Такъ напр., мы видимъ у кольчатниковъ и суставчатоподобныхъ, какъ можетъ сокращаться число членовъ или суставовъ тѣла—и какъ при этомъ сокращеніи увеличиваются въ ихъ развитіи органы, помѣщенные на переднемъ головномъ концѣ тѣла. Этотъ головной конецъ состоитъ у червей изъ 8—9 суставовъ, у ракообразныхъ изъ 7, у насѣкомыхъ изъ 5 или 4-хъ. Вліяніе вѣшнихъ факторовъ, дѣятелей, а, главное, внутреннее вліяніе самого организма, дѣйствуетъ бессознательно на это сокращеніе и доводитъ организмъ до возможно цѣлесообразнаго совершенства.

Здѣсь я долженъ указать на одинъ законъ, который играетъ громадную роль въ развитіи органическаго и неорганическаго міра, законъ, который можетъ намъ объяснить многое въ явленіяхъ телеологическихъ и въ явленіяхъ бессознательнаго. Я назову его закономъ «двойныхъ результатовъ». Въ силу этого общераспространеннаго закона, *явленіе, начавшееся въ какой-нибудь области, въ силу необходимыхъ условій развитія, въ то же время, само собой, вызываетъ другое явленіе, которое можетъ быть цѣлесообразнымъ.* Прекрасный примѣръ такого двойного результата мы видимъ въ законѣ Дюзинга, въ законѣ управляющемъ появленіемъ половъ, въ телетокіи и аперотокіи. Недостатокъ самцевъ задерживаетъ неоплодотворенными яйца въ яйцеводахъ самокъ. Вслѣдствіе этого, изъ такихъ, такъ сказать, перезрѣлыхъ яицъ развиваются самцы и число ихъ, вслѣдствіе этого, увеличивается до тѣхъ поръ, пока въ силу этого увеличенія яйца не будутъ задерживаться въ яйцеводахъ самокъ. Овѣ не достигнутъ той степени зрѣлости, въ которой изъ нихъ развиваются самцы и слѣдовательно изъ нихъ будутъ развиваться самки, число которыхъ увеличится. Зрѣлость или незрѣлость яицъ, большее или меньшее ихъ развитіе есть общій физиологическій результатъ—и между тѣмъ опъ самъ собою производитъ другой цѣлесообразный результатъ, производитъ уравниваніе числа самцевъ и самокъ. Другой прекрасный примѣръ приводитъ Дарвинъ, примѣръ взаимной и обоюдной зависимости существованія землероекъ, шмелей и цвѣтеніемъ клевера, которому способствуютъ эти послѣдніе. Они переносятъ пыль этихъ цвѣтовъ съ тычипокъ на пестики и тѣмъ способствуютъ опыленію и развитію сѣмянъ. Если землеройки размножаются въ большемъ количествѣ, то они поѣдаютъ массу шмелей и тѣмъ препятствуютъ развитію клевера. Усиленное развитіе какого-нибудь растенія доставляетъ матеріалъ для развитія насѣкомаго, питающагося этимъ растеніемъ; но въ то же время усиленное развитіе этого насѣкомаго

вызываетъ также усиленное развитіе тѣхъ насѣкомыхъ или привлекаетъ тѣхъ птицъ, которыя имъ питаются. Еще примѣръ: отложеніе яркихъ пигментовъ или образованій металлическихъ, отражающихъ лучи свѣта, поверхностей, въ крыльяхъ (чешуйкахъ) бабочекъ или перьяхъ птицъ, совершается подъ усиленнымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, но въ то же время оно служитъ для отраженія этихъ самыхъ лучей, а вмѣстѣ съ тѣмъ для привлеченія самцами самокъ, какъ средство для естественнаго подбора. Наконецъ, еще одинъ примѣръ наиболѣе распространеннаго явленія въ сѣверныхъ странахъ. Холодъ препятствуетъ выдѣленію пигментовъ и потому на сѣверѣ мы встрѣчаемъ часто животныхъ безъ пигмента, съ бѣлой шерстью или перьями, въ особенности въ зимнее время. Но этотъ бѣлый цвѣтъ въ то же время помогаетъ этимъ животнымъ скрываться отъ преслѣдованія на бѣлыхъ снѣжныхъ равнинахъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что во всей природѣ совершается два ряда явленій—одинъ происходящій въ силу необходимыхъ условій развитія, и другой, связанный съ нимъ внѣшнимъ образомъ и служащій для другихъ біологическихъ цѣлей. Эти цѣли совершенно чужды развитію, ихъ исполненіе чуть не всецѣло лежитъ на дѣятельности самаго животного. И между этими цѣлями мимичность, по ея выработкѣ, занимаетъ высшее мѣсто. Явленія перваго порядка происходятъ механически безсознательно и какъ бы противорѣчатъ явленіямъ втораго порядка. Мы назовемъ эти явленія «механическими». Къ нимъ принадлежатъ и явленія, которыя происходятъ въ силу закона «фізіологической инерціи»—явленія, которыя очень часто противорѣчатъ и идутъ въ разрѣзъ съ индивидуальными приспособленіями и удобствами жизни.

Мы видимъ, что во времена прежнихъ геологическихъ періодовъ было много такихъ quasi-уродливыхъ явленій, но сила приспособленія подчинила ихъ и выработала изъ нихъ явленія втораго порядка. Вслѣдствіе же чего является эта сила? Сознаетъ ли животное эти неудобства жизни или нѣтъ? Уничтожаются ли они сознательно или безсознательно?

Въ сущности это все равно. Если въ сознаніи животнаго промелькнетъ, какъ во снѣ смутное желаніе освободиться отъ этихъ неудобствъ жизни и если это желаніе передается по наслѣдству его потомству—то все равно оно будетъ жить и дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока эти неудобства мало-по-малу не исчезнутъ. Здѣсь явится на помощь естественный подборъ и оба фактора, взаимно помогая другъ другу, наконецъ, достигнуть того результата, который смутно представлялся предку этого перерабатывающаго организацию животнаго.

Второй рядъ явленій мы можемъ назвать «біологическими». И вотъ мы видимъ почти постоянную борьбу между этими двумя рядами, но въ этой борьбѣ главенство всегда будетъ принадлежать второму ряду. Въ какіе бы дебри организациі ни завлекла ихъ слѣпая организую-

щая сила, повинующаяся законамъ интеграціи и дезинтеграціи, централизаціи и концентраціи, исчезаю гомологовъ и физиологической инерціи, до какихъ бы морфологическихъ уродствъ и физиологическихъ аномалій не достигла бы организація животного—все равно: рано или поздно она будетъ измѣнена сообразно приспособленіямъ, сообразно удобствамъ индивидуальной жизни. Сознательно или безсознательно, но индивидуальность играетъ здѣсь громадную и первенствующую роль. Первые измѣненія каждаго вида начинаются съ его видоизмѣненія. Можетъ быть отличие и отклоненіе здѣсь будутъ не въ пользу біологическихъ или физиологическихъ удобствъ. Если эти измѣненія будутъ увеличиваться, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, то наконецъ они достигнутъ уродливыхъ размѣровъ, и тогда такое видоизмѣненіе должно рано или поздно погибнуть въ конкуренціи съ другимъ видоизмѣненіемъ того же вида, которое можетъ возникнуть тутъ же рядомъ, одновременно и пойдетъ по правильной нормальной дорогѣ. Еслибы измѣненія не начинались съ индивидозъ, то не было бы и мимичности. Она могла образоваться только вслѣдствіе почина индивидуальной жизни, въ виду конкуренціи съ окружающимъ міромъ.

Сила приспособленія кроется въ каждомъ организмѣ, это его энергія, самодѣятельность и весь вопросъ въ томъ: какъ онъ ея воспользуется, какъ онъ выработаетъ и приспособитъ свою индивидуальность? Если онъ не побѣдитъ въ себѣ наклонности къ лѣни, къ квіетизму—то онъ пойдетъ по кратчайшей дорогѣ регресса. Если же онъ силой своей энергіи побѣдитъ это стремленіе, то онъ встанетъ на дорогу прогресса. Точно также его наклонность къ животной пищѣ, къ хищничеству можетъ увлечь его ва путь къ хищной жизни. Если же онъ переработаетъ въ себѣ эту наклонность, то онъ будетъ мирнымъ травянымъ животнымъ, употребляющимъ его рога и копыта, какъ орудіе защиты и избѣжанія преслѣдованій.

Травоядность и хищничество развились совершенно естественно изъ индивидуальной жизни, но въ силу закона «двойныхъ результатовъ» они, съ одной стороны, явились компенсаторами между размноженіемъ травоядниковъ и хищниковъ и въ то же время явились балластомъ, поправкой, для слишкомъ скорого и непрочнаго развитія организмовъ. Въ этомъ гармоническомъ уравновѣшеніи повторяется аналогичное сходное явленіе закона Дюзинга. Если травоядные животные будутъ первѣнствовать число плотоядныхъ, то ихъ избытокъ вызоветъ усиленное размноженіе хищниковъ, которые поѣдятъ весь излишекъ приплода. Но кромѣ того конкуренція между хищниками и травоядниками необходима для улучшенія, для болѣе прочной и добросовѣстной выработки органовъ нападенія и защиты.

Но если свобода является безсознательной, то животное ея не мо.

жетъ пользоваться и она проходить для него незамѣтно, какъ всякое бессознательное явленіе?

Для разрѣшенія этого вопроса намъ необходимо войти въ разборъ: что выгоднѣе и важнѣе для міровыхъ явленій: индивидуальная свобода или свобода бессознательнаго?

У.

Большая дорога развитія.—Свободная жизнь вырабатывается только собственной (индивидуальной) энергіей и трудомъ.—Выработка ея должна совершаться успѣшнѣе соединенными силами.—Отсутствіе сознанія этого принципа даже въ обществахъ человека.—Разница явленій природы съ нашими дѣйствіями и съ нашей логикой.—Законъ «двойныхъ результатовъ» и его примѣры.—Развитіе органической жизни.—Развитіе растений для равновѣсія съ царствомъ животныхъ.—Развитіе раковинъ корненожекъ и его окончательный (двойной) результатъ.—Развитіе губокъ съ его двойнымъ результатомъ.—Развитіе животныхъ анимерныхъ и метамерныхъ.—Преобладаніе бессознательнаго въ явленіяхъ природы.—Вліяніе бессознательнаго на свободу дѣйствія человека.—Опытъ Ромэна.—Свобода выбора дѣйствій.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно ясно убѣдиться, что сознательное легко и незамѣтно переходитъ въ бессознательное и что бессознательный путь развитія ведетъ также успѣшно и даже еще успѣшнѣе и энергичнѣе, чѣмъ сознательный къ результатамъ правильнаго, нормальнаго развитія. Но что же здѣсь должно считать правильнымъ, нормальнымъ?

Развитіемъ управляютъ три этическихъ нравственныхъ принципа: *принципъ труда, свободы и единенія, или любви*. Все выработанное подъ вліяніемъ этихъ трехъ принциповъ должно считать нормальнымъ и законнымъ. Эти три принципа—это «большая дорога», очень часто весьма трудная, но въ концѣ-концовъ приводящая къ свободѣ и къ единенію.

Если животное собственной энергіей и трудомъ не выработаетъ себѣ болѣе легкой свободной жизни, то никакія природныя условія не дадутъ ему этой свободы. Если оно не выработало сознанія въ необходимости дѣйствовать объединенными силами, работать общественнымъ трудомъ, то никогда его одиночныя силы не доведутъ его до тѣхъ сложныхъ сторонъ развитія, которыя достигаются только этимъ трудомъ, только соединенными силами.

Къ крайнему сожалѣнію, сознаніе этого не выработалось еще даже въ человѣческихъ обществахъ. Очень многіе понимаютъ пользу и даже необходимость коопераций и кооперативнаго труда, но очень немногіе готовы распространять это понятіе на цѣлую страну, народъ, на все государство. Личныя привязанности и симпатіи, привязанность къ индивидуальному труду и къ его результатамъ становятся здѣсь неодолимыми препятствія, которыя, вѣроятно, устраняются только въ неопредѣленномъ будущемъ.

Разматривая явленія природы, мы видимъ въ нихъ такую постановку, которая не отвѣчаетъ ни нашимъ планамъ, ни нашимъ стремленіямъ. Принципъ тяготѣнія, развившій матерію и образовавшій небесныя міры,—самъ по себѣ не имѣлъ никакой цѣли. Онъ, разумѣется, не могъ ни думать, ни понимать, что на этихъ мірахъ впоследствии разовьются органическіе міры.

Точно также неорганическія вещества, выработанныя на этихъ мірахъ, напримѣръ, на нашей землѣ, не имѣли цѣлью, не понимали и не создавали, что изъ нихъ, вслѣдствіе какъ бы совершенно случайной встрѣчи и обоюдномъ взаимодействіи, разовьются бѣлковые углеродистыя соединения, которыя послужатъ для появленія органической жизни и для развитія органическихъ царствъ.

Въ первоначально образованномъ органическомъ веществѣ явились центры, очаги дѣйствія и исхода органической жизни, явились, вѣроятно, вслѣдствіе тѣхъ же или подобныхъ условій, какъ являются кристаллизационныя центры въ растворахъ неорганическихъ тѣлъ. Если эти растворы подвергнуты испаренію, при томъ неравномѣрному, то они сгустятся въ извѣстныхъ точкахъ и въ этихъ точкахъ начнется кристаллизационный процессъ. Точно также въ органическихъ растворахъ въ этихъ точкахъ, вѣроятно, начнутся болѣе быстрыя молекулярныя движенія и перемѣны, которыя въ концѣ концовъ приведутъ къ выработкѣ клѣтки и клѣточного ядра со всѣми свойственными имъ жизненными явленіями.

Эти явленія произошли потому, что въ молекулахъ протоплазмы лежали условія для ихъ происхожденія. Они произошли случайно, какъ произошли небесныя міры, но они должны были произойти, хотя-бы этой случайности пришлось ожидать сотни тысячъ или милліоны лѣтъ ¹⁾. Всѣ эти явленія неорганической и органической природы совершались безсознательно и если мы захотимъ видѣть въ нихъ нѣчто высшее или похожее на дѣла человѣческаго разума и чувства, то мы должны обратиться только къ конечнымъ результатамъ этихъ явленій. Правда, окончательной цѣли и исхода этихъ явленій мы не знаемъ и можетъ быть никогда не узнаемъ, но мы можемъ открыть въ нихъ нѣчто сходное съ человѣческой правдой, свободой и любовью, только предѣлы и границы всего этого недоступны для нашей индивидуальности.

Безсознательное принадлежитъ всецѣло природѣ. Оно проходитъ какъ

¹⁾ Природа располагаетъ вѣчностью, предъ которой всякая единица времени безразлична. Безгранично большія или безконечно малая часть ея сама по себѣ не имѣетъ значенія; но она имѣетъ громадное значеніе для многихъ природныхъ явленій. Здѣсь оказывается связь цикловъ небесныхъ тѣлъ солнца или луны съ періодами органическихъ процессовъ. Такъ развитіе всѣхъ животныхъ имѣетъ опредѣленные, непзмѣнные сроки—оно можетъ продолжаться отъ одного дня до нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

главный дѣятель по всѣмъ явленіямъ развитія. Оно выказывается въ образованіи и размноженіи организмовъ, въ развитіи яицъ, наконецъ въ большинствѣ функций каждаго организма. Все индивидуальное, личное стремится сознательно или полусознательно къ выработкѣ наибольшаго количества личныхъ индивидуальныхъ наслажденій. Все бессознательное, родовое, общее идетъ, повинуюсь общимъ законамъ развитія и вырабатываетъ бессознательно также родовое, общее. Такимъ образомъ въ этой постановкѣ явленій мы видимъ двойственность и повсюду исполняется непрѣмный и повелительный законъ «*двойныхъ результатовъ*». Растительный міръ развился бессознательно. Каждое растеніе стремилось выработать или наибольшую массу клѣточекъ или наибольшее количество органовъ размноженія почекъ, луковичъ, сѣмянъ и т. п., наконецъ, наиболѣе красивыя и пахучіе цвѣты, наибольшее количество жирныхъ маселъ или наибольшее количество сахара и крахмалу. Ни одно растеніе при этомъ не могло сознавать, что его цвѣты съ помощью сахаристыхъ соковъ или эфирныхъ маселъ могутъ привлечь насѣкомыхъ и что въ окончательномъ итогѣ будетъ лучшее оплодотвореніе и большее число сѣмянъ. Но тѣ растенія, которыя достигли этихъ результатовъ, дали большій приплодъ и очутились въ выигрышномъ положеніи относительно размноженія ихъ вида. Всѣ растенія размножались и заселяли землю, распространялись по ней, но кто-же зналъ, что все растительное царство станетъ во взаимное отношеніе и равновѣсіе съ царствомъ животныхъ. Этотъ двойной результатъ получился какъ-бы самъ собой. Никто, полагаю, не будетъ спорить, что земля, покрывшись зеленью, много выиграла въ разнообразіи и красотѣ, но кто-же могъ предвидѣть, что растительная жизнь и ея формы будутъ имѣть окончательнымъ результатомъ красоту земли (по крайней мѣрѣ для человѣка), и необходимое условіе для жизни и равновѣсія царства животныхъ.

Съ первыхъ-же своихъ шаговъ это царство высказываетъ двойные результаты. Корневожки вмѣстѣ съ водой проглатываютъ известковыя, кремнеземистыя соли, раковинки діатомовыхъ, обломки и песчинки. Всѣ эти постороннія организму тѣла выводятся вонъ, выдѣляются на поверхность его тѣла и образуютъ здѣсь раковину, которая защищаетъ это тѣло отъ холода и поврежденія. Корневожки (*Fragminifera*) вырабатывали свои микроскопическія раковины для собственной жизни, но эти раковины уже исчезнувшихъ корневожекъ послужили для постройки такихъ горъ, какъ Апеннины, они послужили и до сихъ поръ служатъ почвой, на которой растетъ виноградъ въ центрѣ Франціи, наконецъ, они даютъ матеріалъ для постройки ея городовъ. Инфузоріи, вслѣдствіе энергичности движенія, вырабатывали изъ протоплазмы волоски, но быстро передвигаясь посредствомъ этихъ волосковъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ при-

влекають къ тѣлу потоки воды, болѣе богатой кислородомъ, и такимъ образомъ получаютъ возможность болѣе энергичнаго окисленія протоплазмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе ускореннаго хода всѣхъ жизненныхъ процессовъ.

При развитіи многихъ губокъ совершался обыкновенный процессъ дѣленія желтка, при этомъ на сфероидальномъ зародышѣ явственно различались двѣ половины. Одна изъ нихъ передняя, т. е. та, которую организмъ при плаваніи обращалъ впередъ, дѣлилась на сегменты быстрѣе, чѣмъ задняя половина. Ея сегменты или клѣтки становились уже, тоньше—они всѣ представляли конусы, обращенные основаніями вперёдъ къ периферіи. Протоплазма въ нихъ придвигалась къ этой периферіи, вытягивалась и образовала на каждомъ сегментѣ тонкій, длинный волосокъ и посредствомъ такихъ волосковъ зародышъ плавалъ. По мѣрѣ того, какъ протоплазма придвигалась къ окружности зародыша—въ центрѣ его образовалась пустота (сегментационная полость) и въ эту полость при дальнѣйшемъ развитіи провалилась вся передняя половина зародыша со всѣми ея волосками.—Зародышъ опустился на дно бассейна. Ему было нечѣмъ плавать и держаться въ водѣ, а большая шаровидная полость, образовавшаяся отъ провала передней половины его въ заднюю половину, сдѣлалась его пищеварительной полостью. Такимъ образомъ самъ собой явился неожиданный двойной результатъ, явилось громадная полость, клѣтки которой могутъ переваривать, уподоблять пищу.

Эта полость явилась совершенно случайно и это вполне доказываетъ тѣмъ, что у другихъ губокъ, гдѣ распадентіе желтка на клѣтки идетъ также быстро на задней, какъ и на передней половинѣ—этой полости нѣтъ. И мерцающія, снабженныя волосками болѣе мелкія клѣтки передней половины мало-по-малу обростають заднюю половину.

По своему протоплазмическому составу, по слабости своихъ тканей, губка должна была сидѣть на камнѣ, скалѣ или днѣ моря. Въ этомъ сидячемъ положеніи она должна была пассивно питаться всѣмъ тѣмъ, что плавало въ водѣ ее окружающей. Чтобъ воспользоваться какъ можно болѣе этими плавающими частицами, она должна была выработать цѣлую систему каналовъ пищеварительно-дыхательныхъ. Все это она выработала для себя, для своихъ физиологическихъ цѣлей, но рядомъ съ этимъ явился другой результатъ. Губка точно также какъ и всѣ цѣдильники, перерабатываетъ остатки тѣхъ бѣлковыхъ веществъ, которыя плавають въ морѣ. Она, подобно животнымъ уничтожающимъ тому подобныя заразные вещества, очищаетъ до извѣстной степени морскую воду, утилизируя остатки органической жизни.

Метамерія животныхъ, какъ выше было замѣчено, обязана, вѣроятно, своимъ происхожденіемъ періодичности явленій и образованій. Начав-

шлись весь слабо выраженной суставчатостью и отдѣленіемъ почекъ у медузъ и полиповъ, повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ-же частей въ известковыхъ покровахъ и скелетахъ морскихъ линій, звѣздъ и ежей, она сразу достигаетъ полнаго яснаго развитія у червей. Тамъ начало ей дано, очевидно, распаденіемъ червя на отдѣльные членики. Итакъ, періодичность и способъ развитія послужили началомъ для всѣхъ тѣхъ сложныхъ явленій, которыя мы видимъ у суставчатыхъ животныхъ. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ метамерія служитъ для удлиненія тѣла животного или его придатковъ. Но, подчиняясь концентрации органовъ, и сокращенію гомологовъ и раздѣленію физиологическаго труда, она вырабатываетъ цѣлыя системы сложныхъ органовъ, какъ органы суставчатыхъ и въ особенности насѣкомыхъ.

То же уничтоженіе гомологовъ превратило антимерное животное въ метамерное. Мы видимъ такое превращеніе у морскихъ кубышекъ, превратившихся въ звѣздчатыхъ червей. Ползаніе этихъ червей на брюшной сторонѣ тѣла опредѣляло у нихъ двурядную симметрію органовъ и всѣ дальнѣйшія группы животныхъ суставчатыхъ, суставчиконогихъ, позвоночныхъ и даже моллюсковъ, возникли вслѣдствіе билатеральной постановки частей тѣла.

Насѣкомыя выработали надземную жизнь и дыханіе воздухомъ. Но слѣдствіемъ этой воздушной жизни явились крылья, и вмѣстѣ съ ними цѣлый рядъ удобствъ и возможности приспособленій. Вслѣдствіе этого, возможность расселенія по всей землѣ, возможность питанія всевозможными веществами и пр. и пр.

Уоллэсъ приписываетъ развитіе человѣка его цивилизации, вмѣшательству особой высшей силы. Согласно его взгляду, человѣкъ руководится въ его развитіи сознательными, разумными силами его мозга. Я уже высказалъ мое мнѣніе совершенно противное этому взгляду ¹⁾. Теперь мы знаемъ, что въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ законъ подражательности, открытый Тардомъ. По этому закону развитіе цивилизованнаго человѣка совершается безсознательно, или полусознательно, и это справедливо относительно большинства индивидовъ человѣческаго рода. Насъ всегда влечетъ чувство, влечетъ то, что намъ правится. Но и здѣсь есть много исключеній, въ которыхъ то, что намъ правится, привлекаетъ насъ его разумной стороной. Разумъ ясно намъ говоритъ о выгодности и пригодности многихъ сторонъ жизни и развитія, но наши тѣлесныя влеченія, привычки оттягиваютъ насъ въ свою консервативную сторону и предпочтеніе является на этой чувственной сторонѣ. Въ этомъ случаѣ борьба безсознательнаго и сознательнаго очевидна.

Въ животныхъ мы встрѣчаемъ то-же самое, но безсознательнымъ

¹⁾ См. мой переводъ А. Р. Уоллэса «Естественный подборъ», стр. 447—463.

дѣйствіямъ и стремленіямъ отведено здѣсь очень широкое поле. Эти бессознательные поступки дѣйствія и стремленія были когда-то сознательными, хотя можетъ быть весьма не надолго. Въ сознаніи животного, какъ во снѣ, мелькала цѣль и причина его дѣйствія, но это сознаніе быстро исчезало и каждый организмъ просыпался въ его слѣпой дѣятельности, въ которой свободѣ разсудка было очень мало мѣста.

Какой-нибудь яркій цвѣтокъ привлекаетъ вниманіе насѣкомаго. Оно летитъ къ нему, увлекаемое бессознательнымъ стремленіемъ къ яркому цвѣту, который ему правится, но въ то-же время оно ощущаетъ голодь и если цвѣтокъ не можетъ удовлетворить его въ этомъ отношеніи, то у него возникаетъ борьба двухъ инстинктивныхъ стремленій—чувства влеченія къ краскамъ и чувства голода, влекущаго къ сахаристому соку. Если это насѣкомое будетъ обсуждать свои дѣйствія и влеченія, то оно броситъ яркій цвѣтокъ и полетитъ къ невзрачному цвѣтку, въ которомъ оно навѣрное найдетъ чѣмъ удовлетворить свой голодь, а не свое эстетическое стремленіе. Въ этомъ случаѣ оно можетъ быть дѣйствуетъ сознательно, но во всякомъ случаѣ полусознательно.

Точно также дѣйствуетъ какой-нибудь дикарь, увлекаемый блестящей игрушкой, зеркаломъ, позументомъ или ярко покрашеннымъ кускомъ какой-нибудь ткани. Онъ дѣйствуетъ полусознательно. Но если бы онъ достигъ развитія вполне цивилизованнаго человѣка, если онъ дѣйствуетъ логично и разсудительно, то и въ этомъ случаѣ его дѣйствія не вполне свободны отъ бессознательнаго — отъ вліянія его расы, его родителей и родственниковъ, его родины, мѣста воспитанія и т. п. На его мнѣніяхъ, на складѣ его мыслей отражаются всѣ эти вліянія и условія.

И если мы обратимся отъ человѣка къ животнымъ, то чѣмъ повелительнѣе и категоричнѣе будутъ эти условія, тѣмъ сильнѣе будутъ ихъ дѣйствія.

Гдѣ-же здѣсь будетъ индивидуальная свобода?

Такой вопросъ обыкновенно приходится рѣшать гг. присяжнымъ на судѣ и нерѣдко за его рѣшеніемъ они принуждены бывають прибѣгать къ мнѣнію специалистовъ экспертовъ. Но число тѣхъ случаевъ, гдѣ этотъ вопросъ не требуетъ для своего рѣшенія помощи экспертовъ, сильно превышаетъ число случаевъ авормальныхъ, гдѣ свобода воли, свобода дѣйствія была угнетена, нарушена патологическими явленіями. Слѣдовательно, помимо этихъ сравнительно немногихъ случаевъ, свобода дѣйствія *существуетъ* по крайней мѣрѣ для человѣка. Но существуетъ ли она для животныхъ?

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія этотъ вопросъ рѣшали зоологи почти отрицательно. Все приписывалось инстинкту, бессознательнымъ дѣйствіямъ до тѣхъ поръ, пока не стали глубже вникать въ предметъ и

разлагать его на составныя части. При разсматриваніи этихъ явленій обыкновенно забываютъ или не принимаютъ въ расчетъ необыкновенную сложность психическихъ явленій. Животное также какъ и человѣкъ можетъ быть дѣятельно или лѣнливо, энергично или апатично (вяло); прилежно или лѣнливо, храбро или трусливо, рѣшительно, быстро въ его движеніяхъ и поступкахъ, или робко, осмотрительно и т. п. Человѣкъ нерѣшительный, съ слабой волей, съ трусливымъ характеромъ очень часто задумывается надъ рѣшительнымъ шагомъ и упускаетъ минуту, благоприятную для дѣйствія. Онъ дѣйствуетъ вполне сознательно, свободно распоряжается его волей, но онъ долженъ выбирать между тѣмъ или другимъ образомъ дѣйствія. Понятно, что онъ склонится на ту сторону, куда тянутъ его природенныя или пріобрѣтенныя воспитаніемъ наклонности и влеченія. Незамѣтно для него самого его рѣшеніе склонится на эту сторону. Можно-ли безусловно утверждать, что его воля въ этомъ случаѣ не свободна? У него не достало характера въ данномъ случаѣ дѣйствовать такъ, какъ внушало ему благоразуміе и его долгъ.

Тоже самое, хотя выраженное не такъ рѣзко, мы видимъ у животныхъ. Каждое животное въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется ему выборъ между двумя или многими путями, дѣйствуетъ сознательно, свободно и разумно (понятно согласно степени его сужденія или разума). Извѣстный изслѣдователь психическихъ явленій у животныхъ Ромэнъ сдѣлалъ слѣдующій опытъ. Онъ раздѣлилъ акварій пополамъ стеклянной перегородкой, вдѣланной посрединѣ. Въ одно отдѣленіе онъ посадилъ небольшихъ щукъ, а въ другое—пискарей. Сначала каждый разъ, какъ одна изъ этихъ щукъ видѣла пискаря — она, побуждаемая хищностью и жадностью, стремительно бросалась на него и получала сильный толчекъ о стеклянную перегородку. Черезъ нѣсколько дней щуки перестали бросаться. Тогда Ромэнъ вынулъ перегородку и щуки, не смотря на ихъ хищность и жадность, не трогали пискарей, хотя послѣдніе и подходили къ нимъ на очень близкое разстояніе. Этотъ случай прекрасно подтверждаетъ этический принципъ Спенсера, вслѣдствіе котораго каждое животное можетъ *обсуждать* результаты своихъ дѣйствій и поступковъ. Собака, схвативши разъ саламандру или жабу, которая обожгла ей ротъ ядовитыми выдѣленіями, уже никогда не трогаетъ этихъ животныхъ. Память здѣсь помогаетъ укрѣпиться въ благоразумномъ образѣ дѣйствія.

Въ приведенномъ примѣрѣ съ щуками дѣйствуетъ голодь, одно изъ самыхъ сильныхъ побужденій. Возьмемъ еще примѣръ, въ которомъ дѣйствуетъ половая страсть и возбуждаемая ею ревность.

Старая матка или царица пчелъ бросается на молодую, только что вышедшую изъ ячейки матку, и закалываетъ ее своимъ ядовитымъ жа-

ломъ. Здѣсь неблагоразумное слѣпое дѣйствіе страсти очевидно (вліяніе аффекта). Но старую матку окружаютъ благоразумныя рабочія пчелы и отъ ихъ усмотрѣнія зависитъ, оставить въ живыхъ молодую матку или отдать ее на жертву. Здѣсь очевидно столкновеніе слѣпого инстинктивнаго аффекта съ обсужденіемъ и благоразумнымъ рѣшеніемъ, точно также очевидна и свобода выбора. Возьмемъ еще примѣръ. Пчелы вытаскиваютъ изъ улья мертваго трутня. Они съ озлобленіемъ бросаются на него и тащатъ его въ разныя стороны, нерѣдко въ улей, а не изъ улья (это можно удобно наблюдать въ стеклянномъ ульѣ сквозь трубку со стеклами, вставленную въ летокъ) и это продолжается до тѣхъ поръ, пока одна изъ болѣе благоразумныхъ или разсудительныхъ пчелъ не даетъ должнаго направленія ихъ трудамъ. Очевидно, что разсудочныя способности этой пчелы дѣйствовали болѣе свободнымъ, сознательнымъ путемъ и свобода выбора здѣсь вполне очевидна.

Точно также и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представляется выборъ какихъ-нибудь условій для жизни, вездѣ вмѣстѣ съ тѣмъ животному предоставляется свобода выбора. Оно всегда можетъ идти въ двѣ противоположныя стороны, выбрать дорогу развитія индивидуальной энергіи, идти прогрессивнымъ путемъ или послѣдовать внушенію его слабодѣятельной протоплазмы и вступить на путь квіетизма, или даже регресса. Ему представляется полная свобода сдѣлаться хищникомъ, или остаться травояднымъ организмомъ. Вездѣ и всегда на первомъ мѣстѣ стоитъ его индивидуальная свобода, его личная энергія. Еслибы у этой самостоятельной энергіи не существовало бы свободы, то не было-бы и развитія, ибо нѣтъ дѣйствія безъ свободы. Законъ различенія, дифференцированія всегда и вездѣ дѣйствуетъ и выдѣляетъ въ каждой видовой группѣ, въ каждомъ собраніи индивидовъ, организмы болѣе дѣятельныя, энергическіе и организмы консервативныя. Первые идутъ впередъ, пролагаютъ новые пути, вторые пользуются ихъ трудами. Они хранятъ то, что выработали первые и производятъ новыя поколѣнія, на которыя будетъ также дѣйствовать законъ различенія. Онъ выдѣлитъ болѣе выдающихся, энергичныхъ индивидовъ, которые будутъ служить примѣромъ и вести за собой другія менѣе энергичныя и болѣе раздражательныя особи.

Послѣ всего сказаннаго, полагаю, для всѣхъ будетъ ясно, что «принципъ свободы» выраженъ весьма наглядно во всемъ царствѣ животныхъ, точно также, какъ и во всей природѣ. Необходимо только разсматривать ея явленія глубже и многостороннѣе. Онъ выражается въ безграничномъ разнообразіи формъ, группъ, отдѣловъ, классовъ, отрядовъ, родовъ, видовъ и видоизмѣненій. Онъ выражается въ полной свободѣ, съ которой природа творитъ и разрушаетъ. Вѣчно юная, вѣчно возобновляющаяся, она съ полной свободой индифферентизма предостав-

ляетъ каждому индивиду идти впередъ, оставаться *statu quo* или идти назадъ и регрессировать. «Она знаетъ (какъ говорить одинъ нашъ русскій публицистъ), что «изъ ея широкихъ объятій ничего не можетъ утратиться, какъ ни измѣняйся». Она знаетъ, прибавлю я, что рано или поздно законъ осложненій возьметъ верхъ надъ всѣми регрессивными явленіями и съ полнымъ самообладаніемъ оставляетъ существовать простѣйшихъ амебъ и инфузорій, рядомъ съ крайнимъ вѣнцомъ развитія—съ организмомъ человѣка.

Выводы и заключеніе.

Подводя теперь итоги всему высказанному, мы безъ особеннаго труда можемъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Въ основѣ всѣхъ природныхъ явленій лежитъ принципъ или законъ труда. Каждый организмъ, каждое животное и растеніе подчинены этому принципу и только повинуются ему, оно можетъ идти впередъ, а не назадъ.

Этотъ принципъ обязательенъ не только для организмовъ, но даже для явленій неорганической природы, хотя уловить его ясно и опредѣленно мы можемъ только въ очень немногихъ случаяхъ, какъ напр., развитіе притягательной силы магнита.

Законъ этотъ основанъ на развитіи, на выработкѣ посредствомъ самодѣятельности, собственной энергіи каждаго организма. Онъ равно обязательенъ для каждаго органа и для каждой функціи. Только постояннымъ, надлежащимъ цѣлесообразнымъ упражненіемъ этого органа или этой функціи можно придти къ ея развитію. Пренебреженіе этимъ упражненіемъ ведетъ къ регрессу, атрофіи, исчезанію органа, а вмѣстѣ съ нимъ и функціи.

Смотря по органу и его функціи это упражненіе можетъ быть механическое, физическое, химическое или психическое.

Посредствомъ механическаго упражненія развиваются всѣ мышцы (не исключая и мышцъ сердца) и тѣ твердыя части (скелетъ), которыя служатъ для ихъ прикрѣпленія.

Посредствомъ физическаго упражненія развиваются всѣ органы чувства, начиная съ общаго безграничнаго чувства осязанія, воспріятія тактильных ощущеній, затѣмъ ощущеній пахучихъ веществъ, вкусовыхъ, ощущеній звуковыхъ волнъ и, наконецъ, ощущеній свѣтовыхъ волнъ. Должно замѣтить, что эти упражненія нерѣдко отдѣлены отъ упражненій химическихъ.

Посредствомъ химическихъ упражненій развиваются многіе органы и функціи и прежде всего органы пищеварительные. Сюда также от-

носятся упражненіе всякихъ железъ, упражненіе органовъ дыханія, выдѣленія и органовъ воспроизведенія или размноженія.

Такъ какъ ко всѣмъ этимъ органамъ идутъ нервы, то вмѣстѣ съ функціей каждаго органа упражняются и нервы, управляющіе его дѣятельностью, а упражненіе нервовъ возбуждаетъ дѣятельность центральныхъ нервныхъ органовъ.

Точно также психическія функціи могутъ развиваться соотвѣтствующими упражненіями. Память, сообразительность, разсудительность, фантазія (воображеніе), механика слова и рѣчи—наконецъ всѣ психическія эмоціи, настроеніе духа, крѣпость воли, твердость характера, восприимчивость сердца, спокойствіе или раздражительность, доброта или злоба—все подлежитъ закону развитія чрезъ силу упражненія.

Все, что развито этимъ путемъ, становится достояніемъ (пріобрѣтеніемъ) организма. Оно закрѣпляется частицами протоплазмы каждаго органа, оно обращается въ привычку, очень часто бессознательную для внѣшнихъ чувствъ и мышечныхъ ощущеній и всегда бессознательную для органовъ внутренней жизни, для органовъ пищеваренія, кровообращенія, железъ и т. п.

Такимъ образомъ этической принципъ человѣческой морали «безъ труда нѣтъ плода» лежитъ въ основѣ развитія природы.

Гимнастика растительной жизни занимаетъ сравнительно съ животной гимнастикой низшее мѣсто. Къ ней охотно прибѣгаютъ всѣ квіетическіе организмы, вырабатывая защищающіе ихъ твердые покровы, раковины, черепа, иглы и т. п. Преобладаніе процессовъ и органовъ этой жизни ведетъ къ регрессу, какъ это рѣзко и очевидно выражено въ жизни паразитовъ.

Съ развитія труда, дѣятельности начинается выработка индивидуальной энергіи, т. е. выработка того элемента, на счетъ котораго совершается жизнь и развитіе всего органическаго міра.

Трудъ ведетъ къ развитію, къ выработкѣ свободы, безъ которой не мыслимъ никакой процессъ, никакое дѣйствіе. Эта борьба за свободу дѣйствія ведется каждымъ животнымъ организмомъ съ препятствіями внутренней физиологической жизни и съ препятствіями внѣшними, съ условіями жизни среди окружающей природы. Чѣмъ энергичнѣе работаетъ организмъ, чѣмъ онъ сильнѣе и быстрѣе трудится, тѣмъ онъ скорѣе достигаетъ того устройства, при которомъ его функціи становятся свободными.

Эта борьба за свободу составляетъ прямое противорѣчіе индивидуальной жизни съ жизнью окружающей природы. Каждый организмъ долженъ выдержать эту борьбу и приспособиться къ условіямъ этой природы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде онъ долженъ выдержать борьбу съ устройствомъ собственнаго его тѣла. Тѣ самые законы, которые ведутъ

этотъ организмъ по пути развитія, служатъ препятствіемъ его индивидуальнымъ удобствамъ. Законъ интеграціи и дезинтеграціи, законъ концентраціи, исчезанія или сокращенія гомологовъ, наконецъ законъ физиологической инерціи—все это можетъ служить препятствіемъ организму на пути къ свободѣ, къ лучшимъ, болѣе выгоднымъ условіямъ жизни.

Свобода развитія царства животныхъ, отсутствіе заранѣе опредѣленнаго плана (игра различныхъ процессовъ, функций) поставили многіе типы животныхъ въ крайне неблагоприятныя условія для жизни и развитія и это въ особенности справедливо относительно расположенія органовъ. Мы знаемъ животныхъ совершенно лишенныхъ головы, какъ многія крылоногія или безголовыя (Acephala) моллюски. У тѣхъ же самыхъ моллюсковъ мы видимъ какъ переносятся органы дыханія съ спинной стороны на бока, назадъ, или впередъ. На всѣ эти преобразованія потрачено много труда, много энергіи, пока не установилось то расположеніе органовъ, при которомъ животное могло свободно жить и свободно совершать всѣ свои процессы.

Свобода—самая широкая, безграничная, нечеловѣческая лежитъ во всѣхъ дѣйствіяхъ природы. Она также какъ и трудъ лежитъ въ основаніи этихъ дѣйствій и этой свободы добывается каждый дѣятельный развивающійся организмъ. Въ развитіи организмовъ она является какъ бы сама собой, какъ двойной неожиданный результатъ этого развитія.

Нѣтъ дѣйствія безъ свободы, также какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины. Если эта причина существуетъ, но нѣтъ свободы для того, чтобъ дѣйствіе совершилось, то оно не можетъ совершиться. Таковъ второй нравственный законъ или принципъ природныхъ дѣйствій. Какъ лишеніе свободы въ человѣческихъ обществахъ приводитъ къ разнымъ аномальнымъ, уродливымъ явленіямъ, такъ и въ обществахъ животныхъ совершается постоянная упорная борьба за свободу жизни и развитія. Еслибъ не было этихъ препятствій—этой упорной борьбы, то не было бы и стимуловъ для развитія. Каждый организмъ собственнымъ трудомъ долженъ проложить себѣ дорогу къ свободѣ и къ большому наслажденію жизнью. Свобода есть одно изъ тѣхъ нравственныхъ блаженствъ, къ которому стремится всякое живое существо.

Третій этической принципъ природы вообще и царства животныхъ въ частности, есть принципъ единенія въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова—начиная отъ простаго химическаго сродства, отъ стремленія къ соединенію разнородныхъ электричествъ до соединенія въ общества и, наконецъ, до соединенія влеченіемъ любви чувственной или платонической.

Съ перваго взгляда этотъ принципъ противорѣчитъ предыдущему. Единеніе связываетъ и уничтожаетъ свободу. Въ царствѣ животныхъ

мы почти постоянно видимъ стремленіе индивида освободиться отъ общественной связи. Мы видимъ, къ какимъ уродливымъ формамъ обществъ приводитъ это единеніе обществъ, въ которыхъ индивиды срастаются вмѣстѣ, такъ что ихъ индивидуальность совершенно теряется, исчезаетъ. Вотъ почему у высшихъ животныхъ, у которыхъ срастаніе встрѣчается очень рѣдко, какъ уродство, эти сросшіяся общества совершенно исчезаютъ.

Но даже въ обществахъ человѣческихъ единеніе мѣшаетъ индивидуальной свободѣ. «La liberté de chaqu'un—сказалъ Робеспьеръ,—fini par là, où commence la liberté d'autrui». Но понятно, что границы этихъ нѣтъ не можетъ опредѣлить. Тягота взаимныхъ цѣпей въ этомъ случаѣ можетъ быть и должна быть уничтожена взаимной любовью, взаимной пріязнью. Цѣпи любви—единственные цѣпи, которыя не связываютъ, а напротивъ даютъ свободу сердцу и животнаго и cadaго человѣка вполне наслаждаться жизнью Животное, лишнее родной среды, роднаго общества, чувствуетъ себя связаннымъ. Ему недостаетъ тѣхъ силъ, того подъема духа, который дается родной средой. Еще болѣе справедливо это въ отношеніи къ человѣку, къ его родинѣ, къ его семьѣ, и къ его роднымъ или близкимъ людямъ.

Въ принципѣ единенія и въ высшемъ выраженіи его, въ сближеніи, основанномъ на чувствѣ общей и взаимной привязанности, скрываются всѣ данныя человѣческой этики. Чувство честности, справедливости, состраданья, самоотреченья въ пользу другого—все возникаетъ, все основывается на этомъ великомъ принципѣ, который развивается въ обществахъ животныхъ и человѣка.

Бернъ.
29 авг. 1892 г.

Н. Вагнеръ.

Всадникъ.

Тонетъ даль въ туманѣ блѣдномъ,
Хмурь безлунный сводъ небесъ...
Ѣдетъ всадникъ въ шлемѣ мѣдномъ
И съ коньемъ наперевѣсь.

Конь въ пыли; склоненъ къ подпругѣ,
У стремянъ чеканный щитъ;
На чешуйчатой кольчугѣ
Золоченный крестъ горитъ.

Рукою мячъ широкій
Ударяетъ по сѣдлу...
Ѣдетъ всадникъ одинокій
И глядитъ въ сѣдую мглу.

Онъ глядитъ изъ-подъ забрала
И пылаетъ взоръ его
Вѣрой въ святость идеала,
Въ красоту и божество.

Онъ мечтой весь міръ объемлетъ
И зоветъ на бой со зломъ,—
А оно сидитъ и дремлетъ
У него-же за сѣдломъ.

К. Льдовъ.

БѢГЛЫЙ.

Разсказъ.

Шустренскій, плутоватый и озорной мальчишка Сережка, сынъ крестьянина-пчеловода въ селѣ Бобрицахъ, съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ куренью. Научили его этому баловству бобрищенскіе барчата, юные кадеты, съ которыми онъ водилъ компанію. Курить однако онъ не умѣлъ: онъ еще не приспособился, сколько надо наслюнить бумажку, чтобы склеить изъ нея трубочку—бумажка то расплывалась, когда онъ слишкомъ ее заплывывалъ, то развертывалась, когда была недостаточно смочена. Табакъ, которымъ онъ набивалъ гильзу, съ трудомъ состряпанную изъ подобранной гдѣ-нибудь бумажки, попадалъ ему въ ротъ, иногда же просыпался на землю. Когда онъ вычеркивалъ сѣричекъ, то не зналъ, что надо выждать время, пока сгоритъ сѣра и огонь перейдетъ на дерево, и, закуривая, онъ задыхался отъ дыма. Бывало, наконецъ, что ужъ совсѣмъ готовая и закуренная папироска разваливалась въ рукахъ.

Такъ какъ Сережка долженъ былъ хранить въ глубокой тайнѣ свой преступный обычай и нуждался въ долгомъ уединеніи, чтобы выполнить задуманное намѣреніе „курнуть“, то онъ завелъ себѣ укромный уголокъ на задворкахъ, въ старенькомъ сарайчикѣ, гдѣ зимой стояли убранные съ осики ульи съ пчелами, а лѣтомъ, кромѣ запасныхъ колодъ, валялась всякая рухлядь. Здѣсь въ одной пустой колодѣ хранился запасъ махорки.

Какъ-то лѣтомъ, въ жаркій полуденный часъ, когда село затихло подъ жгучими лучами высоко стоявшаго солнца и крестьяне отдыхали въ прохладныхъ углахъ по клѣткамъ и сараямъ, укрываясь съ головой отъ докучливыхъ мухъ, Сережка пробирался по задворкамъ къ своему завѣтному убѣжищу, гдѣ рассчитывалъ пріятно провести досужій часокъ въ своемъ упоительномъ наслажденіи. Но лишь только онъ отвалилъ

воротину и проникъ въ прохладный полумракъ сарая, какъ вздрогнулъ отъ испуга и закричалъ несвоимъ голосомъ: онъ увидѣлъ человѣка въ арестантской одежѣ, который неподвижно стоялъ на колодѣ, прислоненной къ плетевой стѣнѣ, ухватившись руками за переметь, черезъ который была перекинута веревка. Сережка бросился къ воротамъ, но споткнулся о брошенную здѣсь сломанную оглоблю, полетѣлъ кубаремъ и ушибся лбомъ о воротину. Но не успѣлъ онъ подняться на ноги, какъ услышалъ надъ собою слабый испуганный голосъ.

— Мальчикъ, мальчикъ, постой, чего...

Сережка закрылъ лицо руками и, лежа на землѣ ничкомъ, кричалъ и плакалъ...

— Чего спужался, дурачекъ, небось не обижу!—слышался ему голосъ незнакомца съ замѣтнымъ выговоромъ на ъ, и онъ почувствовалъ, что рука арестанта гладитъ его по головѣ. Мальчикъ немного ободрился и выглянулъ своими испуганными и заплаканными глазенками, словно ёжикъ, рѣшающійся высунуть мордочку изъ своего колючаго клубочка. Незванный гость сидѣлъ передъ нимъ на корточкахъ и глядѣлъ на него своими кроткими, тусклыми глазами. Лицо у него было маленькое, блѣдное, изможденное, чуть опушенное пробивавшейся свѣтлой бородкой. Бѣлосые волосы были коротко острижены.

— Чего-жь спужался, мальчикъ, а?

— Убьешь—пробормоталъ Сережа, все болѣе и болѣе выглядывая на чужого человѣка.

— Убьешь!—болѣзненно усмѣхнулся тотъ, — куды мнѣ убивать, самъ удавиться хотѣлъ...

Сережка выглянулъ увѣреннѣе, осмотрѣлъ незнакомца, и вдругъ перевернулся и сѣлъ на землю. Арестантъ продолжалъ сидѣть на корточкахъ, въ унылой задумчивости глядя на мальчугана. Они молчали.

— Намедни папка собаку удавилъ, Куцку—заявилъ Сережа.

— На что?

— По ночамъ выла.

Арестантъ улыбнулся плачевною улыбкой; кабая-то невеселая мысль прошла по его изнуренному лицу...

— Не вой, значитъ?

— Не вой—подтвердилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, братикъ, завоеешь... подойдетъ такъ... и-ихъ, какъ завоеешь! убѣжденно отвѣтилъ арестантъ, вздрогнулъ и пригорюнился муче прежняго.—Чтожь, визжала, какъ давили?—спросилъ онъ потомъ.

— Какъ потащили, визжала...

— А потомъ?

— Потомъ корчиться стала, вотъ такъ... вотъ такъ... — представляя мальчикъ. Арестантъ вдругъ вздрогнулъ.

— А потомъ и шабашъ?

— Шабашъ!

— Шабашъ — протянулъ арестантъ. — И хорошо это тебѣ глядѣть было?

— Сперва то чудно, а послѣ жалко... ротикъ открыла... не трепыхнется...

— То-то жалко! — Онъ задумался. — А я-то вотъ удавлюсь и пожалѣть некому! Пожалѣешь, мальчикъ — а?

— Пожалѣю... На что? — спросилъ онъ потомъ.

— Давиться-то? Да ужъ моченьки не стало, оголодалъ, смаялся... Ни тебѣ пристанища, ни тебѣ хлѣба корочки... Такъ, какъ окаянный какой скитаешься по лѣсамъ хуже забѣглой собаки. Руку протянуть не смѣешь, а тамъ тюрьма... свѣту Божьяго не видно! Одинъ конецъ! Куда ни шло околѣвать... Душу то загубишь только, да ужъ моченьки не стало...

— Ты папкѣ не скажешь? — спросилъ вдругъ Сережа оживленно.

— Чего это?

— Не скажешь?

— Да что ты, пузырь, какого-те папку? Я людямъ на глаза понасть не смѣю, а онъ „папкѣ не сказывай!“ Чего говорить-то?!

— Покурить, — таинственно проговорилъ Сережа.

— Покурить? — изумился арестантъ, — аль ты куришь?

— Курю, ей-богу, курю!

— Вотъ такъ хватъ! — разсмѣялся онъ слабымъ смѣхомъ, — этакая то пупавка, ха ха ха!

— Я и тебѣ дамъ!

— Ха ха ха.

— Ей Богу дамъ — и съ этими словами мальчикъ кинулся къ пустому улью, гдѣ хранился табакъ.

А арестантъ, сидя на землѣ, вдругъ сталъ грустенъ и, ощущая внутри глухую тоску, которая вотъ уже пятый день не давала ему покоя и становилась все злѣе и нестерпимѣе, принялъ тревожный и озабоченный видъ. Когда Сережка остановился около него, протягивая ему красный рваный пакетикъ, откуда сыпалась махорка, онъ поглядѣлъ на него робкимъ просительнымъ взглядомъ.

— Мнѣ-бы, братикъ, хлѣбца... четвертый день хлѣба не кушалъ.

— А что? Кашу?

— Нѣтъ, братъ, и каши не ѣлъ.

— А что?

— Да такъ себѣ кое-чѣмъ промышлялъ: листикъ, ягодка... а хлѣба—ни Боже мой, ни маковой росиночки во рту не было.

— На что?

— Не кушаль-то—на что? Гдѣ жь взять-то?

— А въ избѣ.

— Избы-то у меня нѣтъ, другъ ты мой. Была-бы изба, не скитаться бы мнѣ по бѣду свѣту, какъ оваянному! Жилъ бы своимъ домкомъ, бумажекъ фальшивыхъ не дѣлалъ бы, вотъ бы и чудесно!

Мальчикъ задумался.

— Поведемъ, тогда я сбѣгаю.

Дѣлать нечего, занялись папирской.

— Ты папирску сдѣлать умѣешь?—спросилъ Сережа нѣсколько покровительственно.

— Ну вот!

Арестантъ свернулъ бумажку, которую мальчишъ досталъ изъ картуза, согнулъ трубочку, засыпалъ табаку, закурилъ, затянулся раза два и подаль Сережѣ, который, раздувая щеки, набиралъ дыму полонъ ротъ, и потомъ въ восхищеніи глядѣлъ, какъ онъ струйкой вылетаетъ изъ свернутыхъ губъ и клубится у него передъ носомъ. Потомъ, когда нечаянно проглотивъ дымъ, онъ сталъ перхать и кашлять, голова закружилась и въ ухахъ пошелъ звонъ, онъ возвратилъ окуроевъ товарищу, который съ нимъ и покончилъ.

— Тебе, мальчикъ, какъ звать-то?—спрашивалъ арестантъ, затягиваясь.

— Сережой—отвѣчалъ мальчишъ, во все глаза глядя, какъ курилъ товарищъ, и невольно продѣлывая лицомъ все его мины.

— Ну что-жь, Сережа, давеча хлѣбца посулился.

— Чичасъ—отвѣчалъ тотъ, наблюдая, какъ арестантъ тщательно глушилъ огонь въ докуривной папирскѣ, стараясь плюнуть на самый кончикъ ея.

— Только, Сережа, не пришелъ бы сюда кто-нибудь, Боже сохрани.

— А что, накурили?

— Нѣтъ, братъ, не накурили, а мнѣ тогда крышка—пояснилъ бѣглый, показывая рукой, какъ ему крышка.

— Ни—сказалъ Сережа, который испыталъ на себѣ уже много разныхъ крышекъ и вполне цѣнилъ значеніе этого слова—никто сюда не ходитъ, никтошеньки-никто, кроме меня.

— Ну-ну... такъ бѣги-же Сережа, бѣги, только чтобъ мать не видала, милый...

— Не увидитъ.

Сережа юркнулъ въ щель воротины, обогнулъ сарайчикъ, вы-

скочилъ на гуменную дорожку, обѣжалъ кругомъ села и выбѣжалъ на улицу съ другой стороны. Прибѣжавъ въ свою избу, увидѣлъ мать, которая заваривала тѣсто, онъ тихонько сѣлъ на лавкѣ и склонилъ голову, словно ему очень хотѣлось спать.

— Гдѣ Богъ носилъ? спросила мать.

— Съ барчатами на каналѣ гольцовъ ловилъ, сказалъ Сережа соннымъ голосомъ.

— Аль умалелъ, ляжъ поди въ холодокъ, въ чуланчикѣ, аль въ сѣнцахъ.

— Я, мамка, здѣсь ляжу, сказалъ Сережа, заглядывая однимъ глазомъ на полку, гдѣ лежала большая коврига хлѣба.

— Ну, милый, что здѣсь хорошаго-то — жарница, мухи, ступай въ сѣнцы, желанный.

— Ма, ты мнѣ пышку испекешь?

— Испеку, испеку, болѣзнь мой, ступай, усни.

— Ма, ступай кваску мнѣ принеси холоденькаго — попью и ляжу.

— Ну, ну... — Баба вышла.

Въ одно мгновеніе Сережка стоялъ на лавкѣ ногами, стащилъ ковригу, досталъ ножикъ изъ стола, и пыхтя и натуживаясь отвортилъ отъ нея изрядный ломоть. Сережка сунулъ ломоть за пазуху, и не успѣлъ положить ковригу на мѣсто, какъ мать вернулась въ избу съ большой мѣдной кружкой холоднаго кваса. Мать поглядѣла на ковригу и на оттопыренный ломтемъ животъ мальчишки.

— Куда это собрался, спросила она, — не носѣда ты бѣдовая, аль за обѣдомъ не налопался? Но мальчикъ схвативъ обѣими руками тяжелую запотѣлую кружку, тянулъ холодный квасъ, тяжело переводя дыханіе носомъ. — Хочешь я лапшицы достану, предложила мать.

— Нѣтъ, не надо, я лошаdkѣ, сказалъ Сережка, и бросился къ двери.

— Подай назадъ, гналась за нимъ мать, — пострѣль этакой, подай назадъ, я те для лошаdки корочку дамъ, озорникъ окаянный, хлѣбъ дорого покупаемъ.

Отъ Сережки и слѣдъ простылъ.

Баба стояла на порогѣ, ища глазами исчезнущаго мальчишку.

— Погоди, ужотка закачу я тебѣ лошаdку. Девять гривенъ пудъ! — прибавила она патетически и вернулась къ кадкѣ съ завареннымъ тѣстомъ.

— Ну вотъ умникъ, — сказалъ арестантъ, увидѣвъ вернувшася Сережу, — я ужъ думалъ ты не воротиться! Спасибо тебѣ, другъ, дай тебѣ Богъ добраго здоровьца, пошли тебѣ Богъ и твоимъ родителямъ, — говорилъ онъ, принимая отъ него ломоть немного раскисшій за

пазухой.—Вотъ жаль солюшки нѣтъ, ну и такъ ладно. Самъ-то кушать станешь?

— Корочку,—согласился мальчикъ изъ одного удовольствія принять участіе въ этомъ тайномъ завтракѣ.

Арестантъ отломилъ ему корку и подалъ. Сережка ѣлъ, балуясь, словно сосалъ, а арестантъ, помолвившись Богу, жадно уписывалъ хлѣбъ за обѣ щеки.

— Мать-то не видала?—освѣдомился онъ съ набитымъ ртомъ.

— Видала,—сказалъ Сережа, облизывая муку съ корки.

— О!—выкатилъ тотъ испуганные глаза и пересталъ жевать,— не пришла бы!

— Нѣ, не придетъ, она тѣсто завариваетъ.

— Ты что-же ей сказала-то?—спросилъ арестантъ, снова принимаясь жевать.

— Я сказалъ—лошадкѣ.

— Лошадкѣ?—разсмѣялся тотъ да такъ, что отъ смѣху у него кусочки хлѣба падали изо рта на колѣни, а онъ снова подбиралъ ихъ въ ротъ,—вотъ такъ лошадка!

Мальчикъ тоже хохоталъ.

— Вотъ такъ лошадка! увидала бы она эту лошадку, нажгла-бы она тебѣ.

— Крышка?—спросилъ Сережа.

— Какъ не крышка... ха-ха, вотъ такъ лошадка...

Тѣмъ временемъ онъ уже кончилъ свой ломоть, а Сережа недоѣлъ корку, и сталъ крошить ее, балуясь.

— Ты что же это балуешься? Грѣхъ хлѣбъ Божій сорить;—и, помолчавъ, прибавилъ:—ты что же, кушать не станешь?

Мальчикъ отрицательно помоталъ головой.

— Ну я скушаю.—Онъ доѣлъ корочку, всталъ и перекрестился.

— Покуримъ,—предложилъ Сережа.

Они покурили. Потомъ арестантъ сказалъ:

— Слышь, Сережа, я усну чудокъ, не придетъ сюда никто?

— Ни...

— Только ты, Сережа, не вертись у сарая, милый! а то не замѣтилъ бы кто.

— Сережка-а-у!—раздалось изъ дали,—Сережка-у!

— Бѣги скорѣй! прошепталъ испуганный арестантъ,—прошмыгни, чтобъ не видно было—зайчикомъ.

Мальчикъ исчезъ, а бѣглый долго прислушивался, не идетъ ли кто, потомъ успокоился, легъ и уснулъ.

Часа черезъ два вернулся Сережа, заглянулъ въ щелочку, увидѣлъ, что его новый другъ спитъ, потихоньку пробрался къ стоявшей

въ углу колымажкѣ, забрался туда и прикурнулъ. Уснувъ, онъ вдругъ дернулся отъ укушенія мухи и перевернулся на другой бокъ. — Отъ этого произошелъ стукъ, и колымажка закрипѣла. Спящій арестантъ проснулся отъ этого скрипа и открылъ глаза. Воспоминаніе о дѣйствительности вдругъ пахнуло на него тѣмъ холоднымъ ужасомъ, который испытываетъ пробуждающійся въ испугѣ человѣкъ. Онъ притаился и тихо оглядывался. Никого онъ не увидѣлъ, но сердце его продолжало тяжко биться въ груди. Потомъ нѣжное воспоминаніе о Сережѣ проснулось въ душѣ и паническое чувство преслѣдованія мало-помалу стихло. Онъ оглядывался въ своемъ мирномъ убѣжищѣ, разсматривалъ разный ломъ, разбросанный и чернѣвшій по угламъ. Въ одномъ мѣстѣ крыша провалилась и столбъ свѣта, прорываясь подъ кровлю, освѣтилъ въ одной сторонѣ сарайчика колонаду пустыхъ ульевъ. Стоя одинъ на другомъ, съ своими отверстыми летками для пчель, они имѣли видъ какой-то странной фантастической постройки. Когда арестантъ развлекся созерцаніемъ этихъ простыхъ и мирныхъ вещей, онъ почувствовалъ себя на время очень тихо и почти счастливо, потому что не ощущалъ болѣе внутри удручающей тоски голода, выпался, отдохнулъ и не думалъ о преслѣдованіи. Онъ опять вспомнилъ о Сережѣ, не подозревая, что онъ спитъ здѣсь въ старой навозной колымажкѣ.

— Кабы всё такъ-то, какъ Сережа, а то нѣтъ...

И вспомнились ему скитальческіе, голодные дни, полные трепета и страха, что поймають, вераутъ и накажутъ, вспомнились жуткія ночи въ лѣсахъ, на сырой землѣ съ пустымъ животомъ, ночные звуки, несущіеся невидимо откуда, таинственный трескъ сучьевъ и окрики лѣшихъ, отъ которыхъ кровь стыла въ жилахъ, вспомнились звонки станovýchъ, отъ которыхъ холодный потъ выступалъ у него на лбу... А потомъ — звонъ цѣпей, окрики зрителей, штыки конвойныхъ этапа, ссылка, каторга, невыносимая для его изможденнаго тѣла. И падая духомъ передъ неизбѣжной пыткой, которая начнется для него за предѣлами этого минутнаго убѣжища, онъ вдругъ застоналъ и заплакалъ. Ему показалось невозможнымъ, невыслымымъ разстаться съ этимъ сараемъ, съ этой тишиной, которую онъ испытывалъ нѣсколько минутъ назадъ, казалось нестерпимой и невозможной мукой то, что онъ уже вытерпѣлъ за эти дни скитаній и что должно было сейчасъ начаться снова, какъ только онъ подыметъ съ мѣста, нагрѣтаго теплотой его тѣла. И опять, какъ тогда, нѣсколько часовъ тому назадъ, когда онъ хотѣлъ удавиться, но Сережа ему помѣшалъ, онъ опять сталъ думать о смерти. Смутныя представленія о страшномъ судѣ и мученіяхъ ада, вложенныя кѣмъ-то, когда-то давно, въ его слабую, кроткую душу, расплывались, разсѣивались передъ навязчивою мыслью о томъ, что ожидало его и отъ чего онъ уже усталъ... Долго лежалъ онъ въ

напряженной мучительной тоскѣ. Тоска эта стала такой глухой, такой неясной, что онъ не сознавалъ ничего, кромѣ своего безсилія, своей раздавленности. Потомъ вдругъ новый порывъ страха и отчаянія нашель на него. Чѣмъ-то безобразнымъ, ужаснымъ и невыносимо мучительнымъ представилась ему вся его жизнь, позади и впереди... Но протестъ былъ чуждъ его приниженой, незлобивой душѣ, и гонимый судьбою отъ малыхъ лѣтъ, всюду обойденный и обиженный, въ эту трудную расчетную минуту онъ обратилъ на самого себя все негодованіе, все презрѣніе, къ какому былъ способенъ.

Онъ вдругъ вскочилъ на ноги и, судорожно ударяя себя кулакомъ, проговорилъ вслухъ:

— А ну ты, юродива кляча, полѣзай въ петлю!

И заглянувъ въ щель воротъ, чтобы убѣдиться, что никто не идетъ сюда и не помѣшаетъ ему, онъ взлѣзъ на улей, изготовилъ мертвую петлю изъ обрывка, все еще висѣвшаго на переметѣ и просунулъ въ нее голову. Но въ эту минуту онъ вспомнилъ какъ корючилась удушенная собака, про которую рассказывалъ Сережа, и судорога пробѣжала по его помертвѣлому лицу. Онъ стоялъ въ нерѣшимости. Вдругъ онъ услышалъ крикъ ребенка. Онъ вздрогнулъ, сорвался съ улья, и петля схватила его шею...

— Не надо, не надо—жалко!—кричалъ пробужденный шумомъ Сережка.

Тотъ кончался, напутствуемый жалобнымъ дѣтскимъ крикомъ, который громко звучалъ въ ушахъ, хватая его за самыя нѣжныя струны сердца, озареннаго въ этотъ послѣдній мигъ такимъ порывомъ къ живой любви и жизни, какого онъ не испытывалъ никогда въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ своего пришибленнаго существованія.

Я. Крюковскій.

СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генриха Сепкевича.

(Переводъ съ польскаго М. Кривошеева).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Между тѣмъ прошла зима, наступилъ конецъ поста и вмѣстѣ съ нимъ приближался срокъ свадьбы какъ Поланецкаго, такъ и Машко. Букацкій, приглашенный на свадьбу въ качествѣ шафера, въ своемъ письмѣ къ Поланецкому писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Считаю просто преступленіемъ вышибать творческую силу изъ ея общаго состоянія, то-есть, изъ состоянія полнѣйшаго покоя, и заставлять ее, при посредствѣ совершаемыхъ на землѣ браковъ, воплощаться въ болѣе или менѣе крикливое индивидуальное состояніе, требующее колыбелекъ и забавляющееся захихиваніемъ большого пальца собственной ноги въ свой же ротъ. Однако, пріѣду, потому что у васъ печи лучше, чѣмъ здѣсь“. Онъ пріѣхалъ до праздниковъ и привезъ Поланецкому въ подарокъ изящную пергаментную карточку въ видѣ песочныхъ часовъ, т. е. эмблемы смерти, на которой надписи большими черными буквами гласила: „Станиславъ Поланецкій, послѣ долгой и тяжелой холостобы и т. д.“.

Поланецкій, которому эта карточка очень понравилась, понесъ ее на другой день, около полудня, къ Маринѣ. Онъ совершенно забылъ, что день былъ воскресный и, рассчитывая пріятно провести вмѣстѣ съ ней время до обѣда, онъ испыталъ нѣкоторое разочарованіе, заставъ ее уже въ шляпкѣ.

— Вы собираетесь уйти?—спросилъ онъ.

— Да. Въ костель. Сегодня, вѣдь, воскресенье.

— А, воскресенье!.. Правда! А я то думалъ, что мы посидимъ вмѣстѣ. Какъ бы это было пріятно...

Она подняла на него свои спокойные голубые глаза и сказала просто:

— А служба Божья?

Поланецкій въ эту минуту отнесся къ этому словамъ такъ, какъ бы онъ отнесся ко всякимъ другимъ словамъ, нисколько не подозревая, что эти, именно, слова, благодаря ихъ простотѣ, будутъ играть немаловажную роль въ томъ духовномъ процессѣ, который ему придется потомъ переживать. И онъ отвѣтилъ, словно повторяя машинально:

— Вы говорите: служба Божья... Пожалуй... Я свободенъ. Пойдемте вмѣстѣ.

Мариня приняла это предложеніе съ особымъ удовольствіемъ. По дорогѣ она сказала:

— Чѣмъ болѣе я счастлива, тѣмъ болѣе люблю Бога.

— Это тоже безъ сомнѣнія признакъ хорошей натуры, потому что другіе вспоминаютъ о Богѣ лишь тогда, когда ихъ постигаетъ несчастіе.

Въ костель ему снова пришло въ голову то, о чемъ онъ думалъ во время своей первой побывки въ Кремнѣ, когда онъ вмѣстѣ со старымъ Плавицкимъ былъ у обѣдни въ Вонторахъ: „Всѣ философскія системы проходятъ какъ тѣни одна за другой, а обѣдня служитъ по старому“. Ему казалось, что въ этомъ, однако, есть что-то непонятное. Онъ, который, лишившись Литки, столкнулся со смертью лицомъ къ лицу такимъ печальнымъ, почти жестокимъ образомъ, постоянно возвращался къ этимъ темнымъ неразрѣшеннымъ загадкамъ, какъ только онъ попадалъ на кладбище или въ костель, или, вообще, въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не имѣли ничего общаго съ текущими реальными потребностями жизни, а были рассчитаны на жизнь загробную. Его поразило то обстоятельство, какъ, однако, въ жизни много дѣлается для этого будущаго, и не смотря на всѣ философствованія и вѣчныя сомнѣнія, живется такъ, какъ если-бы оно было внѣ всякаго сомнѣнія. Сколько личнаго мелкаго эгоизма приносится ему въ жертву, сколько благотворительныхъ дѣлъ совершается во имя его, сколько воздвигается пріютовъ, больницъ, богадѣленъ, костеловъ,—и все это подь обязательство, уплата по которому наступитъ лишь тамъ, за гробомъ.

Еще болѣе поразила его мысль, что для того, чтобы совершенно примириться съ жизнью, необходимо сначала вполне примириться со смертью, а безъ вѣры въ нѣчто загробное это является совершенно невысказаннымъ. Но за то когда обладаешь вѣрой, вопросъ этотъ ру-

шится самъ собою, словно его никогда и не было. „Чортъ съ нами съ трауромъ, надѣнемъ лучше багряницу!“ Да если оно такъ, то чего же еще можно болѣе желать? Тутъ открывается передъ тобою новый горизонтъ какого-то новаго существованія, въ худшемъ случаѣ весьма любовитнаго — а такая увѣренность сама по себѣ ужъ равносильна спокойствію. Лучшимъ примѣромъ въ эту минуту служила ему Мариня. Она была немного близорука, стояла теперь низко наклонившись надъ молитвенникомъ, но когда по временамъ поднимала голову, лицо ея казалось Поланецкому такимъ яснымъ и умиротворительнымъ, полнымъ такого растительнаго спокойствія, что, казалось, въ немъ было что-то неземное, просто ангельское. „Вотъ она-то женщина счастливая и всегда будетъ счастлива,“ — подумалъ Поланецкій, — „и умно дѣлаетъ, потому что будь по крайней мѣрѣ на противной сторонѣ увѣренность, то примириться было-бы легко, найдя утѣшеніе въ истинѣ, но мучить себя во имя какихъ-то никому невѣдомыхъ просительныхъ знаковъ—это безумно и глупо“.

По дорогѣ домой Поланецкій, въ памяти котораго такъ глубоко врѣзалось выраженіе лица Марини, обратился къ ней:

— Вы въ костелѣ такъ напоминали собой одинъ изъ профилей Фра Анжелика. Какое у васъ было счастливое лицо!

— Потому что я теперь вполне счастлива. А знаете почему? Потому что я теперь сама куда лучше, чѣмъ была прежде. Тогда у меня въ сердцѣ жила обида и какое-то страшное разочарованіе, у меня не было никакой надежды, а все это вмѣстѣ сплеталось въ какую-то безконечную горечь, такъ что у меня дрожь проходитъ по тѣлу, когда я объ этомъ вспоминаю! Говорятъ, будто избранныя души облагораживаются въ несчастіи, но у меня душа не избранная, самая обыкновенная. Впрочемъ, быть можетъ, что несчастіе и облагораживаетъ, но эта горечь, эта обида, это разочарованіе—все это только портить... Это хуже всякаго яда...

— А вы меня тогда очень ненавидѣли?

Мариня посмотрѣла на него и тихо отвѣтила:

— Такъ ненавидѣла, что по цѣлымъ днямъ только и дѣлала, что думала о васъ.

— Машко дѣйствительно не глушь, — отвѣтилъ Поланецкій — онъ охарактеризовалъ мнѣ васъ тогда такъ: „она предпочитаетъ тебя ненавидѣть, чѣмъ меня любить“.

— О, что правда то правда, я предпочитала, да и какъ еще предпочитала!..

Бесѣдуя такимъ образомъ, они дошли до дому.

Поланецкій уллучилъ тогда удобную минуту, чтобы развернуть передъ Мариней пергаментную карточку, такъ напоминавшую собой

объявленіе—некрологъ, присланную ему Букацкимъ въ подарокъ. Но Маринѣ эта шутка не понравилась. Она смотрѣла на бракъ не только со стороны сердца, но и со стороны религіи. „Такими вещами шутить нельзя“—сказала она—и черезъ минуту откровенно заявила Поланецкому, что Букацкій нанесъ ей горькую обиду.

Послѣ обѣда пришелъ Букацкій. За нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Италіи, онъ сталъ еще тоньше, что, очевидно, не могло служить особымъ подтвержденіемъ благотворнаго вліянія „хіантскаго“ вина на катарръ желудка. Носъ его заострился, напоминая собою остріе ножа, а его юмористическое мефистофельски улыбающееся личико до того исхудало, что казалось фарфоровымъ, и было не больше кулака взрослого человѣка. Онъ приходился родственникомъ и Поланецкому, и Маринѣ, а потому въ ихъ присутствіи не стѣснялся и говорилъ все, что Богъ на душу положитъ. Не успѣвши еще переступить порога, онъ торжественно заявилъ, что въ настоящее время, когда все чаще и чаще встрѣчаются умственные аномаліи, онъ нисколько не удивляется тому, что они обручились и можетъ только отъ всей души пожалѣть объ этомъ. Онъ, правда, пріѣхалъ въ надеждѣ спасти ихъ отъ угрожающей имъ гибели, но теперь ясно видить, что уже поздно, и ему ничего больше не остается, какъ только со скрежетомъ зубнымъ покориться необходимости. Мариня, выслушавъ эту тираду, начала-было возмущаться, но Поланецкій, искренно любившій Букацкаго, прервалъ ее:

— Букацкій, побереги лучше весь запасъ твоего остроумія для свадебнаго спича, который тебѣ придется произнести, а теперь расскажи-ка намъ лучше, что подѣлываетъ нашъ милѣйшій профессоръ?

На это Букацкій, сдѣлавъ очень серьезное лицо, отвѣтилъ:

— Онъ вѣдь сошелъ съ ума.

— Пожалуйста, только безъ этихъ шутокъ!—разсердилась Мариня.

А Поланецкій прибавилъ:

— Да еще такихъ плоскихъ.

Но Букацкій продолжалъ съ прежней же серьезностью:

— Да, профессоръ Васковскій сошелъ съ ума, и вотъ вамъ доказательства: во-первыхъ, онъ гуляетъ по Риму безъ шляпы, точнѣе сказать, онъ гулялъ, потому что теперь онъ находится въ Перуджѣ; во-вторыхъ, онъ накинулся на какую то молодую и красивую англичанку, доказывая ей, что англичане являются христіанами только въ частной жизни, отношеніе же Англии къ Ирландіи далеко не христіанское; въ-третьихъ, печатаетъ брошюру, въ которой старается всѣхъ увѣрить, что миссія воскресенія и возрожденія историческихъ фактовъ духомъ христіанскимъ выпала на долю наимладшихъ изъ

арійцевъ. Помилуйте, развѣ вамъ еще мало такихъ неоспоримыхъ доказательствъ?

— Ну, объ этомъ мы знали еще до отъѣзда изъ Варшавы, и если ему ничего больше не угрожаетъ, то надѣюсь, что мы скоро увидимъ его въ здоровомъ умѣ.

— Да онъ и не думаетъ пріѣзжать сюда.

Но Поланецкій, вынувъ записную книжку, вырвалъ изъ нея листочекъ и. написавъ на немъ нѣсколько словъ барандашомъ, подаль его Маринѣ:

— Прочтите, пожалуйста, и скажите: хорошо-ли?

— Ну, если при мнѣ начинаютъ писать, то считаю нужнымъ удалиться, — сказалъ Букацкій.

— Нѣтъ, нѣтъ! тутъ нѣтъ никакихъ секретовъ!

Мариня же отъ радости раскраснѣлась, какъ вишня, и точно не вѣря своимъ глазамъ, начала спрашивать:

— Правда-ли это! Серьезно?..

— Это только зависитъ отъ васъ.

— Ахъ, панъ Стахъ!.. Да я объ этомъ и не мечтала... Я должна сказать объ этомъ папѣ, я должна..

И она, не докончивъ начатой фразы, выбѣжала изъ комнаты.

— Будь я поэтомъ, я бы тутъ же повѣсился, — сказала Букацкій.

— Почему?

— Потому что если нѣсколько словъ, начертанныхъ рукой представителя торговаго дома „Вигель и К^о“, можетъ произвести такое ошеломляющее впечатлѣніе, гораздо больше, чѣмъ самый вдохновенный сонетъ, то по-моему ужъ лучше быть послѣднимъ мельникомъ, чѣмъ поэтомъ.

Мариня, въ порывѣ восторга, забыла захватить съ собою вырванный листочекъ, Поланецкій показалъ его Букацкому и сказалъ:

— Читай.

Букацкій прочелъ:

„Послѣ свадьбы—Венеція, Флоренція, Римъ, Неаполь—хорошо?“

— Значить, и путешествіе по Италіи?

— Да. Представь себѣ, она, бѣдненькая, никогда еще въ своей жизни не была за-границей, а Италія рисуется ей какимъ то заколдованнымъ краемъ, увидѣть котораго она и не мечтала. Это для нея большая радость—и, чортъ меня побери! что тутъ удивительнаго, если я иногда думаю о томъ, чтобы доставить ей немного удовольствія.

— Любовь и Италія! О, Боже правый, сколько разъ приходилось на все это смотрѣть! Все это ужъ было, все это старо какъ свѣтъ!..

— Не правда! Влюбись только—и самъ увидишь, что въ этомъ есть что-то новое.

— Эхъ, любезный! Не въ томъ дѣло, что я *еще* не люблю, а въ томъ, что *уже* не люблю. Я давно вытащилъ изъ песка этого сфинкса и онъ уже не представляетъ для меня никакой загадки.

— Бувацкій, послушай, женись!

— Не могу, я слишкомъ близорукъ, да къ тому же желудокъ подлый.

— Что-же, это мѣшаетъ?

— Видишь ли, женщина—какъ листокъ бумаги. На одной сторонѣ пишетъ ангель, на другой—чортъ, бумага тонка и потому протекаетъ, слова сливаются и получается такой винигретъ, котораго ни прочесть, ни переварить.

— Удивляюсь, какъ ты можешь весь вѣкъ свой прожить однѣми только шуточками?

— И я также умру, какъ и ты, который женишься на дняхъ. Намъ только кажется, что мы думаемъ о смерти, — она-то о насъ куда больше думаетъ.

Между тѣмъ Мариня возвратилась съ отцомъ, который, обнявъ Поланецкаго, сказалъ:

— Мнѣ Мариня говорила, что вы послѣ свадьбы хотите поѣхать въ Италию?

— Если моя будущая госпожа согласится.

— Будущая госпожа не только соглашается, но у нея, просто, голова кругомъ идетъ отъ радости, и она готова прыгать по комнатѣ, точно десятилѣтняя дѣвочка.

Панъ Плавицкій сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Если вамъ пригодится въ дальней дорогѣ напутственное благословеніе одинокаго старца, такъ вотъ оно...

И онъ, къ великой радости Бувацкаго, вознесъ уже глаза и руки вверху, но Мариня, схвативъ руку пана Плавицкаго, поцѣловала ее и сказала съ легкой усмѣшкой:

— Папочка, будетъ еще время, вѣдь мы собираемся только послѣ свадьбы.

— Да, собственно говоря,—прибавилъ Бувацкій,—нужно купить билеты, отдать вещи въ багажъ, а затѣмъ—въ путь дорогу—и больше ничего.

Панъ Плавицкій устремилъ свой взоръ на молодого циника, замѣтивъ ему не безъ нѣкоторой торжественности:

— Развѣ вы уже дошли до того, что даже благословеніе одинокаго старца и родного отца считаете совершенно ненужнымъ?

Но Букацкій, вмѣсто всякаго отвѣта, обнялъ одной рукой шана Плавицкаго, и поцѣловавъ его въ жилетку, сказалъ:

— А не сыграетъ ли лучше со мной одинокій старецъ одну-другую партію въ пикетъ, чтобы дать возможность этимъ двумъ горчичимъ головамъ наговориться вдоволь?

— Но только съ рубикономъ!—спросилъ панъ Плавицкій.

— Съ чѣмъ только прикажете.

И сказавъ это, онъ обратился къ молодой парѣ:

— Возьмите меня въ проводники по Италіи.

— И не подумаю!—отвѣтилъ Поланецкій:—я былъ только въ Бельгіи и во Франціи, въ Италіи же никогда не былъ и я хочу видѣть то, что мнѣ будетъ интересно, а не тебѣ. Не разъ встрѣчалъ я такихъ, какъ ты, которые дошли до такой утонченности, что совершенно не любятъ искусства, а любятъ только свои знанія.

И, обратившись къ Маринѣ, Поланецкій продолжалъ:

— Да, они часто доходятъ до этого. Они утрачиваютъ всякое чутье къ великому, простому искусству и начинаютъ искать чего-то, что могло бы удовлетворить ихъ пресыщеніе и выдвинуть ихъ знанія. Они изъ-за сучьевъ не видятъ деревьевъ. Ихъ не интересуютъ великіе художники, которыхъ мы поѣдемъ смотрѣть, а какіе-то лилипуты, бездарности, имена которыхъ никому неизвѣстны, имъ интересны; они берутъ своихъ геніевъ прямо изъ какихъ-то притоновъ, они занимаютъ той или другой манерой, вбивая въ голову себѣ и другимъ, что произведенія слабыя, даже никуда негодныя, гораздо интереснѣе настоящихъ перловъ искусства. Еслибы онъ насъ водилъ по Италіи, то, увѣряю васъ, мы бы костеловъ не увидѣли, но за то не пропустили бы такихъ вещей, которыя развѣ увидишь при помощи микроскопа. Еще разъ повторяю,—это одно только пресыщеніе, насиліе и никому не нужная утонченность,—а мы себѣ люди простые...

Мариня смотрѣла на него съ гордостью, словно она хотѣла сказать: „Вотъ это называется говорить!“ Гордость ея возрасла еще болѣе, когда Букацкій тихо замѣтилъ:

— Ты вполнѣ правъ.

Но Мариня не на шутку разсердилась, когда онъ черезъ минуту прибавилъ:

— А во-вторыхъ, еслибы ты и не былъ правъ, я бы все таки передъ этимъ трибуналомъ не выигралъ дѣла.

— Извините, я вовсе не пребываю теперь въ такомъ ослѣпленіи.

— А я и не знатокъ искусства.

— О, вы-то знатокъ.

— Въ такомъ случаѣ, я позволю себѣ замѣтить, что знаніе складывается изъ мелочей, которыя съ своей стороны нисколько не

мѣшаютъ любить великое искусство. Въ настоящемъ случаѣ вы можете повѣрить мнѣ, а не Поланецкому.

— Нѣтъ! Предпочитаю лучше вѣрить пану Поланецкому.

— Что и слѣдовало ожидать,—отвѣтилъ Букацкій.

Мариня въ смущеніи стала посматривать то на одного, то на другого, но какъ разъ въ эту минуту вошелъ панъ Плавицкій съ картами въ рукахъ. Женихъ съ невѣстой подъ руку прохаживались по комнатамъ, а Букацкій скоро началъ скучать и скучалъ все больше и больше. Къ концу вечера оживлявшій его юморъ совершенно угасъ, маленькое его личико стало еще меньше, носъ его еще больше заострился и весь онъ похожъ былъ въ эту минуту на увядшій листокъ. Вечеромъ, когда онъ вышелъ вмѣстѣ съ Поланецкимъ, послѣдній спросилъ:

— Что это у тебя такъ скоро вышелъ весь порошокъ?

— Видишь-ли, я точно машина какая нибудь, — отвѣтилъ Букацкій, — до тѣхъ поръ, пока топливо имѣется, ѣдешь, а какъ только къ вечеру утренній запасъ истощается, то и стоишь машина.

— Поланецкій, посмотрѣвъ на него внимательно, спросилъ:

— А теперь ты чѣмъ отапливаешь свою машину?

— Разныя сорта угля бываютъ. Пойдемъ ко мнѣ, дамъ тебѣ чашку хорошаго кофе,—и это оживитъ насъ.

— Слушай, прости меня, что я коснусь вопроса столь деликатнаго, но мнѣ кто-то говорилъ, что ты давно уже сталъ морфинистомъ.

— Нѣтъ, очень недавно, — отвѣтилъ Букацкій. — Если бы ты только зналъ, какіе горизонты передъ тобою открываются...

— Но это убиваетъ! Ради Господа-Бога!..

— Да убиваетъ. А скажи мнѣ откровенно, тебѣ въ голову никогда не приходило, что можно страдать ностальгіей смерти?

— Нѣтъ—отвѣтилъ Поланецкій,—я понимаю страдать ностальгією жизни.

Наступило молчаніе.

— Однако, у меня дома тебя ждетъ не морфій, не опиумъ, — вдругъ сказалъ Букацкій,—а чашка добраго кофе и бутылка порядочнаго „Вордо“. Это будетъ самая невинная оргія.

Они скоро дошли до квартиры Букацкаго. Это была, дѣйствительно, квартира очень богатаго человѣка, отъ которой, правда, несло немного холодомъ, но вся наполненная мелочами, тѣсно-связанными съ искусствомъ, а также картинами и гравюрами. Въ нѣсколькихъ комнатахъ горѣли лампы, потому что Букацкій, даже во время сна, не переносилъ темноты.

„Вордо“ оказалось на-готовѣ, и вскорѣ на спиртовой машинкѣ

запылалъ синеватый огонекъ. Букацкій растянувшись на диванѣ, вдругъ сказалъ:

— Ты, вѣроятно, не допускаешь одной вещи: видя меня такимъ хрупкимъ и филиграннымъ, ты не представляешь себѣ, что я смерти вовсе не боюсь.

— Я одно только допускаю, — отвѣтилъ Полонецкій, — что ты остришь, валяешь дурака, обманываешь самого себя и другихъ, но, на самомъ дѣлѣ, въ тебѣ этого нѣтъ — и все это только напускное.

— Но что не говори, а меня человѣческая глупость всетаки немного забавляетъ.

— Но если ты считаешь себя такимъ мудрецомъ, то почему же ты себѣ устроилъ такую жалкую жизнь?

Тутъ Поланецкій, окинувъ однимъ взглядомъ всѣ картины и дорогія бездѣлушки, прибавилъ:

— Потому что во всей этой изысканной обстановкѣ ты все таки ведешь жалкую жизнь.

— Да, жалкую.

— Ты, какъ я вижу, тоже принадлежишь къ числу *притворяющихся*! Что это за новая болѣзнь завелась въ этомъ обществѣ? Позировешь, да и только!

— Иногда. Впрочемъ, со временемъ это становится второй натурой.

Букацкій, подъ вліяніемъ „Бордо“, постепенно оживлялся и становился разговорчивѣе, хотя прежняя веселость къ нему не возвращалась.

— Видишь, сказалъ онъ, — въ одномъ я только не притворяюсь, а именно: все, что я самъ могъ себѣ сказать, или все, что кто-нибудь могъ-бы мнѣ сказать, — я уже передумалъ и сказалъ себѣ. Я веду самую глупую и самую пустую жизнь, какую только можно вести. Вокругъ меня безконечная пустота, которой я страшусь и которую загромождаю той рухлядью, какую ты видишь въ этой комнатѣ — лишь для того, чтобы менѣ бояться. Я понимаю — не бояться смерти, эта статья совершенно другая, потому что послѣ смерти не чувствуешь, не мыслишь, тогда и я буду составлять часть этой пустоты, этого *небытія*, но, живя, чувствовать это, сознать это, отдавать въ этомъ себѣ отчетъ — ей-ей, нѣтъ ничего подлѣе! Къ тому-же здоровье мое, дѣйствительно, подгуляло и это отнимаетъ у меня всякую энергію. Во мнѣ, изволишь видѣть, топлива нѣтъ, а потому приходится его добавлять. Увѣряю тебя, въ этомъ гораздо менѣе притворства и позирования, чѣмъ ты думаешь. Если я, запасшись свѣжимъ топливомъ, беру часто жизнь съ ея юмористической стороны, то слѣдую лишь примѣру того больного, который лежитъ на томъ боку, на которомъ

ему лежать удобнѣе. Такъ мнѣ удобнѣе, а что положеніе при этомъ получается искусственное, съ этимъ я вполне согласенъ, но за то всякое другое положеніе было-бы и скучно, и противно. Вотъ и весь вопросъ, который, мнѣ кажется, достаточно ужъ исчерпанъ.

— Взятся-бы ты за какую-нибудь работу?

— Пощади, оставь ты меня въ покоѣ! Во-первыхъ, я знаю множество вещей, но умѣть ничего не умѣю; во-вторыхъ, я человекъ больной; въ-третьихъ, изволь совѣтовать паралитику, чтобы онъ много ходилъ, когда онъ не въ состояніи волочить ногъ. Нѣтъ, тутъ не о чемъ говорить; вопросъ вполне исчерпанъ! Выпей-ка лучше вина и будемъ говорить о тебѣ. Панна Плавицкая славная, добрая дѣвушка, и ты хорошо дѣлаешь, что женишься на ней. То, что я иногда болтаю днемъ, это въ расчетъ не идетъ. Она славная дѣвушка и любитъ тебя...

Тутъ вдругъ Букацкій, оживленный и немного подкѣрпленный виномъ, началъ говорить довольно торопливо:

— То, что я иногда болтаю днемъ, это въ расчетъ не идетъ. Теперь ночь, вино на столѣ и наступаютъ минуты откровенничанья, минуты искреннія. Хочешь еще вина, или кофе прикажешь? Я очень люблю этотъ запасъ: всегда надо мѣшать „мокко“ съ „цейлонскимъ“ въ равныхъ частяхъ... Да, чувствую, что наступаютъ минуты откровенничанья! Знаешь, о чемъ я, въ сущности, думаю? Я не имѣю вѣрнаго понятія, сколько счастья можетъ принести слава, потому что я никогда ея не достигалъ, а такъ какъ храмъ въ Эфесѣ уже сожженъ, значить мнѣ и мечтать не о чемъ... Допускаю, однако, — не имѣя, впрочемъ, вѣрныхъ данныхъ, — что всю эту славу могла-бы проглотить любая мышь, и то не только на-тощакъ, но и послѣ хорошаго завтрака въ амбарѣ. Зато хорошо знаю, что значить имѣть недостатокъ, потому что у меня онъ водится; знаю, что значить путешествіе, потому что не мало странствовалъ по бѣлому свѣту; знаю, что значить свобода, потому что я вполне свободенъ; знаю, что такое женщина — чортъ возьми, даже слишкомъ хорошо знаю! — и также знаю, что такое хорошія книжки; кромѣ того, въ этой комнатѣ всего найдешь по-немногу, и хорошія картины, и гравюры, и даже рѣдкій фарфоръ... А теперь послушай, что я тебѣ скажу: все это виѣсть взятое, — ничто, все это глупость, пустякъ, тлѣнь какой-то въ сравненіи съ однимъ только любящимъ сердцемъ!.. Вотъ результатъ моихъ долгихъ наблюденій, — жалъ только, что я дошелъ до этого къ концу моей жизни, въ то время, когда для людей нормальныхъ оно является началомъ жизни.

Тутъ онъ началъ съ какой-то особой нервностью мѣшать ложечкой свой остывшій кофе. Поланецкій-же, по натурѣ живой и подвижный, вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ:

— Ахъ ты бестія этакая! А помнишь, что ты болталъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что ты удираешь въ Италію потому, что тамъ никто тебя не любитъ и ты никого не любишь! Что, можетъ быть, вздумаешь теперь на попятный дворъ?

— А сегодня утромъ что я говорилъ тебѣ и твоей невѣстѣ?.. Я говорилъ, что вы съума спятили, а теперь утверждаю, что ты хорошо дѣлаешь? Что-же, не захотѣлъ-ли ты отъ меня логики? Болтать и говорить—это, голубчикъ, вещи различныя! А я теперь говорю искренно, потому что высушилъ полъ-бутылки добраго вина.

Но Поланецкій, какъ угорѣлый, метался по комнатѣ, повторяя:

— Ну, ей-Богу, уму непостижимо! Вотъ гдѣ настоящая суть и вотъ что заговаривать эти господа, когда ихъ только ловко прижмешь къ стѣнѣ.

Букацкій, наливая дрожащею рукой другую чашку кофе, продолжалъ:

— Любить,—это уже хорошо, но есть нѣчто еще лучшее—это быть любимымъ. Выше этого нѣтъ ничего! Что до меня—все-бы отдалъ... Но обо мнѣ нечего говорить. Жизнь—шутка сверная, точно комедія, написанная безъ таланта, гдѣ даже то, что причиняетъ глубокія страданія, часто напоминаетъ очень плохую мелодраму; но если въ жизни еще есть что-нибудь хорошее—то это быть любимымъ. Представь себѣ, я этого не извѣдалъ, а ты, не ища, нашель...

— Ну этого не скажи. Ты не знаешь, сколько я выстрадалъ.

— Знаю... Мнѣ Васковскій говорилъ... Впрочемъ, это все равно... Суть въ томъ, чтобы ты умѣлъ это цѣнить.

— А ты чего хочешь? Я понимаю, что меня немного любятъ, поэтому женюсь, и конецъ.

Тутъ Букацкій положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Нѣтъ, Поланецкій! Я, можетъ быть, дуракъ по отношенію къ самому себѣ, но отлично вижу, что кругомъ дѣлается. Это, голубчикъ, не конецъ, а только начало... Большинство мужчинъ говоритъ: „женюсь, и конецъ!“—а смотришь, большинство-то ошибается.

— Ну, ужъ этой философіи не понимаю.

— Видишь ли, суть-то въ томъ, что недостаточно еще взять женщину, надо ей также что-нибудь дать и надо, чтобы она это чувствовала. Понимаешь теперь?

— Не совсѣмъ.

— Только, пожалуйста, не наивничай. Необходимо, чтобы она чувствовала себя не только собственностью, но и собственницей. Сердце за сердце,—иначе можно шею свернуть. Супружества бываютъ или хорошия, или дурныя. Супружество Машко будетъ изъ плохихъ по

двадцати разнымъ соображеніямъ, объ одномъ изъ которыхъ я хочу теперь говорить.

— Машко объ этомъ какъ разъ другого мнѣнія. Однако, жалъ ей-Богу, что ты не женился, если ты такъ отлично понимаешь, какъ это должно быть.

— Видишь ли, если понимать и дѣйствовать на основаніи разума было бы одно и то же, тогда бы не было разныхъ-преразныхъ паденій, отъ которыхъ лишь кости хрустятъ. Впрочемъ, ты представь себѣ меня вдругъ въ роли жениха.

И Букацкій началъ смѣяться своимъ тоненькимъ смѣхомъ. Къ нему вдругъ вернулась прежняя веселость, а вмѣстѣ съ ней его особое умѣнье смотрѣть на вещи съ смѣшной стороны.

— И ты будешь комиченъ, а я бы на кого былъ бы тогда похожъ?.. Со смѣху лопнуть бы можно, вотъ какая была бы минута! Самъ убѣдишься черезъ двѣ недѣли. Вообрази себѣ, напримѣръ, ты сдѣваешься къ вѣнцу. Тутъ любовь, сердце бьется, мысли въ головѣ ходуномъ ходятъ, новая эпоха наступаетъ... а тутъ садовникъ съ букетомъ, фракъ, запонокъ нѣтъ, галстухъ не завязывается, лакированные ботинки не лѣзутъ—все вмѣстѣ такой хаосъ, что твоя окрошка!.. Да, спасите вы меня ангелы небесные! Отъ души жалю тебя, дорогой мой, и прошу тебя относиться къ моимъ словамъ не съ особенной серьезностью. Теперь, если не ошибаюсь, новолуніе, а въ это время у меня является манія изрекать общія истины съ необычайной сантиментальностью. Все это однѣ только глупости... Новолуніе, вотъ тебѣ и весь сказъ! Я расчувствовался, словно овечка, лишившаяся своего первороднаго, и, волкъ меня заѣшь, если я не наговорилъ тебѣ лишняго съ три короба.

Но Поланецкій накинулся на него:

— Я видѣлъ много жалкаго, но знаешь, что мнѣ больше всего кажется жалкимъ въ тебѣ и тебѣ подобныхъ? Это то, что вы, которые отъ всего отрекаетесь, ничего надъ собою не признаете, словно огня боитесь каждой чистой правды только потому, что ктонибудь, когданибудь изрекъ ее, предупредилъ васъ. Какъ это плоско, какъ это ничтожно, просто, ей-Богу, словъ даже нѣтъ! Мой милнй, и ты тоже минутой тому назадъ былъ гораздо искреннѣе, чѣмъ теперь... Ты теперь снова вошелъ въ свою роль молодого пуделя, вытанцовывающаго на заднихъ лапкахъ замысловатыя па, но заявляю тебѣ, что десятирмь такимъ, какъ ты, не удастся разубѣдить меня, что я въ лотерею не выигралъ большого выигрыша.

И весь возмущенный, онъ простился съ Букацкимъ, но по дорогѣ онъ немного успокоился, безпрестанно повторяя:

— Вотъ гдѣ правда, вотъ что говорить даже такой Машко или

Букацкій, когда они хотятъ быть сколько нибудь искренними, — а на мою долю просто выпалъ большой выигрышь, и я ужъ не растрочу того, что выигралъ...

Потомъ, вернувшись домой и взглянувъ на фотографію Литки, онъ почти громко произнесъ: „Дорогой ты мой котикъ...“ И до тѣхъ поръ, пока не замкнулись его вѣки, онъ, лежа въ постели, все думалъ о Маринѣ съ отрадой и спокойствіемъ человѣка, который чувствуетъ, что имъ разрѣшена какая-то великая жизненная задача и разрѣшена хорошо.

Онъ былъ глубоко убѣжденъ, несмотря на слова Букацкаго, что когда онъ женится — всему наступитъ конецъ и все будетъ разрѣшено.

Х.

Катастрофа, по выраженію Букацкаго, наконецъ, наступила. Полапецкій теперь испыталъ, что если въ жизни есть много такихъ дней, когда рѣшительно трудно собраться съ мыслями, то къ такимъ, именно, днямъ, прежде всего, слѣдуетъ отнести день вѣнчанія. Мысли эти, иногда вертѣлись у него въ мозгу по нѣскольку десятковъ вмѣстѣ и къ тому-же такія неясныя, неопредѣленныя, что онѣ скорѣе похожи были на несовѣсть опредѣлившіяся впечатлѣнія, чѣмъ на мысли. Онъ чувствовалъ, что въ его жизни начинается новая эпоха, что онъ возлагаетъ на себя громадныя обязанности, которыя слѣдуетъ выполнить честно и добросовѣстно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно одновременно онъ удивлялся, что до сихъ поръ не пріѣхала карета и удивленіе свое онъ выражалъ въ формѣ угрозы: „посмѣли-бы у меня мерзавцы опоздать, я бы имъ шею свернулъ!“ Иногда его охватывало какое-то торжественное настроеніе и благородный страхъ передъ будущимъ, отвѣтственность за которое онъ бралъ на себя — онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то приподнятость духа и, полный этого чувства приподнятости, онъ намыливалъ себѣ бороду, размышляя при томъ, не пригласить-ли сегодня, въ видѣ исключенія для такого знаменательнаго дня, парикмахера для его всколоченной чуприны. Образъ Марини безпрестанно носился въ его воображеніи. Онъ видѣлъ ее такъ явственно, словно она была тутъ-же, при немъ. Онъ думалъ, что она теперь тоже одѣвается, что она въ своей комнатѣ стоитъ передъ зеркаломъ, что она что-то говоритъ своей горничной, но что душа ея летитъ къ нему и сердце ея бьется неровно и тревожно. И сильно разчувствовавшись, онъ произносилъ вслухъ, какъ бы обращаясь къ ней: „Только не бойся, милое, дорогое мое созданіе, ей-Богу, я тебя не обижу“ — и онъ видѣлъ себя въ будущемъ такимъ добрымъ, такимъ снисходительнымъ, что даже съ нѣкоторымъ волненіемъ сталъ поглядывать на свои

лакированные ботинки, стоявшія у кресла, на которомъ лежала фракная пара. Время отъ времени онъ повторялъ, какъ-то особенно рѣшительно: „ужь если жениться, такъ жениться!..“ Онъ говорилъ себѣ, что онъ былъ просто глупъ, если могъ хоть одну минуту колебаться, потому что нѣтъ на свѣтѣ другой такой Марини; онъ чувствовалъ, что онъ ее любитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, что погода недурна, но что, можетъ быть, будетъ и дождь, что въ Визитковскомъ костелѣ будетъ холодно, что черезъ часъ онъ будетъ стоять передъ Мариной на колѣняхъ, что лучше взять бѣлый галстукъ, который застегивается, а не завязывается; что, однако, обрядъ вѣнчанія одинъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ въ жизни, что въ немъ есть что-то святое и что, чортъ возьми, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не слѣдуетъ терять голову, потому что черезъ часъ все это окончится, завтра утромъ они уйдутъ, а потомъ начнется спокойная, нормальная жизнь, — жизнь мужа и жены.

Были, однако, минуты, когда мысли эти разлетались, словно стая воробьевъ, въ которыхъ кто-то вдругъ выстрѣлилъ изъ-за забора, и въ головѣ Поланецкаго воцарялась полнѣйшая пустота. Тогда на языкѣ у него вертѣлись приблизительно такія фразы: „восьмого апрѣля, завтра среда! завтра среда! мои часы! завтра среда!“ — Потомъ онъ снова пробуждался, повторяя: „нужно быть идиотомъ...“ и испуганныя птички снова цѣлой стаей возвращались въ его голову и снова начинали тамъ кружиться.

Между тѣмъ пріѣхалъ Абдульскій, представитель торговаго дома подъ фирмой „Поланецкій, Бигель и Ко“, который вмѣстѣ съ Букацкивъ былъ приглашенъ въ шафера. Абдульскій, по происхожденію татаринъ, со смуглымъ, хотя и красивымъ лицомъ, былъ такъ красивъ во фракѣ при бѣломъ галстукѣ, что Поланецкій выразилъ надежду, что и онъ навѣрное въ скоромъ времени женится. Гость любезно отвѣтилъ: „Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ“, изобразивъ при этомъ нѣчто вродѣ пантомимы, словно считалъ деньги, а потомъ сталъ говорить о Бигеляхъ. Оказалось, что всѣ дѣти хотѣли быть на свадьбѣ, но Бигели рѣшили взять только двухъ старшихъ, что повлекло за собой полное несогласіе сторонъ, которое госпожей Бигель было улажено при посредствѣ нѣсколькихъ внушительныхъ шлепковъ. Поланецкій, который очень любилъ дѣтей, былъ глубоко возмущенъ этимъ обстоятельствомъ и воскликнулъ:

— Я же выкину Бигелямъ колѣно! Они уже уѣхали?

— Да, они уже собирались.

— Отлично, по дорогѣ къ Плавичкивъ заѣду я къ Бигелямъ, заберу всѣхъ дѣтей и доставлю ихъ пани Бигель въ квартирѣ моей невѣсты.

Абдульскій высказалъ убѣжденіе, что Поланецкій этого не сдѣлаеть, но это еще болѣе утвердило послѣдняго въ его намѣреніи и онъ прямо поѣхалъ за дѣтми. Гувернантка Бигелей, зная отношенія Поланецкаго къ семьѣ, не посмѣла протестовать. такъ что не прошло и получаса, какъ Поланецкій, къ великому ужасу пани Бигель, явился къ Плавицкимъ, окруженный цѣлымъ роемъ ребятишекъ, одѣтыхъ въ будничныя платьица, со съѣхавшими на бокъ воротничками, со всколоченными волосиками и съ выраженіемъ счастья и побѣды на почти испуганныхъ личикахъ.

И быстро подбѣжавъ къ Маринѣ, онъ поцѣловалъ у нея руку, обтанутую уже въ бѣлую перчатку, и сказалъ:

— Вздумали обижать ребятишекъ. Скажите хоть вы, что я хорошо сдѣлалъ!

Мариня. дѣйствительно, была тронута; ей пріятно было видѣть еще новое доказательство его добраго сердца и она отъ души рада была дѣтямъ и даже тому, что собравшіеся гости посмотрѣли на ея будущаго мужа, какъ на какого-то оригинала, и что пани Бигель, торопливо поправляя дѣтямъ съѣхавшіе на бокъ воротнички, смущенно повторяла:

— Ну, что прикажете дѣлать съ такимъ сумасшедшимъ!

Отчасти того же самаго мнѣнія былъ и панъ Плавицкій. Но черезъ минуту Поланецкій съ Мариней уже такъ были заняты исключительно собою, что все остальное совершенно ступевалось передъ ихъ глазами. У обоихъ сердца бились несомнѣнно спокойно. Онъ глядѣлъ на нее съ какимъ-то удивленіемъ, съ какимъ то восторгомъ. Вся въ бѣломъ, начиная отъ ботинокъ и кончая перчатками, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ и съ длинной фатой, она показалась ему совершенно другой, совершенно новой. Было въ ней что-то необыкновенно торжественное, точно такъ, какъ въ покойной Литкѣ. Поланецкій, правда, не сдѣлалъ этого сравненія, но онъ чувствовалъ, однако, что въ присутствіи этой бѣлой Марини, хотя столь же близкой ему, какъ и вчерашняя, одѣтая по будничному, онъ становится какимъ-то робкимъ, несмѣлымъ. Притомъ, она показалась ему куда некрасивѣе обыкновеннаго, потому что подвѣнечный вѣнокъ только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ къ лицу молодымъ женщинамъ и къ тому же лицо ея отъ тревоги и волненія сильно раскраснѣлось, а при бѣломъ фонѣ ея туалета оно казалось еще болѣе краснымъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Но удивительная вещь! Это именно, обстоятельство и тронуло Поланецкаго. Въ сердцѣ его, по природѣ скорѣе добромъ, поднялось какое то новое чувство, похожее на нѣжность или жалость. Онъ догадывался, что у этой Марини сердце теперь, вѣроятно, бьется, точно у пойманной птички, и онъ сталъ ее успокаивать, сталъ говорить ей такія добрыя, хорошія слова, что даже самъ удивился, откуда они у него вѣзлись и какимъ

образомъ они пришли къ нему съ такой легкостью. Но они явились къ нему съ такой легкостью, благодаря именно Маринѣ. Въ ней такъ замѣтно было, что она отдается ему съ бьющимся сердцемъ, но въ тоже время съ безконечнымъ довѣріемъ, что она отдаетъ ему свое сердце, свою душу и все свое существо, всю свою жизнь и не на одну радость, но и на горе, на каждую минуту его жизни и до самаго конца ея! И въ этомъ отношеніи въ умѣ Поланецкаго не было даже и тѣни сомнѣнія, и эта увѣренность дѣлала его въ эту минуту лучшимъ, болѣе отзывчивымъ, болѣе разговорчивымъ, чѣмъ обыкновенно. Потомъ, нѣжно держась за руки, они смотрѣли другъ другу въ глаза не только съ любовью, но съ величайшей пріязнью и съ упованіемъ на будущность. Они чувствовали другъ въ другѣ взаимную правдивость. Еще нѣсколько минутъ и эта будущность уже начнетъ. Но теперь мысли обоихъ начали разясняться и эта внутренняя тревога, которой они оба были охвачены, проходила все незамѣтно и незамѣтно, превращаясь, по мѣрѣ приближенія религіознаго обряда, въ какую-то всепоглощающую сосредоточенность. Мысли Поланецкаго не разлетались уже больше какъ воробьиная стая, у него только осталось нѣчто вродѣ изумленія, что онъ, при всемъ своемъ скептицизмѣ, такъ чутко чувствуетъ даже все величіе долженствующаго свершиться. Въ сущности онъ и не былъ скептикомъ. Въ сердцѣ его гдѣ-то жила еще тоска по религіознымъ чувствамъ, и если онъ къ нимъ не возвращался, то лишь потому, что онъ отъ нихъ давно отвыкъ, и благодаря какой-то духовной неряшливости. Скептицизмъ, самое большее, успѣлъ поколебать одну лишь поверхность его духа, точно вѣтеръ, наводящій морщинистую зыбь на поверхности воды, глубь которой остается совершенно спокойной. Онъ также отвыкъ отъ всей этой обрядности — но это ужъ было дѣло будущаго и Марини; однако, теперь этотъ обрядъ, совершеніе котораго приближалось съ каждой минутой, показался ему такимъ торжественнымъ, полнымъ такой великой важности и святости, что онъ готовъ былъ приступить къ нему со склоненной головой.

Между тѣмъ, передъ этимъ необходимо было подвергнуться другому обряду, самому по себѣ, правда, довольно торжественному, но очень непріятному для Поланецкаго, а именно: нужно было стать на колѣни передъ паномъ Плавицкимъ, котораго Поланецкій считалъ набитымъ дуракомъ, принять его благословеніе и выслушать длинную, прескучную рѣчь, отъ произнесенія которой панъ Плавицкій ни за что-бы на свѣтѣ не отказался. Но Поланецкій напередъ рѣшилъ: „коль скоро я хочу жениться, то неминуемо нужно пройти черезъ все, что предшествуетъ вѣнчанію, съ подобающимъ выраженіемъ лица, и я менѣе всего стану обращать вниманіе, какое выраженіе лица будетъ въ эти минуты у этой противной обезьяны Букацкаго“. Благодаря

такому рѣшенію, онъ съ полной готовностью сталъ на колѣни передъ паномъ Плавицкимъ, рядомъ съ Мариней, покорно выслушалъ его благословеніе и торжественную рѣчь, которая, къ счастью, оказалась не особенной длинной. Панъ Плавицкій былъ самъ не на шутку взволнованъ, голосъ и руки у него дрожали, и онъ успѣлъ произнести только нѣчто вродѣ заклинанія надъ Поланецкимъ, чтобы онъ въ будущемъ хотя время отъ времени не запрещалъ Маринѣ приходить помолиться къ нему на могилѣ, пока она совершенно не заростетъ травой.

Впрочемъ, торжественность этой минуты нѣкоторымъ образомъ взволновала Юзю Бигеля. Видя съ одной стороны слезы пана Плавицкаго, а съ другой Мариню и Поланецкаго, стоящихъ на колѣнахъ, что въ домѣ Бигелей было не только наказаніемъ обыкновеннымъ, но и самымъ тяжелымъ, влекущимъ за собою еще и другія радикальныя педагогическія мѣры, — далъ волю своему сочувствію и опасеніямъ, и зажмуривъ глаза и раскрывъ ротъ, онъ разразился самымъ громкимъ плачемъ, на какой только хватало у него силенки. Когда при этомъ и остальные братья и сестры послѣдовали его примѣру, а все общество засуетилось, собираясь уже въ костель, — могила Плавицкаго, вся обросшая травой, не могла уже произвести надлежащаго элегическаго впечатлѣнія.

Сидя въ каретѣ между Абдульскимъ и Букацкимъ, Поланецкій чуть-ли не полусловами отвѣчалъ на ихъ вопросы; онъ не принималъ участія въ ихъ разговорѣ, но за то не переставалъ все время разсуждать самъ съ собой. Онъ думалъ, что черезъ нѣсколько минутъ свершится то, о чемъ онъ мечталъ въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ и чего, до смерти Литки, жаждалъ больше всего на свѣтѣ. И въ послѣдній разъ его поразило сознаніе громадной разницы между недавно минувшимъ прошлымъ и настоящей минутой. Разница, несомнѣнно, существовала. Прежде онъ стремился и жаждалъ, теперь онъ только желалъ и соглашался. Мысль эта, точно морозъ, пронизывала все его существо и въ головѣ его выросъ новый вопросъ, что, быть можетъ, въ немъ самомъ подорваны тѣ основы, на которыхъ можно что-либо создавать. Но онъ принадлежалъ къ людямъ, умѣющимъ побороть въ себѣ всѣ тревоги, и Поланецкій, не думая долго, пустилъ ихъ на всѣ четыре стороны. Онъ сказалъ себѣ: „во-первыхъ, теперь не время объ этомъ думать, а во-вторыхъ, это само собою разумѣется, что дѣйствительность не всегда согласуется съ мечтами“. Потомъ ему пришло въ голову еще то, что сказала Букацкій: „не достаточно еще взять, — нужно что нибудь и дать“, но подумалъ, что это скорѣе какая-то безконечная пряжа тончайшей нитки, и что къ жизни нужно относиться проще, потому что она совершенно не обязана согласоваться съ зара-

нѣе сложившимися теоріями. И онъ повторилъ то, что часто повторялъ: „женюсь и конецъ!“ Затѣмъ его охватила дѣйствительность вѣствующаго момента, и въ головѣ у него ничего болѣе не осталось, тамъ была теперь только Мариня, костель и вѣнчаніе.

Мариня, по дорогѣ къ вѣнцу, тихо молилась, прося Бога, чтобы Онъ помогъ и научилъ ее доставить счастье своему мужу; и для себя она просила немного счастья, будучи, впрочемъ, вполне увѣрена, что его вымолить для нея ея покойная мать.

Потомъ, они оба прошли, подъ руку, мимо собравшихся гостей и любопытныхъ, выстроившихся двумя шпалерами, видя въ отдаленіи, въ туманѣ, мигающія свѣчи у алтаря, а по сторонамъ знакомыя и незнакомыя лица. Оба ясно увидѣли лицо пани Эмилиі, въ блѣломъ чепцѣ сестры милосердія, и глаза ея, улыбающіеся и вмѣстѣ съ тѣмъ залитые слезами. Въ памяти ихъ вдругъ воскресла Литка и они оба подумали, что въ сущности это она ведетъ ихъ къ алтарю. Черезъ минуту они оба опустили на колѣни, передъ ними стоялъ ксендзъ, а надъ ними мерцали костельныя свѣчи, сверкала блескъ позолоты и святые лики главнаго образа. Церемонія началась. Ново-брачные стали повторять за ксендзомъ обыкновенныя фразы вѣнчальной присяги и вдругъ Поланецкаго, державшаго руку Марини въ своей рукѣ, охватило такое сильное, неожиданное волненіе, какого онъ не испыталъ уже съ тѣхъ поръ, какъ покойная мать въ первый разъ повела его къ причастію. И онъ почувствовалъ, что это не только есть самый обыкновенный, законный обрядъ, въ силу котораго мужчина обрѣтаетъ право надъ женщиной, но что въ этомъ соединеніи рукъ, въ этой присягѣ есть какая-то таинственная сила не отъ міра сего— есть просто Богъ, передъ которымъ преклоняется душа человѣка и сердце дрожить и трепещетъ. Среди торжественной тишины, въ ухахъ ихъ раздавались слова: „quod Deus junxit, homo non disiungat“, и Поланецкій почувствовалъ, что эта Мариня, которую онъ бралъ, становится его плотью и кровью, и частью его души и что тѣмъ же самымъ онъ долженъ стать для нея. Между тѣмъ, на клиросѣ раздался хоръ голосовъ: „Veni Creator“, и черезъ нѣсколько минутъ Поланецкіе вышли изъ костела. У выхода пани Эмилия крѣпко пожала руки Маринѣ, тихо сказавъ: „Да благословитъ васъ Господь Богъ“—и когда они ѣхали домой на свадебный пиръ, она отправилась на кладбище, чтобы сообщить Литкѣ великую новость, что „панъ Стахъ“ сегодня женился на Маринѣ.

XI.

Спустя двѣ недѣли, портѣе отеля Бауэра въ Венеціи подаль Поланецкому письмо съ варшавскимъ почтовымъ штемпелемъ. Это было

какъ разъ въ ту минуту, когда Поланецкій съ женой сѣли въ гондолу, чтобы отправиться въ Santa Maria della salute, гдѣ они собирались отслужить панихиду въ годовщину смерти матери Марини. Поланецкій, не ожидавшій ничего важнаго изъ Варшавы, сунулъ письмо въ карманъ и спросилъ жену:

— А не рано-ли еще ѣхать на панихиду?

— Да, рано; у насъ еще полчаса времени.

— Не хочешь-ли, въ такомъ случаѣ, проѣхать въ сторону Rialto?

Мариня съ удовольствіемъ приняла это предложеніе. Она раньше никогда не была за-границей и теперь положительно жила въ какомъ-то упоеніи и все, что окружало ее, казалось ей какимъ-то сномъ. Часто она отъ избытка восторга бросалась къ Поланецкому, какъ-будто онъ одинъ построилъ всю Венецію и только ему слѣдовала благодарность за всю ея красоту; часто она повторяла съ восторгомъ:

— Я смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю, что это правда.

И они поѣхали въ сторону Rialto. Часъ былъ ранній и движеніе было небольшое; вода словно заснула; день былъ тихій и прозрачный, но не солнечный, одинъ изъ тѣхъ дней, когда Canale Grande при всей своей красотѣ напоминаетъ своимъ спокойствіемъ кладбище. Палаццо по обѣимъ сторонамъ кажутся пустыми и забытыми, а въ неподвижномъ отраженіи ихъ въ зеркальной поверхности есть глубокая грусть чего-то отжившаго, умершаго... Смотришь тогда на нихъ и молчишь, какъ-бы опасаясь нарушить своимъ разговоромъ воцарившуюся кругомъ тишину.

Въ такомъ молчаніи смотрѣла теперь и Мариня. Поланецкій-же, менѣе впечатлительный, вспомнилъ о полученномъ письмѣ; онъ вынулъ его изъ кармана и сталъ читать, а спустя минуту обратился къ Маринѣ:

— А! Машко ужъ также женатъ. Свадьба ихъ состоялась на третій день послѣ нашей.

Мариня, точно пробужденная отъ сна, моргнула нѣсколько разъ глазами, а потомъ спросила:

— Что ты сказалъ?

— Я сказалъ, мечтательная головушка, что Машко отпраздновалъ уже свою свадьбу.

Она склонила свою головку на его плечо и, глядя ему въ глаза, прошептала:

— Какое мнѣ тамъ дѣло до Машко, я имѣю своего Стаха...

Поланецкій улыбнулся, какъ человѣкъ, который снисходительно позволяетъ себя любить, но который нисколько этому не удивляется: потомъ, поцѣловавъ жену въ лобъ съ нѣкоторою разсѣянностью, онъ

снова погрузился въ чтеніе письма. Вдругъ онъ шарахнулся, словно ужаленный, и воскликнулъ:

— Настоящая катастрофа!

— Что случилось?

— У панны Креславской оказались всего-на-всего лишь проценты съ капитала въ девять тысячъ, завѣщанныхъ ей дядей. А приданого ни гроша!..

— Но вѣдь и это порядочная сумма.

— Порядочная? Такъ послушай, что пишетъ Машко: „въ виду этого, банкротство мое является уже свершившимся фактомъ, а объявленіе моей несостоятельности есть только вопросъ времени“.—Они оба обмануты, понимаешь? Потому что онъ рассчитывалъ на ея состояніе, она-же — на его.

— Но они, по крайней мѣрѣ, имѣютъ, на что жить.

— На жизнь-то хватить, но Машко нечѣмъ уплатить долговъ, а это немного касается и насъ—меня, тебя и твоего отца... Быть можетъ, все пропадетъ...

Мариня сильно встревожилась.

— Мой Стахъ, сказала она,—можетъ быть, тамъ необходимо твое присутствіе, возвратимся... Папа не переживетъ такого удара...

— Я сейчасъ напишу Вигелю, чтобы онъ взялся за это дѣло и спасъ все, что еще можно спасти... Только, дитя мое, не принимай этого такъ близко къ сердцу и не тревожься. Хватить еще у меня на кусокъ хлѣба для насъ обокъ и для твоего отца.

Мариня одной рукой обняла его шею.

— Какой ты добрый!.. Съ такимъ человѣкомъ, какъ ты, можно быть вполне спокойной!..

— Къ тому-же, что-нибудь навѣрное удастся спасти... Если у Машко явится кредитъ, то онъ съ нами расплатится. Можетъ быть, ему подвернется покупатель на Кремень. Кстати, онъ пишетъ, чтобы я поговорилъ съ Буцацкимъ и спросилъ его; не купить-ли онъ Кремень; Машко просить даже, чтобы я уговорилъ его. Буцацкій сегодня вечеромъ уѣзжаетъ въ Римъ и я пригласилъ его позавтракать... Я спрошу его. У него большое состояніе и онъ имѣлъ-бы чѣмъ заняться. Любопытно, какъ сложится у Машко жизнь. Онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „женѣ я открылъ настоящее положеніе своихъ дѣлъ и она отнеслась къ этому совершенно пассивно. Зато мать ея не можетъ сдержаться отъ гнѣва и негодованія“.—Въ концѣ онъ добавляетъ, что онъ въ послѣднее время не на шутку влюбился въ свою жену и еслибы имъ пришлось разстаться, то это было-бы для него величайшимъ въ жизни несчастіемъ. Эта лирика мало меня трогаетъ. Однако любопытно, чѣмъ все это кончится.

— Она его не бросить, сказала Мариня.

— Не знаю; въ свое время я самъ думалъ, что нѣтъ, но теперь я-бы поспорилъ. Хочешь держать со мною пари?

— Не хочу, потому что не хочу выиграть. Ты, противный человекъ, совершенно не знаешь женщинъ.

— Напротивъ, я хорошо знаю женщинъ и поэтому я вполне увѣренъ, что не вѣдъ онѣ такія, какъ эта малютка, которая плыветъ теперь въ гондолѣ...

А она отвѣтила:

— Въ Венеціи, въ гондолѣ и рядомъ со своимъ Стахомъ!

Между тѣмъ, они уже подѣхали къ костелу.

Вернувшись съ панихиды къ себѣ въ отель, они застали тамъ Букацкаго, одѣтаго въ дорожный клетчатый костюмъ, слишкомъ широкій для его тощей фигурки, и въ желтыя ботинки; фантастическій галстукъ его былъ завязанъ не безъ кокетливой небрежности.

— Буду сегодня, сказалъ онъ, поздоровавшись съ Мариней.— Не прикажете-ли нанять для васъ помѣщеніе во Флоренціи? Я могу нанять палаццо, если хотите?

— Вы остановитесь во Флоренціи по дорогѣ въ Римъ?

— Да, остановлюсь. Во-первыхъ, чтобъ извѣстить въ галлерей о вашемъ пріѣздѣ—пусть уберутъ лѣстницы коврами; во-вторыхъ,— ради чернаго кофе, который въ Италіи, вообще отвратителенъ, но во Флоренціи, у Giasosa, превосходенъ... via Tognaboni... Это, впрочемъ, единственная вещь, которая еще чего-нибудь стоитъ во Флоренціи...

— Какая у васъ, однако, удивительная склонность говорить какъ разъ не то, что вы думаете...

— Напротивъ, я серьезно думаю о томъ, чтобы нанять для васъ хорошенькое помѣщеніе на Lung-Arno.

— Мы думаемъ остановиться въ Веронѣ.

— Изъ-за Ромео и Джульеты? Отлично, отлично! Пока вы еще не пожимаете плечами, думая о нихъ,—поѣзжайте. Поѣзжайте скорѣе, потому что черезъ мѣсяцъ, быть можетъ, будетъ уже поздно.

Мариня набросилась на него, словно кошка, потомъ, обратившись къ мужу, сказала:

— Стахъ, пожалуйста, запрети этому господину надѣвать мнѣ.

— Хорошо, отвѣтилъ Поланецкій.—Я отрублю ему голову, только ужъ послѣ завтрака.

А Букацкій началъ въ это время декламировать.

«...Нѣтъ! еще не свѣтаетъ!

Это не жаворонокъ—а голосъ соловья!...»

Потомъ, обратившись къ Маринѣ, онъ спросилъ:

— А Поланецкій написалъ ужъ вамъ какой-нибудь сонетъ?

— Нѣтъ.

— О, это плохой признакъ!.. А! У васъ балконъ выходитъ на улицу... Но, пожалуй, онъ еще ни разу не стоялъ подъ вашимъ балкономъ съ мандолиной?

— Нѣтъ, ни разу.

— О, это плохо, очень плохо!

— Но вѣдь тутъ негдѣ стать—тутъ вода.

— Онъ могъ-бы подъѣхать въ гондолѣ. Изволите видѣть, у насъ дѣло другое, но здѣсь, въ Италіи, такой ужъ воздухъ, что когда кто-нибудь на самомъ дѣлѣ любить, то либо пишетъ сонеты, либо стоитъ съ мандолиной подъ балкономъ. Это фактъ неоспоримый, вытекающій изъ географическаго положенія, изъ морскихъ теченій, изъ химическаго состава здѣшняго воздуха и воды, а если кто нибудь не пишетъ сонеты или не стоитъ съ мандолиной подъ балкономъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ и не любитъ. Я могу даже сослаться на весьма замѣчательныя и авторитетныя сочиненія, которыя трактуютъ объ этомъ вопросѣ...

— Боюсь, что мнѣ придется отрубить ему голову еще до завтрака.— прервалъ его Поланецкій.

Однако, дѣло не дошло до такого наказанія, потому что пора было садиться завтракать. Они сѣли за отдѣльнымъ столомъ, но въ той самой залѣ, гдѣ былъ накрытъ общій столъ, что для Марини, сильно интересовавшейся всѣмъ, являлось источникомъ особаго наслажденія, такъ какъ это давало ей возможность видѣть *настоящихъ* англичанъ. Все это на нее производило такое впечатлѣніе, точно она вдругъ очутилась въ одной изъ тѣхъ далекихъ странъ, куда ни одинъ изъ обитателей Кремня не могъ и надѣяться попасть. Ея восторгъ и упоеніе давали Букацкому и даже Поланецкому богатый матеріалъ къ постояннымъ шуткамъ, и доставляли имъ обоемъ не мало удовольствія. Первый утверждалъ, что это напоминаетъ ему его молодость, второй-же сравнивалъ свою жену съ полевой маргариткой и увѣрялъ, что такой женщинѣ, какъ она, не жаль показывать свѣтъ.

Букацкій, однако, не могъ не замѣтить, что „полевая маргаритка“ обладала художественнымъ чутьемъ и какой-то особой искренностью. Со многимъ она была знакома по книжкамъ или по гравюрамъ; она не скрывала того, что кое-чего не понимаетъ, она искренно сознавалась въ этомъ, но за то въ ея впечатлѣніяхъ не было ничего дѣланнаго, ничего искусственнаго, ничего заученнаго. Когда ей что-нибудь дѣйствительно нравилось, то восторгу ея не было конца, такъ что даже глаза ея становились влажными. Иногда Букацкій немилосердно подшучивалъ надъ нею, иногда же доказывалъ ей, что всѣ мнѣніе себя знатоками искусства не-

премѣнно имѣютъ какой-нибудь гвоздь въ головѣ и что она, какъ натура чуткая и впечатлительная и пока еще не неповерканная, является для него самымъ серьезнымъ авторитетомъ въ вопросахъ искусства, но что ея авторитетъ былъ-бы для него еще большимъ, еслибы ей было теперь только десять лѣтъ.

Однако, за завтракомъ разговоръ не коснулся искусства, потому что Полапецкій, вспомнивъ о варшавскихъ новостяхъ, сказалъ:

— Я получилъ сегодня письмо отъ Машко.

— И я!—отвѣтилъ Буцацкій.

— И ты? Дѣло, видно, тамъ горитъ. Машко, должно быть, прижали не на шутку. Ты знаешь въ чемъ дѣло?

— Машко уговариваетъ меня, вѣрнѣе умоляетъ, чтобы я купилъ—знаешь что?

Буцацкій нарочно умолчалъ о Кремнѣ, хорошо помня, сколько неприятнаго онъ принесть Полапецкому и Маринѣ, и изъ вниманія къ Маринѣ.

Но Полапецкій понялъ его деликатность и замѣтилъ:

— Ахъ, Боже мой! Мы когда-то, дѣйствительно, боялись этого слова пуще огня и избѣгали его, не желая касаться больного мѣста, но теперь—дѣло совершенно другое... Трудно стѣснять себя всю жизнь...

Буцацкій внимательно посмотрѣлъ на него. Мариня-же, покраснѣвъ немного, сказала:

— Стахъ совершенно правъ... Впрочемъ, я, вѣдь, знаю, что дѣло идетъ о Кремнѣ.

— Совершенно вѣрно, дѣло идетъ о Кремнѣ.

— Ну, какъ-же?—спросилъ Полапецкій.

— Не куплю его, хотя-бы потому, что это произвело бы такое впечатлѣніе на васъ, будто имъ играютъ, точно мячикомъ.

Мариня еще больше покраснѣла и пробормотала:

— Но я о Кремнѣ совершенно ужъ не думаю.

И она посмотрѣла на мужа, который, кивнувъ ей головой въ знакъ удовольствія и поощренія, сказалъ:

— Это только доказываетъ, что ты у меня паничка дѣвочка...

— Къ тому-же,—продолжала Мариня,—если панъ Машко не удержится, то Кремень или распадется, или попадетъ въ руки ростовщиковъ, что было-бы для меня очень неприятно...

— Ага!—воскликнулъ Буцацкій,—*неприятно*, тогда когда вы уже совершенно о немъ не думаете.

Мариня снова посмотрѣла на мужа и на этотъ разъ не безъ тревоги. Онъ-же началъ смѣяться.

— Ага, Мариня, попалась!—подразнилъ онъ ее.

Потомъ онъ обратился къ Буцацкому:

— Очевидно, Машко видитъ въ тебѣ единственный якорь спасенія.

— Но какой-же я якорь?.. Посмотри только на меня.. скорѣ соломенка... А кто захочетъ спастись, хватаясь за такую соломенку, тотъ навѣрное погибнетъ, утонетъ... Впрочемъ, мнѣ самъ Машко сколько разъ говорилъ: „у тебя, Букацкій, нервы давно уже притупились!“ Можетъ быть и притупились!.. Но поэтому именно мнѣ и нужны сильныя впечатлѣнія... Помоги я Машко, онъ-бы вылѣзъ, снова сталъ-бы на ноги, снова продолжалъ-бы корчить изъ себя англійскаго лорда, жена его стала-бы играть роль важной барыни и они оба были бы до-нельзя „сomme il faut...“ И передо мною разыгралась-бы глупая и скучная комедія, которую я ужъ видѣлъ множество разъ и которая вызываетъ у меня только страшную зѣвоту. Въ противномъ-же случаѣ—если я не помогу ему,—онъ разорится въ духъ и прахъ, погибнетъ, произойдетъ что-то интересное, неожиданное, быть можетъ, даже трагическое, а это для меня куда интереснѣе и занимательнѣе. Разсудите теперь сами: за глупую комедію мнѣ пришлось-бы заплатить—и дорого заплатить, а интересную трагедію я могу видѣть совершенно даромъ. Тутъ и колебаться нечего!..

— Фу, какъ вы можете говорить такія вещи!—воскликнула Мариня.

— Я не только могу говорить, но даже напишу ихъ Машко. Къ тому-же, онъ обманулъ меня самымъ неприличнымъ образомъ.

— Чѣмъ?

— Чѣмъ? А тѣмъ, что я думалъ: вотъ настоящій снобъ! вотъ истинный матеріалъ для изображенія настоящаго „чернаго“ злодѣя, вотъ, наконецъ, хоть одинъ человѣкъ безъ совѣсти и безъ сердца! Что-же оказывается?—оказывается, что у этого человѣка, гдѣ-то въ глубинѣ души, гантся какая-то порядочность, что ему хочется удовлетворить своихъ кредиторовъ, что ему жаль эту куклу съ красными глазами, что онъ ее любить и что разлука съ ней, изволите видѣть, была-бы для него страшнымъ несчастіемъ... Этакій безстыдникъ! еще самъ объ этомъ пишетъ мнѣ... Даю вамъ честное слово, что въ этомъ обществѣ ни на что и ни на кого разсчитывать нельзя!.. Я слоняюсь за-границей именно потому, что не въ силахъ сносить этого.

На этотъ разъ пани Поланецкая разсердилась уже не на шутку:

— Если вы посмѣете еще говорить такія вещи, то я попрошу Стаха, чтобы онъ прекратилъ съ вами всякое знакомство.

Поланецкій-же, пожавъ плечами, сказалъ:

— Рѣшительно, ты ради краснаго слова способенъ иногда заговорить до полусмерти и себя и другихъ. И никогда-то ты не разсудишь по-человѣчески! Вѣдь ты отлично понимаешь, что я не уговариваю тебя покупать Кремль, тѣмъ болѣе, что въ этомъ была-бы нѣкоторая выгода и для меня, но, все таки, у тебя было-бы хоть кой-какое занятіе.

Букацкій началъ хохотать и черезъ минуту отвѣтилъ:

— Я тебѣ ужъ когда-то говорилъ, что прежде всего я люблю дѣлать только то, что мнѣ нравится, а коль скоро мнѣ больше нравится ничего не дѣлать, то, ничего не дѣлая, я дѣлаю уже то, что мнѣ нравится. Если ты уменъ, то докажи мнѣ, что я сказалъ глупость. Во-вторыхъ: я—земледѣлецъ!.. Вѣдь это—просто прелесть что такое!.. Я, для котораго дождь и погода являются только вопросомъ, взять-ли съ собою палку или зонтикъ, долженъ, подъ старость лѣтъ своихъ, простаивать на одной ногѣ, точно журавль, и смотрѣть, задравъ голову, нравится-ли солнцу свѣтить, или дождю накрапывать? Мнѣ ли тревожиться о томъ, не проростетъ ли у меня пшеница, не перезрѣетъ ли рѣпа, не нападетъ ли ржа на картофель, удастся ли мнѣ справиться съ горохомъ, съумѣю-ли во время доставить Ицкѣ изъ Собачьей Воли столько корцовъ, сколько я обязался по контракту, не схватятъ-ли мои выѣздныя лошади сана, а овцы — чахотки? Мнѣ ли, на старости лѣтъ, дойти до такого умышленнаго ступѣннѣя, чтобы черезъ каждыя три слова вставлять: „сударь мой“, или „что, бишь, я хотѣлъ сказать?“... *Voyous! pas si bête!* Мнѣ, человѣку свободному, превратиться въ *glebae adscriptus*, въ „степенство“, въ „соедѣннику“, въ брата Лата, въ пана Мацѣя, въ Лехита?..

И оживленный немного виномъ, онъ началъ вполголоса декламировать слова шута Сляза изъ Лилли Воведи ¹⁾:

«Развѣ я Лехить? Что это такое? Развѣ изъ очей моихъ
Глядять певѣжество, пьянство или обжорство,
Семь смертныхъ грѣховъ, страсть къ шуму, къ гаму,
Къ малопросольнымъ огурцамъ и къ гербамъ?..»

— Толкуй съ нимъ послѣ этого!—сказалъ Полавецкій,—тѣмъ болѣе, что, въ сущности, онъ отчасти правъ.

Но Мариня, задумавшись немного, когда Букацкій сталъ говорить о деревенской жизни и ея затрудненіяхъ, вдругъ встрепенулась и сказала:

— Бывало, когда папѣ нездоровилось (онъ въ Кремнѣ никогда не чувствовалъ себя такимъ здоровымъ, какъ въ послѣднее время), я всегда заступала его въ нашемъ хозяйствѣ, а послѣ это уже вошло у меня въ привычку. Правда, видить Богъ, затрудненій было не мало, но это доставляло мнѣ такое удовольствіе, что я просто не въ состояніи вамъ этого выразить. Я сначала не понимала почему это такъ, но когда мнѣ панъ Яминъ объяснилъ, я все сразу поняла. Онъ говорилъ мнѣ, что это тотъ настоящій трудъ, на которомъ держится весь міръ, а всякій другой трудъ является только или развитіемъ его, или чѣмъ-то искусственнымъ... Позже я своимъ-же умомъ постигла такія вещи, о которыхъ онъ и не упоминалъ. Бывало, я выйду весной въ поле, оглянусь кругомъ, увижу, что

¹⁾ Поэма Словацкаго.

Прим. перев.

все растеть, и вдругъ почувствую, что и сердце у меня точно начинаетъ расти. О, теперь я знаю почему это: видите-ли, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ людей ложь и неправда могутъ найти собѣ мѣсто, а земля— это правда... Земли нельзя обмануть, за то и она тоже не обманеть— она или дастъ, или не дастъ... Землю поэтому любишь какъ правду, а такъ какъ ее любишь, то она учитъ тебя любить... И роса ложится не только на луга и нивы, но словно и на душу, и человѣкъ становится лучше, потому что онъ имѣетъ дѣло съ правдой и любить, то есть, онъ приближается къ Богу... Поэтому-то я такъ любила мой Кремень.

Тутъ пани Поланецкая испугалась своей собственной рѣчи, а главное того, что подумаетъ ея Стахъ, но воспоминанія эти взволновали ее и это свѣтлое волненіе, словно утрення заря, отразилось въ ея глазахъ, на ея молодомъ лицѣ—и сама она была словно утрення заря.

Букацкій смотрѣлъ на нее, какъ на какой-нибудь неизвѣстный, только-что открытый шедевръ венеціанской школы, потомъ зажмурилъ глаза, спряталъ до половины свое маленькое, худенькое лицо въ широкій фантастическій галстухъ и прошепталъ:

— *Delicieuse!*..

Затѣмъ, высвободивъ нижнюю часть лица изъ своего галстуха, онъ замѣтилъ:

— Да, да... вы совершенно правы...

Но логичная женщина не хотѣла довольствоваться этимъ комплиментомъ:

— Если я права, то, значить, вы не правы.

— Это статья другая. Вы правы потому, что это очень идетъ вамъ, а въ подобныхъ случаяхъ женщины всегда правы.

— Стахъ!—воскликнула она, обращаясь къ мужу.

Но въ эту минуту она была такъ очаровательна, что Поланецкій смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, глаза у него смѣялись, носдри трепетали. Онъ прикрылъ своей ладонью ея руку и произнесъ:

— Дитя ты мое!

И, близко наклонившись къ ней, онъ шепнулъ:

— Еслибы мы не были въ общей залѣ, то я просто разцѣловалъ бы эти милые глазенки и эти губки.

Но говоря такъ, Поланецкій сдѣлалъ громадную ошибку, потому что въ эту минуту мало было почувствовать физическую красоту Марини, воспламениться страстью къ румянцу, игравшему на ея лицѣ, къ ея глазамъ или губкамъ, но нужно было отгадать, понять и почувствовать въ ней душу. Доказательствомъ-же того, какъ далеко онъ былъ отъ такого пониманія ея души, служило его снисходительное обращеніе: „дитя ты мое!“ Эта женщина казалась ему въ эту минуту только прелестнымъ ребенкомъ, и ни о чемъ другомъ онъ даже и не думалъ.

Между тѣмъ подали кофе, за которымъ Поланецкій замѣтилъ:

— Такъ Машко сталъ лирикомъ!— Да еще послѣ свадьбы!

Букацкій, проглотивъ чашку очень горячаго кофе, отвѣтилъ:

— Не въ томъ глупость, что послѣ свадьбы, а въ томъ, что это Машко... Немного лиризма, именно, послѣ свадьбы... Однако, извините! Я чуть было не сказалъ нѣчто дѣльное... Извините, пожалуйста, простите, общаю, что больше не буду!.. Я должно быть, обжегъ себѣ языкъ горячимъ кофе, но я всегда пью его такимъ горячимъ—мнѣ, видите ли, кто-то говорилъ, что это помогаетъ отъ головной боли, а у меня голова все болитъ и болитъ...

Тутъ Букацкій положилъ ладони на шею и затылокъ, причемъ зажмурилъ глаза и нѣсколько секундъ сидѣлъ безъ движенія. Наконецъ онъ сказалъ:

— Сидишь и мелешь всякій вздоръ, а голова такъ и трещить. Я-бы ушелъ, но сюда долженъ придти художникъ Свирскій, съ которымъ я ѣду во Флоренцію, акварелистъ, знаменитый акварелистъ... Никто еще не извлекалъ изъ акварели такой глубокой силы, какъ онъ... Да, вотъ онъ и идетъ..

И дѣйствительно, Свирскій, словно по мановенію магическаго жезла, вошелъ въ эту минуту въ залу, оглядываясь кругомъ и ища глазами Букацкаго. Наконецъ, увидавъ его издали, онъ поспѣшно подошелъ къ столу.

Этотъ былъ крѣпкій, невысокаго роста человѣкъ, съ широкимъ затылкомъ, съ могучей грудью, со смуглымъ лицомъ и такими черными волосами, точно онъ былъ настоящимъ итальянцемъ. Лицо его ничѣмъ особеннымъ не отличалось, но взглядъ у него былъ умный, глубокой и ласковый. На ходу, благодаря своимъ широкимъ бедрамъ, онъ немного раскачивался изъ стороны въ сторону.

Букацкій представилъ его пани Поланецкой, рекомендуя его приблизительно такимъ образомъ:

— Представляю вамъ пана Свирскаго, художника, своего рода генія, у котораго не только имѣется талантъ, но даже несчастное желаніе не загубить его, что удалось-бы ему такъ-же хорошо и съ такой-же пользой для человѣчества, какъ и всякому другому... Но онъ почему-то предпочитаетъ наполнять свѣтъ своими акварелями и своей будущей славой.

Свирскій улыбнулся, показавъ при этомъ два ряда удивительно мелкихъ, но здоровыхъ и бѣлыхъ, какъ слоновою костью, зубовъ, и скромно сказалъ:

— Я бы очень хотѣлъ, чтобы это была правда.

— А знаете, почему онъ не загубилъ своего таланта? — продолжалъ Букацкій, — изъ-за такихъ мелко-мѣщанскихъ соображеній, что, право приличному артисту стыдно было-бы даже сознаться въ этомъ: онъ, видите-ли,

любить Погрѣбинъ — гдѣ-то недалеко отъ Познани, — вѣдь такъ? — а любить онъ его потому, что онъ, изволите видѣть, тамъ родился. Если-бы онъ родился, допустимъ, въ Гваделупѣ, то онъ-бы полюбилъ и Гваделупу — и любовь его къ Гваделупѣ точно также явилась-бы его путеводной звѣздой. Этотъ человѣкъ, просто, возмущаетъ меня до глубины души — и скажите сами, развѣ я не имѣю полного основанія къ этому?

На это Мариня отвѣтила, поднявъ на Свирскаго свои голубые глаза:

— Панъ Букацкій вовсе не такой злой человѣкъ, какъ кажется, потому что онъ сказалъ о васъ все, что можно только представить себѣ лестнаго.

— Я умру никѣмъ не разгаданный! — процѣдилъ сквозь зубы Букацкій.

А Свирскій, между тѣмъ, смотрѣлъ на Мариню такъ, какъ можетъ себѣ позволить только художникъ, не рискуя оскорбить женщину. Въ глазахъ его отражался восторгъ, и продолжая пристально на нее глядѣть, онъ пробормоталъ:

— Лишь въ Венеціи можно вдругъ, совершенно неожиданно, увидѣть такую головку — это что-то сказочное!

— Что такое? — спросилъ Букацкій.

— Я говорю, что у нихъ замѣчательный характерный типъ: въ особенности вотъ тутъ, напримѣръ (и онъ провелъ указательнымъ пальцемъ правой руки по своему носу, губамъ и подбородку). А главное, какая чистота линий.

— Что? неправда-ли? — воскликнулъ Поланецкій весь встрепенувшись, — я всегда думалъ объ этомъ.

— Держу пари, что ты никогда объ этомъ не думалъ — вмѣшался Букацкій.

Но Поланецкій былъ чрезвычайно доволенъ и польщенъ тѣмъ вниманіемъ, какимъ знаменитый художникъ удостоилъ Мариню, и потому, пропустивъ мимо ушей замѣчаніе Букацкаго, продолжалъ:

— Если-бы вамъ было пріятно написать съ нея портретъ, то мнѣ было-бы еще пріятнѣе имѣть такой портретъ.

— Отъ души радъ, — скромно отвѣтилъ Свирскій, — но я сегодня уѣзжаю въ Римъ, тамъ у меня начать портретъ пани Основской, который надо скорѣй окончить.

— И мы дней черезъ десять собираемся въ Римъ.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ.

Мариня поблагодарила художника, причемъ покраснѣла до кончиковъ своихъ ушей. Букацкій сталъ прощаться и утащилъ съ собою Свирскаго. Выйдя на улицу, онъ сказалъ ему:

— У насъ еще много времени. Зайдемъ къ Флоріани и выпьемъ коньяку.

Букацкій не умѣлъ и не любилъ пить, но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ употреблять морфій, онъ сталъ пить гораздо больше, чѣмъ дозволяло его здоровье, основываясь на чьемъ-то мнѣніи, будто одно вышибаетъ другое.

— Что за милая пара эти Поланецкіе! — сказалъ Свирскій.

— Они только недавно женаты.

— И видно, что онъ ее ужасно любитъ. Когда я ее похвалилъ, у него отъ радости даже глаза заблестѣли, онъ весь встрепенулся и выросъ, словно тѣсто на дрожжахъ.

— Она его во сто разъ больше любитъ.

— У тебя-то откуда вдругъ взялись такія познанія?

Букацкій не отвѣтилъ на это, но задравъ вверхъ свой острый носъ, заговорилъ тихо, какъ-бы ни къ кому не обращаясь:

— И супружество, и любовь мнѣ противны только потому, что съ одной стороны всегда жертва, а съ другой — только злоупотребленіе ею. Возьмемъ, на примѣръ, Поланецкаго, — онъ, хорошій человѣкъ, — и что-же? У нея безъ сомнѣнія, столько-же ума, столько-же характера, сколько у него, — но она больше любитъ, а потому жизнь ихъ сложится такъ, что онъ будетъ солнцемъ, онъ будетъ великодушно свѣтить, великодушно грѣть, будетъ считать ее своей собственностью, своей планетой, которая должна и которая будетъ воо кругъ него обращаться. Это ужъ и теперь видно... Она ужъ вошла въ его сферу. Въ немъ явилась какая то самоувѣренность, которая мнѣя просто раздражаетъ. Онъ будетъ обладать и ею, и ея рентой, онъ же будетъ обладать только имъ — безъ всякой ренты. Онъ великодушно будетъ позволять себя любить, считая любовь свою гириющей ему добродѣтелью, милостью и безконечной добротой, она-же будетъ любить, считая любовь свою своимъ счастьемъ, своимъ долгомъ... Взгляните только на этого лучезарнаго божка!!... Меня такъ и тянетъ пойти и сказать имъ это — я увѣренъ, что это хоть немного отравитъ имъ ихъ счастье!..

Но онъ не пошелъ, такъ какъ они уже сѣли у Флоріани и черезъ минуту имъ поданъ былъ коньякъ. Свирскій нѣкоторое время продолжалъ думать о Поланецкихъ, а потомъ спросилъ:

— Ну, а если ей все-таки будетъ хорошо?

— Я знаю, что она немного близорука — и ей навѣрно было-бы хорошо носить очки.

— Убирайся къ чорту! Выдумалъ тоже! Къ такому-то личику...

— Тебя вотъ возмущаютъ очки, а меня — гораздо больше возмущаетъ...

— Да у тебя въ головѣ, — прости Господи! — точно кофейная мельница, которая все мелеть и мелеть, пока не перемелеть все въ мельчайшую пыль. Скажи на милость, чего ты хочешь отъ любви?

— Я! отъ любви? Я отъ любви ничего не хочу. Пусть чортъ возь-

метъ того, кто чего-нибудь хочетъ отъ любви. У меня отъ нея только котики въ лопаткахъ, но если-бы я былъ другимъ, а не тѣмъ, чѣмъ я теперь, если-бы мнѣ нужно было выяснитъ себѣ, чѣмъ должна быть любовь, если-бы я отъ нея чего-нибудь хотѣлъ, то я бы хотѣлъ...

— Чего-бы ты хотѣлъ? Ну, гопъ! перескакивай-же!..

— Чтобы она равномерно складывалась изъ страсти и уваженія!

И онъ залпомъ выпилъ рюмку коньяку, а, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Кажется, я выпалилъ нѣчто умное, если только не очень глупое...

Но мнѣ рѣшительно все равно!

— Нѣтъ, это не глупо.

— Ей-Богу, мнѣ рѣшительно все равно!

XII.

Поланецкій черезъ недѣлю по прїѣздѣ во Флоренцію получилъ отъ Вигеля первое письмо, касавшееся ихъ „торговаго дома“; извѣстія были такъ благоприятны, что лучшаго и ожидать было нельзя. Запретительный законъ о вывозѣ хлѣба за границу, по случаю голода, былъ объявленъ. Но фирма ихъ заблаговременно успѣла сдѣлать огромные запасы хлѣба и вывезти ихъ еще до обнародованія новаго закона, а такъ какъ цѣны за границей страшно поднялись, въ особенности въ первое время, то Вигель и Поланецкій сдѣлали на этомъ отличное дѣло. Удачная спекуляція, которая велась на широкую и солидную ногу, оказалась до того выгодной, что они, будучи недавно только людьми зажиточными, вдругъ превратились чуть-ли не въ богачей. Поланецкій, впрочемъ, съ самаго начала былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ и нисколько не унывалъ. Однако, извѣстіе это крайне обрадовало его, — кромѣ финансовой выгоды, оно приносило удовлетвореніе его самолюбію. Всякій успѣхъ опьяняетъ человѣка и укрѣпляетъ его вѣру въ самого себя. И онъ не сумѣлъ воздержаться отъ того, чтобы въ разговорѣ съ женой дать ей почувствовать, что у него на плечахъ не простая голова, а необыкновенная, что онъ несравненно выше всѣхъ его окружающихъ, подобно высокому, разросшемуся дереву среди мелкаго лѣса, что онъ одинъ изъ тѣхъ, которые всегда достигнутъ намѣченной цѣли, — однимъ словомъ, нѣчто вродѣ феникса среди общества, кишатаго людьми, которые совершенно безпомощны на бѣломъ свѣтѣ. И во всемъ мірѣ ему трудно было-бы найти болѣе благодарнаго слушателя, готоваго принять всѣ его слова съ такой глубокой, съ такой искренней вѣрой.

— Ты, вѣдь, женщина, — говорилъ онъ ей, не безъ отгѣнка своего превосходства, — а потому нечего мнѣ рассказывать тебѣ все дѣло съ самаго начала и излагать всѣ подробности. Какъ женщину, тебѣ все ста-

нетъ ясно, если я выражусь такъ: помнишь тотъ модальонъ съ черной жемчужиной, который мы видѣли у Годони? Вчера я не былъ въ состояніи его купить,—сегодня-же я въ состояніи—и куплю.

Мариня начала его благодарить и умолять, чтобъ онъ этого не дѣлалъ, но онъ обнялъ ее и торжественно провозгласилъ, что ничто не въ состояніи его удержать, что этотъ вопросъ уже рѣшенъ, а Марисъ можетъ уже считать себя обладательницей этой большой черной жемчужины, которая будетъ просто обворожительна на ея бѣлой, прелестной шейкѣ. Затѣмъ, онъ сталъ цѣловать эту шейку. Нацѣловавшись вдоволь, онъ опять почувствовалъ потребность во внимательномъ слушателѣ и началъ ходить по комнатѣ, улыбаясь и самому себѣ, и жевѣ, и разсуждая при этомъ вслухъ такимъ образомъ:

— Я ужъ не буду касаться тѣхъ, которые ничего не дѣлаютъ... Взять, напримѣръ, Букацкаго,—на что онъ годится?.. я не говорю и о набитыхъ дуракахъ — вродѣ Коповскаго, — это просто какая-то ослиная голова. Возьмемъ такихъ, которые что-то дѣлаютъ, у которыхъ даже умъ имѣется, напримѣръ, Бигель. Онъ-бы никогда не воспользовался этимъ случаемъ, гдѣ нужна была особая смекалка; онъ-бы сталъ размышлять, откладывая со дня на день, сегодня-бы рѣшился, завтра-бы снова сталъ колебаться, — а время пока и прошло-бы. А тутъ вся суть въ чемъ?—Во-первыхъ, въ томъ,—чтобы на плечахъ была голова, а во-вторыхъ, чтобы съѣсть пораскинуть мозгами и сообразить,—а если ужъ дѣйствовать, такъ дѣйствовать!.. Кромѣ того, нужно обладать трезвымъ умомъ, а главное, не позировать! Машко, кажется, вѣдь не глупъ, а посмотри, что онъ накуралесилъ!.. Я никогда не слѣдовалъ и никогда ужъ не послѣдую его примѣру.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ ходилъ по комнатѣ большими шагами, потряхивая своими густыми, черными волосами, а Мариня, всегда готовая слушать съ довѣріемъ его слова, принимала ихъ за неопровержимыя аксіомы, тѣмъ болѣе, что базисомъ ихъ являлся несомнѣнный успѣхъ, который былъ на-лицо.

Наконецъ, онъ остановился передъ нею и сказалъ:

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, что трезвость—это умъ. Можно имѣть интеллигентную голову, впитывающую въ себя всякое знаніе, какъ губка, и даже очень впечатлительную, но при этомъ не имѣть собственного трезваго ума. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить Букацкий. Не думай, пожадуйста, что я черезъ-чуръ самонадѣянъ, но право—будь у меня столько знаній объ искусствѣ, сколько у него, увѣряю тебя, что я судилъ-бы о немъ куда лучше его. Онъ столько начитался, онъ такъ напичкался различными мнѣніями, что личнаго мнѣнія у него не осталось вовсе. Право, изъ такого матеріала, какимъ нагрузилъ себя онъ, я съумѣлъ-бы выжать что-нибудь и свое, оригинальное...

— Разумѣется! отвѣтила Мариня, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Поланецкій былъ въ нѣкоторомъ отношеніи правъ. Онъ былъ человѣкъ не глупый, а интеллигенція его, быть можетъ, была и солиднѣе, и компактнѣе интеллигенціи Букацкаго, но за то она была гораздо менѣе гибкой, гораздо менѣе всесторонней. Однако объ этомъ онъ теперь не подумалъ. Онъ не подумалъ и о томъ, что въ эту минуту, давъ волю своей хвастливости, онъ высказываетъ предъ Мариней такія вещи, отъ провозглашенія которыхъ въ присутствіи постороннихъ, болѣе скептическихъ людей, его удержала-бы боязнь критики и опасеніе показаться смѣшнымъ. Но въ присутствіи Марини онъ уже пересталъ стѣсняться, полагая, что если можно иногда позволить себѣ въ присутствіи кого-либо хвастнуть, то, разумѣется, именно въ присутствіи жены. Вѣдь онъ, по его выраженію, „взялъ ее—и все кончено!“ Мариня была теперь его собственностью.

Вообще, онъ никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, такимъ довольнымъ собой и своей жизнью. Матеріальный успѣхъ былъ блестящимъ и будущность его представлялась ему вполне обезпеченной. Онъ взялъ женщину молодую, привлекательную и умную, которая вѣрила въ него, какъ въ догматъ, что было вполне естественно, такъ-какъ губы ея по цѣлымъ днямъ горѣли отъ его поцѣлуевъ, а здоровое и благородное ея сердце преисполнено было глубокой благодарности за любовь. Чего-же ему теперь не доставало? Чего онъ могъ еще желать? Онъ былъ также доволенъ самимъ собой, приписывая главнымъ образомъ себѣ, своему уму и своимъ заслугамъ умнѣе устроить свою жизнь такъ, что она обѣщала быть вполне успѣшной и спокойной. Онъ видѣлъ, что другимъ приходится плохо, а ему хорошо, и толковалъ эту разницу въ свою-же пользу. Было время, когда онъ думалъ, что человѣкъ, дорожа своимъ спокойствіемъ, долженъ установить свои отношенія къ самому себѣ, къ людямъ и къ Богу. Отношенія первыхъ двухъ категорій онъ считалъ вполне установленными. Онъ обладалъ женой, обладалъ трудомъ, а впереди была спокойная будущность; такимъ образомъ, онъ достигъ и укрѣпилъ за собою все то, чего можно было достигъ и что можно было укрѣпить за собой. Что касается людей вообще, то онъ не прочь былъ иногда критиковать ихъ, даже и поругивать, но онъ чувствовалъ, что въ глубинѣ своей души онъ любитъ ихъ искренней любовью, что еслибы онъ даже захотѣлъ не любить ихъ, то онъ-бы не могъ этого сдѣлать, что еслибы въ настоящемъ случаѣ ему пришлось пойти за нихъ въ огонь или въ воду, то онъ пошелъ-бы, нисколько не задумываясь—слѣдовательно, и съ этой стороны все было въ порядкѣ. Осталось только установить его отношеніе къ Богу. Онъ чувствовалъ, что если-бы и оно стало яснымъ и опредѣленнымъ, то тогда онъ могъ-бы считать всѣ задачи жизни разрѣшен-

ними и могъ-бы сказать, положа руку на сердце: я знаю для чего я жилъ и къ чему стремился и для чего долженъ умереть. Онъ не былъ ученымъ, однако, ему пришлось столкнуться съ наукой и потому онъ зналъ, что всѣхъ этихъ объясненій и отвѣтовъ нечего искать въ такъ-называемой философiи, а скорѣе нужно искать ихъ въ личномъ пониманiи вещей, а, прежде всего, въ чувствѣ—разумѣется не выходя за предѣлы удобопонятнаго, доступнаго разуму, иначе можно дойти до крайности, до чудачества. Обладая извѣстной степенью воображенiя, онъ имѣлъ передъ собою образъ честнаго, благороднаго и уравновѣшеннаго человѣка, образъ хорошаго мужа, добраго отца, который проводитъ жизнь въ трудѣ и молитвѣ, по праздникамъ ведетъ дѣтей своихъ въ храмъ Божiй и живетъ чрезвычайно здоровой, нравственной жизнью. Картина эта ему такъ и улыбалась, а чего въ жизни не дѣлается ради привлекательной картины!.. Онъ думалъ также, что общество, которое имѣло-бы въ своемъ составѣ побольше такихъ гражданъ, было-бы гораздо здоровѣе и сплоченнѣе общества, низы котораго состоятъ изъ темныхъ головъ, а верхи—изъ диллетантовъ, софистовъ, декадентовъ и всякихъ другихъ безобразныхъ фигуръ съ невоерканными мозгами. Когда-то, еще въ началѣ своего знакомства съ Мариней, онъ обѣщалъ себѣ и Бигелю, что лишь только онъ покончитъ съ самимъ собой и съ людьми, онъ сейчасъ-же постарается уяснить себѣ отношенiе третьей категорiи, а именно: свои отношенiя къ Богу. И вотъ теперь пришло это время или, по крайней мѣрѣ, уже подходило. Поланецкiй созрѣвалъ, что тутъ нужно побольше спокойствiя, котораго не найдешь во время свадебной поѣздки, при массѣ впечатлѣнiй новой жизни, новой страны, вѣчныхъ переездовъ изъ отеля въ галлерей и обратно, при всей этой новой обстановкѣ, въ которой онъ жилъ теперь съ Мариней. Однако, стоило ему остаться со своими мыслями и онъ, въ эти рѣдкiя для него минуты, весь уходилъ въ эту задачу, ставшую теперь главнымъ центромъ его жизни. Къ тому-же, онъ поддавался различнымъ влиянiямъ, которыя, будучи сами по себѣ незначительны, дѣйствовали на него уже потому, что онъ сознательно нисколько имъ не сопротивлялся. Таково было влиянiе Марини. Поланецкiй самъ не отдавалъ себѣ въ немъ отчета и ни за что на свѣтѣ не призналъ-бы его, но близость этой спокойной, искренней, глубоко и наивно вѣрующей души, пронизанной своими обязанностями къ Богу, совершенно невольно заставила его почувствовать, сколько спокойствiя и блаженства можно найти въ вѣрѣ. И каждый разъ, когда онъ входилъ съ женой въ какой-нибудь костель, ему сейчасъ-же припоминалась сказанная ею въ Варшавѣ фраза; „Какъ-же? Это служба Божья!“ И онъ самъ понемногу втянулся. Сначала онъ ходилъ въ костель изъ-за того, чтобы не оставить одной жену, а потомъ это хожденiе доставляло ему такое внутреннее удовлетворенiе, какое ученому доставляетъ наблюденiе особенно интересующихъ его явленiй. Такимъ обра-

зомъ, Поланецкій при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при путешествіи и при массѣ новыхъ впечатлѣній, мѣнявшихся въ его головѣ, какъ въ калейдоскопѣ, шель по новому пути все впередъ и впередъ. Иногда мысли его въ этомъ направленіи дышали энергіей и рѣшительностью. „Я чувствую, наконецъ, Бога! думалъ онъ часто.—Я чувствовалъ Его у могилы Литки, я чувствовалъ Его, совершенно не сознавая, въ словахъ профессора Васковскаго о смерти, я чувствовалъ Его при обрядѣ вѣнчанія, чувствую Его и у насъ въ равнинахъ, и здѣсь въ горахъ подъ снѣгами. Я только спрашиваю себя, какъ мнѣ Его славить, чтить и любить?—такъ-ли, какъ мнѣ лично будетъ угодно, или такъ, какъ это дѣлаетъ моя жена и какъ меня учила моя покойная мать?..“

Въ Римѣ, однако, онъ въ первое время совершенно пересталъ думать о такихъ вещахъ. Въ головѣ его тѣснилось столько вѣшнихъ впечатлѣній, что никакая рефлексія не могла найти тамъ мѣста. Къ тому-же, по вечерамъ онъ и Мариня возвращались въ отель такими усталыми, что почти съ ужасомъ припоминали себѣ слова Букацкаго, который, служа имъ иногда, для собственнаго удовольствія, въ качествѣ „сісегопе“, каждый разъ говорилъ имъ: „вы не видите еще и тысячной доли того, что стоило бы видѣть, но это рѣшительно все равно! Право, не стоить сюда прїѣзжать, точно также, какъ не стоить съезжаться дома“.

Букацкій переживалъ теперь періодъ полнѣйшаго раздвоенія, опровергая въ слѣдующей фразѣ то, что высказалъ въ одной изъ предыдущихъ.

Профессоръ Васковскій прїѣхалъ изъ Перуджи, чтобы повидаться съ Поланецкими и это до того обрадовало Мариню, что она поздоровалась съ нимъ такъ, словно онъ былъ самый близкій ея родственникъ. Успокоившись немного послѣ радости первой встрѣчи, она замѣтила въ глазахъ стараго профессора отблескъ какой-то глубокой грусти.

— Что съ вами? спросила она съ участіемъ, —развѣ вы плохо себя чувствуете въ Италіи?

— Нѣтъ, дитя мое, —отвѣтилъ Васковскій, —хорошо и въ Перуджѣ, хорошо и въ Римѣ... Ахъ, какъ хорошо! Не забудьте, что тутъ, шагая по улицамъ, попираешь своими ногами пылъ всего міра... Я всегда это говорилъ, здѣсь преддверіе новой жизни. Только...

— Только что?

— Только люди... впрочемъ, это не отъ злого сердца —вѣдь и тутъ, какъ и повсюду, добрыхъ гораздо больше, чѣмъ злыхъ. Однако, на меня иногда нападаетъ какая-то щемящая грусть, потому что и у насъ, и тутъ меня почему-то принимаютъ за какого-то сумасшедшаго...

Букацкій, слышавшій этотъ разговоръ, обратился къ профессору:

— Въ такомъ случаѣ, у васъ нѣтъ основанія грустить въ Италіи больше, чѣмъ у насъ.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Васковскій, — только тамъ, вокругъ меня были близкіе, какъ вы, которые меня любили, а тутъ ихъ нѣтъ... И я странно тоскую...

Потомъ, обратившись къ Поланецкому, онъ продолжалъ:

— Здѣшнія газеты посвятили моему труду нѣсколько замѣтокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ странно отхлестали меня, Господь съ ними! Нѣкоторыя-же раздѣляютъ мой взглядъ, что новая эпоха должна начаться введеніемъ въ Исторію Христа и духа Его. Одна изъ нихъ, соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ, что по-христіански живутъ между собою только отдѣльные люди, но народы продолжаютъ еще жить между собой по-язычески, назвала эту теорію чуть-ли не великой. Но и эта газета, и всѣ другія поднимаютъ меня просто на смѣхъ, когда касаются того мѣста, гдѣ я утверждаю, что эту великую миссію Богъ возложилъ на насъ и на другихъ юнѣйшихъ арійцевъ... А мнѣ отъ этого больно, очень больно... Онѣ, не стѣняясь, намекаютъ, что у меня тутъ, должно быть, не совсѣмъ въ порядкѣ...

И, говоря это, бѣдный Васковскій выразительно стукнулъ себя пальцемъ въ лобъ.

Однако, черезъ минуту, онъ чоднялъ голову и сказалъ съ убѣжденіемъ:

— Съ грустью, а иногда съ сомнѣніемъ человекъ бросаетъ зерно, но зерно падаетъ на живую — и дай Богъ, чтобы оно взшло!..

Затѣмъ, онъ завелъ разговоръ о пани Эмили и долго о ней разспрашивалъ, наконецъ, посмотрѣвъ на молодыхъ Поланецкихъ своими, словно изробужденными со сна глазами, онъ спросилъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ:

— А хорошо вамъ обоимъ?

Мариня, вмѣсто того, чтобы отвѣтить, подбѣжала къ мужу и, прижавъ голову къ его плечу, сказала:

— Сами видите, профессоръ!.. Вотъ, какъ намъ обоимъ! вотъ!..

А Поланецкій сталъ гладить рукой ея темную головку.

XIII.

Спустя недѣлю, Поланецкій поѣхалъ съ женой на *via Margutta*, къ Свирскому, съ которымъ они раньше видались почти ежедневно, сжились и подружились. Теперь онъ долженъ былъ начать портретъ Марини. Они застали тамъ супруговъ Основскихъ и познакомились съ ними тѣмъ легче, что Мариня встрѣтилась съ пани Основской нѣсколько лѣтъ тому назадъ гдѣ-то на вечерѣ, а Поланецкій былъ когда-то даже ей представленъ въ Остенде, такъ что теперь оставалось только все это припомнить. Поланецкій, правда, не помнилъ теперь, задавалъ-ли онъ себѣ тогда по

отношенію къ теперешней пани Основской обыкновенный его вопросъ: „не эта-ли?“ — вопросъ, который въ ту эпоху являлся у него всегда при встрѣчѣ съ каждой молодой и красивой женщиной. Весьма вѣроятно, что это такъ и было, потому что она пользовалась тогда репутаціей очень красивой, хотя нѣсколько изломанной барышни. Теперь это была женщина лѣтъ двадцати-шести, а можетъ быть и двадцати-восьми, очень высокая, со свѣжимъ, но смуглымъ лицомъ, съ вишневыми устами, съ изящно выключенной чолкой на лбу и съ чуть-чуть косымъ разрывомъ фіалковыхъ глазъ, придававшихъ ея лицу нѣкоторое сходство съ китайкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе коварства и утонченности. По свойственной ей странной привычкѣ, она постоянно закидывала немного плечи назадъ, выпячивая впередъ всю свою фигуру, такъ что Букацкій съострилъ по этому случаю, сказавъ, что она носитъ свой бюстъ „en offrande“. Она въ первую-же минуту заявила Маринѣ, что коль скоро онѣ позируютъ въ одной и той-же студіи, то онѣ должны считать себя товарками. Поланецкому-же она любезно замѣтила, что она хорошо помнитъ его на балѣ въ Остенде, какъ отличнаго танцора и отличнаго „causeur“, и что она надѣется и теперь воспользоваться этимъ. Потомъ она тутъ-же обратилась къ нимъ обоимъ и зашептала, что ей очень и очень приятно, что она просто упивается Римомъ, что она читаетъ теперь „Cosmopolis“, что она просто влюблена въ виллу Доріа, въ чудный видъ съ Пинчіо, что она надѣется вмѣстѣ съ ними осмотрѣть катакомбы и что она знакома съ сочиненіемъ Росси по переводамъ Алларда. Затѣмъ, пожавъ руку Свирскому и не безъ кокетливости улыбувшись Поланецкому и заявивъ, что она уступаетъ свое мѣсто болѣе достойной, она вышла изъ мастерской, оставивъ послѣ себя впечатлѣніе какого-то вихря, не то китайки, не то цвѣтка. Панъ Основскій, человекъ еще очень молодой, съ ничего не выражающимъ, но добрымъ лицомъ свѣтлаго блондина, поспѣшилъ за ней, даже не успѣвъ вымолвить слова.

Свирскій глубоко вздохнулъ.

— Вотъ настоящая буря, — сказала онъ. — Положительно приходится преодолевать тысячу разныхъ трудностей, чтобы спокойно удержать ее хоть двѣ минуты.

— Что за интересное лицо у нея, — сказала Мариня. — Можно взглянуть на ея портретъ?

— Можно. Осталось только немного дорисовать, — отвѣтилъ Свирскій.

Мариня и Поланецкій подошли къ бумагамъ и въ одинъ голосъ выразили свое удивленіе Свирскому, нисколько не преувеличивая и не прибѣгая къ съучнымъ комплиентамъ. Въ этой головкѣ, писанной акварелью, была сила и теплота масляныхъ красокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней выступало все духовное существо пани Основской. Свирскій спокойно слушалъ похвалу и видно было, что онъ самъ былъ доволенъ своей ра-

ботой. Затѣмъ, закрывъ работу полотномъ, онъ отнесъ ее въ темный уголъ мастерской, усадилъ Мариню на приготовленное мѣсто и началъ въ нее вематриваться.

Упорный взглядъ художника немного ее смущалъ и щеки ея зардѣлись, но Свирскій не безъ самодовольствія улыбулся, пробормотавъ:

— Да, это совершенно другой типъ... земля и небо!

Иногда онъ прищуривалъ одинъ глазъ и Мариня еще больше смущалась, иногда-же онъ подходилъ къ бумагѣ, и снова отступалъ, и снова вематривался въ нее, и снова говорилъ, какъ-бы самъ съ собою:

— Тамъ нужно было извлечь чорта, тутъ—женственности!

На это Поланецкій замѣтилъ:

— Если вы это сразу уловили, то я увѣренъ, что у васъ выйдетъ нѣчто образцовое, рѣдкое.

Вдругъ Свирскій отвелъ глаза отъ бумаги и отъ Марини и съ улыбкой обратился къ Поланецкому, выставя при этомъ свои здоровые зубы:

— Да, да! женственность и оригинальная женственность—вотъ главная черта лица вашей супруги.

— И вы сумѣете уловить ее такъ-же, какъ въ томъ портретѣ вамъ удалось уловить чорта.

— Стахъ!!.—запротестовала Мариня.

— Это не вы выдумалъ, а панъ Свирскій.

— Если вамъ угодно, то скажемъ не чортъ, а чертенокъ... А чертенокъ-то хорошенькій, хотя немного опасный. Я при работѣ люблю иногда наблюдать. Пани Основекая, доложу я вамъ,—типъ очень любопытный.

— Чѣмъ?—спосила Мариня.

— Вы обратили вниманіе на ея мужа?

— Я такъ была занята ею, что его-то и не замѣтила.

— Такъ, видите-ли, сударыня, она его такъ заслоняетъ собой, что его почти не видать, а что всего хуже,—это то, что она сама почти его не видитъ. Между тѣмъ, это прекраснѣйшій, милѣйшій парень, отлично воспитанный, хорошо образованный, замѣчательно деликатный, очень богатый и далеко не глупый, и сверхъ всего этого любитъ ее до сумасшествія.

Тутъ Свирскій сталъ рисовать, разсѣянно повторяя:

— Любить ее до су-ма-сше-ствія... Будьте любезны, поправьте немного волосы около уха... Если вашъ мужъ иногда не прочь поболтать, то онъ будетъ въ отчаяніи, потому что Букацкій утверждаетъ, что стоитъ мнѣ только взяться за работу, какъ я начинаю говорить... говорю, говорю и никому не даю слова сказать. Видите-ли,—кто ее тамъ знаетъ, быть можетъ, она до сихъ поръ чиста какъ слеза, но она, все-таки, кокетка...

Сердце у нея холодное, а голова горячая... Опасный типъ, о! опасный... Книжки она глотаетъ цѣлыми дюжинами, разумеется, все французскія, она чуть не захлебывается ими... По нимъ-то она изучаетъ психологію, штудируетъ женскіе характеры, женскіе темпераменты и женскую загадочность; въ себѣ она ищетъ какихъ-то загадокъ, которыхъ у нея и по мину нѣтъ, открываетъ у себя какія-то стремленія, о которыхъ вчера еще и понятія не имѣла. Она уметвенно деморализируется и деморализацію эту считаетъ за умъ, мужа-же ставитъ ни во что.

— Какой вы, однако, страшный человѣкъ!—сказала Марина.

— Памилуйте,—сказалъ Поланецкій,—жена моя завтра спрячется со страху, когда придется ѣхать къ вамъ въ мастерскую.

— Ей нечего прятаться,—это типъ совершенно другой... Основскій далеко не глупъ, но люди, въ особенности-же, съ вашего позволенія—женщины иногда такъ ограничены, что если умъ кого-нибудь не бьетъ прямо по головѣ, если у него нѣтъ самоувѣренности и хлесткости, если онъ не царапается, какъ кошка, и не рѣжетъ, какъ остріе ножа, то никто и не замѣтитъ, и не признаетъ его, да и только! Ей-Богу, я видѣлъ это въ жизни сотни разъ.

Затѣмъ онъ снова прищурилъ одинъ глазъ, снова посмотрѣлъ на Мариню, и черезъ минуту продолжалъ:

— Вообще, какъ хотите, а люди еще очень глупы! Я ужъ сколько разъ останавливался надъ мыслью, почему благородство характера, сердце и даже доброта цѣнятся меньше, чѣмъ такъ называемый умъ? Почему въ современномъ обществѣ существуютъ, главнымъ образомъ, только два эпитета: „глупый“ или „умный“ и не принято, на примѣръ, говорить: „добродѣтельный“ или „недобродѣтельный“—до того не принято, что ужъ одни эти выраженія вызвали-бы кругомъ гомерическій смѣхъ.

— А потому,—отвѣтилъ Поланецкій,—что умъ человѣка—это фонарь, къ свѣту котораго должны прибѣгать и добродѣтель и доброта, и сердце, иначе они могутъ разбить себѣ носы, а что еще хуже—разбить и чужіе носы.

Марина, правда, не произнесла ни слова, но на лицѣ ея можно было отчетливо прочесть слѣдующее:

— Какой, однако, Стасъ умный!..

А „умный Стасъ“, между тѣмъ, продолжалъ:

— Я, впрочемъ, объ Основскомъ не говорю, потому что его не знаю.

— Основскій,—прервалъ его Свирекій,—любитъ свою жену, какъ жену свою, какъ дѣтище свое, какъ счастье свое, а у нея голова занята Богъ знаетъ чѣмъ и она не думаетъ платить ему взаимностью. Я человѣкъ неженатый и женщины меня крайне интересуютъ. Мы съ Букацкимъ иногда по цѣлымъ днямъ говоримъ о нихъ, точнѣе говорили о нихъ, такъ какъ раньше онъ его больше интересовали, чѣмъ теперь. Бу-

какій дѣлать всѣхъ женщинъ, по ихъ духу, на духовныхъ плетельщицъ и духовныхъ патриціанокъ; подъ первыми онъ подразумѣваетъ мелкія и плоскія натуры, подъ вторыми-же натуры облагороженныя, проникнутыя высшими стремленіями, основаніемъ для которыхъ служатъ принципы, а не фразы. Тутъ есть доля правды, но я, все-таки, предпочитаю мое подраздѣленіе, потому что оно гораздо проще: я дѣлю женщинъ на благодарныя сердца и неблагодарныя.

Тутъ онъ положилъ кисти и краски, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и прищурилъ глаза; потомъ онъ взялъ маленькое зеркальцо, навелъ его на эскизъ и сталъ приглядываться къ его отраженію!

— Вы спрашиваете, что я понимаю подъ благодарнымъ и неблагодарнымъ сердцемъ?—сказалъ онъ, обращаясь къ Маринѣ, хотя та вовсе и не думала предлагать ему такого вопроса.—Видите-ли, благодарное сердце—это сердце, которое чувствуетъ, когда его любятъ, сердце, которое любовь трогаетъ, и которое за любовь платитъ еще большей любовью, отдавая ей всецѣло, цѣня и почитая ее. Неблагодарное-же сердце—только злоупотребляетъ любовью, и чѣмъ оно больше увѣрено въ любви къ себѣ, тѣмъ менѣе оно ей интересуется, третируетъ и даже топчетъ ее... Достаточно только полюбить женщину съ такимъ неблагодарнымъ сердцемъ, чтобы она уже перестала любить. Рыбакъ перестаетъ заботиться о пойманной рыбѣ, которая уже лежитъ въ неводѣ—и пани Основская перестала заботиться о панѣ Основскомъ. Въ сущности говоря, это самая возмутительная, самая грубая форма эгоизма, какая только существуетъ, достойная развѣ только первобытныхъ дикарей! И поэтому, да хранитъ Богъ пана Основскаго, а ее пусть чортъ поберетъ съ ея китайскими глазами фіалковаго цвѣта и съ ея прелестными завитушками на чолѣ! Рисовать такую—съ удовольствіемъ; но жениться на такой—слуга покорный! Повѣрите-ли вы, я такъ боюсь неблагодарнаго сердца, что до сихъ поръ остался холостякомъ, хотя мнѣ ужъ давно перевалило за сорокъ.

— Вѣдь, это такъ легко узнать,—сказала Мариня.

А Свирскій отвѣтилъ:

— Чорта съ два! Въ особенности, когда теряешь и голову, и здравый смыслъ...

И, наклонившись всѣмъ своимъ атлетическимъ корпусомъ къ эскизу, онъ довольно долго на него смотрѣлъ, а потомъ сказалъ:

— Ну, на сегодня хватитъ! Я столько наболталъ, что всѣ мухи, вѣроятно, попадали со стѣнъ. Завтра, когда я вамъ надоѣмъ своей болтовней, пожалуйста, хлопните только въ ладоши и я сейчасъ перестану. Вотъ съ пани Основской мнѣ не приходится столько болтать, потому что и она на это большая мастерица... А сколько названій книжекъ я узналъ! Ну, да Богъ съ ней!.. Что то я еще хотѣлъ сказать и забылъ... Да!—вотъ у васъ-то сердце благодарное.

Поланецкій раземѣялся, потому онъ пригласилъ Свирекаго пообѣдать съ ними въ компаніи, гдѣ будутъ также Вукацкій и Васковскій.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Свирскій,—я такъ одинокъ, словно кабанъ какой-нибудь... Превосходно, погода сегодня хорошая, а вечеръ обѣщаетъ быть чуднымъ при полволуніи, такъ что послѣ обѣда мы можемъ еще отправиться въ Колизей и осмотрѣть его при лунномъ освѣщеніи.

Обѣдъ, однако, прошелъ безъ обычныхъ уместенныхъ кувирканій Вукацкаго, такъ какъ онъ чувствовалъ себя не вполне здоровымъ и написалъ, что еще придетъ. За то Свирскій и Васковскій понравились другъ другу и сразу подружились. Свирскій только за работой любилъ много говорить, никому не давая сказать слова, но въ своей мастерской любилъ и умѣлъ слушать и, хотя старый профессоръ со своими взглядами казался ему иногда комичнымъ, отъ этого старика вѣяло такой искренностью и добротой, что художникъ сразу расположился къ нему. Онъ былъ пораженъ лицомъ этого мистика и выраженіемъ его голубыхъ глазъ. Онъ мысленно набрасывалъ его эскизы и, слушая теорію объ арійцахъ, онъ думалъ о томъ, какъ вышла-бы на бумагѣ эта голова, еслибы хорошенько ее схватить со всеми ея особенностями.

Когда обѣдъ подходилъ уже къ концу, профессоръ спросилъ Мариню, не захочетъ-ли она видѣть папу, сообщивъ при этомъ, что черезъ три дня прибудетъ партія бельгійскихъ пилигримовъ, къ которой можно будетъ присоединиться. Свирскій, который зналъ весь Римъ и чуть-ли не всѣхъ кардиналовъ, ручался, что онъ сдумаетъ это устроить какъ нельзя лучше. Васковскій, улышавъ это, вперилъ въ него свои глаза, долго на него смотрѣлъ, а потомъ спросилъ:

— Значить, вы почти римлянинъ?

— Ужъ шестнадцатый годъ...

— Скажите на милость!..

Тутъ Васковскій немного смутился, опасаясь, не будетъ-ли это съ его стороны нѣкоторой нескромностью, но ему такъ хотѣлось знать, какъ судить объ этомъ симпатичномъ незнакомцѣ, что онъ превозмогъ свою робость и спросилъ:

— А вы изволите быть... изъ Квиринала или изъ Ватикана?

— Изъ Погнѣнбина, — сухо отвѣтилъ Свирскій, слегка наморщивъ брови.

Дальнѣйшіе объясненія и разговоры были прерваны, потому что обѣдъ кончился и всѣ встали изъ-за стола. Мариня сильно волновалась и почти не могла усидѣть на мѣстѣ при одной мысли, что она скоро увидитъ Капитолій, Форумъ и Колизей при чудномъ лунномъ освѣщеніи.

Спустя нѣсколько минутъ, все общество поѣхало къ развалинамъ по освѣщенному электричествомъ Корсо.

Ночь была тихая, теплая, около Форума и Колизея было совершенно пусто, какъ бываетъ, впрочемъ, иногда и днемъ. Подлѣ костела Santa Maria Liberatrice кто-то игралъ у открытаго окна на флейтѣ и можно было слышать каждую ноту. Глубокая тѣнь отъ холма и строевой Капитолія падала на переднюю часть Форума, но дальнѣйшіе планы вмѣстѣ съ Колизеемъ были залиты яркимъ зеленоватымъ свѣтомъ и казались издали словно серебряными. Экипажъ подѣхалъ къ аркамъ гигантскаго цирка. Поланецкій, Свирекій и Васковскій вышли и направились внутрь, медленно двигаясь къ средней аренѣ, минуя нагроможденный вблизи арокъ мусоръ, обломки колоннъ и фризозъ, цѣлыя кучи кирпича и каменьевъ и низкіе, торчащіе тутъ и тамъ цоколи. Подъ вліяніемъ тишины и царящей кругомъ пустоты, слова замерли у нихъ на устахъ. Снопъ луннаго свѣта пробивался внутри черезъ своды арокъ и какъ будто засыпалъ на помостѣ арены, на стѣнахъ, въ ихъ щеляхъ и впадинахъ, въ изгибахъ, на посеребрянномъ мхѣ и плющѣ, росшихъ между развалинами. Нѣкоторыя части этого зданія, окунутыя въ непроницаемый мракъ, производили впечатлѣніе какихъ-то черныхъ и таинственныхъ громадныхъ челюстей. Изъ расположенныхъ внизу углубленій доносилось страшное дыханіе запертвня. Дѣйствительность терялась, таяла среди этого лабиринта и этой смѣшанной массы стѣнъ, арокъ, свѣтлыхъ пятновъ, свѣтлыхъ полосъ и глубокихъ тѣней. Казалось, что руины этого гиганта утрачивали свои реальныя формы и становились какимъ-то сномъ, какимъ-то видѣніемъ, какой-то непостижимой фантазіей, сложившейся изъ ночной тишины, изъ луннаго свѣта, изъ безконечной грусти и воспоминаній великаго прошлаго, полнаго столькихъ страданій и крови.

Свирекій первый нарушилъ молчаніе, заговоривъ тихимъ голосомъ:

— Сколько тутъ грусти, сколько слезъ, какая великая, неизмѣримая трагедія!.. Пусть себѣ говорятъ, что хотятъ, но въ христіанствѣ было что-то сверхчеловѣческое,—противъ этой мысли и спорить нельзя.

Тутъ онъ обратился къ Маринѣ и продолжалъ почти шопотомъ:

— Вы представьте себѣ тогдашнее могущество: весь міръ, милліоны людей, этотъ желѣзный законъ, эту силу, какой ни до того, ни послѣ того, никто не видалъ, эту организацію, какой не было никогда, это величіе, эту славу, сотни легионовъ, этотъ городъ-гигантъ, владѣющій веѣмъ свѣтомъ,—а тамъ—вотъ этотъ Палатинъ, владѣющій этимъ городомъ... Казалось-бы, что никакая человѣческая сила никогда не потреплетъ этого—и вдругъ приходятъ два еврея: Петръ и Павелъ,—не съ оружіемъ въ рукахъ, а со словомъ,—и взгляните кругомъ: здѣсь руина, на Палатинѣ руина, на Форумѣ руина, а надъ городомъ одни только кресты, кресты и кресты...

Снова наступила тишина, только со стороны Santa Maria Liberatrice доносился голосъ флейты.

Черезъ минуту Васковскій сказалъ, указавъ на арену:

— И здѣсь былъ крестъ,—по они его сняли...

Но Поланецкій весь ушелъ въ свои размышленія о словахъ Свирскаго, потому что для него, какъ для человѣка, не покоячившаго еще съ собою духовной борьбы, они имѣли громадное жизненное значеніе. Наконецъ, слѣдуя за теченіемъ своихъ мыслей, онъ сказалъ:

— Да, въ этомъ есть что-то сверхчеловѣческое. Какая-то правда свѣтитъ тутъ прямо въ глаза, точно такъ, какъ эта луна.

Медленно они направились къ выходу, какъ вдругъ недалеко отъ нихъ загремѣли колеса экипажа и черезъ минуту въ темной нишѣ, ведущей къ срединѣ цирка, раздались чьи-то шаги и двѣ высокія фигуры выступили изъ тѣни.

Одна изъ нихъ, въ сѣромъ платьѣ, блестящемъ при лунномъ свѣтѣ точно сталь, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы ближе посмотрѣть на незнакомцевъ, и вдругъ проговорила:

— Добрый вечеръ!—Ночь такъ хороша, что и мы собрались въ Коллизей. Что за ночь!..

Поланецкій узналъ голосъ пани Основской.

Она-же, подавая ему руку, заговорила голосомъ нѣжнымъ, какъ голосъ флейты, который все еще доносился со стороны костела:

— Я начинаю вѣрить въ предчувствія, потому что, какъ ни странно, но я чувствовала, что встрѣчу здѣсь знакомыхъ. Какая чудная ночь!..

XIV.

Поланецкіе, вернувшись къ себѣ въ отель, были немало удивлены, найдя визитныя карточки Основскихъ; приличіе требовало, чтобы молодые супруги первые сдѣлали визитъ. За вниманіе, да еще такое исключительное, нужно было отплатить такимъ-же вниманіемъ, и Поланецкіе на слѣдующій же день посѣдили отдать имъ визитъ. Букацкій, встрѣтившійся съ ними предъ этимъ—хотя онъ совершенно расклеился и еле волочилъ ноги — не могъ удержаться, чтобы не съострить, и сказалъ Поланецкому, когда они остались вдвоемъ:

— Она будетъ съ тобой кокетничать, но если ты, въ простотѣ души своей, думаешь, что она влюбится въ тебя, то сильно ошибаешься. Она отчасти напоминаетъ мнѣ бритву, ей нуженъ ремешекъ для натачиванія, и въ лучшемъ случаѣ ты можешь у нея занять мѣсто такого ремешка.

— Во-первыхъ, я не имѣю ни малѣйшаго желанія стать ея ремешкомъ,—возразилъ Поланецкій,—а во-вторыхъ, это еще слишкомъ рано.

— Рано? Значить, ты оставляешь за собой будущее?

— Нѣтъ, это значить, что я думаю совершенно о другомъ, а главное, что я люблю свою Мариню все больше и больше, такъ что когда

кончится „рано“, тогда ужъ будетъ „поздно“, а пани Основская могла-бы при такомъ ремешкѣ, какъ я, скорѣе зацербиться, чѣмъ наостриться.

И Поланецкій, говоря это, былъ совершенно искрененъ: дѣйствительно, мысли его были заняты другимъ, онъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы когда-нибудь измѣнить женѣ и во всякомъ случаѣ,—для этого было еще слишкомъ рано.

Онъ до того былъ увѣренъ въ себѣ, что у него иногда даже являлось какъ-бы желаніе подвергнуть себя такому испытанію. Другими словами—онъ былъ-бы даже доволенъ, еслибы пани Основская немного на немъ зацербилась.

Позавтракавъ, Поланецкіе отправились къ Свирскому на сеансъ, гдѣ они, однако, остались недолго, такъ какъ художникъ былъ избранъ судьей въ какомъ-то артистическомъ жюри и долженъ былъ спѣшить на засѣданіе.

Они вернулись домой, куда черезъ четверть часа пришелъ панъ Основскій.

Поланецкій, послѣ разговора со Свирскимъ, чувствовалъ къ мужу пани Основской нѣчто вродѣ сожалѣнія, смѣшаннаго съ чуть замѣтнымъ пренебреженіемъ. За то Мариня чувствовала къ нему живѣйшую симпатію. Тронуло ее то, что она слышала о его добротѣ, о его нѣжной привязанности къ женѣ. И ей теперь казалось, что всѣ эти добрыя качества такъ и написаны на его довольно красивомъ, хотя и прыщеватомъ лицѣ.

Панъ Основскій, поздоровавшись, заговорилъ съ тою свободой, которая сразу обличила въ немъ человѣка, привыкшаго къ хорошему обществу.

— Я являюсь къ вамъ по порученію жены съ маленькимъ предложеніемъ. Слава Богу, что между нами уже окончились всѣ эти визитныя церемоніи, хотя заграницей, по моему, слѣдовало-бы на нихъ поменьше обращать вниманія. Дѣло въ томъ, что мы собираемся сегодня къ св. Павлу, а потомъ на Tre Fontane. Это за городомъ. Монастырь очень интересный, а видъ чудесный. Намъ было-бы очень пріятно, еслибы и вы приняли участіе въ нашей экскурсіи.

Мариня съ особымъ удовольствіемъ всегда соглашалась на всякія экскурсіи, особенно въ обществѣ пріятныхъ людей, и теперь она посматривала на мужа, ожидая что онъ скажетъ. Поланецкій замѣтилъ, что она рада была-бы поѣхать, подумавъ въ то-же время про себя: „А той хочется немного поцербиться, ну и пусть поцербится!“

И онъ отвѣтилъ:

— Охотно-бы далъ свое согласіе, но это зависитъ отъ моей „вышей власти“.

Вышая-же власть не была еще вполне увѣрена, что ея покорный

подчиненный говорить вполне искренно, но, замѣтивъ улыбку на его устахъ, она наконецъ осмѣлилась произнести приговоръ:

— Съ большимъ удовольствіемъ. Боюсь только, не доставимъ-ли мы лишнихъ хлопотъ.

— Не хлопоты, а истинное удовольствіе, — отвѣтилъ Основскій. — Превосходно! Черезъ четверть часа мы будемъ здѣсь.

И черезъ четверть часа они тронулись въ путь. Въ китайскихъ глазахъ пани Основской свѣтилось самодовольство и спокойствіе. Въ фуляровомъ платьѣ цвѣта ириса и въ шляпѣ, являвшей собой восьмое чудо свѣта, она казалась какой-то русалкой. И Поланецкій, не доѣхавъ еще до св. Павла и не отдавая себѣ отчета, какимъ образомъ это случилось, понялъ, что пани Основская, не проронившая объ этомъ предметѣ ни слова, успѣла ему какъ-то сказать, или точнѣе, дать почувствовать при- близительно слѣдующее:

— Жена твоя ничего себѣ, милая, славная, но простая деревенская бабенка, а о моемъ мужѣ и говорить нечего. Только мы двое можемъ понимать другъ-друга и дѣлиться нашими впечатлѣніями.

Но онъ рѣшилъ не поддаваться и подразнить ее.

Когда они доѣхали до св. Павла, котораго, впрочемъ, пани Основская иначе не называла, какъ „San Paolo fuori le Mura“, панъ Основскій хотѣлъ-было приказать остановить экипажъ, но она запротестовала:

— Нѣтъ, мы остановимся здѣсь на обратномъ пути, смотря по тому, сколько у насъ останется времени, а теперь прямо поѣдемъ къ Tre Fontane.

Затѣмъ, обратившись къ Поланецкому, она продолжала:

— Тутъ, на этомъ знаменитомъ дворѣ, немало разныхъ вещей, о которыхъ я-бы хотѣла спросить васъ.

— Вашъ выборъ, пани, неудачный, — сказала Поланецкій, — потому что я въ этихъ вещахъ очень мало смыслу.

При проѣздѣ мимо разныхъ достопримѣчательныхъ мѣстъ, оказалось, что во всемъ обществѣ лучше всѣхъ знаетъ ихъ панъ Основскій. Бѣдняжка съ утра до позняго вечера штудировалъ разные путеводители и руководства, чтобы служить проводникомъ своей жены и поправиться ей. Но она съ какимъ-то особеннымъ пренебреженіемъ относилась къ его объясненіямъ, именно потому, что они исходили отъ него. Ей больше пришлась по вкусу дерзкая самоувѣренность Поланецкаго, съ какой онъ признался въ своемъ полнѣйшемъ невѣжествѣ по части археологіи.

За св. Павломъ открылся видъ на Кампанію, съ ея акведукомъ и на Альбанскія горы, окутанныя синеватою дымкой дали, спокойныя, величавыя и свѣтлыя. Пани Основская нѣкоторое время смотрѣла на нихъ мечтательнымъ взоромъ, а потомъ спросила:

— Вы были въ Альбано и въ Неми?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Поланецкій,—сеансы у Свирскаго такъ распредѣляютъ нашъ день, что до окончанія портрета мы не сможемъ предпринять дальнихъ экскурсій.

— Мы уже были, но когда вы туда соберетесь, то, пожалуйста, возьмите меня съ собою,—возьмите меня еще разъ... Хорошо? Вы позволите?—обратилась она къ Маринѣ.—Я буду пятымъ колесомъ въ телѣгѣ, но это ничего... Впрочемъ, я буду тихонько сидѣть въ уголку экипажа, и не пикну, ни гу-гу! Хорошо?..

— Ахъ ты, крошка этакая, крошка!—сказалъ панъ Основскій.

А она продолжала:

— Мужъ мой вѣрить не хочетъ, что я влюбилась въ Неми. А я, право, влюбилась. Когда я была тамъ, то мнѣ такъ и казалось, что христіанство еще не явилось, что по ночамъ встаютъ языческіе жрецы и совершаютъ надъ озеромъ свои обряды. Скажу вамъ въ двухъ словахъ: Неми—это тишина и таинственность. Повѣрите-ли вы, что когда я была тамъ, мнѣ вдругъ такъ захотѣлось отказаться отъ всего міра и стать отшельницей,—это желаніе и теперь не прошло. Построила-бы я себѣ келью на берегу озера и ходила-бы въ длинномъ сѣромъ одѣяніи, похожемъ на одежду св. Франциска Ассизскаго, и босикомъ. Чего-бы я не дала, чтобы только стать отшельницей... Я вижу себя надъ озеромъ...

— Анета, а что-же со мной тогда-бы было?—полушута, полусерьезно, спросилъ панъ Основскій.

— Ты-бы утѣшился,—отвѣтила она лаконически.

Поланецкій подумалъ:

„Ты стала-бы отшельницей лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы нѣсколько дюжинъ свѣтскихъ франтиковъ выстроились-бы на другомъ берегу озера и смотрѣли-бы въ бинокли, сгорая любопытствомъ узнать, какова отшельница и что она дѣлаетъ“.

Онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы сказать ей прямо то, что онъ думалъ, но онъ, все-таки, сказалъ ей нѣчто въ этомъ родѣ, на что пани Основская, засмѣявшись, отвѣтила:

— Разумѣется. Я жила-бы подаваніемъ добрыхъ людей и мнѣ иногда приходилось-бы ихъ видѣть, и еслибы вы когда-нибудь пріѣхали въ Неми, я-бы пришла также къ вамъ и тихо-бы просила: „un soldo! un soldo!“

Сказавъ это, она протянула къ нему свои маленькія, изящныя руки и, потрясая ими въ воздухѣ, заговорила съ мольбой:

— Un soldo per la povera! un soldo!..

И продолжала смотрѣть ему въ глаза.

Тѣмъ временемъ панъ Основскій объяснялъ Маринѣ:

— Оно называется „Tre Fontane“, потому что тамъ три источника. Тамъ былъ обезглавленъ св. Павелъ, и преданіе гласитъ, что голова его при этомъ три раза подскочила и на каждомъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ коснулась голова, забили источники. Мѣсто это принадлежитъ теперь трапистамъ. Прежде тамъ опасно было оставаться почевать, такая свирѣпствовала тамъ лихорадка, но теперь лихорадка уменьшилась, потому что на холмахъ засадили цѣлый лѣсъ эвкалиптовъ. Вотъ смотрите—отсюда видно!

А пани Основская, откинувшись немного назадъ, закрыла на мгновение глаза и тихо говорила, обращаясь къ Поланецкому:

— Меня уполяетъ римскій воздухъ. Я просто сама не своя. Дома я довольна своей жизнью и не требую отъ нея больше того, что она мнѣ даетъ, но тутъ меня охватываетъ кабая-то деморализація, я чувствую, что мнѣ чего-то недостаетъ. Развѣ я знаю, чего? Чего-то ожидаешь, что-то предчувствуешь, что-то отгадываешь, о чемъ-то тоскуешь... Можетъ быть, это дурно, можетъ быть, объ этомъ не слѣдуетъ говорить, но что мнѣ дѣлать, — я всегда говорю то, что думаю. Дома, когда я была еще маленькой, меня иначе не называли, какъ „Простушкой“. Я попрошу мужа, чтобы онъ скорѣе увезъ меня отсюда. Кто знаетъ, можетъ быть, гораздо лучше замкнуться въ свою тѣсную скорлупу, какъ черепаха или улитка.

Поланецкій серьезно замѣтилъ:

— Только улиткамъ или черепахамъ можетъ быть въ скорлупѣ хорошо, но не птицамъ, да еще райскимъ, о которыхъ преданіе гласитъ, что онѣ, не имѣя ногъ, никогда не могутъ отдыхать, а всегда должны летать и летать.

— Какое чудное преданіе!—замѣтила пани Основская.

И, поднявъ руки, она взмахнула ими, словно птица своими крыльями, и прошептала:

— Рѣять высоко, высоко въ воздухѣ!

Ей польстило это сравненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ ее удивило то, что хотя голосъ Поланецкаго звучалъ искренно, но выраженіе его лица было какое-то безучастное и чуть-ли не насмѣшливое. Онъ сильно заинтересовалъ ее, потому что онъ показался ей куда интеллигентнѣе и непобѣдимѣе, чѣмъ она предполагала.

Между тѣмъ, они доѣхали до Tre Fontane. Они осмотрѣли садъ, костель и капищу, изъ подземелья которой били три источника. Панъ Основскій своимъ добрымъ, немного монотоннымъ голосомъ, выкладывалъ имъ то, что недавно вычиталъ изъ путеводителя. Мариня внимательно слушала его, а Поланецкій подумалъ:

— Однако, жить съ нимъ изо дня въ день, цѣлыхъ триста-шестьдесятъ-пять дней въ году, тяжело!..

Это отчасти оправдывало въ его глазахъ пани Основскую, которая, принявъ на себя новую роль райской птицы, все порхала и рѣяла въ воздухѣ, ни минуты не отдыхая не только на землѣ, но даже ни на какомъ предметѣ. Прежде всего, она выпила ликеру изъ эукалипта, приготовляемаго въ монастырѣ, какъ средство противъ лихорадки; потомъ категорически заявила, что будь она мужчиной, то непременно поступила-бы въ траписты; затѣмъ, однако, вспомнила, что ей очень нравится и жизнь моряковъ: „всегда между моремъ и небомъ, при жизни попадаешь въ безконечность“; наконецъ одно желаніе взяло верхъ надъ всѣми другими—желаніе стать великимъ, очень великимъ писателемъ, рисующимъ мельчайшіе изгибы души, полусознательныя чувства, необъяснимыя страсти, и всѣ формы, и цвѣта, и тѣни. Присутствующіе въ первый разъ узнали, разумѣется, подъ большимъ секретомъ, что она пишетъ дневникъ, который „этотъ добрый Юзя“ считаетъ верхомъ совершенства, но она знаетъ, что это пустячки и не имѣетъ ни малѣйшихъ претензій и только смѣется надъ Юзей и надъ своимъ дневникомъ.

„Юзя“ смотрѣлъ на нее влюбленными глазами и съ великой любовью на прыщеватомъ лицѣ и, протестуя, повторялъ:

— А что касается дневника, то ужъ извините, пожалуйста, извините!

Обратно они поѣхали уже подъ вечеръ. Отъ деревьевъ ложились длинныя тѣни, солнце было теперь красное, большое. Альбанскія горы и далекіе абведуки тонули въ розовомъ свѣтѣ. Не проѣхали они и полъ-пути, какъ съ колокольни св. Павла зазвонили къ вечерней молитвѣ, вслѣдъ за этимъ отозвался другой колоколь, третій, десятый. Одна колокольная подавала голосъ другой и образовался такой громадный хоръ, воздухъ огласился такимъ трезвономъ, словно къ вечерней молитвѣ звонилъ не только городъ, но и всѣ окрестности, и всѣ горы и равнины.

Поланецкій посмотрѣлъ на лицо Марини, освѣщенное золотымъ блескомъ. Какое въ немъ было спокойствіе, какая сосредоточенность. Видно было, что она теперь читала вечернюю молитву, какъ она читала ее въ Кремнѣ, когда звонили въ Вонторахъ. Всегда и повсюду одна и та-же. Поланецкому снова припомнились ея слова: „служба Божія“. Они показались ему теперь такъ просты и умиротворяющи, какъ никогда. Но, выѣтъ съ тѣмъ теперь, приближаясь къ городу, онъ постигъ всю долговѣчность, всю жизненность и грандіозность этихъ вѣрованій. Все это,—подумалъ онъ, —вѣдъ продолжается уже болѣе полуторы тысячи лѣтъ, а несомнѣнная сила и долговѣчность этого города кроется ни въ чемъ иномъ, какъ въ этихъ колоколахъ, въ этой непоколебимости креста, который продолжалъ и

продолжаетъ существовать. Тутъ снова ему припомнились слова Свирскаго: „Здѣсь руина, на Палатинѣ руина, на Форумѣ руина, а надъ городомъ только кресты, кресты и кресты!“ И вдругъ показалось ему несомнѣннымъ, что въ этой долговѣчности есть что-то сверхчеловѣческое... Между тѣмъ, съ колоколенъ раздавался звонъ, а небо надъ городомъ тонуло въ вечерней зарѣ. Подъ впечатлѣніемъ тихой молитвы Марини, этого трезвона колоколовъ и этого благоговѣйнаго настроенія вечерней молитвы, которая, казалось, носилась надъ городомъ и надъ всей вселенной, въ Поланецкомъ, не лишеномъ духовной простоты, начала зарождаться слѣдующая мысль: „Какъ я, однако, должно быть, непроходимо глупъ и непростительно гордъ, если при всей этой жадѣ вѣры и этомъ общемъ сознаниіи Бога, я ищу еще какихъ-то новыхъ своихъ формъ поклоненія и любви, а не принимаю тѣ, которыя Мариня называетъ „службой Вожеіею“ и которыя, по всей вѣроятности, должны быть наилучшими, если міръ живетъ съ ними уже почти двѣ тысячи лѣтъ!.. Затѣмъ его, какъ человѣка практическаго, поразила логическая сторона этой новой мысли и онъ началъ говорить себѣ почти весело: „Съ одной стороны традиція тысячелѣтній, жизнь столькихъ поколѣній, столькихъ народовъ и обществъ, которымъ было хорошо и теперь хорошо въ этихъ формахъ, авторитетъ столькихъ великихъ умовъ, которые признаютъ ихъ единственными; — съ другой стороны, кто? — я, пайщикъ торговаго дома подъ фирмой „Бигель и Поланецкій!“ — смѣлъ-бы думать, что я выдумую что-нибудь лучшее во что воплотить Господа-Бога? Право, нужно быть для этого идиотомъ! Я не люблю обманывать самого себя и не вынесъ-бы, еслибъ мнѣ иногда приходилось сознаться, что я, все-таки, глупъ. Къ тому же, такъ вѣрила моя мать, такъ вѣритъ жена, а я ни въ комъ не видалъ столько спокойствія, сколько въ нихъ“.

Онъ посмотрѣлъ на Мариню разъ, потомъ другой. Она, очевидно, окончила свою вечернюю молитву, потому что улыбнулась ему въ отвѣтъ и спросила:

— Отчего ты такой молчаливый?

— Мы всѣ молчимъ,—отвѣтилъ онъ.

Дѣйствительно, такъ оно и было, но по разнымъ причинамъ. Въ то время, когда Поланецкій былъ весь погруженъ въ свои мысли, пани Основская нѣсколько разъ пронзила его своимъ очаровательнымъ взглядомъ и даже словами. Но на ея слова онъ отвѣчалъ что-то черезъ пятое на десятое, а ея очаровательныхъ взглядовъ совершенно не замѣчалъ, чѣмъ ужасно обидѣлъ пани Основскую. Она могла еще ему простить и это даже могло ей понравиться, когда онъ отвѣтилъ ей маленькой дерзостью, облеченной, впрочемъ, въ вѣжливую форму,

на ея заявленіе, что она хотѣла-бы стать отшельницей, но ея женское самолюбіе было смертельно уязвлено, когда онъ просто-на-просто пересталъ обращать на нее вниманіе. И въ наказаніе, она стала платить ему той-же монетой и также перестала обращать на него вниманіе.

Однако, какъ женщина хорошо воспитанная, она удвоила свою любезность къ Маринѣ. Она начала разспрашивать ее объ ихъ планахъ на завтрашній день и, узнавъ, что они собираются въ Ватиканъ, она заявила, что и она, и мужъ запаслись уже входными билетами и тоже воспользуются удобнымъ случаемъ.

— Вы знаете, какъ нужно быть одѣтой?—спросила пани Основская.—Платье черное, а на головѣ черная кружевная косынка. Это немножко старить, но иначе никакъ нельзя.

— Я знаю, мнѣ говорилъ объ этомъ панъ Свирскій.

— Панъ Свирскій во время моихъ сеансовъ только о васъ и говорить. Онъ питаетъ къ вамъ большую симпатію.

— Такъ-же, какъ и я къ нему,—отвѣтила Мариня.

Во время этого разговора они подъѣхали къ отелю. Поланецкій удостоился получить отъ прекрасной дамы такое легкое и холодное рукопожатіе, что несмотря на то, что голова его была занята другимъ, это не ускользнуло отъ его вниманія.

— Что это? или новый приѣмъ, — подумалъ онъ, — или я сказалъ что-нибудь такое, что ей не понравилось?

Вечеромъ онъ спросилъ Мариню:

— Что ты думаешь о пани Основской?

— Думаю, что панъ Свирскій, можетъ быть, отчасти правъ.

А Поланецкій сказалъ:

— Она въ эту минуту пишетъ дневникъ, который „Юзя“ считаетъ верхомъ совершенства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ Омара Хайяма.

(Съ персидскаго).

I.

Моя любовь къ тебѣ достигла совершенства,
И—какъ прекрасна ты, владычица моя!..
Какъ сердце полно словъ!.. Но въ трепетѣ блаженства
Языкъ мой бѣдный нѣмъ... Не странно-ль, о друзья:
Томлюсь я жаждою, безмолвный и печальный,
А предо мной рѣка шумить волной кристальной.

II.

Гдѣ прежде замокъ высился надменно
До самыхъ облаковъ,
Куда въ чертоги шли цари смиренно,
Съ покорностью рабовъ,—
Я видѣлъ: горлица, нахлотившись, сидѣла
И, нарушая сонъ,
Кричала, словно вымолвить хотѣла:
«Гдѣ онъ?!. Гдѣ онъ?!.

И. Норфировъ.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ БАХРЪ-ЛУТА ¹⁾.

Изъ путевого альбома русскаго туриста.

IV.

Еще ночь надъ землей... Чернымъ пологомъ отовсюду задернуто небо. Безконечная ширь величавой пустыни какъ будто ушла подъ его темныя складки и дремлетъ она, застывъ неподвижно, драпируясь тѣнями. Въ влажномъ воздухѣ какая-то бодрая свѣжесть... Свободно дышать грудь, исчезаетъ истома сладкаго сна, прерваннаго раннимъ пробужденіемъ. Шагомъ, верхами одинъ за другимъ пробираемся мы вдоль плетней, что темною каймой чернѣютъ и справа и слѣва. Ихъ не видно, но больше инстинктомъ чѣмъ глазомъ, угадывашь направлевіе, — мы ѣдемъ къ юго-востоку. Стаи остервенѣлыхъ собакъ въ ночной темнотѣ встрѣчаютъ насъ какимъ то глухимъ воемъ, и только изрѣдка послышится отдаленный лай, но онъ быстро смолкаетъ. Не слышно звяканья подковъ: лошади ступаютъ по мягкому, рыхлому грунту. Мы пока въ предмѣстьѣ Іерихона: еще справа и слѣва въ густой спневѣ сумрака, едва ли не исключительно присущаго Востоку, толпятся, сквозятъ силуэты невидимыхъ деревьевъ, слабымъ трепетомъ листвы напоминая намъ о цвѣтущихъ садахъ Рихи. Но вотъ звякнули подковы Маркова скакуна, идущаго во главѣ каравана, за нимъ застучали копытами лошади шейха и коллеги археолога, захрустѣлъ песокъ и посыпались камни, — мы вступаемъ въ предѣлы великой пустыни.

Темно-синяя мгла, что окрестъ облегла, окутала горы, холмы и предгорья, начинается какъ будто рѣдѣть. Или, быть можетъ глаза наши пріучились теперь различать очертанія предметовъ. Неохватная даль, безкопечная ширь несчаной Содомской равнины чув-

¹⁾ См. «Сѣв. Вѣстн.» Кн. VI за 1894 г.

ствуется во всемъ своемъ величіи. Съ каждымъ шагомъ впередъ мы уходимъ все дальше и дальше въ эту *Мертвую страну*, приближаемся къ грани вѣчно знойной Аравіи. Странное чувство испытывается въ пустынѣ Бахрѣ-Лута! Надо видѣть ее, чтобы понять красоту ея мощныхъ картинъ, надо притаиться въ тишинѣ поразительно-безмолвной ночи, чтобы уяснить себѣ властную силу, закалившую аскетическій духъ Іоанна. Съ сѣвера къ югу, съ запада на востокъ золотистое море песковъ, камни, скалы, утесы. Ни деревца, ни травки, ни быстро бѣгущихъ ручьевъ, ни звѣря, ни птицы. Только тамъ, въ высотѣ, надъ головой, яркія звѣзды пробили, мерцаая, темный небесный шатеръ—и, какъ будто разгораясь все ярче и ярче, глядятъ съ высоты на каменную весь Іудеи. Эта тьма, затушевывающая детали пейзажа синими тѣнями, заволакивая горизонтъ и окрестности, невольно концентрируетъ ваши мысли, приучаетъ къ самоуглубленію. Житейскія тревоги стихаютъ въ сердцѣ, и въ поразительной, величавой тишинѣ мозгъ начинаетъ сильнѣе работать... Сосредоточенный въ самомъ себѣ человекъ, приближаясь къ природѣ, невольно стремится къ познанію Божества, къ разгадкѣ великихъ тайнъ мірозданія. Въ безмолвіи палестинскихъ ночей крѣпъ и духъ борцовъ, проповѣдниковъ аскетизма. Въ зноѣ палящихъ лучей, среди лишений, смиряли они слабую плоть, почти заставляя атрофироваться брѣнную оболочку. Съ библейской эпохи, въ дни Мессіи, въ вѣкъ апостольскій, до послѣднихъ дней средневѣковья, Палестина влекла къ себѣ жаждавшихъ подвига самоотреченія, создавала въ этой пустынѣ, воспитавшей Предтечу, великихъ подвижниковъ и аскетовъ... Когда разсѣется мгла и растають въ розовомъ разсвѣтѣ послѣднія тѣни, а солнечный дискъ, ослѣпительно-яркій, озаритъ пустыню, она выдѣлится изъ фіолетоваго тумана, но не забудется про снувшейся жизнью. Мертвая, спаленная равнина Бахрѣ-Лута не смутитъ, не развлечетъ сосредоточенный умъ ушедшаго отъ міра и отъ суеты человека. Жгучее солнце, поднимаясь, всплывая надъ каменными уступами горъ Моавитскихъ, охвативъ огненными лучами долину Содомы, ея груды безмолвныхъ руинъ, яркимъ свѣтомъ озаритъ эти эмблемы суеты и бренности всего земного. Цвѣтушій Эдемъ, погребенный въ недвижныхъ водахъ по грозному слову Іеговы, напомнитъ лишь о мимолетности наслажденій, а суровый судъ—о неизбѣжномъ возмездіи.

Но теперь еще ночь слабо борется съ разсвѣтомъ. Съ востока едва проступаетъ блѣдно-желтая кайма, и очерченный ею далекій небосклонъ начинаетъ сквозить теперь мощно раздвинутымъ кругомъ Солнца нѣтъ еще и въ поминѣ, а пустыня уже дышетъ томительною жесточкой. Не успѣвшіе остыть раскаленные камни, известковыя сопки, кремнистые пласты массивомъ раздавшейся почвы, — все это испускаетъ теплоту, не успѣвая охладиться въ короткій промежутокъ

почи. Сдавленная отовсюду отрывистыми уступами горъ, Иорданская долина превратилась въ природную теплицу, изводящую зноемъ. Мгла рѣдѣетъ все быстрѣе и быстрѣе, и озаренная трепетнымъ матовымъ свѣтомъ ярче начинаетъ обрисовываться предъ нами окрестность. Мы спускаемся по пологому скату къ Мертвому морю. Тусклымъ абрисомъ сквозитъ оно тамъ впереди, въ глубинѣ безотрадной пустыни. Какъ будто свинцовый дискъ застылъ среди голыхъ камней, и его матовая гладь напоминаетъ мнѣ неволью знаменитую картину иллюстратора Дантова *Ада*. Тѣмъ же безотраднымъ, но величественнымъ колоритомъ полна и гравюра Дорэ, изображающая подземное царство Люцифера.

Впрочемъ, Мертвое море не всегда выглядитъ безотрадно пустыннымъ. Въ палестинскомъ пейзажѣ, какъ вообще въ картинахъ Востока, все зависитъ отъ освѣщенія. Распредѣленіе тѣней и свѣта нигдѣ не производитъ такихъ неожиданныхъ метаморфозъ, не даетъ такого обилія нюансовъ, какъ подъ этой опрокинутой чашей вѣчно-голубого, улыбающагося неба. Брызнуть первыя огнистыя искры—и вы не узнаете окружающей обстановки.

На фонѣ слабо озареннаго горизонта всѣ предметы кажутся крупнѣе обыкновенныхъ. Караванъ нашъ вытянулся гуськомъ. Лошади идутъ мѣрнымъ шагомъ, то взбираясь по вышуклымъ мѣловымъ слоямъ, то спускаясь по ихъ уклонамъ. Бѣловатыя плиты известняка, сѣрый контуръ холмовъ, какъ будто источенныхъ морскимъ прибоемъ, сквозятъ справа и слѣва. Вся почва кругомъ изрыта вулканами. Въ провалахъ глубокой долины — ни дерева, ни растительности. Только мѣстами на безжизненномъ каменномъ грунтѣ, среди растрескавшихся пластовъ, въ разщепѣ прижались голубоватые мхи лишаяевъ, да какой-то сѣрый колючій кустарничекъ. Его чахлый, безжизненный видъ придаетъ пустынѣ еще большую безотрадность. Стальная, зеркальная гладь Бахрѣ-Лута. (Лотова моря арабовъ), застывшая впереди, дразнитъ глазъ обманчивымъ мirageмъ. Море кажется такъ близко, что хорошей рысью въ четверть часа легко достигнуть его извилистаго берега. Но Марко смѣется, когда я высказываю ему мое предположеніе.

— До Мертваго моря,—говоритъ онъ,—еще верстъ десять. Надо спѣшить,—бѣда, если насъ застигнетъ на взморьѣ полдень—жаръ спалить, а укрыться негдѣ.

Опытнымъ глазомъ бывалаго человѣка онъ окидываетъ ввѣренный ему караванъ, и недаромъ: я только теперь замѣчаю, что мы всѣ вооружены и выглядимъ воинственнѣе обыкновеннаго. Не только шейхъ, который давно снялъ берданку и держитъ ее наготовѣ,—даже у беззаботнаго коллеги археолога въ кабурахъ торчатъ пистолеты. Но я сомнѣваюсь, счумѣетъ ли онъ сдѣлать изъ нихъ должное употребленіе. Погонщикъ Константинъ, безъ того обремененный тюками и са-

ками, въ которыхъ хранится наша провизія, обвѣшенъ теперь еще сумками съ патронами.

— Если появятся Бедуины, — говоритъ кавасъ, — вы того — не зѣвайте! Пригнитесь ниже къ сѣдлу — они стрѣляютъ поверхъ — и сейчасъ же становитесь въ треугольникъ.

— Въ какой треугольникъ?

— А вотъ: я справа, шейхъ и докторъ слѣва, вы между нами. А ужъ ихъ — (и Марко, тоскливо махнувъ рукой въ сторону моего коллеги, добавляетъ съ грустью) прикрывать надо. Залпы дѣлать не сразу, берегите патроны. А впрочемъ, говоритъ онъ, подумавъ, — насъ шестеро, и едвали бедуины рискнуть нападеніемъ.

Востокъ разгорается все ярче и ярче... Атмосфера томительно жгуча. Воздухъ какъ будто застылъ — ни струи вѣтерка. Бѣловатые сланцы, пропитанные солью, асфальтомъ и нефтью, известковые бугры — все это начинаетъ отражать неприятно рѣзущій глаза свѣтъ, широкимъ потокомъ разлившійся уже по горизонту... Еще нѣсколько минутъ, и глядишь — раскаленный, какъ будто расплавленный дискъ солнца золотистымъ краемъ прорѣзалъ небосклонъ и всплылъ, поднялся надъ истомленной землею. Куда не окинешь глазомъ — широко залегла безконечная пустыня, и только тамъ, въ далекой синевѣ, какъ будто стѣной встали сѣрые обрывы горныхъ ущелій. Слева, спускаясь по едва замѣтному уклону, каймой зеленѣетъ скудная растительность: это тамариски, ивнякъ оплели берега Иордана. Онъ сливается извилистою лентой, прихотливо бѣгущею среди желтой, плоской низины, снося свои быстрые воды въ соленое море Бахрѣ-Лута.

Пятый часъ утра, а дышать уже нечѣмъ. Солнце жжетъ нестерпимо. Подъ пробковую англійскую каску голова начинаетъ горѣть какимъ-то особеннымъ лихорадочнымъ жаромъ, кровь приливаетъ къ лицу, губы синѣютъ, трескаются. Тщетно пытаетесь вы утолить постоянную жажду холоднымъ чаемъ. Мы выпиваемъ бутылку за бутылкой, но ничего не помогаетъ. Измѣряемъ температуру — $39\frac{1}{2}^{\circ}$ по Реомюру ¹⁾.

Вдругъ вдали, въ сторонѣ отъ пустынной тропы, вырастаетъ изъ низины какое-то зданіе. Приближаясь къ нему, глазъ различаетъ массивныя каменные стѣны съ узкими впадинами оконъ. Это полуразрушенная, запустѣлая обитель св. Герасима ²⁾. Одинокимъ, за-

¹⁾ Любопытны колебанія температуры окрестностей Мертваго моря. Пятый часъ утра — $39\frac{1}{2}^{\circ}$, полдень — 52° , въ три часа дня — 44° и къ восьми часамъ вечера — 34° при температурѣ воды въ 32° . Максимальное охлажденіе — 30° въ часъ ночи.

²⁾ Есть преданіе, что угодникъ жилъ здѣсь въ пещерѣ со львомъ, на которомъ возилъ себѣ воду изъ Иордана, и царь пустыни настолько привязался къ подвижнику, что въ тоскѣ не могъ пережить его кончины.

теряннымъ кажется этотъ убогій пріютъ въ безкопечной пустынѣ ¹⁾. Бѣловатый квадратъ ея средневѣковой постройки напоминаетъ старинную крѣпость и когда подумаешь, какъ много вѣковъ она служитъ пріютомъ человѣку, гдѣ онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ остается отрѣзаннымъ ото всего Божьяго міра,—жутко становится на сердцѣ. Вой шакаловъ въ темную почъ оглашаетъ пустыню, днемъ маячитъ у стѣнъ хищникъ бедуинъ, зорко высматривающій добычу, соленое море шлетъ свои вредныя испаренія, земля лишаетъ влаги, москиты — покоя — но все переносятъ божій ратникъ: мощный духъ поработаетъ матерію. И я вздохнулъ облегченный этимъ радостнымъ сознаніемъ.

Два съ половиной часа ѣзды отъ Іерихона до Мертваго моря сильно насъ утомили. Мѣрный шагъ лошадей (карьеръ и рысь невозможны вслѣдствіе неровности почвы) раздражительно дѣйствуетъ на нервы. Хочется поскорѣе добраться до цѣли поѣздки, слѣзть съ сѣдла, растянуться на буркѣ. А море все дразнитъ далекимъ миражемъ. Пробую фотографировать съ сѣдла наслоенія конусообразныхъ известковыхъ холмовъ. Умная лошадь, вся потная отъ жары, покрытая пѣной, послушно стоитъ, тоскливо отмахиваясь хвостомъ отъ докучныхъ москитовъ. Вдали, среди зеленыхъ кустовъ Іордана, временами появляются подозрительныя фигуры всадниковъ. Они какъ будто высматриваютъ нашъ караванъ и затѣмъ снова быстро исчезаютъ. Марко комично грозить имъ пагайкой, но вольныя дѣти пустыни мало обращаютъ вниманія на его привѣтствіе. Бѣднаго археолога совѣмъ истомилъ зной, — онъ ѣдетъ полусонный, покачиваясь на сѣдлѣ, и ко всеобщему недоумѣнію, подъ зонтикомъ: зонтикъ въ пустынѣ — да вѣдь это насмѣшка надъ палестинскимъ солнцемъ. Наконецъ, свинцовый овалъ Лотова озера сталъ замѣтно снѣтъ, постепенно переходя отъ густой окраски въ блѣдно-пѣжному голубоватому тону.

— Теперь уже близко! весело говорить кавасъ-Марко.

Мялѣйшій докторъ, весельчакъ и юмористъ, обладающій удивительною способностью курить безъ отдыха, заряжается новою сигарой. Лошади дружище идутъ теперь внизъ по уклону. Размашистый шагъ переходитъ въ рысь, и, наконецъ, мы беремъ полнымъ карьеромъ рискуя съ разбѣга вогнать коней въ топкую асфальтовую грязь, одѣвшую широкой оправой голубоватая вода. Еще десять минутъ — и мы на берегу моря.

Странное впечатлѣніе производитъ оно на туриста. Что-то величаво-зловѣщее чудится вамъ въ его мертвомъ овалѣ, ушедшемъ въ

¹⁾ Съ трудомъ вѣрится, что на мѣстѣ теперешней церкви высилась прежде цѣлая лавра св. Герасима. Уцѣлѣвшій храмъ служитъ теперь приходомъ для деревушки Рихи, населеніе которой посѣщаетъ однако чаще Сорокадневную гору, гдѣ также имѣется церковь съ болѣе удобною и менѣе опасною дорогой.

туманную даль, къ подножью холмовъ Моавитскихъ. Въ плотно-сдвинутыхъ отвѣсныхъ утесахъ, въ гранитныхъ скалахъ подъ обрывомъ каменной дремлетъ оно, какъ въ очарованномъ снѣ, какъ будто ждетъ подземнаго удара. Глядишь на эту чашу, наполненную упругою жидкостью—смѣсью солей, горючихъ и нефтяныхъ маселъ и смолы, и кажется вотъ, вотъ загорится оно, вспыхнетъ зловѣщимъ пламенемъ. Таинственная долина Содома хранитъ на себѣ неизгладимую печать грандіознаго геологическаго переворота. Куда не взглянешь — на всемъ отразился колоритъ титанической подземной работы. Соленая влага повсюду разбѣла солончаковую почву. По мѣловымъ плитамъ пролегли глубокія русла изсохшихъ зимнихъ потоковъ, рывины, ямы, провалы. Берегъ покрытъ полуистлѣвшимъ тростникомъ. Коряги, почернѣлые сучья, пропитанные асфальтовымъ расоломъ, постоянно выбрасываются Мертвымъ моремъ на его безжизненные берега. Когда глядишь на водную массу, какъ ртуть недвижно застывшую среди сѣрыхъ камней, кажется что вулканическій процессъ далеко еще не законченъ. Эта мертвая гладь, чуждая зыби, волненья, вообще рѣзкихъ перемѣнъ своего верхняго пласта даже въ устьѣ Иордана, гдѣ онъ вливаетъ въ него свои воды—поразительное явленіе. Мертвое море, замкнуто отовсюду естественною преградю горъ и не имѣетъ возможности выдѣлять свои воды иначе какъ испареніемъ. Отъ того надъ глубокою котловиной нѣкогда цвѣтущей долины Содома и Гоморы постоянно виситъ, слабо колыхаясь, густой, бѣловатый туманъ испареній ¹⁾.

Устье священпой рѣки теперь виднѣется намъ какъ будто сдавленное подступившими къ нему высокою стѣной отрогами горъ Иудейскихъ. Иорданъ синѣющею лентой слился здѣсь со свинцово-голубою окраскою асфальтоваго моря. На всемъ его протяженіи глазъ не отыщетъ ни лодки, ни наруса. Даже птицъ не найдешь въ его бурныхъ тростникахъ, опаленныхъ жгучими солнечными лучами. Историческая рѣка, эта единственная живая артерія мертвой страны, только усиливаетъ поразительный контрастъ окружающей вась пустыни. Кому привелось видѣть эту долину смерти, тотъ повѣритъ разсказу Библии, не усумнится въ его правотѣ и вполнѣ усенитъ себѣ поэтическую передачу грандіознаго геологическаго переворота. Смерть витаетъ надъ моремъ, смерть царитъ надъ пустыней. Воды Вахръ-Лута не терпятъ живыхъ организмовъ. Вы не найдете въ нихъ ни рыбъ, ни инфузорій. Водныя растенія, раковины, занесенныя Иорданомъ, тотчасъ же покрываются кристаллами разбѣдающихъ солей, все живое, попадая въ асфальтовый

¹⁾ Интересно, что американецъ Липчъ не разъ наблюдалъ въ темныя ночи фосфорическій блескъ на поверхности этого солянаго озера. Металлическіе удары волнъ въ берега испускали синеватыя искры, а соленая пѣна, попадавшая на камни и верескъ, вызывала и въ нихъ фосфорическое свѣченіе.

разсолъ, тотчасъ же гибнетъ и выбрасывается на берегъ. Да, это дѣйствительно «Мертвое» море—въ полномъ значеніи слова. Горько-соленая влага сожжетъ горло, смолистый асфальтовый налетъ покроетъ лице и руки при первомъ прикосновеніи. А между тѣмъ вода его на взглядъ кажется удивительно прозрачною, отражая даже на значительной глубинѣ сквозь призму синева-зеленыхъ тоновъ дно и камни ¹⁾. Съ трудомъ вѣрится, что въ эту обширную чашу Иорданъ вливаетъ ежедневно до 35 милліоновъ цудовъ прѣсной воды, почти безслѣдно пропадающей въ нефтяномъ бассейнѣ. Сказанія Библии какъ нельзя болѣе сжились съ этимъ удивительнымъ котломъ, на днѣ котораго бродятъ, перекипаютъ, будто плаваютъ разнородныя части ²⁾.

Любопытно, что позднѣйшія изысканія ученыхъ и въ особенности предпринятая американцами въ 1848 году экспедиція Липча подтвердила разсказъ книги Бытія. Но научныя гипотезы о происхожденіи Мертваго моря крайне разнообразны. Разсѣлина *Эль-Гхоръ* расколола глубокою впадиной нѣкогда цвѣтущую долину. Она протянулась съ сѣвера на югъ, отъ снѣговаго Ливана къ золотистымъ пескамъ Аравіи, провела грань между Иудеей, Самаріей и Галилеей, отдѣливъ ихъ отъ Перей и Заіорданья. Подпочва библейской долины была пропитана горючими нефтяными ключами. Они скоплялись въ подземныхъ вмѣстителяхъ, образуя глубокіе колодцы, проступавшіе временами на поверхность. Даже матеріаль—гипсъ, туфель и мѣль, изъ которыхъ были выстроены погребшіе города Содомъ, Гоморра, Адамъ, Севоимъ и Сегоръ, былъ насыщенъ легко воспламенявшимся нефтянымъ масломъ. Тайственная вулканическая работа привела къ катастрофѣ цвѣтущую страну, совершивъ грандіозный геологическій переворотъ, который Гумбольдтъ считаетъ единственнымъ на земномъ шарѣ. Воспламененные молніей нефтяные бассейны поглотили въ ужасномъ огнѣ лѣвившіяся на тонкой коркѣ людскія селенія. Образовался провалъ, переполненный нефтью, куда вѣками мчитъ Иорданъ свои воды.. До нынѣ на днѣ его слабо хлопочетъ еще подземный огонь и быть можетъ продолжается, сокрытая отъ глаза, разрушительная работа.

Параллельно съ этою гипотезой существуетъ другая: впадина Иорданской долины считается высохшимъ заливомъ Средиземнаго моря, причемъ уровень нынѣшняго асфальтоваго озера опустился на 1,318 фу-

¹⁾ По указаніямъ французскаго ученаго Сосси, глубина Мертваго моря колеблется отъ 16 до 500 футовъ. Въ южной его части, гдѣ находятся богатые залежи каменной соли, дно болѣе приподнято; сѣверная же часть моря достигаетъ 1,000 и даже 1,200 футовъ глубины.

²⁾ Анализъ Буса и Мокли опредѣлили составъ воды Мертваго моря. Въ ней оказалось 21% насыщенія солями, хлоромъ, бромомъ, сѣрно-кислою известью и минеральными маслами. Специфическій вѣсъ воды равенъ 1,217,42.

товъ ниже поверхности океана. Остатки морской фауны, находимые въ предгорьяхъ Иудей, давно исчезнувшей на берегахъ Мертваго моря, иллюстрируютъ эту догадку. Вулканическія силы, поднявъ уровень къ западу отъ озера Тиверіадскаго, образовали возвышенный бортъ, отчего дно долины Содомской понизилось; минеральные ключи стекли въ общій бассейнъ, образовавъ соленое море Бахрѣ-Лута.

Жаръ стоитъ нестерпимый. Подъѣхавъ къ водѣ, мы тотчасъ же спѣшиваемся. Погонщикъ Константинъ, всегда оживляющійся при остановкахъ, когда собственно начинается его дѣятельность, быстро разсѣдываетъ нашихъ лошадей и, стреноживъ, пускаетъ на волю. Но бѣдныя животныя, измученныя зноемъ, не сиѣшаютъ воспользоваться своею свободой. Понуро опутивъ головы и тяжело дыша, они жмутся другъ къ другу, тщетно щутъ тѣни. Константинъ по-арабски переговаривается съ шейхомъ и пока Марко разводитъ огонь, чтобы сварить намъ кофе, молодцеватый сынъ Абу-Диссы, забравъ бурдюки и винтовку, направляется галопомъ къ Иордану. Онъ привозитъ воду и вмѣстѣ съ погонщикомъ обливаетъ лошадямъ головы. Милѣйшій докторъ уже раздѣлся, осторожно пытается окунуться въ море, но липкая плотная масса каждый разъ при погруженіи быстро выталкиваетъ его обратно ¹⁾. Пока мой коллега возится съ инструментами, вычисляя долготу и широту, сердится на нивелиръ и встряхиваетъ термометръ, докторъ вылѣзаетъ весь покрытый липкою грязью. Сѣра и нефть быстро оказываютъ свое вліяніе. Во всемъ тѣлѣ появляется невыносимый зудъ, который становится нестерпимымъ при чесоткѣ. Марко совѣтуетъ ему обмыться рѣсеной водой, но и послѣ этой операціи докторъ долго строитъ гримасы.

Девятый часъ знойнаго Палестинскаго утра. Силъ нѣтъ дышать; голова болитъ, во всемъ тѣлѣ чувствуется какая-то разбитость.

Вдали амфітеатромъ синѣютъ Моавитскія горы, а за ихъ сѣрватою грядой опускается безоблачный куполь небснаго свода, силошъ залитый огнистыми лучами. Въ мертвенной тишинѣ воздуха голосъ вашъ звучитъ какъ-то странно, горло быстро пересыхаетъ и пухнетъ отъ ѣдкихъ соляныхъ испареній. Мнѣ невольно припомнился дневникъ Линча, работавшаго здѣсь въ маѣ ²⁾. Насъ-же судьба забросила на не-

¹⁾ При императорѣ Адрианѣ преступники, связанные по рукамъ и ногамъ, были брошены въ видѣ казни въ Мертвое море, но плотность воды не допускала ихъ утонуть и говорятъ, что они тотчасъ же всплыли на поверхность.

²⁾ Экспедиція Линча, пройдя на спеціальныхъ лодкахъ по Иордану изъ озера Тиверіадскаго, въ маѣ сошла въ Мертвое море. Проработавъ три недѣли, большая часть ея членовъ переболѣла изнурительной лихорадкой нѣкоторые поплатились жизнью. Отъ жары полопалась и слѣзла съ рукъ кожа, загноились глаза, опухли вѣки и все тѣло покрылось гнойниками. Сильнѣйшее истощеніе вынудило Линча вести матросовъ въ Ливанскія горы, гдѣ, несмотря на цѣлебность воздуха, смерть похитила его лейтенанта Дала.

гостеприимные берега Мертваго моря въ іюлѣ, въ самый разгаръ палестинскаго зноя.

V.

Чудная панорама открывается путнику, когда онъ, утомленный зноемъ на безжизненныхъ берегахъ Мертваго моря, подъѣзжаетъ къ водамъ Іордана. Широкая долина Эль-Гхоръ плѣняетъ глазъ красивой перспективой. Лотово море осталось позади. Безконечная лещта песковъ не томить уже взора, и взглядъ невольно скользитъ выше уровня голой пустыни. Съ сѣвера поднимается зеленѣющимъ оазисомъ Іерихонъ, окаймленный фіолетовыми уступами Вада Эль-Кельта, темнымъ массивомъ конусообразной горы Сарандаря. Надъ нимъ спустился голубой пологъ неба. Прохладю дышатъ далекія вершины. Мы ѣдемъ вдоль *зимняго* русла Іордана. Рѣчной гравіей какъ будто убитанъ гигантскимъ валькомъ—такъ ровна его поверхность, сравнительно съ только-что пройденной тропею пустыни. Широкое зимнее ложе, по которому мчитъ онъ свои бурныя воды въ декабрѣ, сплошь усѣяно горами обточенныхъ валуновъ, у которыхъ пробился иглистый кустарникъ. Спавшія воды, съузвивъ ширину рѣки, легли теперь въ оправу узкаго каменистаго *лѣтняго* ложа. Зеленыя тростники и кустарники закума, мелкая зелень, сидра прижились къ этой мергельной землѣ, провизанной селитрой, наслоенной опавшими испареніями асфальтиды. Тысячелѣтіями бьется Іорданъ размывая кремнистыя скалы лѣваго берега, прибываясь какъ-будто къ поглощающей его чапѣ Бахръ-Лута! Могучій потокъ уцѣлѣлъ неизмѣннымъ, и время, бессильное въ этой пустынѣ Содомы, въ своемъ мощномъ полетѣ не посмѣло коснуться его аскетическаго пейзажа, иссушить мутныхъ излучинъ. Онъ все тотъ-же, какъ въ тѣ дни, когда берега его оглашала вдохновенная проповѣдь покаянья, смѣлый «гласъ вопіющаго въ пустынѣ».

Умъ вашъ будить невольно картины далекой эпохи, когда міръ, погруженный въ коснѣнье, инстинктивно прислушивался къ смѣлому слову новаго ученія. Тамъ за синей чертой Средиземнаго моря разлагалась Эллада... Боги рукъ человѣческихъ уже падали ницъ съ пьедесталовъ, и прежніе алтари не источали оміама. Нищета и развратъ, безумная роскошь, безумныя страсти развѣдали одряхлѣвшій организмъ классическаго міра. Потоками крови пятналъ себя Римъ, богатство и власть томили сердца ненасытнымъ желаньемъ. Философія здраваго смысла вырождалась въ сектанство, и обезсиленный человѣкъ инстинктивно жаждалъ и вѣрилъ въ будущее обновленіе. Въ эти дни съ береговъ Іордана вдругъ раздался призывомъ голосъ пророка... Въ трудахъ и лишеніяхъ воспитала пустыня великаго Предтечу и суровый аскетъ не даромъ почерпалъ изъ нея свои образы для врач-

ныхъ картинъ современной ему эпохи. Онъ сравнивалъ душу людскую съ пустыней, въ которой болѣзненный вѣкъ испепелилъ послѣднія искры сознанія. Неумолимый обличающій голосъ его, бичуя, грозилъ и звалъ одновременно. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство небесное! Уже съкира при корнѣхъ деревъ лежитъ: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте стези Ему» ¹⁾. Въ одеждѣ изъ верблюжьяго волоса, съ посохомъ въ рукахъ, со взоромъ, полнымъ вдохновенія стоитъ онъ на берегахъ священной рѣки и къ нему отовсюду толпами сходятся изумленный Израиль. Сѣмя новое сѣетъ великій Пророкъ въ очерствѣлыя души и едва-ли во всемъ прошломъ іудеевъ найдется другой *историческій* моментъ болѣе сильнаго подъема общественнаго сознанія. Слушатели Іоанновой проповѣди представляютъ разнороднѣйшій элементъ; къ нему сходятся мужчины и женщины, старики и дѣти, мытари и солдаты, гетеры, левиты, одинаково проливая слезы покаянія, съ удивленіемъ прислушиваясь къ его смѣлому голосу. Даже фарисеи, саддукеи и книжники—эти вожди народа, блѣднѣютъ предъ неумолимой строгостью вдохновеннаго пустытника. Одинокій, безвѣстный, онъ властно царитъ надъ странкою, и его обличительный голосъ проникаетъ въ чертоги все-сильныхъ владыкъ изъ вѣдръ далекой пустыни. Недаромъ толпа въ Предтечѣ съ убѣжденіемъ видитъ воскресшаго Ілію, который изъ той-же пустыни, съ береговъ священной рѣки вознесся когда-то на небо.

Величавая ширь Іорданской долины будила во мнѣ образы былаго... Подъ властнымъ напоромъ библейскихъ картинъ проходили въ умѣ моемъ съ дѣтства знакомыя страницы. Вотъ въ излучивѣ этой рѣки выдѣляется бродъ *Вееъ-вагора*, по которому нѣкогда Іисусъ Навинъ перевелъ Израиль въ предѣлы земли Обѣтованной. Густая зелень наполнила впадину притаившагося среди голыхъ камней Іордана. Только мѣстами олеандръ и тамориски одѣли зеленой оправой бесплодныя желтые холмы подступившихъ къ нему песковъ пустыни. Быстрыя воды притаились, прячутся подъ навѣсомъ зеленыхъ вѣтвей, жалкихъ пасынковъ богатой флоры Ханаана. А когда-то здѣсь же съ вершины библейскаго Фазги, взиралъ Моисей на цвѣтущую землю, обѣщанную его народу. Здѣсь покоится прахъ его сокрытый въ безвѣстной могилѣ среди высокоподнятыхъ шатровыхъ вершинъ, затѣненныхъ фіолетовой дымкой. Я ихъ вижу отсюда, эти туманныя горы, застывшія на далекомъ горизонтѣ въ золотистыхъ снопахъ яркаго освѣщенія ²⁾. Отсюда-же, по преданію, вознесся на небо грозный Ілія на огненной колесницѣ. Тѣ-же воды уда-

¹⁾ Матѣ. гл. III, 2—3.

²⁾ «И умеръ тамъ Моисей, рабъ Господень, въ землѣ Моавитской по слову Господню и погребенъ на долинѣ въ землѣ Моавитской, противъ Вееъ-Вагора, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сегодня», повѣствуетъ Библия.

ромъ хитона раздѣляя Елисей, пройдя по суху въ Моавитскую землю. А послѣ Предтечи сюда-же стекались и первые христіане. Борцы и сподвижники великаго ученія, уходя въ пустынные дебри, селились въ одинокихъ пещерахъ, положивъ начало многочисленнымъ монастырямъ, существовавшимъ еще въ эпоху средневѣковья ¹⁾.

Марко ведетъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ по преданію крестился Спаситель. Оно особенно красиво и ярко выдѣляется на всемъ протяженіи рѣки ²⁾, обрамленное купами ивъ и густо разросшагося держидерева. Берегъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, картинно вырѣзываетъ на противоположной сторонѣ зеленый мысокъ; за нимъ поднимаются, встаютъ отвѣсные горные края. Въ ихъ бѣлыхъ слояхъ тамъ и сямъ проблесла мшистая зелень, кустики морской гвоздики, а съ вершины нависъ тамарискъ, купающійся въ водѣ зеленыя вѣтви. Изломъ кремняка, перегородившій теченье рѣки, создалъ тотъ историческій *бродъ Вива-вары*, по которому еще въ сѣдой древности переходилъ человѣкъ эту водную артерію Палестины. Мы застали здѣсь живописную группу: въ кустахъ, среди тростника и шиповника, сыны вольныхъ степей — бедуины расположились на полуденный отдыхъ. Караванъ осликовъ и верблюдовъ улегся въ прохладной тѣни, а вожаки ихъ усѣлись у ствола одинокаго дерева, на которомъ купающіеся паломники обыкновенно вѣшаютъ свои одежды ³⁾. Мы слезли съ коней, и я не безъ волненія поспѣшилъ ознакомиться съ священнымъ уголкомъ брода Макта, гдѣ погружался Христосъ и куда съ первыхъ дней христіанства до нынѣ стремится каждый паломникъ, посѣщающій Палестину. Историческій бродъ Веѳъ-Ѳагоры — это цвѣтушій оазисъ Содомской пустыни. Тѣнистый, укромный пріютъ, излюбленный пастухами, которые поятъ здѣсь свои стада, водою для мимоидущихъ каравановъ, всегда полонъ жизни и оживленія. Пока Марко растягиваетъ на отлогомъ берегу верблюжій войлокъ, достаешь простыни и полотенца, мы сѣвшимъ сбросить потную одежду, приготовляясь къ купанью. Мутное теченіе Иордана здѣсь особенно быстро, что замѣтно по темнымъ кругамъ, бороздящимъ блестя-

¹⁾ Таковы многочисленные скиты, возникшіе по почину Св. Герасима и Саввы, Зосима и Θεодосія, Евфимія, Аввы и Харитолія. Обращаясь древняго пустынно-жительства предстояло осмотрѣть и пещъ въ обители Георгія Хозевита.

²⁾ Длина Иордана отъ истоковъ до устья исчислена въ 350 верстѣ, включая сюда-же проходимое пещъ озеро Генсаретское. Быстрое и глубокое теченіе въ силу большаго уклона и высоты паденія изобилуетъ водоворотами при ширинѣ отъ 10-ти до 20-ти саж. Въ зимнее время, при обильныхъ дождяхъ и таянн снѣговъ, оны сносятъ около 300,000 куб. саж. воды ежедневно.

³⁾ Интересно, что деревья, окаймляющія теперь Иорданъ, позднѣйшей искусственной посадки и лѣтъ 300 тому назадъ, по свидѣтельству Радзивилла-Сиротки, на мѣстѣ купъ алеандровъ и тамариска былъ голый пустырь, лишь кое-гдѣ обрамленный верболозами.

щую водную поверхность. Рѣдкіе изъ пловцовъ рискуютъ переплыть на тотъ берегъ рѣки, не обвязавъ себя веревкой.

Что-то радостное чувствуется въ окрестномъ пейзажѣ... Раннее утро... Еще свѣжестью дышетъ земля, влажный воздухъ исчезнувшей ночи ласкаетъ лицо, льнетъ къ разгоряченнымъ щекамъ мягкой волною. Подъ тѣнью густо разросшихся кустовъ всѣ мы чувствуемъ себя бодрѣе. Даже животныя—лошади, овцы и ослики, живописными группами расположившіеся на обоихъ берегахъ, сознаютъ близость воды. Арабскіе пастухи—полунагія бронзовые фигуры, драпируясь плащами, съ посохами въ рукахъ, наблюдаютъ нашу шумную группу. Голубой небесный сводъ залитъ потоками свѣта. Людской гомонъ, блеянье овецъ, веселое ржанье лошадей, которыхъ Константинъ купаетъ сажень на 20 ниже нашей стоянки, плескъ рѣки, смѣхъ и пѣсня, протяжный напѣвъ гармоничной мелодіи—все это страшно дѣйствуетъ на нервы, притупленные долгимъ безмолвіемъ пустыни...

Кавасъ Марко, развѣсившій наши одежды, какъ доспѣхи, на сучьяхъ одинокаго дерева, сходить къ водѣ, увязая ногами въ липкой грязи. Онъ приглашаетъ насъ слѣдовать его примѣру. Веселый докторъ давно уже плещется въ холодныхъ струяхъ, воткнувъ на песчаномъ бугрѣ свою трость съ соломенной шляпой. Коллега-археологъ, вообще подозрительно относящійся ко всякаго рода неизвѣданнымъ ощущеніямъ, пытается отловить купанье. Цитируя гидъ, онъ увѣряетъ, что дно сплошь усѣяно острыми камнями, теченіе страшно быстро, а холодная вода, при господствующей температурѣ, угрожаетъ апоплексическимъ ударомъ ¹⁾. Всѣ эти соображенія возмущаютъ веселаго медика. Какъ истый южанинъ, онъ раздражается насмѣшками, уморительно жестикулируя посреди рѣки къ немалому ужасу арабовъ. Впрочемъ, докторъ плаваетъ какъ рыба, а мы съ коллегой какъ подковы—по выраженію Марко. Ежась, схожу я въ воду. Мускулистый черноморецъ-кавасъ подходит ко мнѣ, протягивая руку. Мы оба крестимся, и выплывъ на середину рѣки, осторожно нащупываемъ дно ногами. Я никогда не забуду этой минуты... Марко дрожащимъ голосомъ, умиленный, растроганный, повторяетъ слова знакомой молитвы: «Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ Господи». Онъ произноситъ слова нараспѣвъ, торжественно, плавно. Его странный акцентъ еще болѣе усугубляетъ впечатлѣніе. Затѣмъ мы быстро погружаемся ²⁾.

¹⁾ Температура воды Иордана по измѣренію въ шесть часовъ утра оказалась равной 30° по R. при температурѣ воздуха въ 32°.

²⁾ Купель Иорданская священна не для однихъ христіанъ. Евреи и арабы одинаково чтутъ ее какъ и мы, приходя сюда справлять свои праздники. Говорятъ, что въ старину берега Иордана въ томъ мѣстѣ, гдѣ погружался Спаситель, были облицованы мраморомъ. Широкія ступени спускались на каменистое дно, а посреди рѣки нахо-

Омывшись въ холодныхъ струяхъ Иордана, мы рѣшили сдѣлать привалъ и закусить предъ осмотромъ Предтеченской обители. Близился полдень и пунктуальный Марко сталъ торопить насъ отъѣздомъ. Пока сѣдлали лошадей, арабскіе мальчуганы, все время барахтавшіеся въ водѣ, окружили насъ щебечущей стаей, предлагая какіе-то камешки. Меня заинтересовали гладко-шлифованные голыши странной, неправильной формы.

— Эти камни — пята Спасителя, пояснилъ миѣ Марко. — Въ то время, когда Искупитель погрузился въ священную рѣку, касаясь пятою дна, она оттиснулась на камняхъ, и съ тѣхъ поръ Иорданъ сталъ оттачивать свои валуны, какъ вы теперь видите. Странное очертаніе камней дѣйствительно напоминаетъ форму подошвы, расширенной къ пальцамъ и узко-скругленной къ пяткѣ ¹⁾. Мы купили на память этихъ оригинальныхъ голышей и двинулись въ путь въ обитель Предтечи.

Скитъ *Деиръ-Маръ-Юана* въ пятнадцати минутахъ ѣзды отъ Иордана. Въ карьеръ до него можно доѣхать еще скорѣе. Среди голой пустыни, вдали отъ жилья, крохотный монастырь Іоанна Крестителя видѣется какъ на ладони. Ослѣпительно-бѣлый, обнесенный стѣной съ крѣпостными воротами, онъ извѣстенъ у Арабовъ подъ именемъ *Касръ-Эль-Юудди*, — замка Евреевъ. Вѣроятно, онъ выросъ на мѣстѣ тѣхъ сторожевыхъ башенъ, укрѣпленій пустыни, которыя воздвигались еще израильскими царями, какъ оплотъ противъ хищныхъ неосѣдлыхъ племенъ, кочевавшихъ на границѣ съ Іудеями. Обитель плыветъ намъ навстрѣчу и яркая бѣлизна ея зданій, меловой известковый плитнякъ почвы слѣпятъ глаза въ яркихъ лучахъ июльскаго солнца. Монастырь возобновленъ сравнительно недавно патріархомъ Никодимомъ и приуроченъ весьма благоразумно къ перепутью отъ Іерихона на Иорданъ. Бѣдность его поражаетъ туриста. Братіи въ немъ немного — человѣкъ 10, если не меньше. Среди голой пустыни, лишенной всякой растительности, онъ живъ только тѣмъ, что доставятъ ему изъ Іерусалима. Обойдя дворикъ, мы посѣтили въ сопровожденіи инока-старца убогую церковь временъ царицы Елены и новый храмъ, возведенный Іеруса-

дился престолъ съ массивнымъ крестомъ. Ежегодно, въ праздникъ Богоявленія Господня, стекаются сюда несметныя толпы богомольцевъ въ сопровожденіи духовенства. При громкомъ пѣніи клира, при крестахъ и хоругвяхъ, принесенныхъ изъ ближайшей обители, въ бѣлыхъ одеждахъ погружаются паломники всѣхъ странъ и народовъ. Шумнымъ караваномъ уходятъ они отсюда, унося съ собой на далекую родину въ бутылкахъ и пузырькахъ священную воду, колючій терновникъ изъ Іерихона и Палестинскія вайи.

¹⁾ Монахи окрестныхъ монастырей изображаютъ на нихъ красками Крещеніе Господне, обводя золотою каймой импровизированные образки, въ громадномъ количествѣ покупаемые нашими паломниками.

лимской патриархіей. Овъ окруженъ еще мусоромъ, обломками мраморныхъ колоннъ—жалкихъ остатковъ былого богатства обители. Съ трудомъ вѣрится, что здѣсь нѣкогда процвѣтала обширная лавра, описанная старинными паломниками ¹⁾. Гостепріимные монахи предложили намъ чаю и холодный арбузъ, единственное угощеніе, которое нашлось въ этомъ затерянномъ уголкѣ одиночества и молитвы. Въ рассказахъ о нашей родинѣ, въ перечисленіи рѣдкихъ посѣтителей провели мы время, но нельзя сказать, чтобы я уносилъ съ собою радостное воспоминаніе изъ этого суроваго монастыря-могилы. Далеко за полдень, когда жаръ уже свалилъ, мы распростились съ берегами Иордана. Вся братія вышла провожать насъ подъ арку массивныхъ воротъ и долго мы ѣхали шагомъ, постоянно оборачиваясь, невольно чувствуя, что покидаемъ горсть смѣльчаковъ, одинокихъ собратій, ушедшихъ отъ міра и его суеты въ забытыя стѣны.

По каменистымъ пластамъ, вдоль стариннаго акведука, минуя груды камней, весьма подозрительной исторической давности, мы подъѣзжаемъ къ тому мѣсту, гдѣ путешественникамъ обыкновенно показывается *Библейскій Гамаль*. Овъ почти въ виду Иерихона и извѣстенъ у Арабовъ подъ именемъ *Тель-Дель-Джумль*, мѣсто перваго стана израильтявъ въ землѣ Хаанаанской. Убогое деревцо, полуспаленное, прижалось къ этой грудѣ сѣрыхъ развалинъ, гдѣ будто Іисусъ Навинъ, перейдя Иорданъ, водрузилъ столбъ изъ 12-ти камней, по числу колѣнъ израильскихъ. Отсюда чрезъ полчаса мы доѣхали до Иерихона и вступили въ зеленую кайму садовъ, чтобы, пообедавъ, осмотрѣть его живописныя окрестности.

VI.

Мы выѣхали изъ Иерихона въ прохладѣ близившагося вечера. Вдоль плетней, мимо колючей изгороди гигантскихъ кактусовъ, оплетающихъ непроницаемой броней сады Рихи, мы ѣдемъ полъ навѣсомъ широколистныхъ банановъ, пышно разросшихся кустовъ бѣлой акаціи, гранатника и тамарисковъ. Узкая, пыльная лента дороги извиваясь бѣжитъ все время въ тѣни и глазъ не можетъ налюбоваться очаровательной перспективой. Только-что пережитыя въ мертвой странѣ впечатлѣнія исчезаютъ и вамъ хочется насладиться новымъ радостнымъ колоритомъ

¹⁾ Въ XII вѣкѣ игумень Давидъ упоминаетъ о богатыхъ монастыряхъ Божіей Матери, Іоанна Златоуста, болѣе не существующихъ, описываетъ обитель Герасима и Предтечи. Діаконовъ Троицкой Лавры Зосима въ XV вѣкѣ говоритъ о находившихся здѣсь мощахъ Св. Зосимы, напутствовавшаго Марію Египетскую. Но оба монастыря Предтечи и Герасима уже нашель въ развалинахъ Арсеній Сухановъ, посѣтившій Палестину въ 1649 году.

нейзажа, полнаго жизни и красоты. Мои соговарищи, привыкшіе къ молчаливой ѣздѣ въ пустынѣ, теперь какъ-то особенно оживились, громко повѣря другъ другу свои впечатлѣнія. Я замѣчаю, что лошадь коллеги-археолога увѣшана какими-то мѣшками, висящими и спереди на сѣдлѣ и сзади у трока. Ея всадникъ въ каскѣ подъ зонтикомъ по временамъ гладигъ рукой эти мѣшки, набитые камнями, какъ увѣряетъ веселый докторъ.

— И па что вамъ такой мусоръ? пристааетъ онъ къ коллегѣ.—Бросьте! Лошадь и такъ едва ступаетъ... Я вамъ цѣлую арбу насыплю въ Иерусалимѣ этимъ щебнемъ.

Но археологъ не хочетъ и слушать такихъ совѣтовъ. Онъ пускаетъ лошадь мелкою ршею, чтобы уйти какъ-нибудь отъ жизнерадостнаго прсфана.—Pauvre tête... Pauvre tête... слышится мнѣ соболѣзнующій голосъ.

Мы почти незамѣтно проѣхали три версты, отдѣляющія *источникъ Елисея* отъ Иерихона. Уже давно къ намъ на встрѣчу плыветъ издали массивный конусъ горы Сорокадневнаго поста — высокоподнятая вершина утесистыхъ вряжей, исполинскихъ стражей на границѣ пустыни. Въ багряныхъ лучахъ тешлага вечера красноватая глыба пластовъ Сарандари сверкаютъ, горятъ какъ будто въ заревѣ пожара. Каменные гребни крутымъ изломомъ раздѣляютъ горизонтъ на сѣверный кругъ и южный, а съ высоты ихъ изумленному взору открывается поразительная панорама. Мы теперь у подошвы и только къ закату успѣемъ добраться до этихъ шатровыхъ вершинъ, смѣлымъ контуромъ вырѣзанныхъ на фонѣ сияюга неба. Ключъ пророка обросъ кустарникомъ и деревьями; звонко журча, онъ бѣжитъ по кремнистымъ слоямъ въ зеленой чашѣ, съ шумомъ падая съ каменныхъ ступеней, по на немъ не сохранилось отпечатка библейскаго прошлаго. *Источникъ Елисея*—арабскій Аивъ-Эль-Султанъ—поить Иерихонъ своими холодными, нѣкогда горькими струями ¹⁾. Вода его орошаетъ и тѣ сады Рихи, что зеленымъ пятномъ остались теперь позади, совершенно скрывъ за собою убогую деревушку. Напивъ лошадей, мы сѣвшимъ до сумерокъ подняться на вершину горы, минуя груды камней, въ которыхъ смѣлая фантазія пѣкоторыхъ путешественниковъ видитъ остатки древнихъ цистернъ, подземелій, чуть не фундаменты древней Иродіанской столицы.

Подъемъ на *Сорокадневную гору* пріучаетъ къ эквилибристикѣ. Въ массивѣ отвѣснаго вряжа прихотливо бѣжитъ каменистая тропа, а по

¹⁾ По преданію, пророкъ Елисей, скрывающійся близъ него въ пещерѣ отъ нечестивыхъ царей Іудеи, бросилъ въ этотъ горькій ключъ щепотъ соли и вода сдѣлалась сладкою, годною для питья. Аивъ-Эль-Султанъ считается самымъ лихорадочнымъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Иерихона. Температура воды въ 7 час. веч. = 21° при 33° атмосферы.

бокамъ ея разползлись трещины, впадины, встали стѣною утесистыя кручи, обрывы. Съ каждымъ шагомъ впередъ, вы все выше поднимаетесь надъ окрестностью. Почти пригибаясь къ сѣдлу, съ трудомъ удается сохранять равновѣсіе. Лошади спотыкаются, тяжело дышатъ. Погонщикъ Константинъ, составляющій нашъ арріергардъ, давно слѣзъ и бѣжить сзади мула, ожесточенно погоняя его палкой. Тяжесть ноши заставляетъ его отставать все больше и больше и скоро мы совершенно теряемъ араба изъ виду. Подъемъ становится все круче и круче. Мы вынуждены слѣзть съ обезсиленныхъ лошадей и пѣшкомъ пробираться среди безжизненныхъ оголенныхъ ущелій головооружительнаго *Джебелъ Карантеля*. Суровъ и дикъ колоритъ этихъ мощныхъ громадъ, избранныхъ Спасителемъ для своего сорокодневнаго поста и молитвы. Не даромъ еще въ древности эта гора, по народному вѣрованію, населена была злыми демонами. Духъ, увлекшій Иисуса на подвигъ самоискупленія и молитвы, не могъ-бы найти во всей Палестинѣ другого, болѣе аскетическаго мѣста. На границѣ великой пустыни, на вершинѣ, среди голыхъ камней, нѣтъ ни травки, ни дерева, нѣтъ ничего, что-бы могло ободрить истомленное тѣло. Вѣтеръ, бѣгущій въ верхнихъ слояхъ атмосферы, лодъ и буря разѣли каменистую грудь земли. Безотраднa обстановка этого уединенія. А вдали, тамъ внизу, развернулась жизне-радостная панорама и дразнить глазъ прелестью дивныхъ картинъ, тоскливо сжимая сердце. Съ востока синѣетъ въ оправѣ золотистыхъ песковъ недвижная голубая гладь Мертваго моря, осѣненнаго туманными вершинами горъ Моавитскихъ. Въ потокахъ огнистаго свѣта уходитъ въ безпредѣльную даль широкое плоскогорье Пиреи, а съ сѣвера серебрится снѣжной главой далекій Ермонъ на поляхъ Галилеи. Отсюда мысленнымъ окомъ могъ обнять божественный учитель и скрытый отъ глазъ Назаретъ, гдѣ протекли его дѣтскіе годы, и гордую столицу іудейскаго народа, готовившую ему великій подвигъ искупленія. Только здѣсь, выше уровня житейской суеты и пошлости, въ безмолвіи величавой природы, отдышалъ онъ, изможденный страданьемъ. Только здѣсь, въ сторонѣ отъ людей, почерпалъ онъ въ общеніи съ Богомъ-Отцемъ ту изумительную нравственную силу и мощь, которую тамъ внизу щедро расточалъ людямъ—собратьямъ.

Эту властную обстановку пустыни, эту гордую высь недаромъ избралъ Спаситель для поста и молитвы. Даже слабые дѣти земли всегда стремились къ той-же обстановкѣ. Виблейскій вождь Израиля сносить свою скрижаль съ высоты Синая. Пророкъ Ілія на уступахъ Кармеля готовится къ проповѣди нечестивымъ, и до послѣднихъ дней инокъ-монахъ уходитъ въ безжизненные горныя нѣдра, чтобы тамъ сдѣлать себя достойнымъ созерцанія Творца и Его вѣчнаго промысла.

Надъ пропастями Джебелъ-Карантеля, въ самой скалѣ, пріютилась

пещера-часовня. По преданію, здѣсь именно молился Господь и православные монахи устроили скитъ, затерянный въ облачной выси. Въ средніе вѣка *Сарандарь* имѣлъ не одинъ монастырь, и только послѣ крестоносцевъ заросла къ нимъ трона, исчезли лавры св. Феоктиста, а существующая нынѣ обитель Георгія Хозевита возобновлена сравнительно недавно.

Вотъ мы выбрались незаметно вдоль ущелій *Вади-Эль-Кельта* на знакомую уже намъ Иерусалимскую дорогу. Въ мягкомъ сумракѣ незаметно подкравшейся ночи, въ слабой послѣдней борьбѣ багряныхъ лучей съ голубымъ полусвѣтомъ тонуть голыя скалы, пропасти и обрывы. Проѣхавъ по шоссе съ четверть часа, мы вдругъ сворачиваемъ вправо и по узкой каменистой тропѣ подѣзжаемъ къ темному, смутно распознаваемому въ деталяхъ провалу. Почти отвѣсомъ внизъ уходитъ дорога. Зигзагомъ бѣжитъ она по краю обрыва на дно гигантской пропасти, гдѣ пріютился монастырь Георгія Хозевита ¹⁾. По первому впечатлѣнію даже страшно рѣшиться на спускъ въ эту бездонную трещину горъ. Малѣйшая неосторожность, невѣрный шагъ оступившейся лошади— и вы полетите въ глубину, гдѣ едва ли найдутъ ваши кости. Ущелье Хозевы—это темная расщелина въ каменномъ массивѣ горъ Иудейскихъ. Бока ея выступами нависли надъ бездною и, кажется, вотъ-вотъ оторвутся сѣрые пласты и полетятъ внизъ на невидимое дно. Тамъ бѣжитъ, реветъ горный потокъ, разметавъ запруду камней, какъ будто пытаея сорвать убогій мостикъ, смѣло переброшенный черезъ него рукою человѣка.

Марко-Кавасъ предлагаетъ намъ слѣзть съ лошадей: спускъ становится все круче и труднѣе. Камни срываются изъ-подъ ногъ и летятъ въ бездну. Въ густѣющей темнотѣ мы уже не различаемъ деталей пейзажа. Приходится спускаться гуськомъ, ведя лошадей въ поводу. Вдругъ... чу!.. грянулъ выстрѣлъ... Это шейхъ извѣщаетъ монаховъ о нашемъ прибытіи. Въ невидимой обители, гдѣ-то тамъ вдалькѣ, слабо дрогнулъ крохотный колоколь. Протяжный, металлическій звукъ его разлился, пробѣжалъ по безмолвному ущелью, и какъ-то странно жалось въ груди сердце отъ грустнаго звона. Мы спускаемся все ниже и ниже и вотъ мы уже на мосту, подъ которымъ въ пролетахъ мчится покрытый бѣловатою пѣной потокъ, гулко катясь по обточеннымъ голямъ и исчезая въ невидимой безднѣ. Два, три крутыхъ поворота—и мы на той сторонѣ таинственнаго провала. Дорога упирается въ сѣрую толщу стѣны; въ темной аркѣ черпѣютъ ворота. Ночь, окрестъ величавая тишина, какъ-то трепетнѣй бьется сердце. И вдругъ на ржа-

¹⁾ Монастырь этотъ возникъ на развалинахъ лавры Евфимія Великаго трудами Іоанна, архіепископа Гозувитскаго. Позднѣйшая его реставрація начата при патриархѣ іерусалимскомъ Никодимѣ.

выхъ петляхъ закрипѣли тяжелыя двери и распахнулись... На встрѣчу изъ голубой тьмы поплыли огненные языки мерцающихъ факеловъ—это братія встрѣтили насъ по обычаю Востока... Стройный хоръ мужскихъ голосовъ торжественно пропѣлъ намъ по гречески канонъ монастырскаго привѣтствія. Никогда не забуду я впечатлѣннѣй, пережитыхъ въ обители Георгія Хозевита. Ихъ властный поэтический мѣражъ долго мерещился мнѣ даже тогда, когда, покинувъ Палестину, я разрѣзала на кораблѣ соленую грудь Средиземнаго моря, когда передо мной готовились, развернуться картины, не имѣющія ничего общаго со Св. Землей.

Внутренность обители, прилѣпленной къ скалѣ какъ гнѣздо стрижей—это сплошной лабиринтъ корридорчиковъ, пробуравившихъ во всѣхъ направленіяхъ толщу плитняка и базальта. Узкія дверочки, темныя окна впадинами чернѣютъ въ нихъ справа и слѣва. Смиренный настоятель ведетъ насъ въ единственную большую комнату, торопя братію скромной трапезой. Пока ставятъ неизбѣжный самоваръ, мы выходимъ на маленькій балконъ, нависшій надъ темною бездною. Нѣтъ силъ передать впечатлѣнія... Въ обители скромныхъ подвижниковъ невольно тревожатъ васъ грустныя думы. Мы сидимъ на скамейкѣ балкона. Голубоватая тьма пластами уходитъ вверхъ, стелется книзу... Навышій глазъ различаетъ теперь противоположный бортъ массивнаго горнаго кряжа, грубые выступы скалъ, зіяющія отверстія пещеръ и гротовъ. На стосаженой глубинѣ мелодически плещетъ потокъ въ поразительной тишинѣ, проникающей васъ удивительнымъ спокойствіемъ. Поверните голову... Что за странная обстановка! Вѣлые своды корридора-трапезной озарены теперь мерцающимъ пламенемъ четырехъ свѣчей, отбрасывающихъ трепетныя тѣни. Намъ видѣется деревянный столъ, чисто вымытый, но безъ скатерти и салфетокъ. Высокій худой инокъ съ блѣднымъ лицомъ, въ черномъ подрясникѣ принесъ пшеничный хлѣбъ на деревянномъ блюдѣ. Я вижу—наши дорожные ножи и вилки прихоть людей, которой не знаетъ монахъ-пустынникъ! Онъ конфузливо ставитъ на столъ всѣ эти консервы сардинъ, boeuf'a и соли, незнакомыя ему лакомства заѣзжихъ мірскихъ людей чуждаго ему, суетнаго міра. Онъ давно позабылъ эти яства, давно довольствуется однимъ ломтемъ хлѣба съ отварными бабами. Только въ праздникъ, и то не всегда, получаетъ онъ горячую пищу. Молодой послушникъ выходитъ съ ведромъ на балкончикъ. Онъ свѣсился надъ перилами, что-то пошарилъ въ темнотѣ и вдругъ ведро плавно заскользило, пошло отъ насъ внизъ, чѣмъ-то, лязгая на своемъ ходу, къ нашему удивленію. Вотъ оно звякнуло тамъ уже на днѣ, какъ будто упало въ потокъ и черезъ минуту послушникъ сталъ тянуть тонкую бичеву, привязанную къ периламъ. Оказалось, что онъ достаетъ воду для нашего самовара. Дѣйствительно,

изъ темноты снова появилось ведро, полное холодной воды ¹⁾. Долго сидѣли мы въ раздумьи надъ бездной, пока радушный настоятель обители не пригласилъ насъ къ чаю. Его рассказъ впервые познакомилъ насъ съ тѣмъ удивительнымъ историческимъ прошлымъ, которое имѣетъ за собою Хозевитская обитель. Убогій монастырь Георгія Хозевита, почти неизвѣстный туристамъ, рѣдко посѣщается даже паломниками. Тридцать-сорокъ нещербъ его, реставрированныхъ братіей, это жалкій остатокъ нѣкогда обширной лавры Св. Евфимія, насчитывавшей около 5 000 иноковъ. Богатая живопись еще въ эпоху Юстиніана покрывала стѣны обширныхъ пещерныхъ храмовъ, погребенныхъ теперь подъ каменнымъ мусоромъ. Многочисленные скиты и отдѣльныя пещеры затворниковъ когда-то заполняли на всемъ протяженіи Газувитское ущелье. Монастыри эти существовали еще въ эпоху нашествія на Палестину крестоносцевъ.

Утромъ осмотрѣли мы пещерный храмъ, уцѣлѣвшій отъ древней обители Св. Евфимія. Подъ сводомъ его сохранились мѣстами богатія фрески, но давно исчезъ мраморъ половъ, и самый куполь храма осѣлъ, провалился отъ времени. Золотистые солнечные лучи, пробиваясь, озаряютъ теперь съ высоты убогое убранство церкви. Алтарь безъ иконостаса, старшій заставъ замѣняетъ царскія двери ²⁾. Новшій строящейся храмъ, заложенный патріархомъ Никодимомъ на неширокой площадкѣ, былъ еще не отдѣланъ и мы не могли его осмотрѣть, какъ не могли осмотрѣть, и многихъ древнихъ пещеръ, не имѣющихъ уже доступа, вслѣдствіе отвалившихся сводовъ. Ведущія къ нимъ лѣсенки, пробитыя въ кручѣ гигантской стѣны ущелья, рестрескались, осыпались, и глазъ съ трудомъ различаетъ слѣды ступеней. На вершинѣ горы сохранилась доныиъ древняя цистерна и отъ нея по желтымъ уступамъ стѣны сбѣгаютъ въ камнѣ высѣченные желоба, нѣкогда питавшіе монастырь постоянной водою. Но эти стоки мѣстами порваны и прослѣдить развѣтленіе удивительнаго акведука уже нѣтъ возможности.

Предъ отъѣздомъ мы зашли осмотрѣть оригинальную усыпальницу иноковъ, довольно обширную пещеру, наполненную костями ³⁾. Четыре-

¹⁾ Ведро устроено такъ, что ходить по туго натянутой толстой проволоцѣ, пропеченной подъ острымъ угломъ на дно ущелья къ потоку, и зачерпнувъ воды, оно втягивается бичевою на высокой балкончикъ.

²⁾ Преданіе свято чтить эту бѣдную церковь. Въ этой пещерѣ спасался, говорятъ, Іоакимъ, отецъ Св. Дѣвы, задолго до рожденія Спасителя, и храмъ византійской эпохи доныиъ посвященъ его памяти.

³⁾ Усыпальница монастыря Георгія Хозевита типичный образчикъ погребальныхъ пещеръ Востока. По принятому обычаю иноки хранятся въ общей могилѣ лишь временно, до разложенія трупа. Процессъ этотъ крайне быстръ въ силу климатическихъ условій. Затѣмъ черепа и кости вынимаются, складываются въ упомянутой пещерѣ, а братская могила служитъ для дальнѣйшихъ погребеній.

угольная комната во всю высоту по стѣнамъ установлена бѣлѣющимися черепами. Арабская вязь и греческое письмо обозначаютъ на пожелтѣлой кости имена почившихъ. На почервѣлой штукатуркѣ мѣстами уцѣлѣла живопись. Невольно радостнѣе вздохнешь, когда выйдешь изъ этой темной могилы-колодца опять на свѣтъ Божій. Мы спустились въ сопровожденіи отца игумена и нѣкоторыхъ изъ братіи по бѣлой осипи карнизовъ скалы, сбѣгающихъ спиральнымъ изломомъ на дно ущелья. Взгляните теперь снизу на этотъ странный пріютъ—обитель... Въ убѣгающей лентѣ колоссальныхъ пластовъ сѣрнаго горнаго края пигмей-человѣкъ пробуравилъ подземные ходы. Онъ сложилъ на выступѣ скалъ массивную стѣну, подкопался въ темную глубину, источилъ плитнякъ и песчанникъ. На неприступной высотѣ затеплилъ онъ лампаду единому вѣчному Богу, смѣло отрѣзавъ себя отъ земли и счастливъ своей замкнутой, сосредоточенной жизнью. Два балкончика, дерзко прилѣпленные надъ головокружительной бездной, выдвинуты среди темнѣющихъ впадинъ крохотныхъ оконъ. Они какъ будто глядятъ на ущелье, ослѣпительно-желтое подъ напоромъ жгучихъ лучей лѣтняго солнца. По тропинкѣ, прыгая съ камня на камень, добираемся мы до бурно бѣгущаго на днѣ потока.

Трудолюбіемъ монаховъ разбитъ здѣсь у самой воды небольшой огородъ, гдѣ къ удивленію моему среди бобовъ и салата культивируется и русская капуста. Не безъ гордости отецъ игуменъ показалъ мнѣ свой нарождающійся садикъ: купцу банановъ, чахлый кустъ гранатника, стоявшій упорныхъ трудовъ и долгаго терпѣнья. Близъ потока устроенъ садокъ—писцина для форелей, но онъ пустуетъ за неимѣніемъ рыбы.

Переждавъ жгучій полдень, мы распростились съ обителью Георгія Хозевита, его симпатичною братіей и снова тронулись въ путь по направленію къ хану милостиваго Самарянина. Къ вечеру караванъ нашъ былъ близъ Виваніи, почти въ виду Іерусалима.

Борисъ Корженевскій.

ЭШАФОТЪ.

(Изъ «Les quatre vents d'esprit» Виктора Гюго).

Переводъ Ивана-да-Марьи.

«Зубъ ай зубъ! Око ваять за око! Честь за честь!
«И жизнь за жизнь! На судъ,—и да свершится мечь!
«На эшафотъ!!»

— Молчи, о голосъ кровожадный!

Не призывай къ рѣзнѣ и мести беспощадной!
Довольно съ насъ убійствъ, и траура, и слезъ,
И призраковъ въ крови среди тревожныхъ грезъ!
И такъ нашъ общій сонъ видѣньями отравленъ,—
Тѣнями тѣхъ, кто былъ повѣшенъ, обезглавленъ.
Довольно жертвъ! ихъ видъ гнететъ собой нашъ духъ
И ихъ предсмертный стонъ преслѣдуетъ нашъ слухъ.
Довольно! Пусть ихъ тѣнь намъ жизнь не омрачаетъ:
Одинъ великій долгъ теперь насъ ожидаетъ,
Одна лишь правда есть — и эта правда въ томъ,
Чтобъ,—какъ парить орель, взмахнувъ своимъ крыломъ,—
Нашъ духъ-бы такъ парилъ въ лазури безконечной,
Которая полна душою жизни вѣчной!..
Богъ камню повелѣлъ краеугольнымъ стать,
А мы его беремъ, чтобъ въ ближняго кидать.
Народъ—вотъ камень нашъ. На немъ воздвигнемъ зданье,
Безъ крови, безъ смертей! Прочь страшное воззванье!
Кто смѣетъ говорить: за зло платите зломъ
И стройте эшафотъ, гдѣ надо строить домъ?
Ты хочешь умерщвлять? А я хочу—чтобъ жили,
Чтобъ окна въ Божій мѣръ широко растворили.
Творецъ не для того въ крови зажегъ любовь,
Чтобъ проливали мы на землю эту кровь.

Для казни-ль жизнь дана? Нѣтъ жизнь дана для жизни.
Ты хочешь мстить? Кому? Когда въ своей отчизнѣ
О казни ты кричишь,—ты лучше бы молчалъ.

* *
*

Нѣтъ честной тайны тамъ, гдѣ пушенъ въ ходъ кивжалъ;
Задачу, гдѣ есть кровь, рѣшить всего труднѣе;
Отъ выстрѣла сквозь дымъ не будетъ цѣль виднѣе,
Убійствомъ не спасешь,—и тотъ, увы, слѣпецъ,
Кто видитъ корню зла за плахою конецъ.
Тамъ, именно за ней, неожиданный, непонятный,
Рождается вопросъ громадный, необъятный,
Вопросъ добра и зла. Но казнь совершенна—
И надъ свершившимъ зло хохочетъ сатана.
Палачъ—кто-бъ ни былъ онъ—не стоитъ снисхожденья;
Топоръ, пресѣкшій жизнь,—орудье преступленья,
Хоть кто-бы тамъ ни палъ на плахѣ роковой.
Когда, окончивъ казнь, палачъ передъ толпой
Проходитъ, весь въ поту, народъ дрожить смущенный:
Онъ чуетъ, что убитъ не только осужденный!..
Едва подъ топоромъ скатится голова,
Надъ нею въ тотъ же мигъ, въ сіяньи божества,
Страдающій принципъ, безвинный, оскорбленный,
Какъ призракъ возстаетъ, весь кровью обгаренный,
И слѣдъ отъ топора на шеѣ у него...

* *
*

Да, человѣкъ жестокъ, не зная для чего.
И какъ онъ могъ забыть, что жизнь всегда загадка?
Что онъ и самъ не чуждъ того, что въ людяхъ гадко?
Что, ближняго убивъ, онъ Авеля убьетъ.
И въ трепетъ небеса убійствомъ приведетъ:
Пусть будетъ то Неронъ,—вампиръ на римскомъ тронѣ,—
Пускай на плаху мы Тиверія взведемъ:
Въ нихъ та-же кровь, что въ насъ, мы все же кровь прольемъ.
Кто-бъ казнь ни совершилъ,—виновны въ ней всѣ вмѣстѣ.
Когда передъ толпой стоитъ на лобномъ мѣстѣ
Несчастный, какъ во снѣ, и тщетно молить всѣхъ
О жизни, смерть его есть общій тяжкій грѣхъ.
Обрывкомъ общей намъ идеи безсердечной,
Клочкомъ души всѣхъ тѣхъ, кто съ совѣстью безпечной
Все терпитъ на землѣ, ничѣмъ не дорожа,—

Палачъ стираетъ кровь съ преступнаго ножа.
 Забывчивъ человекъ. Тяжелой жизни бремя
 Вдругъ стало пугаюмъ для многихъ въ наше время.
 Забвенье, какъ туманъ, собой заволкло
 И то, что впереди, и то, что ужъ прошло.
 Блескъ празднествъ и ракетъ, и камней драгоценныхъ
 Затмидь собою тѣнь пророковъ вдохновенныхъ...
 На берегу прудовъ съ прозрачною водою,
 Въ аллеяхъ Тюльери рѣзвится шумный рой
 Разряженныхъ дѣтей, щебечущихъ, какъ птицы.
 Какое дѣло имъ, что рядомъ, какъ гробницы,
 Тамъ статуи стоять, храня свой грозный видъ?
 Героевъ въ нихъ не чтутъ: ихъ лавръ увяль, забыты
 Ихъ лики.—какъ дѣла,—торжественны и строги;
 А нынѣ всюду пиръ: освѣщены чертоги;
 Лъстець топить стыдъ въ винѣ; вальсъ опьяняетъ дѣвъ;
 Всѣ жевщавы слѣшать себя полураздѣвъ,
 На балъ, гдѣ наготу ихъ пожирають взоромъ,
 Гдѣ расфранченный грѣхъ мавитъ своимъ задоромъ...
 И пусть гремитъ всю ночь веселый карнавалъ,
 Пусть тысячью огней сіяетъ балъный залъ,—
 Все-жь эта ночь страшна,—гдѣ-бъ ни было веселье.
 Она страшна за всѣхъ коль скоро въ подземелье
 Ведетъ духовника тюремщикъ и ключи
 За поясомъ его гремятъ, и палачи
 Готовятъ топоры; а жертва ихъ, о Боже,
 Промучившись всю ночь безъ сна на жесткомъ ложѣ
 И наковецъ уснувъ должна вставать средь тьмы,
 Чтѣ съ ними перейти на плаху изъ тюрьмы.
 А тамъ, передъ тюрьмой сову во тьмѣ пугая,
 Стучать ужъ молотки. доску съ доской сбивая,
 И свѣтитъ имъ фонарь ужасный палача.

* *
*

Ночь—страшныя ножны для страшнаго меча.
 То правосудья мечъ! Разъ вынуть, онъ не можетъ
 Спасти кого-нибудь; онъ только уничтожитъ:
 Чтѣбъ онъ ни защищаль—права иль правоту,—
 Онъ только вноситъ страхъ, печаль и пустоту.

* *
*

Вашъ спрєведливый судъ... Но что вы имъ зовете?
 Когда другъ къ другу вы, какъ братья, подойдете,
 Чтобы одѣть нагихъ, голодныхъ накормить,
 Изъ плѣна, отъ цѣпей рабовъ освободить,—
 То будетъ правый судъ. Но до вѣсовъ Ѳемиды
 Не прикасайтесь здѣсь! Тамъ, тамъ, гдѣ нѣтъ обиды,
 Внѣ времени,—внѣ лѣтъ, часовъ, минутъ и дней,
 Внѣ видимыхъ во тьмѣ блуждающихъ огней.
 Внѣ умозрѣній тѣхъ, въ которыхъ невозможно
 Порою отличить, что истинно, что ложно,—
 Тамъ правосудья свѣтъ незыблемъ какъ звѣзда!
 А правда на землѣ, какъ жребій нашъ, всегда
 Есть только проба силъ, стремленье и исканье...
 И кто-жъ непогрѣшимъ? Я-ль? Ты-ли? Отвѣчай.
 Но мы, мы судимъ такъ: «Кто взялъ тотъ отдавай!..»
 Мы слишкомъ много лѣтъ измучены борьбою,
 Мы слишкомъ на землѣ придавлены судьбою,
 Великій, малый, злой и добрый—всѣ равно
 Страдаемъ подъ ярмомъ мы черезчуръ давно,
 И слишкомъ сильны мы невѣжествомъ духовнымъ,
 Чтобъ хоть кого-нибудь намъ не признать виновнымъ!
 Но пусть же, если такъ, нашъ судъ не будетъ скоръ,
 И пусть не тяготитъ насъ смертный приговоръ:
 Его не можетъ быть. Во мракѣ жизни сами
 Мы ошущью бредемъ; судьба играетъ съ нами.
 Такъ для чего-же намъ несчастье ускорять,
 Дни траура и слезъ насильно приближать,
 И тратить на позоръ себѣ свою же силу,
 Чтобъ вырыть поскорѣй намъ лишнюю могилу?
 Какой ужасный шагъ на жизненномъ пути
 Мы вздумали свершить, чтобъ къ безднѣ подойти,
 Придавъ къ слѣпой судьбѣ и судъ нашъ ослѣпленный?
 Чтобы благословить прогрессъ новорожденный,
 Ужели эшафотъ послужить алтаремъ?
 О, люди, гдѣ вашъ умъ? Въ безуміи своемъ
 Вы за прогрессъ принявъ свою же торопливость,
 Хотите уложить хромую справедливость
 И фанатизмъ слѣпой на брачную постель!

Мечъ, цѣля прямо въ грудь, не попадаетъ въ цѣль.
 А пальмовая вѣтвь,—залогъ спасенья правыхъ,
 Лазурный даръ небесъ,—при видѣ рукъ кровавыхъ
 Тренещеть и летитъ обратно въ небеса!

У гнѣва на челъ—заботы полоса.

А я—ты знаешь, ночь, желаю ли я худа:
 Будь у меня въ рукахъ самъ Каинъ или Іуда,
 Иль самый лютей врагъ изъ васъ, мои враги,—
 Я самъ раскрылъ бы дверь, сказавъ ему: бѣги

* * *

Нѣтъ! расширять предѣлы кладбища рокового
 Не можетъ цѣлью быть. Ты бытія земного
 Границы намъ раздвинь. Впередъ мой вѣкъ, впередъ!
 Все выше! Будь великъ!

Не приучай народъ

На пролитую кровь смотрѣть спокойнымъ окомъ,
 Не приучай толпу въ безстрастїи жестокомъ
 На площади глазѣть, какъ мрачный эшафотъ
 Рветъ нагло жизни нить; какъ черный рабъ, илоть,—
 Насиліемъ грозя, онъ держитъ на готовѣ
 Надъ всѣми страшный мечъ, весь пурпурный отъ крови,
 Зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ изъ темныхъ нѣдръ могилъ
 Онъ тайну смерти намъ такъ дерзко обнажилъ?
 Въ толпѣ, средь бѣла дня, исполнена цинизма,
 Насильственная смерть—эмблема атеизма!

* * *

Нѣтъ зрѣлищъ на землѣ ужаснѣе для глазъ,
 Чѣмъ смерть, когда она, толкаясь среди насъ,
 Идетъ, куда ведутъ,—покорна произволу;
 Когда, сказавъ: «смотри!» она подниметъ полу
 Надъ входомъ въ вѣчный мракъ завѣсы роковой,
 И, волоча въ грязя свой саванъ гробовой,
 Взойдетъ на эшафотъ, стояцій къ намъ такъ близко,
 И взглянетъ въ очи намъ глазами васписка!
 Въ томъ взглядѣ ужасъ есть, но нѣту въ немъ стыда.
 Подобно тѣмъ, въ комъ стыдъ исчезнулъ безъ слѣда,
 Кто торговать собой привыкъ на перекресткахъ,
 Безстыдна эта смерть на роковыхъ подмосткахъ!!

* * *

О, безконечный Богъ! Источникъ жизни всей
Загробной и земной! О свѣтлый Лучъ лучей!
Ты—свѣтъ, а человѣкъ Тебя-же призываетъ,
Когда на смерть и мракъ онъ ближнихъ осуждаетъ.
И у него тогда, при словѣ «эшафотъ»,
Холодный на челѣ не проступаетъ потъ,
И ужасъ не разитъ его своимъ волненьемъ,
Когда за то, что самъ онъ назвалъ преступленьемъ,
И именемъ того, въ чемъ видитъ онъ законъ,
На жизнь своей рукой низводитъ вѣчность онъ!

НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХІІІ.

Днемъ Настасья Михайловна раза два навѣдывалась къ ней, но та спала. Проснулась она уже въ часъ пополудни съ сильною головою болью.

— Ну что, кутили вчера?—улыбалась Сывороткина.

— Нѣтъ, такъ... Устала! Слишкомъ много было для одного вечера. Я не привыкла...

— Еще-жъ бы!.. Воображаю, какъ весело. Молода была, и меня возилъ мужъ цыганъ слушать... Послѣ свадьбы особенно... Теперь что. Теперь цыгане не такіе. Прежде Гаврикъ былъ, такъ того на бѣлыхъ лошадяхъ къ персидскому шаху посылали.

— Ну, проснулась? Вошла Настасья Михайловна, вся яркая и свѣжая.—Должно быть, и Иванъ Николаевичъ усталъ сегодня, глазъ не кажетъ. Или за работой сидитъ. На него, вѣдь, какъ найдеть.

Калерія сама не знала почему покраснѣла.

— А я уже ва ренетиціи была... Каталась... Голова, вѣрно, болить? Къ шампанскому не привыкла?

— Нѣтъ, у меня случаются мигрени...

— Приходите обѣдать ко мнѣ!

— Я лучше въ постели полежу... Мнѣ полезиѣ будетъ... Можетъ быть, пройдетъ.

— А вечеромъ хотите въ театръ ко мнѣ? Я сегодня пою. Вотъ и м-ше Сывороткина съ вами.

— Куда мнѣ! Я къ роднымъ на Таганку должна ѣхать.

— Такъ съ Иваномъ Николаевичемъ въ ложѣ. Все-таки вы не одни будете.

Дѣвушка согласилась, и сердце у нея заняло жутко-жутко.

Теперь ей уже самой хотѣлось остаться одной.

Ей надо было разобраться со всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ ея душѣ. Наивная, какъ и всѣ ея подруги институтки, она до сихъ поръ не понимала, что съ нею дѣлается. Любовь она знаетъ по двумъ-тремъ романамъ, украдкою прочитаннымъ на ночь въ дортуйрѣ. Чего не договаривали книги—дополняло ея воображеніе. Въ этомъ невидимомъ мірѣ чувства и страсти все являлось ей въ какихъ-то туманныхъ силуэтахъ, во мглѣ проступали заманчивые призраки и пропадали раньше, чѣмъ она могла въ нихъ всмотрѣться.

Она вспоминала, что вчера онъ обѣщаль писать ей... Потому какой-то чудной музыкой въ ея ухахъ раздались его стихи... Они были плохи, но наивной институткѣ нравились. Они читались ей, ей одной. и она чувствовала, что каждое слово ихъ жгло ее,—эта музыка одуряла совсѣмъ и разшккала руки, которыя могли бы еще протянуться впередъ для самозащиты. Иванъ Николаевичъ являлся ей на этотъ разъ даже въ ореолѣ поэта... Онъ не былъ тѣмъ, что „всѣ“. Онъ—исключительная натура, избранная душа...

И вдругъ Калерію точно обожгло воспоминаніе!.. Какъ онъ тогда цѣловалъ Настасью Михайловну. Она вѣдь слышала все... Можно ли ему послѣ этого вѣрить? И что такое она—Калерія, полуробеночъ, рядомъ съ тою, съ красавицей? Какъ ласково онъ говорилъ ей... Если бы она, Калерія, услышала отъ него тоже самое—она-бы взяла каждое слово его и расцѣловала отдѣльно. А ревнивая тоска все больше и больше охватывала ее. Она вдругъ опустилась на коверъ передъ зеркаломъ, охватила ноги свои тоненькими ручками и разрыдалась.

Она потомъ не могла дать себѣ отчета, сколько времени она оставалась такъ. Очнулась она, когда въ окнѣ сѣрый зимній день смѣнился тяжкими и скучными сумерками беззвѣздной, сырой и холодной ночи... Вечеръ былъ мглистъ и мраченъ. Зажигали фонари, и отсвѣтъ одного изъ нихъ скучною и тусклою полосой замерещился на потолокъ ея комнаты. Сывороткиной не было сегодня. Она пропала опять у своихъ. Молчаніе, окружавшее дѣвушку, было ей по душѣ въ эти долгіе часы... Такъ что, когда къ ней въ дверь постучали, дѣвушка вздрогнула, схватилась съ ковра и нервно, точно виноватая и испуганная въ одно и тоже время, спросила: Кто тамъ? Стукъ повторился. Калерія ужъ оправилась, подошла ближе.

— Груша, вы?

— Нѣтъ...

Услыхавъ этотъ голосъ, она вся замерла. Сердце ея заколотилось опять. Всю ее обдало пламенемъ.

— Иванъ Николаевичъ?

— Да. Меня Настасья Михайловна командировала... Я долженъ васъ привезти въ театръ.

— Командировала!.. Долженъ!..

— Неудобно разговаривать черезъ двери... Ототпритесь

Она растерянно стояла посреди комнаты, точно жертва, обреченная чему-то не то страшному, не то таинственному. сознающая полную невозможность сопротивленія и безконечное любопытство въ одно и то же время. Иванъ Николаевичъ вошелъ, приостановился въ дверяхъ и, не обращая вниманія на безпорядокъ кругомъ, крѣпко притворилъ ихъ за собою.

— Калерія Александровна, голубушка!..

Она молчала... Точно что-то приковало ея ноги къ ковру. Сама она не могла бы сдвинуться съ него въ эту минуту.

— Дуся, моя радость!..

Онъ заглянулъ въ ея глаза и разомъ понялъ, что дѣлается съ дѣвухой. Ея руки уперлись ему въ грудь, но тотчасъ-же ослабѣли сами, и она спрятала на его груди свою шляющую головку.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. ради Бога... Не цѣлуйте меня!..

Она отшатнулась, ладонью оттолкнула его жадныя губы, быстро прошла къ окну, налила воды и быстро выпила ее. Холодная влага освежила и отрезвила ее. Съ инстинктомъ женщины—она, точно улитка въ раковину, спряталась, и когда повернула свое лицо къ Ивану Николаевичу, оно было уже холодно и спокойно.

— Не надо больше этого, не надо!.. Вспомните, что вы на-дняхъ говорили Настасья Михайловнѣ!

— Почему вы это знаете? растерялся онъ.

— Я слышала сама.

— Гдѣ?

— Здѣсь, черезъ эти двери! Какъ у васъ это легко!.. Какъ у ястреба...

— Нѣтъ, вы сами не понимаете, что я къ вамъ чувствую...

Она не обращала вниманія на его слова, стала прислушиваться къ его голосу. Онъ вздрагивалъ, казалось, шелъ прямо изъ сердца и къ ней стучался въ сердце.

— Точно и въ самомъ дѣлѣ любить! — постаралась насмѣшливо сказать она, но это ей не удалось, и вдругъ, сама не зная, отчего, она всхлинула, было, но живо совладала съ собой и пошла къ дверямъ...

— Теперь пора, ѣдемъ! А то ничего не застанемъ.

Она быстро вышла.

Холодный воздухъ вечера нѣсколько освѣжилъ ее... Она подставляла его бодрящей ласкѣ свое разгорѣвшееся лицо.

Ее точно уносило что-то, она плыла въ какомъ-то чудномъ просторѣ, теряя сознаніе всего окружающаго, когда лошади Ивана Николаевича мчали сани съ ними къ театру. Она очнулась, только войдя въ ложу, полуослѣпленная электрическимъ свѣтомъ и невольно сконфуженная нѣсколькими направленными на нее биноклями. Она даже подалась назадъ и невольно наткнулась на подхитившаго къ барьеру Приглядова. Онъ улыбулся ей: „какая вы еще юная“. Вся красная она усѣлась въ кресло и полужаснонила свое смущенное личико отъ этой чуждой ей и казавшейся такою назойливою залы. Ложи были полны. Праздничная публика наполняла ихъ съ верхомъ. Купецкія дамы набились такъ, что еще и занавѣса не подвѣли и плѣшивый капельмейстеръ не погрозилъ еще палочкою музыкантамъ, а изъ тѣхъ ложъ уже паръ валхлъ въ партеръ... Дѣвушка даже не почувствовала, когда ей опущенная съ кресла рука незамѣтно очутилась у Ивана Николаевича. Тотъ ей нѣжно и тихо пожалъ тонкіе пальчики...

И сладко, и жутко ей. Она старается не смотрѣть на него. Взглядъ ея уходитъ на какую-то гадкую толстую бабищу, плавающую въ бѣлесоватомъ киселѣ на занавѣсѣ, но между этою бабищей и ея глазами—нѣтъ-нѣтъ да и обрисуется профиль Ивана Николаевича съ его нѣсколько нахмуренными бровями и красивой бородой.

— А, въ самомъ дѣлѣ, ему идетъ эта просѣдь!.. думаетъ она.— Его даже не портятъ эти морщины около глазъ. Нѣтъ ничего хуже этихъ выхолощенныхъ изящныхъ лицъ. Точно у молочныхъ поросятъ. Противно даже... А тутъ каждая складка особенное выраженіе прѣдаетъ ему, этому лицу... И эта черточка поперекъ бровей. Она вдругъ разъединяется, когда онъ чѣмъ-то недоволенъ. Такъ-бы и поцѣловала ее... Какими духами онъ опрыскиваетъ бороду?.. Что-то раздражающее въ нихъ... На нервы дѣйствуетъ... Быть его женой... Показываться съ нимъ подъ-руку... съ такимъ извѣстнымъ... чтобы всѣ знали, что онъ мой, мой... Какое это счастье!.. Я не стою этого!..

Капельмейстеръ сѣлъ въ кресло. Оркестръ что-то заигралъ, но она его не слышала. Безразлично какъ-то она смотрѣла въ партеръ, и отъ прежняго смущенія не оставалось ничего. Она не видѣла теиерь нахально вившихся въ нее биноклей, не замѣчала этихъ людей, наклонившихся одинъ къ другому и спрашивавшихъ: „вы не знаете, кто это съ большими голубыми глазами?“ Она даже пропустила, когда толстая бабища въ киселѣ вдругъ вздрогнула, сморщилась, сложилась какъ-то и поднялась вверхъ, а на сценѣ оказался какой-то глушій хоръ и завывль что-то совсѣмъ неподходящее... Вышелъ теноръ — „публичная

мужчина“, съ подчеркнутыми атурами, игравшій глазами на купеческія ложи и выдвигавшій старательно свои икры съ видимою заботливостью, чтобы онѣ были замѣчены и оцѣнены публикой. Маленькая крыса, въ розовомъ платицѣ, выскочила изъ-за кулисъ, поиграла насурмленными бровями, показала какое-то четвертое измѣреніе въ сверхъ-естественномъ разрѣзѣ юбки... Калерія замѣтила, что у купеческихъ саврасовъ, рядомъ, даже глаза налились кровью, а лица стали такими, что никогда еще до сихъ поръ достойные молодые люди не были такъ близки къ безвременной кончинѣ! Кажется, попадись имъ она—живо-бы разорвали, какъ бульдоги кошку.

— Ахъ вы, Сашки, канашки мои! взвизгнулъ одинъ изъ нихъ.— Размѣняйте бумажки мои!

— Тихе! зашикала на него публика, но онъ, видимо ничего не понимая, обвелъ ее ополоумѣвшими глазами и опять взвизгнулъ и заоралъ:

— Полискую! Полинскую!

— Чего ты?—остановилъ его товарищъ.— Вѣдь, занавѣсъ еще не опущенъ.

— Фора... бисъ... брава!.. Валий на всю радужную!.. Плачѣ!..

— Опомнись, чортова перечница!

— Полинская, спа-си-бо!..

— Съ тобой, дьяволомъ, выведутъ еще!

И, дѣйствительно, изъ перваго ряда частный приставъ не безъ аппетита уже прицѣливался въ него и, откинувшись назадъ, шепталъ что-то участковому. Но въ это мгновеніе весь театръ разразился новыми сумасшедшими аплодисментами. Калерія взглянула на сцену и тотчасъ-же съ острымъ любопытствомъ перевела свой взглядъ на Ивана Николаевича: изъ-за кулисъ показалась Настасья Михайловна! Она вся горѣла и лучилась брилліантами, дождемъ осыпавшими ее, зеленый, шитый серебромъ плюшъ ревниво охватывалъ ее стройную фигуру и внизу, изъ-подъ него, бѣлыми воланами падалъ и струился на землю бѣлый полкъ юбки и трена. Чудная шея на мраморныхъ плечахъ, перехваченная тысячнымъ колье, заставила забиться завистливо и тоскливо сердце дѣвушки.

— Нѣтъ, разумеется, вы ее должны любить!..—прошептала она и вдругъ съ восторгомъ замѣтила, что онъ смотритъ не на ту, сіяющую цѣлыми созвѣздіями брилліантовъ красавицу, а именно на нее, на Калерію. Она благодарно улынулась ему.

— А знаете?.. и вдругъ голосъ его прозвучалъ чрезвычайно искренно:—Мнѣ кажется, что до васъ я не зналъ настоящей любви!.. Развѣ это,—кивнулъ онъ на сцену,—было любовью?.. Такъ, угаръ ка-

кой-то... Самообманъ... Дожить до моихъ лѣтъ и полюбить въ первый разъ... Какая иронія!

— Какъ вы... И она запнулась.—Я, право, не думала. Вчера вы были такой веселый...

— А сегодня—у меня явилось сомнѣнiе... Мнѣ кажется почти невозможнымъ, чтобы такая молодая, такая дѣточка, какъ вы, могла полюбить такого старика.

— Старика! съ такимъ негодованiемъ проговорила она, что онъ улыбнулся.

— Разумѣется, старика! Вѣдь, мнѣ уже сорокъ... Страшно подумать, что между нами болѣе двадцати лѣтъ разницы. Болѣе двадцати?.. Поймите—вѣдь, я успѣлъ въ это время цѣлую жизнь прожить... Разувѣриться во многомъ, что очаровываетъ васъ, и что даетъ вамъ такъ много счастья... Я не скажу... Я повѣрилъ бы въ этотъ призракъ— онъ бы сталъ, пожалуй, для меня дѣйствительностью, еслибы...

— Если бы что?

— Нѣтъ, лучше ужъ молчать!..

— Зачѣмъ же... Или вы боитесь такой „дѣвочки“, какъ я?

— Да, боюсь! . Еслибы именно такая, какъ вы, полюбили такого, какъ я.

— Я не знаю... Калерiя вспыхнула, отвела свои смущенные глаза отъ его жадныхъ глазъ.

— Чего вы не знаете?

— Если бы я относилась къ вамъ, какъ къ... ну, къ чужому, что-ли... Развѣ я позволяла бы вамъ все, что было между нами вчера и сегодня?..

Она въ первый разъ сказала ему это—и по лицу его точно пробѣжало полмя. Онъ мягко улыбнулся ей.

— Если это такъ... то... Не знаю, буду ли я счастливъ... Я не привыкъ къ счастью, вы ужъ слышали отъ меня это, но что я стараюсь, чтобы вы были счастливы... Въ этомъ вамъ порукою моя честь!.. Вѣдь, это на всю жизнь!..

Вся остальная часть этого вечера какимъ-то волшебнымъ сномъ прошла для дѣвушки. Она не различала даже дыривыхъ кулисъ, изображавшихъ какiя-то невозможные пейзажи, дыривыхъ хористовъ, пыжившихся изо всѣхъ силъ, чтобы походить на благородныхъ лордовъ, звѣрообразныхъ басовъ, медеянскихъ баритоновъ, страшно морщившихъ наклеенныя брови.

Въ антрактѣ онъ повелъ ее въ уборную къ артисткѣ. Балки вверху, скверныя полотнища старыхъ кулисъ, веревки какiя-то, пыль, стоявшая въ воздухѣ, ругань режиссера въ сторонѣ, запахъ потнаго тѣла повсюду, подсоски съ моноблями и подсоски безъ нихъ, выжи-

давше въ собачьихъ позахъ выхода актрисъ изъ уборныхъ, старикашка съ отвисившейся губой и другой совѣтъ безъ губъ, но зато со звѣздой въ петличкѣ сюртука, взъерошенный театральнй парикмахеръ, грязный, какъ кочегаръ угольнаго парохода... Она смотрѣла на все кругомъ и ничего не понимала... Иванъ Николаевичъ поступался въ двери къ Настасѣ Николаевнѣ.

— Можно?

— Нѣтъ, нельзя. Я переодѣваюсь.

— А Калерія Алексѣевнѣ?

— Дусѣ?... Ее рада видѣть!

Двери пріотворились—не настолько, впрочемъ, скромно, чтобы въ нихъ нельзя было различить бѣлую, какъ молочная пѣнка, спину артистки...

— Дяля, дуся! Я васъ такъ рада видѣть. Садитесь... Что вы на меня такъ тарашитесь?

Калерія Алексѣевна не могла придти въ себя отъ изумления. Передъ ней было совѣтъ не то лицо, которое она привыкла видѣть... Какія-то красныя пятна лежали подъ глазами, самые глаза были обведены черными кругами, надъ верхней губой бѣлѣла краска, въ ушахъ лежало что-то розовое, на подбородкѣ тоже...

— Что съ вами, отчего вы не узнаете меня!..

— Нѣтъ... право...

— Не узнаете?

— Какая вы!.. Страшная!

Та расхохоталась и начала ей объяснять что-то про гриммъ, чего дѣвушка не поняла прежде всего потому, что сама про себя думала, какъ эти мужчины могутъ любить такихъ... крашенныхъ! Ей, рѣдко употреблявшей даже пудру. Настасья Михайловна почему-то показалась точно опозоренной на вѣкъ.. Калерія оглядывалась, чтобы отвести взглядъ отъ артистки, но и кругомъ все было ей такъ чуждо... На полу валялись на-скоро сброшенные юбки, одинъ черный съ желтыми продольными полосами чулокъ лежалъ на нихъ, другой перекинулся и повисъ съ ручки кресла. На столѣ у зеркала стоялъ ящикъ съ жирными красками, и она съ отвращеніемъ замѣтила, какъ Настасья Михайловна взяла оттуда кончикомъ пальца какую-то мазь, и давай покрывать ею лобъ и щеки... Онѣ заблестѣли неестественно жирно... Пудра разсыпалась; при малѣйшемъ движеніи она подымалась вверхъ... Пахнетъ какими-то слишкомъ сильными духами. Газъ шипитъ въ рожкахъ. Жарко, душно, дышать нечѣмъ... Настасья Михайловна начала покрывать себѣ бѣлилами тѣло.

— Зачѣмъ вы это?

Дѣвушкѣ было ужасно совѣстно за нее.

— Къ чему вы?.. Вѣдь, у васъ и безъ того кожа бѣлая!

— Ахъ, дуся, какая вы еще... глупенькая!..

Настасья Михайловна накинула на себя пеньюаръ—и дверь ея уборной открылась... Прежде всего явился старикъ съ отвалившейся губой, ткнулъ зубами въ руку Настасьи Михайловны и оставилъ на ней влажный слѣдъ. Изъ всего, что ветхій грѣшникъ болталъ—Калерія только и различала слова: божественная, несравненная! Потому набѣжалъ юноша на тоненькихъ, подламывавшихся ногахъ, съ поросычимъ голоскомъ и руками, заложеными въ карманы жилета... Коротенькій смокингъ сидѣлъ на немъ какою-то наколкой: вотъ-вотъ улетитъ... Э тотъ развалился на стулѣ и сталъ хлопать глазами.

— Ну? встрѣтила его Настасья Михайловна.

Онъ радостно взвизгнувъ и сообщилъ, что подастъ ей въ слѣдующемъ актѣ букетъ.

Явилось двое гимназистовъ и предъявили ей свои ладони.

— Такъ хлопали, подушки совсѣмъ!

Дѣйствительно, ладони оказались подушками... Одинъ изъ нихъ, замѣтя конфеты на столикѣ, сцарапалъ конфетку и спокойно принялся жевать...

Калерія была ужасно рада, когда Иванъ Николаевичъ явился за нею, наконецъ. Она ушла въ ложу и все думала, зачѣмъ это Настасья Михайловна дѣлаетъ себя такую страшною!..

Въ слѣдующемъ антрактѣ, хотя Настасья Михайловна уже звала ее къ себѣ, она не пошла въ уборную и они направились въ фойе. Калерія взяла его подъ руку. Она, сама не отдавая себѣ отчета, прижалась къ нему и шла такъ подъ пристальными, провожавшими ее зорами, не замѣчая, какъ и вчера, полная сознаниемъ чего-то совершившагося въ ней и безповоротно счастливаго. „Вотъ прелесть!“ вскрикнувъ кто-то вслѣдъ ей.

— Посмотрите, даже женщины, глядя на васъ, улыбаются!

— А знаете что?

— Ну?

— Я не хочу больше оставаться здѣсь.

— Что такъ вдругъ?

— Да ужъ очень противна мнѣ ваша Настасья Михайловна. Она добрая... Только зачѣмъ такъ мазаться, притворяться.

— Дѣло совсѣмъ не въ этомъ! засмѣялся онъ.

— А въ чемъ-же? Разумѣется, она не въ-самомъ-дѣлишная... Она ничего вправду не дѣлаетъ...

— Въ томъ, что вы еще къ ней ревнуете.

— Еще-бы! Я не забыла, какъ вы тогда за дверями... Ес цѣ-

ловали... Она еще вамъ: „такъ нельзя, задохнешься... Душу выпить хочешь“...

— А вы все вспомнили?

— Я и не забывала. Мнѣ досадно только было, потому что накануне у нея какой-то Александръ Ивановичъ ладони ей цѣловаль!..

— Александръ Ивановичъ—это теноръ...

— Фу, гадость! И губы у него крашенные, и лицо тоже!.. Нѣтъ, доведите домой меня.

Всю дорогу, закрывъ глаза, она лежала у него въ рукахъ, прилонившись головой къ его высокой и сильной груди. Ей снова стало легко и хорошо. Хотѣлось заснуть и не просыпаться вовсе...

XIV.

Калерія тихо вернулась, съ головой закуталась въ одѣяло. Скоро ее точно закружило... Какъ будто Приглядовъ подошелъ къ ней и сталъ цѣловать ея горячія тянущіяся къ нему губы, лобъ, щеки, она слабо отбивалась и спрашивала его, зачѣмъ онъ это надѣлъ на голову себѣ золотую корону?... Онъ, въ свою очередь, удивился: „Какъ же мнѣ не носить короны, когда я твой царь... Вѣдь, развѣ ты не моя...“ И дѣвушка удивляется глупости своего вопроса.. Потомъ вдругъ Ивановъ Николаевичей оказывается двое, трое, нѣсколько. Они отовсюду смотрятъ на нее, говорятъ съ ней... Ласкають ее... Едва она успѣваетъ отвѣчать имъ, и это вовсе ужъ не кажется ей страннымъ. Иначе, вѣдь, и быть не можетъ. Потомъ... Она чувствуетъ, что что-то жметъ ей грудь, давить до боли. Чье-то дыханіе обдало ее такимъ полымемъ, чьи-то глаза такъ ярко сверкають, точно они хотятъ ее насквозь провизать своимъ взглядомъ... „Ты, вѣдь, вовсе не Дуся...“ говоритъ онъ ей и смѣется. „Ты моя вещь, моя рабыня, моя собака! Ты все сдѣлаешь, что я прикажу тебѣ... Хочешь,—полетимъ въ бездну надъ нами?“ И глядя вверхъ она видитъ, что надъ ней уже не потолокъ ея меблированныхъ комнатъ, а темная синева ночнаго неба, полная звѣздъ, туманныхъ миражей отъ едва-проступающихъ свѣтилъ... Луны нѣтъ... Прохладно... „Какъ же мы полетимъ туда?“—думаетъ она, но Иванъ Николаевичъ угадываетъ даже ея мысли и смѣется: „а вотъ какъ!“ И вдругъ надъ нимъ развертываются громадные-громадные черныя крылья... Теперь она уже чувствуетъ только и угадываетъ надъ собой бездну неба... Она его не видитъ за крыльями... Медленно машутъ эти крылья и съ каждымъ ихъ движеніемъ ее поднимають все выше и выше... Она задыхается, потому что, летя съ нею въ недосягаемую снѣдь—Иванъ Николаевичъ не отрывается отъ ея устъ своими... Она не можетъ шевельнуться... Ей и сладко, и страшно, и больно... И

она этого, этой муки не отдала бы за всё сокровища земли, теперь далеко-далеко пропадающей внизу... Такъ далеко, что она уже не видитъ ничего, кромѣ Настасьи Михайловны, которая, распустивъ свои чудные бѣлокурые волосы, летитъ за ними. И глаза у той злобно блестятъ, и вся она окутана огненнымъ облакомъ... „Хочешь я тебя сейчасъ сброшу?—предлагаетъ Иванъ Николаевичъ... „Сейчасъ!.. Стоить мнѣ только раскрыть свои руки, и ты исчезнешь въ пропасти, даже не долетѣвъ до земли!“—И онъ діавольски смѣется надъ нею,—вдругъ она съ ужасомъ замѣчаетъ, что это вовсе не Иванъ Николаевичъ, а кто-то другой... Она силится вскрикнуть—и не можетъ. Крикъ умеръ въ ея груди раньше, чѣмъ родился. Она хочетъ схватиться за этого другого руками, но онъ отталкиваетъ ее, и она летитъ, кружась, какъ пылинка, въ какую-то черную темень внизу... Летитъ-летитъ... Настасья Михайловна уже настигаетъ ее въ своемъ огненномъ облакѣ... Калерія собираетъ послѣднія усилія—протягиваетъ руки, ей наконецъ удается крикнуть—и вдругъ, открывая глаза, она видитъ, что въ окнѣ день.

Тишина кругомъ. Она зажмурилась, но солнце въ окно свѣтитъ слишкомъ ярко. Дѣвушка повернулась къ стѣнѣ, а лучъ, какъ разъ въ это время, ударилъ въ нее и заигралъ на бѣлыхъ обояхъ. Калерія опять открыла глаза и встала. Надѣвъ туфли, она подошла къ рукомойнику. Холодная вода освѣжила ее, и отъ сна уже не осталось даже впечатлѣннй. Точно, чтобы окончательно разогнать его—въ двери къ ней постучалась Груша.

— Барышня, вамъ цвѣты.

— Что?

— Цвѣты вамъ!

— Какіе цвѣты?

Она набросила пеньюаръ, закрутила волосы на затылокъ и отворила двери.

Въ темномъ корридорѣ стоялъ паренъ изъ цвѣточного магазина—съ коробкою въ рукѣ.

— Отъ Фомина—изъ садоводства.

— Какого Фомина?

— Магазины нашъ.

— Ничего не понимаю...

— При письмѣ-съ.

Калерія взяла конвертъ, вынула письмо и вспхнула.

— Ахъ, знаю... Это отъ подруги... Отъ Леонтьевой.

Институтъ и замкнутая жизнь научили ее скрытности и находчивости. Хотя Грушу она не обманула. „Чего ты?“ спросила ее Калерія... „Такъ... Отъ подруги, которая усы носитъ!“ фыркнула та.

— Дайте цвѣты!..

Она отдала парню какую-то мелочь и ужасно рада была, когда парень ушелъ. Опустела лицо во влажный аромать розъ и долго дышала ими...

— А письмо? Въ самомъ дѣлѣ — какъ я не прочла его!.. Да еще стихи — вотъ прелесть-то.

День начинался для нея счастливо.

Сѣла къ окну — и прочла. Музыка этихъ строкъ кружила ей голову...

Сестра цвѣтовъ! Порывъ свой страстный
Я передалъ имъ, весь въ огнѣ,
Чтобы они у ногъ прекрасной
Напоминали обо мнѣ..

окончила она и даже глаза закрыла.

— Какъ хорошо!..

Она опять спрятала свое горѣвшее лицо во влажныхъ и благоуханныхъ розахъ его букета. Она цѣловала ихъ лепестки, и ей казалось, что ея губы касаются губъ Ивана Николаевича, она отдѣляла одну розу отъ другой, чайныя отъ алыхъ, и соединяла ихъ опять, думая, что онѣ, представляють поэтическую эмблему ихъ любви, ихъ союза... Она прижимала ихъ лепестки къ лепесткамъ и вспоминала, какъ вчера никла къ его щекѣ своей. „Неужели розы не чувствуютъ?“ думала она. Но цвѣты въ эти минуты исходили такимъ ароматомъ. точно и они были счастливы, и они любили, и были любимы! Холодные капли воды, которой они были опрысканы — падали ей на шею, скатывались на грудь... Она гладила листья трепетавшею отъ нѣги рукой и повторяла: „милый, милый, какъ я люблю, люблю, люблю тебя...“ Она откладывала букетъ въ сторону, чтобы опять читать стихи почти наизусть ихъ выучила, а ей все трудно было оторваться... И отъ цвѣтовъ и отъ этихъ строкъ одинаково вѣяло на нее какимъ-то чуднымъ весеннимъ вѣтеркомъ, развѣживающимъ, умиляющимъ, пробуждающимъ въ душѣ безконечную жажду счастья... Случайно она перевернула страницу — и ахнула. Какъ она раньше не замѣтила этого! Тамъ были написаны еще какія-то строки.

„Простите мнѣ ради этихъ розъ — дурныя стихи! Увы! Какъ они блѣдны, они не могутъ передать вамъ и части того, что я чувствую въ эти минуты. Я весь, весь полонъ вами! Можетъ быть, я обезумѣлъ, потому что забылъ и разницу нашихъ лѣтъ и тяжелыя условія, въ которыхъ я нахожусь, и которыя вамъ, разумѣется, извѣстны. Но мнѣ такъ хочется, такъ надо васъ видѣть... Гдѣ — мы рѣшимъ вмѣстѣ, а пока я васъ умоляю подарить нѣсколько минутъ мнѣ, только нѣсколько минутъ..“

Приходите вечеромъ—на Кузнецкѣй, въ пассажъ Попова—я буду тамъ въ семь часовъ.

— Приду, милый, приду, родной!—отвѣтила она ему въ пространство, нисколько не сомнѣваясь, что онъ душою услышитъ ее въ это мгновеніе...

„Неужели все это было такъ!“ пронеслось въ головѣ Калеріи Алексѣвны. „Какъ лѣта страшно измѣняютъ людей! Иванъ Николаевичъ—что съ нимъ сдѣлалось? Вѣдь, онъ на человѣка не похожъ теперь. Неужели и я буду такою?“.. А воспоминанія шли одно за другимъ, точно давно лежавшіе въ своихъ могилахъ мертвецы—проходили они передъ нею. Вечеръ того далекаго отъ нея теперь дня—былъ ясенъ и чистъ... На блѣдномъ безоблачномъ небѣ давно умерли послѣдніе отблески солнца, и только на западѣ еще темнѣлось желтоватое сіяніе, на которомъ рѣзко и чисто вырѣзывались колокольни и башни. Нѣсколько звѣздочекъ уже проступило робко и неуверенно... Гулко и торжественно надъ притихнувшимъ городомъ плыли медленныя волны колокольнаго звона... Улицы пустѣли, и Калерія, вышедшая раньше (ей такъ хотѣлось одуматься, счестся съ собою, разобраться во всемъ, что ее спутало за послѣднее время)—не встрѣчала почти никого.

Передъ нею была красивая башня Страстного монастыря. Налѣво обезлиствѣвшія деревья Тверского бульвара, точно скелеты, простирали въ холодный воздухъ ночи свои голыя вѣтви.. Она взглянула на колокольные часы. Было уже безъ десяти семь. Она позвала извозчика, сѣла и попросила ѣхать какъ можно скорѣе. Лошадь попалась скверная. Она смѣшно подпрыгивала и подирывивая мотала своею лохматой головой, слабыя ноги ея распозлались по обледѣнѣлой мостовой... „Пожалуйста, поторопись!“—умоляла Калерія, но широкая спина изнуринагося Ваньки ничего не слышала. Онъ мѣрно отхлестывалъ тощіе, костлявыя бока коня въ ссадинахъ, дергалъ возжами и, весь уйдя въ свою включенную бороду, не думалъ болѣе ни о чемъ. Когда она подѣхала—у входа въ Пассажъ она различила сильную фигуру Приглядова.

— Вы меня станете бранить, я, кажется, очень опоздала?..

Онъ ласково улыбнулся, пожимая ея маленькую ручку.

— Нѣтъ... Двѣ минуты восьмого только.

— А я думала, что ѣду цѣлую вѣчность.

— Неужели вы такъ торопились? И онъ заискрившимися глазами заглянулъ ей въ лицо.

— Нѣтъ! Я люблю быть точной... Я и въ институтѣ всегда первую приходила...

— Я все равно готовъ былъ бы ждать васъ до самой ночи...

Онъ подозвалъ своего кучера... Сегодня лошади были запряжены

въ карету. Съвъ въ нее, Калерія почувствовала, что онъ губами ищетъ въ ея перчаткѣ разрѣза около пуговицъ—и цѣлуетъ такъ ея ладонь. Она порывисто сорвала перчатку и отдала ему свою руку.

— Какъ я вамъ благодарна и за стихи, и за цвѣты.

— Во всякомъ случаѣ, цвѣты лучше.

— Неправда!. Я наизусть помню... Они прямо въ сердце просятся.

На улицахъ было темно.. Онъ взялъ ея личико, повернулъ къ себѣ—дождался, когда карета ѣхала мимо фонаря. Ея щеки казались въ этомъ освѣщеніи такими блѣдными, а глаза такими яркими!..

— Любишь!

— Да!—едва могла прошептать она.

— Моя?—тихо спросилъ онъ.

— Да... Куда мы?

— Послушай... Ъхать съ тобой въ кабаки, какъ тогда съ Настасей Михайловной—мнѣ противно. Ты такъ чиста!.. Они тебя-бы загрязнили. Къ тебѣ нельзя?

— Нѣтъ, нѣтъ... Сегодня всѣ дома.

— Значить, остается одно—ко мнѣ. Вѣдь, если ты моя и я твой, такъ и мой уголь тоже принадлежитъ тебѣ. Ты на все мое должна смотрѣть, какъ на свое..

Онъ оправдывался очень безпорядочно и тревожно, но совершенно напрасно. Его предложеніе не встрѣтило у нея никакихъ опасеній или колебаній. Ей казалось такъ естественно попасть къ нему теперь.

Карета повернула на Малую Никитскую..

Замѣтивъ вдали башню Страстного монастыря и вспомнивъ, какъ она испугалась полчаса назадъ опоздать, она засмѣялась.

— Чему ты?

Она ему рассказала.

— Дитя!.. Если-бы ты и не пришла совсѣмъ — я-бы не винилъ тебя.

— Но, вѣдь, ты-бы мучился, да?

— Разумѣется.

— Такъ какъ-же я могла-бы причинить тебѣ боль..

Онъ вдругъ уронилъ голову на ея колѣни и сталъ цѣловать ея пальто. Калерія провела рукой по его головѣ и едва сдержала слезы... Ей хотѣлось заплакать, но заплакать отъ полноты счастья.

— Опустите вуаль. Мы пріѣхали. Не надо, чтобы васъ замѣтилъ швейцарь.

Она исполнила это. Карета остановилась передъ подъѣздомъ на улицу. Точно въ туманѣ припоминала потомъ Калерія большія сѣни со старикомъ швейцаромъ, не обратившимъ на нее никакого вниманія, лѣст-

лицу вверхъ, устланную толстымъ ковромъ съ цвѣтами на площадкахъ и большимъ зеркаломъ, въ которое она совѣтъ не узнала себя. Изъ подъ чернаго кружева глаза ея казались огромными и томными, уставшими. Иванъ Николаевичъ позвонилъ у себя вверху и вошелъ первымъ.

— Можете идти! Я самъ все сдѣлаю, привазаль онъ лакею и только тогда впустилъ дѣвушеу.

— Тебя у меня никто не увидить! улыбнулся онъ ей.

Ее поразило, что съ нимъ случилась какая-то перемѣна. Голосъ его звучалъ хрипло, онъ точно отводилъ глаза въ сторону, чтобы не видѣть ея взгляда, и самый смѣхъ его казался какимъ-то страннымъ, виноватымъ, неестественнымъ.

— Ты не боленъ?—заботливо спросила она.

— Да, боленъ.

— Чѣмъ это?

— Тобою!

И не давъ ей опомниться, онъ наклонился, обвилъ ея ноги своими сильными руками, поднялъ ее на воздухъ, такъ что она должна была поневолѣ обнять его шею, и внесъ ее такимъ образомъ, сначала въ большую темную комнату, гдѣ только свѣтъ отъ фонаря съ улицы видѣлялъ изъ мрака темное плато рояля, тусклую поверхность большого зеркала, какіе-то призраки у стѣнъ вмѣсто мебели, золоченныя рамы удившихъ отъ глазъ картинъ и большую люстру; хрустали ея зазвенѣли и закачались, ударяя другъ друга, когда Калерія все у него на рукахъ коснулась ихъ головой. Въ другой комнатѣ она еще слышала ихъ музыкальный звонъ. Тутъ Приглядовъ опустилъ ее въ большое кресло, у ярко горѣвшаго камня.

— Грѣйся! У тебя ручки холодныя, точно льдинки.

Ее обхватило жаромъ, она свернулась въ уголокъ кресла, будто давая мѣсто ему, но онъ опустился передъ нею на колѣна и съ такимъ блаженнымъ самозабвеніемъ сталъ смотрѣть ей въ глаза, что она сама нагнулась и поцѣловала его.

— Послушай, очнулся онъ. — Скажи мнѣ одно слово... И я уйду... Еще нѣсколько минутъ — и будетъ поздно.

Но она такихъ словъ не находила. Когда, наконецъ, совладѣвъ съ собою, онъ собралъ все силы и оторвался отъ нея — это были уже ея руки, безсознательно удержавшія его и прижавшія къ себѣ!

— Моя, да?..

...Бѣлый день за гардинами разбудилъ ее. Она привстала, оглянулась — и спяще упала въ подушки вся въ ужасѣ и холодѣ... Что случилось? Ей сначала перехватило дыханіе, потомъ весь міръ точно разомъ померкъ въ ея глазахъ, что-то подступило къ горлу и сжало его, въ головѣ ни одной

мысли. а сердце будто въ холодной, беспощадной рукѣ. Неопредѣленное предчувствіе какого-то несчастья, ужаса, неожиданности. Она уже не могла удержатъ подступившій къ ней истерическій припадокъ. Она опрокинулась лицомъ въ подушки и зарыдала тихо и неслышно, мучительно, истерично вздрагивая. Вдругъ вся вчерашняя ночь явилась передъ нею такой мрачной, такой безразвѣтной!.. Даже его любовь не могла бросить въ эту тьму ни одного радостнаго луча... Что-то случилось безповоротное, безнадежное! Что даже онъ, — любимый ею человекъ, подумаетъ о дѣвчонкѣ, отдавшей ему такъ безразвѣтно, безоглядно — въ какую-нибудь недѣлю ихъ знакомства. Разумѣется, онъ потерялъ къ ней всякое уваженіе... Онъ будетъ отъ сихъ поръ смотрѣть на нее, какъ на игрушку, недорого ему доставшуюся, которую можно безъ всякихъ колебаній и сожалѣній сломать и бросить. Какъ она сама могла забыть свою гордость, забыть чистоту, все, все чему она училась, во что вѣрила, что считала своимъ достоинствомъ... Неужели это она все бросила подъ ноги этому человеку!.. Страсть ушла, осталось только болѣзненное ощущеніе какого-то угара. Сегодня она уйдетъ со стыдомъ въ груди, вѣчнымъ стыдомъ, а онъ—онъ только улыбнется, вспоминая ея глупую довѣрчивость! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, теперь на всемъ свѣтѣ—только онъ одинъ у нея. И вдругъ онъ ее разлюбитъ! И вдругъ она покажется ему скучна и не интересна. О, зачѣмъ она согласилась на это свиданіе... И точно какая-то острая и длинная игла пронизала ея мозгъ. Какъ она не думала объ этомъ ранѣе, какъ ей не пришло это въ голову вчера вечеромъ. Вѣдь, онъ до сихъ поръ не обмолвился ни единымъ словомъ о томъ, что намѣренъ на ней жениться. Правда, онъ говорилъ о ихъ будущемъ, строилъ планы одинъ ярче другаго, толковалъ, какъ они поѣдутъ за границу вдвоемъ, гдѣ устроятся, но ни слова или звука: гдѣ вѣнчаться, когда вѣнчаться. Отчего этотъ пробѣлъ не кидался ей въ голову вчера. Неужели она была такъ одурманена, такъ сбита съ толку? Ей стало такъ страшно, такъ страшно, и она совѣмъ по-дѣтски замолилась: Боже мой, Боже мой—убей меня сейчасъ, сію минуту—убей меня... Ей такъ захотѣлось смерти, что еслибы люди стали умирать по желанію, она, вѣрно, не пережила-бы этого утра!

Сильно запахло духами. „Lilas de France“ — сама про себя безсознательно соображаетъ она... Они ей нравились еще вчера, его духи!.. Теперь—ей тошно отъ нихъ, какъ и отъ него... „Ненавижу, ненавижу!“ — шопотомъ твердитъ она. — „О, какъ я тебя ненавижу, ради Бога только не поднимай портьеры, не показывайся мнѣ теперь. Я отвернусь отъ тебя... Ненавижу, ненавижу... И, главное, за что, за что я пропала?“..

И вдругъ ей стало такъ жалко себя, что она по-дѣтски раслакалась, всхлипывая, и уже не удерживаясь.

Иванъ Николаевичъ разслышалъ это и кинулся къ ней.

— Голубушка моя, Ляля, дѣтка, радость моя, что съ тобою? Такимъ молодцомъ была и вдругъ... Ты, кажется, плачешь?

Это „кажется“ рѣзнуло ее по сердцу... Кажется! Ему кажется!

И она еще сильнѣе разрыдалась.

Истерика разыгралась во всю. Онъ, было, потерялся, но, точно вспоминая что-то, съ силою схватилъ ее за руки и сильно сжалъ ихъ у самой кисти. Точно почувствовавъ, что она опять въ его власти, Калерія попробовала, было, освободиться, но это ей не удалось...

— Уйди, уйди... шептала она, —уйди... Я ненавижу, ненавижу тебя теперь.

— Неправда!

Неужели это столько власти и суровости въ его голосѣ?

— Неправда! Успокойся. Ты не дитя теперь, ты женщина. Помни это. Передъ нами вся жизнь, которую намъ надо пройти вмѣстѣ и не портить ея другъ другу. Раскаяніе—поздно. Теперь ужъ нельзя вернуть ничего, надо, значитъ, взять отъ жизни все, что она можетъ дать, быть счастливыми. Развѣ случилось-бы то, что могло, если-бы мы не любили другъ друга? А разъ мы любимъ—значитъ, и вѣримъ, понимаешь. А если мы вѣримъ, то мы свою судьбу устроимъ, какъ намъ будетъ лучше.

То ли, что онъ держалъ ее за руки, или тонъ голоса, —но она мало понимая даже смыслъ его словъ, стала понемногу успокаиваться. Судорожные порывы полудѣтскаго горя унимались, она все тише и тише всхлипывала и вдругъ обвила его шею и положила свою бѣдную головку ему на грудь. Ивану Николаевичу было очень неудобно стоять такъ—полунаклонившись, но онъ терпѣлъ, зная, что иначе она не успокоится.

— Такъ это все правда? —подняла она на него свои заплаканные глаза

— Что правда?

— Что ты меня любишь?

— И хотѣлось спросить: когда же наша свадьба, но почему-то она опять удержалась и только минуту спустя сообразила: пускай онъ самъ свачала заговоритъ объ этомъ.

— Мнѣ пора одѣваться, идти!..

— А чай, поди. .

— Какой чай теперь.. Домой и лягу спать! Еще и дома лгать придется.. Господи—я, вѣдь, еще и лгать-то не умѣю... Скажу—у подружки была, а вдругъ не повѣрять тамъ?..

Онъ засмѣялся.

— Какая ты вся наивная, изящная, милая!

— Брось .. Бросьте, оставьте, я опять стану плакать.

И точно послѣдній порывъ вѣтра противъ бури—нѣсколько слезинокъ упало ему на лицо.

— Нѣтъ, я никогда бы не простилъ себѣ—если бы ты изъ за меня хоть минуту почувствовала себя несчастной. .

— Уйди! Уйди же, я приду...

Онъ вышелъ въ другую комнату, его шаги тонули въ мягкомъ коврѣ... Галерія встала, но запаталась и подумала, какъ бы не упасть. Съ усиленіемъ она подошла къ зеркалу—и не узнала себя. Щеки ея ввалились, въ глазахъ былъ лихорадочный огонь, плечи вздрагивали, грудь дышала порывисто и неровно, на всемъ лицѣ лежало выраженіе только что пережитыхъ страданій. Холодная вода немного освѣжила ее. Она держала долго голову подъ сильною струей, не боясь смочить волосы... Ее непріятно поразили видъ туалетнаго стола Ивана Николаевича. Разматривая флаконы съ духами, пудреницы, маску щеточекъ, гребенокъ, щипчиковъ для завивки волосъ, совершенно ненужнаго хлама для мужчины, она невольно думала—сколько здѣсь бывало женщинъ до нея! И какія? Можетъ быть оказывались и такія дуры, какъ она—отдававшіяся ему въ чашии счастья... Калерія пошла, было, къ дверямъ, но ноги еще ея не слушались и она присѣла къ большому письменному столу, бывшему у Ивана Николаевича здѣсь же въ спальній. Машинально подняла она свои глаза—и точно что-то обожгло ее... Изъ большой матовой рамы на нее смотрѣло красивое лицо женщины съ смѣлымъ, нѣсколько вздернутымъ носомъ и счастливыми полуоткрытыми губами... Въ нихъ, въ этихъ губахъ лежало что-то отгалькивающее. Если не наглость, то слишкомъ дерзкая увѣренность въ себя. Лобъ былъ низокъ, глаза смотрѣли спокойно... Она замѣтила, что они какъ-то далеко отстоятъ одинъ отъ другого. Темныя рѣзко очерченныя брови обнаруживали большую силу воли и темперамента, а въ обрѣзѣ скулъ и подборотка сказывалась не совѣмъ обыденная рѣшительность... Калерію точно что-то приковывало къ этому портрету. Она отводила отъ него свой взглядъ, но глаза ея опять невольно оборачивались къ нему же. И чѣмъ она больше на него смотрѣла—тѣмъ сильнѣе и сильнѣе въ ней росло чувство близкой, страшно близкой опасности... Она принудила себя наконецъ встать и пошла къ дверямъ. Въ нихъ показался Иванъ Николаевичъ.

— Уже готова!.. Радость моя, милая!

— Да... она слабо улыбнулась...—Мнѣ только все такъ нехорошо, я слягу вѣрно. Я никогда не болѣла, а теперь кажется ..

— Ничего... Все пройдетъ. Ты просто взволновалась вся.

— Чему ты смѣешься?

— Такъ ничему...

Онъ стоялъ въ дверяхъ и точно ждалъ чего-то. Надо было заговорить и машинально Калерія спросила его:

— Чей это у тебя портретъ.

— Гдѣ, который, здѣсь ихъ много?

— Я говорю про тотъ, который въ голубомъ плюшѣ... Эта противная блондинка..

— Развѣ ты не знаешь!—И выраженіе искренняго удивленія показалось на его лицѣ.

— Нѣтъ.

— Развѣ ты у Настасьи Михайловны не видѣла ея карточку?.. Она тебѣ не говорила? Вѣдь третьяго дня—при тебѣ же, кажется...

— Да нѣтъ же... Не знаю.

— Это она... та, знаешь, женщина...

— Какая!.. Я ничего не понимаю.

— Ну, изъ за которой вся жизнь моя... Это моя жена...

Калерію шатнуло, но она оправилась.

— Давно ли ты овдовѣлъ.

— Да я не вдовѣлъ. Она жива... Она, знаешь, живетъ постоянно за границей. Мы съ ней совсѣмъ, совсѣмъ разстались и навсегда-навсегда... Она столько сдѣлала мнѣ зла... Настасья Михайловна ее хорошо знаетъ... Онѣ—пріятельницы.

Калерія смотрѣла на него все больше и больше расширившимися глазами, блѣдная, какъ смерть... Потомъ протянула руку, точно желая оттолкнуть какой-то страшный призракъ...

— Жена... Женать... Ты женать... Ты... ты...

Иванъ Николаевичъ кинулся къ ней, но было уже поздно... По ея лицу пробѣжало что-то больное, больное, жалкое. Она зашаталась и, когда онъ готовъ былъ протянуть руки, Калерія Алексѣевна безъ крика рухнула внизъ, ударившись вискомъ объ уголь стола и оставила на немъ слѣды своей крови.

ХУ.

Она не помнила впоследствии, какъ она вернулась домой.

Отъ всего этого ужаснаго дня только и осталось одно впечатлѣніе... Солнце, людная улица... Многіе оборачиваются и смотрятъ ей влѣдъ, Должно быть она казалась имъ ненормальной... Потомъ туманъ какой-то—точно ее обволокло какими-то густыми сумерками, въ которыхъ и разобратъся нельзя... Разсѣялись они—стало кругомъ свѣтлѣе, и она, широко раскрывъ глаза увидѣла передъ собой противныя съ аляповатою позавотою обои своей комнаты, глупыя олеографіи, висѣвшія на стѣнахъ, и зеркало, отражавшее теперь ея блѣдное-блѣдное, измученное лицо...

Иванъ Николаевичъ! теперь она вспомнила все, все... Ни тумана, ни бреда съ странными грезами, ничего, ничего! Иванъ Николаевичъ... Именно! Съ звуками этого имени вся вчерашняя ночь встала въ ея па-

мяти, съ этого вечера, умирившаго въ красномъ полымѣ заката, до утра, тускло и скучно рождавшагося за завішанными окнами его спальни. Все, все... Она почувствовала холодъ въ ногахъ... Дрожь проняла ее всю, ознобомъ охватила грудь... И вдругъ опять ее всю залило жаромъ, и она заметалась, сбрасывая съ себя тяжелое одѣяло... Да... Теперь ей ясно, что случилось такое... Онъ привезъ ее къ себѣ, онъ обманулъ ее... То-есть не обманулъ. Нѣтъ. Она и теперь не хотѣла выявить любимаго человѣка. Онъ только не сказалъ ей, думая, что она знаетъ, а почему она должна была знать объ этомъ?.. И это противное самодовольное лицо, глядѣвшее такъ насмѣшливо на нее—изъ голубой плюшевой рамы... Жена, да, именно жена... отнявшая у нея, у Калеріи, то, что ей принадлежитъ по праву... Хотя бы по праву любви! Противное, противное лицо, и глаза какіе наглые... Какъ онъ,—онъ такой требовательный, изящный, „идеальный“, могъ полюбить ее?.. Жену... А всетаки она жена, имѣетъ на него права, и Калерія, бѣдная маленькая Калерія (такъ, вѣдь онъ называлъ ее!), погибла, погибла навсегда...

Опять ощущеніе острой боли въ груди, точно ножъ ей всадили и поворачиваютъ тамъ. Она заметалась, хотѣла забыть, забыть все, что случилось. Она уѣдетъ скоро въ Ниццу... Уѣдетъ—и ничего не останется отъ всѣхъ этихъ роковыхъ нѣсколькихъ дней. Только бы забыть. Тамъ новые люди, новая обстановка — и никакихъ воспоминаній! Точно это все было сномъ—день насталъ, и сонъ ушелъ, и никакихъ слѣдовъ отъ него на отяжелѣвшихъ вѣкахъ... Легко сказать—„забыть“, когда и теперь, на зло ея отчаянію — одно уже воспоминаніе обдаетъ ее какакой-то странной ей самой, незнакомою нѣгой. Забыть!.. Развѣ можно вычеркнуть изъ жизни такую страничку? Она постоянно сама о себѣ напоминаетъ... Да и онъ не оставитъ ее такъ. Кто ему помѣшаетъ поѣхать за нею туда, въ Ниццу—и постоянно встрѣчаться на ея дорогѣ. Не даромъ же онъ говорилъ ей, что любить ее больше жизни. И, вѣрно, любить. А какъ? Она, глупенькая овечка, не могла себѣ и представить, какъ могло случиться все то, что было вчера съ нею. Онъ воздѣ ее отщепетъ и заставитъ служить себѣ. Возьметъ, ее какъ рабу, какъ любовницу. А тамъ, пожалуй, еще пріѣдетъ та, та, смотрѣвшая на нее такъ насмѣшливо изъ голубого плюша, и займетъ около Ивана Николаевича мѣсто, которое только ей, ей одной принадлежитъ по праву!..

Разумѣется, онъ не лгалъ, говоря, что ненавидитъ ту...

Ненавидитъ!.. Да ей-то, Калеріи, легче отъ этого?..

И потомъ, если онъ ее ненавидитъ, зачѣмъ-же...

И Калерія разомъ отъ этой мысли приподнялась на постели и уже злыми глазами взглянула въ какую-то разомъ ей открывшуюся темную даль.

Ей страшно стало.

Она, неопытная овца, сразу чисто женскимъ чутьемъ поняла всю нелѣпность держать передъ собою портретъ нелюбимаго, даже ненавистнаго человѣка, не снять его въ ту минуту, когда за порогъ переступила дѣвушка, до такой степени, если ему вѣрить, овладѣвшая всеми его чувствами, сердцемъ, умомъ... Какъ онъ могъ это сдѣлать, и какъ она не сказала ему ничего тогда-же, сейчасъ на мѣстѣ!

Неужели это она, которую до сихъ поръ все такъ любили и въ институтѣ—мама, подруги. И что-же—не прошло двухъ недѣль, какъ она оставила институтъ, и уже.. Что-же случилось такое, въ самомъ дѣлѣ? Она такъ радовалась, что ею можетъ гордиться институтъ... Хороша гордость его будетъ теперь! Если они узнаютъ? Нѣтъ, лучше ужъ ей затеряться гдѣ-нибудь, чтобы о ней забыли все, все, все—кому еще недавно она была дорога, кого она любила всею своимъ маленькимъ бѣднымъ, теперь всею израненнымъ сердцемъ.

Умереть-бы... Какъ хорошо умереть. Въ самомъ дѣлѣ, вытянуться, такъ вотъ сложить руки на груди. Образокъ въ нихъ положить. Богородицу, непременно Богородицу—самый простенькій... Саваномъ покроютъ... Скажутъ: какая молодая, красивая! Она, вѣдь, красивая! И какъ къ ея лицу пойдутъ цвѣты... Настасья Михайловна гирлянду купитъ. Онъ тоже всю ее засыплетъ цвѣтами. Всю, всю... Кругомъ большія восковыя свѣчи, и на каждой черныя креповый бантъ. Такъ торжественно будутъ пѣть пѣвчіе... Такъ тихо подымутъ ее и понесутъ... И въ землѣ—тихо будетъ, спокойно... А Богъ? Его одного страшно, но Онъ, вѣдь, добрый... Онъ все прощаетъ такимъ, какъ она...

И опять рыданія захватили ее всю, и отдаваясь имъ, она корчилась и билась на своей постели, уже не думая о томъ, что ее могутъ услышать рядомъ, что эта расторопная Сывороткина набѣжитъ на нее съ своими навойливыми вопросами...

Калерія Алексѣевна теперь улыбалась, вспоминая это далекое, далекое прошлое! Въ самомъ дѣлѣ, какъ она была даже смѣшна своею наивностью!.. Она улыбалась, хотя сердце ея щемило. Разумѣется, все, что съ нею случилось, давнымъ давно прошло. И, вѣдь, пожалуй, даже къ лучшему! Развѣ она передъ кѣмъ-нибудь опускала свои глаза? Развѣ кто-нибудь осмѣлится ей сказать что-нибудь? Она сама выбираетъ себѣ общество—и въ ея кружкѣ она не знаетъ надъ собою ни чьей воли. Она богата, красива... Да, на зло годамъ красива. Пожалуй, Приглядовъ уже и не такъ виноватъ передъ нею...

Зато какъ онъ измѣнился...

Потный, толстый, лысый, со щелками вмѣсто глазъ, въ морщинахъ! Неужели она цѣловала это лицо?.. Даже страшно. И сколько цинизма, пошлости! Какъ старость измѣняетъ людей. Гдѣ его прежняя гордость,

независимость? Теперь онъ, какъ свѣча, горитъ передъ Самсоновымъ и въ тоже время ненавидитъ его, шпіонитъ за нимъ! Фу, и это ея *le premier!*. Она, вздрогнувъ, сжала плечи, точно этотъ холодъ отвращенія пробѣжалъ по ея спинѣ. Какъ долго продолжались ихъ отношенія? Онъ тогда поѣхалъ въ Ниццу... Разумѣется, отъ всей этой горячки раскаянія еще въ Москвѣ не осталось ничего. Первый разъ, когда они остались вдвоемъ, все было и прощено, и забыто. Онъ самъ такъ казался измученнымъ, такъ каляся, такъ цѣловалъ ея руки, что она опять забыла все на свѣтѣ Сывороткинѣ родные удержали еще недѣли на двѣ, и въ послѣднюю девять дней Калерія Алексѣевна каждый день ѣздила къ Ивану Николаевичу. Любилъ-ли онъ ее?.. Потомъ въ Ниццѣ онъ ее ревновалъ даже, и какъ! Связь ихъ замѣтила тетка. Странно, она даже обрадовалась ей. Увидѣвъ Калерію, на первыхъ порахъ она испугалась за своего мужа. Вся эта *une rage d'amour* съ Приглядовымъ ту успокоила. Можетъ быть, она не догадывалась, до какой степени дошло это? Почему знать?

Да, онъ, Приглядовъ, теперь долженъ стелужить ей!.. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати она будетъ поступаться своимъ. Самсоновъ—ея вещь. Она его приобрѣла не разомъ. Онъ ей стоилъ слишкомъ дорого. Пускай они попробуютъ наложить на него руки,—она, Калерія Алексѣевна, покажетъ имъ, какъ съ ней бороться! Она пуститъ въ ходъ все и кончить тѣмъ, что если Левъ Самойловичъ женится, то не на той холодной куклѣ, а именно на ней. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, ей не устроится окончательно!

И голова ея до боли заработала надъ новыми, возникавшими въ ней планами...

XVI.

Наталья Григорьевна давно проснулась, но ей не хотѣлось подыматься съ постели. Она раздвинула занавѣски алькова, и все кругомъ въ этой маленькой комнаткѣ точно засмѣялось ей навстрѣчу. Солнце уже заливало ее своимъ радостнымъ свѣтомъ, яркими пятнами ложилось на бѣлыя стѣны, на простенькую мебель, на некрашенный полъ. Ковра не было, вмѣсто него сѣжали въ другія комнаты узенькія пеньковыя дорожки. На подоконникахъ герань и фукціи. Канарейка давно уже возилась и пѣла въ клѣткѣ, надсаживаясь будто для того, чтобы разбудить Свѣтлинъ-Донецкую. Какъ все это было непохоже на холодную роскошь ея петербургской спальни—и какъ Наталья Григорьевна хорошо себя чувствовала здѣсь, какъ крѣпко ей спалось, какою лѣнью ее охватывало всю, именно по утрамъ; точно что-то удерживало ея голову на мягкихъ подушкахъ... „Успѣю еще—все равно дѣлать нечего!“ успокаивала она самое-себя. Съ тѣхъ поръ, какъ по совѣту Маргариты Францовны она пріѣхала въ этотъ маленькій городъ, его тишина и спокойствіе ублажали Наталью Григорьевну. Ни-

куда не тянуло, ничего не хотѣлось. Старуха тетка давно и не разъ звала ее сюда погостить. Свѣтлинъ-Донецкая смутно ее помнила. Въ холодныя сумерки ея далекаго дѣтства—эта родственница какъ-то ворвалась-было теплымъ лучемъ. Она пріѣзжала къ своей сестрѣ—Наташиной матери, но, къ сожалѣнію, очень ненадолго. Иначе можетъ быть она-бы и отогрѣла застуженную дѣвочку. Въ ея семью она внесла громкій смѣхъ, откровенный и горячій поцѣлуй. Она играла съ дичившимся этого ребенкомъ, рассказывала ей наивныя сказки, шумѣла и за себя, и за нее съ утра и до вечера, такъ что мать Наташи уже начинала жаловаться на мигрень и очень обрадовалась, когда ее сестру больной отецъ опять вызвалъ къ себѣ въ деревню... Холодныя сумерки вновь окутали все кругомъ—и даже странно было: неужели еще на-дняхъ въ этихъ большихъ и безпріютныхъ комнатахъ кто-нибудь такъ искренно и радостно смѣялся, подхватывалъ Наташу на руки и кружился съ нею по скользкому зеркальному паркету, цѣловалъ ее, цѣлѣ ей что-то и по вечерамъ у ея кровати передавалъ ей всевозможныя были и небылицы, пока она не смыкала утомленныхъ глазокъ. Въ памяти у Натальи Григорьевны даже не осталось и лица ея тетки. Она видѣла ея портретъ потомъ, но тамъ эта веселая женщина была слишкомъ строга и безжизненна. Скоро и звуки ея смѣха изгладились изъ воспоминаній дѣвочки. Рабочаго, схватившаго потомъ ее на руки въ Парижѣ и поцѣловавшаго ее, ребенокъ помнилъ гораздо лучше. Когда ея дѣдушка умеръ—она знала, что ея тетку звали въ Петербургъ къ роднымъ, но та отказалась: „я замерзну у васъ, писала она, вы всѣ тамъ не настоящіе, Богъ съ вами...“ О ней, впрочемъ, не жалѣли. Ея веселость показалась грубой, ласки въ мірѣ казеннаго приличія были диссонансомъ не только страннымъ, но и смѣшнымъ, а откровенность уже совсѣмъ не подходила къ лицемѣрію и показу всего, что ее здѣсь окружало. Даже больше: когда она прислала отвѣтъ, что не пріѣдетъ, мать Наташи обрадовалась и стала вдвое любезнѣе съ сестрою въ письмахъ. Та еще, пожалуй, скомпрометировала-бы ее своею неумѣстною искренностью и провинціальною сердечностью. По рассказамъ матери потомъ Наташа представляла ее себѣ смѣшною и даже глупою старушкой, пожалуй доброю, но слишкомъ назойливой съ своими непрошенными услугами. Свѣтлинъ-Донецкой даже страннымъ показалось черезчуръ родственное письмо тетки въ отвѣтъ на ея предложеніе пріѣхать наконецъ погостить къ ней. Слишкомъ ласковое и нѣжное, оно вызвало въ ней чувство какой-то застѣнчивости и неловкости. „Какъ я встрѣчусь съ ней, о чемъ стану говорить?“ думала она, выѣзжая изъ Петербурга. Но первая встрѣча съ теткой разомъ ее успокоила. Надежда Сергѣевна Таранецкая была еще выше и сильнѣе Свѣтлинъ-Донецкой. Она встрѣтила племянницу на станціи, и, когда

обняла Наташу, той показалось, что она утонула совсѣмъ въ этихъ крѣпкихъ и теплыхъ рукахъ. Тетка вся такъ и сіяла. Лучились ея глаза, смѣялись морщинки у глазъ, радостно улыбался добрый круглый ротъ. „Ну, утѣшила... Спасибо-спасибо. Я ужъ думала умру—тебя не увижу. Мы, вѣдь, теперь въ цѣломъ мірѣ вдвоемъ остались. Вся родня вымерла. Только смотри, коли тебѣ у меня скучно покажется, скажи прямо. Не люблю быть никому въ тягость“. Таранецкая была небогата. Она всю свою жизнь прежде посвятила старику отцу. Въ молодости случались у нея и женихи, и влюблялась она („дурила“, какъ разсказывала потомъ Наташѣ), но во время соображала, что старику тяжело будетъ остаться одному, а съ ея мужемъ ему труднѣе еще придется, потому что у дѣдушки былъ упрямый и невыносимый характеръ. Такъ она и осталась „старою дѣвой“. Отецъ ея, умирая, каялся: „заблъ я твою жизнь, Надя. Одна ты теперь останешься. Похоронишь меня—выходи замужъ!..“ Она плакала, не отвѣчая ничего. Вѣдь, только старику отцу она казалась молодою, только онъ по старой памяти не замѣчалъ ея сѣдыхъ волосъ и морщинъ. „Такъ выйдешь? добивался онъ.—Мнѣ легче въ могилѣ будетъ!..“ — „Выйду-выйду!..“ утѣшала она его. И отецъ силился улыбнуться: „не все-же для нея еще потеряно, и не такъ я уже виновенъ передъ нею... Вся жизнь впереди у нея!“ Когда отецъ умеръ, она попробовала-было остаться въ деревнѣ, но большой и непріютный домъ теперь казался ей холодною могилой. Его не наполняли кашель старика, его недовольное ворчанье... Не стало заботъ о немъ, требовавшихъ всего ея времени. Черезъ годъ она переѣхала въ маленькій городокъ, котораго даже и желѣзная дорога не разбудила! Тутъ у нея былъ небольшой домикъ съ садомъ. Она только выбѣлила стѣны, да перевезла сюда кое-что изъ деревни. Точно оправдывая на первыхъ порахъ желанья ея отца, къ Надеждѣ Сергѣевнѣ навертывались и женихи, но она только смѣялась имъ въ лицо. „Куда мнѣ старой, теперь я Божья невіста! Вотъ пообѣдать не хотите-ли у меня—это я могу!“ Такъ она и оставалась одна одинешенька. И не скучала! Ея жизнь была все-таки полна. Она не засушила сердца, не ушла въ сплетни и ханжество, не поддавалась скукѣ. Напротивъ, послѣ смерти ея отца, у нея въ душѣ открылись такіе живые родники любви, что у нея скоро вовсе не стало досуга. Надежда Сергѣевна сдѣлалась въ этомъ маленькомъ городкѣ истинною „мірскою печальницею“. Всегда бодрая, веселая, улыбающаяся, она шла навстрѣчу всякому горю, не соображая, ничтожное оно или крупное. „Кричитъ человѣкъ, значитъ ему больно —и помоги скорѣе!.. Чужая печаль всегда малой кажется“, думала она про себя и часто являлась непрошеною, но всегда во-время. Она страстно любила дѣтей, и иногда весь ея домъ наполнялся ихъ смѣхомъ и криками. Когда въ знакомой или незнакомой

семь случался дифтеритъ, скарлатина или другая заразительная болѣзнь, родители, даже не спрашивая у Надежды Сергѣевны, пріятно ли ей это будетъ или нѣтъ, собирали ребятшекъ и отправляли ихъ къ Таранецкой. Она всегда была имъ рада. Чистила ихъ и мыла, обшивала, откармливала, баловала во всю, объявляя, что „строжить дѣтей грѣхъ, всего-то, вѣдь, и есть въ жизни счастья лишь въ эту пору“, а когда ихъ у нея брали, наконецъ,—она была крайне недовольна и даже плакала. Въ прошлую войну ея домъ обратился въ постоянный лазаретъ. Лѣтомъ въ ея саду были разбиты палатки надъ койками раненныхъ; всѣ ея комнаты—заняты ими-же. Себѣ она оставила горенку наверху. Оправлялись они у нея быстро. Она вся уходила въ вѣчную, безотходную заботу о нихъ. Когда она отдыхала или спала? — трудно было понять. Благодарные солдаты до сихъ поръ писали къ ней, навѣдывались къ „барынь-милостивой“, посылали ей деревенскіе гостинцы. Она не надѣвала краснаго креста. „Я сама по себѣ“, говорила она. Ей было не по душѣ мундирное, офиціальное милосердіе. Не то, чтобы она осуждала его, нѣтъ. Среди „сестеръ“ встрѣчалась масса самоотверженныхъ героинь, но она была слишкомъ проста, чтобы отличатся чѣмъ нибудь отъ своихъ старыхъ горничныхъ, которыя такъ же какъ и она ходили за ранеными. Зато большаго начальства она не любила и не пускала его къ себѣ. „Я отъ васъ ничего не требую—оставьте и вы меня въ покоѣ“. Когда у нея средствъ своихъ не хватало, она шла къ первому пришедшему ей на мысль богатому человѣку и говорила: „надо мнѣ столько-то и столько-то... Раненымъ требуется“. Отказу ей не приходилось слышать. Про нее говорили: „она дама справедливая—коли ей понадобится, значить, на дѣло!“ Даже круторылый и свиноглазый купецъ Шведовъ,—песъ-песомъ жившій въ своихъ хоромахъ, выдерживая семью на кислой капустѣ,—и тотъ не усомнился, а прямо, сколько она потребовала, столько и отвалилъ ей. „Это все равно, что колоколь на церкву“, объяснял онъ. „Это—прямо къ Богу за наши грѣхи пойдетъ“. Мясники ей посылали мясо, мельники муку, изъ деревень хозяева отправляли на „божье дѣло“ цыплятъ, куръ, яйца. Такимъ образомъ, она безъ всякаго офиціального вмѣшательства ухитрилась выпользовать нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ которыхъ добрая треть была обречена смерти... Едвали этотъ періодъ она не считала лучшимъ временемъ своей жизни. Потомъ въ голодовку—она, эта скромная, столько разъ осмѣянная отечественными бытописателями, „старая дѣва“, вдругъ развернула такую силу воли и безконечную доброту, что не будь она сама такъ проста и не считай своего дѣла самымъ обыкновеннымъ и естественнымъ—пожалуй, всѣ ея окружающіе стали-бы на нее молиться. Но это пожалуй и ей самой показалось-бы страннымъ и неумѣстнымъ. Даже когда здѣсь

разсказывали о какомъ нибудь изъ ея подвиговъ, всё интересовались имъ, пока не узнавали, что это именно сдѣлала Надежда Сергѣевна. „Ну—Надежда Сергѣевна“. Это такъ понято, и на этомъ рѣшительно всё успокаивались.. Въ гостяхъ у нея Наталья Григорьевна вдругъ успокоилась. Эта тишина точно уюмонила ее. Никуда не тянуло, ничто не волновало. Пахли въ комнаatkѣ цвѣты, пѣла птицы, мѣрно стучалъ маятникъ часовъ, безшумно двигались старыя горничныя и невольно сами-собою смыкались глаза.. На смѣну петербургской суетнѣ приходилъ здоровый и спокойный сонъ. Всю жизнь такъ прожить Свѣтлинъ-Донецкой, пожалуй, показалось-бы страннымъ, но мѣсяць-два ей улыбались какъ отдыхъ, какъ возможность разобраться самой съ собою, со всѣмъ, что случилось еще цѣлвно, и что ожидало ее впереди!.. Недѣль пять уже и прошло, а она почти ихъ не замѣтила. Сегодня было, какъ вчера, вчера, какъ третьяго дня. У Таранецкой собирались такіе же простые люди, какъ и она сама. Да Наталья Григорьевна и не нуждалась въ обществѣ. Оно ей надоѣло и въ Петербургѣ. Тамъ она оставила ужъ начинавшуюся зиму. Здѣсь—пока умирала осень. Деревья въ саду Надежды Сергѣевны обезлиствѣли, и вѣтеръ сыпалъ по дорожкамъ цѣлые вороха желтаго, сухого листа. Его тихое шуршаніе было такъ къ лицу всему окружающему, такъ шло къ этой типинѣ. Краски блекли, но закаты были великолѣпны. Стоявшая черезъ улицу небольшая деревянная церковь, казалось, вся тоннула въ розовомъ огнѣ небснаго пожара. Сегодня утромъ, когда Наталья Григорьевна проснулась—солнце сіяло почти такъ же какъ лѣтомъ, и она невольно зажмурилась, откинувъ занавѣсь своего алькова. Гдѣ-то, черезъ нѣсколько комнатъ, должно быть, слышался голосъ Таранецкой и ровный стукъ маятника. Канарейка у потолка такъ и заливалась, привѣтствуя яркіе лучи, залившіе ея клѣтку и ее самую. Она, точно золотой комочекъ, прыгала съ одной жердочки на другую, видимо, злясь на вторую птичку, которая въ сосѣдней клѣткѣ сидѣла нахохлясь и отвернувшись отъ окна. Свѣтлинъ-Донецкой было такъ спокойно и хорошо, что она хотѣла-было опять сомкнуть глаза и заснуть, какъ вдругъ черезъ улицу у Воздвиженія ударилъ колоколъ. Домикъ Таранецкой точно вздрогнулъ. Колоколъ ударилъ еще, и звуки, полные, торжественные, отовсюду поплыли въ эту свѣтлую и спокойную комнату. Къ главному колоколу присоединились меньшіе. тонкіе серебряные голоса перекликались въ высотѣ, сливаясь съ важною молвю громадныхъ бронзовыхъ глотокъ, догоняя ихъ, забѣгая впередъ.. Натальѣ Григорьевнѣ казалось теперь, что вся ея комната полна ими. Они бились у ея стѣнъ, катились подъ потолкомъ, волнами плыли у ея кровати. Еще минута, и они подхватятъ и увесутъ ее съ собою. Только сейчасъ она вспомнила, что сегодня воскресенье.

Приподнявшись на локоть, она съвозъ герань на окнѣ увидѣла, какъ черезъ улицу идутъ къ старой церкви старушки въ черномъ. Точно поднявшіеся на задніе лапки жуки. Даже старозавѣтные салопы ихъ лоснились на солнцѣ, какъ жесткія и блестящія крылья этихъ жуковъ, а головы въ капорахъ еще болѣе усиливали такое сходство. Должно быть, тамъ на улицѣ было ужъ холодно. Вонь громадный купецъ, онъ бывалъ иногда у Таранецкой, медленно прошелъ тоже въ церковь, поднявъ кибиткой воротникъ своей шубы. Остановился на паперти. Одѣляетъ полшкнами и копеечками нищихъ. И точно размахиваясь на кого-то, крестится... Глухіе и величавые удары большого колокола уплыли куда-то. Теперь одни маленькіе весело перекликаются въ ясномъ и холодномъ воздухѣ. Исправникъ подвѣтилъ на пожарныхъ лошадахъ. Грузно едва-едва сползаетъ съ дрожекъ и, переваливаясь идетъ на паперть. По пути, такъ, больше для порядка, безо всякаго зла, ткнулъ какого-то оборванца, тотъ живо содралъ шапку, почтивъ начальство. Мѣстные кавалеры—акцизные чиновники—въ гляцовитыхъ шляпахъ, прошли. Журавлевскія барышни—самоварчиномъ, трое и всѣ подъ-ручку—тоже быстро пробѣжали черезъ улицу и пріостановились у самага входа въ церковь, замѣтивъ вдали лошадей уѣзднаго донъ-Жуана, жандармскаго поручика съ подфабранными усами и совершенно лакированнымъ лицомъ... „Пора вставать!“ рѣшила и Свѣтлинъ-Донецкая.

— Наташа, ты же-жь еще спишь? послышалось въ дверяхъ.

— Нѣтъ, тетя... Собираюсь одѣваться.

— Лѣнивая какая! Я велѣла самоваръ подогрѣть. Славные-же сегодня у Жучихи крендели вышли. Должно-быть, яицъ для праздника не пожалѣла. И теплые еще... Шла-бы скорѣе... Простынуть!

— Я сейчасъ... засмѣялась Наталья Григорьевна. — А сливки?

— Еще-жь-бы... Ты же-жь вчера просила?..

• — Я „же-жь“ сейчасъ встану...

— Смѣйся, смѣйся... надъ старушкой... Ну, Богъ съ тобой, у меня тамъ дѣла.

Свѣтлинъ-Донецкая быстро одѣлась и вышла. Дѣла у тети обаялись, дѣйствительно, важными. Она еще въ деревнѣ привыкла лѣчить крестьянъ. Теперь они въ городѣ ѣздили къ ней за совѣтомъ и лекарствомъ, минуя сосѣдняго врача, потому, „что онъ можетъ понимать? Махонькій, какъ воробчикъ!“ Теперь передъ Надеждою Сергѣевной стоялъ громадный рыжій мужикъ, весь лохматый и шаршавый. У него оказывалась рана, и онъ спокойно тыкалъ въ нее пальцемъ, словно въ чужое мѣсто и объяснялъ: „Бо-зныть, что съ говядиной. Совѣмъ-было затянуло—пошелъ на работу, а оно вишь какъ... вывернуло... на изнанку точно прикинуло“.

— Болить у тебя?

— Болѣть не болить а быдто шйвить... Я-бы къ тебѣ за безпокойствомъ и не совался, да баба вузжитъ, съ ей покою нѣтъ.

— Ты что же-жь дѣлалъ?

— Солью присыпалъ... Порохомъ тожь. Столокъ и присыпалъ. Баба хлѣба нажевала, прикидывала—а только ни къ чему. Ишь она какъ. Разнесло ее. Авчирась маховькая была...

— Слава Богу, что во время пріѣхалъ, а то-бы антоновъ огонь.

— Ишь ты... Въ самый разъ, значить, я къ тебѣ попалъ.

— Иначе пришлось-бы руку отрѣзать...

Мужикъ вдругъ заволновался.

— Ну, это, братъ, оставить надо... Что-жь я за работникъ, коли безъ руки... Безъ руки мнѣ пропадать.

— Я тебѣ дамъ кой-что, а только ты же-жь и къ доктору рядомъ сходи. Я ему записку напишу.

— Къ воробчику?

— Да, именно...

— Да енъ нѣшто понимать? А ты-бы сама по видимости... Потому другая болѣзнь скрытая, трудная. Внутрѣ сидить. А эта вся передъ тобой. Ишь она!.. Смотри на ее, сколько хошь, никуда она отъ тебя уйтить не можетъ... Сама себя оказываетъ... Откровенная.

Едва удалось убѣдить его. Другой старикъ, едва державшійся на ногахъ, спокойно снялъ шапку и объявилъ Надеждѣ Сергѣевнѣ:

— Я къ тебѣ, мать!..

— Зачѣмъ?

— Какъ ужъ хошь, а я къ тебѣ въ сыновья!

— Какъ въ сыновья?

— Ты меня возьми, потому, дома мнѣ кормиться никакъ невозможно.. И у дѣтей-то, работниковъ, хлѣбушку нѣтути... Я ужъ такъ положилъ въ сыновья къ тебѣ идти... Мы споконъ-вѣку ваши... Торопецкіе... Меня еще дѣдушка твой поролъ. Вотъ мы какіе... Опъ, очевидно, гордился этими воспоминавіями, дававшими ему несомнѣнныя права на Надежду Сергѣевну.—На конюшнѣ псарей, бывало, позоветъ и пореть. Сколько разовъ!..

— Что-жь мнѣ съ тобой дѣлать?

— А это ужъ ты... Мекай сама... А только такъ я положилъ, чтобы къ тебѣ.

— Ну, ладно... Я тебя въ деревню пошлю. Тамъ тебя кормить стануть.

— Во-во. Самое и есть. Мнѣ только-бы корму, а жить мы за-сегда согласны...

— А пока иди на кухню. Тамъ Василиса тебѣ чаю дастъ же-жь.

Старикъ даже и не благодарилъ — въ порядкѣ вещей, вѣдь. Чего же тутъ еще церемониться!..

— Ты-бы моего Ивана Акимыча улестила... кланялась ей въ ноги баба, до которой дошла очередь.

— Зачѣмъ же-жь это? Что онъ?

— Я чижолая, а онъ меня полѣномъ по башкѣ.. По брюху, говоритъ, нельзя, потому тамъ диге, а башка—все одно. пустая..

— Пьяный?

— Зачѣмъ пьяный.. Такъ, говоритъ, для науки, чтобы ты, значить, страхъ Божій знала. А я семь мѣсяць ношу.

— Ишь подлець!.. Я сама зайду же жъ къ вамъ сегодня.

— Ну, ладно!..

У другой корова пала, третья овдовѣла и осталась въ городѣ безъ хлѣба и безъ дѣла. Четвертая сына привела учить—Надежда Сергѣевна и этимъ занималась, и чумазый мальчуга, какъ то шмыкая носомъ, таранился на нее, молчалъ-молчалъ и вдругъ разрѣшился вопросомъ, очевидно, давно тревожившимъ его лохматую головенку:

— А только ты не бьешься?

— Какъ это?..

— Чтобы розгой ежели... На розгу я не согласенъ. Я безъ розги хочу. Я, вѣдь, мленькій, меня и ушибить недолго... Сеньку-то дьячекъ въ школѣ полоснулъ, а онъ и до сихъ поръ кривой ходить...

— не бойся... У меня не бьютъ...

— Ну, какъ чтобы не бить! резонно разсуждалъ малышъ.—Какъ чтобы не бить?.. Ежели съ разумомъ—отчего-же...

И онъ вдругъ усиленно засопѣлъ, увидя входившую Наталью Григорьевну.

Не смотря на то, что городъ, гдѣ жила Таранецкая, помѣщался на линіи желѣзной дороги—письма сюда приходили не каждый день. Почта „работала“ только три раза въ недѣлю, въ остальное время цѣлый міръ уносился мимо этого идиллическаго гнѣзда по рельсамъ куда-то вдаль, нисколько не задѣвая его тишины своей суетой и заботами. Поэтому для Натальи Григорьевны всегда были отмѣчены точно красною черточкою дни, когда у крыльца ея домика останавливался почтальонъ съ газетами и письмами. Первая Надежда Сергѣевна выписывала, но почти не читала „Это до насъ не касается!“ говорила она. „Что мнѣ за дѣло до того, что какой-то носатый Фердинантъ болгарамъ на шею сѣлъ, вонъ въ Затычихѣ—черная осна началась, а помощи никакой-же-жь. Это будетъ поважнѣе, а въ газетѣ про нее, про Затычиху, никто не пишетъ!“ Газеты она давала читать другимъ, теперь просматривала ихъ и Наталья Григорьевна, да и то лѣнливо... Сегодня день былъ почтовый, и не усѣла она състѣ

за чай, какъ ей принесли пакеты изъ Петербурга. Ей писала Маргарита Францовна и Самсоновъ. Сегодня было и третье—отъ дѣвицы Росляковой, но адресъ на немъ былъ надписанъ Маргаритой Францевной. Свѣтлинъ-Донецкая сразу узнала ея крупный, смѣлый и размашистый почеркъ, почти мужской. Съ мужемъ она не переписывалась. И прежде между ними было мало общаго, а теперь и послѣднія нити, связывавшія ихъ, оборвались вовсе. Она, разумѣется, начала со Льва Самойловича. Теперь она ужъ привыкла покойнѣе относиться къ его письмамъ. На первыхъ порахъ—(онъ писалъ ей каждый день, такъ что она получала разомъ по два и по три письма), она не могла владѣть собою, нервно разрывала конвертъ, и ей казалось, что въ каждомъ словѣ, написанномъ имъ, бьются невидимые пульсы. И въ отвѣтъ этимъ пульсамъ трепетало и сладко, сладко замирало ея сердце. Она и читала эти письма вдвойнѣ. И глазами, и душой, угадывая, какъ они писались, что онъ чувствовалъ въ эти минуты, что видѣлъ передъ собою. За всякой фразой слѣдовала другая, недосказанная, за каждымъ, словомъ, казалось, стоялъ ей одной замѣтный призракъ. Въ самыхъ простыхъ часто она улавливала цѣломудренное, застѣнчивое обожаніе, и это-то именно и нравилось, и чаровало ее больше всего. Въ бурныхъ порывахъ страсти, чаще и чаще появлявшихся въ письмахъ Самсонова, ее всегда что-то оскорбляло, заставляло ея сердце болѣть, точно чьи-то грубые и жесткіе пальцы сжимали его до муки, до невыносимаго страданія. Даже тогда, когда они и не оскорбляли ее, Наталья Григорьевна оставалась холодна къ нимъ. Она понимала любовь, любовь со всѣмъ ея полымемъ, со всѣми ея наслажденіями, но ей казалось, что они не должны быть довѣрены даже бумагѣ. Они для мрака, и мракъ для нихъ... А тутъ ихъ касается, хоть и сквозь конвертъ, рука почтальона, лакея, который ихъ несетъ на почту... Это было, можетъ быть, не умно, и она сознавала это, но въдѣ въ неуловимыхъ настроеніяхъ любви, въ этомъ инертномъ мірѣ неясныхъ представленій—голова не причемъ. Здѣсь своя логика, свои законы, своя совѣсть!.. Она, случалось, даже не дочитывала такихъ писемъ и отдыхала только на другихъ, теплившихся скромнымъ обожаніемъ, говорившихъ много о неодолимомъ стремленіи одной души къ другой. Не то, что она была сантиментальна, нѣтъ!.. Въ ней, просто, жилъ еще нетронутый стыдъ передъ тѣмъ, чего нельзя вынести на свѣтъ!..

На этотъ разъ письмо Льва Самойловича было такое, какія она любила!.. Онъ не хотѣлъ оскорблять ея дѣвственнаго чувства дѣловыми подробностями развода. Это онъ предоставлялъ Марію де-Франсъ. Наташѣ только крайне непріятно было узнать, что Самсоновъ часто говоритъ о ней съ Пригладовымъ. „Иванъ Николаевичъ здѣсь—и по-

стоянно вспоминаетъ о васъ, иллюстрируя свои рассказы карандашомъ. У меня собралось теперь много его рисунковъ. на которыхъ изображены вы, то на скалахъ Атлантическаго берега, гдѣ еще недавно мы проводили такіе счастливые часы, то такъ, въ смутныхъ очеркахъ, бѣглыхъ наброскахъ. Улыбающаяся, серьезная, вдумчивая; надо сказать правду, онъ отлично схватываетъ ваши предестныя черты. Особенно хорошъ его послѣдній эскизъ. Вы въ лодкѣ, опустили рѣсницы и слушаете... что? волну или меня? Право, будь Приглядовъ не такъ старъ, я-бы думалъ, что онъ въ васъ влюбленъ. Нечего и говорить, что и онъ мнѣ сталъ дорогъ поэтому. Я мирюсь со всѣми его дурными истинками ради этого поклоненія вамъ. Онъ „ужасно“ просилъ меня (простите это: „ужасно“—старая привычка) сказать ему, гдѣ вы, но я отмалчиваюсь. „Почему я знаю и откуда могу знать это?“ Впрочемъ, съ этою же просьбой онъ совался и къ Марго, и та почему-то предупредила меня быть съ нимъ осторожнымъ. Я думаю, что въ ней ненависть къ Пригладову слишкомъ сильна и она, разумѣется, преувеличиваетъ. Ну, что этотъ жалкій пугъ можетъ сдѣлать намъ? Мнѣ говоритъ онъ о какой-то картинкѣ, которую хотѣлъ послать, въ память вашего съ нимъ знаинства, — вамъ. Если вы разрѣшите, я ему сообщу вашъ адресъ...“ Затѣмъ слѣдовали безпорядочныя строки, похожія на бредъ. Ихъ понимаютъ одни влюбленные, всему остальному міру, разумѣется, онъ кажутся скучными и даже бессмысленными. Наталья Григорьевна читала ихъ, держась за сердце, точно оно могло разбить свою кѣтку и выскочить навстрѣчу другому такому-же, такъ-же тревожно и радостно бывшемуся... Отъ нѣкоторыхъ словъ этого письма у нея кружилась голова и она сама пугалась: такимъ безконечнымъ и необъятнымъ казалось ей ожидавшее ихъ счастье. Она даже забывала этотъ неприятный диссонансъ, этого непрошеннаго Ивана Николаевича, вторгавшагося въ ихъ маленькій мірокъ, становившагося между ними, говорившаго о ней Самсонову...

Письмо пахнуло на нее такимъ тепломъ, такъ радостно ей стало послѣ него, что Свѣтлинъ-Донецкая рѣшила, что прочтетъ остальные два послѣ. За чаемъ она разсѣянно взглянула на газеты—и ничего въ нихъ не поняла. Этотъ міръ ее не интересовалъ ничѣмъ. И она даже не понимала, кому все это нужно. Въ этомъ она ушла не дальше своей тетки.

— Грѣхъ-то, грѣхъ какой! показалась та.

— Что съ вами?

Опять вотъ въ церковь не пришлось-же. Съ больными заболталась!. Ну, да авось Богъ проститъ... Всѣ, вѣдь, ему виноваты. Не одна я-же-жь!

— Магушка, Надежда Сергѣевна! вопила старая горничная.

— Что, Марья Савишна?

— Отъ Кунавинскихъ господъ дѣтей привезли.

— Что съ ними? Какіе это Кунавинскіе господа, что-то я и не слышала такихъ? Какія дѣти?

— Сказываютъ у старшаго—всю ночь горло болѣло. Докторъ велѣлъ отдѣлать остальныхъ—не случилось-бы чего... Изъ-за города онѣ...

— Ну веди ихъ сюда!.. Что-то я не помню такихъ... Кунавинскіе?.. Ну да все одно. Значить нужно.

Напрасно было и приказывать; дѣти Кунавинскихъ господъ ужъ робко и тихо вошли въ комнату и, сбившись въ кучу у дверей, изъ подлобья глядѣли на самоваръ и столъ, гдѣ стояли корзина съ хлѣбомъ, сливочникъ съ желтымъ янтарнымъ масломъ, горячія ватрушки, пирожки съ мясомъ и рисомъ и ветчина. Впереди была вся розовая кудряшка съ вивными голубыми глазками. Рожицы у всѣхъ были замурзаны и платица, очевидно, давно не бывали въ стиркѣ. И сапожки—истасканы. Должно быть бѣдность дома непокрытая. У одного даже сапожокъ былъ веревочками затянутъ.

— Ну здравствуйте, мелюзга.

Розовая кудряшка подавалась-было къ бабушѣ, но сзади ее удержалъ толстый братишка съ нескорнымъ къ самому небу торчавшимъ чубомъ:

— Куда ты, Ляля?..—шепталь онъ ей.

— Булочки хочу...

— Чужая бабушка, такъ тебя за ухо!—бурчалъ онъ ей, очевидно ужъ достаточно ознакомленный съ отрицательными сторонами жизни.

— Иди, иди... Тутъ никто за уши не дерется,—пригласила ихъ Таранецкая.

— А за волосы?—полюбопытствовалъ непокорный чубъ.

— И за волосы не за что! Вѣдь ты не шалунъ?

— Я-то?—задумался малышъ.—Я... шалунъ.

Чужая бабушка подошла къ нимъ и хоть они попятились, ова сгребла ихъ своими длинными руками и погнала къ столу.

— Садитесь. Вотъ тетя,—кивнула она на Наталью Григорьевну,—нарѣжетъ вамъ хлѣба, масломъ намажетъ, пирожковъ дастъ.

— Я и чаю хочу!—объявилъ чубъ.

— И чаю дадутъ.

— Потому у насъ дома чай только дѣтямъ по праздникамъ даютъ.

— А у меня киска есть... Маруська!—вдругъ неожиданно, глядя себѣ на концы стоптанныхъ ботинокъ, объявила розовая кудряшка.

— И здѣсь есть! Радость ты моя...

— И киска всегда спитъ со мною. На моей подушечкѣ... Она журчитъ... Я ее люблю, киску.

— Какіе-бы эти Кунавинскіе были... Васъ откуда привезли, дѣти?

— Насъ... мужикъ Селифанъ изъ деревни... Въ городъ поѣхалъ шайки продавать, и насъ взялъ съ шайками...

— А киску не взялъ!—печально прибавила кудряшка.—Киска теперь дома одна.

Таранецкая не долго интересовалась этимъ. Что за дѣло—откуда прислали. Значить нужно, если именно къ ней обратились. А дѣти вѣдь все равно—знакомыхъ или не знакомыхъ, за всѣми уходъ требуется. Да и сверхъ того, старая дѣва очень любила, когда весь ея домъ наполнялся ихъ радостными и веселыми голосами. Она съ минуту посидѣла за столомъ. Наскоро допивъ свою чашку, Надежда Сергѣевна поручила племянницѣ накормить и напоить всю эту босую команду, а сама полетѣла распоряжаться, чтобы затопили баньку—отмыть дѣтишекъ. Потомъ явилась новая забота. Нельзя-же было оставить ихъ въ такомъ видѣ. Она такъ для формы спросила—не прислали-ли съ ними платья и бѣлья, но по объясненію Марьи Савишны, угощавшей въ кухнѣ чаемъ мужика Селифана, оказалось, что у господъ Кунавинскихъ такая бѣдность! „Какое тутъ платье. Дома-то въ чемъ родились бѣгають... Мужики ихъ кормятъ, помня доброту барина. Они вѣдь когда-то Кунавинскіе были—ну ихній тятенька не обижалъ мужиковъ и землю имъ честь-честью отдалъ. Себѣ самую малость оставилъ—за то теперь только тѣмъ и сыты, что мужички имъ отенплютъ и принесутъ. Кабы не они—помирать семьѣ!“ Надежда Сергѣевна качала головой, а ея дѣятельный мозгъ ужъ работалъ. Во-первыхъ, ситцу сейчасъ надо купить—хоть по три платья имъ сшить. Потомъ за саножникомъ... Шапокъ, тулупчиковъ тоже, да дѣвочѣ на первыхъ порахъ заячью шубенку. Мужикъ Селифанъ—добрая душа должно быть—привезъ ихъ завернутыми какъ владъ, въ овчины... А потомъ, неужели малышей оставить на эту бѣдность?.. У Надежды Сергѣевны были связи. Она уже соображала, какъ она раскидаетъ ихъ по разнымъ заведеніямъ, да и Наташа ей поможетъ. У нея тоже знакомые, друзья. Не бросать-же такъ дѣтишекъ. Если послали къ ней, къ Таранецкой, значить такъ самъ Богъ опредѣлилъ. Его перстъ въ этомъ, и не сдѣлать всего что можно—и передъ Богомъ грѣхъ, да и самой жалко. У нея и то сердце защемило, когда она увидѣла, какъ они набросились на хлѣбъ и масло. Бѣдные, бѣдные. А вѣдь изъ такихъ-то настоящіе люди и выходятъ! Надежда Сергѣевна пришла совсѣмъ просвѣтленной. Наталья Григорьевна, оказалось, не потеряла времени даромъ. Она ихъ до сыта накормила. Щеки у мальчика съ чубомъ, лоснились и глаза смыкались, какъ у согрѣвшагося у печки котенка. Кудряшка

пробовала брошку у Свѣтлинъ-Донецкой и спрашивала: всамдѣлишная настоящая?

— Какая настоящая? непоняла та.

— Живал? Или нарисованная?

Третій мальчикъ худой и тощій, съ болѣзненнымъ лицомъ сидѣлъ понурясь. Впалая грудь и сутуловатая спина его обратили заботливое вниманіе Таранецкой на ихъ обладателя...

— Ты это что, боленъ? Чего нахохлился?

— Нѣтъ, онъ не боленъ...—Словоохотливая кудряшка теперь давала объясненія за всѣхъ.— А это его пьяный дядя убилъ!

— Какъ убилъ?

— Костылемъ убилъ. Онъ на костылѣ, пьяный дядя Семенъ Семеновичъ...

— Ему, вдругъ проснулся чубъ, — на войнѣ за храбрость ногу отрѣзали!

— Ну вотъ... Кирюшка набѣжалъ на него... Дядя уналь... Пьяный дядя у насъ... Онъ и убилъ Кирюшку...

— Что-же ты кашляешь?

— Не... Нудить въ спинѣ-то.

Тѣнь пробѣжала по лицу Надежды Сергѣевны... „Дѣтей не жалѣютъ!“ Но она тотчасъ-же поймала себя на этомъ. „Мало-ли что. Должно быть самимъ горько. Иначе не стали-бы малышей тиранить“. Не прошло и часу, какъ домикъ старой дѣвы весь кипѣлъ дѣятельностью и работой. Немудряціи сапожникъ въ ошметкахъ снималъ мѣрки и увѣрялъ, что ботинки и сапожки будутъ „какъ въ предсѣдательскихъ домахъ—самому губернатору не стыдно!“ Марья Савишна кроила ситецъ и такъ поджимала губы, какъ будто именно отъ этого и зависѣла доброта и прочность платья. Надежда Сергѣевна возилась за полотномъ для рубашекъ, пока не пришолъ скорнякъ—одноглазый, серьезный мужчина, прежде всего справившійся у Таранецкой—„есть ли дѣйствительно, какъ ему говорилъ знакомый семинаристъ, на небѣ звѣзда „драконъ“, и если есть, то почему сіе важно?“ Цѣну, впрочемъ, онъ запросилъ такую, что очевидно, что никакіе драконы его бы не образумили. Рѣшили тулупчики купить готовые. Изъ кухни неслись сюда веселые голоса. Туда пока до баньки согнали дѣтей къ страстно любившей всякую мелюзгу кухаркѣ Мотѣ, которая и теперь ужъ присматривалась весьма пріятно на ходившаго по-двору жирнаго индюка, замышляя въ тайнѣ его безвременную погибель на удовлетвореніе дѣтскихъ желудковъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ вся эта, повидимому, такая мелкая, такая ничтожная возня—выросли въ глазахъ Натальи Григорьевны до размѣровъ настоящего большого дѣла. Она вспомнила все, что до сихъ поръ слышала о своей теткѣ, надъ которою ея петербург-

ская знакомая потѣшалась, называя ее „старою дѣвою“, „старою гвардіей“, рыцаремъ ордена „флюса и оподельдока“ и тутъ только убѣдилась, что если на свѣтѣ еще есть настоящіе святые, то именно къ ихъ числу и принадлежитъ ея осмѣянная родственница. „Какъ у васъ хватаетъ средствъ на все?..—спрашивала она ее.

— Слово такое знаю! отвѣчала та.

— Какое слово?

— Всѣмъ оно открыто... Не хотять его понять только... Если кому Богъ посылаетъ бѣднхъ—прими ихъ, Онъ тебѣ и средства найдетъ. Не бойся. Никогда не думай о томъ, что тебѣ не хватитъ... Обратись къ другимъ... Люди не такъ дурны какъ кажется. Всякій поможетъ. Откажетъ—толкнись къ нему еще разъ... Или рядомъ постучись... Гдѣ-нибудь да окажется. Не отказывай самъ никому и тебѣ отказу не будетъ. Вѣдь жизнь въ сущности какъ проста! Подвигъ—говорять, а помоему никакого подвига нѣтъ! Что за подвигъ, коли въ немъ удовольствіе... Я вонъ дѣтей люблю всѣхъ, а почему? Своихъ нѣтъ, а то-бы пожалуй и не любила. Въ прошломъ году каменщикъ около моего дома съ лѣсовъ упалъ и голову разшибъ. Я его взяла, выпользовала. Доктора-то вѣдь „умреть“ говорили и лечить его незначѣмъ. И все-же это я для себя сдѣлала. Коли-бы я не пріютила его—мнѣ-бы самой покою не было.

Къ вечеру этого дня—все ужъ здѣсь было въ порядкѣ. У трехъ дѣтей оказались у каждыаго по кроваткѣ. Улеглись онѣ, вымыты, въ чистомъ бѣльѣ, сытые. Непокорный чубъ — долго не соглашался заснуть. Ужъ очень ему чудно было все это... Онъ даже поинтересовался узнать:

— А пьяный дядя не придетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣтко... Кто его сюда пустить?

— А какъ ты его непустишь, если онъ съ костылемъ?

Но и его костыль здѣсь очевидно не дѣйствовалъ.

— Онъ значитъ тебя боится?.. Ишь ты кака...

— А завтра все по сегодняшнему будетъ?—добивалась въ свою очередь кудряшка.

— Да...

— И кормить стануть?.. И чаю дадутъ?..

— А то какже?

— И съ булочками?

И она заснула съ такою блаженною улыбкою на губахъ, что Наталья Григорьевна впервые поняла, какъ дешево въ сущности счастье и какъ легко дать его другому, если не задаваться слишкомъ непомерными масштабами, а только не отказываться ни отъ одного дѣла, которое посылаетъ Богъ!

Въ большомъ мезонинѣ, гдѣ было много простора и воздуха, горѣла лампадка у Черниговской Божіей Матери. Тусклый и слабый свѣтъ ея едва-едва намѣчивалъ въ полумракѣ круглыя рожицы спящихъ дѣтей. Непокорный чубъ такъ и во снѣ оставался непокорнымъ, торча отъ подушки къ верху. Кудряшка спала положивъ свою розовую щечку на мягкую ланку съ ямочками и, открывъ ротикъ, слегка сопѣла. Блѣдный и хилый мальчикъ — жертва убившаго его „дяди съ костылемъ“, свернулся въ комочекъ и казался еще болѣе жалкимъ теперь въ этихъ сумеркахъ тихой ночи.

Кудряшка открыла глаза, въ просонкахъ увидѣла чужую бабушку и точно въ бреду проговорила съ счастливымъ выраженіемъ:

— И завтра будутъ съ чаемъ булочки... Здѣсь булочки каждый день!..

И опять засопѣла, вкусно чмокая во снѣ пухлыми губками.

Наталя Григорьевна только придя къ себѣ, могла наконецъ прочитать письма.

Марго де-Франсъ по-французски сообщала ей, что дѣло ихъ кончится неожиданно быстро. Скорѣй, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, рѣшеніе будетъ поставлено и она окажется вполнѣ свободной и развязанной съ Владиміромъ Петровичемъ. „Разумѣется это стоило нѣсколько дороже, чѣмъ я ожидала, но одинъ лишній день счастья нельзя оцѣнить въ малую сумму. Неправда-ли?.. Тутъ встрѣтились разные неожиданныя препятствія, но у меня нашлись помощники и Богъ увѣнчалъ мои усилія успѣхомъ. Пріѣхалъ, уже мѣсяцъ назадъ, наканунѣ вашего отъѣзда изъ Петербурга, Приглядовъ. Не вѣрьте ему! Онъ вездѣ ищетъ вашего адреса, невѣдомо зачѣмъ, но вѣрно не съ доброю цѣлью. Мнѣ это ясно, потому что, какъ я начинаю догадываться, у него въ прошломъ было что-то съ небезызвѣстной вамъ Калеріей Алексѣевной и это „что-то“ связываетъ ихъ до сихъ поръ. Онъ у меня просигивалъ цѣлые вечера, думая, что я проговорюсь и, разумѣется, не повѣрилъ мнѣ, когда я дала вашъ адресъ въ другую сторону. „Ну, значить тамъ-то ее искать и нечего!“ А вамъ зачѣмъ?—спросила я его. Онъ вдругъ сдѣлалъ сладкое лицо, прищурилъ глаза и совсѣмъ по-кошачьи замурлыкалъ: „какъ зачѣмъ, помилуйте, вѣдь я Наталью Григорьевну вотъ какъ люблю! Будь я помоложе—всякаго-бы льва и Самсона побѣдилъ и не уступилъ эдакую „цацу!“ Я убѣждена, что онъ предатель. Отыскиваетъ онъ васъ всѣми мѣрами. Даже дѣвицу Рослякову на меня напустилъ. Та сегодня утромъ требовала у меня вашего адреса, ссылаясь на вашу дружбу съ нею. Но когда я сказала, что не знаю, гдѣ вы, а письма вамъ посылаю черезъ одну вашу родственницу, она оставила мнѣ одно такое на ваше имя. Я внизу подписала на ея конвертѣ только городъ и губернію, гдѣ вы нахо-

дятся. Надѣюсь скоро обрадовать васъ телеграммой о благополучномъ разрѣшеніи вашего дѣла. Что касается до меня, то мнѣ лично совсѣмъ не повезло. Деньги такъ и плывутъ изъ рукъ, а заработка вынче совсѣмъ не стало, да я не за всякое дѣло и беруся, помню вашу прекрасную русскую пословицу „пуганая ворона на молоко дуетъ“ такъ, кажется... Впрочемъ, разъ у меня есть такіе друзья, какъ вы и вашъ... будущій мужъ Левъ Самойловичъ (вѣдь его можно такъ называть?), мнѣ бояться нечего. Вы мнѣ не дадите пропасть съ моимъ гадкимъ генераломъ. Не такъ-ли?..“ Письмо было написано по-французски и только русская пословица приведена въ подлинникѣ.

„Скоро... неужели скоро!“ всплеснула вся Наталья Григорьевна.

Она ужъ лежала въ постели. Свѣчка тускло горѣла на ночномъ столикѣ. Тонкій листъ почтовой бумаги, уписанный мелко, медко Маргаритой Францевной, валялся на одѣялѣ. Свѣтлинъ-Донецкая взяла его, еще разъ прочла нѣсколько мѣстъ и фразъ. „Да—скоро...“ Не пройдетъ и мѣсяца — и начнется новая жизнь... Счастливая! Тотъ радостный островъ ея грезъ золотыхъ недвижимымъ океаномъ уже совсѣмъ надвинулся на нее. Еще нѣсколько розмаховъ, все ея и несбыточное оважеться дѣйствительностью... Несбыточное! Еще и до сихъ поръ оно мерещится несбыточнымъ!.. Ей стало жарко, она откинула одѣяло. Въ самомъ дѣлѣ — неужели это „завтра“ такъ уже близко... Принадлежать любимому человѣку, вмѣстѣ съ нимъ уйти ото всего этого чуждаго и холоднаго міра, отказаться отъ своей воли!.. Положить ему голову на его сильную грудь и забыться каждымъ атомомъ своего тѣла, каждымъ нервомъ чувствуя его ласку, слушая его голосъ!.. Нѣтъ, лучше и не думать объ этомъ. Слишкомъ тяжело было бы разочароваться. Вѣдь пока все-все не кончено — какая-нибудь пустая случайность можетъ разрушить всѣ ея ожиданія. Случайность, непредвидѣнная мелочь. Все въ мірѣ вѣдь зависитъ отъ такихъ мелочей. Вѣдь и весь этотъ міръ изъ мелочей. Это ихъ царство. Ничего нѣтъ могущественнѣе мелочи! Гениальные планы падаютъ какъ подкошенные ею. Какая-нибудь ни въ какой микроскопъ не различимая бактерія уничтожаетъ гиганта!.. Вѣдь понятіе о великомъ — относительно, можетъ быть также относительно и наше пониманіе „мелочи“... А какъ будетъ хорошо, какъ хорошо, если все окончится наконецъ и они навсегда, навсегда соединятся съ Львомъ Самсоновичемъ. О, она сдумѣетъ и другихъ сдѣлать счастливыми. Она имъ покажетъ, что такое настоящая, дѣятельная любовь; у нея, Натальи Григорьевны, характера хватить на нихъ, на двухъ. Она и его заставитъ осуществить великодушныя мечтанія ихъ молодости; эгоистическое, обособленное счастье двухъ стало бы преступленіемъ. Оно какъ кругъ на водѣ, должно чѣмъ дальше, тѣмъ все шире и шире распространяться!.. И какія сладостныя, укачивавшія ее волны подтхваты-

вали и медленно уносили Наташу въ яркій, утопавшій въ розовомъ свѣтѣ край мечтаній... Подъ ихъ говоръ, тихій говоръ этихъ воляхъ, настоящая дѣйствительность отходила назадъ, а грезы становились счастливою былью!.. Она съ трудомъ вспомнила, что около нея на почномъ столикѣ лежитъ другое, еще не прочитанное ею письмо отъ дѣвицы Росляковой. Свѣтлинъ-Донецкая живо пробѣжала его и невольно размѣялась. Анна Федоровна и въ немъ такъ же полошилась и тарыхалась, какъ она это дѣлала и въ жизни... „Милая Наталья Григорьевна, а у меня большая радость, начинала она, точно вчера простилась только съ нею.—Вообразите, ангель мой, какой сюрпризъ устроила мнѣ судьба. Сижу себѣ и ничего не думаю—и вдругъ растворяется дверь и въ ней... Какъ-бы вы думали?.. Самъ Пригладовъ. Душечка! я едва выдержала, чтобы не кинуться ему на шею—совсѣмъ какъ во французскихъ романахъ. Скажите, зачѣмъ наши русскіе писатели не сочиняютъ такъ, чтобы, на примѣръ, при хорошей погодѣ, пѣлъ соловей и была любовь! Гораздо пріятнѣе читать было-бы, чѣмъ такія нынѣшнія книжки, которыхъ и не понять даже... Такъ вотъ, милочка, входитъ ко мнѣ Иванъ Николаевичъ — нарочно меня разыскиваль, такую я въ немъ память оставила, а я думала, что это все будетъ ни къ чему и только онъ уѣдетъ, сейчасъ-же меня и забудетъ. А онъ говоритъ, что совсѣмъ даже напротивъ. И во снѣ меня видѣлъ, будто я съ розовыми крыльями и какъ-бы въ рыбьей чешуѣ слетала къ нему и говорила ему разныя слова. Но я разумѣется—вы вѣдь меня знаете, какая я недоступная—сижу себѣ какъ будто ни въ чемъ, совсѣмъ какъ папаша, когда онъ своихъ чиновниковъ за столомъ въ кабинетѣ принималъ. Сижу и вышиваю. Онъ и такъ и этакъ, говоритъ, ходитъ—а я вышиваю. Вижу, что онъ страдаетъ — и все вышиваю. Ахъ, Наталья Григорьевна, еслибы вы видѣли, какъ ему идетъ желтый галстукъ съ черными разводами. Взялъ у меня даже портретъ. Я, говоритъ, въ Неаполѣ себѣ вмѣсто булавки на шею закажу съ вашимъ профилемъ. Это съ моимъ! А я все вышиваю, совсѣмъ какъ въ романѣ у Поля Бурже. Приподыму голову, окину его взоромъ и опять вышиваю. Онъ и говоритъ: „ваши глаза, Анна Федоровна, совсѣмъ какъ дикія стрѣлы, которыя съ ядомъ!“ Такой душоночка! Право мужчины въ такихъ лѣтахъ гораздо интереснѣе молодыхъ. Молодые въ сравненіи съ ними никуда не годятся. Я думаю только такіе, какъ Иванъ Николаевичъ, могутъ повяты бѣдное женское сердце и наши страданія... Онъ общалъ ко мнѣ заѣзжать и даже—такой деликатный—хотѣлъ открыться мнѣ въ своихъ чувствахъ, но только черезъ васъ. „Я, говоритъ, попрошу Наталью Григорьевну рассказать о томъ, что въ моей душѣ творится. Я вамъ прямо, какъ вы благородная дѣвица и губернаторскаго происхожде-

нія—не могу, потому что понимаю тонкость вашихъ нервовъ, а въ моихъ чувствахъ откроюсь вашей покровительницѣ Свѣтлинѣ-Донецкой; она, какъ дама, все пойметъ и оцѣнитъ. Только доставьте мнѣ ее адресъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. „Даже слово съ меня взялъ, что я обо всемъ этомъ ничего не скажу вамъ, но я такъ потрясена, такъ взволнована, что ничего и ничего, душечка, отъ васъ скрыть не могу. Какъ вамъ кажется (вы знаете, онъ развестись съ женой думаетъ. Нынче это всѣ дѣлаютъ, такая мода въ хорошемъ кругу) поидетъ мнѣ флеръ д'оранжъ? Въ бѣломъ платьѣ нынче всякая купчиха подъ вѣнецъ идетъ. Я думаю заказать себѣ бланжевое съ румянцемъ... Пожалуйста, милочка, по телеграфу сообщите мнѣ свой адресъ — и поскорѣе... Ахъ еслибы знали вы, какъ бьется мое сердце... И представьте—я вѣдь такъ и вышивала все. Онъ горѣлъ, совсѣмъ пламенный мужчина — а я вышивала. Я ему, надѣюсь, показала этимъ, что значить настоящее аристократическое воспитаніе. Моя грудь сѣумѣетъ сохранить тайну моей любви. Она, какъ цвѣтокъ, откроется только тогда, когда онъ передъ всѣми назоветъ меня своею!.. Неужели, ангель, Наталья Григорьевна, вы не порадуетесь вмѣстѣ со мною? Кстати онъ говоритъ, что самые модные духи теперь „Coral-Apple-Blossom“ и прислалъ мнѣ ихъ. Я нюхаю—и воображаю, что онъ это стоитъ со мною рядомъ. Ахъ, милочка моя, неправда-ли, какой онъ деликатный душонокъ“...

И т. д. У Натальи Григорьевны не хватило терпѣнія дочитать далѣе письмо Анны Федоровны. Она еще нѣсколько минутъ смотрѣла, потушивъ свѣчу, во мракъ широко открытыми глазами, но потомъ точно чья-то нѣжныя руки сомкнули ихъ и она заснула крѣпкимъ и здоровымъ, счастливымъ сномъ...

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВЯЗКА ПИСЕМЪ А. И. ГЕРЦЕНА

1838—1840 г. ¹⁾.

Жизнь во Владимірѣ и первая повѣдка въ Петербургѣ.

Какъ ни сильно было у Герцена въ Вяткѣ желаніе побывать въ Москвѣ, повидать и обнять невѣсту, свою двоюродную сестру, Наталью Александровну Захарьину.—но тысячеверстное разстояніе служило достаточнымъ препятствіемъ: оно охлаждало пылъ и покоряло необходимости. Зато стоило ему въ январѣ 1838 года, послѣ состоявшагося въ ноябрѣ 1837 года перевода изъ Вятки,—попасть во Владимірѣ, почувствовать себя на 800 верстѣ ближе къ родному городу, какъ нетерпѣніе увидаться беретъ верхъ: онъ не въ силахъ больше ждать и, не взирая ни на какія препятствія и угрожающія опасности, тайно ѣдетъ въ Москву для свиданія съ невѣстой, въ первый разъ 2 марта, потомъ 17 апрѣля ²⁾ и наконецъ 8 мая уже съ цѣлью увести Наталью Александровну съ собой во Владимірѣ и тамъ обвѣнчаться. Рѣшительность, отвага и ловкость жениха, а также преданность друзей гарантировали успѣхъ. Девятаго мая, въ 8 часовъ вечера онъ вѣнчался въ имской церкви, во Владимірѣ, откуда провезъ молодую на свою холостую квартиру, состоящую всего изъ трехъ комнатъ и помѣщавшуюся у Золотыхъ воротъ.

Съ этого момента въ его жизни наступаетъ тотъ исключительный

¹⁾ Летомъ 1893 г. А. А. Герценъ вручилъ мнѣ нѣсколько пакетовъ съ рукописями 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ одномъ изъ пакетовъ находились собственноручныя письма Александра Ивановича и Натальи Александровны Герценовъ, относящіяся къ повѣдкѣ Герцена въ 1839 году въ январѣ въ Москву и въ декабрѣ—въ Петербургѣ. Этотъ пакетъ и служить мнѣ главнымъ матеріаломъ.

²⁾ Переписка А. И. Герцена съ невѣстой, печатающаяся съ 1893 г. въ «Русской Мысли». Въ «Запискахъ» же Герценъ объ этой второй повѣдкѣ не упоминаетъ.

праздникъ, который выпадаетъ на долю немногимъ. «Мои желанія остановились— пишетъ онъ въ «Запискахъ».—Мнѣ было довольно, я жилъ въ настоящемъ, ничего не ждавъ отъ завтрашняго дня, беззаботно вѣрилъ, что онъ и не возьметъ ничего. Личная жизнь не могла больше дать, это былъ предѣлъ; всякое измѣненіе должно было съ какой-нибудь стороны уменьшить его» ¹⁾).

Теперь ни Москва, ни Петербургъ не тинули изъ Владиміра, теперь онъ могъ всецѣло отдаваться сладкой бесѣдѣ вдвоемъ, воспоминаніямъ, рассказамъ о пережитомъ, переиспытанномъ. «Заброшенные въ маленькомъ городкѣ, тихомъ и мирномъ, мы были вполне отданы другъ другу» ²⁾. Изрѣдка ихъ пріѣзжали навѣщать родные и знакомые. То мать Герцена, Луиза Ивановна, которая еще въ январѣ, какъ только сынъ успѣлъ добраться до Владиміра, первая послѣ деревенскаго старосты Найденова пріѣзжала обнять его; она же гостила и въ маѣ 1830 г., когда Герцены перебрались на новую квартиру за Лыбедью. То пріѣзжалъ близкій товарищъ, Н. Х. Кетчеръ, то родной братъ Герцена, Егоръ Ивановичъ, который при всей своей несчастной любви къ Натальѣ Александровнѣ, такъ самоотверженно служилъ Александру Ивановичу и его невѣстѣ, сперва въ устройствѣ между ними тайной переписки, потомъ свиданія. Даже и послѣ свадьбы, онъ, какъ добрый геній, являлся во Владиміръ, когда случалось какое-нибудь несчастіе, когда, напр. заболѣвала Наталья Александровна, что всегда очень сильно пугало Александра Ивановича.

Наталья Александровна еще съ дѣтства поражала своей необычайной блѣдностью, прозрачностью и физической слабостью; она и въ дѣвущкахъ часто прихварывала. «Сколько здорова и тверда душа—говорить о ней Герценъ—столько утло и хрупко тѣло» ³⁾. Теперь же по выходѣ замужъ, въ декабрѣ 1838 г. она такъ заболѣла, что мужу пришлось новый годъ встрѣчать возлѣ ея постели. А въ ноябрѣ 1839 г. съ ней сдѣлалась сильная горячка, встревожившая и перепугавшая не только мужа, который по этому случаю впалъ въ черную «тоску и увяданіе» ⁴⁾, но даже и Огарева. Н. П. Огаревъ уже подумывалъ—не ѣхать ли ему на помощь во Владиміръ, не смотря на неимѣніе права выѣзжать изъ Москвы, куда только въ этотъ годъ былъ переведенъ изъ ссылки. Но, къ счастью, болѣзнь скоро приняла хорошее теченіе и эта рискованная поѣздка не попадобилась въ ноябрѣ. Рискъ свошенія съ ссылкой не пугалъ и не устрашалъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Въ мартѣ

¹⁾ Т. II, стр. 90.

²⁾ Тамъ же, стр. 89.

³⁾ Письма къ Витбергу. (Воспоминанія Пассекъ II, стр. 162).

⁴⁾ Письмо Огарева 1839 г., ноябрь. (Изъ переписки недавнихъ дѣятелей.—«Рус. Мысль»).

1839 года проѣздомъ въ Москву къ молодой четѣ заѣзжалъ на два дня и вятскій пріятель, Гавріилъ Каспаровичъ Эрнъ. Не забывала заглянуть, проѣзжая черезъ Владиміръ, въ мартѣ и декабрѣ 1839 года, и старая пріятельница Натальи Александровны, ея бывшая гувернантка. Эмилія Михайловна Аксбергъ. Даже попечитель московскаго университета, гр. Строгановъ, бывши какъ-то во Владиміръ, не забылъ о находящемся тамъ изгнанникѣ, пригласилъ его къ себѣ для свиданія и бесѣды. Нерѣдко молодыхъ навѣщала и Татьяна Алексѣевна Астракова съ мужемъ, принимавшая близкое участіе къ побѣгѣ Натальи Александровны изъ дома кн. Хованской. Въ іюнѣ, когда Н. А. приближалось время родить, къ нимъ пріѣхала Прасковья Андреевна Эрнъ, мать вятскаго пріятели. Наконецъ, одиночество молодой четы 13 іюня 1839 г. было нарушено появленіемъ на свѣтъ первенца Александра ¹⁾. По всему вѣроятію, около этого же времени Н. А. взяла къ себѣ въ домъ свою младшую сестру, красавицу Екатерину Александровну Захарьину, запрятанную послѣ смерти отца старшимъ братомъ «химикомъ» въ Шацкое имѣніе, Тамбовской губерніи и оставленную безъ всякаго образованія. Испытавши на себѣ всю тяжесть жизни въ чужомъ домѣ и постоянно мучаясь сознаниемъ отсутствія должнаго образованія, она, какъ только почувствовала самостоятельность, тотчасъ выписала изъ Шацка брата Петрушу, судьба котораго ее давно безпокоила, а затѣмъ и младшую сестру Катю. Петрушу Герцены думали отправить въ Вятку для обученія живописи у А. Л. Витберга ²⁾, по это не устроилось и они помѣстили его у Астраковыхъ въ Москвѣ, гдѣ онъ долженъ былъ готовиться къ поступленію въ Медико-Хирургическую Академію; но талантъ къ рисованію скоро увлекъ его въ другую сторону: онъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлался фотографомъ и открылъ свою фотографію. Сестру же Н. А. взяла къ себѣ во Владиміръ, въ свободныя минуты стала заниматься съ ней французскимъ языкомъ и учить на фортепьянахъ. Развивать, учить и помимо воли вліять на другихъ было ея талантомъ. Еще въ домѣ кн. Хованской, будучи связанной по рукамъ и по ногамъ въ каждомъ своемъ шагѣ, она умѣла создать себѣ ученицъ и горячихъ послѣдовательницъ въ лицѣ Саши горничной, Саши Клиентовой и Саши Боборыкиной. Вмѣстѣ съ христіанскимъ ученіемъ она умѣла имъ внушить любовь къ гонимому брату и создать къ нему въ ихъ сердцахъ родъ культа. Этотъ даръ передавать свои мысли требовалъ себѣ пищи и по выходѣ замужъ. И вотъ, Н. А. принимается обучать сестру, которая какъ бы замѣняетъ ей ея московскихъ Сашъ ³⁾.

¹⁾ Это и есть А. А. Герценъ, въ настоящее время извѣстный профессоръ фпзіологіи въ Лозанскомъ университетѣ.

²⁾ Письма А. И. Герцена къ Витбергу отъ 8 дек. 1838 г. («Изъ дальнихъ дѣтъ». Т. II, стр. 159).

³⁾ Впоследствии Е. А. Захарьина вышла замужъ за кіевскаго профессора Селина.

Трудно себѣ вообразить болѣе гармоническое соединеніе, чѣмъ представлялъ союзъ двоюроднаго брата и сестры. Ихъ взгляды, чувства, убѣжденія—все было въ рѣдчайшей, исключительной гармоніи, они безъ словъ понимали другъ друга; еще когда ихъ раздѣляло тысячеверстное пространство, ихъ нерѣдко посѣщали однѣ и тѣ же мысли, приходили и тѣ же вопросы. Только что Александръ Ивановичъ бывало захочетъ о чемъ-нибудь спросить невѣсту, какъ она, еще не получая запроса, уже пишетъ о томъ же. Такова была симпатія, гармонія натуръ того и другого, таково было сходство ихъ взглядовъ на жизнь, ея цѣли, на религію въ періодъ апогея любви.

А. И. Герцень, какъ натура крайне впечатлительная и увлекающаяся, будучи въ Вяткѣ, упдалъ въ своей невѣстѣ посланницу Божию, долженствующую вести его по вѣрному пути и проникся къ ней чувствомъ высочайшаго благоговѣнія. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ ея вліяніе росло сильнѣй, ея любовь въ концѣ вятской жизни какъ бы гипнотизировала жениха, лишая воли и заставляя попить всѣ другія цѣли и стремленія. Герцень доходилъ до того, что отказывался отъ славы, отъ труда, отъ всякаго поприща, отъ всякой активной дѣятельности, и ставилъ себѣ цѣлью въ жизни одно, свою Наташу, а себя обращалъ въ ея пьедесталъ. Такое состояніе продолжалось вплоть до свадьбы, послѣ чего къ нему мало-по-малу сталъ возвращаться прежній пылъ, присущій его натурѣ, прежняя жажда дѣятельности, труда, славы, жажда, которую онъ изо всѣхъ силъ старался давить въ Вяткѣ, но которая при всякомъ удобномъ случаѣ помимо его воли прорывалась наружу.

Наташя Александровна при всемъ обожаніи своего жениха не утрачивала ни одной черты изъ своего облика, ни на минуту не переставала быть сама собою. Тѣмъ дороже она была для Герцена, тѣмъ выше онъ цѣнилъ ее. «Ты пишешь, что я буду сердиться—говоритъ онъ въ письмѣ изъ Вятки ¹⁾,—что ты не писала къ Полинѣ ²⁾. Да развѣ я требую рабской покорности? Сколько разъ я еще прежде писалъ тебѣ: *будь самобытна—мы равны*. Зачѣмъ же тебѣ быть *рабою моею*,—нѣтъ, мнѣ повредилось твое непослушаніе».

Если же Н. А. вздумаетъ высказать несогласіе съ его взглядомъ, въ его глазахъ она оказывается всегда права, ея дѣйствія всегда правильны, ея аргументы—разумны. Только одинъ вопросъ—вопросъ о нарядахъ, онъ зналъ, не разрѣшится такъ просто, какъ другіе, потому, можетъ быть, и не затрогивалъ его чуть ли не вплоть до свадьбы, и только въ февралѣ 1838 г. высказываетъ, что любить въ дѣвушкѣ

¹⁾ Письмо отъ 17 ноября 1836 г. («Переписка» въ «Русск. Мысли»).

²⁾ Къ Вятской пріятельницѣ Герцена, Полинѣ Тромпетеръ, которая потомъ вышла замужъ за Скворцова.

охоту одѣваться. Н. А. въ отвѣтъ на это просить оставить ей ея прежнюю безпечность и право ограничиваться въ туалетѣ тѣмъ, что есть. «Тоже самое и въ столѣ,—да, я никогда бы не назначала особаго часа для лица», говоритъ она, должно быть, вспоминая заботливый уходъ о своемъ цвѣтѣ лица кв. Хованской. «Это что-то слишкомъ унижительная покорность тѣлу. Ежелибъ описывать все, я бы вышла птица на вѣткѣ»¹⁾. Ее гораздо больше тревожитъ вопросъ о томъ, что она не хозяйка, что у нея нѣтъ къ этому дѣлу ни интереса, ни влеченія, ни умѣнья, а между тѣмъ, вѣдь, это для дѣвушки, выходящей замужъ, вопросъ великой важности. Она, до сихъ поръ живущая мечтой, какъ птица на вѣткѣ», должна будетъ опуститься па землю, позаботиться о прислугѣ, о кухнѣ, о дровахъ, провизіи и т. п. Какъ ей быть при ея неумѣнн, а главное—при полной антипатіи къ этому дѣлу? Забота о щажъ, о кухонномъ горшкѣ такъ кажется низменна, ничтожна при ея идеальномъ отношеніи къ жизни. Женихъ нисколько не удивленъ ея признавіемъ: онъ и безъ него прекрасно знаетъ, что его Наташа не хозяйка, что ей не быть хозяйкой — и не нужно. Онъ признаетъ, что матерьяльныя заботы вообще — его департаментъ. «а твой—одна поэзія, одна религія, одна любовь». «Клянусь тебѣ нашей любовью, что никогда не видалъ существа, въ которомъ бы было столько поэзіи, столько граціи и высоты, и силы, какъ въ тебѣ». — Не удивительно, если послѣ такого отношенія жениха, которому въ глазахъ невѣсты не было равнаго на землѣ, Н. А. станетъ смотрѣть на себя, какъ на исключительное существо, долженствующее всегда имѣть одинаково высокую цѣну и силу вліянія въ глазахъ мужа.

Но интересно, какъ и что заговорить Герценъ, когда всѣ эти взаимныя условія и переговоры перестали быть только словами, когда они должны были превратиться въ дѣло, когда Н. А., ставши женой, должна была дѣйствительно столкнуться съ отсутствіемъ въ себѣ хозяйственныхъ способностей? Какъ и слѣдовало ожидать, онъ остался вѣренъ своему слову: все, что было возможно, изъ хозяйственныхъ хлопотъ онъ взялъ на себя. А когда родился ребенокъ, онъ не разъ пытался помогать женѣ въ ухаживаніи за малюткой, спѣшилъ ей подавать то одѣяльце, то пеленки, но все это выходило у него такъ неловко, такъ неумѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ забавно, смѣшно, что жена не въ силахъ бывала удержаться отъ смѣха. Возвращавшаяся послѣ женитьбы страсть къ дѣятельности, литературные труды, служба,—которая по его собственному признанію, была замѣнена во Владмирѣ завѣдываемѣмъ вмѣстѣ съ учителемъ гимназіи «Губернскими Вѣдомостями»²⁾, не мѣ-

¹⁾ Письмо отъ 28-го февр. 1838 г. («Переписка»).

²⁾ Записки. Т. I. Стр. 372.

шали ему подумать, есть ли въ сараѣ достаточный запасъ дровъ и съ ранняго утра дѣлать распоряженія на счетъ топки печей, не забывая при этомъ и такихъ хозяйственныхъ мелочей, какъ закрыванье и открыванье душниковъ; онъ же долженъ былъ позаботиться, чтобы вечеромъ были зажжены лампы; онъ же долженъ былъ заглянуть хозяйскимъ окомъ, заперта ли на ночь сѣнная дверь и дверь его кабинета и т. д., и т. д. Всѣ эти заботы онъ тотчасъ взялъ на себя, когда кончилась его холостая жизнь, и ввелъ ихъ въ колею своихъ ежедневныхъ обязанностей, хотя его сердце къ нимъ не лежало такъ же, какъ и у нея. Въ своихъ *Запискахъ* онъ никогда ни единымъ словомъ не намекаетъ, что этотъ грузъ скучныхъ заботъ лежалъ на немъ. Узнать объ этомъ пришлось только случайно, изъ писемъ той же Н. А. къ нему, когда ей въ его отсутствіе довелось волей неволей обо всемъ позаботиться самой.

II.

Благодаря такъ счастливо сложившимся условіямъ службы во Владимірѣ, молодой четѣ рѣдѣо приходилось разлучаться даже на нѣсколько часовъ въ день. Завѣдывать «Губернскими Вѣдомостями» можно было одинаково успѣшно и не выходя изъ дому, сидя въ своемъ кабинетѣ. Потому Н. А. совершенно справедливо могла писать одной изъ своихъ Сашъ ¹⁾ въ сентябрѣ 1838 года: «Вообрази, Сашенька, что мы съ Александромъ разтаемя *недѣли въ двѣ на одинъ только часъ*». Время вдвоемъ летѣло быстро, незамѣтно: они вмѣстѣ читали, вмѣстѣ уходили за городъ на далекія прогулки, вмѣстѣ шалили, вмѣстѣ бѣгали, какъ дѣти, по комнатамъ, прыгали по стульямъ, зажигали свѣчи во всѣхъ канделябрахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ и освѣтивъ залу а *giugno*, читали стихи» ²⁾. Они сами даже называли себя въ этотъ періодъ дѣтьми: «(Я) съ султанской настойчивостью, — пишетъ Герценъ, — требую, чтобы madame-дита ходила *затянутая* и одѣтая, *car tel est le bon plaisir de monsieur-дита*» ³⁾.

Если въ заботѣ о костюмѣ, въ вопросѣ о нарядѣ Н. А. нѣсколько и уступила мужу послѣ свадьбы, то въ вопросахъ религіозныхъ и нравственныхъ попрежнему первенство осталось за ней, мужъ попрежнему благоговѣетъ передъ ней, попрежнему подчиняется. Мысль, что она своимъ замужествомъ, противъ котораго были родные, разъединяла его съ отцомъ, И. А. Яковлевымъ, который хоть и не препятствовалъ,

¹⁾ А. Г. Кліентовой (Рус. Старина, 1892. Мартъ).

²⁾ Записки. Т. II. 89 стр.

³⁾ Письмо къ А. А. Витбергу отъ 3-го іюня 1838 г. (Пассекъ. Т. II. Стр. 151) «Потому что это доставляетъ удовольствіе дитяти-мужу».

а все же былъ противъ этого брака, тяготила ее еще во время жизни у княгини Хованской. Во Владимірѣ же это чувство должно было разьиграться еще сильнѣй. Хотя отецъ и дядя—«сенаторъ» съ первой же почтой поздравили молодыхъ, но отецъ не переставалъ сердиться на сына и тѣснить его матерьяльно. И вотъ ради того, чтобы удалить это единственное темное пятно, нарушающее свѣтлое счастье ихъ брачной жизни, они въ концѣ лѣта 1838 года рѣшаются слѣздить въ деревню къ отцу. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моей женитьбы.—говорить Герценъ,—я ѣздилъ полутайкомъ на нѣсколько дней въ подмосковную, гдѣ тогда жилъ мой отецъ. Цѣль этой поѣздки состояла въ окончательномъ примиреніи съ нимъ, онъ все еще сердился на меня за мой бракъ»¹⁾.

Настроеніе молодыхъ въ это время было крайне приподнято, какъ вслѣдствіе ихъ большого личнаго счастья, такъ и вслѣдствіе исключительной религіозности ихъ обоихъ. Потому не удивительно, что по дорогѣ въ подмосковную деревню отца, не смотря на дождь, сырость, дурную погоду, они поднимаются на Воробьевы горы собственно затѣмъ, чтобы взглянуть на мѣсто закладки храма Спасителя. Здѣсь со слезами на глазахъ вспоминаютъ вятскаго друга, архитектора Витберга, здѣсь Герценъ вспоминаетъ товарища дѣтства и юности, Огарева, съ которымъ девять лѣтъ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ они поклялись другъ другу въ вѣчномъ и неизмѣнномъ служеніи идеалу... Отсюда молодые поѣхали въ деревню, гдѣ Герценъ увидался съ своими родными. То было первое свиданіе послѣ тюрьмы и ссылки, и именно въ это свиданіе и былъ водворенъ полный миръ съ отцомъ, а не послѣ рожденія первенца, какъ ошибочно утверждаетъ Т. П. Пасекъ въ своихъ воспоминаніяхъ²⁾.

Десятаго августа молодые вернулись во Владиміръ. Изъ жизни снова вошла въ прежнюю колею непередаваемого счастья и той дивной гармоніи, о которой такъ много говорится въ *Запискахъ*. Опять они вдвоемъ, опять неразлучны, кругомъ ясный горизонтъ, безъ малѣйшей тучки, безъ единого пятна. Отъ избытка счастья Герценъ чувствуетъ себя еще юнѣ, къ нему возвращается «весь прежній пылъ, всѣ надежды», которыя онъ такъ настойчиво гналъ въ послѣдній годъ вятской жизни, и кажется, что теперь нѣтъ и не будетъ конца счастью...

Но вдругъ небо разомъ заволакивается нежданно налетѣвшей тучей: заболѣваетъ, какъ упоминалось равьше, Н. А., а только что ей стало лучше, неожиданная, врезанная смерть дяди «сенатора», Льва Алексан-

¹⁾ «Записки» I. Стр. 135.

²⁾ Письмо Герцена къ А. Л. Витбергу, отъ 10-го августа, 1838 г. («Изъ дальнихъ лѣтъ». Т. II. Стр. 154).

дровича Яковлева, случившаяся 19-го января 1839 г. ¹⁾), въ первый разъ разлучаетъ молодую чету на нѣсколько дней. Герценъ 21-го января ѣдетъ въ Москву.

Трудно сказать, при какихъ условіяхъ онъ поѣхалъ, тайно или съ позволеніемъ; самъ-ли надумалъ ѣхать, боясь за здоровье отца, послѣ такого нравственнаго потрясенія, или же кто-нибудь изъ родныхъ—мать, братъ—вызвали его. Но одно несомнѣнно, что онъ и жена боялись, какъ подѣйствуетъ на отца смерть единственнаго брата, оставшагося въ живыхъ. «Слава Богу, что папенька съ такою твердостью перенесъ эту огромную потерю, подкрѣпив его Богъ» ²⁾), говоритъ Н. А., получивши въ отсутствіе мужа, письмо отъ И. А. Яковлева.

Легко себѣ представить ея грусть и тоску въ одиночествѣ. Еще плохо оправившись отъ болѣзни, совсѣмъ слабенькая, утомляющаяся отъ всякихъ пустяковъ и притомъ беременная, она въ первый разъ остается безъ мужа и не знаетъ, куда дѣвать себя въ его отсутствіи. Скучаетъ, какъ ребенокъ: «утро показалось такъ длинно, такъ длинно... я принималась за то, за другое и ничѣмъ не могла заняться, даже любимая моя работа—крошечная рубашечка (для будущаго первенца) не шилась и падала изъ рукъ. Я начинала ходить, садилась опять, опять ходила и не знала, что сдѣлать, даже начинала дурно себя чувствовать...» «Ахъ, какую я сиротою безъ тебя! Боже мой, Боже мой, избави насъ впередъ разлуки! Безъ тебя я ничтожна, — какъ не хорошо!» ³⁾. Она такъ привыкла за восемь мѣсяцевъ замужества быть неразлучно вдвоемъ, что безъ него не знаетъ, къ чему себя приспособить, на чемъ остановиться, къ тому-же въ послѣднее время по случаю болѣзни вниманіе мужа должно было избаловать еще больше.

Оставшись одна, она волей-неволей должна взять на себя домашнія хлопоты, хозяйственныя заботы, но овѣ не развлекаютъ, мысли по прежнему остаются все на «немъ» и на счастливыхъ дняхъ прошлаго: на 3 мартѣ, 9 маѣ, т. е. на первомъ тайномъ свиданіи въ Москвѣ, на Поварской, въ домѣ кн. Хованской, и на днѣ свадьбы. Ни о чемъ больше не можетъ ни думать, ни говорить. Ей хотѣлось-бы теперь съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ счастьемъ, кому-нибудь рассказать объ этихъ дняхъ, которые они оба привыкли святить, —но кому? Во Владимірѣ они живутъ такъ уединенно, такъ вдвоемъ, что, кромѣ жены губернатора, Юліи Ѳедоровны Куруты и ея сестры, которая во всѣхъ подробностяхъ знаетъ ея романъ, у нея никого нѣтъ. И только случайный пріѣздъ во Владиміръ одного изъ старыхъ знакомыхъ Александра

¹⁾ Дата взята мной съ могильнаго памятника, который находится въ Москвѣ, въ Девичьемъ монастырѣ, гдѣ похоронены всѣ родные Герцена и двое его дѣтей.

²⁾ Рукописное письмо Н. А. Герценъ, изъ Владиміра, отъ 21--24 января 1839 г.

³⁾ Тамъ-же.

Ивановича, Владиміра Машковцева съ женой, даетъ возможность ей вдоволь поговориться на любимую тему.

Герценъ въ эту поѣздку пробылъ въ Москвѣ не долго. Н. А. успѣла написать ему только одно письмо, которое, впрочемъ, писалось въ продолженіи четырехъ дней: отъ 21 до 24 января, а А. И. не успѣлъ написать ни одного. Едва-ли въ эту поѣздку онъ успѣлъ повидаться съ кѣмъ изъ товарищей, кромѣ Н. Х. Кетчера и Астраковыхъ, проживавшихъ въ Москвѣ; остальные-же не возвращались еще изъ ссылки.

III.

Начавшись такъ печально для молодой четы, 1839 годъ не лишень былъ и многихъ радостей. Пятнадцатаго марта ¹⁾ къ нимъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ женой, Марьей Львовной, для свиданія, ближайшій другъ, Н. П. Огаревъ. По привычкѣ записывать все важныя событія своей жизни, Герценъ записалъ и объ этомъ свиданіи въ своей записной книжкѣ, отъ которой уцѣлѣлъ до насъ всего одинъ листокъ: «Одного не доставало для полнаго блаженства — Николая, и съ нимъ свиданіе было въ мартѣ. Онъ пробылъ у насъ съ Маріей 15, 16, 17, 18. 19-го я проводилъ его... Мы четверо вдругъ встали на колѣни и молились передъ распятіемъ. Душа такъ была свѣтла, такъ торжественна ²⁾».

Они благодарили Бога, что опять вмѣстѣ и что ихъ теперь не двое, а четверо. Ни тѣни чернаго воспомнанія, ни малѣйшаго темнаго предчувствія, молодость, дружба, любовь, избытокъ силъ, энергій, здоровья и безконечная дорога впереди. *Мистическое настроеніе*, которое еще не проходило тогда, придавало праздничную торжественность нашему свиданію, какъ колокольный, звонъ, пѣвчіе и зажженные паникадила ³⁾.

Вотъ какимъ чувствомъ была полна душа изгнанниковъ при концѣ ссылки: ни тѣни, ни малѣйшаго слѣда злобы или гнѣва на свое подневольное положеніе, въ которомъ они видѣли теперь искусь, подготовленіе къ тому личному счастью, какимъ были полны въ настоящее время и на которое смотрѣли, какъ на искупительную награду за все, что пришлось испытать и перевести за время ссылки. Теперь и ссылка уже не имѣла для нихъ того прежняго остраго, гнетущаго характера, какъ было въ Вяткѣ.

Н. П. Огаревъ прекрасно выразилъ въ стихотвореніи, написанномъ тутъ-же во Владимірѣ и посвященномъ «*Маріи, Александру, Наталш*», то кроткое, мирное настроеніе, то чувство высшаго счастья, какимъ

¹⁾ Пакетъ съ рукописями 30-хъ годовъ. А не 17-го марта, какъ говорится въ статьѣ Аиленкова: «Идеальность тридцатыхъ годовъ».

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Записки. Т. II, стр. 113.

были охвачены друзья, и ту благодарность, какою были полны ихъ души:

Благодарю тебя, о, привидѣнье,
Благодарю, благодарю тебя,
Ты мнѣ дало чудесное мгновенье,
Я дожиль до чудеснѣйшаго дня.

Какъ я желалъ его! Въ душѣ глубоко
Я, какъ мечту, какъ сонъ, его ласкалъ.
Сбылась мечта, и этотъ мигъ высокій
Я не во снѣ, я на яву узналъ.

Любовь и дружба—вы теперь со мною,
Теперь вы вмѣстѣ, вмѣстѣ у меня—
О, Бже мой, я радостной слезою
Благодарю, благодарю тебя.

Благодарю! о, съ самага рожденья
Ты два зерна мнѣ въ душу посадилъ,
И вотъ я два прекрасныя растенья
Изъ нихъ, мой Боже, свято возрастилъ.

Одно—то дубъ съ зелеными листьями,
Высокій, -твердый, гордой головой
Онъ съединился дивно съ небесами
И тѣвъ оградно бросилъ надъ землей.

Другое - то роскошное явленіе,
То южныхъ странъ душистое дитя,
Магнолія - вѣнецъ всего творенья..
О, Боже мой, благодарю тебя!

Любовь и дружба! вы теперь со мною,
Друзья! такъ обнимите-же меня.
Вотъ вамъ слеза—пусть этою слезою
Вамъ скажется, что ощущаю я ¹⁾.

Девятнадцатаго марта друзья разстались. Огаревъ поѣхалъ въ свое имѣвіе Вѣлоомуть, Ризанской губ., а жену отправилъ нѣсколько раньше въ Петербургъ хлопотать о снятіи надзора съ него и съ его друга.

Герцевъ и самъ не переставалъ хлопотать о томъ-же, но все хлопоты до сихъ поръ ни къ чему не привели. Сколько разъ еще въ Вяткѣ онъ питалъ надежду на возможность возвратиться въ Москву, когда тамъ была его невѣста, и все было напрасно; каждый разъ когда надежда на свиданіе съ невѣстой казалась такъ близка и осуществима, изъ Петербурга вдругъ получался рѣшительный отказъ. Теперь-же, когда Н. А. была съ нимъ во Владимірѣ, онъ не переставалъ добиваться того-же, по уже ради свободы вообще и ради заграничной поѣздки, о которой мечталъ давно. Отвѣты по прежнему были не утѣшительны.

Но хлопоты Марьи Львовны Огаревой оказались успѣшнѣе другихъ, можетъ быть, оттого, что онѣ совпали со свадьбой великой княжны.

¹⁾ Напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1889. Февраль.

Какъ-бы то ни было, а результатомъ ея поѣздки было прощенье Огареву, послѣдовавшее въ концѣ мая 1839 г. и позволеніе переселиться въ Москву, чѣмъ онъ и воспользовался въ это-же лѣто. 20-го іюля послѣдовало высочайшее прощенье и Герцену, а 29-го владимірскій губернаторъ, Курута, извѣщалъ Владимірское губернскае правленіе о прекращеніи полицейскаго надзора за нимъ. Съ этого времени Герценъ былъ назначенъ на должность чиновника особыхъ порученій при томъ-же Владимірскомъ губернаторѣ ¹⁾.

Это снятіе надзора, конечно, облегчило и возможность уже не тайнаго появленія въ Москву, и первая такая поѣздка Герцена состоялась 28 іюля 1839 года.

Этого числа Герценъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней къ отцу, чтобы переговорить о своемъ намѣреніи переѣхать въ Москву со всей семьей и чтобы приготовить все необходимое къ переѣзду. Но отецъ еще раньше позаботился: онъ купилъ для сына домъ у генерала Тучкова, рядомъ со своимъ, и Александру Ивановичу оставалось только ѣхать обратно во Владиміръ и привозить семью, что онъ и не замедлил сдѣлать.

По счету то была уже седьмая поѣздка изъ Владиміра въ Москву,

¹⁾ «Новое Слово» 1894. № 1. «Служба А. И. Герцена во Владимірѣ» г. Левитскаго. Эта статья расходится съ имѣющимся въ печати даннымъ изъ жизни А. И. Герцена. Такъ г. Левитскій говоритъ о Высочайшемъ повелѣніи отпустить Герцена подъ строгое наблюденіе мѣстнаго начальства на службу въ Пермскую губернію, что будто-бы оно состоялось въ 1834 г., *но осталось не исполненнымъ*, что Герценъ *туда не поѣхалъ а вмѣсто того*, въ слѣдующемъ 1835 году по такому-же Высочайшему повелѣнію тоже подъ строгій надзоръ мѣстнаго начальства *былъ отправленъ въ городъ Вятку*. Извѣстно изъ *Записокъ* самаго Герцена, что приговоръ о переводѣ на службу въ Пермь былъ выслушанъ имъ въ мартѣ 1835 г., и въ Москву онъ былъ отъезженъ прямо въ Пермь, а не въ Вятку. Послѣднее подтверждаетъ и «Переписка» съ невѣстой, печатаемая съ 1893 г. въ «Русской Мысли», гдѣ есть письмо прямо помѣченное «Пермь».

Относительно-же главнаго сообщенія, долженствовавшаго составлять интересъ статья, объ участіи Герцена во «Владимірскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ», къ чему сводилась — по его собственному свидѣтельству — вся его служба во Владимірѣ, мы должны замѣтить, что авторъ не только не даетъ цѣлкомъ ни одной статьи Герцена изъ Губернскихъ ведомостей, но даже не даетъ хотя-бы краткаго ихъ перечня. А статей и замѣтокъ за два года пребыванія во Владимірѣ, казалось-бы, должно было быть не мало. Г. Левитскій все сообщеніе сводитъ къ единственной статьѣ: «Владимірская Публичная Библиотека», изъ которой выписываетъ всего нѣсколько словъ, какими статья начпается и оканчивается, тогда какъ желательно было-бы, чтобы она была перепечатана вся цѣлкомъ или по крайней мѣрѣ, было бы сообщено ея содержаніе. Упомянувъ о небольшихъ замѣткахъ съ надписями А. И. Г., г. Левитскій говоритъ: «Но все онѣ не заслуживаютъ особаго вниманія». Между тѣмъ Т. П. Пассекъ въ своихъ Воспоминаніяхъ пишетъ, что Герценъ, вернувшись изъ Владиміра въ Москву, читалъ ей нѣкоторыя изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ Губернскихъ Ведомостяхъ, значить, надо думать, что тамъ были статьи, которыя самъ авторъ находилъ въ то время заслуживающими вниманія.

но тѣ разы, за исключеніемъ послѣдняго, Герценъ ѣздилъ или совсѣмъ украдкой, или полутайкомъ, потому разсмотрѣть и взглянуть въ то, что представляла изъ себя Москва, насколько измѣнилась за его больше чѣмъ пятилѣтнее отсутствіе, онъ не могъ; только теперь онъ имѣлъ и достаточно свободнаго времени и право присматриваться, открыто взглядываться въ ея общественную жизнь, онъ могъ замѣтить перемены.

Того товарищескаго кружка, среди котораго онъ жилъ въ университетѣ и по выходѣ изъ него,—уже не существовало. Отъ кружка уцѣлѣли только немногіе: Н. Х. Кетчеръ, Н. П. Огаревъ, Н. М. Сатинъ. Огаревъ съ женой поселился въ новой квартирѣ, на Арбатѣ, которую Марья Львовна тщательно отдѣлывала, рассчитывая завести кругъ свѣтскаго знакомства и понемногу втянуть въ эту жизнь и мужа. Та форма жизни, къ которой подготавливалась Марья Львовна, возбуждала негодование въ такихъ товарищахъ буршахъ, какими оставались, напр. Н. Х. Кетчеръ, Астраковы... И потому между ними и женой Огарева уже начинались мелкія ссоры, которыя, какъ бы то ни было, должны были нарушать дружескія собранія. Герценъ въ началѣ относился къ Марьѣ Львовнѣ съ большимъ снисхожденіемъ, часто даже защищалъ ее. Вокругъ Огарева, притягивавшаго къ себѣ людей, какъ магнитъ, теперь стояли преимущественно люди другого кружка, иного направленія. Тутъ были: Катковъ, Боткинъ, Бакунинъ, Бѣлинскій... Кружокъ этотъ ярко обозначился еще въ университетскихъ стѣнахъ, одновременно съ кружкомъ Герцена, и извѣстенъ былъ подъ именемъ кружка Станкевича. Въ этомъ кружкѣ преобладали философскіе интересы, преимущественно изучали философію Гегеля. А. И. Герценъ, всегда живой и общительный, къ которому, какъ упоминалось раньше, вернулся «весь прежній пылъ, всѣ надежды»,—не могъ, встрѣчаясь у Огарева, не вступать въ общеніе съ этимъ кружкомъ, не вести споровъ и бесѣдъ по тѣмъ же философскимъ вопросамъ. Слѣдя во все время ссылки за всѣми новостями въ области науки и литературы европейской, онъ не могъ не слышать еще до пріѣзда въ Москву объ имени Гегеля, не могъ не знать, хотя бы отчасти, и самой философіи Гегеля. «Нынѣшняя нѣмецкая философія очень утѣшительная, это слитіе мысли и откровенія, воззрѣнія идеализма и воззрѣнія теологическаго»,—писалъ онъ 24 ноября 1838 года Витбергу ¹⁾. Разъ у него завязался споръ съ однимъ изъ представителей этого кружка, съ В. Г. Бѣлинскимъ, который со всей страстностью своей натуры весь съ головой уходилъ въ ученіе Гегеля, своеобразно и не совсѣмъ вѣрно понимаемое имъ, и ссылаясь на Гегеля, защищалъ всякую историческую дѣйствительность. Герценъ поспѣшилъ перевести теоретическій вопросъ на жизненную почву, на конкретный примѣръ.

¹⁾ «Изъ дальнихъ лѣтъ». Т. II. Пассекъ. Т. II. Стр. 157.

въ увѣренности, что это убѣдить и обезоружить противника. Но Бѣлинскій, какъ извѣстно, отвѣтилъ ему на это чтеніемъ «Бородинской Годовщины»,—противники поняли, что продолжать споръ бесполезно—и, недовольные другъ другомъ, разошлись. Бѣлинскій скоро уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ такія же пренія вступали и другіе изъ гегельянцевъ, если не съ Герценомъ, то съ Огаревымъ, и каждый изъ противниковъ оставался при своемъ. Споры обыкновенно велись очень жаркіе, къ нимъ относились съ юношеской горячностью, нетерпимостью, не желая дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ.

Отсутствіе прежняго солидарнаго кружка и непріятное столкновеніе съ кружкомъ Станкевича, разумѣется, не могли особенно радовать Герцена. «Что сказать вамъ—пишетъ онъ Витбергу отъ 13 сентября 1839 г.—о продолжительномъ свиданіи моемъ съ Москвою? Москва похожа на тѣхъ добрыхъ людей, о которыхъ часто помнишь въ разлукѣ и до которыхъ дѣла нѣтъ, когда они на лицо. Москва скучна, не смотря на то, что тутъ бѣготни и трескъ ¹⁾».

Извѣстно, что лѣтомъ 1839 г. въ Москвѣ праздновалось открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ. Наканунѣ былъ устроенъ ходъ вокругъ кремля, въ которомъ принималъ участіе московскій митрополитъ Филаретъ и императоръ Николай Павловичъ. По случаю открытія памятника въ Москву пріѣхала царская фамилія и иностранные принцы. Былъ вмѣстѣ съ царскою фамиліей и В. А. Жуковскій, съ которымъ Герценъ познакомился еще въ Вяткѣ, когда Жуковскій съ Арсеньевымъ сопровождали наслѣдника, Александра Николаевича, въ путешествіи по Россіи. Герценъ видѣлся съ поэтомъ, но встрѣча была настолько незначительна, что онъ отказывается что нибудь сказать о ней.

Недовольство Москвою отчасти, можетъ быть, имѣетъ причины и чисто личнаго характера. Отецъ попрежнему предъявлялъ свои придирчивыя старческія требованія къ сыну, попрежнему продолжалъ наводить на всѣхъ окружающихъ страхъ, былъ непривѣтливъ и даже невѣжливъ съ его товарищами и т. д. Но глубокое чувство состраданія къ старику, которому онъ доставилъ своей тюрьмой и ссылкой столько тяжелыхъ минутъ, заставляло Герцена смириться и покорно переносить всѣ странности и капризы отца.

Послѣ этого понятно, что пребываніе въ Москвѣ и встрѣча съ Москвою, хоть и послѣ долгой разлуки, не могла особенно радовать Герцена. И онъ безъ особаго сожалѣнія уѣзжаетъ опять во Владиміръ, гдѣ его ждетъ милая семья губернатора Куруты и настолько неотягательныя обязанности службы, что можно вполне свободно присѣсть за

¹⁾ Тамъ-же.

усердное изученіе Гегелевой философіи. Последнее, надо думать, было результатомъ споровъ и столкновеній съ кружкомъ Станкевича. Подтвержденіемъ этому служить та критика, съ какой Герценъ приступаетъ теперь къ предмету и которой дѣлится съ своимъ другомъ. Огареву не нравится такое отношеніе къ философіи. По его мнѣнію, къ ней надо подходить, какъ къ религіи, «со страхомъ и трепетомъ», а не съ самоупіиствомъ. «И еслибы ты былъ на такой точкѣ, ты бы не говорилъ: «вотъ тутъ-то Гегель ошибся», а сказала бы: «вотъ тутъ-то я недоразумѣваю, надо ближе познакомиться съ цѣлостью системы»; ты бы не говорилъ: «давайте, разберемте по книгѣ Гегеля и станемте переводить», а сказала бы: нельзя ли приступить къ переводу какой-нибудь части Гегеля, не усвоивъ себѣ папередъ всей системы? Если ты откровененъ, ты согласишься со мной ¹⁾».

IV.

Надо думать, впрочемъ, никакихъ переводовъ изъ Гегеля за это время сдѣлано не было, да и прожить во Владимірѣ на этотъ разъ Герцену пришлось не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Еще будучи въ Москвѣ, онъ подумывалъ проѣхать въ Петербургъ ради освѣженія. Отецъ на эту поѣздку тоже имѣлъ свои цѣли. Потому въ началѣ декабря Герценъ беретъ 28-ми дневный отпускъ съ тѣмъ, чтобы, пробывши нѣсколько дней въ Москвѣ, ѣхать въ Петербургъ.

Но еще до этой поѣздки у него начинается разладъ съ женой Огарева. Онъ сталъ высказывать недовольство ею въ письмахъ къ другу еще осенью 1839 года. Это видно изъ сохранившихся и напечатанныхъ въ «Русской Мысли» писемъ Огарева: «Получилъ отъ тебя писульку—говоритъ онъ Герцену—и очень недоволенъ ею; желчь въ письмѣ ко мнѣ гадка и неумѣства»... «Твое письмо огорчило меня. На сколько, суди самъ. Но Богъ тебя прости, хотя оно скверно»... Но мнѣ ужасно грустно. Помнишь ли когда Quasimodo столкнулъ архидіакона и смотрѣлъ на Эсмеральду и сказалъ: «вотъ все, что я любилъ».

Этотъ намекъ на столкновеніе въ одномъ сердцѣ борьбы между любовью и дружбой Огаревъ поясняетъ въ слѣдующемъ письмѣ отъ ноября 1839 года. «Ты понялъ мою прятчу объ архидіаконѣ? Ничего не понялъ. Я не хотѣлъ сказать, что я столкну дружбу съ колокольни. О! нисколько. Страшно мнѣ было бы наложить преступную руку на дружбу святую; я не отцеубійца, не братоубійца и т. д. Но еслибы Клодъ Фролло могъ разбить, повѣсить Эсмеральду, то тогда Quasimodo долженъ былъ разбить Клода. Еслибъ Эсмеральда сбросила Клода, то

¹⁾ Изъ переписки недавнихъ дѣателей (Рус. Мысль).

Quasimodo уничтожилъ бы Эмеральду. Короче и яснѣе: уничтожь во мнѣ чувство любви, ты уничтожишь и чувство дружбы. Уничтожь чувство дружбы, и ты уничтожишь и чувство любви. О, тяжело бы мнѣ было, если бы въ самомъ дѣлѣ такъ! Тогда дружба и любовь должны были бы сойтись на моей могилѣ, чтобъ примириться, и я бы не выпесъ ихъ дѣйствительнаго разрыва. Но *es ist nicht so arg*. Еще не разъ сойдутся онѣ дружелюбно, и будутъ блаженные минуты. Придетъ время, и сведутъ ихъ».

И это время пришло скоро. Огаревъ съ нетерпѣніемъ думаетъ о предстоящемъ свиданіи. Онъ за эти два мѣсяца жизни врознь совсѣмъ соскучился по другѣ и умоляетъ его о бесѣдѣ *en tête a tête*. «Ты придешь ко мнѣ, и мы проведемъ полночь, — пишетъ онъ Герцену, — или цѣлую ночь вмѣстѣ, да никому не скажемъ о томъ, — Саша пожалуйста, никому; останемся *tête en tête* у камина, вѣдь мнѣ все таки тебѣ больше есть кое о чемъ сказать, нежели имъ (т. е. повѣмъ московскимъ друзьямъ)».

Но Герценъ захотѣлъ явиться сюрпризомъ и, не давая знать, 5-го декабря выѣзжаетъ изъ Владиміра вмѣстѣ съ своимъ любимымъ слугой Матвѣемъ, оставивъ дома жену, — теперь уже не одну, а съ сыномъ, окруженную слугами: недавно нанятая нянюшка и двѣ мужскія прислуги. Кромѣ того, какъ говорилось раньше, — при ней была ея родная сестра, Е. А. Захарьина.

Шестого декабря въ шестомъ часу Герценъ пріѣхалъ въ Москву, проѣхалъ прямо на Арбатъ въ квартиру Огарева. Явился экспромтомъ — и не засталъ Огарева дома. Но все равно, дома жена, — онъ хочетъ ее видѣть. Герценъ, не смотря на свое письмо, въ которомъ по ея адресу было вылитое много желчи, почему то рассчитывалъ на теплый, радужный пріемъ съ ея стороны. Ни тепла, ни радужія онъ, разумѣется, не встрѣтилъ. М. Л. Огарева отнеслась къ нему «сухо», «холодно», какъ и надо было ожидать послѣ вышешприведенной переписки. Не могъ же Огаревъ при своемъ чистосердечіи и откровенности, и при своей страстной любви къ женѣ скрыть отъ нея полученное письмо друга, не могъ не высказать своего взгляда по этому поводу. Но, видимо, Герценъ на это не рассчитывалъ, такъ какъ въ письмѣ отъ 11-го дек. 1839 г. онъ пишетъ женѣ: «Мое письмо сдѣлало ужасную сцену» ¹⁾ Холодный пріемъ его ужасно огорчилъ и разстроилъ. Усталый, съ дороги послѣ 17-ти часовой тряски въ кибиткѣ, не спавши ночь, измерзшій, онъ принужденъ сейчасъ же опять ѣхать отыскивать друга, который — какъ ему сказали — долженъ быть теперь у Кетчера. И Герценъ тащится по 28-ми градусному морозу на другой конецъ

¹⁾ Пакетъ съ письмами 30-хъ годовъ.

Москвы. Желаніе какъ можно скорѣе увидать друга преодолеваетъ всякую усталость, и, вмѣсто того, чтобы съ Арбата повернуть на Старую Конюшенную—всего два шага, гдѣ живетъ отецъ И. А. Яковлевъ, Герценъ тащится черезъ всю Москву на Мѣщанскія.

У Кетчера онъ нашелъ и Сатина, и Огарева. Тутъ же съ ними и еще новое лицо, незнакомое—актеръ Щепкинъ. Всѣ обрадовались неожиданному пріѣзду, цѣлуются, обнимаются. Но Огаревъ долженъ опечалить веселье: онъ объявляетъ, что *долженъ* «ѣхать въ собраніе». Этотъ самъ по себѣ пустяшный фактъ нарушаетъ шумную радость и, безъ сомнѣнія, туманитъ и разстраиваетъ Герцена. И почему Огареву понадобилось сегодня въ собраніе? Конечно это все дѣло Марьи Львовны, ея вліяніе. Она тянетъ мужа въ другую сторону... Она становится между друзьями, ей хочется порвать дружбу... И фактъ ухода неприятно дѣйствуетъ на Герцена, хотя наружно онъ и не перестаетъ быть веселымъ. М. С. Щепкинъ, съ которымъ съ этого вечера начинается его знакомство, неудержимо смѣшитъ всю компанію своимъ неподражаемымъ умѣньемъ рассказывать... «а, впрочемъ, у Кетчера (я) провелъ время хорошо,—пишетъ Герценъ въ томъ же письмѣ къ женѣ,—тамъ познакомился съ извѣстнымъ актеромъ Щепкинымъ, и хохоталъ, какъ безумный, отъ его дара рассказывать анекдоты ¹⁾». Тутъ же у Кетчера онъ и почеваль, и только на другой день утромъ явился къ отцу, въ Власьевскій переулокъ, на Старую Конюшенную.

Ворчливые разговоры старика, его постоянная привычка брюжжать, денежные счеты, которыми онъ занималъ сына,—все это не на столько привлекательно, чтобы удерживать дома, а въ кругу друзей, благодаря М. Л. Огаревой, онъ уже не чувствуетъ прежней, свѣтлой, невозмутимой радости. Онъ готовъ хотя на третій же день ѣхать въ Петербургъ. Вѣдь, и другіе всѣ противъ Марьи Львовны. А что про нее говорятъ! Какія исторіи! Герценъ находитъ, что она даже ниже того, что онъ о ней думалъ: «c'est une femme sans coeur, sans esprit, et sans conduite même, déjà il y a des histoires qu'on raconte d'elle ²⁾». Въ раздраженіи онъ готовъ даже лишить ее ума, который самъ, какъ и всѣ друзья, неоспоримо признавалъ въ Огаревой. Такъ огорченъ, такъ разстроенъ былъ Герценъ.

Огареву было не легче. Весь сотканный изъ любви и дружбы, нѣжный, чувствительный, что долженъ былъ онъ испытывать при видѣ сперва мелкихъ, ничтожныхъ ссоръ между женщиной, которую спльно любилъ, и друзьями, и наконецъ серьезно закипавшей вражды между ею и... другомъ, который—по его собственному признанію—былъ для

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ «Изъ переписки недавнихъ дѣятелей» (Рус. Мысль): Эта женщина безъ сердца, безъ ума и даже безъ добраго имени,—о ней уже рассказываютъ цѣлыя исторіи».

него одинаково дорого, какъ и любимая женщина? Онъ мучился, страдалъ, уговаривалъ мириться. Но она на эти просьбы и мольбы отвѣчала, что скорѣй готова на разрывъ съ нимъ, съ своимъ мужемъ, чѣмъ самою первой протянуть руку примиренія. Друзья ея отказъ объяснили гордостью, нежеланіемъ ничѣмъ поступиться для любимаго человека, а Герценъ—прямо отсутствіемъ любви къ мужу. Огарева же не признавала за собой никакой вины и никакъ не могла понять, какъ мужъ, который ее любитъ, могъ настаивать, чтобы она, невиноватая ни въ чемъ, и при томъ женщина, шла первая просить прощенья у мужчины, оскорбившаго ее? Какъ это назвать? Это развѣ любовь? И она поотрѣвъ отказалась идти просить прощенья...

Да и дѣйствительно эти приставанья Огарева къ женѣ, эти просьбы кажутся странны, когда мы знаемъ, что не жену, а друга онъ въ этотъ разъ считалъ неправымъ. «Ты былъ не правъ, писалъ онъ ему,—по отношенію Маріи, это доказываетъ фактъ; но что ты пользы этимъ никакой не сдѣлалъ, какъ возстановилъ ее противъ себя жестоко и можетъ быть надолго, это тоже фактъ ¹⁾». Но тѣмъ не менѣе онъ убѣждалъ ее протянуть руку. Когда она отказалась, не оставалось другого выхода, какъ обратиться къ Герцену и его просить о примиреніи.

Герцену трудно было устоять въ особенности при той сердечной, чуткой натурѣ, которой его надѣлила природа. Эта крайняя чуткость и необыкновенная чувствительность, исключавшая въ его натурѣ суровую стойкость, непреклонность и злобу, можетъ быть, главнымъ образомъ и мѣшала выработаться въ немъ тому суровому, непреклонному, стойкому политическому дѣятелю, котораго онъ хотѣлъ и не могъ въ себѣ воплотить. И онъ не заставляетъ друга повторять просьбы. «Я примирился съ М-те,—пишетъ онъ 11-го дек. 1834 г., чтобы успокоить его, я видѣлъ, что это необходимо для его любящей души и сдѣлалъ первый шагъ; принесъ на жертву гордость, оскорбленіе и протянулъ руку,—и тутъ, стало, дружба побѣдила любовь. У меня съ нею было объясненіе. Боже мой, какаа горкая чаша достается ему, ежели все останется, какъ есть!» ²⁾).

Герцену казалось, что его другъ не сознаетъ еще, что за существо его жена. «Бѣдный, бѣдный Огаревъ, и еще повязка не спала съ глазъ его» ³⁾. Но вскорѣ пришлось убѣдиться, что онъ ошибся, пришлось узнать отъ самого Огарева, что онъ «видитъ многое» ⁴⁾, а если видить, то, слѣдовательно, и страдаетъ глубоко, сильно. И Герцену его безконечно жаль, а главное—помочь трудно.

¹⁾ Изъ переписки недавнихъ дѣтелей.

²⁾ Пакетъ съ письмами 30-хъ годовъ

³⁾ Рукописное письмо 8-го дек. 1839 г.

⁴⁾ Рукописное письмо отъ 11-го дек. 1839 г.

Къ этому выводу Герценъ еще рѣшительнѣе пришелъ послѣ откровенной бесѣды съ другомъ наединѣ, которая состоялась по желанію самаго Огарева. «Онъ звалъ меня поговорить объ этомъ, я сказалъ ему дѣло и спросилъ: «Кто виноватъ?» Слезы были у него на глазахъ, и онъ наконецъ сказалъ: «Que faire? à present on ne peut plus changer» ¹⁾. Онъ страдаетъ и мечтаетъ облегчить свою грудь, помиравши насъ, мы помирились. но онъ, навѣрно, не меньше страдаетъ» ²⁾.

Это говорилось уже въ письмѣ изъ Петербурга. Видимо, семейный вопросъ Огарева, гдѣ другъ оказывался вполнѣ несчастнымъ, не давалъ покоя Герцену даже въ Петербургѣ. Ужъ черезчуръ велика оказывалась разница между М. Л. Огаревой и его несравненной «Наташей», которую боготворилъ весь кружокъ друзей и которую вскорѣ за это невзлюбила Марья Львовна. Разъ, поссорившись съ Огаревымъ и предлагая разѣздъ, она сказала ему: «я уѣду въ деревню, а ты поищи себѣ какую-нибудь Наташу, болѣе способную сдѣлать тебя счастливымъ».

Сама же Н. А. Герценъ была далека отъ того, чтобы высказывать свое превосходство и унижать жену самаго близкаго друга. Въ ней не было той мелкой зависти, которую такъ часто питаютъ женщины другъ къ другу. Она была слшскомъ счастлива для этого и относилась къ М. Л. Огаревой, какъ къ сестрѣ. Даже разладъ мужа съ ней, обнаружившійся по письмамъ осенью 1839 г., не поколебалъ ея отношеній, къ Огаревой. Ея не возстапавливаютъ противъ Марьи Львовны и распускаемыя про нее сплетни. Н. А. была далека отъ женской привычки пополнять пустоту своей жизни сплетнями. Она не только сама не вносила этой унижительной для челоѣка заразы въ свой домъ, она отстраняла отъ нея и мужа, когда онъ въ силу своего увлекающагося характера иногда не замыкалъ ушей отъ шумѣвшей вокругъ сплетни или слуха, выдаваемого за достовѣрный. Н. А. еще въ домѣ княгини Хованской, который кишѣлъ пустыми праздными старухами, наполнявшими свой постоянный досугъ пересудами, переходившими въ клевету, переливаньемъ разныхъ помоевъ, которые безошадно выливались на голову въ большинствѣ случаевъ невинныхъ жертвъ, — еще тамъ получила отвращеніе къ этому привилегированному женскому занятію, и теперь была сознательнымъ, разумнымъ врагомъ его. Недовѣріе и даже отвращеніе къ сплетнѣ у нея обратилось въ принципъ; при малѣйшемъ намекѣ на какой-нибудь порицающій челоѣка слухъ, она вооружалась противъ и настаивала на такомъ же отношеніи и другихъ; стыдила, находила нѣчто унижительное въ этомъ довѣріи. Въ отвѣтъ на вышеприведенное сообщеніе мужа о М. Л. Огаревой, что о ней уже разсказываютъ дѣлыя исторіи, она говоритъ: «Ну, зачѣмъ ты

¹⁾ «Что дѣлать? Теперь уже измѣнить нельзя».

²⁾ Рукоп. письмо отъ 18 дек. 1839 г.

пишешь о слетняхъ, о нихъ и говорить унижаетъ ¹⁾. Можно ли смотрѣть на то, что говорятъ? Посмотри и на меня выдумаютъ что-нибудь: только ты изъ Владиміра—я изъ дому вонъ». Другое дѣло его личное убѣжденіе въ ничтожествѣ Огаревой,—это дѣлаетъ на нее тяжелое впечатлѣніе, ей становится «ужасно грустно»; какъ жаль его (т. е. Огарева); но мнѣ жаль и ее,—говоритъ она въ томъ же письмѣ, — жаль, не выдавши ея ²⁾, я такъ сроднилась съ пей, такъ глубоко была убѣждена, что *съ насъ четверыхъ одна душа*, я такъ вѣрила въ его счастье. теперь мнѣ жаль хоронить *сестру*.— Это первое разочарованіе послѣ 9-го мая 1838 г. вноситъ тѣнь въ ея пичѣмъ несмущаемую счастливую жизнь: «грустно мнѣ, ужъ жизнь кажется не такъ гладка, не такъ хороша ³⁾».

Вскорѣ послѣ этого письма Наталья Александровна получила извѣстіе отъ самой Огаревой о происшедшемъ примиреніи. «Aujourd'hui je vous écris pour vous annocer qu'il m'a tendu la main en me priant d'en finir et que je ne demandais pas mieux que d'oublier mes griefs d'autant plus que notre pauvre Nicolas, si tendre et si bon, en a tellement souffert. C'est un crime de faire du chagrin à Colas et j'ai toutes les fois que cela m'arrive un remord de conscience» ⁴⁾. Эти слова совершенно подтверждаютъ сдѣланное раньше предположеніе на счетъ взгляда Огарева на свою роль въ этой первой, а также и послѣдующихъ ссорахъ. Она не считаетъ себя виноватой; напротивъ, себя она считаетъ обиженнымъ, страдающимъ лицомъ—ей были нанесены неудовольствія, и потому не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы ей идти просить прощеніе. Но она такъ любитъ мужа, такъ далека отъ того, чтобы доставлять ему непріятности, что охотно принимаетъ протянутую руку примиренія. Но, разумѣется, это примиреніе только вѣшнее: она далѣе говоритъ въ томъ же письмѣ, что такъ хорошо чувствуетъ себя въ Москвѣ, что и не помышляетъ о Петербургѣ, куда—предполагалось—должны были переѣхать Герцены. Этотъ рѣшительный, категорическій отказъ отъ Петербурга послѣ того, когда всѣ четверо нѣкогда мечтали не только жить современемъ въ одномъ городѣ, но и въ одномъ домѣ,—показался подозрительнымъ Натальѣ Александровнѣ. «Она пишетъ, что уже не хочетъ въ Петербургъ, что въ Москвѣ ей очень хорошо; мнѣ ка-

¹⁾ Рукоп. письмо отъ 1839 г. 10-го дек. Москва.

²⁾ Т. е. «не выдавши ея» перемѣнившейся.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ «Пишу вамъ сегодня, чтобы объявить, что онъ протянулъ мнѣ руку, проси перестать сердиться, а я только того и желала, чтобы забыть обиды, тѣмъ болѣе, что вашъ бѣдный Николай, такой нѣжный, такой добрый, такъ жестоко черезъ это страдалъ. Огорчать Колю—преступленіе, и каждый разъ, когда случается его огорчить, я испытываю угрызеніе совѣсти».

жется именно потому, что мы будемъ тамъ¹⁾. Впрочемъ, эта мысль пришла ей въ голову послѣ сознанія самого Огарева, что его семейная жизнь сложилась не такъ: «Que faire? on ne peut plus changer», о чемъ Герценъ ей писалъ изъ Петербурга. И она уже подъ вліяніемъ словъ мужа стала невольно усматривать неискренность въ словахъ Маріи Львовны.

О совершившемся примиреніи ей сообщалъ въ одномъ и томъ-же письмѣ съ женой и самъ Огаревъ. Онъ былъ безконечно радъ и не терялъ надежды на восстановленіе прежней гармоніи между любовью и дружбой,—о чемъ ни любовь, ни дружба уже не мечтали. Какъ уже было сказано раньше,—это примиреніе нисколько не улучшало отношеній М. А. Огаревой къ друзьямъ. Ссоры возникали безпрестанно то съ однимъ, то съ другимъ. И всѣхъ больше отъ этихъ ссоръ страдалъ, разумѣется, самъ Огаревъ. Герценъ уже только впоследствии, когда ему самому пришлось много перестрадать и перенести, понялъ вполне, сколько невыносимой муки доставляли эти ссоры бѣдному Огареву. «Огаревъ страдалъ. Его никто не пощадилъ, ни она, ни я, ни другіе. Мы выбрали грудь его (какъ онъ самъ выразился въ одномъ письмѣ) «полемъ сраженія» и не думали, что тотъ-ли, другой-ли одолѣетъ, ему равно было больно.... Жестокъ человѣкъ, и одни долгія испытанія укрощаютъ его, жестокъ въ своемъ невѣдѣніи ребенокъ, жестокъ юноша, гордый своей чистотой, жестокъ... доктринеръ, гордый своей наукой— всѣ мы безпощадны, и всего безпощаднѣе, когда мы правы. Сердце обыкновенно растворяется и становится мягкимъ вслѣдъ за глубокими рубцами, за обожженными крыльями, за сознанными паденіями, вслѣдъ за испугомъ, который обдаетъ человѣка холодомъ, когда онъ одинъ, безъ свидѣтелей, начинаетъ догадываться, какой онъ слабый и дрянный человѣкъ, сердце становится кротче; обтирая потъ ужаса, стыда, боясь свидѣтелей, оно ищетъ себѣ оправданій и находитъ другому²⁾».

Е. Некрасова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Рук. письмо отъ 21-го дек. 1839 г.

²⁾ «Записки». Т. II. Стр. 116.

Современная Ниобея.

Романъ Юанаса Ли.

Переводъ съ датскаго В. Фирсова.

IV.

Послѣдніе листья на ивахъ, стоявшихъ вокругъ докторскаго дома срывались порывами вѣтра, налетавшаго шквалами и потрясавшаго изгибавшимися подъ его напоромъ макушками деревьевъ.

На дворѣ стояла ненастная, осенняя погода. Скучные сѣренькіе дни смѣнялись бурями съ проливнымъ дождемъ. На дорогахъ было грязно. Докторъ выѣзжалъ съ визитами въ закрытомъ экипажѣ и плотно застегнутый въ осеннее пальто, поверхъ котораго былъ накинута макинтошъ. Наружнія двери въ домѣ держались плотно запертыми. Многочисленные паціенты доктора подолгу обчищали сапоги въ сѣняхъ о стоящую тамъ для этого желѣзку и объ веревочный коврикъ передъ дверьми.

Было воскресенье. Во всемъ домѣ накануне были вставлены зимнія рамы; стало темнѣе и чувствовалась непривычная послѣ лѣта затхлость плотно закупореннаго и нагрѣтаго печками зимняго помѣщенія.

Госпожа Барвигъ уѣхала съ Массеи въ церковь, откуда предполагала захватить съ короткимъ визитомъ къ пасторшѣ, а потомъ переправиться черезъ рѣку выше завода и на обратномъ пути домой заглянуть во владѣнія Челія.

Берта воспользовалась ихъ отсутствіемъ, чтобы написать одно очень нужное и важное письмо. Дѣло въ томъ, что она сдѣлалась недавно предметомъ внезапнаго обожанія сына пристава, молодого Оле, который былъ на два года моложе ея. Нельзя отрицать, что она сильно поощряла ухаживаніе мальчика, и между ними установился обмѣнъ депешъ, которыя передавались условными знаками во время школьныхъ занятій въ классной комнатѣ.

Но вчера онъ написалъ цѣлое письмо, которое успѣлъ подсунуть ей при выходѣ изъ школы. Въ этомъ письмѣ сообщалась роковая вѣсть, что отецъ намѣревается отправить его въ городъ и помѣстить въ учение къ своему брату, оружейнику. Влюбленный ясно чувствовалъ, что не переживетъ такой разлуки и безъ дальнѣйшихъ предисловій предлагалъ Бертъ бѣжать съ нимъ въ Америку. Въ Дакотѣ золота столько, что стоитъ покопать немножко лопатой, чтобы обогатиться, причемъ во время работы тамъ можно жить охотой. Тамъ пропасть лисицъ, и выдеръ, и буйволовъ, и бизоновъ, а кромѣ того тамъ много дикихъ лошадей, которыхъ можно наловить и выѣздить подъ верхъ. Впрочемъ, въ концѣ письма мальчикъ прибавлялъ неожиданное размышленіе, что не лучше ли отложить бѣгство до будущей осени, когда онъ получитъ конфирмацію и никто уже не посмѣетъ считать его ребенкомъ.

Берта была въ восторгѣ и сочиняя отвѣтное письмо, прослезилась даже отъ умиленія. Она тщательно роняла на почтовую бумагу слезинки, которымъ искренно радовалась, и которыми даже размазывала строчки своего краснорѣчиваго отвѣта обожателю.

Тѣмъ временемъ Арнтъ былъ занятъ починкой салазокъ и стругалъ дощечки въ деревяномъ сараѣ. Этой работой былъ особенно заинтересованъ козелъ, стоявшій въ открытыхъ дверяхъ сарая и внимательно слѣдившій за тѣмъ, что мальчикъ дѣлалъ.

Оба были отвлечены отъ своего занятія появленіемъ какого-то мужика, который привезъ доктору пару глухарей вмѣсто гонорара за лѣченіе семьи.

Арнтъ выбѣжалъ изъ деревяннаго сарая, догналъ мужика въ кухонныхъ сѣняхъ и съ интересомъ сталъ разсматривать великолѣпныхъ птицъ.

— Смотри, Мина!—говорилъ онъ сестрѣ, вышедшей поблагодарить мужика, и поглаживая красивыя перья глухаря.—Смотри, вотъ куда попала дробь. Немного времени прошло, какъ онъ былъ живой... Дотронься, онъ еще почти теплый.

Мина отшатнулась назадъ.

— Какъ, ты боишься дотронуться до мертваго глухаря?—разсмѣялся мальчикъ.—Неужели ты въ самомъ дѣлѣ боишься?

Птицы висѣли уже на гвоздѣ. Ихъ окаймленные краснымъ цвѣтомъ глаза были полузакрты; изъ клюва одной изъ нихъ медленно сочилась и капала рѣдкими каплями кровь.

Мина стояла точно въ оцѣпенѣніи и съ ужасомъ смотрѣла на птицъ.

— Неужели ты боишься?—повторилъ свой вопросъ Арнтъ.—Посмотри, какъ у него раскрывается клювъ.

И съ этими словами мальчикъ расерылъ клювъ, изъ котораго вышла ягодка можжевельника.

— Не трогай, не трогай птицу, Аритъ! — вскричала Мина, въ непонятномъ ужасѣ и блѣдная, какъ полотно. — Развѣ ты не видишь, какъ страшно смотрять на насъ эти мертвые глаза? Берегись!.. не прикасайся, Аритъ. Иначе, случится что-то!..

Она содрогнулась и бросилась въ комнаты, оставивъ брата въ совершенномъ недоумѣніи по поводу страннаго испуга старшей сестры.

Незадолго передъ обѣдомъ, на докторскомъ дворѣ появилась цѣлая толпа крестьянъ. Несли окровавленнаго человѣка. Это былъ тотъ самый мужикъ, который утромъ принесъ глухарей. Его нашли съ разбитой головой среди камней возлѣ большой дороги. Повидимому, лошадь понесла, телѣжка опрокинулась и мужикъ расшибся на смерть, ударившись о камни.

Раненый лежалъ на носилкахъ, лицомъ кверху, а возлѣ виска зіяла темно-красная рана, окаймленная влажными, слившимися волосами. Полураскрытые глаза смотрѣли передъ собой тупо, точно стеклянные, и бѣлки были испещрены красными жилками.

Мина и Аритъ выбѣжали посмотреть, что случилось. Но увидѣвъ умирающаго, Мина громко вскрикнула отъ ужаса.

Въ это время появился на крыльцѣ докторъ.

— Маршъ, въ комнаты, дѣти! — крикнулъ онъ строго и приказалъ внести мужика въ кабинетъ.

Шультейсъ направлялся въ столовую, когда навстрѣчу ему быстро взбѣжала Мина. Онъ посторонился, чтобы пропустить ее, и она хотѣла-было пройти въ залу, но вдругъ остановилась, закрылась руками, точно защищалась отъ чего-то, и вскричала съ отчаяніемъ:

— О, эти глаза! Они всегда останутся передо мною! Они преслѣдуютъ и замучаютъ меня.

— Но зачѣмъ-же, Мина, вы выходили? — упрекнулъ учитель. — Какъ можно было подвергать ваши слабыя нервы подобному испытанію. Такія зрѣлища...

— Знаете? — глухо перебила она. — Это были тѣ-же глаза, совершенно тѣ-же! Какъ давеча, у глухарей! Они смотрѣли на меня съ такимъ выраженіемъ, точно знаютъ обо мнѣ что-то страшное и видятъ мою душу насквозь... Какой-нибудь духъ вселился въ эти глаза, чтобы испугать меня...

Она снова взялась за ручку дверей и хотѣла войти въ залу, но тотчасъ-же вторично отшатнулась назадъ.

— Нѣтъ, я не рѣшаюсь остаться одна... Я побуду съ вами, пока не соберутся обѣдать!

Она опустила на стулъ и закрыла лицо руками.

— Однако, надо же дѣлать различіе между впечатлѣніями, вызванными нервнымъ разстройствомъ и сверхъестественными явленіями! — осторожно попытался разубѣдить ее Шультейсъ. — Нѣтъ... вѣтъ... я не противорѣчу вамъ и не берусь отрицать возможность чего-нибудь такого. Но подумайте, что такіе налитые кровью и безжизненные глаза могутъ сами по себѣ произвести подавляющее впечатлѣніе, и...

— Да я вамъ говорю-же, что ужаснули меня не глаза, а что-то другое, обращавшееся прямо ко мнѣ! — перебила она съ мученіемъ въ голосѣ. — О, я не знаю, куда дѣваться... Они чего-то требуютъ отъ меня! Они принуждаютъ меня что-то сдѣлать, и я не знаю что...

Послѣднія слова она проговорила тихо, въ мрачномъ раздумьи. Вдругъ она встала.

— Ну, теперь я серьезно вѣрю, Шультейсъ! — вскричала она. — Теперь я убѣдилась, что все, о чемъ говорилъ Варбергъ лѣтомъ, во время путешествія, все до послѣдняго слова — правда! Теперь я испытала сама... Но что духъ требуетъ отъ меня? Какъ вы думаете? Можетъ быть онъ предохраняетъ меня отъ какого-нибудь страшнаго несчастія въ будущемъ?

— Если-бы тутъ было сверхъестественное явленіе, въ чемъ я, однако, попрежнему позволяю себѣ сомнѣваться...

— Шультейсъ, — перебила она нетерпѣливо, — прошу васъ раз навсегда избавить меня отъ вашихъ ученыхъ разсужденій объ этомъ! Что я знаю, то знаю... А если вамъ только хочется умничать и рисоваться вашимъ скептицизмомъ, то будетъ лучше, если мы съ вами не станемъ касаться этого предмета.

Она хотѣла уйти.

— Позвольте, позвольте, Мина! — остановилъ онъ ее въ смущеніи. — Неужели вы можете допустить, что я возражалъ только изъ желанія противорѣчить? Вы знаете, какъ для меня свято ваше довѣріе! (онъ ударилъ себя въ грудь). — Если вы увѣрены, т. е. допускаете, что въ данномъ случаѣ была матеріализація какого-нибудь духа, который воспользовался глазами... Гм... Въ самомъ дѣлѣ, взглядомъ вѣдь можно выразить иногда больше, чѣмъ словами; это дѣйствительно духовный языкъ... Словомъ, если вы вѣрите этому, я готовъ тоже вѣрить, какъ я вѣрю вамъ во всемъ...

— Но было-ли это предостереженіе или угроза? Какъ вы думаете? — вернулась Мина къ мучившему ее вопросу.

— Предостереженіе? Гм... Конечно возможенъ взглядъ... Иначе, что-же?

— Такъ вы допускаете? Вы тоже думаете? — оживилась она. — Вѣрите-ли, кровь застыла во мнѣ отъ этого взгляда!.. Но что-бы

это могло быть? А? Я ощущаю такую невыносимую тревогу, точно нахожусь въ ожиданіи чего-то.

Она задумалась, потомъ прибавила съ какой-то странной улыбкой на губахъ:

— Представьте себѣ, мнѣ давеча вдругъ показалось, что я непременно должна ѣхать въ городъ! Это явилось во мнѣ вскорѣ послѣ того, какъ я увидѣла птицъ. Не странно-ли, Шультейсъ? Совсѣмъ непонятное ощущеніе... что-то таинственное... И подумать, кому я могу быть нужна тамъ? Развѣ кто-нибудь думаетъ обо мнѣ... случаетъ безъ меня... желаетъ чего-нибудь...

— О, нѣтъ, нѣтъ!—съ жаромъ запротестовала Шультейсъ.— Все указываетъ на то, что ваше первое предположеніе было вѣрнѣе. Это очевидное предостереженіе. если только не враждебное нѣчто...

— Нѣтъ, этого я больше не чувствую... Мнѣ теперь кажется, что я охотно-бы еще разъ взглянула на эти глаза...

Онъ смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— А знаете-ли что?—вскричала она неожиданно.—Можно попытаться узнать достоверно. Мы можемъ... если вы согласитесь?—мы можемъ попытаться войти съ духомъ въ переписку... Варбергъ объяснялъ, какъ это дѣлается. Только никто не долженъ объ этомъ знать. Хорошо?

Онъ стоялъ совсѣмъ растерянный и не зналъ, что отвѣтить.

— Мы спросимъ только одно слово, Шультейсъ!—прибавила она просительно.—Для этого нужно сдѣлать только кружокъ изъ картона съ указателемъ посерединѣ и буквами вокругъ. Я покажу... Потомъ, мы приведемъ кружокъ въ вращеніе, и стрѣлка покажетъ буквы, а изъ нихъ получится отвѣтъ. Слышите, насъ зовутъ обѣдать... Но послѣ обѣда мы сдѣлаемъ опытъ! Не правда-ли, это рѣшено?

У него не хватило духу возражать, и онъ молча кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Въ то время, какъ Шультейсъ и Мина разговаривали съ духами въ классной комнатѣ, докторъ сидѣлъ внизу въ своемъ кабинетѣ и просматривалъ журналы и газеты. За недѣлю у него всегда накоплялось много чтенія, которое откладывалось до воскреснаго дня.

Отъ времени до времени онъ отрывался отъ чтенія, вставалъ и выглядывалъ въ окно.

Къ этому времени онъ ожидалъ пріѣзда Челія съ Теклой Фейрингъ, съ которой тотъ недавно былъ помолвленъ. Еще утромъ прислали отъ Прейсовъ кабріолетъ за Челіемъ, пора ему было уже вернуться.

На дворѣ моросилъ мелкій дождь. По оконнымъ стекламъ скользили тяжелыя капли воды. Со всѣхъ карнизовъ бѣжали тонкія струйки.

Все чаще и все съ большимъ нетерпѣніемъ поглядывалъ докторъ на часы.

Но вотъ раздался стукъ колесъ и къ крыльцу подкатилъ давно ожидаемый кабриолетъ.

— Вотъ тебѣ почта, отецъ!—проговорилъ Челій, входя въ кабинетъ.

Докторъ началъ просматривать корреспонденцію, но вдругъ слышалъ шаги входившей жены и пытливо посмотрѣлъ на нее. Она была разстроена, и докторъ тотчасъ-же догадался, что она получила вѣсти отъ Эндрика. Но между родителями состоялось какъ-бы безмолвное соглашеніе никогда не говорить объ этомъ сынѣ, и потому докторъ не сказалъ ни слова.

Дѣйствительно, въ карманѣ Берты лежало скомканное письмо отъ Эндрика, который опять писалъ о непредвидѣнныхъ денежныхъ затрудненіяхъ...

— Смотри-же, матушка: новая шуба!—объявилъ Челій, подводя Теклу за руку. — Эту шубу я заказалъ для нея въ городѣ и получилъ сегодня утромъ, какъ-разъ во время, чтобы свезти Теклѣ. Нарядно, не правда-ли?—Впрочемъ, не буду таиться: дьявольски дорогая. Хорьковская! Жаль, что ты не можешь видѣть себя во весь ростъ, Текла!—прибавилъ онъ, помогая невѣстѣ снять шубу.—Ты-бы увидѣла, какъ этотъ мѣхъ тебѣ къ лицу! Въ новомъ домѣ у тебя непременно будетъ трюмо, въ которомъ ты будешь видѣть себя съ ногъ до головы... Знаешь отецъ, по пути сюда, мы только и разговаривали съ Теклой о нашемъ будущемъ домѣ. Мы хотимъ построить нѣчто современное: такъ, чтобы было красиво и удобно, а главное, пригодно для жизни двухъ совершенно самостоятельныхъ людей.

— Гм!—протянулъ докторъ насупившись.—Чѣмъ неудобенъ старый домъ на заводѣ.

— Старый? Посмотрѣлъ-бы я, какъ Текла согласилась-бы жить въ такомъ гнильѣ! Нѣтъ, намъ нужно нѣчто свѣтлое, гдѣ былъ-бы воздухъ и комфортъ. Не правда-ли, Текла?

Теклы уже не было въ комнатѣ. Она знала, о чемъ будутъ теперь говорить и сочла лучшимъ на время скрыться.

— Да, я окончательно рѣшилъ строить новый домъ!—проговорилъ Челій, встряхнувъ плечами и принимая дѣловой тонъ.—Въ концѣ концовъ, это самое выгодное!

— Но Господь съ тобой, Челій! На это нужны деньги...

Челій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Дѣло идетъ о томъ, что обойдется дороже!—сказалъ онъ рѣзко.—Верется въ расчетъ не одинъ годъ, при соображеніи, строить или не строить. Деньги! Разумѣется, потребуются деньги! Но надо

помнить, что есть расходы видимые и есть еще большіе расходы, которыхъ на первый взглядъ не замѣчаютъ. Держать себя бѣднымъ человѣкомъ было-бы для меня величайшей роскошью, потому что это повело-бы къ огромнымъ убыткамъ.

Докторъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой и казался совсѣмъ необъясненнымъ разсужденіями сына.

— Видишь-ли, Челій,—примирительно замѣтила мать,—и отецъ и я находимъ, что было-бы гораздо разсудительнѣе, еслибы ты отложилъ постройку до тѣхъ поръ, пока не скопишь хоть какой-нибудь запасный капиталъ...

— Чистѣйшая идилія, матушка! Чистѣйшая идилія!—возразилъ Челій.—Счастіе съ милой въ шалашѣ? Не правда-ли? Къ сожалѣнію, это устарѣло и не годится для насъ, Жить въ старомъ домѣ, возлѣ самой пыли, гдѣ съ утра до вечера грохочутъ машины, и это съ женой, которая такъ любитъ современный комфортъ! Притомъ, не имѣть возможности прилично принимать гостей! Нѣтъ, благодарю покорно! Еслибы женившись, я сталъ вести подобный образъ жизни, мое коммерческое положеніе пошатнулось-бы неминуемо, потому что люди получили-бы самое печальное представленіе о моихъ дѣлахъ и это отразилось-бы на моемъ кредитѣ. Избави меня Господи отъ такой бережливости! Словомъ, твоя идилія, милѣйшая матушка, привела-бы меня къ банкротству... все это я обдумалъ, конечно, и принялъ рѣшеніе безповоротно!

— Не думаю, чтобы это было такъ!—рѣзко возразила мать.—Молодымъ людямъ...

— Да вѣдь я говорю о кредитѣ, пойми ты это!—разгорячился Челій.—Вѣдь надо-же разсудить, какъ слѣдуетъ! Возьмите во вниманіе и то, что въ приличномъ домѣ, поставленномъ на свѣтскую ногу, завязываются нужныя сношенія и собираются вліятельные люди. Это важно. Это даетъ возможность всегда находить поручителей, избавляетъ отъ назойливости кредиторовъ, позволяетъ разсчитывать на избраніе директоромъ въ сберегательной кассѣ, и проч. и проч. Всего не перечтешь. Словомъ, живя прилично, самъ становишься вліятельнымъ человѣкомъ.

— Векселя, векселя!—заворчалъ докторъ.—Ты только и думаешь о векселяхъ да о поручителяхъ! Отчего тебѣ такъ нужны эти векселя? Можно распирять дѣло менѣе быстро, за то безъ лишнихъ долговъ.

— Ну, такъ я и зналъ! Опять мы уперлись въ эту гору!—вскричалъ Челій, разводя руками и выражая полную безнадежность труда переубѣдить такихъ непонятливыхъ собесѣдниковъ.—Ну-съ, я попытаюсь объяснить тебѣ, отецъ, почему предприимчивому человѣку нельзя

обойтись безъ кредита, — продолжалъ онъ, однако. — Чтобы заработать деньги, надо работать, а работать въ коммерческомъ предпріятіи нельзя безъ денегъ. Вотъ почему, чѣмъ дѣятельнѣ купецъ, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ деньгахъ, и тѣмъ нужнѣе ему кредитъ. А не станешь-же ты проповѣдывать бездѣліе! Ну-съ, ясно, что для успѣшности предпріятія надо прокладывать себѣ дорогу къ вліянію и власти на денежномъ рынкѣ... Будь я только директоромъ сберегательной кассы, причеиъ всякому предпринимателю въ нашемъ округѣ пришлось-бы дорожить своими отношеніями ко мнѣ... Ого!.. Дѣло пошло-бы иначе!

Бента тяжело вздохнула.

— Не знаю, какая тебѣ охота вмѣшиваться въ эти дѣла, матушка! — обратился къ ней сынъ. — Ты только устраиваешь себѣ лишнія огорченія. Это мои дѣла и на меня одного должны падать заботы о нихъ... Впрочемъ, можетъ быть, ты хочешь построить для меня домъ? Въ такомъ случаѣ, большое спасибо! — закончилъ онъ шутливо.

— Въ самомъ дѣлѣ, Бента, пусть мальчикъ дѣлаетъ, какъ самъ полагаетъ лучшимъ! — замѣтилъ поколебленный въ своемъ убѣжденіи докторъ. Что толку вмѣшиваться въ его дѣла?

— Однако, — раздражительно сказала мать, обращаясь къ сыну, ты могъ-бы подумать о возвращеніи отцу взятыхъ у него денегъ. прежде чѣмъ говорить о своемъ комфортѣ. Твои дѣла представляются мнѣ довольно шаткими...

— Ты разсуждаешь, матушка, очень благородно, но совсѣмъ не понимая дѣлъ! — отрѣзалъ Челій съ чувствомъ собственнаго превосходства. — Ну-съ, мы рѣшили съ Теклой предупредить васъ сегодня, что предполагаемъ обвиняться до Рождественскихъ праздниковъ. Постройку-же я предприму немедленно и постараюсь за зиму подвинуть работы настолько, что къ лѣту мы могли бы уже переѣхать въ новый домъ.

Докторъ поморщился и переглянулся съ женой, которая сидѣла съ болѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ и казалась возмущенной.

— Ты положительно отказываешься, Челій, послѣдовать совѣту матери и отложить какъ свадьбу, такъ и постройку дома, до болѣе благоприятнаго времени? — спросилъ онъ.

— Т. е. до тѣхъ поръ, пока я не буду богатъ и мнѣ не представится возможность удалиться отъ дѣлъ капиталистомъ? Еще-бы! Къ сожалѣнію, это случится черезъ тридцать лѣтъ. Нѣтъ, ужъ пусть лучше Текла раздѣлитъ со мной какъ труды, такъ и плоды этихъ трудовъ! Я уже не говорю о томъ, что не хочу ее долѣе видѣть въ положеніи невольницы стараго Прейса.

Онъ поднялся и направился къ дверямъ, но обернулся и прибавилъ:

— Теперь вы знаете наши намѣренія, и не слѣдуетъ вамъ относиться къ намъ, какъ къ маленькимъ дѣтямъ!

Съ этимъ онъ вышелъ.

Бента была блѣдна и вздрагивала отъ нервнаго волненія.

— Какъ хочешь, Барвигъ,—заговорила она прерывистымъ голосомъ,—но мы не можемъ допустить этого и обязаны противиться насколько хватитъ нашего влiянiя. Только въ такомъ случаѣ у насъ останется чистая совѣсть, потому что добра изъ этого не выйдетъ.

Докторъ вспылилъ

— Ты всегда несправедлива къ мальчику, Бента!—вскричалъ онъ.—Челiй не умѣетъ дѣлать что-нибудь на половину—въ этомъ его сила. Прежде онъ не думалъ ни о чемъ, кромѣ завода; теперь его мысли всецѣло принадлежать невѣстѣ. Всего лучше будетъ, если онъ ее получитъ, такъ какъ тогда онъ сразу успокоится! Иначе, онъ только и дѣлаетъ, что катается между заводомъ и имѣнiемъ Прейса, а когда ни спросишь о немъ въ конторѣ, отвѣчаютъ, что его нѣтъ дома. Такъ не должно продолжаться и надо поженить ихъ—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!..

Бента ничего не возразила и въ кабинетѣ воцарилось безмолвiе. Въ это время дверь тихонько открылась и въ комнату какъ-то робко вошла Мина.

— Я нигдѣ не могу найти моего наперстка, — проговорила она очень тихо и оглядываясь по сторонамъ.—Не здѣсь-ли я забыла его, когда пришивала отцу...

Она стала шарить на этажеркѣ и на консолѣ среди фотографическихъ карточекъ, осторожно, точно въ потьмахъ, поводя руками передъ собой.

— Нѣтъ... и здѣсь нѣтъ!—проговорила она останавливаясь.—А знаешь, мама, Текла вѣдь ѣдетъ въ четвергъ въ городъ покупать приданое!—прибавила она, стараясь казаться равнодушной.

— Объ этомъ ни отецъ, ни я еще ничего не слышали!—удивилась мать и въ ея голосѣ снова послышалось негодованiе.

— По крайней мѣрѣ, они такъ говорятъ, мама... И вотъ, мнѣ пришло въ голову...

Она не договорила и потупилась въ тягостномъ смущенiи. Но родители не замѣчали ея растерянности. Мать съ негодованiемъ думала о безразсудствѣ сына и поглядывала вокругъ себя, точно призывала въ свидѣтели стѣны дома. Отецъ пытался успокоить ее и пробовалъ даже шутить.

— Ну, ну, Бента, что въ этомъ особеннаго? — говорилъ онъ.— Охота тебѣ все видѣть въ такомъ черномъ цвѣтѣ!—А съ тобой что, Мина?—обернулся онъ къ дочери. Съ чего это ты стоишь и ломаешь

руки, точно на сценѣ? Неужели и съ тобой случилось что-нибудь? — Господи помилуй насъ, Бента, но кажется, въ этомъ домѣ мы всѣ скоро будемъ сумасшедшими! Въ чемъ-же дѣло, Мина?

— Мнѣ пришло въ голову, папа, — еле слышно заговорила Мина — Т. е. я думаю объ этомъ давно... съ самаго лѣта... И вотъ, я рѣшилась поговорить съ вами, спросить васъ, нельзя-ли такъ устроить, чтобы я могла переѣхать на эту зиму въ городъ... Мнѣ-бы такъ хотѣлось пожить самостоятельно, одной. Иначе я чувствую, что совершенно тупѣю, оставаясь въ семьѣ на положеніи ребенка. Я думала, что теперь Челій и Текла легко могли-бы пріискать въ городѣ помѣщеніе для меня...

— Еще-бы не легко! — вскипѣлъ старикъ. — Очень легко! За помѣщеніемъ остановки не будетъ, и дѣло пойдетъ, какъ по маслу!.. Но только въ томъ случаѣ, конечно, если у тебя есть чѣмъ заплатить за помѣщеніе! Во всякомъ случаѣ, выдумка превосходная, отличная выдумка!

— Мина говоритъ вѣроятно о своемъ дальнѣйшемъ образованіи, Барвигъ! — заступилась Бента за дочь, которой ей стало жаль.

— Нѣтъ, мнѣ просто не вмоготу стало однообразіе этой жизни! — вырвалось у Мины, которая не могла уже сдерживаться и дала волю слезамъ. — Всегда одно и то-же... Всегда одно и то-же...

— Скажите пожалуйста! — вознегодовалъ отецъ. — Ей Богу, и мнѣ и твоей матери тоже хотѣлось-бы чего-нибудь лучшаго! Чрезвычайно охотно согласился-бы я жить на пенсію, въ столицѣ, вмѣсто того, чтобы ѣздить по дождю къ пациентамъ, и это изо-дня въ день, изо-дня въ день!.. Но по совѣсти говоря, Мина, тебѣ-бы слѣдовало постыдиться приходить ко мнѣ съ подобными просьбами, когда ты знаешь, что въ домѣ положительно не хватаетъ средствъ къ жизни!

— Въ такомъ случаѣ... Если мнѣ приходится ~~идти~~ ватся здѣсь... на всю зиму... Нѣтъ, въ такомъ случаѣ не стоитъ жить! — вскричала она внѣ себя, и глаза ея сверкнули какимъ-то недобрымъ огонькомъ. Она была блѣдна, какъ полотно.

— Это отъ малокровія, Бента, только нервное разстройство отъ малокровія! — сказала докторъ, обращаясь къ женѣ. — Давай ей желѣзо въ пилюляхъ и пусть она больше занимается физическимъ трудомъ, чѣмъ этимъ пресловутымъ саморазвитіемъ! Видишь вѣдь, къ чему ведетъ переутомленіе мозга... Господи, до чего довели бѣдную дѣвочку.

Онъ началъ быстро шагать по комнатѣ, но вдругъ остановился передъ женой.

— Скажи пожалуйста, Бента, почему, напримѣръ, она не можетъ помогать тебѣ въ хозяйствѣ? Почему ты должна хлопотать съ утра до ночи безъ передышки, а эта барышня имѣетъ право спать, сколько спитъ, читать интересныя книжки и съ такой заботливостью прислушиваться ко

вѣмъ своимъ ощущеніямъ и желаніямъ? Отвѣчай мнѣ, кто сдѣлалъ тебя ея служанкой? Ее беспокоитъ только будущее женскаго вопроса и размышленія о любви, да о самой себѣ. Она блѣдна и малокровна только потому, что не спитъ по ночамъ за недостаткомъ физическаго труда... Скажи же мнѣ ради самого Создателя, почему ты не заставляешь ее работать хотя-бы только ради ея собственнаго блага?

— Мина не создана для такого труда; у нея нѣтъ никакого расположенія къ хозяйству!—возразила мать. — Иначе я бы давно подумала объ этомъ, какъ ты самъ можешь догадаться.

— Не создана? Не расположена? Почему это? — наступалъ разгнѣванный отецъ. — Только потому, что она отвыкла пользоваться силами рукъ и тѣла? Такъ неужели вы не понимаете, что это калѣчность, избѣжать которой важнѣе всякаго вышаго развитія?—Перестань ревѣть, Мина!—прикрикнулъ онъ на дочь, топнувъ ногой.—Вотъ къ чему приводитъ такое воспитаніе, Вента: она не въ силахъ противостоять малѣйшему желанію. Теперь ей захотѣлось въ городъ—и будь что будетъ, она должна быть въ городъ, въ средѣ „развитыхъ“ людей. Только вотъ что, моя дѣвочка: изъ этого ничего не выйдетъ, пока ты не можешь добывать себѣ хлѣба и заботиться о себѣ сама! Ну-съ, съ этого дня ты будешь вести болѣе осмысленный и здоровый образъ жизни. Я этого *требую*—слышите-ли вы, обѣ? Я требую, Вента, чтобы она получила свою долю работы въ домѣ. Пусть она гладитъ, штопаетъ, шьетъ—словомъ, что ты найдешь подходящимъ, но во всякомъ случаѣ время ея должно быть занято трудомъ, чтобы можно было считать ее полезнымъ, порядочнымъ человѣкомъ.

— Ты можешь принудить меня, отецъ,—глухо проговорила Мина.— Но мыслей моихъ ты не можешь измѣнить. Я вправѣ развиваться и слѣдовать своему призванію! И если хотятъ прижимать меня...

— Довольно!—рѣзко остановилъ ее отецъ, заслышавшій голоса приближавшихся Челія и Теклы.—Я не желаю, чтобы семейныя сцены проходили въ присутствіи... чужой!

Дверь распахнулась и въ комнату улыбаясь и маленькими быстрыми шагами, точно втиснутая толчкомъ въ спину, вошла Текла.

Она съ упрекомъ оглянулась назадъ, но тотчасъ-же приняла свой обычный самоувѣренный видъ и сѣла въ кресло возлѣ госпожи Варвигъ. Вопедшій велѣдъ за нею Челій началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, посмѣиваясь себѣ въ бороду и съ видомъ величайшаго самодовольства.

— Мы вѣдь хотѣли обсудить съ твоими родителями,—напомнила ему Текла.

Челій остановился и сказалъ небрежно, закладывая руки въ карманы:

— Да, дѣлъ въ томъ, что въ четвергъ мы собираемся въ городъ за

приданнымъ. По моимъ разсчетамъ, выгоднѣе всего будетъ закупить все сразу: мебель, приданое, словомъ, все, что нужно.

— Гмъ... На это потребуется много! — угрюмо замѣтилъ отецъ.

— Ба, въ банкѣ мнѣ дадутъ, сколько угодно и на какой угодно срокъ. Не велика важность, если вексель будетъ на двѣ тысячи вмѣсто одной. Я уже обдумалъ это.

— Причемъ-же тутъ „обсужденіе съ родителями?“ — холодно спросила мать.

Маленькіе черные глазки Теклы посмотрѣли на Бенту почти враждебно.

— Позвольте сразу заявить, что я устранилась отъ всякаго обсужденія, сколько именно Челій можетъ израсходовать на покупки! — проговорила она съ удареніемъ. — Но я выговорила себѣ право выбора по моему вкусу того, что рѣшено будетъ купить!

— Ну-съ, а количество покупокъ опредѣляется тѣмъ соображеніемъ, — добавилъ Челій съ самодовольной усмѣшкой, — что, покупая все, что намъ можетъ понадобится, оптомъ, я сберегаю отъ двухъ до трехъ сотъ кронъ!

— Таковы все твои расчеты! — печально замѣтила мать. — Тебѣ слѣдовало-бы родиться богатымъ человѣкомъ, Челій.

— А ты думаешь, матушка, что лучше беречь гроши и не умѣть выгадать сотни? — уязвилъ Челій и снова началъ ходить по комнатѣ.

Все замолчали.

— Что это съ тобой, Мина? — обратилась Текла къ молодой дѣвушкѣ, чтобы прервать тягостное молчаніе. — Ты выглядишь точно въ воду опущенная?

При этомъ она пытливо посмотрѣла на стариковъ, потомъ опять на Мину, которая отвѣтила движеніемъ головы, какъ-бы горестно отрицая что-то.

— Въ такой большой семьѣ, какъ наша, поневолѣ приходится иногда отказывать себѣ во многомъ, — замѣтила госпожа Барвигъ, въ свою очередь недружелюбно посмотрѣвъ на Теклу. — Но это не мѣшало-бы счастью, если-бы мы все относились къ жизни разсудительно... Мина только что узнала, что у насъ нѣтъ средствъ послать ее на зиму въ столицу.

Челій проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, вѣроятно, свое обычное размышленіе о невыгодности беречь гроши и о всякой скаредности.

— Я столько... столько ждала отъ этой зимы! — вполголоса и глотая слезы проговорила Мина.

— Каждому изъ насъ приходится мириться съ лишениями. Надо привыкать къ этому! замѣтила мать.

— Но я хотѣла учиться... Я работала бы день и ночь, еслибы только могла посвятить себя труду, который меня интересуетъ.

— Всякій трудъ имѣетъ свои интересныя стороны, Мина! строго замѣтилъ докторъ.

Челій переглянулся съ Теклой и проговорилъ покачивая станомъ и слубже засунувъ руки въ карманы:

— Такое изреченіе могло бы служить для утѣшенія каторжниковъ

— Да, именно! вскричала Мина забываясь.— Не понимаю, для чего я на свѣтъ, если я не могу заняться тѣмъ, что интересуетъ меня! Только ограниченія и ограниченія... такъ, что можно задохнуться... Но повторяю, если мнѣ нельзя слѣдовать своему призванію, я не вижу надобности влачить эту жизнь!

— Такъ не влачи ее! жестко посоветовалъ отецъ.

— Но... Развѣ я просила, чтобы меня произвели на свѣтъ? вскричала она, снова начиная плакать.

— А ты думаешь, что я стоялъ съ шапкой въ рукахъ и отвѣшивалъ поклоны, умолая моихъ родителей призвать меня на свѣтъ?

— Однако, не могутъ же дѣти оставаться безъ всякихъ правъ тоже! вступилась Текла рѣзко.— Существуетъ вѣдь нравственная отвѣтственность, кромѣ законной, и можно поплатиться, пренебрегая ею.

— Да, это намъ, родителямъ, приходится испытывать безъ всякаго снисхожденія! заговорила госпожа Барвигъ, подавляя тяжелый вздохъ.— Могу сказать безъ преувеличенія, что намъ приходится ощипывать пухъ на груди своей и лишать себя всего для дѣтей, въ которыхъ мы полагаемъ все свое счастье и смыслъ нашей жизни... Но вѣдь это не заслуга: это мы дѣлаемъ инстинктивно! Такъ вотъ, милая Текла, когда насъ призываютъ къ отвѣтственности, намъ остается только указать на наши истерзанныя тѣла, на наши измученныя души...

Голосъ ея задрожалъ, и она печально опустила голову.

Въ то же мгновеніе Мина оказалась позади стула матери и крѣпко обвила ея шею рукою...

— Но, но, милая Бента! вступился и докторъ.— Не надо же такъ огорчаться. Ты знаешь, вѣдь, что дѣти всегда немножко канибалы. Но они не думаютъ дѣлать зла.

На дворѣ попрежнему лилъ дождь, барабани по деревяннымъ крышамъ, а наверху, въ гостиной, у затопленной печи, пламя которой разсѣвало сумерки, шла оживленная бесѣда о приданомъ между помолвленными и Миной.

Острый носокъ красиваго башмачка Теклы покачивался вверхъ и внизъ передъ качалкой, въ которой она сидѣла и которую слегка подталкивалъ стоявшій сбоку Челій. Берта стояла на колѣняхъ возлѣ печи и не спускала глазъ съ яблока, которое она поджаривала, но по време-

намъ тоже дѣлала свои замѣчанія и вступала въ споръ, обнаруживая больше познаній и опытности по части дамскаго туалета, чѣмъ можно было ожидать.

Позади качалки, въ той части комнаты, которая оставалась въ потѣмахъ, маленькими шажками и заложивъ руки за спину, озабоченно прохаживался Шультейсъ. Онъ не принималъ участія въ разговорѣ о приданомъ, но внимательно прислушивался ко всему, что говорилось, стараясь уловить что-нибудь, что могло бы ему разъяснить непонятную страстность, съ какой Мина стремилась въ городъ.

Неужели ее въ самомъ дѣлѣ приворожилъ и оставлялъ подъ своимъ вліяніемъ тотъ... непріятный господинъ?

Но постепенно его лицо прояснилось и даже освѣтилось улыбкой.

Мина не заикалась больше о поѣздкѣ въ городъ!

V.

Челій сдѣлался популярнымъ человѣкомъ. Онъ разъѣзжалъ со своей находчивой и остроумной женой съ визитами и всюду являлся веселымъ, полнымъ жизни и самодовольства.

— У меня все новое! хвастался онъ друзьямъ. — Новая сани, новая медвѣжья полость, новая жена и новая лошадь!

Онъ не смѣлъ уже повторять: „новая кобыла“, какъ въ простотѣ душевной выразился въ первый разъ, влѣдствіе чего былъ поднятъ на смѣхъ. Но кобыла дѣйствительно была недавно куплена и могла быть предметомъ гордости, такъ какъ пробѣгала рысью одиннадцать километровъ въ сорокъ минутъ.

Вездѣ молодыхъ принимали съ почетомъ. Старикъ Прейсъ встрѣтилъ свою недавнюю гувернантку въ передней, подъ руку провелъ ее въ гостиную и усадилъ на диванъ. Затѣмъ онъ велѣлъ подать своей лучшей мадеры и провозгласилъ тостъ, причемъ высказался, что отнесся бы такъ же къ своему конторщику, если бы тотъ внезапно повысился на общественной лѣтницѣ, а молодой госпожѣ Барвигъ онъ всегда удивлялся и цѣнилъ въ ней свою единомышленицу въ самомъ интересномъ вопросѣ, а именно въ вопросѣ о сожиганіи труповъ...

Являясь съ первымъ визитомъ къ богатымъ помѣщикамъ, Челій всякій разъ съ тревогой посматривалъ, какъ отнесутся къ его женѣ. Онъ опасался, что недавнюю гувернантку дамы не захотятъ принимать, какъ равную. Но вновь испеченная барыня съ такимъ апломбомъ и съ такой естественностью безъ дальнѣйшихъ колебаній занимала мѣсто на диванѣ, что дамы невольно пассивовали передъ ея самоувѣренностью и, что-бы тамъ ни думали, сразу становились безукоризненно вѣжливыми.

Тогда успокоенный Челій принималъ свой обычный видъ довольнаго своими дѣлами дѣльца и, если представлялось удобнымъ, заводилъ съ хозяиномъ дома въ сторонкѣ такой разговоръ, который позволялъ ему почерпнуть нужныя свѣдѣнія или заручиться расположеніемъ вліятельнаго человѣка. Тѣмъ временемъ Текла со своей стороны успѣвала обворожить хозяйку утонченностью своего вкуса и вышшимъ развитіемъ, но отнюдь не принижалась, такъ какъ и безъ того была увѣрена въ побѣдѣ.

Возвращаясь съ одного изъ своихъ безчисленныхъ визитовъ, молодая чета заѣхала къ родителямъ.

— Ну что?—вскричалъ Челій поздоровавшись съ стариками — Вы, поди, покачиваете головой и полагаете, что я теперь только и думаю, что о свѣтскихъ удовольствіяхъ? Ну нѣтъ! Знаете, что я устроилъ подъ шумокъ, во время всѣхъ этихъ визитовъ? Я составилъ компанію на покупку всего Чорнаго лѣса на срубъ—болѣе одиннадцати тысячъ бревень строевого лѣса! Однако, не пугайся, матушка! Самъ я не участвую въ покупкѣ... Я сдѣлалъ все это для другихъ и такой услугою заручился солиднымъ кредитомъ въ городѣ, на всякій случай, разумѣется! Впрочемъ, я выговорилъ и себѣ нѣчто, сущю бездѣлицу: условлено, что весь этотъ лѣсъ будетъ пилиться на моемъ заводѣ въ теченіе нынѣшняго и будущаго года!

— Но вѣдь это звучитъ превосходно!—вскричала Бента, у которой отъ радостнаго волненія навернулись даже слезы на глазахъ.

— Смотри, пожалуйста!—разсмѣялся тоже обрадованный докторъ.—Смотри на мать! Она плачетъ, сдѣлавъ открытіе, что у ея сына есть смекалка!

— И никакого риска, Челій?—спросила мать.

— Ни малѣйшаго! Развѣ что съ проведеніемъ сюда желѣзной дороги я буду зарабатывать еще вдвое больше!

Бента окончателно расплакалась.

— О, я такъ нуждалась въ какомъ-нибудь хорошемъ извѣстіи... Слаσιμο, мой мальчикъ!

Съ этими словами она поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Мать сдѣлалась ужасно нервна,—замѣтилъ докторъ.—Надо очень щадить ее... Должно быть, это тотъ милѣйшій Эндрикъ подтачиваетъ ея жизнь... Я никогда не спрашиваю ее и не знаю, сколько у нея осталось отъ тѣхъ двухъ тысячъ. Какъ-нибудь выпытай у нея, въ чемъ дѣло и сообщи мнѣ... Но только не сегодня! На сегодня довольно съ нея потрясеній! Эндрикъ наше горе...

— Ба! Охота вамъ такъ тревожиться изъ-за него. Вѣдь могу и я маленько поддержать брата. Не Богъ вѣсть какая штука поддерживать нѣсколько времени одинокаго человѣка, которому надо встать

на ноги! Положимъ, онъ съумасшедшій, это ясно... Но не можемъ же мы отправить его въ домъ умалишенныхъ, не давъ ему возможности пошутиться устроиться? Жаль только матери! Она изъ-за всего такъ ужасно волнуется... Вотъ хоть-бы изъ-за Чорнаго лѣса... Расплакалась вѣдь!

— Ну, видишь, Бента, что я былъ правъ!—говорилъ докторъ, укладываясь спать.—Развѣ я не предсказывалъ, что Челій лучше прежняго поведетъ дѣла, какъ только женится? Теперь на лѣсопильномъ заводѣ идетъ такая работа, что земля дрожить! Право, весело видѣть по вечерамъ, какое тамъ освѣщеніе!

— Да, теперь, кажется, въ самомъ дѣлѣ пошло хорошо!—задумчиво согласилась госпожа Барвигъ и закрыла глаза, преувеличивая свое утомленіе, чтобы избѣжать дальнѣйшаго разговора. Она боялась довѣряться счастью...

Между тѣмъ дѣла Челія въ самомъ дѣлѣ шли недурно. Его медовый мѣсяць прошелъ очень пріятно и полудѣловые, полусвѣтскіе выѣзды продолжались съ прежнимъ успѣхомъ, пока не сталъ снѣгъ и полозья саней не заскрипѣли о песокъ.

Съ другой стороны рѣки начались уже спѣшныя работы по устройству желѣзно-дорожнаго пути, уложены были рельсы и раздавались паровозные свистки. Днемъ и ночью доносились оттуда протяжные сигналы и глухіе динамитные взрывы, которыми сопровождались камеломныя работы. Весь этотъ шумъ нарушалъ привычную деревенскую тишину, и часто жители въ тревогѣ пробуждались въ своихъ постеляхъ, не будучи въ состояніи привыкнуть спать подъ грохотъ динамитныхъ взрывовъ.

Особенно нервно относился къ этому шуму Шультейсъ, не выносившій выстрѣловъ и свиста. Иногда онъ замолкалъ среди преподаванія и весь ежился, заслышавъ паровозный свистъ, точно его пронизывало этимъ рѣзкимъ звукомъ насквозь.

Но Мина ничего не имѣла противъ желѣзнодорожныхъ работъ. Въ послѣднее время она даже замѣтно оживилась и съ особенной аккуратностью выходила по утрамъ на предписанную ей отцомъ прогулку. Каждое утро слышалъ Шультейсъ изъ своей комнаты, какъ она торопливо надѣвала въ передней калоши и недавно подаренную ей Челіемъ нарядную накидку, послѣ чего появлялась на дворѣ въ своей весенней шляпѣ съ большимъ вуалемъ, который долженъ былъ предохранять ее отъ загара. Затѣмъ она удалялась то по дорогѣ къ лѣсу, то въ сторону завода, или къ деревнѣ.

Нѣсколько минутъ спустя учитель, въ свою очередь, торопливо вы-

ходилъ на прогулку. Его лицо принимало выраженіе охотника, потерявшаго слѣдъ дичи и пытливо осматривающагося по сторонамъ. Затѣмъ онъ быстро направлялся черезъ поля и луга къ возвышенности, съ которой видны были все окрестности и тамъ онъ неизмѣнно убѣждался, что въ какую-бы сторону ни вышла гулять Мина, она всякій разъ направлялась немножко погодя къ желѣзнодорожному мосту, у котораго неминуемо появлялся ея развѣвующійся по вѣтру вуаль.

Въ этомъ направленіи она прогуливалась ежедневно на прошлой недѣлѣ, причѣмъ съ нею бывала обыкновенно Берта. Но съ тѣхъ поръ, какъ дня три тому назадъ пріѣхалъ на работы инженеръ Варбергъ, котораго барышни встрѣтили у самаго моста и который любезно проводилъ ихъ до самаго дома, Мина измѣнила привычку. Она попрежнему выходила гулять и попрежнему неизмѣнно попадала къ желѣзнодорожному мосту; но она пришла къ убѣжденію, что ей особенно полезны очень раннія прогулки и стала выходить изъ дому такъ рано, что Берта не захотѣла участвовать въ прогулкахъ.

Со своего наблюдательнаго пункта Шультейсъ хорошо видѣлъ, какъ всякій разъ, вслѣдъ за приближеніемъ Мины къ мосту, сталъ появляться тамъ и инженеръ Варбергъ, который затѣмъ провожалъ ее по дорогѣ домой. Но замѣчательно, что онъ никогда не провожалъ ее до самаго дома, а неизмѣнно останавливался на поворотѣ, за которымъ начиналась мѣстность, видимая изъ оконъ дома, и тамъ прощался съ Миной... Очевидно, этотъ инженеръ не даромъ изучалъ топографію.

Но они разставались не сразу, а разговаривали еще довольно долго на одномъ мѣстѣ, шаговъ двадцать или тридцать недоходя околицы, которая была видна изъ оконъ... Не странно-ли? Не естественнѣе ли имъ было остановиться у воротъ? И они не торопились расходиться! Они оставались-бы тамъ Богъ знаетъ сколько времени, еслибы Минѣ не надо было спѣшить домой, чтобы не опоздать къ восьмичасовому завтраку, за которымъ на ея обязанности лежало разливать чай.

Наконецъ они расходились!

Тогда Шультейсъ бѣгомъ неся прямокомъ черезъ поля домой, чтобы будто случайно встрѣтиться съ Миной на дворѣ или въ коридорѣ и съ мученіемъ въ душѣ подмѣтить въ ея глазахъ еще не погасшій, странный огонекъ... Потомъ онъ уходилъ въ свою комнату и долго размышлялъ, случилось-ли уже несчастіе, или еще только угрожало ему? Неужели Мина окончательно потеряна для него? Неужели... уже? И въ припадкахъ дикаго отчаянія онъ бѣгалъ по комнатамъ, какъ пойманный звѣрь, и шепталъ:

— О, если-бы я могъ! Если-бы я только могъ!..

Тѣмъ временемъ Мина стояла у окна залы, изъ котораго видны были желѣзнодорожная насыпь и часть моста, и размышляла о томъ,

что все это создается по его волѣ, что подчинаться этой волѣ и для нея величайшее наслажденіе и что она можетъ быть—онъ самъ открылъ въ ней медиума!—посредницей между этимъ сильнымъ человекомъ и неизвѣданнымъ міромъ чудеснаго!

Она стала мечтать и мечтала до тѣхъ поръ, пока внезапно съ ужасомъ не замѣтила, что уже не принадлежитъ самой себѣ, что она мечтаетъ его мечтами и думаетъ его мыслями. Неужели его воля поглотила всю ея волю, и ея душа какъ-бы потонула въ его душѣ?—Ей ясно представилось его лицо, на которомъ играла загадочная улыбка, какъ сегодня утромъ, и ей опять послышались сказанныя имъ однажды слова: могущество принадлежитъ лишь тѣмъ, кто овладѣваетъ душами другихъ людей... Да онъ былъ могущественъ, и не оставалось сомнѣнія, что онъ овладѣлъ ея душой...

Передъ вечеромъ въ комнату, въ которой сидѣли госпожа Барвигъ и Мина, неожиданно вошелъ инженеръ Варбергъ. Онъ сказалъ, что ищетъ доктора, такъ-какъ одинъ изъ его рабочихъ поранилъ себя и нуждается въ перевязкѣ. Въ то-же время онъ пытливо оглянулся въ комнату и взглянулъ на двери въ столовую, точно хотѣлъ увидѣть насъвозъ. Мина тотчасъ-же догадалась, что онъ задаетъ себѣ вопросъ, здѣсь-ли теперь Текла, которой онъ положительно не выносилъ.

— Жаль, что они не ладятъ между собой, — подумала она. — Но надо и то сказать, что Текла совсѣмъ не понимаетъ всего, чѣмъ интересуется Варбергъ... Притомъ теперь, когда она замужемъ, она стала такая неотзывчивая и слишкомъ ужъ занята своими житейскими дѣлами...

Между тѣмъ госпожа Барвигъ объясняла инженеру, что докторъ еще не вернулся домой, но что будетъ очень скоро и что лучше всего обождать его.

Варбергъ попросилъ позволеніе присѣсть въ сторонѣ, досталъ изъ кармана записную книжку и началъ что-то подсчитывать, очевидно всецѣло занятый своими спѣшными строительными работами.

Водворилась тишина.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату воѣжала Берта и шепнула что-то матери, послѣ чего госпожа Барвигъ вышла вслѣдъ за дѣвочкой изъ комнаты.

Мина отлично поняла, что младшія сестры подглядываютъ изъ соѣдной комнаты и что Берта нарочно нашла предлогъ, чтобы удалить мать изъ гостиной. Берта вообще бывала теперь что-то слишкомъ ужъ деликатна по отношенію къ старшей сестрѣ!..

У другихъ дверей раздались осторожные шаги и поскрипываніе муж-

сихъ сапоговъ... Ну, конечно! Оттуда подглядываетъ Шультейсъ, который не устоялъ передъ соблазномъ.

Ей стало досадно, и она хотѣла уйти изъ комнаты. Но ее точно приковала къ мѣсту Варбергъ, который, казалось, обдумывалъ что-то, но взглядъ котораго былъ направленъ поверхъ книжки прямо на нее и свѣтился какимъ-то страннымъ внутреннимъ огнемъ. Этотъ разсѣянный, но въ то-же время ужасно тяжелый, непріятный взглядъ подавлялъ и мучилъ ее, отнимая всякую волю у нея и точно усыпляя ее. Она не спускала глазъ съ Варберга.

Вотъ онъ точно очнулся и началъ что-то писать. Она невольно стала слѣдить за движеніями его карандаша и передъ ея помутившимися глазами замелькали вдали буквы, строчки... Но различить она ничего не могла, тѣмъ болѣе, что передъ нею все расплывалось, точно она смотрѣла черезъ слишкомъ сильныя очки.

Тогда, сама не зная для чего и совсѣмъ забывъ о томъ, что изъ-за дверей за нею подглядываютъ, она приблизилась въ Варбергу и наклонившись черезъ его плечо стала читать, что онъ писалъ.

Она прочла:

„Твой духъ бесѣдуетъ съ ея духомъ о томъ, чего вы оба еще не узнаете“...

Это было непонятно, и она вопросительно взглянула на него. Но въ это время онъ обвилъ ее станъ рукой, привлекъ ее къ себѣ и, прежде, чѣмъ она успѣла оказать хоть какое-либо сопротивленіе, крѣпко поцѣловалъ ее въ губы...

Она взглянула ему въ глаза растерянно, со страхомъ и недоумѣніемъ, точно всматривалась, тотъ-ли это человѣкъ, которому она мечтала отдаться. Онъ улыбался самоувѣренно, спокойно, безъ малѣйшаго смущенія.

Тогда снова въ ней поднялся ужасъ передъ полнымъ поработченіемъ ея души этимъ человѣкомъ, она слегка вскрикнула и, вырвавшись изъ его объятій, оглянулась на двери. Но въ это время за дверями послышался голосъ возвращавшейся матери и, услышавъ этотъ голосъ, она поспѣшила занять свое прежнее мѣсто у швейнаго столика, стараясь подавить свое волненіе и низко наклоняясь надъ шитьемъ, чтобы скрыть заливавшій лицо румянецъ.

Она была такъ встревожена мыслью, что мать можетъ замѣтить ея растерянность, что не замѣтила даже обиднаго для нея хладнокровія Варберга, который лишь слегка повернулъ голову въ сторону вошедшей госпожи Барвигъ и проговорилъ невозмутимо:

— А я не терялъ времени, сударыня, и успѣлъ вычислить цѣлую кривую, пока дожидался здѣсь...

Въ этотъ день докторъ не возвратился въ обыкновенное время домой, его отозвали куда-то далеко на практику и Варбергъ въ ожи-

даніи его провелъ цѣлый вечеръ въ разговорахъ о спиритическихъ явленіяхъ съ Миной.

Тѣмъ временемъ госпожа Варвигъ увязывала банки съ вареньемъ и озабоченно размышляла о Минѣ. Ее пугало непостоянство дочери. Давно-ли она всецѣло отдавалась своему литературному призванію и полагала все свое честолюбіе въ томъ, чтобы стать писательницей... Теперь отъ этого не осталось ничего, и сближеніе съ Варбергомъ могло повести къ совсѣмъ иному... Нельзя сказать, чтобы это былъ человѣкъ, о какомъ Бента мечтала для дочери; въ немъ не было ни мягкости характера, ни привѣтливости... Но во всякомъ случаѣ честный и энергичный молодой человѣкъ... Жаль только, что насквозь зараженъ этими нелѣпыми спиритическими идеями! Да, никогда Минѣ не найти мужа, который-бы любилъ ее такъ беззавѣтно, какъ этотъ бѣдняга Шультейсъ!

Между тѣмъ влюбленный Шультейсъ порядкомъ надоѣдалъ Варбергу и Минѣ своими постоянными появленіями въ гостиной. Горбунь чувствовалъ непреодолимую антипатію и полное недоверіе къ инженеру. Тотъ со своей стороны насквозь видѣлъ учителя и забавлялся его терзаніями ревности, нарочно поддразнивая его и преувеличивая свои любезности по отношенію къ Минѣ.

Шультейсъ не видѣлъ подѣлуя. Но онъ чуялъ нѣчто въ родѣ того и понимая, что его поддразниваютъ, чтобы вывести изъ терпѣнія и освободиться отъ него, не давался на удочку. Его особенно озабочивали замѣчанія Мины на разсужденія инженера. Замѣтно было, что она боролась съ чѣмъ-то, но не могла совладать съ сильнымъ противникомъ и съ каждой минутой слабѣла. За чаемъ она нѣсколько разъ взглянула на Варберга очень краснорѣчиво и это Шультейсъ видѣлъ своими глазами! Ея рука задрожала и лицо вспыхнуло, когда, передавая чашку, она встрѣтила вопрошающій взглядъ инженера.

Тогда Шультейсъ, раздраженіе котораго возрастало съ самаго появленія въ домѣ господина Варберга, рѣшился разоблачить его. О, безъ всякаго гнѣва... спокойно и прилично, конечно... только на почвѣ знанія и логики... Но срѣзать это ничтожество необходимо! Надо показать Минѣ и всему семейству, что передъ ними фразеръ, дамскій гипнотизеръ и недоучка, даромъ что онъ нахватался разныхъ верхушекъ и толкуетъ о сверхъестественныхъ предметахъ самоувѣренно и съ сухой опредѣленностью, точно о дверномъ косякѣ или объ оконной рамѣ. Нѣтъ, этому будетъ положенъ конецъ!

— Позвольте мнѣ возразить вамъ,—заговорилъ онъ съ дѣланной любезностью и злобнымъ взглядомъ.—Я допускаю, господинъ Варбергъ, что лично вы обладаете нѣкоторыми „магнетическими“ и „гипнотическими“ свойствами, которыми, впрочемъ, въ большей или

меньшей степени мы всё надѣлены. — Онъ многозначительно посмотрѣлъ на Мину. — Но чего-либо особеннаго и научнаго я въ вашихъ разсужденіяхъ, — простите меня! — не вижу. У меня тоже есть кое-какія познанія въ затронутой вами области и смѣю увѣрить васъ, что ученые совершенно безпомощны во всемъ, о чемъ господа дилетанты говорятъ съ поразительной самоувѣренностью.

— Преклоняюсь передъ вашей ученостью, господинъ Шультейсъ! — насмѣшливо возразилъ инженеръ. — Однако, я продолжаю утверждать, что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ человѣчеству такая борьба за существованіе, какой еще не бывало, и вся эта борьба сосредоточится на почвѣ психическаго воздѣйствія. Сильнѣйшій будетъ прогонять слабѣйшаго простымъ усиленіемъ воли.

Въ свою очередь онъ посмотрѣлъ на Мину и затѣмъ перевелъ свой дерзкій взглядъ на горбатаго учителя. Шультейсъ вскричалъ.

— Ха-ха! Это любопытно! вскричалъ онъ. — Какимъ же это способомъ? Вы построите свое фантастическое ученіе на весьма реальной наукѣ, на фізіологіи нервовъ?

— Я говорю лишь о томъ, на что указываютъ опыты, господинъ Шультейсъ! Не все ли равно, кто производитъ опытъ? Если меня познакомить съ какимъ-нибудь явленіемъ учений — я буду ему благодаренъ; если это сдѣлаетъ индѣецъ — я такъ и скажу, что узналъ фактъ отъ индѣйца; а если опытъ произведетъ духъ, я повѣрю въ существованіе духа и вдобавокъ воспользуюсь его опытомъ! Я не отступаю передъ фактами.

— Позвольте! ехидно улынулся учитель и весь изогнулся отъ удовольствія, что поймалъ наконецъ шарлатана. — Такого рода *научные* опыты болѣе всякихъ другихъ зависятъ отъ компетентности того, кто производитъ ихъ. Въ рукахъ суевѣрнаго и невѣжественнаго человѣка всякій фантастическій опытъ можетъ породить для него „духовъ“ и „незримыхъ индѣйцевъ“, которые однако будутъ не результатомъ опыта, а плодомъ суевѣрія и необработанной фантазіи того, кто производитъ опытъ. — Шультейсъ побѣдоносно посмотрѣлъ на Мину. — Такимъ путемъ не хитро увидѣтъ даже чоргииковъ съ рогами и хвостомъ, какъ и бывало... неоднократно! Что же касается послѣдователей, то за ними остановки не будетъ, господинъ Варбергъ. Вамъ, вѣроятно, хорошо извѣстно, насколько легко распаляется человѣческое воображеніе всѣмъ фантастичнымъ! Одинъ фантазеръ разжигаетъ фантазію другого, пока не разгорится цѣлый пожар...

— Однако, позвольте же вамъ замѣтить, вскричалъ инженеръ запальчиво, — что психическая энергія, проявляемая однимъ человѣкомъ на другихъ, несомнѣнно доказанный наукой фактъ. Это новѣйшее открытіе, которое важнѣе пара и электричества!

Шультейсъ усмѣхался и пофыркивалъ съ нескрываемымъ сарказмомъ.

— Читаль, читаль эти самыя выраженія! замѣтилъ онъ.— Въ трехъ предисловіяхъ къ тремъ различнымъ сочиненіямъ о спиритизмѣ есть эта самая фраза... о парѣ и электричествѣ! Такія слова производятъ неизмѣнное впечатлѣніе на раекъ... Ха, ха! Такъ вы полагаете, что психическая энергія нѣчто вновь открытое? Вся міеологія и вся біблія полны ею! Аполлоній Тіанскій, Александръ Абонитикъ и множество лицъ начала нашей эры только и занимались этой энергіей.. Вамъ слѣдовало почитать объ этомъ, господинъ Варбергъ! Вы бы удивились, пожалуй, какое множество опытовъ того времени повторяется теперь подъ видомъ чего-то совсѣмъ новаго! Я уже не говорю о чудесахъ Симона Мага, о которомъ вы, разумѣется, знаете... Какъ? Не читали? Эге! Однако, о немъ упоминается даже въ Дѣянїяхъ Апостоловъ!

Съ минуту Шультейсъ молчалъ и наслаждался побѣдой, одержанной въ присутствїи Минны. Затѣмъ продолжалъ уже съ большей самоувѣренностью, прохаживаясь по комнатѣ маленькими шажками и жестикулируя, какъ дѣлалъ это въ классѣ:

— Этотъ Симонъ Магъ, по свидѣтельству современниковъ, продѣлывалъ всевозможные фокусы: показывался одновременно въ разныхъ мѣстахъ, угадывалъ, что совершалось на значительномъ разстоянїи отъ него, исчезалъ на глазахъ у своихъ судей и прочее. Такъ какъ онъ проповѣдывалъ ложное ученіе, апостолъ Петръ послѣдовалъ за нимъ въ Римъ, чтобы обличить его. Тамъ Симонъ въ присутствїи Нерона сталъ подниматься на воздухъ — въ скобкахъ сказать, онъ продѣлалъ тотъ же фокусъ, какой показываютъ индусскіе факиры.—но когда св. Петръ сталъ молиться и повліялъ на него своей душевной силой, онъ упалъ на землю и разбился. Все это значитъ въ исторїи церкви! И вдругъ выдаютъ такіе фокусы за нѣчто новое, раздуваютъ ихъ, пыжатася!..

Въ сознанїи своей непобѣдимости, Шультейсъ высоко закинулъ голову и усмѣхался очень задорно.

Варбергъ былъ теперь красень, какъ ракъ, но продолжалъ насильно улыбаться и съ преувеличеннымъ вниманіемъ разсматривалъ комическую фигуру расходившагося горбуна, притворяясь, что еле сдерживается отъ хохота.

— По истинѣ, продолжалъ между тѣмъ учитель, внезапно переставая усмѣхаться и съ величайшимъ презрѣніемъ, — это характерное для нашего времени увлеченіе всякой чертовщиной и суевѣріе, господинъ Варбергъ, не новинка! Во всѣ переходныя эпохи разныя смутныя идеи распространялись фантазерами изъ недоучекъ! Я не касаюсь личностей и не желаю разбирать дѣйствїя каждаго изъ такихъ распространителей въ отдѣльности... Но право, я не желалъ бы принадлежать къ числу этихъ грубыхъ обскурантовъ, этихъ ополоумѣвшихъ нравственныхъ самоубійцъ!.. Да, самоубійцъ!

Последнія слова онъ прокричалъ точно задыхаясь и, желая предтавить повѣшеннаго, вытянулъ шею и заболталъ ногами, какъ клоунъ.

Варбергъ откинулся на спинку стула, дѣлая видъ, что любитъ спектаклемъ. Отъ времени до времени онъ поглядывалъ на Мину и Бертю, какъ бы приглашая ихъ раздѣлить его удовольствіе.

— Да... очень, очень любопытно! заговорилъ онъ наконецъ.— Нѣчто въ родѣ „Ревниваго философа“... Само собою разумѣется, я говорю о ревности научной! Онъ лукаво подмигнулъ Минѣ.— Ревнивый философъ превосходное заглавіе для комедіи!..

Мина замѣтила, что инженеръ посмотрѣлъ на нее при этихъ словахъ съ особеннымъ выраженіемъ, какъ бы давая понять, что ученицѣ такого учителя тоже нашлась бы конечно роль въ комедіи.

— Все это не наука, заключилъ возбужденный горбунъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Варберга и усиленно шагая по комнатѣ,—не наука, а какая-то пляска дикарей! (онъ привскочилъ и засеменилъ ногами).— Какой-то возмутительный канканъ! закончилъ онъ, высоко векинувъ ногу.

— Развѣ вы не можете ораторствовать, не прилясывая? векипѣла Мина, поднимаясь съ мѣста и нетерпѣливо отодвигая свой сундукъ.— Это становится невыносимо!..

Шультейсъ замеръ на мѣстѣ и смотрѣлъ на нее, точно не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ быстро падалъ со своихъ облаковъ и на лицѣ его выражалось смятеніе, ужасъ. Онъ видимо не сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Я защищаю... защищаю мою точку зрѣнія! пролепеталъ онъ растерянно, но вдругъ густо покраснѣлъ и злобно сжалъ кулакъ.

Никто не отвѣтилъ ему.

— Понимаю! пробормоталъ онъ, еще разъ оглядывая всѣхъ присутствующихъ и останавливая угрюмый взглядъ на Минѣ.— Понимаю... Ну что же, я не стану раздражать васъ своимъ присутствіемъ!

Онъ съ ненавистью посмотрѣлъ на Варберга и поспѣшилъ изъ комнаты.

На лѣстницѣ его догнала госпожа Барвигъ.

— Шультейсъ, Шультейсъ! звала она. — Не принимайте же это такъ...

Онъ не слышалъ ея, почти бѣгомъ направился въ свою комнату и бросился на кровать, зарывая лицо въ подушки.

— Шультейсъ,—продолжала Бента, вошедшая велѣдъ за нимъ,—не принимайте-же къ сердцу одно торопливое слово дѣвочки...

Онъ глубже зарылся въ подушкахъ.

— Вы, умѣющій убѣждать всякаго... вы должны-же понимать...

Съ кровати послышался подавленный стонъ, потомъ другой громче прежняго и вдругъ горбунъ разразился неудержимыми рыданіями. Госпожа Барвигъ присѣла на край кровати и взяла учителя за руку.

— Не огорчайтесь-же такъ!—говорила она сочувственно.— И о чемъ

вамъ горевать?.. Вы выказали столько превосходства, разбили того господина совершенно...

Отвѣта не послѣдовало.

— Увѣряю васъ, что съ первыхъ-же вашихъ словъ стало ясно, что побѣда на вашей сторонѣ! Какъ-бы тамъ ни было, а вы его разбили.

Шультейсъ немного повернулъ голову.

— Да, это только ваше мнѣніе,—протянулъ онъ всхлипывая.

Онъ хотѣлъ снова спрятать лицо въ подушку, но госпожа Барнигъ ласково потрепала его по плечу и это дружеское прикосновеніе къ горбу, котораго бѣдняга стыдился, сразу оживило его. Онъ пересталъ плакать и сѣлъ на кровати, возлѣ хозяйки.

— Это ваше мнѣніе, сударыня!—повторилъ онъ.— И разумѣется оно мнѣ дорого, потому что васъ я уважаю больше всѣхъ на свѣтѣ... Но, позвольте мнѣ... простите...

— Увѣряю-же васъ,—замѣтила Бента, вставая,—что таково, въ сущности, мнѣніе и Минны...

— Вы дум.? Вы думаете?—заикаясь переспросилъ онъ.— Неужели вы допускаете это?

— Да, я вѣдь видѣла впечатлѣніе, какое производилъ на нее споръ.

— Вы видѣли? Вы увѣрены, что она?..

— Не можетъ быть и сомнѣнія, Шультейсъ...

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ полагаете, что Минна поняла?.. я хотѣлъ сказать, что она въ нѣкоторой степени допустила мои доводы?

— Навѣрное, Шультейсъ!

— Видите-ли, я вѣдь нарочно старался подорвать въ ея глазахъ значеніе этого Варберга который оказываетъ на нее довольно вредное вліяніе... Характеръ у него тоже нехорошій... Подозрительная личность!

Госпожа Барнигъ поникла головой, точно обдумывая что-то.

— Да, вы приняли на себя значительную часть трудовъ въ воспитаніи Минны,—сказала она, немного погодя.—Для васъ она не чужая... Но скажите, не замѣчаете-ли вы, какъ и я, что мы точно утратили ее? Разумѣется, это нелѣпо, но признаюсь, меня угнетаетъ сознаніе этой отчужденности... Можетъ быть и вы испытываете нѣчто подобное?.. Я много размышляла объ этомъ и пришла къ заключенію, что мнѣ не слѣдуетъ относиться слишкомъ эгоистично! Приходится привыкать къ мысли, что раньше или позже это должно было случиться.

Онъ смотрѣлъ на нее, не понимая, что она хочетъ сказать. Но онъ чувствовалъ въ ея словахъ нѣчто такое, что повергало его въ отчаяніе, и заговорилъ страстно, торопливо:

— Но Мина... Мина... Не надо забывать, что это исключительная натура, которая требуетъ особенно заботливаго отношенія къ ней. Это необыкновенно чуткая, вѣжная, избранная натура! Какая воспримчивость,

какая отзывчивость къ самымъ неувидимымъ отгѣнкамъ мысли! Она точно создана для воспринятія повѣйшихъ вѣяній... Удивительныя, небывалыя способности! Но сколько опасностей угрожаютъ такой натурѣ! Ваше чуткое материнское сердце уже подсказало вамъ главнѣйшую опасность: это ея крайняя впечатлительность, заставляющая ее увлекаться всѣмъ, что представляется ей въ ореолѣ идеальныхъ стремленій... Я вижу пропасть, къ которой она безопасно идетъ... Я не могу относиться къ этому равнодушно! Сегодня я какъ Курціусъ, бросился въ эту пропасть, чтобы открыть Минѣ глаза... И я не жалѣю объ этомъ, я бросился-бы еще тысячи разъ, чтобы спасти ее.

Онъ остановился и протянулъ руку, какъ-бы заклиная.

— Этотъ Варбергъ,—прошепталъ онъ,—опасный и лукавый совратитель!

— Знаю, Шультейсъ, насколько благородны ваши намѣренія!.. Но какъ мать, такъ и наставникъ, должны покориться своей участи и чтобы они ни отдали ребенку, остаться при однихъ воспоминаніяхъ. Не стѣбитъ заблуждаться насчетъ этого!

Это вырвалось у нея съ тоской, точно она утѣшала сраженного товарища, и махнувъ рукой, она направилась къ дверямъ.

Но уже выходя изъ комнаты, она обернулась и сказала совѣмъ другимъ голосомъ:

— Минѣ часто приходитъ въ голову, Шультейсъ, что вы непростительно равнодушны къ своей наружности. Я понимаю, что вамъ не до такихъ мелочей. Но немного щегольства не помѣшало-бы... напротивъ. Знаете, у меня есть превосходный, красный галстухъ, котораго Барвигъ не захотѣлъ носить. Онъ не любитъ яркихъ цвѣтовъ. Но вамъ этотъ галстухъ долженъ быть къ лицу... Я пришлю вамъ галстухъ... Хорошо?

И она вышла не ожидая отвѣта.

Шультейсъ въ недоумѣніи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, затѣмъ сѣлъ къ столу и придвинулъ къ себѣ зеркало. Съ минуту онъ смотрѣлся въ него очень внимательно и серьезно, потомъ сталъ оправлять воротнички, застегнулъ сюртукъ до верху и опять разстегнулъ.

— Да, она права!—думалъ онъ.—Необходимы свѣжіе цвѣта—она сразу поняла это. Красный галстухъ будетъ именно то, что нужно!.. Наружность тоже имѣетъ значеніе: наружностью возбуждается и привлекается вниманіе. Наружность дѣйствуетъ на воображеніе.

Онъ началъ продѣлывать какую-то сложную мимику передъ зеркаломъ, стараясь найти выраженіе, которое больше всего соотвѣтствовало-бы его чертамъ лица. Въ то-же время онъ бормоталъ сквозь зубы:

— Спиритическіе индѣйцы!.. Дамскіе гипнотизеры!.. То-го вотъ! Изобличилъ я небожь невѣжество... Да! Воткнулъ мечъ въ самое чувствительное мѣсто... въ самую глубь его темной души. Такъ ему и надо!

VI.

— Онъ еще спитъ, Бента?

— Нѣтъ, Эндрикъ всталъ, отвѣтила она, потупляясь.

Докторъ грузно спустился на стулъ.

— Порядочная неожиданность, а? проговорилъ онъ. — Довольно пріятно получить обратно въ домъ сына послѣ такой успѣшной поѣздки за границу!.. Нѣтъ, нѣтъ—не кипятись. Видитъ Богъ, я ни въ чемъ не упрекаю тебя. Эти двѣ тысячи, о которыхъ ты теперь думаешь, во всякомъ случаѣ, самое меньшее въ бѣдѣ... Право! Всетаки имѣй въ виду, что придется немало добавить къ двумъ тысячамъ, такъ какъ навѣрное мы получимъ кучу неоплаченныхъ счетовъ. Но видишь ли, именно такая мать, какъ ты, неминуемо должна погубить подобнаго сына!..

— Увѣряю тебя, Барвигъ, что ты не правъ! Я проговорила съ Эндрикомъ до глубокой ночи... Онъ очень несчастливъ, Барвигъ! И больше всего онъ огорчается изъ-за насъ, какъ онъ самъ выражается, что онъ оскорбилъ насъ и высосалъ соки изъ насъ. .

— Да, да! Такіе господа всегда очень сълонны каяться... Ихъ никогда не смущаетъ необходимость выставлять напоказъ свои немощи..

— Не будь жестокъ, Барвигъ! Онъ хочетъ трудиться, давать здѣсь уроки, пока что-нибудь не устроится... Онъ увѣренъ, что сдѣлается порядочнымъ актеромъ, и благодаря своему голосу, какъ второстепенному подспорью, никогда не останется безъ ангажемента. Въ сущности, какъ онъ самъ признается, у него, главнымъ образомъ, драматическій талантъ, и ошибка была въ томъ, что онъ придавалъ слишкомъ много значенія своему пѣнію...

— И такъ, теперь онъ актеръ! Трагикъ! Ха, ха, ха!

Докторъ тяжело размѣялся и поднявшійся началъ ходить по комнатѣ.

— Не забывай, Барвигъ, что онъ не пьетъ и не расточителенъ! замѣтила мать.

— Охъ, знаю я только то, Бента, что у него хроническое разстройство нервовъ съ болѣзненной экзальтаціей воображенія. Въ мое время такіе предавались пьянству. Теперь они всецѣло отдаются переменчивымъ маніямъ. Тѣ же прежнія пропойцы, но въ новомъ видѣ. Они считаютъ себя гениями и готовы на все, за исключеніемъ работы. Съ календарной регулярностью возвращаются они въ отеческій домъ, требуя, чтобы ихъ обули, одѣли, утѣшили и ободрили на новые опыты. Все это я знаю, отлично знаю, Бента! Прошло то время, когда предполагали, что въ этихъ случаяхъ погибаетъ большой талантъ, что все это служитъ признакомъ гениальности. Теперь это признается вполне опредѣленной болѣзью. Такихъ субъектовъ не мало, и навѣрное найдется хоть по одному въ каждой большой семьѣ.

— Ты, кажется, хочешь запугать меня до смерти, Барвигъ! вскричала Бента.— Съ Вольей помощью, до этого не дошелъ еще Эндрикъ. Увидишь, что онъ будетъ опять работать...

Докторъ посмотрѣлъ на нее исподлобья.

— Да, конечно! сказалъ онъ.— Работа тоже можетъ едѣваться предметомъ болѣзненнаго увлеченія.. Гмъ! Во всякомъ случаѣ, попытайся... Это единственное, что мы можемъ едѣвать. Надо снабдить его бѣльемъ и платьемъ... Но не вмѣшивай меня. И вотъ что еще: пусть онъ завтракаетъ съ вами въ столовой, а потомъ только придетъ ко мнѣ.

Бента посмотрѣла на мужа съ недоумѣніемъ.

— Пойми, что я не желаю выслушивать его изліянія, его самобичеванія. Пусть онъ сперва освоится и успокоится въ вашемъ кругу. Такихъ людямъ нельзя позволять расплываться въ припадкахъ преувеличеннаго смиренія!.. Нето они тотчасъ же присваиваютъ себѣ привилегію унижаться и быть безпомощными, а тогда.—докторъ махнулъ рукой,— ниши, пропало!

Черезъ нѣсколько времени, когда Бенты уже не было въ кабинетѣ, докторъ услышалъ въ столовой громкіе голоса.

— Ба, вотъ и нашъ пѣвецъ! громко привѣтствовалъ брата Челій.— Ну, покажись, каковъ ты!

Послышались поцѣлуй и привѣтствія. Челій былъ веселъ, очень родственъ и самоувѣренъ.

Докторъ ниже наклонился надъ своими бумагами, обмокнулъ перо въ чернильницу, но тотчасъ же отложилъ его въ сторону: въ тихо раскрывшихся дверяхъ появился Эндрикъ.

— Я не помѣшалъ тебѣ, отецъ? Да, что подѣлать—вотъ и я!

— Ну, здравствуй, Эндрикъ...

Молодой человѣкъ опустился въ кресло противъ отца.

— Да, не съ лаврами я возвращаюсь на этотъ разъ! сказалъ онъ смиренно.— Но будь ко мнѣ снисходителенъ...

— Лавры? Боже избави, никогда я этого не требовалъ отъ тебя, мой мальчикъ! Лавры достаются одному или много-много двумъ современникамъ въ цѣлой странѣ.

Эндрикъ потрясъ головой и изящнымъ движеніемъ руки пригладилъ свои темные волосы.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ.— Мнѣ хватается нечѣмъ!

— Ты, кажется, намѣренъ брюзжать, мальчикъ? замѣтилъ отецъ.— Это малодушно! Отнесись къ дѣлу практично и мужественно, какъ требуютъ этого обстоятельства.

— Да развѣ я не сознаю своего положенія? страстно вскричалъ Эндрикъ.— Если бы ты зналъ, сколько ночей провелъ я безъ сна, взвѣ-

шивая свои силы и шансы, приходя въ отчаяніе и плача отъ стыда! Если бы ты испыталъ...

— Да, я испыталъ нѣчто похожее, Эндрикъ. Мнѣ оставалось два года пробыть въ университетѣ, когда я лишился всякихъ средствъ... Да, я былъ въ отчаяніи! Но затѣмъ я сообразилъ, что отчаяніемъ я не живу ни гроша и что лучше пойти, да заработать нужныя деньги. Такъ я и сдѣлалъ. Сперва я былъ конторщикомъ, потомъ домашнимъ учителемъ, а когда накопились деньги — вернулся въ университетъ и сдалъ экзамень. Последнее, что могло мнѣ придти въ голову, было идти просить и кланяться...

— Если ты воображаешь, что я намѣреваюсь просить подаянія, ты сильно ошибаешься, отецъ!—гордо возразилъ сынъ.—Скорѣе я погибну, скорѣе я умру отъ голода!

— Очень радъ видѣть, Эндрикъ, что ты мужчина и готовъ поборотся за свою экономическую независимость! Но слова и вообще всякая болтовня... Что-же ты намѣренъ предпринять? Долженъ сразу сказать, мальчикъ, что у меня уже нечѣмъ поддерживать тебя. Младшихъ дѣтей тоже надо воспитывать.

— Да развѣ я когда нибудь требовалъ отъ тебя поддержки?—протестовалъ Эндрикъ.

— Что?—изумился отецъ.—Ты никогда не требовалъ поддержки? И это ты говоришь, только что покончивъ съ двумя тысячами и нѣсколькими сотнями, которыя ты выманилъ у матери? Да что ты, сумасшедшій совѣтъ, или смѣешься надо мною? Какъ это ты ничего не требовалъ?

— Я хотѣлъ сказать: *теперь!*

— Еще-бы ты сталъ требовать *теперь!* Твоя мать сошьетъ тебѣ бѣлье, а я заплачу портному за твое платье. Этимъ ты можешь удовольствоваться.

Эндрикъ вставилъ монокль въ глазъ и посмотрѣлъ на отца съ недоумѣніемъ. Затѣмъ онъ поморщился и проворчалъ довольно нагло.

— Звучитъ точъ въ точъ, какъ счетъ отъ портного! Не достаетъ только прибавки „за нитки и иголки“.

— А ты думалъ нитки и иголки не покупаются? За все приходится платить, Эндрикъ, потому что ничто не дается даромъ! Небожь, чтобы доставить тебѣ платье, мнѣ надо увеличить практику...

— Ахъ вотъ что! Ты находишь нужнымъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы повторить блудному сыну прописную мораль съ азовъ?

— Повторить? Нельзя повторять то, чего этого сынъ никогда не усваивалъ себѣ!

— Такъ!—продолжалъ молодой человекъ увлекаясь. — Безъ этого нельзя! Необходимо погнуть, принизить, помучить человека, во славу до-

маняго порядка! Необходимо, чтобы онъ зналъ, что стоитъ его пуговица, каждый лоскутокъ!

— Да, необходимо, чтобы онъ зналъ, Эндрикъ, хоть то, что его мать должна утомляться и пить на него!

— Нѣтъ, избавь меня отъ такихъ вещей, отецъ! Неужели необходима вдобавокъ ко всему сантиментальность? Однако, я полагаю, что достаточно уже унижался и пресмыкался теперь передъ тобой! Моя мать!.. Точно она находится въ полномъ отчаяніи, и шьетъ, и плачетъ надъ шитьемъ, и исколола себѣ пальцы до крови!.. Согласись, отецъ, что это слишкомъ патетично — изъ-за пары рубашекъ! Положимъ, я не защищаюсь: я бредилъ и ты былъ правъ, когда утверждалъ это! Но если ты намѣреваешься искоренить во мнѣ то, что называется честолюбіемъ, если хочешь, чтобы я разувѣрился въ своемъ талантѣ и въ моемъ призваніи быть артистомъ, ты очень заблуждаешься, отецъ. У меня дарованіе и я не позволю растоптать себя!

— Такъ, такъ! Не позволяй растоптать себя... Ну-съ, здѣсь ты можешь гостить до осени, а затѣмъ получишь платье и средства на переѣздъ въ городъ...

— Ты не щадишь моего самолюбія, отецъ. Впрочемъ, его уже нѣтъ...

— Отвѣчай толкомъ, желаешь ты принять то, что я предлагаю, или не желаешь? Не можешь-же ты требовать, чтобы я снабдилъ тебя еще новымъ самолюбіемъ!

— Ты никогда, никогда не поймешь чувствъ артиста, отецъ!

— Потрудишься отвѣчать на вопросъ, Эндрикъ: принимаешь ты или нѣтъ? Ты можешь считать меня мелочнымъ, но признаюсь, что такой расходъ для меня чувствителенъ и что я былъ-бы въ восторгѣ, если-бы ты могъ обойтись безъ моей помощи.

Эндрикъ всталъ и проговорилъ съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Много, много артистовъ принуждены были пролагать себѣ путь къ славѣ при обидныхъ условіяхъ. Но для насъ искусство то-же, что ребенокъ для матери! Чего не перенесетъ мать ради своего дѣтища!

— Фу ты, Господи, какой наборъ словъ! — развелъ руками отецъ, съ удивленіемъ поглядывая на сына, который былъ искренно тронутъ собственными словами и печально смотрѣлъ въ землю. — Развѣ ты не вернулся сюда только потому, что у тебя не оказалось достаточнаго голоса? Причемъ-же тутъ искусство, потомъ кака-то мать и какое-то дитя?

— Искусство при томъ, что я ошибся лишь въ приложеніи моихъ артистическихъ способностей. Но все-таки я артистъ!

— Ну, пусть будетъ такъ! — уемѣхнулся старикъ. — Но согласись,

Эндрикъ, что всѣ твои опыты не подтвердили этого и что потеряю понапрасну много лѣтъ, о которыхъ лучше и не вспоминать. Неужели ты не можешь трезвѣе отнестись къ жизни хоть теперь?

— То-есть ты хочешь, чтобы я сталъ жить для своего желудка и ради него отказался отъ своихъ надеждъ и вѣрованій? По истинѣ, это болѣе чѣмъ прозаическое требованіе! Но я не думаю, чтобы стоило жалѣть о моей неспособности подчиняться такимъ требованіямъ!

Докторъ покачалъ головой и сказалъ, помолчавъ:

— Какъ бы тамъ ни было, а вотъ что я тебѣ предлагаю, мой мальчикъ: возьми у меня какую-нибудь работу, чтобы ты имѣлъ право говорить, что зарабатываешь свой хлѣбъ. Могу предложить тебѣ простую переписку на-бѣло, сушіе пустяки, всего по двѣ страницы въ день... Понимаешь? Возьми эту работу къ себѣ и каждую субботу— не дожидаясь особаго напоминанія—приноси показать, что ты сдѣлалъ за недѣлю... Согласенъ?

— Повѣрь, отецъ, что я тронуть твоей великодушной мыслью!— проговорилъ Эндрикъ съ чувствомъ. — Я понимаю, что ты нарочно придумалъ такую работу...

— Те-те-те! Объ этомъ не заботься, пожалуйста. Ну, ступай, мой мальчикъ; у меня много дѣла...

Однако, по уходѣ сына, докторъ не занялся дѣлами, а началъ задумчиво протирать свои очки. Когда онъ повернулся къ окну, чтобы посмотрѣть стекла на свѣтъ, его лицо доснилось отъ выступившаго на немъ пота.

— Охо-хо! Такъ-то! вздохнулъ онъ.

Затѣмъ онъ взялъ шляпу и вышелъ на дворъ, гдѣ пустился съ рабочимъ въ пространныя разсужденія о томъ, когда лучше всего начать запашки. Ему не хотѣлось встрѣчаться теперь съ Бентой, и комнаты, въ которыхъ находился Эндрикъ, потеряли для него всякую прелесть.

Послышался стукъ приближающагося экипажа и къ крыльцу подкатила бричка Теклы, которая ожидала черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появленія на свѣтъ своего первенца и мало ходила пѣшкомъ. Мина, Массеи и Аригъ выбѣжали встрѣчать Теклу. Но докторъ остался вдали, продолжая разговаривать съ рабочимъ.

Вдоволь наговорившись о запашкахъ, осмотрѣвъ покосившіяся заборъ и распорядившись его починкой, докторъ отправился въ садъ и сталъ тыкать палкой въ грядку хмѣля, тянувшуюся вдоль всей стѣны дома.

Черезъ раскрытыя двери веранды доносился изъ гостиной веселый голосъ Челія. Послышался также голосъ оживившагося и повеселѣвшаго Эндрика.

Но вдругъ въ гостиной стало тихо, потомъ раздался стонъ. Докторъ

придушался. Стонъ повторился, пронесся какой-то вопль и ясно раздался шумъ отъ паденія тѣла.

Перепуганный докторъ взбѣжалъ на веранду. Но въ дверяхъ его встрѣтила Мина, которая шепотомъ предупредила отца, что это Эндрикъ играетъ Гамлета.

Съ иронической усмѣшкой на губахъ остановился старикъ въ дверяхъ и началъ смотрѣть.

Вся семья, не исключая Теклы и Челія, сидѣла въ глубинѣ комнаты въ качествѣ публики. Эндрикъ полулежалъ на полу и говорилъ громкимъ, страстнымъ шепотомъ.

Мучительная, жестокая иронія надъ самимъ собой звучала въ каждомъ его словѣ, въ его мимикѣ и его голосѣ. Съ большой правдивостью передавалъ онъ отчаяніе развитаго, но неустойчиваго человѣка, который безсиленъ, не смотря на все свои знанія и добрыя намѣренія, и который гнушается своей немощью. И онъ говорилъ о себѣ съ дрожавшей, горькой улыбкой, которая лучше словъ выражала всю безпомощность Гамлета..

Усмѣшка исчезла съ лица доктора и губы его судорожно передернулись. Вѣдь передъ нимъ былъ самъ Эндрикъ, во всей его жалкой немощи талантливаго, но ни на что непригоднаго человѣка!

Онъ торопливо вышелъ на веранду и поманилъ за собой Бенту.

— Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, пробормоталъ онъ смущенно, — изъ этого что-нибудь выйдетъ. Положительно похоже на нѣчто сносное... Во всякомъ случаѣ, не оставимъ же мы его безъ поддержки!.. Утѣшь его какъ-нибудь и ободри, бѣднаго... Право, казалось, что онъ говорилъ о себѣ и страдалъ, какъ на пыткѣ...

— О, Господи, какъ его жаль, Барвигъ! расплакалась Бента.

— Ну, ну, не плачь. Вѣдь говорю же я, что мы поддержимъ его. Попытаемся вселить ему также побольше мужества и довѣрія къ себѣ. Кстати, позовемъ людей, покажемъ его, похвастаемъ его талантомъ!.. Надо, чтобы все видѣли, что мы первые признаемъ его дарованіе — это вселяетъ людямъ довѣріе.

Челій сидѣлъ въ столовой и съ аппетитомъ ѣлъ только-что полученное изъ города медовое печенье, которое онъ намазывалъ свѣжимъ масломъ. Такіе же бутерброды намазывала и складывала на тарелку мать для Теклы, которой нездоровилось и которая отдыхала на диванѣ. Не переставая ѣсть, онъ разсуждалъ о братѣ.

— У него не все винты въ мозгу цѣлы—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія... Но какой талантливый! Конечно, жаль его... Однако, безъ поддержки онъ не останется. Кое къ чему и я вѣдь гожусь!.. Чудное печенье, матушка! А масло сегодня ебито? Чертовски вкусно! Минѣ

кажется, это будетъ здорово Теклѣ. Притомъ она ужасно любитъ медь— все, въ чемъ есть хоть немножко меду.

Вѣбжала Берта.

— Тебѣ принесли телеграмму! сказала она брату.—Разсылный тамъ, внизу... хочеть отдать тебѣ...

— Ну, пусть принесеть сюда. Только, мнѣ кажется, что ему слѣдовало едать телеграмму въ конторѣ, на заводѣ, а не гнаться за мною сюда. Вѣдь и мнѣ нуженъ иногда покой...

Черезъ минуту въ полуоткрытыхъ дверяхъ показался разсылный и протянулъ Челію телеграмму, которую тотъ вскрылъ столовымъ ножомъ.

Довольно долго читалъ заводчикъ многія слова депеши и было что-то тупое въ его взглядѣ, вперившемся въ раскрытый листокъ. Но затѣмъ онъ снова едѣлался спокоенъ и равнодушно сунулъ телеграмму въ боковой карманъ.

Бента подумала даже, что ей только показалось, будто лицо сына поблѣднѣло, когда онъ прочелъ телеграмму...

Между тѣмъ онъ доѣлъ послѣдній кусокъ печенья и взялся за тарелку.

— Довольно, довольно, матушка! сказалъ онъ. — Теклѣ не съѣсть этого. Положительно. довольно! Давай, я отвесу ей теперь.

Онъ направился съ тарелкой въ рукахъ къ дверямъ, но вдругъ остановился.

— Знаешь, что это было? сказалъ онъ.—Меня извѣщаютъ, что сюда ѣдетъ самъ директоръ банка, Валь! Онъ хочеть ознакомиться съ округомъ лично. Придется оказывать ему почести, ты понимаешь, конечно! Если представится случай, вамъ тоже слѣдуетъ пригласить его къ себѣ. Онъ проѣдетъ ко мнѣ прямо съ желѣзнодорожной станціи; стало быть, онъ будетъ на заводѣ не позже трехъ или половины четвертаго.

Торопливымъ движеніемъ онъ посмотрѣлъ на часы.

— Времени маловато. Впрочемъ, съ моимъ воронымъ въ отцовскомъ кабріолетѣ... успѣю! Пришлите Теклу домой сейчасъ послѣ обѣда...

Онъ вышелъ, и пять минутъ спустя послышался на дворѣ стукъ удалявшагося кабріолета.

Шультейсъ оканчивалъ преподаваніе въ классной комнатѣ, когда раздался стукъ колесъ и онъ увидѣлъ изъ окна Челія, выѣзжавшаго со двора полной рысью.

Но это не интересовало его. Его больше бы заняла пролетающая мимо оконъ ворона...

Дѣло въ томъ, что онъ посматривалъ въ окно, соображая, неужели господинъ Варбергъ опять явится къ обѣду, и неужели его стануть принимать, какъ короткаго знакомаго?

Въ понедѣльникъ инженеръ пришелъ въ такое время, что доктору

поневоля пришлось пригласить его къ столу и ожиданіе повторенія такого визита сильно дѣйствовало на нервы учителя. Но Варбергъ этого не дѣлалъ больше и довольствовался посѣщеніями дома въ другіе часы, очевидно вполнѣ удовлетворяясь продолжительными прогулками съ Миной, которыми всегда кончались его визиты, и во время которыхъ онъ могъ наговориться вдоволь о всякихъ псевдо-научныхъ нелѣпостяхъ, притомъ безъ постороннихъ свидѣтелей.

Да, въ ней онъ имѣлъ послушную ученицу! Но очевидно, онъ хотѣлъ сдѣлать больше и превратить ее въ нравственно подчиненное ему созданіе, въ „духовную невольницу“, въ медиумъ для своихъ опытовъ!

Только онъ, Шультейсъ, еще не сдается! Нѣ-ѣтъ! Онъ попытается вырвать ее изъ когтей чудовища и будетъ бороться до конца!

Развѣ онъ не ея учитель? Развѣ онъ не знаетъ все, что она думаетъ, что она чувствуетъ? Вѣдь она не любитъ Варберга, а скорѣе ненавидитъ его!

И однако, помимо своей воли, она всегда встрѣчаетъ этого Варберга съ какой-то непонятной робостью и потому, подъ вліяніемъ его взгляда, неизмѣнно подчиняется его вліянію...

Она *должна* овладѣть собой! Она *должна* вырваться изъ этого ужаснаго заколдованнаго круга, освободиться отъ этого эротическаго ослѣпленія!

Вдали, на дорогѣ, показался пѣшеходъ, бодро помахивавшій тростью. Онъ остановился у перекрестка и оглядывается по сторонамъ...

Не Варбергъ!

Съ души учителя точно камень свалился...

Это какой-то молодой человѣкъ... Онъ направляется сюда, прямо къ докторской усадьбѣ. Вотъ ужъ онъ на крыльцѣ...

Въ сѣняхъ молодого человѣка встрѣтила, будто случайно, Берта, только что освободившаяся отъ уроковъ и тоже видѣвшая изъ окна приближеніе незнакомца.

— Вы видите передъ собой человѣка, барышня, который розыскиваетъ пѣвца Варвига!—сказалъ онъ.—Моя фамилія Финсландъ, студентъ Финсландъ... Говорятъ, что мой другъ Эндрикъ вернулся...

Берта очень мило поклонилась студенту и побѣжала-было за братомъ, но въ дверяхъ остановилась, вспомнивъ, что ничего не отвѣтила гостю.

— Прошу покорно... въ гостиную!—пригласила она съ отиѣнной вѣжливостью.—Эндрикъ вѣроятно дома... Я сейчасъ...

И дѣвочка побѣжала, очень довольная своей свѣтскостью.

Въ столовой она нашла Мину, накрывавшую столъ.

— Какой-то студентъ, Мина!—вскричала она.—Онъ хочетъ поговорить съ Эндрикомъ... А тутъ обѣдъ! Надо предупредить маму!

Черезъ нѣсколько минутъ въ гостиной послышались громкія привѣтствія, и Эндрикъ торжественно представилъ роднымъ Альвара Финсланда—писателя и поэта.

— Моя мать... Мои сестры Мина и Берта,—говорилъ онъ поэту.

Они много встрѣчались въ Дрезденѣ, куда Финсландъ ѣздилъ въ качествѣ стипендіата. Эндрикъ даже переложилъ одно изъ стихотвореній друга на музыку и долженъ былъ спѣть этотъ романсъ въ концертѣ. Но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ концертъ не состоялся.

Теперь поэтъ жилъ у своего дяди, инспектора водяныхъ сообщеній, и доканчивалъ какія-то стихотворные труды.

Госпожа Барвигъ поглядывала на него съ завистью

И такъ, это былъ одинъ изъ такихъ же молодыхъ людей, какъ Эндрикъ, которому однако дѣйствительно удалось выдвинуться! Въ чемъ же были его преимущества?

За обѣдомъ она замѣтила, что поэтъ очень ловко примѣняется къ обстоятельствамъ. Онъ умѣлъ быть скромнѣе или смѣлѣе, веселѣе или сдержаннѣе и пасторожѣе, судя по тому, съ кѣмъ говорилъ. Съ Бертой онъ обращался легко и шутливо; каждое слово Мины онъ выслушивалъ съ лестнымъ для нея вниманіемъ... У него былъ красивый, широкій лобъ и какія-то несоотвѣтствующія этому лбу мелкія и смятныя черты лица. Взглядъ его голубыхъ глазъ былъ уменъ, но холоднѣе и мало согласовался съ его живостью. Чувствовалось, что, не смотря на притворную сердечность, это былъ эгоистъ, способный хладнокровно обсуждать людей и поступки, тогда какъ бѣдный Эндрикъ умѣлъ только увлекаться!

Товарищи сидѣли немного позже въ бесѣдкѣ и были очень оживлены. Сигарный дымъ клубами поднимался надъ бесѣдкой. Въ короткихъ, хлесткихъ выраженіяхъ обсуждались новости литературы и искусства; корифеи бичевались безпощадно; громкія имена швырялись и растаптывались, какъ листья ошипываемой вѣтки.

Берта оставалась неподалеку, дѣлая видъ, что занята грядками цвѣтовъ и живой изгородью.

Служанка принесла молодымъ людямъ кофе.

— Берта, а Берта!—таинственно позвалъ Эндрикъ.—Иди сюда, милѣйшая изъ моихъ сестеръ. Ты вѣдь сговорчива?

Берта протестовала: она вовсе не сговорчива и, очевидно, Эндрикъ воображаетъ, что она осталась такой, какою онъ ее зналъ, когда она была маленька!

— Ну, ну, ладно, Берта!—Эндрикъ поигралъ уголкою ея фар-

тука. — Вотъ что, сестренка. Не слѣдѣешь-ли ты раздобыть намъ чего-нибудь существеннаго къ кофею? А? Напримѣръ, чего-нибудь, что наливается въ маленькія рюмки?

Берта фыркнула, лукаво взглянула на поэта и, очень довольная порученіемъ, стрѣлой помчалась къ дому. Ея синее платье такъ и замелькало надъ бѣлыми чулками и легкими лѣтними башмачками. Вскорѣ она вернулась съ небольшимъ графинчикомъ коньяку, взятомъ въ дорожной шкатулкѣ доктора и съ коробочкой спичекъ.

— Сестра моя Берта! — вскричалъ Эндрикъ. — Твоя любезность превзошла всѣ мои ожиданія!

— Не слѣдовало этого дѣлать! — шаловливо замѣтила она. — Знаю я тебя, Эндрикъ! То, что я сдѣлаю для тебя сегодня изъ любезности, ты потребуешь завтра, какъ должное...

Говори это, она зажгла спичку и подала огня Финсланду, у котораго потухла сигара.

— Видно, со мной менѣе опасно имѣть дѣло? — спросилъ тотъ, улыбаясь.

— Одинъ разъ не бѣда! — засмѣялась она. — Но если вы воображаете, что я всегда буду зажигать для васъ спички, когда вы пріѣдете сюда опять...

— Непремѣнно, непременно пріѣду опять. Здѣсь весело, точно въ замѣкъ молодой феи Беззаботности!

— Это сказка такая?

— Да, которую я только что придумалъ.

— О чемъ эта сказка?

— О прекрасной барышнѣ, которая еще ни разу... Какъ бы это сказать? которая еще ни разу не страдала... зубной болью въ сердцѣ.

— А!

Берта потупилась, сдѣлала гримаску, которой хотѣла выразить, что могла бы, но не желаетъ отвѣтить.

— Моя героиня, — продолжалъ поэтъ, — приходитъ къ заключенію, что ей никогда не слѣдуетъ зажигать спички для кавалеровъ, ни для кого, кромѣ одного стараго, беззубаго пастора. Въ этомъ вся мораль сказки. Никогда не слѣдуетъ зажигать спичекъ. Дамы такъ легко могутъ обжечься...

— Господи, какія глупости!

Она стояла возлѣ стола и повертывала въ рукахъ лежавшую на мраморной доскѣ шляпу Эндрика.

— Постойте! — вскричала она вдругъ. — Надо украсить эту шляпу первымъ цвѣткомъ, который расцвѣлъ на грядкѣ гвоздики!

Съ этими словами она выбѣжала изъ бесѣдки. Финсландъ схватилъ свою шапку и поспѣшилъ за нею.

— Развѣ вы не украсите и мою шапку?—кричалъ онъ догоняя дѣвочку.—Такъ было-бы справедливѣе, да и болѣе празднично.

— Не зна-аю! Я ничего вамъ не общала!—отвѣтила она задорно издали и продолжала бѣжать, но вдругъ остановилась и наступила, замѣтивъ, что студентъ неожиданно свернулъ съ дорожки въ сторону. Оказалось, что онъ увидѣлъ Мину за живой изгородью, надъ которой виднѣлась только ея красивая головка, склонявшаяся надъ кустами.

— Такъ-какъ ваша сестра горда, какъ испанка, я апеллирую къ вамъ!—обратился къ ней поэтъ.—Я просилъ у нея какого-нибудь украшенія для моей шапки.. Я увѣренъ, что вы не любите гвоздики! Не правда-ли? Грубый цвѣтокъ, да еще въ родствѣ съ лукомъ! Навертываются слезы на глаза, когда нюхаешь гвоздику! Можетъ быть потому-то она и нравится нѣкоторымъ не опытнымъ молодымъ дѣвушкамъ... Впрочемъ, этотъ цвѣтокъ нравится еще сорокалѣтнимъ красавицамъ, которыя ужасно злоупотребляютъ имъ. Это холодныя, умныя женщины, занимающіяся фальсификаціей любви и страсти... Увѣряю васъ, что я сорвалъ-бы съ головы шляпу и думалъ-бы, что она въ огнѣ, еслибы на ней оказалась хоть одна гвоздичка!

— Однако, вы нервнѣе любой женщины, господинъ Финсландъ!—улыбнулась Мина.—Попробую выбрать для васъ цвѣтокъ изъ самыхъ скромныхъ, который не подвергалъ-бы ваше воображеніе такому сильному испытанію.

— Не смѣйтесь надъ воображеніями и надъ иллюзіями, барышня. Это и есть жизнь!—вскричалъ онъ.—Чѣмъ сильнѣе воображеніе, тѣмъ кипучѣе наша жизнь, тѣмъ радостнѣе ея оцѣненіе, пока, пока... мы не приблизимся къ той ужасной, черной пропасти, изъ которой никто не возвращается..

— И это говорите вы, писатель!—воскликнула Мина.—Да еще въ наше время, когда міръ духовъ становится такъ доступенъ, что мы можемъ почти осязать его обитателей! Развѣ у насъ мало извѣстій изъ этого міра?

Онъ улыбнулся съ оттѣнкомъ состраданія.

— Извѣстій?—переспросилъ онъ.—Нѣтъ, единственный правдивый отвѣтъ съ того свѣта даетъ намъ черепъ. Всмотритесь въ него, и вамъ станетъ ясно, что онъ отвѣчаетъ: ничего! Черная пропасть и больше ничего!—Но мыльный пузырь, какимъ являются въ сущности фантастическія представленія о дѣйствительности, имѣетъ свои права на существованіе. Это вѣдь поэзія жизни, сознаніе прекраснаго. Вся задача въ томъ, чтобы придать нашему мыльному пузырю какъ можно больше красокъ, столько прелести, чтобы даже мы, несчастныя твари, могли хоть на минутку возликовать и почувствовать себя сча-

стливыми. Сначала каждый из нас раздувает свой пузырь для себя, потомъ для другихъ... Развѣ это не похвальное дѣло? Ввести немного солнечнаго свѣта въ полутемную яму?.. Почему не радоваться и не веселиться пока это возможно?

Пока онъ говорилъ съ высоко поднятой головой, Миной овладѣло странное настроеніе. Она съ удивленіемъ смотрѣла на него, и ей показалось, что онъ показываетъ ей черную яму смерти, падъ которой все живетъ и ликуетъ и надъ которой онъ призывалъ къ беззаботности... Сколько богатства въ его душѣ, и какъ онъ несчастенъ со своимъ глубокомысліемъ! Не даромъ въ его взглядѣ столько вызова и точно насмѣшки надъ собой!

Въ это время приблизилась Берта. Она сдвинула соломенную шляпу на самый затылокъ и во всей ея фигурѣ было что-то задорное.

— Вы кажется о духахъ?—спросила она насмѣшливо. — Ну, это все по моей части... Когда Мина и инженеръ Варбергъ пускаются въ свои разсужденія о духахъ, я всегда устраниюсь..

Она сорвала вѣтку красной смородины и поднесла ее ко рту.

— Я люблю ѣсть!—прибавила она, собирая своими бѣлыми зубами ягоды съ вѣтки.—А Мина, та все больше размышляетъ... Кстати, Мина, тамъ, у перекрестка, я замѣтила господина Варберга. Онъ оглядывается по сторонамъ довольно нетерпѣливо... Не позвать ли его сюда?

— Зачѣмъ-же, Берта?—принужденно размѣялась старшая сестра.—Съ нимъ вовсе не такъ весело..

Берта поморщилась, но ничего не возразила, сорвала еще одну, другую ягодку и черезъ минуту удалилась. Вскорѣ она была уже на дворѣ и сѣшила мимо конюшни къ большой дорогѣ.

— Такъ вотъ какъ!—ворчала она себѣ подъ носъ.—Мина воображаетъ, что я навѣки должна остаться ребенкомъ и что всѣ кавалеры для нея? Такъ нѣтъ же!

Она прибавила шагу и скорѣ повстрѣчалась съ прогуливавшимся у перекрестка инженеромъ.

— Здравствуйте, Варбергъ!—сказала она.—Напрасно вы здѣсь дожидаетесь! Лучше сдѣлайте, какъ я: я махнула рукой и ушла отъ нихъ! Тамъ въ саду съ обѣда недутся умные разговоры о радостяхъ жизни... Это Мина и нѣкій сочинитель, котораго зовутъ Альваръ Финсландъ! Да. Онъ разбиваетъ въ дребезги всѣхъ духовъ и Мина уже совсѣмъ обращена, даже увлечена новымъ ученіемъ... Я сунулась къ нимъ, но видно не впадать... Можете идти попытать счастье, но врядъ ли васъ примутъ лучше чѣмъ меня... Ну, до свиданія, Варбергъ. Я пойду дальше и постараюсь встрѣтить отца.

Затѣмъ она пошла дальше, размахивая шляпой, которую держала

за резинку, и лукаво ухмыляясь. Потомъ она обернулась и, увидѣвъ, что Варберъ направился въ садъ, высунула ему вслѣдъ кончикъ языка, а затѣмъ громко разсмѣялась.

Варбергъ появился въ верхнемъ саду. Онъ прохаживался по дорожкамъ и озлобленно втыкалъ трость въ грядки, ожидая, что Мина придетъ къ нему, но она не приходила. Не было сомнѣнія, что она видѣла его снизу еще лучше, чѣмъ онъ видѣлъ ее; однако, она упорно отворачивалась и дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его, всецѣло занятая бесѣдой съ Финландомъ.

Къ нему подбѣжала Масси.

— Хотите, Варбергъ, морель?—сказала она.—Мы съ Арнтомъ собирали для мамы съ самаго обѣда. А знаете, пріѣхалъ Эндрикъ! И еще одинъ писатель! Они всѣ тамъ, въ нижнемъ саду... Писатель будетъ всю зиму гостить у инспектора, это его дядя!—и все время онъ будетъ сочинять стихи о нашей рѣкѣ... Только о нашей рѣкѣ!

Черты лица инженера обострились. Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшительности, но потомъ медленно пошелъ по дорожкѣ въ нижній садъ.

Тамъ оказался и Шультейсъ, котораго онъ въ послѣднее время положительно не выносилъ!..

Инженера познакомили съ Эндрикомъ и его другомъ. При этомъ Мина привѣтствовала Варберга улыбкой, точно простого знакомаго, а поэтъ едва кивнулъ ему головой и оба тотчасъ-же возобновили свой разговоръ. Эндрикъ, тотъ былъ очень любезенъ, но возлѣ него стоялъ ненавистный Варбергу учитель...

— Но главное,—говорилъ въ это время Финландъ,—это то, что въра въ духовъ безобразна! Крайне безобразна! Подумайте, къ жизни примѣшивается что-то безцвѣтное, безпредметное и отталкивающее... Къ тому же, что-то такъ сказать недобитое—какихъ-то мертвецовъ, которые неполнѣ мертвы! Въ то же время жизнь омрачается и пропитывается могильнымъ запахомъ. Такое ученіе неэстетично.—Потомъ, зачѣмъ вся эта низменность? Зачѣмъ Цезарь, Гомеръ, Шекспиръ, Гете, Байронъ послѣ смерти могутъ только являться въ какомъ-то приниженномъ видѣ и ловить насъ за ноги, точно холодные ужи?

— Вотъ, именно!—вмѣшался обрадованный Шультейсъ.—И откуда получалось бы право вызывать такихъ покойниковъ, какъ по звонку? Любой фокусникъ могъ бы дергать за веревочку отъ такого звонка, и передъ нимъ должны бы послушно появляться Наполеонъ и Аннибалъ, и Фридрихъ Великій, и Данте, и Виргилій! Право, это ужъ слишкомъ!.. Впрочемъ, какъ вы думаете, господинъ Финландъ, можетъ быть въ этомъ и заключаются адскія мученія, къ которымъ при-суждены великіе покойники?

Поэтъ хохоталь.

— Незызящное, очень незызящное ученіе! — говорилъ онъ. — И кто бы сталъ рисковать жизнью за родину или за честь, когда въ награду за это ему предстояло бы превратиться въ какого-то жалкаго, страдающаго духа, пугающаго дѣтей и невѣжественную чернь?

— Если судить о такихъ вещахъ съ точки зрѣнія поэзіи, — началъ Варбергъ надменно, — то конечно... Но я не зналъ, что научныя данныя... факты...

— Ну, если говорить о фактахъ, — перебилъ Шультейсъ, — то надо благодарить Бога, что еще ни одинъ духъ не надумался касаться общественныхъ денегъ... Это былъ бы очень удобный прецедентъ для господъ кассировъ! Хе-хе-хе! Пришлось бы возстановить древніе законы противъ колдуновъ!

— Однако, не забывайте, — замѣтилъ Варбергъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, — что наше ученіе раздѣляютъ такіе авторитеты науки, какъ Фламаріонъ. Его „Населенные міры“...

— Знаемъ, знаемъ, господинъ Варбергъ! — не унимался учитель. — Согласно такому ученію, выходитъ, что духъ переводится съ одной планеты на другую, точно заслуженный морякъ, котораго переводятъ съ меньшаго на большее судно!

— У меня положительно не хватаетъ духу вѣрить въ столькихъ духовъ! — пошутилъ писатель.

— Остричь и смѣяться можно надъ чѣмъ угодно. Это очень легко, въ особенности для людей обладающихъ главнымъ образомъ фантазіей, — замѣтилъ Варбергъ холодно, и посмотрѣлъ на Мину однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые подавляли въ ней всякую волю. Но на этотъ разъ она нашла въ себѣ силы противостоять гипнозу.

— Дѣло въ томъ, что можно вѣрить только тому, что доступно нашей вѣрѣ! — серьезно замѣтилъ Финландъ. — Вотъ я теперь увѣренъ въ томъ, что стою въ саду и ѣмъ превосходную вишню... А вы, mademoiselle Мина, что вы объ этомъ думаете?

— О духахъ? Пожалуй, я согласна съ вами, что непоэтично и нестоитъ думать о нихъ... Притомъ, съ ними вовсе невесело! — пошутила она и, притворяясь, что ищетъ ягоды, низко склонилась надъ кустомъ. — Но это не мѣшаетъ ихъ существованію! — прибавила она трусливо, чтобы не разсердить инженера.

Эндрикъ вовсе не былъ посвященъ въ предшествовавшія этому разговору обстоятельства и замѣтилъ теперь безъ всякаго злого умысла:

— Не такъ осторожно, Мина! Съ какой стати ты предпочла бы вѣру въ какое то множество спеціальныхъ духовъ вѣрѣ въ Единого Духа — Вседержителя? Это вышло бы шамапство! Я не слышалъ на-

чала... Неужели, тебѣ навязалъ разные предрасудки этотъ безпутный стихотворецъ?

— А вы порядкомъ прижали господина Варберга къ стѣнкѣ! — потирая руки и ухмыляясь проговорилъ Шультейсъ Эндрику, когда все общество направлялось домой пить чай. — Онъ у насъ считается популярнымъ философомъ. Хе-хе! Утерли вы ему носъ этими „спеціальными духами!“

— Я? Утеръ носъ Варбергу?

— Еще бы, да еще какъ ловко! Онъ такъ и съезжился. Ваша сестра не могла получить болѣе вѣскаго аргумента противъ него. А вашъ другъ, писатель! Преклоняюсь передъ нимъ... Каковъ контрастъ между „популярнымъ философомъ“ и этимъ талантливымъ человѣкомъ! Эге-ге! Точно между темной ямой и красивой горой!..

Въ продолженіе всего вечера Мина чувствовала на себѣ взглядъ Варберга, становившійся все холоднѣе и холоднѣе. Ей становилось жутко и она дѣлала все, что могла, чтобы умилостивить его. Она открыто заискивала передъ нимъ, старалась втянуть его въ общую бесѣду, была къ нему внимательнѣе, чѣмъ къ кому либо другому. Она питала паническій страхъ къ его лицу съ заостренными чертами и тяжелымъ взглядомъ, который повелѣвалъ всѣми ея нервами. Разные фантастическіе ужасы рисовало ей возбужденное воображеніе... Точно огнемъ жгло кончики ея пальцевъ, когда она акомпанировала на рояли пѣнью Эндрика.

Когда пѣнье было окончено, Варбергъ оказался возлѣ нея.

— Не соблаговолите ли вы возвратить мнѣ книгу, которую вы имѣли любезность сберечь для меня? — проговорилъ онъ съ холодной и преувеличенной вѣжливостью.

Она сходила въ свою комнату, долго искала ключъ отъ комода, оказавшійся просто въ замкѣ, достала наконецъ книгу и сошла съ нею внизъ.

Въ полумракѣ сѣней она увидѣла Варберга, который дождался ея уже въ пальто и со шляпой на головѣ.

— Варбергъ, почему вы уходите отъ меня... такой? — проговорила она робко.

— И вы еще спрашиваете, Мина! Вы рѣшились смѣхомъ и издѣвательствомъ попрасть все то, что связывало насъ духовно...

— Но развѣ я могла допустить, что вы примете такъ близко къ сердцу наши шутки!

— „Наши“ шутки? Стало быть тотъ поэтъ и госпожа Мина составляютъ нѣчто общее? „Наши!“

Онъ быстро зашагалъ по дорогѣ, не оглядываясь на сѣменившую возлѣ него Мину. Но вдругъ онъ остановился и его рука тяжело опустилась на ея плечо.

— Какъ вы осмѣлились, какъ вы могли рѣшиться на это?—проговорилъ онъ.

Его дерзкій, самоувѣренный взглядъ пронизывалъ ее насевозь... Разыгравшееся воображеніе заставляло ее видѣть передъ собой точно свѣтящіяся, зеленые глаза тигра... Рука Варбера давила ей плечо все тяжелѣе и тяжелѣе, точно онъ хотѣлъ пригнуть ея къ землѣ, заставить опуститься на колѣни.

Вдругъ она почувствовала, что онъ прикасается другой рукой къ ея виску и тотчасъ же явилось желаніе подчиниться ему.

Но въ этотъ вечеръ ею овладѣлъ видно мятежный духъ, и рѣзко освободившись отъ него, она вскричала:

— Опять, опять это? Ты не хочешь, чтобы я разучилась подчиняться и опять хватаешься за „веревочку отъ звонка“?

— Веревочку? — переспросилъ онъ съ негодованіемъ. — Таково, значить, теперь будетъ прозвище духовному сродству между нами?

— Нѣтъ, не духовному сродству, а средствамъ, къ которымъ ты прибѣгаешь изъ властолюбія и деспотизма!

— Мина!

— Я сказала „веревочка отъ звонка“, и я повторяю это!

— Берегись! Я боюсь, что твой языкъ перерѣзаетъ теперь связь, какова бы она ни была!

— Да, я не хочу, чтобы со мной обращались какъ съ вещью, у которой нѣтъ ни воли ни смысла. Я не хочу... не хочу!

— Нѣтъ воли?—сказалъ онъ насмѣшливо.—Точно я не вижу, какова ваша воля въ дѣйствительности и чего вы хотите! Вамъ нужна воля, чтобы повитать и порѣзвиться въ области поэзіи... Съ поэтами! Такъ вѣдь?

Снова Мина почувствовала на себѣ подавляющій, невыносимый взглядъ гипнотизера. Снова воля ея и желаніе сопротивляться стали ей измѣнять. А онъ стоялъ и улыбался, съ интересомъ наблюдая ея, точно изслѣдователь, наблюдающій страданія мучимаго имъ животнаго.

— О, если бы я никогда не знавала тебя! — вскричала она съ мученіемъ въ голосѣ, и съ неимовернымъ усиліемъ сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону.

Варбергъ громко и злобно разсмѣялся.

— Ничего!—сказалъ онъ.—Помни, что ты какъ птица, привя-

занная за ногу ниткой, и всегда будешь въ моихъ рукахъ, гдѣ бы ты ни порхала!..

Сказавъ это, онъ приподнялъ шляпу, насмѣшливо поклонился и быстро зашагалъ по дорогѣ къ мосту.

Дворовая собака Торъ заливалась радостнымъ лаемъ и взвизгивала отъ удовольствія. Это вернулся Челій, который шелъ черезъ дворъ къ подъѣзду и заставлялъ собаку прыгать черезъ свою трость. Въ сѣняхъ навстрѣчу ему выбѣжала Масси. Онъ обхватилъ ее за талю, повернулъ нѣсколько разъ и втолкнулъ въ гостиную, куда вошелъ слѣдомъ и самъ.

— Ба, Финсландъ? Добрый вечеръ!—привѣтствовалъ онъ.—Пронюхали, что вернулся Эндрикъ? Ха! Видно, у поэтовъ недурное чутье!.. А вы занимаетесь пѣньемъ?—Такъ вы пронюхали Эндрика? Ха, ха, ха! А знаете, у насъ, деревенскихъ жителей, тоже тонкое, то-о острое чутье!.. Трудненько приходится горожанину, который хочетъ перехитрить нашего брата. Хе-хе-хе! Таланты бываютъ всякаго рода не только у людей, которые пишутъ стихи.

— Ну, Мина, сыграй что-нибудь веселенькое, такъ мы протанцуемъ, Шультейсъ и я. Нѣтъ, серьезно, сыграй что-нибудь, а Эндрикъ споетъ... Вы-бы посмотрѣли, Финсландъ, какъ онъ игралъ сегодня утромъ Гамлета! Просто душа загоралась отъ его игры... Представьте себѣ, что даже меня, такого непоэтического человѣка, совсѣмъ овсянаго мужика, проняло такъ, что... Кстати, матушка, не найдется-ли у тебя полстаканчика коньяку? Пилъ я сегодня немало, и самыхъ разнообразныхъ винъ... Но теперь мнѣ хочется заключительной, мирной рюмочки, а то, еще лучше, стакана тодди, который подерѣшилъ-бы меня. Шутка-ли поѣздить цѣлый день съ директоромъ банка! Устанешь небось!.. Ну, я иду съ тобой, мать. Очень мнѣ хочется почерпнуть изъ отцовской бутылочки...

Челій былъ подъ хмѣлькомъ. Тѣмъ не менѣе Бента поняла, что онъ хочетъ поговорить съ нею. Съ той минуты, какъ онъ получилъ телеграмму и назвалъ имя директора банка, она была въ безпокойствѣ и по временамъ сердце сжималось отъ тяжелыхъ опасеній. Директоръ Валь, директоръ Валь! эти слова цѣлый день звучали въ ея ушахъ.

Въ столовой она замѣтила, что Челій былъ блѣденъ, но видимо очень счастливъ и едва сдерживался отъ переполнявшей его душу радости.

— Ну, матушка!—заговорилъ онъ, опускаясь на стулъ.—Быль денекъ! Пожалуй, самый трудный въ моей жизни. Во всякомъ слу-

чаѣ, теперь сраженіе выиграно! Успѣю еще пасерьезничаться завтра, а сегодня хочу душу отвести... Пойми, что директоръ банка теперь за меня. Никому не говори объ этомъ, но теперь онъ у меня въ мѣшкѣ, какъ поросенокъ. Теперь нѣтъ сроковъ тому, что подписано Челіемъ Барвигомъ—вотъ какой прыжокъ! Дай мнѣ сначала просто рюмочку коньяку. Такъ, спасибо! Надо иногда пожалѣть и меня, матушка! Сегодня я усталъ, просто загнанъ, какъ почтовая лошадь. Впрочемъ, я доволенъ, очень доволенъ...

Онъ разсмѣялся и выпилъ рюмку, а мать пытливо смотрѣла на его оживленное лицо и съ напряженіемъ ожидала продолженія его изліяній, которыя онъ дѣлалъ нѣсколько заплетающимся языкомъ.

— Ухъ! Славно!—проговорилъ онъ, опорожнивъ рюмку.—Да, это полезно! Ну-съ, не желалъ-бы я, чтобы ты попала когда-нибудь въ такія передраги, въ какихъ я сегодня побывалъ! Да, на свѣтѣ жить не такъ-то легко... Тѣмъ не менѣе я буду раньше новаго года директоромъ сберегательной кассы! Каково? Надо, однако, рассказать тебѣ, какимъ образомъ я проложилъ дорогу туда. По совѣсти говоря, пришлось прибѣгнуть къ довольно сомнительнымъ средствамъ, которыя не вполне согласуются съ тѣмъ, что требуется правственностью, даже простой честностью... Только не говори объ этомъ отцу! Ты обѣщаешь? Ну-съ, пришла эта телеграмма... Не знаю, замѣтила-ли ты во мнѣ что-нибудь, но извѣстіе было таково, что самъ чортъ не придумалъ-бы худшаго, хотя-бы ему заплатили за это... Я сразу понималъ, что директоръ прослышалъ обо мнѣ что-нибудь дурное отъ одного изъ моихъ друзей... Случается!

Онъ пріостановился въ рассказѣ и развелъ руками.

— Ну, приходилось раздобывать три тысячи семьсотъ кронъ! Безъ нихъ не стоило попадаться ему на глаза, такъ какъ въ банкѣ имѣлась записка на полученіе отъ меня этихъ денегъ, переданныхъ мнѣ отъ правленія общества лѣсоторговцевъ. Слѣдовало сразу переслать деньги въ банкъ; но сама знаешь, что бываютъ иногда затруднительныя минуты, когда надо, чтобы рука руку мыла... Словомъ, деньги ушли на жалованье служащимъ, на уплату налоговъ и прочее... Да-съ, три тысячи семьсотъ кронъ, хоть что хочешь! Не то... Вотъ этого-то „не то“ я и страшился. Вѣдь еслибы онъ заподозрѣлъ меня и сталъ-бы копаться въ дѣлахъ—немногіе изъ насъ уцѣлѣли-бы! Нечего было дѣлать, поскакалъ я къ Симонсену. Три тысячи семьсотъ кронъ, Симонсенъ! Всего на восемь дней, пока я съѣзжу въ городъ! Въ обезпеченіе всѣ мои запасы досокъ! Уфъ! Пришлось уламывать, но удалось, наконецъ. Тогда опять за кнутъ, е ходу назадъ! Успѣлъ... Приняли его, какъ нельзя лучше... Текла была серьезна и держала себя, какъ матрона... Она вѣдь въ нѣкоторомъ съ нимъ родствѣ.

Потомъ въ кабинетѣ, когда пришлось сосчитываться, я держалъ себя волкомъ и такъ прижималъ его, что онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и признавался, что никто еще не прижималъ его такъ безбожно. Онъ почувствовалъ настоящее уваженіе ко мнѣ. Ну-съ, если вы со всѣми таковы, — сказалъ онъ, — съ вами стоитъ имѣть дѣло. Вы будете богаты! Это сказалъ самъ директоръ банка...

Бента слушала сына молча. Но при послѣднихъ его словахъ черты ея лица перекошились и руки такъ сильно задрожали, что она перекинула кипятку въ стаканъ сына черезъ край.

— Ого! засмѣялся онъ. — Придется порядкомъ отбавить этой воды, матушка. Половина на половину будетъ правильнѣе... Вотъ такъ! Этимъ можно освѣжиться.

Онъ отпилъ глотокъ изъ налитаго стакана тодди и вышелъ, унося съ собой стаканъ въ гостиную.

Госпожа Варвигъ осталась одна въ столовой. Она глубоко задумалась и нервной походкой прохаживалась взадъ и впередъ.

Вѣдь оказывалось, что сынъ былъ на пути къ тому, что называлось дутыми спекуляціями!

Она сжала руки такъ, что кости хрустнули.

Бѣдный, бѣдный мальчикъ! Онъ ушелъ слишкомъ далеко, и матери уже не помочь ему!..

Послышались легкіе шаги, и Бента сбѣжала въ столовую.

— Варбергъ ушелъ, мама! заговорила она съ злорадствомъ. — Видно, съ него было достаточно... Не понравилось быть ничѣмъ! Мина безъ ума отъ Финсланда теперь... Финсландъ и Финсландъ — больше ничего для нея не существуетъ. Она и смотѣть не хотѣла на Варберга въ присутствіи писателя. А если бы ты знала, въ какой восторгъ она пришла отъ стихотворенія Финсланда, которое пропѣлъ Эндрикъ. Послѣ этого Варбергъ и ушелъ...

Мать слушала разсказъ дочери сначала съ недоумѣніемъ, потомъ все съ большимъ и большимъ отвращеніемъ. Но при послѣднихъ словахъ подростка чаша терпѣнія переполнилась, лицо Бенты перекошилось, точно въ отчаяніи и, внѣ себя отъ негодованія, она неожиданно для самой себя подняла руку. Раздалась громкая пощечина.

— Ты зла и мелочна! Это низко! прокричала она, и оплеуха повторилась. — Въ этомъ домѣ житья нѣтъ! задыхаясь продолжала мать. — Откуда взялось здѣсь столько зла?..

Берта плакала, прислонясь къ косяку дверей и испуганно смотрѣла на мать, которая не походила на себя и вся дрожала отъ волненія.

— Кругомъ только зло и несчастіе... Но объявляю вамъ, и тебѣ, и Челю, и Минѣ, и Эндрику, что если вамъ такъ легко от-

рекаться отъ всего, чему учила васъ мать, отъ самой матери, которая день и ночь только и думаетъ о васъ, такъ можетъ случиться, что и я отрекусь отъ васъ... Уходите, уходите изъ этого дома. У меня остаются Аригъ и Масси.

— Но мама, мамочка! рыдала Верта.

— Вы большѣ не мои дѣти! Развѣ вы думаете обо мнѣ, когда вамъ захочется чего-нибудь? О, если бы я была въ силахъ не страдать о васъ!

Она опустила на стулъ и громко зарыдала, закрывъ лицо руками.

VII.

Изъ доктора вышелъ необыкновенно нѣжный дѣдушка. Чтобы навѣщать своего маленькаго внука, онъ сталъ ѣздить на заводъ, какъ только имѣлъ свободную минуту, и требовалъ, чтобы ему показывали мальчика изъ окна, когда онъ проѣзжалъ мимо завода и не имѣлъ времени заѣхать.

Онъ былъ положительно слабъ къ маленькому Барду — ребенка окрестили Бардомъ въ честь дѣда — и находилъ въ немъ всевозможныя совершенства.

Но лѣчить его онъ отказывался.

— Нѣтъ, прошу избавить меня отъ такой отвѣтственности! Пошлите лучше за докторомъ Стенвигомъ, который спеціально изучилъ дѣтскія болѣзни, ѣздилъ на счетъ университета за границу и проч.

У старика появлялось даже особенное выраженіе въ лицѣ, когда онъ подѣзжалъ къ заводу и, чтобы сократить путь, ѣхалъ къ господскому дому прямо черезъ кучи стружекъ и опилокъ мимо штапелей. Потомъ, завидѣвъ новый домъ сына, выстроенный въ швейцарскомъ стилѣ, съ большими, свѣтлыми окнами и красивой цинковой кровлей, онъ бодро встряхивалъ головой. Положительно походило на то, что Челій съумѣлъ пробить себѣ дорогу къ прочному богатству!

Дѣйствительно, молодой заводчикъ ухитрился сдѣлаться въ округѣ вліятельнымъ финансистомъ и направлялъ, какъ онъ выражался, всѣ торговныя предпріятія черезъ свою заводскую контору. Не оставалось сомнѣнія, что онъ будетъ избранъ директоромъ сберегательной кассы. Объ этомъ хлопотали очень многіе, и втихомолку подбирались голоса. Доктору то и дѣло приходилось слышать намеки на избраніе сына...

Челій сохранялъ свою практичность и не давалъ себя увлечь ни одной изъ новыхъ эфемерныхъ идей. Положительно онъ былъ способенъ заразиться современной идейностью, и это, не смотря на слабость къ своей идейной и любящей всякія теоріи дражайшей половинѣ.

— Маленькій Бардъ опять въ вожделенномъ здравіи! сообщил однажды женѣ докторъ, снимая волчью шубу и мѣховые сапоги.—Такія желудочныя судороги проходятъ такъ же легко и внезапно, какъ и появляются. Я говорилъ съ докторомъ Стенвигомъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ; онъ какъ-разъ ѣхалъ съ завода и объявилъ, что все опять въ порядкѣ. Можешь себѣ представить, что ему приходится читать Теклѣ цѣлыя лекціи! Точно основана тамъ въ дѣтской кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней... Хе, хе! Онъ долженъ въ точности объяснять, почему желудокъ разстроился и что заставляетъ его предполагать, что все опять придетъ въ порядокъ. Текла требуетъ, чтобы ей объясняли всѣ научныя основанія... Да-съ! И докторъ ораторствуетъ, сколько ей въ моготу слушать. Онъ въ восторгѣ отъ нея.

— Здѣсь получено безъ тебя приглашеніе отъ Рогнеруда, замѣтила Бента, точно желая перемѣнить разговоръ. — Тебя зовутъ на партію въ вистъ вмѣстѣ съ Челіемъ. Но я надѣюсь, Барвигъ, что ты останешься вѣренъ привычному намъ образу жизни, и не позволишь дѣтямъ измѣнять твоихъ привычекъ. Согласись, что вся эта компанія Челія, съ ихъ картами и вѣчнымъ тодди, не для насъ.

— Гм!—протянулъ докторъ.—Не могу сказать, чтобы мнѣ особенно нравилось играть въ карты и быть въ товарищескихъ отношеніяхъ съ собственнымъ сыномъ. При томъ не люблю я остроты, которыми подчуютъ на такихъ собраніяхъ. Но надо-же что-нибудь сдѣлать, чтобы поддержать мальчика въ общественномъ мнѣніи.

— А по-моему, тебѣ не слѣдуетъ дѣлать этого и пора тебѣ подумать о самомъ себѣ. Ты докторъ Барвигъ, ты заплатилъ за свою честь и почетъ цѣлой жизнью честной, тяжелой работы; этого никто не смѣетъ отнять у тебя, ни въ горѣ, ни въ несчастіи. Зачѣмъ-же эти посягательства? У насъ свое гнѣздо, которое мы свили для себя; у Челія—свое. Вѣдь мы не будемъ посягать на его общественное положеніе, какъ-бы высоко онъ ни поднялся...

— Что съ тобой, Бента?—удивился докторъ.—Что ты говоришь? Должно быть ты недовольна Теклой, потому что Челій работаетъ и ведетъ себя безупречно... Онъ на хорошей дорогѣ...

Докторъ помолчалъ, потомъ продолжалъ примирительнымъ тономъ:

— Положимъ, Текла немного заважничала. Есть у нея что-то такое напыщенное, когда она входитъ въ гостиную. Но, кажется, ты не изъ тѣхъ, которыхъ озлобляютъ такими пустяками...

Бента посмотрѣла на мужа съ тоской и какимъ-то страннымъ взглядомъ.

— Будемъ продолжать нашу прежнюю, тихую жизнь, которая связана съ честнымъ именемъ Барда Барвига,—сказала она тихо.—Наша жизнь не основывается на спекуляціяхъ, какъ благоденствіе Челія.

Наша жизнь основывается и всегда будет основываться только на твоёмъ и на моёмъ трудѣ.

— Господи, какъ торжественно ты говоришь объ этомъ, Бента! Выходить, точно тебѣ непріятно вспоминать о Чели... и о его дѣлахъ...

Онъ задумался.

— И то сказать, что ему пора подумать объ уплатѣ денегъ, которыя онъ у насъ занялъ!—проговорилъ онъ немного погодя.

— Нѣтъ, нѣтъ, не прижимай его, Барвигъ!—вступилась мать.— Легко можетъ быть, что его дѣла далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ онъ увѣряетъ. Даже могло-бы случиться, что потребовались-бы новыя жертвы, чтобы поддержать его... Но, я чуть не сказала: къ счастью, у насъ ничего не остается и намъ нечѣмъ поддерживать его спекуляціи.

— Не бѣда! Теперь онъ, повидимому, ни въ комъ не нуждается...

Докторъ ушелъ, не совсѣмъ довольный этимъ разговоромъ.

Текла относилась къ своимъ материнскимъ обязанностямъ далеко не легко. Она любила сознательно относиться ко всякой задачѣ, которая выпадала въ жизни на ея долю, и добросовѣстно изучала предметъ. Но оказывалось, что относительно воспитанія маленькихъ дѣтей книжныхъ свѣдѣній было недостаточно, и на каждомъ шагѣ встѣчались затрудненія, изъ которыхъ нельзя было выбраться однимъ разсудкомъ. Въ этихъ случаяхъ она послала за докторомъ Стенвигомъ и требовала отъ него объясненій. Онъ умѣлъ говорить очень убѣдительно и логично. Разумѣется, многое даже для него оставалось загадочнымъ. Но молодой и либеральный ученый всегда ухитрялся стать на такую возвышенно-научную точку зрѣнія, чуждую всякихъ условностей рутины, что она удовлетворялась его доводами.

Его теорія воспитанія грудныхъ дѣтей была самая современная. Онъ не допускалъ ни малѣйшаго стѣсненія младенца, не позволялъ пеленать его, не понималъ, для чего препятствовать дѣятельности ребенка съ самаго его рожденія и съ какой стати не давать доступа воздуху къ тѣлу малютки.

Все это были взгляды, опрокидывавшіе всѣ прежнія понятія объ уходѣ за младенцемъ. И Текла находила, что Стенвигъ самый развитой человекъ изъ всѣхъ, съ которыми ей пришлось встрѣчаться послѣ счастливыхъ дней въ столицѣ, нѣчто среднее, между ученымъ и практикомъ. Она даже чувствовала себя очень польщенной, когда въ разговорѣ о другихъ матеряхъ и ихъ рутинныхъ взглядахъ на воспитаніе дѣтей онъ поглядывалъ на нее съ улыбкой, какъ на единомышленницу.

Основнымъ ея принципомъ было, что каждый обязанъ быть прежде всего *человѣкомъ*. Надо оставаться человѣкомъ по отношенію къ дѣтямъ,

по отношенію къ окружающимъ, въ домашней жизни, въ свѣтскихъ отношеніяхъ! А всякій человѣкъ имѣетъ право на свободу и свою долю наслажденія... По этой причинѣ она нашла, что имѣетъ полное право передать кормленіе ребенка мамкѣ и что ей незачѣмъ недосыпать ночей...

Въ гостиной Барвиговъ собрались послѣ кофе Текла, поэтъ Финсландъ и Мина.

Положительно, въ домѣ стариковъ стало легче дышаться съ тѣхъ поръ, какъ тамъ сталъ появляться господинъ Финсландъ!—находила Текла. По ея мнѣнію, отъ того привидѣнія—инженера Варберга—и всѣхъ его предрасудковъ точно становилось темнѣе и что-то чудилось во всѣхъ углахъ, когда онъ приходилъ прежде одинъ. Притомъ его мистическое вліяніе на Мину производило тягостное впечатлѣніе... Но теперь она увлекалась только стихами — въ этомъ нельзя было сомнѣваться, хотя иначе трудно было бы сказать, кому изъ обихъ ухаживателей она отдаетъ предпочтеніе. Они постоянно приходили оба, какъ инженеръ, такъ и поэтъ, и добросовѣстно дѣлали все, чтобы провалить одинъ другого. Но она относилась одинаково любезно къ обоимъ, хотя предпочитала теперь стихи разсужденіямъ о духахъ.

Разговоръ шелъ о задачахъ изящной словесности, и Текла старалась добиться отъ Финсланда, каковы его дѣйствительныя убѣжденія. Онъ увертывался отъ прямыхъ отвѣтовъ.

— По-моему,—сказала она горячо,—нельзя служить одной красотѣ. Какая огромная сила въ рукахъ человѣка съ такимъ дарованіемъ, какъ вы, и сколько пользы вы могли-бы принести, если-бы сочувствовали нуждамъ человѣчества. Не можетъ быть, чтобы вы предпочли остаться, такъ сказать, предметомъ роскоши, нравственнымъ цвѣткомъ!..

— Мой цвѣтокъ называется неудовлетворенностью, отчаяніемъ... Можетъ быть люди, которые взглянуть на такой цвѣтокъ, почувствуютъ въ себѣ охоту поступать иначе и взяться за дѣло.

— Это отрицательное достоинство! Вы бы поговорили... ну хоть съ докторомъ Стенвигомъ, господинъ Финсландъ. Вотъ, это человѣкъ съ возвышенными стремленіями! Сразу видно, что имъ продумано и прочувствовано все, чего требуетъ современность. Онъ бы могъ обратить васъ...

— И заставить меня творить полезные цвѣты, въ родѣ дѣтской присыпки въ аптечной коробочкѣ? ядовито докончилъ поэтъ.

Мина весело размѣялась. Она давно знала точку зрѣнія поэта и не осуждала его.

— Человѣчество призываетъ и требуетъ помощи! напомнила Текла.

— Конечно, сударыня, и я самъ одинъ изъ призывающихъ. Одни

требуютъ пищи, другіе—красоты. Я примиряю эти требованія, насколько умѣю: я голодаю и пою!

Текла насупилась немного.

— Общество страдаетъ, господинъ Финсландъ, сказала она торжественно. — Пока столько насущныхъ, неразрѣшенныхъ задачъ на свѣтѣ, красота могла бы оставаться на заднемъ планѣ, подождать...

— Ахъ, что вы? вскричалъ поэтъ. Красота всегда находится и должна быть впереди всего! Какъ знамя, которое развѣвается впереди войскъ!.. Лучшія времена приходятъ только тогда, когда множество людей устремляется къ нимъ, а увлечь людей можно только красотой.

— А я полагаю, что тоже дѣлаетъ нужда.

— Да нѣтъ же! Только люди съ горячей фантазіей могутъ рисовать нѣчто лучшее дѣйствительности!

Текла почувствовала себя сбитой съ толку, но не желала сдаваться и готовилась къ новому нападенію, когда вдругъ подъ окнами послышался звонъ бубенчиковъ. Она взглянула въ окно, но тотчасъ же съ неудовольствіемъ откинулась назадъ, на спинку кресла и сказала брюзгливо:

— Во всякомъ случаѣ, вѣрно только одно: это то, что человѣкъ съ возвышенными стремленіями никогда не долженъ связывать себя брачными узами...

Оказалось, что пріѣхалъ Челій. Онъ шумно скинулъ съ себя шубу и глубокія калоши и вошелъ въ комнату весь красный отъ выпитаго въ гостяхъ вина и ѣзды на морозѣ.

— Ого, какой морозецъ! проговорилъ онъ.—Я принужденъ былъ удрать отъ Берга, такъ какъ туда пріѣхали дамы изъ пастората и карточная игра не устроилась. Вотъ, я и заѣхалъ сюда за тобой, Текла.

— Спасибо! Ты вѣдь знаешь, что отсюда, подъ-гору, я люблю возвращаться пѣшкомъ! отвѣтила она капризно.

— Однако, согласиись, что это была любезность съ моей стороны, брюзга ты моя!

Она такъ капризно поджала губы и имѣла такой непривѣтливый видъ, что вполне оправдывала названіе брюзги.

— Ты дуешься, Текла? А? Ты дуешься? приставалъ онъ къ ней.— Видно мой приходъ прервалъ какой-нибудь высренній полетъ твоей мысли? Дома я всегда ухожу, когда ты и Стенвигъ пускаетесь въ область возвышеннаго—этого ты не можешь отрицать, надѣюсь!

Текла молчала и уперлась взглядомъ въ потолокъ.

— Какая дьявольская нетерпимость! удивился онъ. — Однако, громко протестую противъ того, что ваши интересы хоть на одинъ дюймъ возвышеннѣе моихъ. Мы заняты разными областями, но совершенно на одной и той же высотѣ—это вѣрно!

Онъ стоялъ посмѣиваясь съ самодовольнымъ видомъ и поигрывалъ своими брелоками.

— Неужели вы думаете, что спекуляціи не требуютъ искусства, фантазіи и таланта? Хо-хо! Возьмите хоть фирму „Мониторъ и Меримэкъ на Потомакъ“. Да-съ, оттуда пошла драма поинтереснѣе всего, что написали Шиллеръ и Гете... Подумать только, что перемѣнились всѣ понятія о морской войнѣ, и на всемъ земномъ шарѣ въ кораблестроеніи желѣзо вытѣснило дерево! А стоимость досокъ, хотя бы на нашемъ заводѣ? Отъ этой стоимости зависитъ вся наша судьба, Текла!

Онъ прищурился, точно мысленно подсчитывалъ что-то.

— Да,—продолжалъ онъ.—Хвастаться еще рано; но что бы ты сказала, если бы мы были на пути къ состоянію такъ тысячъ во сто наличными? Почему же, если я придумываю такія...

— Милая Берта,—проговорила Текла задыхающимся голосомъ и прерывая рѣчь мужа, — принеси мнѣ стаканъ воды. Никогда еще не слышала, чтобы искусство наживать деньги причислялось къ числу возвышенныхъ!—прибавила она брезгливо.

— Да ты выслушай! Я говорю, почему же, если я придумываю наприимѣръ такія штуки, какъ способъ соединить всѣхъ здѣшнихъ предпринимателей, подъ одной шапкой—подъ моей шапкой—это не искусство? А цѣзда нашей желѣзной дороги, каждый изъ которыхъ превращаетъ цѣлыя грузы лѣса въ чистое золото! Мы облагораживаемъ продукты, мы прискиваемъ способы непосредственно вывозить свой товаръ за границу, минуя большіе города... Но! — онъ поднялъ указательный палецъ ко лбу. — Надо же согласиться, что для всего этого нужна хоть малая толика способностей!

— Прекраснѣйшая барышня, Мина! — вскричалъ въ это время Финсландъ. — Позвольте же мнѣ поддержать вамъ шерсть. Просто невыносимо видѣть, какъ вы мотаете шерсть со спинки стула! Приходится завидовать положенію дряннаго стула...

Челій посмотрѣлъ на поэта и вышелъ изъ комнаты, не прибавивъ ни слова.

— Не скажу, чтобы я желалъ навсегда превратиться въ мотовило, хотя все кружится въ этомъ мірѣ не хуже мотовила!—продолжалъ поэтъ.—Но пріятно сидѣть противъ васъ и слѣдить за вашимъ опущеннымъ на клубокъ взглядомъ, педжидаая, не подымется-ли онъ на меня.

Невольно обернувшись, онъ замѣтилъ въ это время Варберга, который стоялъ въ дверяхъ.

— И это я говорю, въ то время, какъ самъ повелитель духовъ стоитъ и смотритъ на меня!—вскричалъ онъ съ притворнымъ ужасомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не начинайте мотать такъ ужасно быстро!—при-

бавиль онъ.—Стоить ли укорачивать вить моей жизни, и путать шерсть, когда и такъ мнѣ осталось не болѣе пяти минутъ наслажденія...

Мина продолжала быстро мотать шерсть, не смѣя поднять глазъ и чувствуя на себѣ тяжелый взглядъ инженера.

Въ его присутствіи она попрежнему чувствовала себя подавленной, какъ ни работала надъ собой, чтобы отдѣлаться отъ его вліянія. Теперь она хорошо знала, что ненавидѣла, а не любила его; и фантастическое ученіе о духахъ уже не привлекало ее. И тѣмъ не менѣе она боялась его и трепетала передъ нимъ, продолжая вѣрить въ его способность приковывать ее къ себѣ, когда онъ этого захочетъ, и оставаясь подъ его вліяніемъ именно вслѣдствіе этого страха.

— Не хотите-ли кофе, Варбергъ?—спросила она, не глядя на него. Онъ усмѣхнулся.

— Вы хорошо знаете, что я пришелъ предложить вамъ прокатиться по льду!—проговорилъ онъ.

Онъ занялъ мѣсто позади Финсланда и продолжалъ смотрѣть на нее.

Мина поблѣднѣла и нервно вздрагивала.

— Ну, развѣ я не утверждала всегда, что мужчины всѣ отъ природы деспоты!—рѣзко замѣтила Текла.—Вотъ вамъ пришла охота кататься и сейчасъ другіе маршъ, безъ разговоровъ!

— Вы не такъ поняли меня, сударыня! — съ холодной вѣжливостью отвѣтилъ ей инженеръ.—Я звалъ только mademoiselle Мину. А васъ, Мина, я приглашаю въ качествѣ друга, который много старше васъ, и дружбы котораго вы не станете же отрицать...

Послѣднія слова онъ произнесъ мягко, съ такимъ нѣжнымъ отъѣнкомъ, что Мина вздрогнула...

— Мнѣ особенно дорого осуществленіе этого катанья,—продолжалъ онъ помолчавъ и не дождавшись отвѣта.—Я могу сказать и причину такой настойчивости, хотя намѣревался объяснить это только въ саняхъ... Дѣло въ томъ, что я назначенъ начальникомъ участка желѣзной дороги и долженъ уѣхать. Мнѣ не представится другого случая проститься съ вами.

Его холодный взглядъ опять пылливо устремился на нее и въ глазахъ появился особенный, какъ бы изнутри свѣтившійся блескъ.

Мина чувствовала, что теперь рѣшалась ея участь. Тѣмъ не менѣе, взглядъ Варберга производилъ на нее свое обычное дѣйствіе и, домотавъ шерсть, она машинально встала, намѣреваясь подчиниться требованію гипнотизера, которому она не въ силахъ была сопротивляться.

Но, вставая, она невольно подняла глаза на Финсланда и увидѣла, что онъ тихонько смѣялся, не спуская съ нея насмѣшливаго взгляда.

Этотъ смѣхъ сразу разсѣялъ все очарованіе и она рѣшительнымъ движеніемъ снова заняла свое мѣсто.

— Благодарю васъ, Варбергъ, но я не расположена сегодня кататися!—проговорила она дрожащимъ голосомъ и сама пугаясь своей смѣлости.—Лучше я скажу вамъ теперь-же: прощайте!—прибавила она съ рѣшимостью отчаянія и, вскочивъ со стула, выбѣжала изъ комнаты.

Стъ минуту Варбергъ стоялъ, точно ожидая, что она вернется. Затѣмъ имъ овладѣло бѣшенство.

— У барышни развился крайне переиначивый характеръ и явились лирическіе порывы,—сказалъ онъ съ сарказмомъ.—Остается поблагодарить хозяевъ за пріятные часы, проведенные мною въ этомъ домѣ.

Сказавъ это, онъ холодно поклонился присутствующимъ и вышелъ.

Среди зимы Финсландъ переселился обратно въ городъ.

Только теперъ Мина поняла, насколько Текла была права, когда утверждала, что въ деревнѣ развитой человѣкъ можетъ погибнуть отъ тоски. Какъ одиноко и печально чувствуетъ себя такой человѣкъ среди всѣхъ этихъ деревенскихъ дѣятелей, которые умѣютъ только работать, хлопотать о разныхъ доскахъ и коровахъ, разговаривать только о хлѣбопашествѣ и деньгахъ! А эти сосѣдки, мечтающія только о танцахъ и женихахъ и убѣжденные, что только въ Америкѣ женщины могутъ жить самостоятельно! На родинѣ онѣ умѣютъ только трусить и подчиняться...

Берта была одна изъ такихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она носила длинныя платья и считалась взрослою, она не пропускала ни одного приглашенія и всюду появлялась въ обществѣ Челія. Она кокетничала направо и много толковала о правахъ дѣвушекъ на полную свободу, но въ сущности была не храбрѣе другихъ и отдѣлывалась болтовней.

Минѣ было убійственно скучно. Гулять не хотѣлось. Каждый камень, каждую яму, каждое дерево въ окрестностяхъ она знала назусть. Не оставалось тропинки въ округѣ, которая-бы не подошла ей до послѣдней степени.

Передъ Шультейсомъ она не стѣснялась и въ особенно горькія минуты высказывала ему все свое отвращеніе къ выпадавшей на ея долю жизни. При этомъ онъ долженъ былъ раздѣлять ея тоску, находить слова для выраженія ея страданій и соглашаться, что она не находила приложенія самымъ естественнымъ своимъ склонностямъ. Онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ нею читать письма, которыя она получала

отъ Финсланда, видѣть, какъ она плакала надъ ними, а также изучать отдѣльныя выраженія письма и толковать скрывавшійся между строчекъ смыслъ... И горбунъ покорно покорялся пыткамъ, заботясь только о томъ, чтобы не выказывать своего мученія и давать дѣвухѣ такія объясненія, какихъ ей хотѣлось. Случалось, что онъ не попадалъ въ тонъ и краснорѣчиво доказывалъ противное ея желаніямъ; но какъ только объяснялась оплошность, онъ переменялъ мнѣніе, ловко разбивалъ свои-же только-что приведенные доводы и доказывалъ противоположное.

Ея увлеченіе Финсландомъ онъ переносилъ стоически и былъ ей преданнѣе чѣмъ когда-либо. Онъ съ напряженіемъ ловилъ въ ея взглядѣ всякое ея желаніе и только и думалъ, какъ-бы угодить ей.

Зато она говорила иногда, что только Шультейсъ понимаетъ ее...

Это была награда за все, что онъ выносилъ; это было его счастье! Онъ ждалъ этихъ словъ, какъ огромной радости, и каждый разъ выслушивалъ ихъ со спертымъ отъ волненія дыханіемъ. Цѣлые дни послѣ такого признанія Мины онъ могъ утѣшаться имъ...

Успѣхи Челія въ его предпріятіяхъ настолько ободрили доктора, что онъ сталъ веселѣе смотрѣть на экономическое положеніе семьи, расщедрился и согласился наконецъ отпратить Мину въ городъ, для окончанія ея музыкальнаго образованія.

Всѣ въ домѣ были заняты приготовленіями къ этому переселенію Мины. Шили и кроили съ утра до вечера; приглашена была даже швея.

Берта шила усердно, но болтала при этомъ еще усерднѣе.

— Мина, небось, отдѣлалась отъ всей этой работы!— говорила она.—И все благодаря тому, что не умѣетъ шить... А наряды тѣмъ не менѣе получить! Эта юбка съ желтой отдѣлкой очень недурна для прогулокъ... Знаю я Мину! Бѣдетъ учиться, а сама поди только и думаетъ, какъ-бы обратили на нее вниманіе на городскихъ гуляньяхъ!

Тѣмъ временемъ наверху, въ своей комнатѣ, Мина стояла передъ выдвинутымъ ящичкомъ комода и въ двадцатый разъ перечитывала стихотвореніе, написанное Финсландомъ и озаглавленное „Мина“. Отъ времени до времени она провѣряла въ зеркалѣ воспѣтую въ стихотвореніи красоту „золотисто-каштановыхъ косъ...“ Окончивъ пріятное чтеніе, она спрятала листокъ въ комодъ, заперла ящикъ и легкой походкой направилась внизъ.

Въ коридорѣ ей встрѣтился Шультейсъ.

Она посмотрѣла на него торжествующимъ взглядомъ и многозначительно улыбнулась, какъ-бы не желая высказывать какой-то радост-

ной и ей одной принадлежащей тайны. Эндрикъ выразился о ней однажды, что „когда она бываетъ въ припадкѣ самодовольства, она всегда имѣетъ видъ, точно потихоньку сосеть кусокъ сахару“. Таковъ у нея былъ видъ и теуерь.

Она стояла и смотрѣла учителю прямо въ глаза, забавляясь счастливой улыбкой, которая все шире и шире, до самыхъ ушей, разливалась на его лицѣ.

Теперь она носилась съ идеей о всемогуществѣ женской красоты, которую проповѣдывалъ Финландъ. Она намѣревалась поступать, какъ солнце: озарять гениальныхъ людей своей красотой и призывать ихъ къ дѣятельности.

— Въ субботу я ѣду, Шультейсъ!—объявила она.

— Да, да!—вдохнулъ онъ.—Господи, мнѣ страшно даже представить себѣ, какъ печально и темно здѣсь будетъ безъ васъ! Для меня солнце закатывается... Какое будетъ сознавать, что васъ нѣтъ въ домѣ, что я не встрѣчу васъ на этой лѣстницѣ, что ваша рука уже не прикасается къ этимъ периламъ...

— Да, Шультейсъ, у меня будетъ много собесѣдниковъ, будетъ съ кѣмъ поговорить... Не будетъ только друга съ такой душой, какъ вы! Вы одни всегда, всегда понимали меня, Шультейсъ.

— Вы... вы это сознаете, Мина! Да, могу сказать, что я видѣлъ каждый новый ростокъ, появившійся въ вашей душѣ, и радовался, когда онъ разрастался въ пышное растеніе. То былъ мой садъ, мой мѣръ чудесъ и красоты!

— Зато помните, что если я одержу какую-нибудь побѣду тамъ, въ свѣтѣ, то этимъ я буду обязана вамъ. Вы вооружили меня! Вы знаете, я намѣреваюсь повиноваться своему естественному призванію. Я посвящу свою жизнь на то, чтобы воодушевлять къ борбѣ за все хорошее тѣхъ, у кого есть на то силы и таланты. Вотъ чего я хочу! Но въ этомъ я признаю только вамъ и никому другому. Я пускаюсь въ житейское море на правахъ пирата!

Она кокетливо потрясла въ воздухъ своимъ небольшимъ кулачкомъ.

— Я сказала отцу и матери, что намѣрена совершенствоваться въ игрѣ на роялѣ, надо-же быть чѣмъ-нибудь, но въ сущности, я хочу быть не музыкантшей, а просто женщиной, Миной Барвигъ. И я не намѣрена стѣсняться предрасудками ни чуточки! Можетъ быть, вы услышите когда-нибудь объ опереточной или даже кафешантанной пѣвицѣ Минѣ (она указала на себя пальцемъ), ради родителей мы не приставимъ фамиліи Барвигъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго! Женщина, которая хочетъ вліять, прежде всего должна показываться, а условности меня не стѣсняють! Ну, потомъ начнется исторія этой

Мины. Я буду жить, жить, жить и вліять, Шультейсь! Небось, я не сдѣлаю такой глупости, какъ Текла, и не закаблю себя замужествомъ!

Шультейсь былъ въ величайшемъ смущеніи и заговорилъ очень осторожно:

— Вы знаете,—началь онъ откашливаясь,—что нѣтъ чловѣка въ мірѣ, который цѣнилъ и уважалъ-бы ваше мужество больше, чѣмъ я. У васъ врожденное, такъ сказать, право на исключительное положеніе среди людей. Вы любимица всемогущей природы и вамъ ничего не стоитъ заставлять всѣхъ восторгаться вами. Но точь въ точь, какъ тогда, когда, рискуя разсердить васъ, я предупреждалъ васъ противъ злонамѣренныхъ козней инженера Варберга, такъ и теперь я призываю васъ внять голосу разсудка.. Провѣрьте себя и послушайте того, что подскажетъ вамъ ваше врожденное чувство справедливости, прежде, чѣмъ вы отдадитесь увлеченію, которое свойственно нѣкоторымъ поэтическимъ натурамъ и ослѣвляетъ ихъ..

— Такъ я и знала! Такъ я и знала, что вы-таки выскочите съ этимъ! Вы такъ полозрительны, что сами становитесь крайне неразумительны!

— Выслушайте меня!—продолжалъ учитель горячо.—Тотъ господинъ... его снціальность строить миражи. Какъ всѣ не слишкомъ одаренные поэты, онъ смѣшиваетъ мечту съ дѣйствительностью. Чтобы онъ ни говорилъ и ни дѣлалъ, онъ точно сочиняетъ стихи, кстати сказать, зачастую очень слабенькіе. У васъ совсѣмъ противоположное, Мина; у васъ идеальная душа. Но вы судите о другихъ по себѣ и потому бываете ослѣплены... собственными совершенствами. Умоляю, умоляю васъ, Мина, будьте осторожны! Вы обладаете дѣйствительной красотой, вы сами прекраснѣйшее стихотвореніе... Зачѣмъ вамъ искусственныя прелести? Что вамъ ничтожные стихотворные фокусы такого слабаго поэта, какъ онъ?

— Уфъ, Шультейсь! Вы смотрите въ закопченное стекло на всякаго, кто осмѣливается тоже понимать меня. Вы хотите одни имѣть привилегію на это. Какъ вамъ не стыдно? Вѣдь это ревность! Теперь, когда я такъ нуждаюсь въ ободреніи, теперь... Никогда я вамъ не забуду этого, не забуду, что въ такую минуту вы не въ состояніи были побороть въ себѣ эгоистическаго побужденія. Знаю, въ чемъ дѣло! Вы сердитесь на Финсланда за то стихотвореніе, которое онъ посвятилъ мнѣ!.. Не слѣдовало показывать вамъ этого стихотворенія...

— Мина, Мина!—вскричалъ онъ страстно.—Вы несправедливы ко мнѣ! Позвольте мнѣ быть вашей сторожевой собакой, и можете быть увѣрены, что я буду оберегать васъ только отъ враговъ... Вашимъ

друзьямъ, вашимъ дѣйствительнымъ друзьямъ. я готовъ лизать руку, хотя-бы у меня была при этомъ смерть въ душѣ!

— Перестаньте! — остановила она его. — Миѣ всегда больно, когда вы говорите такъ. И зачѣмъ? Вы только мѣшаете миѣ быть съ вами откровенной. Но довольно! Теперь миѣ надо поспѣшить внизъ, чтобы примѣрить новое платье. Спито по послѣдней модѣ, за это я ручаюсь! Послѣ обѣда вы увидите меня въ этомъ платьѣ. По крайней мѣрѣ вы будете знать, какова я буду тамъ въ городѣ.

Она весело разсмѣялась и поспѣшила внизъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕПИСКОПО и К°.

Разсказъ Габріеля д'Аннуціо.

Съ этого дня я видѣлъ Баттиста почти каждый вечеръ. Онъ всюду приходилъ за мной; онъ ожидалъ меня у входа въ контору, онъ ожидалъ меня у моей двери, ночью, на лѣстницѣ. Онъ ничего не спрашивалъ у меня: онъ даже не прибѣгалъ къ возможности вызвать мою жалость видомъ его глазъ, такъ какъ они были закрыты. Но мнѣ достаточно было посмотрѣть на него, чтобы понять. Онъ улыбался своей обыкновенной улыбкой, конвульсивной и глупой, и ожидалъ, ничего не спрашивая. У меня не хватало силы противостоять ему, отослать, унижить его, сдѣлать ему строгое лицо, сказать жесткое слово. Не поддался-ли я новому тирану? И такъ, Джуліо Ванцеръ имѣлъ наслѣдника? Часто его присутствіе было мнѣ тяжело, но я ничего не дѣлалъ, чтобы освободиться отъ него. Иногда у него бывали изліянія нѣжности, смѣшной и грустной, которая сжимала мнѣ сердце. Однажды онъ сказалъ мнѣ: «почему не зовешь ты меня *papa?*» — и при этомъ сдѣлалъ гримасу мальчишки, который собирается плакать. Я зналъ, что онъ не былъ отецъ Дживевры: я зналъ, что дѣти его жены не были его дѣтьми. Безъ сомнѣнія, это ему было также не безъизвѣстно. Но я все-таки сталъ называть его *papa*, когда никто не слышалъ насъ, когда мы были одни, когда ему необходимо было утѣшеніе. Иногда для того, чтобы растрогать меня, онъ показывалъ мнѣ синякъ, слѣдъ отъ удара, какъ нищія, которые выставляютъ на показъ свое уродство, свои раны, для того, чтобы вымолить милостыню.

Случайно я открылъ, что иногда по вечерамъ онъ становился въ самыхъ темныхъ углахъ улицъ и просилъ милостыню, тихо, ловко, не выставляясь напоказъ, слѣдуя нѣкоторое время за прохожими. Однажды, на углу Троянскаго Форума, меня остановилъ человекъ, который бормоталъ:

— Я работникъ, у меня нѣтъ заработка, я почти слѣпъ. У меня пять дѣтей, которые вотъ уже двое сутокъ ничего не ѣли. Подайте маленькую милостыню, чтобы я могъ купить кусокъ хлѣба этимъ несчастнымъ божьимъ созданиямъ...

Я сейчасъ-же узналъ его голосъ, но онъ, дѣйствительно — почти слѣпой, не узналъ меня. И я поскорѣе ушелъ, убѣжалъ, изъ страха быть узнаннымъ. Онъ не останавливался ни передъ какой низостью, лишь-бы удовлетворить свою отчаянную жажду. Однажды онъ находился у меня въ комнатѣ, ему почему-то не сидѣлось на мѣстѣ. Я только-что пришелъ изъ своей конторы и умывался; я снялъ свой пиджакъ и жилетъ, въ карманѣ котораго находились маленькіе серебряные часы, память моего отца, моего умершаго отца. И такъ, я умывался за ширмой. И я слышалъ, какъ Баттиста двигался по комнатѣ, какъ будто у него было какое-нибудь безпокойство. Я спросилъ:

— Что вы дѣлаете?

Онъ слишкомъ поспѣшно отвѣтилъ, немного дрогнувшимъ голомъ:

— Ничего. Почему?

И онъ быстро, съ преувеличенной поспѣшностью побѣжалъ за ширму. Я одѣлся и мы вышли. Когда мы сошли съ лѣстницы, я сунулъ руку въ карманъ, чтобы посмотреть на часы. Но я ихъ не нашелъ.

— Чортъ возьми! Я забылъ свои часы въ комнатѣ. Мнѣ нужно возвратиться. Подождите меня здѣсь. Черезъ минуту я приду назадъ.

Я возвратился; я зажегъ свѣчку: я искалъ часы повсюду, но безуспѣшно. Поискавъ напрасно нѣсколько минутъ, я услыхалъ голосъ Баттиста, который спрашивалъ:

— Ну что? нашелъ ты ихъ?

Онъ послѣдовалъ за мной наверхъ и остановился у двери. Онъ немного шатался.

— Нѣтъ. Это удивительно. Мнѣ казалось, что я ихъ оставилъ въ карманѣ. Вы не видали ихъ?

— Нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ.

А у меня уже явилось подозрѣніе.

Баттиста стоялъ на порогѣ, держа руки въ карманахъ. Я снова началъ искать, нетерпѣливо, почти съ бѣшенствомъ.

— Не можетъ быть, чтобы я ихъ потерялъ. Только что передъ тѣмъ какъ я раздѣлся—они были; я убѣжденъ, что они были. Они навѣрное здѣсь; нужно ихъ найти.

Наконецъ и Баттиста приблизился.

Я случайно повернулся въ его сторону и прочелъ преступленіе на лицѣ его. У меня сердце упало. Совсѣмъ скофуженный, онъ пробормоталъ:

— Они навѣрное здѣсь; нужно ихъ найти!

И онъ взявъ свѣчку, нагнулся, чтобы поискать около кровати, спотыкаясь всталъ на колѣни, поднялъ одѣяло, посмотрѣлъ подъ кровать. Онъ терзался, тяжело дышалъ, а свѣчка капала на его дрожащую руку.

Эта комедія вывела меня изъ себя. Я закричалъ ему сурово:

— Будеть! Встаньте; не старайтесь такъ. Я знаю, гдѣ бы ихъ слѣдовало искать...

Онъ поставилъ свѣчку на полъ и оставался вѣкоторое время на колѣняхъ, сгорбленный, испуганный, похожій на человѣка, который сейчасъ сознается въ своемъ преступленіи. Но онъ ни въ чемъ не сознался. Онъ съ трудомъ поднялся, не говоря ни слова. Еще разъ я прочелъ преступленіе на его лицѣ и разсердился. «Конечно часы у него въ карманѣ; нужно заставить его сознаться, нужно заставить его отдать украденную вещь, необходимо заставить его раскаяться. Необходимо, чтобы я увидѣлъ, какъ онъ плачетъ отъ раскаянья». Но у меня не хватило смѣлости. Я сказалъ:

— Идемъ.

Мы вышли. Виновиный шелъ за мной медленно, медленно, опираясь на палку.. Какая жалость! Какое страданье! Когда мы были на улицѣ, онъ спросилъ меня голосомъ, похожимъ скорѣе на легкое дуновение:

— И такъ ты думаешь, что я ихъ взялъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ я.— Не будемъ больше говорить объ этомъ.

И я прибавилъ минутой спустя:

— Мнѣ досадно потому, что это была память о моемъ умершемъ отцѣ

Я замѣтилъ, что онъ какъ будто хотѣлъ вытащить что-то изъ своего кармана, но удержался. Мы продолжали путь.

Нѣсколько мивуть спустя, онъ почти рѣзко сказалъ мнѣ:

— Не хочешь ли ты меня обыскать?

— Нѣтъ, нѣтъ. Не будемъ больше говорить объ этомъ. Прощайте, я васъ покидаю. У меня есть сегодня дѣло.

И я повернулъ ему спину, не глядя на него.. Какое горе!

Слѣдующіе дни я его не видалъ. Но на пятый день вечеромъ онъ яришелъ ко мнѣ въ комнату. Я принялъ серьезный видъ.

— Ахъ! это вы?

И я снова занялся своимъ дѣломъ, не говоря больше ни слова. Послѣ довольно продолжительнаго молчанья, онъ осмѣлился спросить у меня:

— Нашелъ ты ихъ?

Я сдѣлалъ видъ, будто смѣюсь, и продолжалъ писать.

И снова послѣ продолжительнаго молчанья онъ сказалъ еще:

— Это не я взялъ ихъ.

— Да, да хорошо, я знаю. Вы все еще думаете объ этомъ?

И когда онъ увидѣлъ, что я продолжаю сидѣть за столомъ и занимать, онъ, послѣ новаго молчанья, сказалъ:

— Прощайте!

— Прощайте, прощайте!

Я далъ ему уйти, не удерживая его. Потомъ я сожалѣлъ объ этомъ. Я хотѣлъ воротить его, но это было слишкомъ поздно: онъ былъ уже далеко.

Дня три-четыре его не было видно. Потомъ вдругъ, возвращаясь домой въ двѣнадцатомъ часу ночи, я встрѣтилъ его на улицѣ при свѣтѣ газоваго рожка. Шелъ мелкій дождь.

— Какъ, это вы? такъ поздно!..

Онъ едва держался на ногахъ: я думалъ, что онъ пьянъ. Но всмотрѣвшись болѣе внимательно, я замѣтилъ, что онъ въ ужасномъ состояніи: онъ былъ съ головы до ногъ въ грязи, какъ будто валялся въ лужахъ, худой, совершенно посивѣвшій.

— Что съ вами случилось, скажите?

Онъ разразился слезами и приблизился ко мнѣ, какъ будто хотѣлъ упасть въ мои объятья; и рыдая онъ пробовалъ рассказать мнѣ что-то, захлебываясь слезами, которыя текли ему въ ротъ. Ахъ! сеньоръ, подъ этимъ газовымъ рожкомъ, подъ этимъ дождемъ, какая ужасная вещь! Какая ужасная вещь рыданья этого человѣка, который не ѣлъ цѣлыхъ три дня! Испытали ли вы когда-нибудь голодъ? Смотрѣли ли вы когда-нибудь на человѣка, полумертваго отъ голода, сажающагося за столъ, подносящаго первый кусокъ хлѣба, кусокъ мяса къ своему рту, жующаго его своими бѣдными, ослабѣвшими и шатающимися зубами? Смотрѣли ли вы на него? И сердце ваше не разорвалось отъ жалости и нѣжности?

Это правда, я не хотѣлъ рассказывать вамъ много объ этомъ несчастномъ. Я увлекся; я забылъ все остальное, не знаю почему. Но правда, это несчастное созданье было моимъ единственнымъ другомъ и я былъ его единственнымъ другомъ въ теченіи нашей жизни. Я много разъ видѣлъ его плачущимъ и онъ много разъ видѣлъ, какъ я плачу! Въ его порокѣ я видѣлъ отраженіе своего. Мы также раздѣляли мученья другъ друга, мы страдали отъ одной обиды, мы несли одинъ стыдъ.

Онъ не былъ отецъ Джиневры, нѣтъ. Въ жилахъ этого существа, которое сдѣлало мнѣ столько зла, его крови не было.

Сколько разъ я съ безпокойнымъ и неудовлетвореннымъ любопытствомъ думалъ о настоящемъ отцѣ, неизвѣстномъ! Кто бы онъ могъ быть? Конечно, онъ не былъ изъ простаго народа. Нѣкоторая физическая утонченность, нѣкоторыя прирожденные изящныя манеры, нѣ-

которыя жестокости, нѣкоторыя слишкомъ утонченныя хитрости и, кромѣ всего этого, инстинктъ роскоши, брезгливость, совѣзмъ особенное умѣнье, смѣясь, дѣлать больно—все это и еще многое другое обнаруживали нѣсколько капель аристократической крови. Кто же былъ ея отецъ? Можетъ быть какой нибудь развратный старикъ, вродѣ маркиза Агути? Можетъ быть...

Сколько разъ я думалъ объ этомъ! И иногда мое воображеніе рисовало мнѣ образъ человѣка, не неопредѣленный и измѣняющійся, но напротивъ—вполнѣ ясный, съ особеннымъ лицомъ, съ особеннымъ выраженіемъ его, который, казалось, жилъ особенно интенсивной жизнью.

Безъ сомнѣнія Джиневра должна была знать, или, по крайней мѣрѣ, *чувствовать*, что у нея ничего не было общаго съ мужемъ ея матери. Мнѣ ни разу не случилось увидѣть въ ея глазахъ хоть тѣнь какого-нибудь чувства или даже жалости къ этому несчастному. Напротивъ, я читалъ въ нихъ равнодушіе, часто отвращеніе, презрѣніе, даже ненависть къ нему.

Охъ! эти глаза! Они говорили все. Они говорили слишкомъ многое въ одинъ моментъ, слишкомъ много совершенно противоположныхъ вещей,—и я терялся. Случалось, что глаза ея встрѣчались случайно съ моими и тогда у нихъ былъ блескъ стали, блестящей и непроницаемой стали. И потомъ вдругъ они какъ бы покрывались блѣдной вуалью, они утрачивали свою жесткость. Представьте себѣ, сеньоръ, лезвіе ножа, которое затуманили дыханіемъ.

Но нѣтъ; я не могу вамъ говорить о своей любви. Никогда никто не зналъ, какъ я любилъ ее,—никто! Она сама не знала этого: она не знаетъ этого и теперь. Но за то я знаю, что она меня никогда не любила! Ни единого дня, ни единого часа, даже ни единой минуты.

Я зналъ это съ самаго начала: я зналъ это даже тогда, когда она смотрѣла на меня своимъ затуманившимся взоромъ. Я не обманывалъ себя. Ни разу мои губы не осмѣлились произнести этотъ пѣжный вопросъ, тотъ вопросъ, который повторяютъ все вълюбленные: «любишь ли ты меня?» И я помню, что когда я былъ вмѣстѣ съ нею, когда мною овладѣвало желанье обладать ею, я часто думалъ: «О еслибы я могъ поцѣловать ея лицо, такъ чтобы она не могла замѣтить этого поцѣлуя!»

Нѣтъ, нѣтъ, я не могу вамъ говорить о моей любви. Я лучше буду рассказывать вамъ факты, мелкіе, смѣшные факты, мелкія несчастья, мелкіе уколы самолюбія!

Свадьба была рѣшена. Джиневра прожила еще нѣсколько недѣль въ Тиволи, а я часто пріѣзжалъ въ Тиволи, въ трамваѣ, и проводилъ тамъ полдня, а иногда всего часа два. Я былъ доволенъ, что она была вдали отъ Рима. Я безпрестанно боялся, что кто нибудь изъ моихъ товарищей по службѣ или по пансіону откроетъ мой секретъ. Я пускалъ

въ ходъ массу предосторожностей, обмановъ, предлоговъ. Я лгалъ, чтобы скрыть то, что сдѣлалъ, что дѣлалъ и что буду дѣлать. Я не приходилъ больше туда, гдѣ мы обыкновенно собирались, я избѣгалъ прямыхъ отвѣтовъ на всѣ предлагаемыя мнѣ вопросы, и прятался въ лавкахъ, подъ воротами, въ боковыхъ улицахъ, какъ только я узнавалъ изъ-далека кого-нибудь изъ моихъ обыкновенныхъ сотоварищей, по однажды мнѣ не удалось избѣгнуть Филиппо Доберти.

Онъ такъ словилъ, остановилъ или скорѣе схватилъ меня.

— Хе-хе! Какъ тебя давно не видно, Епископо! Что ты дѣлалъ? Ты былъ боленъ?

Я не могъ преодолѣть своего невольнаго волненья. Не сообразивъ, я отвѣтилъ.

— Да, я былъ боленъ.

— Это видно, ты совсѣмъ зеленый. Но какой образъ жизни ведешь ты теперь? Гдѣ ты ѣшь? Гдѣ проводишь вечера?

Я отвѣчалъ другой ложью, избѣгая глядѣть на него.

— Намедни ночью говорили о тебѣ, продолжалъ Доберти.—Эфрати рассказывалъ, что видѣлъ тебя на Александрійской улицѣ, подъ руку съ какимъ-то пьяницей.

— Съ пьяницей? Но Эфрати бредить.

Доберти расхохотался.

— Ха, ха, ха!.. Ты покраснѣлъ! Рѣшительно, ты всегда ищешь избраннаго общество. А! кстати—имѣешь ты извѣстiя о Ванцерѣ?

— Нѣтъ. Я ничего не знаю.

— Какъ ты не знаешь, что онъ находится въ Буэносъ Айресѣ?

— Я ничего не знаю.

— Мой бѣдный Епископо! Прощай, я покидаю тебя. Береги свое здоровье, береги, знаешь! Ты мнѣ кажешься очень плохъ, очень плохъ. Прощай.

Онъ повернулъ въ другую улицу, оставивъ меня въ страшномъ волненiи, преодолѣть которое я никакъ не могъ. Всѣ слова того отдаленнаго вечера, въ который онъ говорилъ о губахъ Джиневры, припомнились мнѣ всѣ, точныя, звонкiя! И припомнились мнѣ другiя слова, болѣе грубыя, болѣе циничныя. И снова я увидѣлъ въ столовой освѣщенной газомъ столъ, вокругъ котораго сидѣли эти сытые мужчины, оживленные выпитымъ виномъ, немного отяжелѣвшiе, одинаково озабоченные однимъ развратнымъ стремленiемъ. И я снова услышалъ смѣхъ, шумъ, мое имя, произнесенное Ванцеромъ, встрѣченное общимъ одобренiемъ; и наконецъ эти страшныя слова «Домъ Епископо и К^о». И я подумалъ, что эготъ ужасъ могъ быть дѣйствительностью!

Дѣйствительность! дѣйствительность!.. Но развѣ возможно такая мерзость, но развѣ возможно, чтобы человѣкъ, который, казалось, не былъ

ни сумасшедшимъ, ни идиотомъ, ни безумцомъ, позволилъ бы себѣ сдѣлать эту мерзость?

Джиневра возвратилась въ Римъ. День свадьбы былъ назначенъ.

На извожикѣ вмѣстѣ съ маклершей мы ѣздили по всему Риму, чтобы отыскать маленькую квартирку, чтобы купить брачную кровать, чтобы пріобрѣсти необходимую мебель, чтобы, однимъ словомъ, сдѣлать все необходимое приготовленья. Я вынулъ свой капиталъ, равняющійся примѣрно пятнадцати тысячамъ франковъ.

И такъ мы торжественно ѣздили по всему Риму, я, въ полуобморкѣ, на передней скамейкѣ, обѣ женщины — противъ меня, соприкасаясь со мной колѣнами. Кого только мы ни встрѣтили! Все насъ узнали. Двадцать разъ, несмотря на мою опущенную голову, я однимъ угломъ глаза видѣлъ кого-нибудь изъ знакомыхъ, который дѣлалъ намъ знаки. Джиневра веселилась, нагибалась, поворачивалась и каждый разъ говорила:

— Посмотри,—Квестори! Посмотри—Мишели! Посмотри—Палумбо и Доберти.

Этотъ извожикъ былъ моимъ орудіемъ пытки.

И новость распространилась. Для моихъ товарищей, для всехъ моихъ знакомыхъ это было постоянно предметомъ веселья. Во всехъ взглядахъ я читалъ иронію, насмѣшку, иногда даже нѣчно въ родѣ оскорбительнаго сожалѣнья. Никто не избавилъ меня отъ оскорбленья; а я, для того, чтобы хоть что-нибудь дѣлать, я улыбался при каждомъ новомъ оскорбленіи, всегда одинаково, какъ автоматъ. Могъ ли я дѣлать что-нибудь другое? Долженъ ли я былъ сердиться? угрожать? неистовствовать? дать пощечину? бросить чернильницу? потрясать стуломъ? вызвать на дуэль? Но, не было ли все это еще смѣшнѣе, сеньоръ?

Одинъ разъ, въ конторѣ двое «умныхъ малыхъ» воспроизвели допросъ. Это былъ разговоръ судьи съ Джіовани Епископо. На вопросъ судьи: «Ваша профессія?» Джіовани Епископо отвѣчалъ: «Человѣкъ, котораго не уважаютъ».

Другой разъ я услыхалъ слѣдующія фразы:

— У него нѣтъ крови въ жилахъ, ни единой капли. Вся кровь, которая у него была, выпущена Джуліо Ванцеромъ, положительно. Очевидно, что у него нѣтъ ни единой капли...

Это была правда, это была правда.

Какъ это случилось, что я вдругъ принялъ рѣшеніе написать Джиневрѣ, чтобы освободиться отъ своего обѣщанья.

Да, я написалъ Джиневрѣ, чтобы разстроить свадьбу, я написалъ самъ, вотъ этой рукой. Я самъ отвесъ письмо на почту.

Это было вечеромъ; я помню. Я нѣсколько разъ проходилъ передъ почтой, такой взволнованный, какъ человѣкъ, рѣшившійся на самоубійство. Наконецъ я остановился, я положилъ письмо въ отверстіе ящика;

но мнѣ казалось, что пальцы мои не могутъ разжаться. Сколько времени находился я въ такомъ положеніи? Я не знаю. Городовой взялъ меня за плечо и спросилъ:

— Что вы дѣлаете?

Я разжалъ пальцы, я уронилъ письмо. И еще немного—я бы упалъ въ обморокъ на руки городского.

— Скажите, бормоталъ я, со слезами въ голосъ,—что нужно сдѣлать, чтобы получить его обратно?

А ночь, всѣ ужасы ночи! А слѣдующее утро, посѣщеніе новой квартиры, уже приготовленной къ принятію мужа и жены, теперь излишней, сдѣлавшейся мергвой? О! это солнце, эти лучи солнца, острые—какъ ножъ, освѣщающіе всю новую, блестящую, нетронутую мебель, которая издавала невыносимый запахъ!..

Послѣ обѣда, около пяти часовъ, при выходѣ изъ конторы, я встрѣтилъ на улицѣ Баттиста, который мнѣ сказалъ:

— Тебя зовутъ домой, сейчасъ же.

Мы пошли. Я дрожалъ, какъ пойманный преступникъ. Въ одну минуту, я, чтобы подготовиться, спросилъ:

— Что отъ меня хотятъ?

Баттиста не звалъ. Онъ пожалъ плечами. Когда мы пришли къ дому, онъ покинулъ меня. Я медленно всходилъ по лѣстницѣ, жалѣя, что послушался, вспоминая руки маклерши, эти страшныя руки, которыхъ я боялся до сумасшествія. И когда я поднялъ глаза, когда я увидѣлъ открытую дверь, а на порогѣ ея маклершу, готовую кинуться на меня, я поспѣшно сказалъ:

— Это была шутка, простая шутка!

И на слѣдующей недѣлѣ свадьбу отпраздновали. Моими свидѣтелями были: Энрико Эфрати и Филиппо Доберти. Джиневра и ея мать хотѣли, чтобы на обѣдъ было приглашено возможно большее число моихъ товарищей, для того, чтобы ослѣпить всю мразь улицы Монтанара и ея окрестностей. Кажется всѣ мои товарищи по пансіону были налицо.

У меня смутное, спутанное воспоминаніе о церемоніи, о свадьбѣ, объ этой толпѣ, объ этихъ голосахъ, объ этомъ шумѣ. Одну минуту, за столомъ, мнѣ показалось, что происходитъ что-то аналогичное тому нечистому и безумному дыханью, которое когда-то слышалось за *тѣмъ* столомъ. Лицо Джиневры пылало, глаза необыкновенно блестяли. Вокругъ нея блестяли много другихъ глазъ, сіяло много другихъ улыбокъ.

У меня осталось воспоминаніе какого-то тяжелого страданья, которое окутало меня, овладѣло мной, затемнило мой разумъ. И я вижу еще тамъ, на концѣ стола, совсѣмъ на концѣ, невѣроятно далеко, этого бѣднаго Баттиста, который пилъ, пилъ, пилъ...

По крайней мѣрѣ недѣля! Я не говорю годъ, мѣсяць. Но по крайней мѣрѣ первая недѣля; по крайней мѣрѣ первая недѣля. Нѣтъ,—ничего, немилосердно. Она не дождала даже одинъ день; сейчасъ же, въ первую ночь, она начала свое дѣло, дѣло палача.

Если бы я прожилъ цѣлый вѣкъ, то я все-таки не забылъ бы этотъ взрывъ хохота, который обдалъ меня холодомъ въ темпотѣ нашей комнаты и увеличилъ мою робость и неуклюжесть. Въ темнотѣ я не видѣлъ ея лица, но въ первый разъ я почувствовалъ всю ея злость въ этомъ рѣзкомъ, глумливомъ нечистомъ хохотѣ, никогда не слышанномъ мною, не узнаваемомъ. Я почувствовалъ, что около меня дышало ядовитое созданье.

О! сеньоръ, хохотъ этотъ находился въ ея зубахъ, какъ идъ у змѣи.

Ничто, ничто не могло возбудить ея жалости: ни мое нѣмое подчиненіе, ни мое нѣмое обожаніе, ни мое страданье, ни мои слезы;—ничто. Я все испробовалъ, чтобы тронуть ея сердце,—все напрасно. Иногда она слушала меня серьезная, съ серьезными глазами, какъ будто она начинаетъ понимать; и потомъ, вдругъ, она принималась хохотать своимъ ужаснымъ, нечеловѣческимъ смѣхомъ, который придавалъ больше блеска ея зубамъ, чѣмъ ея глазамъ. А я оставался подавленнымъ.

Нѣтъ, нѣтъ это невозможно. Позвольте мнѣ, сеньоръ, это пропустить. Я не могу говорить съ вами о ней. У меня такое ощущеніе, какъ будто вы заставляете меня жевать что-то горькое, невыносимо смертельно горькое. Развѣ вы не видите какъ искажается мое лицо въ то время, какъ я говорю?

Однажды, это было вечеромъ, спустя два мѣсяца послѣ нашей свадьбы, ей въ моемъ присутствіи сдѣлалось дурно, нѣчто въ родѣ обморока... Вы знаете, обыкновенная исторія... А я, дрожащій отъ надежды, потихоньку ждалъ этого указанья, ждалъ исполненія моего страстного безумнаго желанья, этой великой радости въ моемъ отчаяніи и я уялъ на колѣни передъ ней, какъ передъ чудомъ. Неужели это правда? Неужели правда? Да; она объявила мнѣ объ этомъ, подтвердила это. Она носила въ себѣ *другую жизнь*.

Вы не можете понять этого. Даже если бы вы были отцемъ, вы не поняли бы того необыкновеннаго волненія, которое охватило всю душу мою. Представьте себѣ, сеньоръ, представьте себѣ человѣка, который выстрадалъ все, что только можно выстрадать на землѣ, человѣка, на которомъ пзощрилась безъ устали вся жестокость другихъ людей, человѣка, котораго другіе люди никогда не любили, и у котораго все-таки въ сердцѣ есть цѣлыя тайники, цѣлыя неизякаемые сокровища нѣжности, доброты; представьте себѣ, сеньоръ, что этотъ человѣкъ получилъ надежду, что онъ ожидаетъ появленія другого созданія, одной съ

нимъ крови, сына, маленькаго и слабаго существа, которое будетъ его любить... будетъ его любить... понимаете? будетъ его любить!

Это было въ сентябрѣ. Я помню, былъ ясный, тихій день, нѣсколько грустный... знаете, когда лѣто умираетъ? И всегда, всегда я думалъ о немъ, о Циро, безконечно думалъ.

Въ одно изъ воскресеній, въ Пинчіо, мы встрѣтили Доберти и Квестори. Оба очень ухаживали за Джиневрой и присоединились къ намъ. Джиневра и Доберти пошли впередъ; Квестори и я остались позади. Но мнѣ казалось, что каждый шагъ передней пары разрывалъ мнѣ сердце. Они оживленно говорили между собой; и прохожіе оборачивались, чтобы посмотрѣть на нихъ. Неясныя отрывочныя слова долетали до меня, заглушенныя музыкой, хотя я напрягалъ слухъ, чтобы слышать ихъ. Мое огорченіе было такъ ясно, что Квестори позвалъ ихъ, говоря:

— Не такъ скоро, не такъ скоро! Не удаляйтесь такъ. Епископо сейчасъ лопнетъ отъ ревности.

Они стали шутить, насмѣхаться надо мной. Доберти и Джиневра продолжали идти впередъ, смѣялись и болтали, не обращая вниманья на звуки музыки, которая, можетъ быть, возбуждала и опьяняла ихъ; а я, я чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, что проходя по мосту, у меня явилась сумасшедшая мысль—желанье броситься внизъ, чтобы сразу прекратить эти муки. Одну минуту даже Квестори молчалъ. Я замѣтилъ, что его внимательный взоръ слѣдуетъ за силуэтомъ Джиневры и что имъ овладѣваетъ желанье. Другіе мужчины, которыхъ мы встрѣтили, обернулись раза два-три, чтобы взглянуть на нее и въ ихъ глазахъ былъ тотъ-же блескъ. И всегда, всегда, когда она проходила въ толпѣ, она оставляла какъ-бы печистую борозду. Мнѣ казалось, что отъ этихъ нечистыхъ желаній воздухъ дѣлается тяжелымъ; мнѣ казалось, что всѣ желали обладать этой женщиной, считали это легко достижимымъ и одна и та же развратная картина была въ мозгу у каждаго. Музыка распространяла волны своихъ звуковъ въ яркомъ свѣтѣ солнца; листья деревьевъ блестѣли; колеса экипажей наполняли мои уши оглушительнымъ шумомъ. И въ этомъ шумѣ, въ этомъ свѣтѣ, въ этой толпѣ, при видѣ этой женщины, которая въ моемъ присутствіи позволяла этому человѣку мало-по-малу окружить себя,—мнѣ казалось, что развратъ окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ, я думалъ съ ужасомъ, съ какимъ-то конвульсивнымъ содроганьемъ всѣхъ моихъ нервовъ, о томъ маленькомъ существѣ, которое начинало жить, о томъ маленькомъ безформенномъ существѣ, которое начинало жить и которому волненья того тѣла, въ которомъ онъ находился, можетъ быть, причиняли страданья.

Боже мой, Боже мой! какъ мучила меня эта мысль! Сколько разъ она терзала меня до *его* рожденья...

О Боже, Боже мой! какъ эта мысль мучила меня! Сколько, сколько разъ эта мысль терзала меня до его рожденья! Понимаете ли вы?.. Мысль, что его оскверняютъ... Понимаете ли вы? Измѣна, грѣхъ огорчали меня меньше ради меня самого, чѣмъ ради сына, который еще не родился. Мнѣ казалось, что часть этого стыда, этой мерзости должна была запачкать его. Понимаете ли вы мой ужасъ?

И въ одинъ прекрасный день я сдѣлался необыкновенно храбръ.

Однажды, когда мои подозрѣнья меня особенно терзали, я имѣлъ храбрость заговорить.

Джипевра стояла у окна. Я помню это: это былъ день Всѣхъ святыхъ: колокола звонили, свѣтъ солнца падалъ на подоконникъ. Правда, въ мірѣ нѣтъ ничего грустнѣе солнца. Вы не согласны съ этимъ? Солнце всегда наполняло сердце мое страданьемъ, ко всѣмъ моимъ воспоминаньямъ примѣшивается солнце—какая-то желтая полоса, какъ вокругъ погребальныхъ покрововъ. Когда я былъ ребенкомъ, меня оставили на нѣсколько минутъ въ комнатѣ, въ которой на постелѣ, окруженная цвѣтами, лежала моя мертвая сестра. Мнѣ кажется, что я еще вижу ее: это блѣдное лицо, все въ синихъ тѣняхъ, на которое впоследствии, въ послѣднія минуты передъ смертью, такъ походило лицо блѣднаго Циро...

Ахъ!.. гдѣ я остановился? Моя сестра... да, сестра моя лежала мертвая, окруженная цвѣтами!.. Да, вотъ что я говорилъ... Но къ чему хотѣлъ я вести? Дайте мнѣ подумать немного... Вотъ. Я приблизился къ окну, охваченный ужасомъ. Это было маленькое окно, выходившее на дворъ. Противуположный домъ, казалось, пустовалъ: не слышно было голоса человѣческаго; тишина была полнѣйшая; но на крышѣ стая воробьевъ оглушала насъ своимъ непрестаннымъ чирканьемъ, раздрающимъ душу, а подъ крышей, у водосточной трубы, на сѣрой стѣнѣ, въ тѣни, полоса солнечнаго свѣта, желтая полоса, рѣзкая, ослѣпительная, мрачно свѣтилась. Я не смѣлъ повернуться, я смотрѣлъ на желтую полосу, какъ прикованный; и позади меня я *чувствовалъ*, понимаете ли вы! въ то время, какъ чирканье наполняло мои уши отчаяннымъ шумомъ, я *чувствовалъ* позади меня ужающую тишину комнаты, эту ледяную тишину, которая обыкновенно господствуетъ вокругъ мертвецовъ...

Ахъ, сеньоръ, сколько разъ я видѣлъ въ моей жизни эту трагическую полосу солнца!.. Сколько разъ!

Но объ чемъ я говорилъ? Я говорилъ, что Джипевра стояла у окна: колокола звонили, солнце освѣщало комнату. На одномъ изъ стульевъ лежалъ вѣнокъ изъ иммортелей, перевязанный черной лентой:

Джиневра и ея мать должны были отнести его въ Кампо Верано, чтобы положить на могилу родныхъ.

Какая память! подумайте!. Да, теперь у меня поразительная память!

Слушайте. Она ѣла фрукты съ той вызывающей чувственностью, съ какою она дѣлала все. Она не обращала на меня никакого вниманія, она не замѣчала, что я былъ тутъ и что я смотрѣлъ на нее. Никогда еще ея полиѣйшая беззаботность не огорчала меня такъ, какъ въ этотъ день; никогда еще я съ такою ясностью не понималъ, что она мнѣ не принадлежала, что она находилась въ распоряженіи перваго встрѣчнаго, что неминуемо она отдастся первому встрѣчному и что я не сумѣю отстоять ни своего права любви, ни даже права сильнаго, и я смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ на нее.

Не случилось-ли вамъ когда-нибудь долго смотрѣть на женщину? Не случилось-ли вамъ въ это время терять окончательно представленіе объ ея человѣчности, объ ея общественномъ положеніи, о вашихъ чувствахъ къ ней, и съ ясностью, которая васъ приводитъ въ ужасъ, *видѣть* въ ней только животное, скажу—поль?..

Я *видѣлъ* все это, когда глядѣлъ на нее; и я понялъ, что она способна только на актъ фізіологическій, на отправленіе низкой функціи. И еще одна отвратительная истина представилась моему уму: основаніе существованія человѣчества, основаніе всѣхъ заботъ его—мерзости. Отвратительная, отвратительная истина!..

Скажите, что я могъ сдѣлать? Ничего. Но эта женщина носила въ себѣ *другую жизнь*, она вскармливала своей кровью таинственное существо, которое воплощало въ себѣ мою вѣчную, мою высшую надежду, мое обожанье...

Да, да, еще раньше, чѣмъ онъ увидѣлъ свѣтъ, я уже обожалъ его, я плакалъ отъ нѣжности къ нему, я говорилъ ему непонятныя слова. Подумайте, сеньоръ, объ этомъ мученіи: не быть въ силахъ отдѣлать невинное существо отъ подлаго образа; знать, что предметъ вашего идеальнаго обожанья связанъ съ существомъ, подлостей котораго вы боитесь.

Я не могу объяснить. Наши слова, наши дѣйствія остаются всегда пошлыми, глупыми, не имѣющими значенія, какъ-бы ни были велики чувства, которыя ихъ внушаютъ. Въ этотъ день я носилъ въ себѣ самомъ цѣлый міръ сдержаннаго, смутнаго страданья, и все это окончилось маленькимъ ципичнымъ діалогомъ, смѣшной сценой, подлостью. Хотите вы знать самый фактъ? Хотите знать этотъ діалогъ? Вотъ онъ.

И такъ, она была у окна и я подошелъ къ ней. Одну минуту я

ИЗЪ ДНЕВНИКА АМІЕЛЯ.

(Окончаніе).

Переводъ съ французскаго гр. М. Толстой, подъ редакціей гр. Льва Толстого.

28 декабря 1880 г. Есть два способа опредѣленія людей, которыхъ мы знаемъ: первый утилитарный, по отношенію къ себѣ, различаетъ друзей, враговъ, симпатичныхъ, индифферентныхъ, тѣхъ, которые могутъ оказать намъ услугу или повредить намъ; второй, безпристрастный, распредѣляетъ ихъ по ихъ внутреннему значенію, по ихъ собственнымъ качествамъ или недостаткамъ, внѣ чувствъ, которыя они питаютъ къ намъ или которыя мы испытываемъ къ нимъ.

Мнѣ свойственъ второй родъ опредѣленія. Я оцѣниваю людей менѣе по привязанности, которую они оказываютъ мнѣ, чѣмъ по ихъ личному совершенству и не смѣшиваю благодарность съ уваженіемъ. Хорошо, когда можно соединить оба чувства. Но тяжело быть обязаннымъ благодарностью, не испытывая уваженія и увѣренности.

Ревность—ужасное чувство. Оно кажется похожимъ на любовь,—только совершенно противоположно ей. Ревность не ищетъ блага любимаго предмета, но хочетъ его зависимости и своего торжества. Любовь есть забвеніе своего „я“; ревность есть самая страстная форма эгоизма, усиленіе своего деспотическаго, требовательнаго, тщеславнаго „я“, которое не можетъ себя забыть и подчинить. Контрастъ совершенный.

Притупленіе совѣсти узнается по неспособности къ негодованію, которую не нужно смѣшивать съ кротостью любви, ни съ сдержанностью смиренія.

Человѣкъ есть страсть, которая приводитъ въ движеніе волю, которая въ свою очередь толкаетъ умъ, и такимъ образомъ органы, которые какъ-будто предназначены для служенія уму, суть только орудія страсти. Детерминизмъ правъ для людей толпы; свобода внутренняя существуетъ только какъ исключеніе, и только вслѣдствіе побѣды надъ собой. Даже тотъ, кто вкусилъ свободы, свободенъ только промежутками и порывами.

Истинная свобода не есть такимъ образомъ постоянное состояніе, она не есть неразрушимое и всегда одинаковое свойство. Человѣкъ свободенъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ не обмануть собой, своими изворотами, своими инстинктами, своей природой. Человѣкъ свободенъ только вслѣдствіе критики и энергіи, т.-е. вслѣдствіе отреченія отъ себя и управленія самимъ собой. Такъ-что мы въ рабствѣ, но способны къ освобожденію; мы связаны, но способны развязаться...

Матеріальные результаты суть только позднее проявленіе невидимыхъ дѣятельностей. Ядро уже давно вылетѣло, когда звукъ выстрѣла доходитъ до насъ. Рѣшающія событія совершаются въ мысли.

Жизнь должна быть рожденіемъ души, выдѣленіемъ высшаго вида реальности. Животное должно быть очеловѣчено, плоть должна быть претворена въ духъ; фізіологическая дѣятельность должна быть превращена въ мысль, въ сознаніе, въ разумъ, въ справедливость, въ великодушіе, какъ свѣча въ свѣтъ и теплоту. Слѣпая, жадная, эгоистическая природа должна быть превращена въ красоту, въ благородство. Эта высшая алхимія оправдываетъ наше присутствіе на землѣ; въ этомъ наша миссія и наше достоинство.

Отказаться отъ счастья и думать только о долгѣ; замѣнить желанія сердца совѣстью: въ этомъ добровольномъ мученичествѣ есть свое благородство. Наша природа противится намъ въ этомъ, но лучшее нашего „я“ покоряется этому. Надежда на справедливость признакъ болѣзненной чувствительности. Нужно умѣть обходиться безъ нея. Мужественный характеръ состоитъ въ этой независимости. Пусть свѣтъ думаетъ объ насъ что хочетъ, это его дѣло. Если онъ намѣренъ поставить насъ на наше мѣсто только послѣ нашей смерти, или даже никогда, въ этомъ его право. Наше же—въ томъ, чтобы поступать такъ, какъ будто отечество признательно, какъ будто міръ правосуденъ, какъ будто общественное мнѣніе проникательно, какъ будто жизнь справедлива, какъ будто люди добры.

Даже смерть можетъ быть согласіемъ и потому нравственнымъ поступкомъ. Животное издыхаетъ, человѣкъ долженъ вручить свою душу ея Создателю.

5 января 1881 г. Еслибъ я имѣлъ здоровье, я былъ бы чловѣкомъ самымъ свободнымъ изъ тѣхъ, кого знаю, хотя немного сужности для моего сердца было бы необходимо, чтобы увеличить мою независимость.

Не будемъ преувеличивать; моя свобода только отрицательна. Никто не имѣетъ преимущества передо мной, но многія вещи мнѣ менѣе воз-

можно и, еслибъ я имѣлъ глупость желать ихъ, границы моей свободы сдѣлались бы очевидны. Отъ этого-то я остерегаюсь желать этихъ вещей и вызывать ихъ въ моемъ умѣ. Я хочу только того, что я могу, и такимъ образомъ я не толкаюсь ни о какую стѣну, я уничтожаю даже загородки моего дуга. Я хочу скорѣе немного меньше того, что могу, чтобы даже не касаться препятствія. Отреченіе есть охрана своего достоинства. Отнимемъ у себя все, и ничто не будетъ у насъ отнято. Тотъ кто отдалъ свою жизнь, можетъ смотрѣть въ лицо смерти. Что же еще можетъ она отнять у него? Отреченіе отъ желаній и исполненіе закова любви—въ этомъ методъ Будды, въ этомъ все искусство „освобожденія“...

Мое горло мучаетъ меня. Идетъ снѣгъ. Такимъ образомъ я завишу отъ природы и Бога. Но я не завишу отъ человѣческаго каприза: въ этомъ-то и дѣло. Правда, мой аптекарь можетъ сдѣлать ошибку и отравить меня, мой банкиръ привести меня къ сумѣ, также какъ и землетрясеніе—разрушить мой домъ, безъ вознагражденія. Полная независимость есть, стало быть, только чистая химера. Но у меня есть независимость относительная, независимость стойка, который уходитъ въ свою волю и запираетъ двери этой крѣпости.

„Повляемся, исключая Бога, не имѣть господина“.

Клятва древней Женевы останется моимъ девизомъ.

10 января 1881 г. Огорчаться недоброжелательствомъ, благодарностью, равнодушіемъ людей—это слабость, къ которой я склоненъ. Мнѣ тяжело быть неповнятымъ, осуждаемымъ, у меня вѣтъ суроваго мужества, мое сердце уязвимо болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. А впрочемъ, мнѣ кажется, что я притерпѣлся къ этому и закалился. Недоброжелательство людей тревожитъ меня теперь меньше, чѣмъ бывало. Обязанъ-ли я этому философіи? Есть-ли это слѣдствіе возраста? Или, можетъ быть, причина этому просто въ уваженіи и расположеніи, которыя были мнѣ оказаны? Мнѣ нужны были эти доказательства для того, чтобы внушить мнѣ какое-либо уваженіе къ самому себѣ. Иначе я легко повѣрилъ бы въ свое ничтожество и незначительность всѣхъ моихъ попытокъ. Для робкихъ успѣхъ необходимъ. Одобреніе нравственно возвышаетъ, похвала—крѣпительный элексиръ.

23 января 1883 г. Въ эту минуту я чувствую себя хорошо и мнѣ кажется страннымъ, что я приговоренъ, и такъ скоро. Жизнь не чувствуетъ никакого родства со смертью. Поэтому-то, вѣроятно, всегда и возрождается въ насъ машинальная, инстинктивная надежда, затемняющая разумъ и заставляющая сомнѣваться въ вѣрности научнаго рѣшенія. Жизнь стремится упорствовать въ бытіи. Она повторяетъ, какъ попугай въ баснѣ, даже въ ту минуту, когда его душатъ:

„Это, это ничего“.

Мысль видить дѣло, какъ оно есть, т. е., что положеніе плохо, но животное протестуетъ. Оно вѣритъ въ зло, только когда оно наступило. Такъ ли дурно это? Вѣроятно, нѣтъ. Природа хочетъ, чтобъ живущій защищался отъ смерти; надежда сливается съ любовью къ жизни; это — органическій импульсъ, принимающій иногда религіозный характеръ.

Кто знаетъ, Богъ можетъ спасти насъ, сдѣлать чудо. При томъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что нѣтъ какого-нибудь исцѣляющаго средствъ. Неизвѣстность есть убѣжище надежды. Сомнительное считается между благопріятными шансами. Бренность смертныхъ хватается за всякую опору. Какъ упрекать ее въ этомъ. Даже со всею этою помощью она не избѣгаетъ бѣдственности и отчаянія. Лучшее рѣшеніе всетаки покоряться необходимости, называя отеческою волю Бога, и нести мужественно свой крестъ, во имя властителя судебъ.

Воинъ не разсуждаетъ о полученномъ приказѣ, онъ повинуется и умираетъ безъ ропота. Если бы прежде исполненія онъ хотѣлъ знать, на что служить его жертва, онъ не зналъ бы покорности.

Я думалъ сегодня утромъ, что очень немногіе люди имѣютъ понятіе о нашихъ физическихъ немощахъ, что наши близкіе и даже наши самые интимные друзья не знаютъ нашихъ бесѣдъ съ Царемъ ужасовъ. Есть мысли, которыхъ нельзя повѣрить другому, есть печали, которыя не раздѣляются. Нужно даже изъ великодушія скрывать ихъ. Мечтаешь одинъ, страдаешь одинъ, умираешь одинъ, одинъ и занимаешь домъ изъ шести досокъ. Но не запрещено открывать Богу это одиночество. Суровый монологъ дѣлается такимъ образомъ діалогомъ, отвращеніе становится покорностью, отреченіе становится миромъ, болѣзненная раздавленность вновь дѣлается свободой.

„Желать того, чего хочетъ Богъ, есть единственное знаніе, которое даетъ намъ покой“.

Каждый изъ насъ испытываетъ много противоположныхъ побужденій, но какъ только онъ узнаетъ, въ чемъ законъ, и подчиняется закону, все хорошо.

О если бы, какъ умирающій мудрецъ, мы бы могли сказать съ миромъ:

„Я слишкомъ долго блуждалъ, искалъ, я обманывался. Все благо: мой Богъ обнимаетъ меня“.

29 января 1881 г. Ужасная ночь. Боролся три или четыре часа подъ-рядъ съ моими удушителями и заглянулъ близко въ глаза смерти... Ясно, что меня ожидаетъ задушеніе, асфикція. Я задохнусь.

Я-бы не избралъ этой смерти; но когда нѣтъ выбора, нужно только покориться. Спинсза умеръ передъ докторомъ, котораго онъ приказалъ позвать. Ты долженъ свыкнуться съ мыслью умереть вне-

зашно, въ одну прекрасную почъ, удушенный своимъ ларингитомъ. Это не то, что послѣдній вздохъ патріарха, окруженнаго своимъ колѣно-преклоненнымъ семействомъ. Въ этомъ нѣтъ красоты, величія и поэзіи; но стоицизмъ состоитъ въ отреченіи. *Abstine et sustine.*

Ты вѣдь знаешь, что у тебя есть вѣрные друзья; такъ лучше не мучить ихъ. Стоны и волненія только дѣлають еще болѣе труднымъ великій переходъ. Одно слово замѣняетъ всѣ другія: да будетъ воля Бога, но не моя! Лейбница провожалъ къ кладбищу только одинъ его слуга. Въ одиночествѣ одра смерти и гроба нѣтъ ничего дурного. Тайственное непередаваемо. Діалогъ между душою и Царемъ ужасовъ не требуетъ свидѣтелей. Живымъ хочется поклониться тому, кто уходитъ. И потомъ никто не знаетъ навѣрно, что ему предназначено. Что будетъ, то будетъ. Наше дѣло только сказать „аминь“.

4 февраля 1881 г. Испытываешь странное ощущеніе, ложась въ постель съ мыслию, что не увидишь, можетъ быть, завтрашняго дня. Это ощущеніе было у меня вчера довольно сильно, и между тѣмъ вотъ я живъ. Чувство чрезвычайной брѣнности способствуетъ покорности и уничтожаетъ всякое честолюбіе:

„Оставьте долгую надежду и обширные замыслы“.

Работа на отдаленный срокъ кажется абсурдомъ; живешь только со дня на день.

Если не мечтаешь о томъ, чтобы видѣть передъ собой свободные пятнадцатіе, годъ, мѣсяцъ, если рассчитываешь только на 12 часовъ и если ближайшая ночь есть уже угроза и неизвѣстность, то очевидно, что отказываешься отъ искусства, науки и политики, довольствуясь діалогомъ съ самимъ собой, возможнымъ до самаго конца. Внутренній монологъ есть единственное утѣшеніе осужденнаго на смертную казнь, которая отсрочивается. Онъ уходитъ самъ въ себя, онъ не проявляется наружу болѣе, онъ поглощенъ самоанализомъ. Онъ не дѣйствуетъ болѣе, онъ созерцаетъ. Онъ еще пишетъ тѣмъ, которые ждуть этого отъ него, но отказывается отъ публики и уходитъ самъ въ себя. Какъ заяцъ, онъ возвращается умирать на свое логово, и это логово есть его совѣсть, его мысль. Также и его задушевный дневникъ. До тѣхъ поръ, пока онъ можетъ держать перо и пока у него есть минута уединенія, онъ сосредоточивается передъ этимъ отзвукомъ самого себя и бесѣдуетъ съ своимъ Богомъ. Но это не нравственное испытаніе, не актъ раскаянія, не призывный крикъ. Это только „аминь покорности“... „Дитя мое, отдай Мнѣ твое сердце“.

7 февраля 1881 г. Сегодня прекрасное солнце. Но я имѣю едва достаточно силы, чтобы замѣчать его. Восхищеніе, радость предполагають хоть нѣкоторое облегченіе. Тяжесть головы утомляетъ шею,

тяжесть жизни удручаетъ сердце; это не эстетическое состояніе . . . Я думалъ о разныхъ вещахъ, которыя надо-бы записать, но самое оригинальное, самое лучшее въ насъ самихъ то, что мы чаще всего теряемъ. Мы откладываемъ на будущее, которое никогда не приходитъ. *Omnia moriatur.*

14 февраля 1881 г. Предполагая, что твои недѣли сочтены, что долженъ ты дѣлать, чтобы быть въ согласіи съ міромъ? Возвратить каждому то, что ему приходится, отдать дань справедливости, благородію, добротѣ, оставить по себѣ добрую память. Попробуй не забыть ничего полезнаго и никого изъ тѣхъ, которые чего-нибудь ожидаютъ отъ тебя.

18 февраля 1881 г. Погода туманная. Ночь провелъ довольно хорошо... Продолжаю, однако, худѣть. Однимъ словомъ, коршунъ даетъ мнѣ отдыхъ, но паритъ надъ своей добычей. Возможность вернуться къ моимъ служебнымъ занятіямъ представляется мнѣ сновидѣніемъ

Не имѣя въ эту минуту впечатлѣній могилы, я чувствую себя навсегда плѣнникомъ, хроническимъ больнымъ. Это колебательное состояніе, которое не есть ни жизнь, ни смерть, имѣетъ свою прелесть, потому что если оно и есть отреченіе, оно позволяетъ мыслить. Это мечтаніе безъ страданій, тихая сосредоточенность. Окруженный привязанностями и кнѣгами, я плыву по теченію времени такъ-же, какъ я скользилъ, бывало, иногда по каналамъ Голландіи, безъ сотрясенія и безъ шума. Мнѣ кажется, что я еще въ *трекиютъ*. Едва слышишь иногда пріятное журчаніе воды, разсѣкаемой бичевой баркой, или звукъ копыта гужевої лошади, которая бѣжитъ по песчаной дорожкѣ. Путешествіе при этихъ условіяхъ имѣетъ нѣчто фантастичное. Не увѣренъ, что еще существуешь и держишься на землѣ. Вспоминаешь объ умершихъ душахъ, о тѣняхъ бѣгущихъ во мракѣ, объ *inopia regna*... Я смотрю, какъ проходятъ мои впечатлѣнія, мои мечты, мои мысли, мои воспоминанія, какъ человѣкъ, который отрекся отъ всего.

22 февраля 1881 г. Типичское движеніе ума мы видимъ въ астрономіи: нѣтъ неподвижности, но и нѣтъ послѣдности; орбиты, циклы, стремительность, но гармонія; движеніе, но порядокъ; все вѣситъ и противовѣситъ; получаетъ и отдаетъ свѣтъ. Эта космическая и божеская дѣятельность не можетъ ли сдѣлаться нашей? *Взаимоподданіе* борьбы всѣхъ противъ всѣхъ есть ли высшій типъ равновѣсія? Мнѣ противно думать такъ. Фаза дикости принята нѣкоторыми теоретиками за послѣднюю форму. Тутъ должна быть ошибка. Справедливость восторжествуетъ, а справедливость не есть эгоизмъ. Незави-

симость и доброта должны провести равнодѣйствующую, которая и будетъ требуемой линіей.

14 марта 1881 г. Меримэ умеръ отъ той же болѣзни, которая и меня мучаетъ. Бронхитъ и астма, откуда индѣя и наконецъ истощеніе. Онъ также испыталъ мышьякъ, зими въ Каинахъ, сжатый воздухъ. Все было бесполезно. Удушеніе и истощеніе убили автора Colomba. Sic tua res agitur... Небо мрачное и сѣраго цвѣта моихъ мыслей. Впрочемъ и неизбѣжное имѣетъ свою прелесть и свое успокоеніе. Блужданія иллюзій, неопредѣленность желаній, скачки, надежды уступаютъ мѣсто тихой покорности. Находишься въ какомъ-то загробномъ положеніи. Кстати на этой недѣлѣ долженъ быть купленъ мой уголокъ могильной земли въ *Оазисъ*. Все подходитъ къ концу, festinat ad eventum.

16 марта 1881 г. — Печальная ночь, утро грустное... Два конька доктора, дигитались и бромъ, оказываются безсильными. Приутствую при своемъ разрушеніи съ усталостью и скукой. Сколько усилій, чтобы помѣшать умереть! Эта самозащита опротивѣла мнѣ.

Безполезная и безпрестанная борьба унижаетъ мужественную природу. Льву противнѣе всего бороться съ мушкаркой. Человѣкъ естественный чувствуетъ то-же. Но человѣкъ духовный долженъ выучиться кротости и долготерпѣнію. Неизбѣжное, это воля Бога. Хотѣлось-бы другого, но надо принять тотъ жребій, который предназначенъ намъ. Впрочемъ, одно только нужно:

Сохрани въ моемъ сердцѣ вѣру въ Твою святую волю
И дѣлай со мной, Боже, все, что Ты хочешь.

19 марта 1881 г. Отвращеніе, уныніе. Сердце разрушается. А между тѣмъ какія нѣжныя заботы, какое участіе окружаетъ меня... Но безъ здоровья къ чему все это? Зачѣмъ все то, что дано мнѣ? Для чего нужны были испытанія Іова? Чтобы созрѣло его терпѣніе, изощрилась его покорность.

Такъ выйдемъ же изъ самихъ себя, страхнемъ это уныніе. Будемъ думать не о томъ, что потеряно, но о всемъ томъ, что могло-бы еще потеряться. Создаемъ наши преимущества. Постараемся быть достойными этихъ милостей.

21 марта 1881 г. Эта жизнь больного слишкомъ эпикуреична. Вотъ ужъ 5 недѣль, какъ я только то и дѣлаю, что выжидаю, ухаживаю за собой, развлекаюсь, и пресыщеніе ужъ тугъ. Мнѣ недостаетъ труда. Трудъ есть приправа существованія. Безъ цѣли, безъ усилія жизнь приторна. Лѣньность приводитъ къ вялости; вялость рождаетъ отвращеніе. Къ тому-же еще весенняя тоска. Эго пора неопредѣлен-

ныхъ желаній, глухихъ недоуманій, безпредметныхъ вздоховъ. Видишь свои наяду. Ищешь чего-то ошущью. Стремись къ тому, что не имѣетъ имени, если только то, къ чему стремишься, не есть счастье или смерть.

28 марта 1881 г. Я не могу работать; мнѣ трудно существовать. Посвятимъ нѣсколько мѣсяцевъ баловству дружбы, потому что и это хорошо; но потомъ? Не лучше-ли уступить мѣсто живучему дѣлательному, производительному?

Хотѣлъ ли бы я еще жить? Не думаю. Я желаю одного—здоровья, не страданія. Но такъ какъ это невозможно, то остальное мнѣ необходимо. Пресыщеніе. Усталость. Отреченіе. „Укротимъ наши сердца терпѣніемъ“.

10 апрѣля 1881 г. (Воскресеніе). — Визитъ къ X... Она перечла мнѣ письма 1844 — 1845 годовъ, писанныя моею рукой. Сколько общаній и какой ничтожный результатъ! Такъ вотъ что мы такое! Я потеряюсь въ пескахъ, какъ Рейнъ, и приближается часъ, когда моя струйка воды исчезнетъ.

Маленькая прогулка при заходящемъ солнцѣ, впечатлѣніе расѣянныхъ лучей и грозovýchъ тучъ. Зеленая дымка обволакиваетъ всѣ деревья.

„И все уже возражается, и уже боярышникъ
Видѣлъ пчелу, прилетавшую на его цвѣтокъ“.

Мнѣ все это уже чуждо.

(Вз тотъ-же день). Какъ обманчивы желанія!.. Судьба сокрушаетъ насъ двоякимъ образомъ: отказывая намъ въ нашихъ желаніяхъ и исполняя ихъ. Но тотъ, кто хочетъ только того, чего хочетъ Богъ, избѣгаетъ обѣихъ бѣдъ. „Все обращается къ его благу“.

15 апрѣля 1881 г. Сегодня страстная седмица, праздникъ скорби. Мнѣ знакомы дни предсмертной тоски и ночи агоніи. Будемъ нести смиренно свой крестъ. У тебя нѣтъ болѣе будущаго. Твоя обязанность привести въ порядокъ настоящее и твои дѣла. Старайся хорошо кончить, потому что тебѣ нечего болѣе предпринимать, нечего и продолжать.

19 апрѣля 1881 г. — Изнеможеніе... Полная слабость плоти и духа...

Какъ трудно жить, о. мое усталое сердце!

молчалъ. Потомъ и схватилъ съ ужаснымъ усиленіемъ ея руку и спросилъ ее:

— Джипевра, обманула-ли ты меня уже?

Она посмотрѣла на меня съ изумленіемъ и отвѣтила:

— Обманула? Что ты хочешь сказать?

Я спросилъ ее:

— Есть-ли у тебя уже любовникъ? Можеть быть... Доберти?

Она еще разъ посмотрѣла на меня, такъ какъ я ужасно дрожалъ всѣми членами.

— Но, что это? ты мнѣ дѣлаешь сцену? Что тебя укусило сегодня? Съ ума ты сошелъ, что-ли?

— Отвѣчай, Джипевра!

И въ то время, какъ я хотѣлъ схватить ея руку, она закричала мнѣ, вырываясь:

— Не надоѣдай мнѣ? Довольно!

Но я, видѣ себя, кипулся на колѣни и удержалъ ее за край ея платья.

— Я прошу тебя, я умоляю тебя, Джипевра! Сжался, сжался немного! Подожди по крайней мѣрѣ рожденья... этого маленькаго существа, моего бѣднаго ребенка!.. Это вѣдь мой ребенокъ, не правда-ли? Подожди его рожденья. Потомъ ты будешь дѣлать все, что захочешь. я буду молчать, я вынесу все. Когда они придутъ, твоя любовники, я уйду. Если ты прикажешь, я буду чистить ихъ сапоги въ другой комнатѣ... Я буду ихъ слугой; я буду твоимъ слугой; я вынесу все. Но подожди, подожди! Дай мнѣ сначала моего сына! Сжался!..

Ничего, ничего. Въ ея взглядѣ было только почти веселое любопытство. Она повторяла, отступая:

— Ты съ ума сошелъ?

Но такъ какъ я не прекращалъ своей мольбы, она повернула мнѣ спину, вышла, заперла за собой дверь, оставивъ меня на колѣняхъ, на полу.

На полу было солнце, а на стулѣ былъ этотъ вѣнокъ. И мои рыданья ничего не измѣняли въ роковомъ порядкѣ вещей...

Но можемъ ли мы измѣнить чтонибудь въ порядкѣ вещей? Какой вѣсь имѣютъ наши слезы? Каждый человекъ есть только *нѣкій человекъ*, съ которымъ *ничто* случается. Вотъ и все и больше ничего нѣтъ. Аминь.

Мы устали, дорогой сеньоръ, я—разсказывать, вы—слушать.

Въ общемъ я немного бредилъ. Я даже можеть быть слишкомъ много бредилъ, такъ какъ—вы хорошо знаете, вѣдь—дѣло не въ этомъ. *Пунктъ* въ другомъ мѣстѣ. Чтобы дойти до *пункта*, нужно пройти

десять лѣтъ: десять лѣтъ, десять вѣковъ страданій, несчастій, мерзостей.

И всетаки средство еще было противъ зла. Ночь, въ которую я услышалъ вопли этой женщины въ родахъ, вопли, которые не имѣли ничего человѣческаго, вопли убиваемаго животнаго, я съ содроганьемъ всего моего существа думалъ:

«О, если-бы она умерла; о, если-бы она умерла, оставивъ мнѣ моего сына живымъ!» Она вопила такъ ужасно, что я думалъ: «Когда такъ вопять—нельзя не умереть!» Да, у меня была эта мысль, была эта надежда. Но она не умерла: она выжила, на погибель моего сына, на мою погибель.

Мой сынъ, это дѣйствительно былъ мой сынъ, сынъ моей крови. На лѣвомъ плечѣ у него былъ тотъ-же особенный значекъ, который я ношу отъ рожденья. Я благословляю Бога за этотъ знакъ, который позволилъ мнѣ узнать моего сына.

А теперь долженъ-ли я вамъ рассказывать наше десятилѣтнее мученье? Долженъ ли я вамъ рассказать? Нѣтъ, это невозможно. Я никогда не окончу. И потомъ, вы, можетъ быть, мнѣ не повѣрили-бы. То, что мы выстрадали, невѣроятно.

Въ немногихъ словахъ вотъ *факты*. Мой домъ сдѣлался нечистымъ мѣстомъ. Иногда у порога моего дома я встрѣчался съ неизвѣстными людьми. И не дошелъ до того, что говорилъ когда-то: я не чистилъ сапогъ въ сосѣдней комнатѣ, но въ моемъ собственномъ домѣ я сдѣлался чѣмъ-то вродѣ низшаго слуги. Даже Баттиста былъ менѣе несчастливъ, чѣмъ я, менѣе униженъ. Всякое униженіе будетъ ничто сравнительно съ моимъ... Слышите вы? Баттиста, несчастный Баттиста могъ пожалѣть меня.

И первые годы, пока Циро ничего не понималъ, это было ничего. Но когда я замѣтилъ, что въ немъ начало просыпаться сознанье, когда я замѣтилъ, что въ этомъ хрупкомъ и нѣжномъ существѣ сознанье развивалось съ необыкновенной быстротой, когда я услышалъ изъ его устъ первый жестокий вопросъ,—о! тогда я почувствовалъ себя потеряннымъ.

Какъ быть? Какъ скрыть отъ него истину? Гдѣ спасенье въ моемъ отчаяніи? Я почувствовалъ себя потеряннымъ.

Его мать совсѣмъ не заботилась объ немъ; она цѣлыми днями забывала его; онъ нуждался въ самомъ необходимомъ. Иногда даже она била его. А я былъ принужденъ покидать его на долгіе часы: я не могъ безпрестанно окружать его моей защитой, моей нѣжностью, я не могъ сдѣлать жизнь его такой пріятной, какъ та, о которой я мечталъ, которую желалъ для него. Бѣдное созданье почти все время проводило въ обществѣ слуги въ кухнѣ.

Я помѣстилъ его въ школу. Утромъ я его отводилъ, послѣ полудня

около пяти часовъ я шолъ за нимъ и потомъ и его больше не покидалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заснулъ. Очень скоро онъ научился читать, писать: онъ шелъ впереди всѣхъ товарищей; онъ дѣлалъ изумительные успѣхи. Въ глазахъ его читался умъ. Когда онъ смотрѣлъ на меня своими большими черными глазами, которые освѣщали ему все лицо, глубокими и задумчивыми глазами, и испытывалъ пѣчто въ родѣ внутренняго безпокойства и долго выдерживать его взгляда я не могъ. О! иногда, по вечерамъ, когда мать была тутъ и когда молчанье ложилось на насъ всей тяжестью,—все мое нѣмое отчаяніе отражалось въ этихъ чистыхъ глазахъ.

Но настоящіе ужасные дни были впереди. Мой стыдъ дѣлался слишкомъ извѣстнымъ, скандалъ слишкомъ явнымъ; *сеньора Епископо* имѣла слишкомъ потерянную репутацію. Съ другой стороны, я пренебрегалъ моею службой въ конторѣ; и часто дѣлалъ ошибки въ бумагахъ; иногда рука у меня такъ дрожала, что я не могъ писать. Мои товарищи и мое начальство считали меня человѣкомъ обезчещеннымъ, униженнымъ, подлымъ, поглупѣвшимъ, оскотинившимся. Мнѣ сдѣлали два или три предостереженья, потомъ меня освободили отъ службы и наконецъ меня уволили во имя поруганной нравственности.

До сихъ поръ я представлялъ изъ себя по крайней мѣрѣ цѣнность моего жалованья. Но съ этого дни я не стѣблъ даже тряпки, не стѣблъ даже шелухи, выброшенной на улицу. Ничто не можетъ передать вамъ всю ту неутомимость, жестокость, съ которой отнынѣ терзали меня моя жена и моя теща. И, всетаки, вѣдь онѣ взяли у меня тѣ нѣсколько тысячъ франковъ, которыя еще оставались у меня; и маклерша открыла на мой счетъ мелочную лавку и эта маленькая торговля давала средства къ жизни всей семьѣ.

На меня глядѣли какъ на дармоѣда и меня поставили на одинъ уровень съ Баттистой. И мнѣ часто случалось теперь находиться ночью за дверью на замкѣ, и мнѣ случалось испытывать голодъ. Я готовъ былъ исполнять всякія обязанности самыя низкія и самыя подлыя, готовъ былъ подвергаться какому угодно утомленью. Я метался съ утра до вечера, чтобы заработать одинъ су: я былъ и переписчикомъ, и разсылнымъ, и суфлеромъ въ опереточной труппѣ, и служителемъ въ конторѣ одной газеты, и приказчикомъ въ брачномъ агентствѣ. Я былъ всѣмъ тѣмъ, что вызвано было случаемъ. Я терся между людьми всякаго рода, я переносилъ всякія обиды, я сгибалъ шею подъ всякими игами.

А теперь скажите мнѣ: развѣ я не стѣблъ отдыха, развѣ я не имѣлъ права немного забыться послѣ безконечныхъ дней подобной работы?

Вечеромъ, какъ только я могъ, какъ только Циро смыкалъ глаза,

и выходилъ изъ дому. Баттиста ждалъ меня на улицѣ и мы шли вмѣстѣ въ кабакъ.

Отдыхъ? Забыть? Кто когда-нибудь понималъ какъ слѣдуетъ выражение: «запить свое горе виномъ?» Ахъ, сеньоръ!.. Если я пилъ, то только потому, что я чувствовалъ въ себѣ вѣчно новую жажду, но вино никогда не дало мнѣ ни одной минуты наслажденья. Мы сѣли другъ противъ друга и у насъ не было охоты разговаривать. Впрочемъ, тамъ никто ничего не говорилъ.

Входили ли вы когда-нибудь въ одинъ изъ такихъ молчаливыхъ кабаковъ? Пьяницы уединяются, у нихъ усталое лицо; они рукой поддерживаютъ свою голову; передъ ними стоитъ вино и ихъ глаза устремлены на стаканъ, но можетъ быть они его и не видятъ? Вино ли это? Кровь ли это? Да, сеньоръ, это и то, и другое.

Баттиста почти совершенно ослѣпъ. Однажды ночью, когда мы вмѣстѣ медленно возвращались домой, онъ остановился подъ газовымъ рожкомъ и сказалъ мнѣ, ощупывая себѣ животъ:

— Видишь, какъ онъ распухъ?

Потомъ онъ взялъ меня за руку, чтобы и я пощупалъ опухоль, и прибавилъ голосомъ, прерывающимся отъ страха:

— Что это можетъ быть?

Нѣсколько недѣль уже онъ былъ въ этомъ состояннн и еще никому не рассказалъ о своей болѣзни. Черезъ нѣсколько дней я повелъ его въ госпиталь къ доктору. Оказалось, что у него ракъ, или скорѣе нѣсколько раковъ, которые быстро росли. Можно было сдѣлать операцію; но Баттиста не согласился на это, хотя онъ совершенно не примирялся съ мыслью о смерти.

Его болѣзнь протянулась еще одинъ — два мѣсяца; онъ принужденъ былъ слечь, и уже больше не подымался.

Какая медленная, какая ужасная смерть! Маклерша отвела ему нѣчто въ родѣ чулана, темнаго и душливаго, въ сторонѣ, чтобы не слышать его стонувъ. Я навѣщалъ его каждый день и Циро хотѣлъ меня сопровождать, хотѣлъ помогать мнѣ... Ахъ! еслибы вы видали его, этого бѣднаго ребенка! Какой онъ былъ смѣлый, когда исполнялъ доброе дѣло рядомъ съ отцомъ своимъ!

Чтобы яснѣе разглядѣть, что дѣлалось въ этомъ чуланѣ, я зажигалъ огарокъ свѣчи и Циро свѣтилъ мнѣ. И мы открывали это громадное тѣло, безформенное и стонущее, которое не хотѣло умирать. Нѣтъ, это не былъ больной человѣкъ; это былъ скорѣе—какъ сказать? это былъ скорѣе... У меня нѣтъ словъ... Эта была воплощенная болѣзнь, нѣчто сверхъестественное, чудовищное существо, живущее своей собственной жизнью и которому даны были двѣ жалкія человѣческія руки и двѣ жалкія человѣческія ноги, съ маленькой исхудалой голо-

вой, красной, отвратительной. Какое отвращенье! Какое отвращенье!— И Циро свѣтилъ мнѣ; и въ эту натянутую кожу, блестящую какъ желтоватый мраморъ, я впрыскивалъ морфій изъ заржавленной спринцовки.

Но, довольно, довольно! Упокой Господи душу его! Теперь дѣло въ томъ, чтобы дойти *до пункта* и больше не бредить.

Фатализмъ!... Прошло десять лѣтъ! Десять лѣтъ отчаянной жизни, десять вѣковъ, проведенныхъ въ аду. И однажды вечеромъ, за столомъ, въ присутствіи Циро, Джиневра сказала мнѣ внезапно:

— Знаешь, Ванцеръ возвратился.

Я не поблѣднѣлъ, это я зналъ навѣрно, т. е., видите-ли, уже давно лицо мое приняло неизмѣнный цвѣтъ, который не измѣнится даже послѣ моей смерти, и съ которымъ я уйду туда, подъ землю. Но я помню, что мой онѣмѣвшій языкъ не могъ произнести ни слова.

Она пристально глядѣла на меня тѣмъ пронизательнымъ, острымъ взглядомъ, который внушалъ мнѣ всегда чувство, похожее на то, которое испытываетъ трусъ при видѣ остраго оружія. Я замѣтилъ, что она смотритъ на мой лобъ, на мой рубецъ, и на лицѣ ея игралъ улыбка, приводящая въ отчаяніе, невыносимая. Указывая на шрамъ и желая сдѣлать мнѣ больно, она сказала мнѣ:

— Ты значитъ забылъ этого Ванцера? А вѣдь всетаки онъ оставилъ на твоемъ лбу хорошую память!

Тогда глаза Циро обратились, въ свою очередь, на мой рубецъ, и я прочелъ въ его глазахъ все тѣ вопросы, которые онъ хотѣлъ бы сказать мнѣ:

— Какъ? развѣ ты мнѣ когда-то не рассказывалъ, что ты ранилъ себя во время паденья? Почему эта ложь? И что за человѣкъ оставилъ тебѣ эту рану?

Но онъ опустилъ голову и молчалъ.

Джиневра продолжала:

— Я встрѣтила его сегодня утромъ. Онъ меня сейчасъ же узналъ. Я сначала его не узнала, потому что онъ отростилъ себѣ бороду. Онъ ничего не зналъ о насъ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже нѣсколько дней ищетъ тебя. Онъ хочетъ повидать тебя, своего милаго друга! Безъ сомнѣнья, онъ разбогатѣлъ въ Америкѣ, по крайвей мѣрѣ, судя по его виду...

Говоря это, она продолжала смотрѣть на меня и улыбаться своей загадочной улыбкой. Время отъ времени Циро бросалъ на меня взглядъ; и я чувствовалъ, что онъ чувствовалъ, какъ я страдалъ.

Послѣ минуты молчанья, Джиневра прибавила:

— Онъ придетъ сюда сегодня вечеромъ, можетъ быть сейчасъ же. На дворѣ дождь лилъ ливнемъ. И мнѣ казалось, что этотъ одно-

образный и непрерывный шумъ происходилъ не на дворѣ, а во мнѣ самомъ, какъ будто я проглотилъ сильный пріемъ хинина. И вдругъ я потерялъ сознание дѣйствительности, я почувствовалъ себя окруженнымъ атмосферой одиночества, о которой я уже говорилъ вамъ, у меня снова явилось ясное впечатлѣніе. что *настоящее событіе и будущее событіе*—все это уже было когда-то. Понимаете ли вы меня? Мнѣ казалось, что я присутствую при неизбежномъ повтореніи серіи уже бывшихъ фактовъ. Было ли *ново* то, что говорила Джиневра? Былъ ли *новъ* этотъ страхъ ожиданья? Было ли *ново* то недоуманье, которое я чувствовалъ отъ одного взгляда моего сына, вѣроятно совершенно произвольно слишкомъ часто оборачивавшагося ко мнѣ, глядѣвшаго на мой лобъ, на этотъ проклятый рубецъ. Нѣтъ, *ничто изъ всего этого не было новымъ!*

Мы всѣ трое сидѣли вокругъ стола и молчали. Лицо Циро выражало безпокойство. Это молчанье заключало въ себѣ нѣчто необыкновенное; все это имѣло очень глубокое значеніе, въ которое темная моя душа не могла проникнуть.

Вдругъ позвонили.

Взгляды мой и сына моего встрѣтились. Джиневра сказала:

— Это Ванперъ. Пойди же отворить.

Я повиновался. Мои члены двигались, но безъ моей воли.

Ванперъ вошелъ.

Нужно ли вамъ описывать сцену, повторять его слова? Но во всемъ, что онъ сказалъ, во всемъ, что онъ сдѣлалъ, во всемъ, что мы говорили и дѣлали,—не было ничего удивительнаго. Два старыхъ друга свидѣлись, обнялись, обмѣнялись обычными вопросами и отвѣтами. Вотъ и все, судя по вѣщности.

На немъ былъ большой непромокаемый плащъ съ капюшономъ, весь смокшій и блестящій отъ дождя. Онъ казался выше, толще, властнѣе. На пальцахъ у него было три-четыре кольца, въ галстухѣ булавка, на жилетѣ висѣла золотая цѣпочка. Онъ говорилъ не стѣсняясь, какъ человѣкъ, увѣренный въ самомъ себѣ. Неужели это былъ воръ, возвратившійся на родину подъ прикрытьемъ?

Между прочимъ, оглядывая меня, онъ сказалъ:

— Ты очень постарѣлъ. Сеньора Джиневра, наоборотъ, свѣжѣе, чѣмъ когда бы то ни было...

И онъ окинулъ взглядомъ Джиневру, немного прищуриваясь и чувственно улыбаясь. Онъ уже желалъ обладать ею и былъ увѣренъ, что достигнетъ этого.

— Скажи откровенно, прибавилъ онъ,—не правда ли, это я устроилъ твою свадьбу? Положительно это я. Помнишь? Ха, ха, ха! Помнишь?

Онъ принялся смѣяться; Джиневра также смѣялась; и я тоже по-

пробоваль смѣяться. Я, какъ кажется, окончательно принялъ на себя роль Баттисты. Бѣдный Баттиста (упокой Господи его душу!) оставилъ мнѣ въ наслѣдство свой конвульсивный и пелѣный смѣхъ. Упокой Господи его душу.

Между тѣмъ Циро безирестанно взглядывалъ то на свою мать, то на меня. И когда его взглядъ обращался къ Ванцеру, онъ дѣлался такъ жестокимъ, какимъ я его никогда не видалъ.

— Этотъ ребенокъ очень похожъ на тебя,—продолжалъ тотъ.—Онъ похожъ на тебя больше, чѣмъ на свою мать.

И онъ протянулъ руку, чтобы погладить его по головѣ. Но Циро прыгнулъ такъ внезапно въ сторону, чтобы избѣжать этой руки, что Ванцеръ остался въ недоумѣніи.

— Вотъ тебѣ!—закричала мать.—Вотъ тебѣ, невѣжа!

И она дала ему звонкую пощечину.

— Уведи его, живо, уведи его! — приказала она блѣдная отъ ярости.

Я всталъ и послѣдовалъ этому приказанью. Циро не подымалъ головы, но не плакалъ. Я едва, едва могъ слышать, что его стиснутые зубы скрежетали.

Когда мы пришли въ пашу комнату, я самымъ нѣжнымъ движеніемъ приподнял его голову и увидалъ на его бѣдной худенькой щечкѣ отпечатокъ пальцевъ, красное пятно отъ удара. Слезы затуманили мои глаза.

— Тебѣ больно? Скажи, тебѣ очень больно? Циро, Циро, отвѣчай мнѣ!.. Тебѣ очень больно?—спрашивалъ я его съ отчаянной нѣжностью, нагибаясь надъ этимъ бѣднымъ оскорбленнымъ личикомъ, которое мнѣ хотѣлось бы смочить не слезами моими, а какой-нибудь самой надрагоцѣннѣйшей цѣлительной мазью

Онъ не отвѣчалъ; онъ не плакалъ. Никогда, никогда не видалъ я у него такого жесткаго, враждебнаго, почти дикаго выраженія: сдвинутый лобъ, угрожающія губы, смертельно блѣдное лицо.

— Циро, Циро, отвѣчай мнѣ, дитя мое!..

Онъ не отвѣчалъ. Онъ отодвинулся отъ меня, приблизился къ кровати и молча сталъ раздѣваться. Я сталъ помогать ему, почти съ смущеніемъ, почти умоляющій; и мнѣ казалось, что я умираю при мысли о томъ, что онъ и противъ меня имѣлъ что-нибудь. Я опустился передъ нимъ на колѣни, чтобы развязать его ботинки и долго стоялъ въ такомъ положеніи, растянувшись на полу у ногъ его, повергая къ ногамъ его свое сердце, тяжелое какъ свинецъ, которое, казалось, я никогда не смогу поднять.

— Папа, папа!—закричалъ онъ внезапно и схватилъ меня за голову.

И на губахъ у него остановился тотъ ужасающій вопросъ.

— Но говори-же, говори!—умолялъ я, все еще стоя на колѣняхъ.

Онъ остановился, ничего больше не сказалъ, взобрался на свою кровать, скользнулъ подъ одѣяло и зарылся въ подушку. Минуту спустя онъ сталъ стучать зубами, какъ онъ дѣлалъ это по утрамъ, когда бывало холодно. Мои ласки не успокоивали его, мои слова не утѣшали.

Ахъ! сеньоръ, тотъ кто испыталъ то, что я испыталъ въ эту минуту,—достойнъ попасть въ рай.

Развѣ только одинъ часъ прошелъ? Наконецъ мнѣ показалось, что Циро успокоивается. Онъ закрылъ глаза, какъ будто хотѣлъ спать, его лицо понемногу приняло спокойное выраженіе, онъ пересталъ дрожать. Я остался у постели неподвижный.

На дворѣ дождь продолжалъ идти. Время отъ времени болѣе сильный порывъ вѣтра сотрясалъ стекла, и Циро открывалъ глаза, потомъ снова закрывалъ ихъ.

Каждый разъ я повторялъ ему:

— Спи, спи! Я тутъ. Спи, дорогой мой! Но мнѣ было страшно. Я не въ силахъ былъ удержаться отъ страха. Вокругъ меня, на мнѣ, повсюду я чувствовалъ ужасную угрозу. И каждый разъ я повторялъ:

— Спи, спи!

Вдругъ надъ нашими головами раздался пронзительный рѣзкій крикъ. И Циро сразу выпрямился на своей кровати, схватилъ меня за руку, дрожащій, задыхающійся.

— Папа, папа, ты слышалъ?

И мы оба, прижавшись другъ къ другу, придавленные одинаковымъ ужасомъ, мы прислушивались, мы ждали. Другой крикъ, еще болѣе продолжительный, какъ крикъ убиваемого человѣка, дошелъ до нашего слуха черезъ потолокъ; и еще крикъ, опять болѣе продолжительный, еще болѣе раздираемый, крикъ, который я узналъ, который я уже слышалъ въ одну теперъ уже отдаленную ночь...

— Успокойся, успокойся. Не бойся. Это какая-нибудь женщина рождаетъ, тамъ наверху, знаешь, сеньора Бедети... Успокойся, Циро, это ничего.

Но вопли продолжались, проходили черезъ стѣну, оглушали насъ, все болѣе и болѣе животные. Это было похоже на агонію животнаго, плохо заколотога мясникомъ. Мнѣ показалась даже, что я вижу кровь.

Тогда, инстинктивно, мы оба заткнули себѣ уши руками, ожидая конца этой агоніи.

Вопли прекратились; дождь снова пошелъ. Циро закутался въ свое одѣяло и опять закрылъ глаза. Я повторялъ:

— Спи, спи. Я не двинусь.

Прошло вѣкоторое время, но сколько именно я не съумѣю опредѣлить. Я находился во власти моей судьбы, какъ побѣжденный находится

во власти безжалостнаго побѣдителя. Отнынѣ я потерялъ, безнадежно потерялъ.

— Иди, Джіовани, Ванцеръ уходитъ!

Голосъ Джиневры! Я подскочилъ. Я замѣтилъ, что Циро также вздрогнулъ, но не открылъ глазъ. Значить онъ не спалъ?

Прежде чѣмъ послушаться, я остановился. Джиневра открыла дверь въ комнату и повторила:

— Иди, Ванцеръ уходитъ.

Я всталъ. Я вышелъ изъ комнаты, потихоньку, съ надеждой, что Циро не замѣтитъ моего ухода.

Когда я увидалъ этого человѣка, я ясно прочелъ на его лицѣ впечатлѣніе, которое я произвелъ на него. Я показался ему умирающимъ, котораго сверхъестественная сила держитъ еще на ногахъ. Но онъ не скалился надо мной.

Онъ смотрѣлъ на меня, онъ попрежнему говорилъ со мной. Это былъ господинъ, снова обрѣтшій своего раба. Я подумалъ: «что они дѣлали, въ чемъ они *говаривались?*» Я замѣтилъ перемѣну въ одномъ и въ другомъ. Голосъ Джиневры, когда она обращалась къ нему, имѣлъ другой звукъ. Когда глаза Джиневры останавливались на немъ, они покрывались какимъ то туманомъ, тѣмъ туманомъ...

— Идетъ сильный дождь, сказала она, ты долженъ былъ-бы пойти взять извозчика.

Вы понимаете? Она мнѣ отдавала приказанія. Ванцеръ не протестовалъ. Ему казалось совершенно естественнымъ, что я пойду позвать для него извозчика. Не возвратился-ли онъ для того, чтобы взять меня снова на свою службу? — А я едва-едва держался на ногахъ. И, конечно, они оба хорошо видѣли, что мнѣ трудно держаться на ногахъ.

Непонятная жестокость. Но что дѣлать? Отказать? Выбрать именно эту минуту, чтобъ возмутиться? Я могъ бы сказать: «Я чувствую себя большимъ». Но я замолчалъ, взялъ шляпу, зонтикъ и вышелъ.

Газовые рожки на лѣстницѣ были уже потушены. Но въ полумракѣ мнѣ видѣлось масса блескокъ; и въ моемъ мозгу слѣдовали одна за другой съ быстротою молніи, странныя, нелѣпныя, перазумныя мысли. Я одну минуту остановился на площадкѣ, потому что въ полумракѣ я чувствовалъ приближеніе умопомѣшательства. Но вичего не случилось. Я ясно услыхалъ смѣхъ Джиневры; я услыхалъ и шумъ, который производили верхвіе жильцы. Я зажегъ спичку, я сошелъ.

Въ ту минуту, когда я выходилъ на улицу, мнѣ послышался голосъ Циро, который звалъ меня. Какъ смѣхъ и шумъ наверху, такъ и голосъ Циро показался мнѣ *дѣйствительнымъ*.

Я возвратился назадъ, и быстро съ непонятной легкостью вошелъ на лѣстницу.

— Уже возвратился? вскрикнула Джиневра, когда я появился.

Я такъ задыхался, что не могъ говорить. Я съ отчаяніемъ пробормоталъ:

— Невозможно... я долженъ пойти въ свою комнату, я чувствую себя больнымъ.

Я побѣжалъ къ моему сыну.

— Ты звалъ меня?—спросилъ я его, открывая дверь.

Онъ сидѣлъ на своей кровати и, казалось, прислушивался къ чему-то. Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не звалъ тебя.

Но я думаю, что онъ сказалъ неправду.

— Можетъ быть ты меня звалъ во снѣ? Ты не спалъ?

— Нѣтъ, я не спалъ.

Онъ глядѣлъ на меня безпокойный, подозрительный.

— Но что съ тобой самимъ?—спросилъ онъ меня въ свою очередь,—почему ты такъ запыхался? Что ты дѣлалъ?

— Успокойся, Циро!—умолялъ я, избѣгая отвѣта и покрывая его ласками.—Я рядомъ съ тобой; я больше не уйду, спи теперь, спи.

Онъ снова упалъ на подушки и вздохнулъ. Потомъ, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, онъ закрылъ глаза и сдѣлалъ видъ будто спитъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ ихъ опять открылъ, пристально сталъ смотрѣть на меня и съ непередаваемой интонаціей сказалъ:

— *Онъ еще не ушелъ.*

Съ этой ночи предчувствіе чего-го трагическаго не покидало меня. Это было нѣчто вродѣ смутнаго ужаса, ожиданья чего-то таинственнаго что отождествлялось со всѣмъ существомъ моимъ, съ тѣмъ уголкомъ души моей, въ который свѣтъ сознанія не могъ проникнуть. Между всѣми тѣми пропастями, которыя я открылъ въ себѣ, это была для меня самая ужасная. Я безпрестанно думалъ о ней, я изслѣдовалъ глубину ея. Съ безумнымъ ужасомъ, съ надеждой, что внезапная молнія освѣтитъ ее, и что тогда я извѣдую ее всю. Иногда мнѣ казалось, что мало-по-малу *неизвѣстное* приближается, что оно переходитъ уже въ область сознанья, что оно прикасается къ нему, потомъ, вдругъ, это неизвѣстное падаетъ въ какую-то пропасть и снова затемняется, оставляя меня въ смущеніи, еще не испытанномъ мною раньше. Понимаете-ли вы меня? Чтобы понять меня, представьте себѣ, сенъоръ, представьте себѣ, что вы стоите на краю колодца, глубину котораго вы не можете измѣрить. Этотъ колодець освѣщенъ до извѣстнаго предѣла; но вы знаете, что глубже, во мракѣ скрывается нѣчто неизвѣстное и ужасное. Вы не видите этого нѣчто, но вы чувствуете, что оно неясно двигается. И мало-по-малу это нѣчто подымается, оно достигаетъ границы сумерекъ, гдѣ вы еще не можете различить его. Еще немного, еще немного и вы уви-

дите это пѣчто. Но оно останавливается, отодвигается, скрывается и оставляетъ васъ испуганнымъ, обмапутымъ, уничтоженнымъ.

Нѣтъ, пѣтъ... Это ребячество, это ребячество... Вы не можете понять.

Факты, вотъ они. Спусти нѣсколько дней Ванцеръ занялъ мою комнату, поселился въ моемъ помѣщеніи, какъ жилецъ... Поэтому я продолжалъ быть его рабомъ, продолжалъ дрожать. Нужно-ли, чтобы я вамъ разсказывалъ послѣдовательно всѣ факты? Нужно-ли ихъ, нужно объяснить вамъ? Кажется-ли вамъ что-нибудь страннымъ? Долженъ-ли я вамъ также разсказать страданія Циро, его пѣмое и скрытое бѣшенство, его горькія слова, которымъ я кажется предпочелъ-бы какой угодно ядъ, его крики, его рыданія, которыя неожиданно раздавались ночью и подымали дыбомъ волосы на моей головѣ, ужасающая неподвижность мертвеца, съ которой онъ лежалъ на кровати и слезы его, слезы, которыя иногда капали безпричинно одна за другой изъ совершенно ясныхъ и широко открытыхъ, даже не красныхъ глазъ... Ахъ! сеньоръ, нужно было видѣть, какъ плачетъ этотъ ребенокъ, чтобы знать, *какъ душа плачетъ*.

Мы заслужили небо. О! Господи, Господи! развѣ мы не заслужили неба?..

Благодарю, сеньоръ, благодарю. Я могу продолжать. Позвольте мнѣ продолжать. Иначе, я никогда не доберусь до конца.

Вы знаете, мы къ нему приближаемся. Мы къ нему приближаемся; мы почти кончили. Какое сегодня число? 26-ое іюля? И такъ, это случилось 9 іюля, 9 этого мѣсяца. Можно подумать, что прошелъ цѣлый вѣкъ; можно подумать, что все это было вчера.

Я находился за прилавкомъ въ аптекарскомъ магазинѣ и работалъ надъ счетомъ, усталый, искусанный мухами, одурманенный запахомъ лекарствъ. Было около трехъ часовъ дня. Я часто прерывалъ свою работу, чтобы думать о Циро, который вотъ уже нѣсколько дней чувствовалъ себя хуже, чѣмъ обыкновенно. Я представлялъ себѣ мысленно его похудѣвшее отъ страданій лицо, желтое какъ воскъ.

Отмѣтите, сеньоръ, одно обстоятельство. Въ одну изъ форточекъ надъ головой моей, вырубленной въ стѣнѣ и къ которой я сидѣлъ спиной, *свѣтило солнце*.

Отмѣтите, сеньоръ, еще и другія обстоятельства. Приказчикъ, полный юноша, спалъ на мѣшкахъ и тысячи мухъ жужжали вокругъ него и сядили на него, какъ на падалъ. Хозяинъ вошелъ и направился къ углу, въ которомъ стоялъ тазикъ. У него шла кровь носомъ и такъ какъ онъ шелъ нагнувшись, чтобы не запачкать свою рубашку, то кровь капала на землю.

Прошло нѣсколько минутъ полного молчавья; казалось, что жизнь по-

всюду прекратилась. Покупатели не приходили; экипажи не проѣзжали; приказчикъ пересталъ хралѣть.

Вдругъ я услыхалъ голосъ Циро:

— Гдѣ папа?

И я увидѣлъ его въ этой низкой комнатѣ, наполненной мѣшками, бочками, кучами мыла. увидѣлъ я его такого тонкаго, почти прозрачнаго, похожаго на привидѣнье. Онъ появился передо мной, какъ галлюцинація. Его лобъ былъ въ поту, его губы дрожали, но мнѣ казалось, что онъ былъ оживленъ какой-то дикой энергіей.

— Ты здѣсь, въ этотъ часъ?— вскрикнулъ я, что случилось?

— Иди, папа, иди!

— Но, что же случилось?

— Иди, иди со мной.

У него былъ глухой, но рѣшительный голосъ.

Я покинулъ все, говоря:

— Я возвращусь сейчасъ же.

И я вышелъ съ нимъ, смущенный, качаясь на дрожащихъ ногахъ своихъ.

Мы шли по улицѣ Тритона. Мы шли къ площади Барбарите, представляющей изъ себя настоящее огненное пустынное озеро, раскаленное до бѣла. Была ли она пустынна? Я не знаю; но я видѣлъ только огонь. Циро схватилъ меня за руку.

— Ну что же? ты молчишь? Что случилось? спросилъ я въ третій разъ, не смотря на свой страхъ услышать то, что онъ имѣлъ мнѣ сказать.

— Иди, иди со мной. Ванцеръ побилъ ее... онъ побилъ ее...

Бѣшенство сдавливало ему голосъ. Онъ, казалось, не въ силахъ былъ сказать еще что-нибудь. Онъ ускорялъ шагъ, онъ тянулъ меня за собой.

— Я видѣлъ это, видѣлъ своими глазами, продолжалъ онъ.— Изъ моей комнаты, я слыхалъ какъ они кричали, я слыхалъ слова... Ванцеръ ругалъ ее, называлъ ее всякими именами... О! всякими словами... Ты понимаешь? И я видѣлъ его, когда онъ бросился на нее, съ поднятыми кулаками, онъ кричалъ: «Получай, получай, получай!». По лицу, по груди, по плечамъ, повсюду, и такъ сильно, такъ сильно!.. «Получай, получай!» и онъ называлъ ее всякими названіями... О! ты знаешь хорошо какими!..

Неузнаваемъ былъ этотъ голосъ, охрипшій, жесткій, пронзительный, прерываемый такими неистовыми взрывами ненависти, что я съ ужасомъ думалъ: «Но онъ упадетъ сейчасъ! Но отъ бѣшенства онъ упадетъ на мостовую!»

Онъ не упалъ; онъ все ускорялъ свой шагъ, онъ тянулъ меня по этому палящему солнцу.

— Ты думаешь, что я спрятался? Ты думаешь, что я остался въ своемъ углу? Ты думаешь, что мнѣ было страшно? Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ не было страшно. Я пошелъ на него, я сталъ кричать на него, я схватилъ его за ноги, я укусилъ его руку... У меня не хватило силы сдѣлать что-нибудь другое.. Онъ опрокинулъ меня на землю, потомъ онъ снова кинулся на маму, онъ схватилъ ее за волосы... О подлый, подлый!

Онъ долженъ былъ остановиться, такъ какъ бѣшенство сдавило ему горло.

— Подлый! Онъ схватилъ ее за волосы, онъ потащилъ ее къ окну... Онъ хотѣлъ сбросить ее внизъ... Наконецъ, онъ выпустилъ ее: «Я ужо; а то я убилъ бы тебя». Это его собственныя слова. И онъ ушелъ, онъ скрылся изъ дома... Ахъ! если бы у меня былъ ножикъ!

Онъ опять долженъ былъ прервать. Мы были въ улицѣ Санъ-Базильо, пустынной въ эту минуту. Изъ страха, что онъ упадетъ, изъ страха, что я упаду самъ, я умолялъ его:

— Остановись, остановись одну минуту, Циро! Остановимся на одну минуту здѣсь... въ тѣни. Я не въ силахъ больше.

— Нѣтъ, нужно идти скорѣе, нужно прийти во время... Вдругъ Ванцеръ возвратится, чтобы убить ее?... Она боялась—мама; она боялась, что онъ возвратится и убьетъ ее. Я слышалъ, какъ она говорила Маріи взять чемоданъ и сложить туда ея вещи, чтобы уѣхать изъ Рима сейчасъ же... чтобы поѣхать кажется въ Тиволи... къ тетѣ Амаліи. Нужно придти во время. Ты отпустишь ее?

Онъ остановился, но только для того, чтобы посмотреть на меня и выслушать мой отвѣтъ. Я пробормоталъ:

— Нѣтъ... нѣтъ...

— А *его* ты вступишь въ домъ? Ты скажешь *ему*, неправда ли?

Я пробормоталъ:

— Нѣтъ... нѣтъ...

И мы снова продолжали нашъ путь подъ жгучимъ солнцемъ, по пустыннымъ землямъ виллы Людовиста, между срубленными деревьями. кучами кирпича, ямами съ известью, которая ослѣняла и притягивала меня. Скорѣе... скорѣе умереть, сгорѣть живымъ въ одной изъ этихъ ямъ, чѣмъ идти на встрѣчу неизвѣстному событію. Но Циро снова схватилъ меня за руку и слѣпо тянулъ меня къ судьбѣ.

Мы пришли, мы вошли наверхъ.

— У тебя ключъ? спросилъ Циро.

Онъ былъ у меня. Я открылъ дверь. Циро вошелъ первый; онъ позвалъ:

— Мама, мама!

Отвѣта не было.

— Марія!

Отвѣта не было. Домъ былъ пустъ, полноя свѣта и подозрительной тишины.

— Уже уѣхала!—сказаль Циро.— *Что ты сдѣлаешь?*

Онъ вошелъ въ столовую. Онъ сказалъ:

— Вотъ то мѣсто!

Тамъ лежалъ опрокинутый стулъ. Я увидѣлъ на полу согнутую булавку и красный бантъ. Циро, взглядъ котораго слѣдилъ за моимъ взглядомъ, нагнулся, поднялъ нѣсколько очень длинныхъ волосъ и протянулъ мнѣ ихъ:

— Видишь?

Пальцы и губы у него дрожали; но его энергія уже упала; его силы ослабѣли. Я видѣлъ какъ онъ зашатался и потомъ упалъ въ обморокъ ко мнѣ на руку. Я позвалъ его:

— Циро, Циро, милый сынъ мой!

Онъ не двигался. Я не знаю, что сдѣлалъ я, чтобы преодолѣть слабость, которая также овладѣвала и мной.

Мнѣ пришла мысль! «Вдругъ, если въ эту минуту войдетъ Ван-церъ?» Я не знаю, что сдѣлалъ-бы я, чтобы поддержать это бѣдное существо, чтобы донести его до кровати.

Сознанье возвратилось къ нему. Я сказалъ ему:

— Тебѣ нужно отдохнуть. Хочешь, я раздѣну тебя? У тебя лихорадка. Я позову доктора. Хочешь я тебя раздѣну потихоньку? Хочешь?

Я произносилъ эти слова, я выполнялъ эти дѣйствія, какъ будто ничто больше не должно было случиться, какъ будто мелочи повседневной жизни, заботы, которыми я окружалъ моего ребенка, должны были въ этотъ день быть моимъ единственнымъ дѣломъ. Но я почувствовалъ, я зналъ, я былъ увѣренъ, что все будетъ иначе, что оно не можетъ быть иначе; но мысль, одна единственная мысль терзала мой мозгъ; ожиданье, ужасное ожиданье дѣйствительно терзало мои внутренности. Ужасъ, впродолженіи долгихъ лѣтъ бывший во всемъ существѣ моемъ, теперь распространялся по всему моему тѣлу, оживлялъ мои волосы отъ самыхъ корней до конца.

Я повторялъ:

— Позволь, я тебя раздѣну и положу въ кровать.

Онъ возразилъ мнѣ:

— Нѣтъ, я хочу остаться одѣтымъ.

Ни новая гипнозія, ни странность словъ, которыя были, тѣмъ не менѣе, очень серьезны. не прервали во мнѣ безконечное повторенье этого простого и страшнаго вопроса: «какъ ты поступишь?»

«Какъ ты поступишь? Какъ ты поступишь?»

Для меня всякое дѣйствіе было непонятно. Я не въ силахъ былъ остановиться на какомъ-нибудь проектѣ, измыслить какой-нибудь

конецъ, придумать нападеніе или защиту. Время проходило; ничего не происходило. Я долженъ былъ бы пойти за докторомъ для Циро. Но согласился бы Циро отпустить меня? Положимъ, что онъ согласился бы, но тогда онъ остался бы одинъ. И потомъ я могъ бы встрѣтить на лѣстницѣ Ванцера. И *тогда*? Или Ванцеръ въ моемъ отсутствіи вошелъ бы. И *тогда*?

Слѣдя приказаньямъ Циро, я долженъ былъ сказать ему, долженъ былъ сдѣлать ему что-нибудь. Вотъ! и вѣдь имѣлъ возможность запереть на запоръ дверь изнутри и Ванцеръ не могъ бы открыть ее ключемъ. Но онъ позвонилъ бы, онъ стучалъ бы, онъ шумѣлъ бы отчаянно. И *тогда*?

Мы ждали.

Циро лежалъ на своей кровати. Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и держалъ одну изъ его рукъ, и щупалъ ему пульсъ, который ускорился съ необычайной быстротой.

Мы ничего не говорили. Намъ слышались тысячи звуковъ, но это было только пульсированіе нашей крови. Въ окно виднѣлось синевя неба, ласточки летали, разрѣзая воздухъ, какъ будто хотѣли влетѣть; казалось, чье-то дыханіе вздымало запавѣси, солнце точно отражало стекла окна, и тѣнь ласточекъ минутами появлялась на этомъ отраженіи. Но для меня все это не было дѣйствительнымъ, все было видимость. Даже мой ужасъ казался мнѣ фантастичнымъ. Сколько протекло времени?

Циро сказалъ:

— Я такъ хочу пить! Дай мнѣ немного воды.

Я всталъ, чтобы дать ему напитокъ. Но на столѣ графинъ былъ пустъ. Я взялъ его и сказалъ:

— Я пойду въ кухню наполнить его!

Я вышелъ изъ комнаты, пошелъ въ кухню и подставилъ графинъ подъ кранъ.

Кухня была смежная съ передней. Мое ухо ясно услышало звукъ ключа, который повернулся въ замкѣ. Я остался пораженный, въ *полнѣйшей невозможности сдѣлать движеніе*. Потомъ я услышалъ, какъ открыли дверь и я узвалъ шагъ Ванцера.

Онъ позвалъ:

— Джиневра!

Молчанье.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и позвалъ еще:

— Джиневра!

Молчанье.

Новые шаги. Очевидно, онъ искалъ ее по комнатамъ. *Полнѣйшая невозможность двигаться*.

Вдругъ сынъ мой закричалъ, закричалъ дико и этотъ крикъ сразу развязалъ мнѣ члены. Мои глаза обратились къ длинному ножу, который блестѣлъ на буфетѣ и рука моя сейчасъ же схватила его. И необыкновенная сила овладѣла рукой моей; я почувствовалъ себя перепесеннымъ какимъ-то порывомъ на порогъ комнаты моего сына и я увидѣлъ моего сына, судорожно охватившаго тѣло Ванцера съ звѣрскимъ остервененіемъ, и я увидѣлъ руки Ванцера на моемъ сынѣ...

Два, три, четыре раза погрузилъ я ножъ до самой рукоятки въ шею его...

Ахъ! сеньоръ! жальтесь, не покидайте меня, не оставляйте меня одного! Я умру сегодня. Я обѣщаю вамъ, что умру. Тогда вы уйдете; вы закроете мнѣ глаза и вы уйдете. Но нѣтъ, я даже и этого не прошу у васъ: передъ смертью я самъ закрою глаза. . Посмотрите на мою руку. Она прикасалась къ вѣкамъ этого человѣка и потому она пожелтѣла... Эти вѣки, я хотѣлъ ихъ опустить, потому что Циро каждую минуту подымался на своей постелѣ и кричалъ:

— Папа, папа, *онъ смотритъ на меня!*

Какъ могъ онъ смотрѣть на него, вѣдь онъ былъ закрытъ? Не значить-ли это, что мертвые смотрять сквозь покрывало? И лѣвое вѣко противилось, холодное, холодное...

Сколько крови! Возможно-ли, чтобы въ человѣкѣ было море крови? Вѣдь жилы едва видны; овѣ такъ тонки, что ихъ едва-едва замѣтно. И всетаки... я не зналъ, куда поставить ногу, мои сапоги намокли какъ двѣ губки—какъ это странно—хе! какъ двѣ губки.

У одного такъ много крови; а у другого ни капли... Лилія... О Боже мой! Лилія! Значить, есть еще на свѣтѣ бѣлыя вещи? Лили! лили! Но посмотрите, посмотрите, сеньоръ!.. Что со мной? Что за облегченіе испытываю я? Сегодня передъ вечеромъ. О! передъ вечеромъ!.. Ласточка влетѣла... Впустите... впустите ласточку.

Н. Арабажина.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ВОЛГА и ВОЛГАРИ.

VIII.

Балахнинскій уѣздъ.—Катунки.—Кошатники.—Катунское парфюе.—Василева слобода.—Городецъ.—Раскольникъ.—Городецкіе промыслы.—Балахна.—Соляные источники и Вердеревскій.—Кружевницы.—Рагозинскій заводъ.—Древодѣльные промыслы.

Изъ Костромской губерніи Волга входитъ въ *Балахнинскій* уѣздъ Нижегородской губерніи, прорѣзывая его почти по серединѣ. Налѣво идетъ лѣсная часть уѣзда, направо—промышленная. Балахнинцы вообще народъ, какъ говорится, дошлый: они и суда строятъ, и шляпы валяютъ, дѣлаютъ и лакируютъ деревянную посуду, шьютъ сапоги, обдираютъ кошекъ, выдѣлываютъ кожи и мѣха, плетутъ кружева, гоняютъ деготь и скипидаръ, варятъ клей, обжигаютъ горшки; разводятъ огурцы и капусту,—словомъ извлекаютъ доходъ изо всего, кромѣ хлѣбопашества, ибо земля здѣсь плохо родить.

Первый пунктъ въ Нижегородской губерніи, почти на границѣ съ Костромской,—большое село *Катунки*, въ 16 верстахъ отъ Пучежа, съ красивымъ мѣстоположеніемъ и тремя церквями. Здѣшніе жители, какъ пишется въ одномъ сборникѣ, «трудолюбивы», вопреки распространенному у нѣкоторыхъ понятію о лѣности русскаго простолюдиня. Главный промыселъ — кожевенный; Катунки давно прославились выдѣлкою опойки; здѣшній клей считается лучшимъ въ Россіи, здѣсь-же выдѣлываются десятки тысячъ бобровыхъ, котиковыхъ, соболиныхъ и другихъ драгоценныхъ мѣховъ, при чемъ всѣ они выдѣлываются изъ одного и того-же матеріала, изъ какого—вы догадаетесь! Матеріалъ этотъ доставляютъ многострадальныя русскія простолюдинныя кошки, собираемыя изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ. Этимъ благороднымъ промысломъ, т. е. скупкою кошекъ для превращенія ихъ въ щеголеватые мѣха, украшающіе нашихъ дамъ и деревенскихъ франтихъ, занимаются особые

торговцы, именуемые кошатниками. Профессія эта нельзя сказать, чтобы пользовалась особыми симпатіями со стороны сердобольнаго русскаго народа и едва-ли ее изберегетъ какое-либо лицо привилегированнаго сословія, хотя-бы и обѣднѣвшее. Но за то благодаря этому промыслу кошки, особенно тѣ, которыя плохо ловятъ мышей, становятся «мѣновой и потребительной цѣнностью», по выраженію гг. политико-экономовъ. Вымѣниваемая на этихъ тварей цѣнности поступаютъ въ пользу бабъ и ребятишекъ. Кошатники ѣздятъ по деревнямъ, больше осенью и зимою, съ разнымъ товаромъ: ситцы, платки, ленты, бусы и галантерейно-игольный товаръ, кошельки, буквары, картины, книжки для чтенія въ родѣ «Англійскаго Милорда», «Гуака», «Битвы русскихъ съ кабардинцами» и т. п. Завидя ихъ, бабы берутъ своихъ «машекъ», ребятишки бѣгутъ ловить кошекъ, и начинается мѣновой торгъ. Кошатникъ даетъ за кошку платокъ, ленту, бусы, что-нибудь изъ народной литературы и пр., а въ рѣдкихъ случаяхъ и деньгами (отъ 10 до 30 к. за кошку, глядя по мѣху). Всѣхъ прибрѣтенныхъ такимъ способомъ кошекъ этотъ злодѣй и душегубецъ кладетъ въ мѣшокъ и тутъ же за деревней, съ ловкостью артиста, вынимаетъ ихъ поочередно за заднія ноги и моментальнымъ движеніемъ убиваетъ, ударяя головою о роспуски зимою или о колесо лѣтомъ. Послѣ этой операціи, требующей быстроты руки и крѣпости нервовъ, кошатникъ сдираетъ шкуры, которыя свозятся въ центральные пункты, вродѣ Катуноекъ.

Достаточно также замѣчанія, что въ Катункахъ раньше, чѣмъ въ Америкѣ, мѣстные искусные мастера нашли способъ выдѣлывать непромокаемыя ткани, но не сумѣли ихъ распространить, а нѣмецъ, какъ водится, перешибъ. Остается упомянуть, что въ Катункахъ и его районѣ обращаютъ вниманіе особенности лѣснаго нарѣчія. Такъ—вмѣсто творительнаго падежа употребляютъ дательный и наоборотъ: съ намъ, съ вамъ, къ вамъ, даи корма коньми, купи дѣтми гостинца... Вмѣсто возлѣ говорятъ «бидлѣ», вмѣсто важный—«вантажный», раньше—за того, одежда—гуня, трудъ—мапта, крестная мать—кока, сглазилъ—озепаль, озарница—сорокоумка, полотенце—рукотерь и т. д. Это катунское нарѣчіе распространено почти во всемъ Балахнинскомъ уѣздѣ.

Чѣмъ дальше летитъ нашъ пароходъ, тѣмъ рѣзче различаются на горный и луговой берега. Первый возвышается сажень на 20 и даетъ много красивыхъ видовъ, которые такъ и просятся на фотографію. За 8 верстъ отъ Катуноекъ пароходъ останавливается у *Василевой* слободы, бывшей вотчины царя Василія Шуйскаго; въ слободѣ шесть церквей.

Отъ Василева Волга принимаетъ болѣе юговосточное направленіе. Лѣвый берегъ представляетъ кайму въ 5—7 верстъ ширины, за которой на возвышенномъ берегу р. Яхры на протяженіи 20 верстъ расположены рядомъ 13 деревень. При впаденіи Яхры лѣвый берегъ Волги также возвышается, и на немъ широко раскинулось знаменитое село *Городица*—крупный центръ верхневолжскихъ раскольниковъ. Здѣсь 6

церквей, Федоровскій монастырь и большая раскольниковья часовня, къ которой тяготеетъ много старовѣровъ, поповщинскаго согласія, которые такъ и называютъ себя, по «городецкой вѣрѣ». Часовня имѣетъ довольно оригинальную архитектуру, внутри богатые образы. Все это устроено иждивеніемъ извѣстнаго нижегородскаго богача и раскольниковьяго филантропа Бугрова. Здѣшніе богатые старообрядцы руководятъ своими собратьями по духу, раскинутыми на обширномъ пространствѣ, особенно въ сѣверныхъ частяхъ губерніи. Интересно посмотрѣть оригинальныя фигуры здѣшнихъ раскольниковъ, отъ которыхъ вѣетъ чѣмъ-то цѣльнымъ, самобытнымъ. Они какъ будто выхвачены изъ среднихъ вѣковъ нашей исторіи и до сихъ поръ не поддаются новымъ влѣніямъ, не подвергаются обезличенію. Эти черты, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ уваженія, какъ-бы ни отнестись къ ихъ закорепѣлымъ воззрѣніямъ, къ упорному слѣдованію стариннымъ обрядамъ; при этомъ отличія въ обрядовой сторонѣ не представляетъ существеннаго значенія, важенъ самый духъ. Здѣсь много знатоковъ древняго благочестія, съ которыми трудно спорить «печестивымъ пиконіанамъ»; у послѣднихъ только и есть знатоки—попы, среди-же миряныя нѣтъ такихъ начетчиковъ, какъ у старовѣровъ. У одного изъ здѣшнихъ «крѣпкихъ вѣрѣ» старцевъ очень богатая бібліотека, въ которой есть напимѣръ рукописное «Четвероевангеліе», купленное за 300 рублей. Многіе городецкіе аборигены живутъ почти также, какъ и двѣсти-триста лѣтъ назадъ, въ крѣпкихъ, постоянно-запертыхъ домахъ, держатся старинныхъ обычаевъ, чуждаются новой цивилизаціи, которая проносится надъ ними, какъ нѣчто чуждое, далекое. Село живетъ замкнутою, тихою жизнью; мимо его по Волгѣ несутся пароходы, двигаемые нечистою силою, мелькаютъ электрическіе огни, на пристани грузятся десятки судовъ, а на улицахъ тишина, въ селѣ нѣтъ ни одной гостиницы, и на каждого пріѣзжаго интеллигента смотрятъ какъ на заморскаго звѣря.

Село тянется по берегу верстъ на пять и представляетъ собою, кромѣ кореннаго Городца, собраніе еще четырехъ слободъ и пяти деревень. Все это вмѣщаетъ до 10 тыс. жителей, до 400 лавокъ и 300 хлѣбныхъ амбаровъ. Городецъ, какъ показываетъ самое названіе, когда-то былъ городомъ. На этомъ мѣстѣ уже съ XII вѣка существовалъ городъ Радловъ или Городецъ Волжскій, и въ 1164 году былъ устроенъ Федоровскій мужской монастырь. Въ этомъ монастырѣ въ 1263 г. скончался Александръ Невскій, возвративъ изъ орды въ свой столичный городъ Владиміръ. Въ Городцѣ былъ даже удѣлъ и свои князья Городецкіе; временно проживали здѣсь и великіе князья «володимирскіе». И теперь еще можно видѣть слѣды древнихъ валовъ и рововъ. По мѣстному преданію, на горѣ Оползень, на забытыхъ могилахъ удѣльныхъ князей, свѣтятся по ночамъ огни, самыя-же могилы должны открыться какъ разъ предъ свѣтопреставленіемъ.

Село ведетъ большую торговлю хлѣбомъ, кожами, деревянными се-

меновскими издѣліями и другими товарами; здѣшніе базары дѣлають большіе обороты. Жители выдѣлываютъ кожи, кууютъ гвозди, подковы, красятъ пряжу, бьютъ льняное масло, наконецъ пекутъ пряники особаго вкуса, расходящіеся далеко по Россіи; здѣсь можно еще найти деревянныя формы для пряниковъ, сохранившіяся отъ временъ московскихъ царей; но пряники дѣлають по новымъ формамъ.

Не доѣзжая 30 верстъ до Нижняго, по низменному правому берегу растянулся подобно Юрьевцу, на три версты въ длину, городъ *Балахна*. изъ-за утлыхъ домшекъ котораго высится десятокъ церквей. Эта растянутая линія города дала поводъ къ поговорѣ: «Балахна стоитъ полы распахая». Городъ этотъ весною часто превращается въ доморощенную Венецію. Большіе разливы Волги затопляютъ его на утѣху ребятишкамъ, которые катаются по-дворамъ въ кадкахъ, корытахъ и тому подобныхъ плавательныхъ снарядахъ; по улицамъ разѣзжаютъ въ лодкахъ. Особенно памятенъ разливъ 1620 г., когда Волга слизнула 77 дворовъ, унесенныхъ внизъ со всѣмъ ихъ скарбомъ. Въ 1678 году была разрушена вся береговая часть города, а въ 1849 г. изъ 653 домовъ города были затоплены 530. Такова уже участь русскихъ городовъ; однихъ очищаетъ огонь, другихъ вода!

Балахна—поселеніе тоже древнее. Вообще въ этой части Поволжья русскіе «людишки» давно и крѣпко пустили корни, не взирая на то, что ихъ многократно истребляли, а они опять возрождались и обростали.

Мѣстность, гдѣ теперь Балахна, богата соляными источниками, которые были открыты въ 1532 г. двумя любознательными россиянами. Въ 1536 г. уже была построена крѣпость для защиты отъ басурманъ. Нынѣ въ городѣ до 800 домовъ и 7 тыс. жителей—народъ дошлый и промысловатый: строятъ суда, варятъ соль, плетутъ кружева, торгуютъ и проч. Соледобываніе, которое было раньше въ большихъ размѣрахъ для снабженія нижегородскихъ соляныхъ складовъ, теперь совсѣмъ упало. Этотъ упадокъ былъ въ связи съ извѣстнымъ дѣломъ Вердеревскаго, о которомъ въ концѣ 60-хъ гг. говорила вся Россія. Этотъ господинъ, между прочимъ, большой любитель изящныхъ искусствъ и чело-вѣкъ тонкаго обращенія, былъ председателемъ нижегородской казенной палаты, и въ этомъ званіи завѣдывалъ питейнымъ и солянымъ дѣломъ; собиралъ онъ въ склады цѣлыя горы соли, затѣвалъ расширеніе въ Балахнѣ соледобыванія съ помощью усовершенствованныхъ машинъ, но его новаторство было прервано; лукавый попуталъ его растратить соли на два милліона рублей, что сдѣлало его на нѣкоторое время знаменитостью, и слава его не умерла послѣ его смерти; не дѣлай онъ растраты,—давно былъ бы забытъ потомками. Послѣ суда Вердеревскій исчезъ изъ Нижняго, а затѣмъ и казенный способъ заготовки соли были вскорѣ оставлены. Держится еще кружевной промыселъ, которымъ занимается почти все женское населеніе города. Здѣшнія кружевницы работаютъ отчетливо, а главное — возмутительно дешево, почему и могутъ еще

конкурировать съ машинными кружевами, изготовленными на жакардовскихъ станкахъ (пока еще «кутузь да коклюшки—балахонски игрушки»). Здѣсь повторяется то же явленіе, какъ и въ другихъ отрасляхъ кустарнаго труда: нѣсколько сотъ балахинскихъ кружевницъ находятся въ рукахъ десятка скупщицъ, которыя снабжаютъ ихъ матеріаломъ, даютъ задатки, отбираютъ готовый товаръ за минимальную цѣну и распродаютъ его въ Нижнемъ и другихъ мѣстахъ Россіи, оставляя труженицамъ гроши, а себѣ забирая рубли.

Балахна знаменита еще тѣмъ, что въ 1876 г. здѣсь открылся первый въ Россіи и Европѣ заводъ минеральныхъ смазочныхъ маселъ, основанный В. И. Рагозинымъ, который ввелъ въ промышленный обиходъ разные олеонафты; эти масла разсмѣлились по всей Россіи и за границу, обороты дошли до нѣсколькихъ милліоновъ, но въ 80-хъ г. дѣло стало падать, вслѣдствіе недостатка оборотнаго капитала, котораго потребовалось очень много на отдѣленія завода въ разныхъ городахъ Россіи, на агентуры, филиальные склады и проч.; съ 1886 г. заводъ закрылся, около 6 лѣтъ бездѣйствовалъ и съ 1892 г. опять пущенъ въ ходъ. Но это не бѣда; главная заслуга Рагозина и его завода въ томъ, что имъ водворено новое въ Россіи и полезное производство, а по проторенному пути пошли другіе, и заводы смазочныхъ маселъ открылись въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Раньше изъ нашей нефти дѣлались только керосинъ, а остальные 30—35% не утилизовались; теперь кромѣ керосина вырабатываются не только олеонафты, но и деготь, спиртъ, парафиновые свѣчи, одеколонъ, сахаринъ и др. серьезныя вещества.

Въ Балахнѣ и въ приволжскихъ селахъ его уѣзда строятъ рыболовныя лодки, много также для Каспійскаго моря, такъ называемыя косныя, для чего образовались цѣлыя артели, которыя имѣютъ относительно недурной заработокъ.

Въ сѣверной части уѣзда распространены лѣсной и дерево-обдѣлочный промыслы: сидка дегтя, скипидара, жженого угля, выдѣлка деревянной посуды, окраска и золоченіе лакированной посуды, которая плѣняется теперь нашихъ друзей-французовъ; русскія росписныя деревянные чаши служатъ украшеніемъ многихъ аристократическихъ салоновъ въ Парижѣ, замѣняя японскія и др. вазы, а маленькія чашечки, которыя у насъ стоятъ по копейкѣ и часто упогребляются нищими для сбора подаваній, охотно раскупаются въ Парижѣ по франку.

IX.

Волга передъ Нижнимъ.—Сормовскіе заводы.—Видъ Нижняго издали и вблизи.—Первыя впечатлѣнія.—Мѣстоположеніе города.—Его прошлое.—Пространство и расплановка.—Откосы и сѣзды.—Нижній базаръ.—Кремль.—Церкви и монастыри.—Благоустройство.

Насупротивъ Балахны въ Волгу впадаетъ рѣка Узора, по которой также какъ и около Городца, на протяженіи 10 верстъ, скучи-

лось 12 поселковъ. Отъ Катунюкъ до Нижняго, т. е. на протяженіи 77 верстъ, раскинуто по правому берегу Волги 67 селеній, по лѣвому—53, всего 120 или по 16 на каждыя 10 верстъ.

Долина Волги все расширяется, берега понижаются и поле зрѣнія охватываетъ широкое пространство; самая рѣка становится все оживленнѣе. За 20—25 верстъ до Нижняго, этотъ городъ обрисовывается въ неясныхъ фантастическихъ очертаніяхъ на темнозеленомъ горномъ мысу, которымъ оканчивается безконечный горный берегъ Оки, уходя справа отъ насъ въ туманную даль. Водяная гладь упирается въ большіе зеленые острова, которые утилизированы подъ капустные огороды—особенно большіе у села Козина, въ 11 верстахъ отъ Балахны. За 20 верстъ отъ этого города лежитъ на правомъ берегу большое село Коносово, гдѣ почти всѣ жители—гвоздари, а нѣкоторые строятъ суда. Хлѣбопашество въ этой мѣстности на заднемъ планѣ, его замѣняютъ разнообразныя промыслы и огородничество.

До Нижняго только восемь верстъ. Пароходъ проходитъ мимо Сормова, которое служитъ, какъ бы предмѣстьемъ Нижняго; здѣсь съ 1849 года существуютъ обширный механической заводъ, бывшій Бенардача, а теперь принадлежащій акціонерной компаніи. На немъ строятъ паровыя машины и желѣзные пароходы. Заводъ соединяется съ ярмаркой особой желѣзной дорогою. Около Сормова затонъ, гдѣ зимуютъ суда. Въ отношеніи стоянокъ для судовъ до послѣдняго времени было полное неблагоустройство и нерадѣніе: не было достаточной защиты судовыхъ каравановъ отъ весенняго ледохода, который почти ежегодно наноситъ такіе убытки, что капитализируя ихъ, можно бы давно устроить каменныя гавани. Къ 1883 г. льдомъ было подрѣзано 40 баржей и раздавленъ нефтяной караванъ, при чемъ до милліона пудовъ нефти утекло въ матушку Волгу безъ пользы для человѣчества и къ большому вреду для рыбной твари. Только въ 1890 г. взялись за умъ и устроили съ лѣваго берега до середины Волги три ряда каменныхъ моловъ, образовались искусственныя затоны, представляющіе довольно безопасную стоянку; берега также теперь укрѣплены. Около Сормова высится рядъ керосиновыхъ цистернъ. Пароходъ двигается медленно, всѣ восемь верстъ отъ Сормова—сплошная пристань. Кругомъ кипитъ жизнь, чувствуется могучее дыханіе всеобщей индустріи, взоръ теряется въ хаосѣ судовъ, пристаней, разныхъ построекъ, сложенныхъ на берегу бунтовъ разнаго товара. Съ обоихъ береговъ доносится гулъ голосовъ.

Пароходъ приближается къ Сибирской пристани, гдѣ уже навалены пирамиды товара, въ томъ числѣ на милліоны одного чая. Подальше обрисовываются мѣстныя линіи ярмарочныхъ рядовъ, а надъ ними выдвигается громада ярмарочнаго собора, нештукатуренныя стѣны котораго и бапальная архитектура вполне гармонируютъ съ меркантильной обстановкой и съ однообразными ярмарочными улицами и проходами.

Такіе именно прозаическіе соборы и должны быть среди торговаго бездумнаго обихода. Но всё эти Сормовы, пристани, затоны, ярмарочныя строенія—все это какъ-то ступшевывается, глазъ на нихъ не останавливается, а неволью приковывается къ градіозной картинѣ красавца-города, развертывающаго передъ путникомъ свои природныя красы. Видъ на городъ съ парохода, идущаго сверху, представляетъ рѣдкое по красотѣ зрѣлище: взоръ ласкаютъ мягкіе контуры Акскихъ горъ еще за часъ до подхода къ самому городу, зданія же его представляютъ въ то время еще неясныя очертанія; только темныя слугуэты колоколенъ и кремлевскихъ башенъ выступаютъ на свѣтломъ фонѣ голубаго неба. Ближе къ городу вырисовывается зеленая стѣна, и среди этой зелени гармонично мелькаютъ бѣлыя пятна зданій и церквей, и все это царитъ надъ окружающею необъятною долиною, направо плоскій, еле выступающій надъ водою мысъ съ ярмарочными постройками, окаймленный цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, издали похожихъ на копыя какихъ-то гигантовъ, охраняющихъ городъ. Лѣвѣе—зеленые острова Волги и необозримые луга, среди которыхъ раскинулось село Боръ съ шестью бѣлыми церквами, а дальше опять луга, уходящіе въ туманную даль и гдѣ-то, около горизонта, окаймленные темной полосой таинственно-градіозныхъ семеновскихъ лѣсовъ.

Пароходъ убавляетъ ходъ, осторожно лавируетъ между чудовищными баржами, чуть не съ океанскій пароходъ длиною, похожими издали на гигантскихъ китовъ, проползаетъ между разнообразными барками, буксирами, лодками, минуетъ «стрѣлку» или песчаный мысъ, образованный наносами Волги, Оки, затѣмъ выходитъ на широкое водное пространство, гдѣ сливаются двѣ великія русскія, или скорѣе великорусскія рѣки; Волга здѣсь имѣетъ до полуторы версты ширины. Пароходъ пересѣкаетъ ее наискось и устремляется къ горному берегу, который теперь виситъ надъ нами, кокетливо обнажая всё свои прелести; бѣлыя церкви выглядываютъ изъ за купъ старинныхъ деревьевъ, живописные овраги, зеленые откосы; древнія кремлевскія стѣны горделиво спускаются съ 60-ти саженнаго гребня горъ до самаго берега. Вдоль овраговъ разбросаны то бѣлые каменные, то деревянные разноцвѣтные домики, нѣкоторые лѣнятся по косогору, другіе какъ бы висятъ надъ крутизною, по которой террасами сползаютъ сады; при видѣ ихъ неволью тянетъ туда на гору, пожать среди зелени, полюбоваться видомъ на двѣ царственныя рѣки, на ихъ оживленіе, подобнаго которому нѣтъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи—ни на Невѣ въ Петербургѣ, ни на Двинѣ въ Ригѣ, ни въ Одессѣ. Большую красу Нижнему придаетъ не только его рѣдкое естественное мѣстоположеніе, но его зданія, не представляющія удручающей однообразной формы и окраски, какъ въ западныхъ и южныхъ городахъ Европы; нѣтъ здѣсь ни монотонныхъ прямыхъ ливій, ни скученныхъ построекъ, такъ что видъ никакъ надоѣсть не можетъ. По набережной рядъ каменныхъ зданій, среди нихъ оригинальная мно-

голландская церковь, у берега рядъ разноцвѣтныхъ пароходныхъ пристаней, къ одной изъ нихъ плавно подходитъ нашъ «Удалой», почтительно приближаясь къ самому бойкому центру Волги, къ этому живому пункту всероссійской торговли, который извѣстенъ далеко за предѣлами Россіи, тогда какъ другіе приволжскіе города, хотя также очень почтенные, но большей части вовсе неизвѣстны за границей. На берегу оживленіе и толкотня, мы садимся на извозчиковъ, такихъ же, какъ въ Петербургѣ, и черепашинымъ шагомъ ѣдемъ въ гору по хорошо вымощенному сѣзду, мимо каменныхъ лавокъ и нѣмецкой кирпичи, у подошвы Кремля; справа—зеленая, тщательно обдѣланная дерномъ гора; слѣва внизу Почайновскій оврагъ, гдѣ когда-то бурлила рѣчка Почайна, а теперь благоустроенная толкучка; сверху видны только желѣзныя крыши, на которыхъ саженными буквами начертано: «старое платье», обувь и пр. Въ полугорѣ вѣздъ поворачиваетъ направо и между двумя зелеными стѣнами поднимается на главную, Благовѣщенскую площадь, которая съ одной стороны примыкаетъ къ Кремлевской стѣнѣ, а съ другой—обставлена полукругомъ большими каменными зданіями; между ними выдѣляется гимназія, окружной судъ и почта; посреди площади двѣ небольшихъ старинныхъ церкви; отъ нея радіусами идутъ четыре длинныя улицы. По одной изъ нихъ, самой длинной, Покровскѣ, играющей роль Невскаго проспекта, мы и проѣхали—мимо нѣсколькихъ большихъ зданій, хорошихъ магазиновъ, небольшого сквера, красиваго зданія Дворянскаго банка съ колоннадой. На улицѣ довольно пустынно: гуляющая публика оживляетъ ее только къ вечеру.

Нижній лежитъ въ 1,228 верстахъ отъ истока Волги, почти на $\frac{1}{3}$ всего ея протяженія, въ 827 верстахъ отъ Твери; отсюда по Волгѣ до Казани 381 верста, до Камы 450 в.; до Самары 840 верстъ, по желѣзной дорогѣ отъ Москвы 410 верстъ, отъ С.-Петербурга 1,019 верстъ. Горы, на которыхъ раскинулась верхняя, коренная часть города, имѣютъ абсолютную высоту въ 490 футовъ или 70 саж. надъ уровнемъ моря, а надъ уровнемъ Волги и Оги 400 ф. или 57 саж. Ихъ называютъ Дятловыми горами, потому что по преданію тутъ жилъ чародѣй Дятель, подобно тому, какъ въ муромскихъ лѣсахъ залегалъ Соловей-разбойникъ.

Въ старину горы эти, состоящія больше изъ песчаника, причиняли не мало бѣдъ: не только Волга, но многочисленные ручьи и подземные ключи подмывали горы, вызывая оползни и обвалы. Такъ въ 1492 г. былъ оползень подъ Благовѣщенскимъ монастыремъ, при чемъ засыпало 150 дворовъ, погибло много людей и скота; въ 1596 г. былъ обваломъ горы разрушенъ Печерскій монастырь, а въ 1845 г. большой обвалъ подъ Кремлевской горой. Теперь, когда больше денегъ и техническихъ знаній, противъ оползней приняты мѣры и благоустройство города приведено въ такой видъ, который дѣлаетъ его однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Россіи. По мѣстоположенію-же и красотѣ, онъ, безспорно,

занимаетъ первое мѣсто. Въ этомъ отношеніи даже Кіевъ ему уступаетъ, ибо видъ его изъ-за Днѣпра не имѣетъ такой полноты: половина города скрыта за пустынными горами съ несчастными обрывами и только другая половина съ памятникомъ кн. Владиміра, соборомъ Андрея Первозваннаго и Подоломъ выступаетъ передъ глазами; затѣмъ въ Кіевѣ нѣтъ такихъ могучихъ рѣкъ, нѣтъ такого горнаго мыса, царящаго надъ равнинами, нѣтъ такого заворота горъ почти подъ прямымъ угломъ, который въ Нижнемъ открываетъ новыя перспективы.

Не далѣе, какъ 50 лѣтъ назадъ, Нижній вовсе не былъ знатнымъ городомъ, а былъ изъ числа заурядныхъ губернскихъ городовъ; если его и почитали, то за древность и за счастливое географическое положеніе. Какъ главный сторожевой пунктъ между коренной Россіей и враждебными финско-монгольскими племенами, Нижній сослужилъ большую службу землѣ русской и имѣетъ очень почтенное прошлое, съ которымъ связано много легендъ; нѣкоторыя изъ нихъ довольно поэтичны. Русскіе князья были крѣпки только до Оки; сейчасъ за Окой, гдѣ теперь Нижній, была мордовская земля. Надвинулись русскіе изъ суздальской земли и прогнали неукротимую мордву, а на Дятловыхъ горахъ великій князь владимірскій Юрій Всеволодовичъ основалъ, между 1219 и 1222 годами, городъ Новгородъ, какъ оплотъ противъ волжскихъ болгаръ и мордвы, жившей въ бассейнѣ Оки. Первое время было чисто грабительское; кто кого могъ—грабилъ безъ зазрѣнія совѣсти: то русскіе мордву, то мордва русскихъ, то татары тѣхъ и другихъ, городъ не разъ переходилъ изъ рукъ въ руки.

Въ довершеніе всего, въ 1366 г. приплыла новгородская вольница, на легкихъ ладьяхъ (уткуляхъ) и увидѣла на мысѣ у устья Оки сложенные товары и торговцевъ разныхъ націй; не могли удалые проплыть мимо такой добычи и разграбили не только Торжокъ, но ксати и часть города.

Съ 1350 года Нижній-Новгородъ сталъ самостоятельнымъ княжествомъ, и здѣсь завелись свои великіе князья. Но это самостоятельное бытіе продолжалось всего 68 лѣтъ, и съ 1418 года Нижній отошелъ къ алчной Москвѣ и князья Нижняго обратились въ простыхъ наместниковъ. Въ 1505 году на Нижній наступали «злые татарове»; у русскихъ были пушки, отбитыя у литовцевъ, но стрѣлять они не умѣли; выручили ихъ плѣнные литовцы, которые перебили множество татаръ и спасли городъ, устранивъ азіатовъ, впервые испытавшихъ на себѣ дѣйствіе огнестрѣльныхъ орудій.

Въ 1500—1510 годахъ для защиты отъ набѣговъ былъ устроенъ каменный кремль, одинъ изъ самыхъ большихъ въ Россіи, который оказался неприступнымъ для дикихъ враговъ. Нижній хорошо охранялъ устье Оки, мѣшая враждебнымъ ладьямъ пробраться по этой рѣкѣ въ сердце Россіи, т. е. къ Владиміру, Москвѣ, Рязани и другимъ городамъ этого бассейна. Затихли вѣншіе враги, явились внутренніе въ лицѣ

понизовой вольницы, которая въ 1606 г. здѣсь «многія пакости дѣяху», а позднѣе пугали здѣшнихъ обывателей удалые разбойнички.

Затѣмъ всѣ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній знаютъ, что въ 1612 г. (воспитанники высшихъ забываютъ года) нижегородскій гражданинъ Козьма Мининъ воодушевлялъ народъ православный на освобожденіе Москвы. Черезъ четыре года послѣ своего подвига онъ умеръ, не оставивъ потомства. Объявилась разъ какая-то полоумная старуха въ качествѣ его родственницы, но ее не признали. Въ нынѣшнемъ году одинъ старикъ заявилъ, что происходитъ отъ сестры Минина Дарьи Козминичны, но достаточныхъ свидѣтельствъ не представилъ: у него имѣются только такіе документы, какъ «Древо потомковъ Минина» и «свѣдѣніе о потомствѣ Козьмы Минина по косвенной линіи».

На другой годъ по смерти Минина, Нижнему было суждено еще разъ сыграть роль въ жизни царя Михаила Ѳеодоровича. Въ 1617 г. царю исполнилось 20 лѣтъ, и онъ избралъ невѣстою дочь небогатаго нижегородскаго дворянина Хлопова; ее уже взяли въ царскія палаты, гдѣ она напустилась на разныя сласти, у нея разъ сдѣбалась рвота, чѣмъ воспользовалась партія Салтыковыхъ, что бы оговорить невѣсту, какъ страдающую неизлечимою болѣзнью. Тогда и ее и все ее семейство сослали въ Тобольскъ, а нѣкоторыхъ въ Верхотурье, но черезъ два года, по ходатайству Филарета Никитича ихъ вернули и назначили разслѣдованіе, котораго желалъ и самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, любившій Хлопову; дѣло разъяснилось, Салтыковыхъ наказали, ожидали свадьбы; тѣмъ болѣе, что царь семь лѣтъ былъ вѣренъ своей невѣстѣ; но тутъ неожиданно онъ увидѣлъ княжну Долгорукую и обвѣнчался съ ней, хотя и пожилъ съ ней только три мѣсяца. Она умерла отъ чахотки, а дѣвица Хлопова, горя о несбывшемся счастьи, жила въ Нижнемъ, гдѣ и умерла въ 1632 г., еще въ молодыхъ годахъ.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ нижегородское Поволожье участвовало въ общей разбойничьей эпопее и дало нѣсколькихъ атамановъ, имена которыхъ до сихъ поръ сохраняются въ памяти народа, давно забывшаго, а часто и вовсе не знавшаго другія имена, прославившія русскую исторію. Здѣсь народъ поминаетъ атамана Кулагу (или Дудкина) изъ деревни Отеревки, Ѳедора Васильева изъ Мыскова, Степана Сучкова—изъ Сергачскаго уѣзда. Это—интересная черта русскаго народа. Онъ до сихъ поръ вспоминаетъ извѣстнаго «славнаго» вора Ваньку Кална, атамана Стеньку Разина, Емельку Пугачева, Гришку Отрепьева, Ивашку Мазепу и другихъ, окружая ихъ ореоломъ, а такія имена, какъ Скопинъ-Шуйскій, Суворовъ и др. давно изгладились. Волжскіе разбойники находятъ большое сочувствіе въ простыхъ людяхъ Нижняго Поволожья, особенно среди старовѣровъ и другихъ, недовольныхъ разными новшествами. Когда передовыя ватаги Разина вступили въ Мысково, то были встрѣчены крестнымъ ходомъ и колокольнымъ звономъ, впереди шло духовенство и пѣло молебень о здравіи Степана-свѣтъ-Тимофѣевича.

Въ 1695 г., во время азовскаго похода здѣсь остановился на недѣлю Петръ I; въ 1722 г., отправясь въ персидскій походъ, онъ во второй разъ посѣтилъ Нижній, приплывъ прямо изъ Москвы на стругахъ ¹⁾).

Губернскимъ городомъ Нижній сталъ съ 1719 и быстро превратился въ меркантильный городъ; воплотившій духъ его обитателей давно угасъ. Они справедливо разсудили, что лучше торговать, чѣмъ воевать, и съ легкимъ сердцемъ промѣняли бердыши и пищали на аршинъ (разныхъ размѣровъ) и на фальшивыя гири, а въ послѣдствіи постигли разныя товкости комерціи и бронзово-вексельнаго кредита.

Въ 1812 г. Новгородъ выставилъ ополченіе противъ французовъ, но оно прошло только 20 верстъ и возвратилось всякъ; потомъ здѣсь было поселено много илѣнныхъ французовъ; въ томъ же году наѣхали сюда оставившіе Москву помѣщики, а въ Семеновскихъ скитахъ отсиживались московскіе купцы. Приѣхалъ сюда и Н. М. Карамзинъ, у котораго было имѣніе въ Нижегородской губерніи, онъ писалъ здѣсь Исторію Государства Россійскаго и устроилъ у себя салонъ, гдѣ собиравлись В. Л. Пушкинъ, Н. Н. Бантышъ Каменскій, К. Ф. Батюшковъ, С. Н. Глинка, Ю. А. Мелединскій-Мелединскій и др. Кружокъ этотъ думалъ даже издавать ежедневную газету, но это такъ и осталось въ прозѣтѣ. Батюшковъ и В. Л. Пушкинъ писали здѣсь стихи; В. Л. написалъ здѣсь извѣстное стихотвореніе жителямъ Нижняго: «примите насъ подъ свой покровъ, питомцы волжскихъ береговъ»... Съ 23 марта по 15 сентября 1812 г. жилъ здѣсь и М. М. Сперанскій въ ссылкѣ по подозрѣнію въ симпатіяхъ его къ Наполеону Бонапарту; его везъ изъ С.-Петербурга частный приставъ 5 дней, т. е. по тогдашнему разстоянію по 220 въ день.

Въ томъ-же 1812 году послѣ пожара Москвы усилились слухи, что Нижній Новгородъ будетъ сдѣланъ столицею Россіи, но это завидное назначеніе не осуществилось, хотя положеніе Нижняго несомнѣнно болѣе центральное, чѣмъ Москвы, а тѣмъ болѣе С.-Петербурга. Въ XVI и XVII вѣкахъ городъ развивается довольно медленно. По переписи 1621—22 гг. въ Новгородѣ было 500 дворовъ въ Кремлѣ и 800 на посадахъ, жителей до 5 тыс., два каменныхъ собора и 23 деревянныхъ церкви, монастырей—7. Строеніе было все деревянное, даже мостовая изъ толстыхъ досокъ, по которой ѣздили, какъ по полу, что было гораздо лучше теперешнихъ булыжныхъ; жить тогда было дешево, но и денегъ было мало: баранъ стоилъ 12—18 коп., цыпленокъ 1 коп., сотня яицъ 6-8 коп. Когда черезъ Новгородъ проѣзжала Екатерина II, то нашла, что городъ сей «ситуаціей прекрасенъ, но строеніемъ мерзокъ». Въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія началось его переустройство по новому плану. Построили каменныя одно-этажныя здавія, въ центральной

¹⁾ Есть даже пѣсни: «какъ на Волгѣ рѣкъ, въ Нижнемъ городѣ снаряжался стружокъ, какъ стрѣла летитъ, какъ на томъ-ли на стружкѣ сорокъ молодець, сорокъ молодець разудалыхъ»...

части снесли деревянныя хижины, устроили откосы, сѣзды, бульвары; на все это новгородское городское управленіе сдѣлало въ семи приказахъ общественнаго призрѣнія заемъ въ 3 милл. 230 тыс. р., на уплату котораго установленъ $\frac{1}{1}$ 0/0 сборъ съ грузовъ, привозимыхъ и отвозимыхъ водою.

Въ 1800 г. въ Нижнемъ считалось только 10,000 жителей, въ 1862 г.—36,000, въ 1876 г.—50,000, въ 1882 г.—61,000, въ 1887 г.—67,000, въ томъ числѣ 62,000 кровныхъ русскихъ. Въ настоящее время считается до 75,000 жителей, не считая наплыва разныхъ народовъ на ярмарку.

Собственно городъ довольно обширенъ и занимаетъ на горѣ (Верхній Базаръ) и по набережной (Нижній Базаръ) около 8 квадр. верстъ; много мѣста занято откосами, садами, оврагами. Такъ какъ набережная представляетъ собою почти правильную дугу, то городъ имѣетъ видъ полукруга съ радіусомъ до 2 верстъ; дуга отъ Соляной пристани до Лѣсной—5 верстъ, а хорда, соединяющая концы дуги 4 версты; ярмарка съ Кунавинимъ до 3 верстъ въ длину и отъ полуверсты до версты въ ширину. Окружность собственно города около 11 верстъ; домовъ до 4,500, въ томъ числѣ болѣе 1,000 каменныхъ, число которыхъ все возрастаетъ; такъ 30 лѣтъ назадъ было только 400 каменныхъ домовъ и 2,500 деревянныхъ; на одинъ домъ приходится 480 кв. саж. пространства, средняя цѣнность болѣе 2,000 руб. Въ центрѣ города постройки тѣснѣе, а подалеже много большихъ усадьбъ съ обширными садами, занимающими значительную часть улицъ, при чемъ старинныя высокія деревья даютъ большую тѣнь для пѣшеходовъ.

Городъ, какъ мы видѣли выше, построенъ по старинному плану. Отъ Кремля идутъ радіусами главныя улицы, пересѣкаемая, и то неправильно, поперечными, въ коихъ ориентироваться не очень легко. Всѣ главныя улицы идутъ немного въ гору; городъ пересѣкается нѣсколькими оврагами; самый большой и самый живописный—Почайновскій, отдѣляющій отъ главной большой оживленной части города другую—меньшую, раскинутую вдоль Оки; въ этой части главная улица—Ильинская въ 2 вер. длины, съ хорошими купеческими домами; съ одной стороны она упирается въ волжскій обрывъ, а съ другой выходитъ на Арзамасскій трактъ у Крестовоздвиженскаго женскаго монастыря и вдовьяго дома, куда подходитъ и главная улица другой части — Покровка. Къ набережной спускаются 5 мощенныхъ сѣздовъ: отъ Ильинки къ мосту на Оку, Похвалинскій, отрѣзывающій живописную и самую высокую часть города Гребешокъ, нависшую надъ Окой; здѣсь въ полугорѣ бѣлѣются старинныя постройки Благовѣщенскаго монастыря, пріютъ мира и тишины около шумнаго торжища; затѣмъ—также отъ Ильинки къ Строгоновской церкви самый крутой Успенскій сѣздъ, съ Благовѣщенской площади—Зеленскій, по которому совершается главное движеніе съ Нижняго Базара въ Верхній. По другую сторону Кремля къ Волгѣ спускается изыщ-

ный откосъ съ англійскимъ паркомъ, по обѣ стороны котораго два сѣзда—Казанскій и Георгіевскій. Здѣсь самое красивое мѣсто въ городѣ и, какъ водится, устроенъ ресторанъ, куда ѣздятъ ярмарочные гости покутить и полюбоваться видами. Къ сожалѣнію, чарующія красоты нижегородской природы не въ силахъ разсѣять меркапильно-надувательской горячки. А съ откоса полюбоваться есть чѣмъ: прямо передъ нами внизу широкая лента Волги, на которой трехъ-этажные американскіе пароходы кажутся таракапами; за Волгой широкая картина, которую едва-ли можетъ воспроизвести живопись—изумрудные луга, синева большихъ лѣсовъ. На этомъ раздольи теряется огромное село Боръ съ многочисленными бѣлыми церквями. На право, къ востоку тѣ-же широкія туманные дали и волжскіе зеленые острова; только желтыя песчанья отмели нарушаютъ гармонію и щемятъ сердце. Влѣво—серебряная лента Волги вьется среди зеленой каймы, гдѣ разбросаны свѣтлыя озера; въ ясную погоду отсюда видна Балахна. Вдоль откоса по ребру горы идетъ хорошо устроенная, такъ называемая верхняя набережная съ бульваромъ, лучшая мѣстность въ городѣ, съ лучшими зданіями, между которыми прежде всего бросается въ глаза довольно величественное зданіе духовной семинаріи съ колоннами. позади которой обширная роща, гдѣ архіерейскій домъ, красивая Георгіевская церковь, съ золотыми главами, палаццо купца Рукавишниковъ съ зеркальными стеклами, сумасшедшій домъ въ саду, рядомъ, также среди садовъ, бѣлое зданіе женскаго института. За версту отсюда въ полугорѣ на холмахъ виднѣется Печерскій монастырь—рѣдкое по красотѣ мѣсто на всей Волгѣ, а выше его Печерскій выселокъ и Казанскій трактъ, обсаженный березами, который служить продолженіемъ аристократической улицы—Большой-Печерки, начинающейся отъ архіерейскаго дома.

Береговая часть города или Нижній Базаръ состоитъ собственно изъ набережныхъ Оки и Волги и изъ одной улицы Рождественской, въ версту съ небольшимъ длиною, идущей отъ Окскаго моста до подошвы кремля; здѣсь вѣчное торжище — силовныя лавки, трактиры, кабаки, торговые ряды, склады, которые больше всего скучились у Никольской церкви, гдѣ начинается Зеленскій сѣздъ и гдѣ Козьма Мивинъ дѣлалъ свои патріотическія воззванія; на половинѣ разстоянія огромный четырехъ-этажный домъ Блинова, съ пассажемъ неуклюжаго венеціанскаго стиля, а противъ его небольшой скверъ и Софроновская площадь и берега Волги, гдѣ сосредоточіе пассажирскихъ пристаней. Не далеко величественная Рождественскя церковь, построенная Строгоновымъ, которая только одна гордо отстранилась отъ лавочныхъ объятій, а остальные четыре церкви заполнены лавками, занимающими и нижніе этажи, и пристройки этихъ церквей.

Изъ построекъ города самая грандіозная Кремль, неуступающій по пространству московскому Кремлю, съ такими же толстыми и высокими стѣнами, возведеніе которыхъ потребовало египетской работы, пожалуй,

немного меньше, чѣмъ возведеніе Хеопсовой пирамиды. Да и строили его почти 150 лѣтъ; въ 1732 г. была построена башня съ цитаделью, потомъ другія башни, а главныя части и стѣны были достроены въ 1508—1510 г. венеціанскимъ зодчимъ Фрязинимъ, который озаботился проложеніемъ кирпичной трубы для отвода подгорной воды. Прежде стѣны его стояли крѣико и ни разу не были взяты непріятелемъ, а новѣйшіе инженеры, устраивая въ 40-хъ годахъ дворцовый садъ, не только не догадались отвести ключей, но даже забыли про отводныя трубы, отчего обвалилась часть стѣны и была разрушена деревянная церковь. Вообще построить новгородскій кремль было гораздо труднѣе, чѣмъ московскій, гдѣ гора въ пять разъ ниже. Стѣны въ 1¹/₂ саж. шириною спускаются къ Волгѣ величавыми уступами, напоминая лѣстницу для восхожденія какихъ-нибудь сказочныхъ доисторическихъ гигантовъ. До конца прошлаго вѣка здѣшній кремль имѣлъ 141 саж. окружности, стѣны были до 10 саж. высотой, а башни до 15 саж.; въ 1788—90 гг. были сдѣланы исправленія; стѣны укорочены до 985 саж., высота ихъ и башенъ уменьшилась.

Величію наружнаго вида кремля не соотвѣтствуютъ его внутреннія постройки, древній Архангельскій соборъ, построенный въ 1222 г. и перестроенный въ 1732 г. вмѣстѣ съ примыкающей къ нему древней сторожевой башней теряется среди казарменныхъ построекъ присутственныхъ мѣстъ, аракчеевскаго кадетскаго корпуса, цейхаузовъ и др. Новый кафедральный Преображенскій соборъ, выстроенный въ 1834 г. на мѣстѣ древняго собора, представляетъ собою неизящный ящикъ съ пятью тусклыми главами, крытыми бѣлымъ желѣзомъ, а близь его тоже коробовидный трехъ-этажный дворецъ, гдѣ живетъ губернаторъ. Въ подвальной этажѣ кафедральнаго собора устроена общирная церковь съ тремя алтарями, тутъ же гробница бывшихъ великихъ князей новгородскихъ, а съ боку въ нишѣ, за рѣшеткой могила Козьмы Минина, на которой начертано: «Избавитель Москвы, отечества любитель и издыхающей Россіи оживитель, отчизны красота, поляковъ страхъ и мечь, Россіи похвала и вѣчно слава—честь, се Миповичъ Козьма здѣ тѣломъ почиваетъ, всякъ истинный кто Россѣ, да прахъ его лобзаетъ».

Петръ I, когда былъ второй разъ въ Нижнемъ въ день своей 50-ти лѣтней годовщины, поклонился гробу Минина и сказалъ: «здѣсь лежитъ избавитель Россіи». Украшеніемъ Кремля служитъ мининскій скверъ, откуда многіе любятъ видами на Волгу; среди этого сквера торчитъ жалкая каменная колонка, которая по ближайшемъ разсмотрѣніи называется памятникомъ Минину и Пожарскому. Колонка дала трещину, доска съ именемъ Пожарскаго отвалилась, а на другой, которая еле держится, написано: «гражданину Минину благодарное потомство 1826 г.»

Въ Нижнемъ, кромѣ трехъ монастырей, до 30 каменныхъ церквей, такъ что городъ вполне православный, хотя большая часть горожанъ и далека отъ христіанскаго идеала нестяжанія и самоотреченія. Изъ

церквей самая замѣчательная уже упомянутая нами многоярусная стро-гоновская, на Нижнемъ базарѣ, напоминающая нѣсколько соборъ Васи-лія Блаженнаго въ Москвѣ, но только съ 5 главами; построена она въ 1719 г. на громадномъ пьедесталѣ, который заросъ небольшими де-ревьями и кустами; по красному фону ея стѣнъ идетъ затѣшливая рѣзьба и другія украшенія; въ ней есть иконы замѣчательнаго рисунка.

По древности и красивому положенію замѣчательнѣе Печерскій мо-настырь, раскинутый на нѣсколькихъ холмахъ среди густой зелени. Онъ былъ построенъ ближе къ Волгѣ въ 1330 г., но въ 1597 г. разрушенъ отъ обвала горы и перенесенъ на настоящее мѣсто. Въ немъ былъ по-стриженъ св. Евфимій Суздальскій, св. Макарій Желтоводскій и патри-архъ Никонъ.

Недавно было въ Нижнемъ еще одно интересное зданіе. Бывшій губернаторъ Муравьевъ построилъ на Гребешкѣ высокую, въ 30 саж., и цѣною въ 30 тысячъ руб., башню красивой архитектуры и, полагая, что ярмарочнымъ купцамъ не па что кунить часы, водрузилъ на ней огромные часы, которыми можно-бы пользоваться съ ярмарки. Но эта культурная затѣя не привилась, часы были плохо видны съ ярмарки и при томъ обладали чудеснымъ свойствомъ показывать одновременно различное время, на одной сторонѣ 2 часа, на другой 7 или 11, такъ что многіе вводились въ заблужденіе. Но сама башня была красотю Ниж-няго, царила надъ Окой и на нее забирались скучающіе туристы, но п этой утилизаціи пришелъ конецъ, волжскіе вѣтры расшатали башенныя стѣны, взбираться на нее стало небезопасно, и въ 1882 г. ее разобрали, оставивъ лишь одинъ первый этажъ. Возлѣ башни старенькая церковь, куда по рассказамъ обывателей, аглицкій енаралъ пріѣзжалъ молебнѣ служить.

— Зачѣмъ-же это ему понадобилось?

-- А какъ-же, отчего-же не служить, у его своей вѣры нѣтъ, ну онъ нашему Богу и помолился.

Въ Нижнемъ много хорошихъ магазиновъ, но гостиннаго двора въ собственномъ смыслѣ этого слова нѣтъ; да онъ и не нуженъ тамъ, гдѣ главный торговый пульсъ на ярмаркѣ. Бросается въ глаза, что у мно-гихъ церквей нижніе этажи и пристройки заняты лавками, а на Благо-вѣщенской площади, рядомъ съ почтой обращаютъ вниманіе нѣсколько лавчонокъ, гдѣ продаются вмѣстѣ гробы и гармоніи—трогательное со-четаніе предметовъ уныпія и веселья!

При всей вышней красотѣ, несмотря на бьющія въ глаза хорошо устроенные съѣзды и выровненные откосы, внутреннее благоустройство города оставляетъ желать многого. Хотя здѣсь и не бываетъ особенной грязи, вслѣдствіе несчанаго грунта, но мостовая далеко не представ-ляетъ гладкой поверхности; на задворкахъ и по оврагамъ скопилась всякая дрянь и отбросы, сточныя трубы засоряются, отъ нихъ часто поднимается зловонный паръ. Нѣсколько подчистился городъ по случаю

холеры нынѣшняго (1892) года, но и тутъ комитетъ общественныхъ работъ больше занялся облицовкою откосовъ, особенно со стороны Волги, ближе къ Печерскому монастырю, а также на окраинѣ со стороны Оки. вмѣсто этихъ дорогихъ и довольно бесполезныхъ работъ декоративнаго свойства лучше было бы употребить деньги и рабочія силы на оздоровленіе города, въ которомъ смертность все еще очень велика, хотя міазмы и разносятся вѣтрами, усердно дующими на здѣшнихъ горахъ.

А. Субботинъ.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

«Приазовскій Край» о г-жѣ Палемъ.—«Судъ женщинъ».—«Любовь не должна быть на первомъ планѣ».—Случай истязанія изъ «Смоленскаго Вѣстника».—Приговоръ изъ «Сартовскаго Листка».—«Новороссійскій Телеграфъ» возводитъ дрязги въ преступленіе.—Полемика его съ «Одесскимъ Листкомъ».—Покаяніе репортера.—Одесскіе фельетоцисты.—О бездеремонности репортеровъ и хроникеровъ.—«Мипскій Листокъ» о пожалованіи французскаго ордена.—«Прибалтійскій Листокъ» объ эстскихъ обществахъ.

«Бѣдная Ольга Палемъ! Ее разказнили еще до суда присяжныхъ,—такъ говоритъ «Приазовскій Край»:—не миновать бы этой, во всякомъ случаѣ глубоко-несчастной женщины каторги или «желтаго дома», если бы судьбу ея рѣшали однѣ только ея «сестры»... «Одна изъ нихъ такъ прямо и говоритъ, что Ольгу Палемъ, яко психопатку и, слѣдовательно, невмѣняемую, надо бы заключить въ сумасшедшій домъ. Другая печально изрекаетъ—*такія* женщины не заслуживаютъ состраданія. Третья резюмируетъ всю драму въ 4—5 словахъ—«ошиблась въ расчетѣ, озлилась и убила». Нѣкоторыя другія провинціальныя газеты также привели выдержки изъ писемъ по поводу убійства Довнара, помѣщавшихся въ спеціально открытомъ для этого въ «Новостяхъ» отдѣлѣ: «Судъ женщинъ».

Но «Приазовскій Край» нѣсколько поторопился, говоря, что «сестры разказнили» Палемъ. Напротивъ, большая часть дамъ, писавшихъ въ «Новости», относились къ ней съ состраданіемъ, нѣкоторыя съ сочувствіемъ. Но свѣдѣнія о личности Довнара и Палемъ до такой степени противорѣчивы, что отъ обсужденія этого дѣла лучше было воздержаться до выясненія его хотя бы предварительнымъ дознаніемъ. Однако къ дознанію еще и приступлено не было, а корреспондентки «Новостей» уже произносили окончательныя приговоры надъ «такимъ» человекомъ, какъ Довнаръ, котораго полюбила «такая» женщина, какъ Палемъ. Между тѣмъ, именно о томъ, *каковы* они, невозможно судить по разсказамъ взаимно противоположнаго свойства.

Если разсматривать этотъ «судъ женщинъ» независимо отъ обстоятельствъ дѣла, но просто, какъ ареопагъ, обсуждавшій вопросъ о лю-

бовныхъ отношеніяхъ, то онъ вышелъ удачнѣе, чѣмъ можно было ожидать по существу самого вопроса. Были, конечно, и слабаватыя писанія, о которыхъ скажу «два» слова прежде; но встрѣчались и нѣкоторыя дѣльныя, если оставить въ сторовѣ вопросъ о самыхъ фактахъ, которыя напрасно принимались во всѣхъ этихъ письмахъ за вполне удостовѣренныя. Такъ «защитница любви» писала: «прѣ *такой* любви, какую питала Палемъ къ Довнару, мысль о потерѣ обожаемаго существа должна была быть выше ея силъ... Конечно, этотъ шагъ безразсуденъ,—но развѣ женщина отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, когда она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, достигшей своего апогея?». Мнѣ думается, что дѣлю этого краткаго письма было не столько защитить любовь, сколько—написать фразу «достигшей своего апогея» и узрѣть это свое «вполнѣ литературное» произведеніе въ печати. Въ самомъ дѣлѣ, и между профессиональными сочинителями немалое число такихъ, которые менѣе заботятся о содержаніи писаній своихъ, чѣмъ о «вполнѣ литературномъ» языкѣ. И вотъ, они усердно нанизываютъ такіе будто бы дорогіе перлы, какъ «достигшей своего апогея», «жизнерадостные мотивы», «что ему Гекуба и что онъ Гекубѣ?», «Юнитеръ, ты сердился, значитъ, ты не правъ», «всецѣло посвященный», «alma mater» и разныя истасканныя изрѣченія кухонной латыни, къ тому же часто перевираемыя. Что человѣкъ иногда дѣйствуетъ въ изступленіи, это понятно, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ литераторовъ, это не достаточно «литературно». А вотъ если написать, что женщина не отдаетъ себѣ *отчета* въ своихъ поступкахъ, когда она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти достигшей своего (а не чужого) апогея», то это будетъ уже вполнѣ литературно и оригинально.

Другая корреспонденція указывала суть вопроса въ томъ, что «мужчины по природѣ склонны обманывать. Исторія подтверждаетъ это... Сколько слезъ, заботъ, горя, можно было намъ, женщинамъ, избѣжать, разъ навсегда запомнивъ, что мужчины живы, изуродованы нравственно, не признаютъ ничего святого. Плачь, плачь, несчастная женщина!.. Говорять, что у евреевъ мужчины ежедневно благодарятъ Бога, что онъ не создалъ ихъ женщиной». Авторъ этого письма затрогиваетъ вопросъ о несомнѣнной несправедливости всякаго неравенства и въ этомъ я на ея сторовѣ. Но будто ужъ «живы» только мужчины? Разно бываетъ.

Приведу теперь нѣсколько отзывовъ болѣе содержательныхъ. Г-жа К. И. писала: «за легкія отношенія всегда приходится платиться очень тяжело, особенно женщинамъ. Изъ обожаемой любовницы онъ быстро превращается въ ненавистнаго *кредитора*, и тогда ее упрекнуть даже потерянной добродѣтелью, даже испорченной, якобы ради ея, карьерой...». «Актриса—мать-жена» писала: «несчастливая женщина, попавшая въ сѣти, изъ которыхъ ей трудно было выпутаться безъ револьвера въ рукахъ. Законъ обобщаетъ преступления, не доходя до частныхъ, ко-

торыя трудно предвидѣть. Но призовите законодателей и скажите имъ (слѣдуетъ ссылка на обстоятельства не вполне доказанныя)... Можно ли сомнѣваться, что за *такое* убійство они положили бы не ту, жестокую кару». Замѣчу, что это предположеніе вступаетъ на довольно скользкій путь. Что сказали бы законодатели, еслибы они были призваны къ сужденію о каждомъ отдѣльномъ случаѣ и рѣшали его, какъ хочетъ авторъ письма, «не по соображеніямъ о правѣ, правонарушеніи, о необходимости устрашенія, наказанія», но «отъ души и сердца», по голосу совѣсти, такъ какъ «мораль частнаго лица снисходительнѣе общественной и государственной». Отвѣчу на это, что «законодатели» въ разныхъ случаяхъ сказали бы разное, но только они тогда перестали бы быть законодателями, а сдѣлались бы присяжными. По этому воззрѣнію законы, вообще, вовсе и не нужны, потому что они «не доходятъ до частностей».

Болѣе твердою рукою написано разсужденіе г-жи М. Л. «Вся бѣда въ томъ, что у женщины любовь на первомъ планѣ, а у мужчины—на второмъ. Разъ равновѣсіе нарушено, гармонія быть не можетъ. Въ самой природѣ обоихъ половъ уже лежитъ источникъ разногласія: для мужчины воздержаніе тягостнѣе, чѣмъ для женщины. Природа мужчины требуетъ возбужденія, а для возбужденія нужна смѣна ощущеній... Для того, чтобы катастрофы дошли до минимума, нужно чтобы любовь не стояла у женщины на первомъ планѣ. Если человѣку нечего дѣлать, онъ поневолѣ вырабатываетъ себѣ *idée fixe*.. Дайте женщиѣ возможность примѣнить свой трудъ наравнѣ съ мужчиной и равновѣсіе восстановится... Она станетъ спокойнѣе, уравновѣщеннѣе; ея отношенія къ мужчиѣ потеряютъ острый характеръ и сами же мужчины, первыя, отъ этого выиграютъ».

Какъ сторона въ такомъ вопросѣ, я выскажу сперва нѣсколько словъ пристрастныхъ, затѣмъ постараюсь выступить въ роли руководителя судебныхъ преній, произносящаго «резюмѣ». Пристрастное мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что бываетъ именно женская любовь, которая дѣлаетъ любовь самую искреннюю—непріятною, даже мучительною, ставить иного въ такое положеніе, что, увлекаясь женщиною и любя ее сердечно, онъ всетаки чувствуетъ нравственное облегченіе, если ее сегодня не увидитъ. Она имѣетъ на то время, сидитъ себѣ и подготавливаетъ разныя средства, объясненія, сцены, которыя совсѣмъ далеки были отъ простаго и лояльнаго къ ней настроенія любящаго ее человѣка. Это не только гложетъ его, но и постепенно развѣдаетъ въ немъ самое чувство. Извѣстно и вѣдомо да будетъ такое обстоятельство уважаемымъ корреспонденткамъ «Новостей».

Обращаясь къ самому положенію, въ какое поставлены женщины не могу не признать справедливость приведенныхъ жалобъ. Совершенно вѣрно сказано: «нужно, чтобы любовь не стояла у женщины на первомъ планѣ». Но это происходитъ не исключительно отъ того, что

женщинѣ «нечего дѣлать». Наоборотъ, скорѣе женщинѣ нечего дѣлать — оттого, что любовь поставлена для нея на первый планъ, что воспитаніе, лишеніе многихъ правъ, между ними и права на высшіе заработки, правила жизни, обычаи, самая одежда для цѣлой половины челоуѣческаго рода *установлены* на томъ принципѣ, что любовь не только должна стоять «на первомъ планѣ» у женщинъ, но что она составляетъ прямое ихъ назначеніе.

Не только у народовъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, но просто у всѣхъ народовъ не-христіанскихъ, самыя законы признають, что женщина и создана только для удовольствія мужчины. Мусульманство не признаетъ въ ней даже души. Только христіанство видитъ въ женщинѣ равное мужчинѣ духовное существо; во христіанство не предписывало основъ для быта гражданскаго. Оно заповѣдало любовь къ ближнему и въ рабѣ указывало брата, но оно не отмѣнило рабства. И вотъ, послѣдній остатокъ рабства въ современномъ положительномъ и обычномъ правѣ, несомнѣнно проявляется въ положеніи женщины. Въ томъ, что для раба обязательна была работа, а женщина лишена нѣкоторыхъ заработковъ, нѣтъ никакого противорѣчія сказанному. Каждая небогатая женщина работаетъ, причемъ въ преобладающемъ большинствѣ, т. е. въ народѣ, она работаетъ на своего «господина». Да и не только въ народѣ, такъ какъ, за исключеніемъ сравнительно не большого числа женщинъ, стоящихъ совсѣмъ одиноко, всякая небогатая женщина работаетъ, въ домѣ или внѣ дома, и работаетъ даромъ, за одни «харчи», или по меньшей мѣрѣ работаетъ самостоятельно.

Все дѣло именно въ томъ, что ее воспитываютъ для любви, держать для любви, тяготея ея, если она уже не нужна для любви, требуютъ отъ нея любви или по закону (насиліе въ этомъ смыслѣ надъ женой въ законѣ не признается за насиліе), или въ видѣ взятки, и только этимъ путемъ, законно или незаконно, женщина, если не имѣетъ наслѣдственныхъ средствъ, можетъ добывать что-либо сверхъ самаго необходимаго. Сама зарабатывать она можетъ только на самыя первыя потребности, а все что ей *дается*—дается за любовь или (что чаще) за симуляцію любви. Вотъ почему, и вполне логично, женщинъ не допускають къ высшимъ заработкамъ за незначительными исключеніями, да и въ этихъ исключеніяхъ—въ частныхъ обществахъ, на телеграфѣ, въ школахъ—за совершенно тотъ же трудъ женщинамъ платятъ гораздо меньше.

Съ дѣтства женщину воспитываютъ для любви, въ искусствѣ правиться, въ скромности, граціи и въ склонности къ красивому. Мать и воспитательница внушаютъ ей не то, что нужно для челоуѣка, но то, какъ должна держать себя дѣвочка, дѣвушка, молодая женщина. Я нисколько не намѣренъ впадать въ пошлыя насмѣшки надъ «барышнями». По-моему, не особенно умно, создавъ и поддерживая для женщинъ парниковыя условія существованія, требовать въ то-же время, чтобы

красивый и праздный цвѣтокъ, въ силу одной своей личной инициативы, преобразился въ небожащійся непогоды и полезный огородный овощъ. Всѣми средствами воспитанія внушаютъ дѣвчкѣ и дѣвушкѣ одно — правиться, и практично поступаютъ, пока такovy устройства быта. Что это искажаетъ человѣка—другой вопросъ. Помню такой случай: Молодая женщина верхомъ въ манежѣ шла галопомъ, какъ водится съ правой ноги (и тутъ для нихъ особый законъ, потому что особое сѣдло, требуемое обычаемъ), значить слѣва направо, вдоль стѣны. Лошадь чего-то испугалась и уперлась, всадница вылетѣла изъ сѣдла и стукнулась головой о деревянную стѣну, такъ звонко, что сдѣлалось страшно. Ее подняли, она попробовала идти подъ руку и войдя въ ложу, въ которой было зеркало, тотчасъ бросила въ него озабоченный взглядъ. Ужъ только послѣ этого съ ней «сдѣлалось дурно».

«Дайте женщинѣ возможность примѣнять свой трудъ *наравнѣ* съ мужчиной—писала разсудительная корреспондентка «Новостей»—и равновѣсiе возстановится... Она станетъ спокойнѣе, уравновѣшеннѣе; ея отношенiя къ мужчинѣ потеряютъ острый характеръ и сами же мужчины, первые, отъ этого выиграютъ». Хитро сказано, чтобы подкупить законодателей—дескать, вамъ же будетъ покойнѣе. Но это почти все равно, какъ еслибы сказать законодателямъ: установите, чтобы вина не содержала болѣе 5 градусовъ алкоголя, вамъ же будетъ покойнѣе. А законодатели-то, можетъ быть, любятъ именно вина болѣе «богатя».

Вопросъ объ уравненiи женщинъ можетъ быть разрѣшенъ только усиленными старанiями самой той половины человечества, которая остается внѣ общаго права. Въ какомъ видѣ эти старанiя могутъ оказаться успѣшными, не хочу рѣшать. Знаю только, что сила уступаетъ не убѣжденiю, но нѣкоторому давленiю. Въ Англiи, гдѣ, не смотря на ея пресловутый консерватизмъ, уже теперь болѣе благопрiятны, чѣмъ на континентѣ, условiя для высшаго женскаго образованiя и для высшихъ заработковъ женщинъ, серьезно говорятъ о предоставленiи имъ права политическаго, то-есть избирательства. Но тамъ происходитъ странное перемѣщенiе видовъ: сторонниками предоставленiя женщинамъ избирательнаго права являются не либералы, но консерваторы. Для объясненiя этого, повторю то, что будучи въ Лондонѣ, я слышалъ отъ сэра Чарльза Дилька. Это было еще передъ тѣмъ, какъ онъ занялъ выдающееся мѣсто въ кабинетѣ, которое, къ слову сказать, онъ потерялъ за тѣмъ, именно вслѣдствiе отношенiй съ женщиной. Сэръ Ч. Дилькъ тогда былъ только радикальнымъ членомъ палаты общинъ, представителемъ рабочаго квартала Чельси. «Мы вотировали бы, какъ одинъ человѣкъ, за политическое право женщинъ»,—говорилъ онъ мнѣ, «но мы предвидимъ, что женщины станутъ избирать консерваторовъ; вотъ единственное, что насъ останавливаетъ».

Это—любопытный примѣръ отступленiя отъ принципа по соображенiю оппортунистическому. Но все равно, женщины должны добиться урав-

ненія въ законодательствѣ, такъ какъ онѣ, составляя половину населенія, имѣютъ еще за себя, въ данномъ случаѣ, значительное число союзниковъ въ другой половинѣ—людей передовыхъ, менѣе оппортунистическихъ, чѣмъ сэръ Ч. Дилькъ, а хотя бы и консерваторовъ, которые знаютъ, что женщины будутъ подавать голоса подъ влияніемъ скорѣе старыхъ преданій, чѣмъ сегодняшней котировки на биржѣ.

Печать жалѣетъ Ольгу Палемъ и это понятно, такъ какъ не даромъ же она и на себя наложила руку. Но газеты, сожалѣющія о женщинахъ, которая, какъ бы то ни было, все-таки убила, ни единого слова не замолвятъ за женщинъ, которыхъ ежедневно убиваютъ или истязуютъ мужчины. Рѣдкая почта не приноситъ извѣстія о подобномъ фактѣ, но эти факты, повидимому, считаются въ порядкѣ вещей, такъ какъ никто никогда по поводу ихъ не поставилъ вопроса: нѣтъ-ли какихъ-либо средствъ, чтобы обуздать убійцъ и истязателей женщинъ? Вѣдь ежедневно же находишь въ разныхъ газетахъ заявленія о необходимости такихъ измѣненій—съ цѣлью устранить тѣ или другія явленія, «которыя долѣе не могутъ быть терпимы». А изъ нихъ, право, нѣтъ ни одного, которое было-бы такъ возмутительно и повторялось бы такъ часто, какъ истязаніе и убійство женщинъ мужьями и любовниками.

Беру на удачу газеты 3 и 4 іюня. Въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» нахожу взятый изъ «Восточнаго Обзорѣнія» недавній случай въ Осинской волости, Балаганскаго округа: крестьянку Татьяну Москвитину привелъ въ сельскую управу мужъ, отставной солдатъ, и тамъ, въ присутствіи старосты и съ его помощью, стали ее стегать плетью до усталости истязателей, которые, въ промежуткахъ, садились, пили водку, закусывали и снова принимались за сѣченіе. Дома, Татьяна, «чтобы больше не страдать», нанесла себѣ ножомъ рану въ животъ, такую, что кусокъ сальника появился наружу и хотя осталась жива, но неспособна къ труду.

Въ «Саратовскомъ Листкѣ» другой случай: въ саратовскомъ судѣ рассмотрѣно дѣло крестьянина Близняка, 27 лѣтъ. Заподозрѣвъ жену въ прелюбодѣянніи, онъ убилъ ее, нанеся ей болѣе сорока ранъ заостреннымъ коломъ. Убійцу присудили на 3 года въ арестантскія роты, «съ лишеніемъ правъ». Это лишеніе правъ звучитъ очень грозно. Но во всякомъ случаѣ, Близняковъ не лишенъ права черезъ 3 года, когда ему будетъ 30 лѣтъ, жениться снова и, въ случаѣ подозрѣнія или гнѣва, убить и вторую жену, зная, что, если и не оправдаютъ въ уваженіе ревности, что бываетъ, такъ и просидѣтъ 3 года не важность.

А зато какъ зорко наши газеты слѣдятъ за преступленіями иного рода, напримѣръ, хотя бы за нежеланіемъ инородцевъ учиться русскому языку, которое, правда, въ извѣстныхъ случаяхъ, наказуемо, но не можетъ же идти въ сравненіе съ убійствомъ и хотя бы истязаніемъ. Въ «Новоросс. Телеграфѣ» нахожу указаніе на факты, которые газета называетъ «чудовищными». Дѣло заключается въ томъ, что нѣмцы-коло-

чисты селенія Гликсталь, Тираспольскаго уѣзда, не дали квартиры учителю русскаго языка Захарчуку и не продавали ему ничего съѣстнаго, такъ что Захарчукъ могъ покупать съѣстное только въ корчмѣ. «Непріязненныя отношенія поселянъ дошли до того, что колонисты стали предупреждать Захарчука о возможности нападенія на него въ школѣ». Последнее что-то совсѣмъ невѣроятно; никогда не было слышно о нападеніяхъ колонистовъ на учителя, хотя бы и русскаго. Да и кто могъ свидѣтельствовать о такихъ предупрежденіяхъ? Конечно, только самъ Захарчукъ, у котораго были «непріязненныя отношенія», еще неизвѣстно кѣмъ возбужденныя.

Между тѣмъ, одесская газета указываетъ въ этомъ—«возмутительное насиліе». Ее возмущаетъ, что въ корчмѣ учитель могъ покупать только хлѣбъ и колбасу. Положимъ, это было непріятно, но все-таки не составляетъ истязанія. А «Новоросс. Телеграфъ» усиленно раздуваетъ дѣло и требуетъ мѣръ; онъ не удовлетворенъ арестомъ, которому подвергнуты виновные старшина и староста. Онъ выступаетъ съ цѣлой катилларією: «за такое преступленіе виновные должны были-бы, въ примѣръ прочимъ, поплатиться не кратковременнымъ арестомъ, а чѣмъ-нибудь болѣе чувствительнымъ; во всякомъ случаѣ, надо надѣяться, что на этотъ фактъ и ему подобные будетъ обращено вниманіе и высшаго правительства». Не слишкомъ ли это много, по поводу того, что учитель, хотя и былъ сытъ, но ѣлъ только колбасу, вѣроятно хорошую въ нѣмецкомъ селеніи. Между тѣмъ, «Новоросс. Тел.» увѣряетъ, будто это «преступленіе» имѣетъ «прямую связь съ вопросами государственной безопасности». Полно... сочинять. Вообще, издатель «Новоросс. Тел.» любитъ уголовное; недавно онъ не только самъ признался, но еще похвалялся тѣмъ, что разыскалъ штрафы съ служащихъ въ его типографіи.

Дѣло происходило такъ. Издатель «Одесскаго Листка» г. Навроцкій имѣетъ домъ, какъ и издатель «Новоросс. Телеграфа» г. Озмидовъ. Г. Навроцкій запоздалъ внесеніемъ въ кредитное общество платежа по залoгу дома, общество включило имя издателя въ списокъ неисправныхъ плательщиковъ, которыхъ дома подлежатъ продажѣ, а когда г. Навроцкій уплатилъ слѣдовавшее, то имя его изъ этого списка было изъято. Но въ типографіи г. Озмидова объявленіе было напечатано въ неисправленномъ видѣ, то есть съ именемъ г. Навроцкаго. По объясненію «Н. Телеграфа», названная фамилія была вычеркнута въ первой корректурѣ, но поправка эта въ шрифтѣ сдѣлана не была «по небрежности наборщика, корректора или управляющаго типографіей (это не удалось выяснить)»... «Объ этомъ нашъ издатель—говорится въ той же газетѣ далѣе—узнаетъ случайно отъ одного изъ сотрудниковъ и естественно приходитъ въ негодованіе. Онъ наряжаетъ слѣдствіе, возмущается до глубины души этой небрежностью персонала типографіи, налагаетъ на виновныхъ строгія взыскапія, публикуетъ объ этомъ въ собственной газетѣ,

подвергаетъ себя самобичеванію и пишетъ г. Навроцкому извинительное письмо, выражая ему свое крайнее сожалѣніе о случившемся. Что же еще могъ сдѣлать г. Озмидовъ?»

Объ этомъ случаѣ сотрудники обѣихъ газетъ, съ свойственной имъ пространнымъ, накатали нѣсколько столбцовъ. Поступокъ г. Озмидова, который въ его же газетѣ былъ названъ «джентльменскимъ», вызвалъ однако шутки въ «Одесскомъ Листѣ», что разсердило консервативную газету, которая объявила, что г. Навроцкій «не понимаетъ и не цѣнитъ джентльменства и достоинства», при чемъ прибавилъ, что г. Озмидовъ, какъ хозяинъ типографіи, не находитъ возможности сложить штрафовъ съ виновныхъ, но что «пусть самъ г. Навроцкій категорически заявитъ, чего онъ желаетъ: отсылки штрафной суммы въ общество литераторовъ, или того, чтобы эти штрафы были сложены и возвращены виновнымъ рабочимъ. Если-бы была иная возможность взыскать съ виновныхъ г. Озмидовъ не сталъ-бы спрашивать что ему дѣлать и какъ поступать; но иныхъ способовъ взысканія нѣтъ нигдѣ; во всемъ мірѣ взысканія практикуются только штрафами». Однако тотъ же «Нов. Тел.» оправдывалъ же осужденнаго мировымъ судьей предводителя за битье рабочаго; оправдывалъ такимъ соображеніемъ, что нанесеніе удара предводителемъ рабочему не есть оскорбленіе, а только взысканіе. Стало быть, именно «Нов. Телеграфу» извѣстно, что если не «во всемъ мірѣ», то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «практикуются» еще и иныя «взысканія», кромѣ штрафовъ.

На это заявленіе «Одесскій Листокъ» возразилъ довольно резонно. «У г. Озмидова престранныя понятія о справедливости. Не выяснивъ даже, какъ слѣдуетъ, кто правъ, кто виноватъ, онъ: двоихъ оставляетъ безъ куска хлѣба, семерыхъ тружениковъ лишаетъ ихъ недѣльнаго заработка, одного штрафуетъ на 25 р. У г. Озмидова престранныя понятія о джентльменствѣ»... Далѣе газета говоритъ, что такъ какъ не выяснено, кто былъ виновенъ въ ошибкѣ, то еслибы г. Озмидовъ «не счелъ себя виравѣ пользоваться деньгами за дурно и съ ошибками исполненную работу и причитающуюся ему за объявленіе кредитнаго общества плату внесъ на благотворительныя заведенія», то «это было-бы джентльменствомъ за свой счетъ. А джентльменствовать на счетъ другихъ» и т. д. Такое предложеніе вызвало въ «Нов. Тел.» слѣдующую загадочную замѣтку: «хроникеръ требуетъ, чтобы г. Озмидовъ наказалъ себя, отказавшись отъ платы за объявленіе кредитнаго общества. Комментаріи тутъ излишни и инцидентъ вполне исчерпанъ. Теперь ясно, чего добивалась газета г. Навроцкаго». Комментаріи, конечно, излишни, ихъ было слишкомъ много. Но не мѣшало бы заявить безъ комментаріевъ, согласился ли издатель «Новоросс. Телеграфа», что никакого удовлетворенія издателю «О. Л.» штрафъ со служащихъ въ типографіи г. Озмидова не давалъ, но, что для этого было совершенно достаточно его извинительнаго письма.

«Русское общество пароходства и торговли» не любитъ, чтобы газеты шутили съ нимъ и само съ газетами шутить не любитъ. «Одесскій Листокъ» оно недавно лишило своихъ объявленій, а раньше того, капитанъ и помощникъ капитана одного изъ пароходовъ общества возбудили противъ сотрудника «Новоросс. Телеграфа» судебное преслѣдованіе за клевету и тѣмъ вынудили его написать въ той же газетѣ настоящій актъ самаго смиреннаго покаянія. Признаюсь, впрочемъ, что мнѣ неизвѣстенъ результатъ судебного дѣла. Провинность сотрудника газеты, г. Стечкина, относилась къ случаю, который произошелъ въ іюлѣ прошлаго года. Какъ бы то ни было, по несомнѣнно, что добровольно никто не напишетъ такого письма, какъ напечатанное теперь въ «Н. Телегр.» покаянное посланіе къ капиталу и его помощнику. Столкновеніе двухъ пароходовъ г. Стечкинъ, на основаніи слуха, объяснилъ тѣмъ, что на одномъ изъ нихъ капитанъ и его помощникъ играли въ карты, а на вахтѣ былъ 19-ти лѣтній практикантъ. Капитанъ и помощникъ тогда же, т. е. почти годъ тому назадъ, возражали и письмо ихъ было помѣщено въ «Нов. Телеграфѣ».

Но этимъ дѣло не кончилось, такъ какъ г. Стечкинъ принужденъ былъ теперь печатать о себѣ слѣдующее: «гоняясь за скорѣйшей передачей публикѣ сенсационнаго извѣстія, я *упустилъ изъ виду*, что извѣстіе это затрогиваетъ честь, доброе имя и служебную репутацію вашу, мм. гг. Поэтому я считаю себя обязаннымъ признать свою неправоту передъ вами. Я не клеветалъ на васъ, т. е. я не говорилъ завѣдомо ложнаго противъ васъ обвиненія въ поступкѣ противномъ правиламъ чести, но я легкомысленно задѣлъ вашу честь. Выражаю свое сожалѣніе, беру всѣ свои слова назадъ... Надѣюсь, что искренняя повинная моя удовлетворитъ вашу затронуемую честь и что вы будете видѣть во мнѣ не автора клеветы... а человѣка въ пылу газетной работы сдѣлавшаго ошибку... и готоваго откровенно и прямо, безъ ложнаго стыда, признать себя неправымъ».

Я вполне вѣрю, что г. Стечкинъ только впалъ въ ошибку, но трудно видѣть въ немъ человѣка *готоваго* откровенно и прямо, безъ ложнаго стыда, признать себя неправымъ. Такая «готовность», которая явилась черезъ 10 мѣсяцевъ, едвали можетъ быть признана готовностью. Авторъ пишетъ такъ, какъ будто онъ по собственному влеченію, побуждаемый только свойственной ему откровенностью, покаялся теперь передъ оскорбленными имъ лицами. А между тѣмъ, прошелъ почти годъ и были судебныя дѣйствія. Стало быть, не однѣ только готовность и откровенность продиктовали позднее покаяніе.

Впрочемъ, легкомысленное отношеніе къ чести и интересамъ другихъ лицъ не составляетъ отличительной черты репортеровъ провинціальныхъ. Оно проявилась съ полнымъ блескомъ въ разсказахъ петербургскихъ газетъ, объ убійствѣ Довнара. Имя покойнаго, у котораго есть мать и братъ, репортеры смѣшали съ грязью, неизвѣстно на ка-

кихъ основанійхъ. Отъ кого они въ первые дни послѣ убійства могли узнать всѣ гадости, которыя они рассказывали съ апломбомъ, какъ нѣчто несомнѣнное, и которыя затѣмъ повторялись провинціальными газетами, какъ несомнѣнныя истины? Не могла-же сама г-жа Палемъ, лежавшая въ больницѣ, сообщить имъ, будто Довнаръ былъ у нея на содержаніи, билъ ее, заставлялъ «изнѣженную барышню», мыть себѣ ноги, прогонялъ ее и т. п. Значить, все это репортеры собирали отъ лакеевъ въ гостинницѣ и отъ горничныхъ въ меблированныхъ комнатахъ, или отъ дворниковъ, которые слышали отъ лакеевъ, или въ мелочныхъ лавочкахъ, этихъ клубкахъ кухонныхъ сплетенъ. Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ тамъ все рассказывается и сколько привирается. А репортеръ взялъ, да прямо и бухъ въ печать. И вдругъ, на судѣ окажется, что все рассказанное репортерами—неправда? Тогда мы поймемъ, каково было матери Довнара читать, какъ позорили ея сына.

Одинъ изъ репортеровъ справедливо замѣтилъ, что совершенно напрасно было производить «полное» вскрытіе трупа Довнара, когда причина смерти была несомнѣнна. Но при этомъ истинной цѣлью автора было не это заключеніе, а составленіе «сенсационнаго» рассказа о томъ, какъ цинично производится фельдшерами вскрытія, съ подробностями о томъ, какъ хруститъ сдираемая кожа, какъ бросаютъ трупъ, какъ стучать его руки, съ какими прибаутками все это совершается. Описавъ съ этими подробностями, вскрытіе другого трупа, репортеръ прибавлялъ, что и съ Довнаромъ, конечно, продѣлали то-же самое и затѣмъ изложилъ, какъ проходила пуля у него подъ черепомъ. Каково это читать матери? Но репортеру какое дѣло? Онъ «служить дѣлу общественному»; а въ дѣйствительности онъ наводитъ сдѣлать свои отчеты какъ можно болѣе длинными, а зная, что редакціи вычерываютъ лишнія слова и выкачиваютъ воду изъ репортерскихъ отчетовъ (въ сожалѣнію, не изъ другихъ статей), онъ и силится, во что бы то ни стало, передать какъ можно болѣе «фактическаго», но пикантнаго, сильно дѣйствующаго. Гдѣ-же ему при этомъ подвергать какой-нибудь провѣрѣ слышанное, опускать нѣкоторыя вещи изъ деликатности, церемониться съ чувствами родныхъ и хотя бы самыхъ жертвъ преступленія, если онѣ остались въ живыхъ.

А фельетонисты, на основаніи репортерскихъ свѣдѣній, спѣшатъ строить уже цѣлыя «психическія типы», потрошить въ свою очередь и вышучивать описанныхъ лицъ, съ прибавленіями изъ собственной фантазіи. Вотъ, напримѣръ, что писалъ фельетонистъ «Одесскаго Листка» о Довнарѣ и Палемъ. Началъ онъ хорошо: «оклеветавъ Довнара, теперь надѣются оклеветать и г-жу Палемъ. Изъ Довнара для чего-то сдѣлали «альфонса». Изъ г-жи Палемъ къ чему-то стараются сдѣлать авантюристку, тянувшую съ Довнара деньги...» Далѣе фельетонистъ уже сбивается: «Довнаръ умеръ. Ему все равно, что объ немъ ни говорить.

Г-жа Палемъ жива, ей не безразлично, какое клеймо ляжетъ на ея жизнь». Значить, по мнѣнію одесскаго фельетониста, на покойниковъ можно клеветать сколько угодно, такъ какъ «имъ все равно?» Повидимому, онъ этого не думаетъ, ибо тутъ-же прибавляетъ: «защищая память мертвыхъ, щадите имя живыхъ». Но тогда, какое-же значеніе имѣлъ аргументъ, что мертвымъ «все равно»?

Въ концѣ-же своей статьи фельетонистъ самъ начинаетъ дѣлать то, въ чемъ упрекалъ другихъ. Онъ пишетъ: «г-жа Палемъ бурно провела жизнь... Судьба кидала ее отъ одного обожателя къ другому, пока она не полюбила. Никого такъ не губить страсть къ картамъ, какъ шуллеровъ, и никого не губить такъ любовь, какъ «жрица любви». Это жертвы своей *профессіи*». Не говоря уже о томъ, что здѣсь фельетонистъ прямо противорѣчитъ тому, что сказалъ въ началѣ, спрашивается, какое онъ имѣетъ право такъ отзываться о женщинѣ на основаніи недоказанныхъ обвиненій? Называть женщину «жрицей любви по профессіи» можно единственно въ такомъ случаѣ, если этотъ фактъ установленъ судебнымъ разбирательствомъ.

Все это—гораздо хуже, чѣмъ легкомысліе. Безцеремонность репортеровъ въ «загроможденіи чести» (по выраженію г. Стечкина) другихъ лицъ, нахальная развязность фельетонистовъ въ томъ-же направленіи заслуживаютъ рѣшительнаго порицанія. Шаблонисты могутъ возразить, что я говорю противъ свободы печати. Но развѣ въ этомъ свобода печати? Свобода печати можетъ заключаться въ томъ, чтобы печать имѣла право сообщать о правонарушеніяхъ и вредныхъ для общества дѣйствіяхъ, не стѣсняясь авторитетомъ тѣхъ или другихъ лицъ и учреждений, но, конечно, заручившись при этомъ вѣрными, по крайней мѣрѣ въ существенномъ, данными. Но свобода печати вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы раздавать щелчки направо и налево кому попало, правому и виноватому, обзывать какъ вздумается людей неповинныхъ. Это уже не свобода форума, это свобода кабака. Напрасно нѣкоторые репортеры и фельетонисты стали бы выставлять свою безцеремонность и неразборчивое раздаваніе щелчковъ, какъ палладіумъ свободнаго обсужденія общественныхъ дѣлъ. Это свойство совсѣмъ иной категоріи—той самой, въ которой принадлежатъ «скандалы» затѣваемые въ клубахъ и ресторанахъ «широкою русскою натурой». Будьте, сколько можно, смѣлыми писателями, но не будьте скандалистами. Это совсѣмъ не одно и то же. Наоборотъ, одно исключаетъ другое и скандалистами писатели обыкновенно дѣлаются когда... когда сочинять-то имъ больше нечего, какъ только пустыя щелчки.

Такъ какъ мною приведены нѣсколько строкъ изъ одесскихъ фельетонистовъ, то я долженъ оговориться, что эти строки здѣсь набраны не въ томъ размѣрѣ, какой онѣ имѣютъ въ упомянутыхъ фельетонахъ. Я уже замѣчалъ, что въ Одессѣ пишутъ слишкомъ пространно. Иногда по сто строкъ о совершенномъ пустякѣ. Но этотъ, нельзя сказать —

«недостатокъ» хотя отчасти искупается тѣмъ, что одеситы обыкновенно послѣ каждыхъ десяти словъ начинаютъ съ новой строки. Этимъ особенно отличаются фельетонисты «Одесскаго листка». Такъ писалъ г. Кругловъ, такъ пишетъ теперь г. Дорошевичъ. У этого послѣдняго я нашелъ такую строку: «Ахъ!» Послѣ этой строки, онъ продолжалъ съ новой. Это дѣлается на парижскій манеръ, и съ парижской же цѣлью, т. е. въ тѣхъ же видахъ, какъ гг. мыльные заводчики завертываютъ куски мыла въ нѣсколько листовъ рекламъ на толстой бумагѣ, которыхъ никто не читаетъ, но которыя уменьшаютъ количество поставляемаго товара, оставляя цѣну его безъ измѣненія.

Представляю два примѣра строкъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ печатаются въ одесскихъ фельетонахъ.

Изъ «Одесскаго Листка»:

«Насось снова торжественно признанъ негоднымъ.

«Я протестую.

«Экзаменъ произведенъ невѣрно.

«На насось слѣдовало посадить пожарнаго».

Изъ него же, но другаго автора:

«Да что это? Что это?

«А знаете—гдѣ господа?

«Въ вавилонскомъ домѣ.

«Это еще что за домъ такой?!

«Да вотъ тотъ знаменитый, библейскій».

И это не разговоръ, это сами авторы, отъ себя. Выходить, какъ будто статья написана стихами. Легко читается, выгодно и еще какъ-то декадентно, чортъ возьми. Однимъ словомъ, далеко превзошли петербургскихъ. Впрочемъ, извѣстно, что въ Одессѣ все лучше и даже грандиознѣе. Только вотъ строчки покороче. Но вѣдь это шикъ.

Еще одно послѣднее сказанье. Изъ «Одесскаго Листка» приведу еще нѣсколько строкъ изъ статьи пользующагося на мѣстѣ всемирной извѣстностью фельетониста Барона Икса: «Вотъ положеніе, основоположеніе, начало, основоначало, тезисъ, сентенція, тенденція, смыслъ, мысль, мораль моей бесѣды, мысль, развиваемая на протяженіи всего фельетона, только въ концѣ, въ десятой, сотой его части иллюстрированная нѣсколькими примѣрами». И это правится. Одесскій подписчикъ—дѣлать бойкость слога, менѣе входя въ содержаніе; онъ сознаетъ, что ему самому далеко до того, чтобы написать «положеніе, основоположеніе», «начало, основоначало»—удивляется и создаетъ популярность бойкому фельетонисту, а тотъ фельетонистъ, пропорціонально своей популярности, тотчасъ-же укорачиваетъ свои строки.

По поводу пожалованія ордена Почетнаго легіона гг. Суворяну, Нотовичу, Комарову, Петровскому и Случевскому, г. Суворинъ описалъ въ своей газетѣ сколько у нихъ тамъ, въ Почетномъ Легіонѣ, состоитъ кавалеровъ разныхъ степеней и сколько французское правительство

расходуется въ годъ на пенсіи имъ. Для издателя «Новаго Времени» пенсія въ 200—300 франковъ не можетъ быть соблазнительна. Другое дѣло—почетъ. Известно, что во Франціи кавалерамъ Почетнаго легіона отдается воинская честь. Г. Комарову это не новость, опъ военный. Но г. Суворинъ будетъ польщенъ, когда, проходя въ Парижѣ мимо часового, увидитъ, что тотъ сдѣлалъ ему «на караулъ». Кстати, почему г. Иловайскій такъ гнѣвается на г. Суворина зато, что тотъ «суется» въ русскую исторію? Точно русская исторія—зала, въ которую входятъ только по билетамъ. Положимъ, издатель «Новаго Времени» — не профессоръ, хотя кавалеръ; но вѣдь и составитель учебниковъ г. Иловайскій, хотя по всей вѣроятности кавалеръ, но также—не профессоръ и если позволяетъ величать себя таковымъ, то совершенно такъ, какъ Гоголевскій Ковалевъ велѣлъ называть себя маіоромъ.

А вотъ что по случаю пожалованія означенныхъ лицъ французскимъ орденомъ, пишетъ г. Южный въ «Минскомъ Листкѣ»: «Франція жалуется столпныхъ журналистовъ и издателей, признавая ихъ заслуги. Ручаюсь, что та же Франція, если-бы она знала положеніе нашей провинціальной печати и пмева тѣхъ, которые остаются въ рядахъ провинціальной литературной арміи, она не замедлила бы награжденіемъ всѣхъ и даже производствомъ въ литературные генералы. Настоящая работа не тамъ, въ глубинѣ прекрасно устроеннаго кабинета, а здѣсь, на станкѣ связанномъ веревочками и при свѣтѣ салнаго огарка». Въ этой шуткѣ педаромъ упоминается о «веревочкахъ», по ею могутъ обидѣться одесскіе литераторы, которые пишутъ ужъ конечно не при свѣтѣ салнаго огарка. Еслибы одинъ изъ нихъ замѣтилъ этотъ «смѣхъ сквозь слезы» «Минскаго Листка», то навѣрное написалъ бы что-нибудь въ такомъ родѣ:

«Это что? Что это?

«Я протестую.

«У насъ не такъ.

«Положительно.

«Шикъ.

«Да-съ.

Я долженъ отмѣтить, что въ нынѣшнемъ году въ нѣсколькихъ провинціальныхъ газетахъ совсѣмъ закрылся или сталъ появляться лишь рѣдко и какъ бы случайно отдѣлъ, посвященный обзорѣнню журналовъ. Правда, въ нѣкоторыхъ газетахъ обзорѣнія эти велись неважно, по въ числѣ прекратившихся были и такія, которыя велись дѣльно. Ужъ во всякомъ случаѣ этотъ отдѣлъ содержательнѣе кувирканій по поводу городскихъ происшествій, да еще припца Кобургскаго, кувирканій, которымъ въ разныхъ газетахъ отводится все болѣе и болѣе мѣста.

Въ «Прибалтійскомъ Листкѣ» нахожу интересныя свѣдѣнія объ этескихъ обществахъ или союзахъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ. Газета обращаетъ вниманіе «на характеристическую черту населенія не только

Юрьевского уѣзда, но всего (балтійскаго) края—соединяться въ разныя общества, преслѣдующія тѣ или другія цѣли». Но эта черта прибалтійскаго населенія характеристична только въ сравненіи съ почти полнымъ отсутствіемъ ея въ русскомъ народѣ. Духъ ассоціаціи не только ему не чуждъ, но силенъ въ немъ, какъ то показываютъ земельная община и разнаго рода артели, группировка дворовъ въ прямую, тѣсно застроенную улицу, соединеніе лавокъ въ ряды, переселеніе не одиночными семьями, а цѣлыми обществами или частями обществъ и т. д. Но духъ этотъ проявляется доселѣ почти исключительно въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ и притомъ не въ видахъ какихъ-либо улучшеній, но для распорядковъ исконныхъ или для охраненія безопасности. Такъ крестьяне неохотно относятся и къ общественнымъ запаскамъ. Соединеніе же въ общества для какихъ-либо иныхъ начинаній, а тѣмъ болѣе для цѣлей образовательныхъ и эстетическихъ, требуетъ большаго почина и высшихъ стремленій, то есть предполагаетъ такую культурную ступень, которой русское крестьянство еще не достигло.

Впрочемъ и среди балтійскихъ эстовъ общества стали возникать всего тому лѣтъ 15, и вотъ какъ это явленіе объясняется «Прибалт. Листкомъ»: «съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія крестьянъ, съ увеличеніемъ числа дворохозяевъ-собственниковъ, съ распространеніемъ въ народѣ образованія и съ появленіемъ болѣе серьезныхъ народныхъ періодическихъ изданій, среди эстовъ пробудился новый духъ, зародились новыя потребности»... «Приб. Лист.», указывая на то, что дѣятельность эстскихъ обществъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ развитыхъ и свѣдущихъ людей, прибавляетъ, что «представители сельской интеллигенціи» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не чуждаются этихъ обществъ. Въ Юрьевскомъ уѣздѣ, кромѣ самого города, существуютъ 61 общество, изъ которыхъ 45 представляютъ собой союзы для взаимнаго вспоможенія въ случаяхъ пожара, то-есть въ нѣкоторомъ смыслѣ страховые, 3—вольно-пожарные, 8—пѣвческіе и 5—трезвости.

Отъ настоящихъ страховыхъ упомянутыя общества вспоможенія отличаются тѣмъ, что они выдаютъ не сумму, въ какую было оцѣнено имущество, а только денежное пособіе и строевой матерьялъ «какъ разъ въ такомъ размѣрѣ, сколько требуется на возобновленіе сгорѣвшей постройки», чѣмъ устраняется искушеніе поджога съ корыстной цѣлью. Сверхъ того, оставшимся безъ жилища отводится временное помѣщеніе. Пѣвческія общества по отзыву газеты пользуются симпатіями населенія. «Благодаря *трудоу* сельскихъ учителей, повсюду, главнымъ образомъ, при школахъ, составляются сперва маленькіе любительскіе кружки пѣвчихъ и музыкантовъ, а затѣмъ изъ кружковъ составляются общества. Пѣвчіе и музыка стали любимымъ и благороднымъ развлеченіемъ населенія»... Оркестры составляются также изъ крестьянъ: «это все бывшіе ученики регента-учителя, съ радостью собирающіеся въ праздничные дни въ школу на спѣвки и упражненія; такіе занятія поддерживаютъ

и желательную связь школы съ бывшими учениками... «Общества трезвости имѣютъ много сходства съ обществами пѣнія, имѣютъ свои хоры, оркестры, кружки актеровъ-любителей, и пѣніе и музыка составляютъ не послѣднюю притягательную силу этихъ обществъ».

Когда пѣчто подобное будетъ въ нашихъ великорусскихъ селахъ? Что великоруссъ гораздо талантливѣе эстонца—не подлежитъ сомнѣнію; что въ русскомъ народѣ есть природное музыкальное чувство—доказывается инстинктивнымъ умѣніемъ нашихъ крестьянъ пѣть въ хорѣ на два голоса и замѣчательной мелодичностью нѣсколькихъ старыхъ пѣсенъ, къ сожалѣнію все болѣе вытѣсняемыхъ разными пошлыми романсами и тривіальными «посадскими» мотивами, въ родѣ:—«распрекрасная столица, славный городъ Питербурхъ». Русскій человекъ не мастеръ пѣть одинъ. Одинъ онъ никогда не поетъ «чувствительнаго», а только или «божественное», или что-нибудь въ припрыжку, напимѣрь: «онъ во трубочкѣ махорочку сосетъ, на веревочкѣ селедочку несетъ». Но русскій человекъ, мастеръ пѣть хоромъ, въ чемъ опять проявляется его инстинктъ ассоціаціи, духъ товарищества. Однако, гдѣ-же въ нашихъ селеніяхъ хоры, оркестры, обученные регентами-учителями, гдѣ добровольныя общества вспоможенія, пѣнія, кружки театальной игры? Ихъ нѣтъ, вслѣдствіе малокультурности, а застой въ культурномъ отношеніи обусловленъ единственнымъ справедливымъ положеніемъ славнофильства: разобщенностью интеллигенціи съ народомъ. Изъ приведеннаго отзыва русской балтійской газеты видно, что эстонскимъ крестьянамъ помогаетъ мѣстная интеллигенція, что главными дѣятелями успѣховъ культуры являются сельскіе учителя. Отсюда истекають для насъ два поученія.

Первое. Если хоровые и оркестровые сельскіе кружки создаются въ Лифляндіи и Эстляндіи трудомъ сельскихъ учителей, то это потому, что учителями эсты имѣютъ пока своихъ же земляковъ. На празднованіе 75-ти-лѣтія освобожденія лифляндскихъ крестьянъ собираются 4 тысячи пѣвцовъ. На какомъ языкѣ они будутъ прославлять освободительный актъ русской государственной власти? На своемъ родномъ конечно. Отнимите у нихъ этихъ учителей, и вы отнимите ихъ нравственное руководство, вы уничтожите ту «желательную связь бывшихъ учениковъ со школою», о которой говоритъ «Приб. Листокъ». А этого именно требуютъ «Моск. Вѣд.» и другія газеты сходнаго направленія. Ихъ возмущаетъ мысль о культурѣ, и интеллигенціи эстонской. Онѣ поддерживали эстовъ только въ смыслѣ оппозиціи противъ нѣмцевъ, но онѣ не хотять допустить эстонскаго самостоятельнаго развитія. Онѣ хотѣли бы послать въ эстонскія школы учителей Архангельскихъ, Беневоленскихъ и Экземляровыхъ, которые сразу положатъ конецъ нравственному вліянію школы и связи съ нею бывшихъ ея учениковъ.

Второе. Стараясь о томъ, чтобы инородцы учились русскому языку и даже настаивая на этомъ, слѣдуетъ, однако, и у нихъ поучиться кое-

чему, пожалуй, наиболѣе важному—обязанности и умѣнью воспитывать народъ, поддерживать въ немъ лучшія стремленія. Я вовсе не думаю выступать защитникомъ нѣмецкаго дворянства и лютеранскаго духовенства въ той «Ливоніи», которую уже болѣе трехъ вѣковъ тому назадъ Иванъ Грозный считалъ необходимымъ для Россіи владѣніемъ. Не могу не признать, что тамъ было жестокое крѣпостное право, не могу не помнить—вмѣстѣ съ лифляндскимъ обществомъ пѣвцовъ, что освободила мѣстныхъ крестьянъ русская государственная власть, знаю, что доселѣ балтійскіе дворохозяева, которые не выкупили своей земли, платятъ ежегодной аренды за нее столько же и даже болѣе, чѣмъ русскій крестьянинъ выкупныхъ платежей. Но наряду со всѣмъ этимъ, я долженъ признать столь же несомнѣнные факты, что лютеранское духовенство настаивало на грамотности народа, что балтійское дворянство помогало народнымъ школамъ, отводомъ для нихъ помѣщеній, что сельскіе учителя-эсты и латыши оказывали большое нравственное вліяніе на народъ, который нынѣ почти весь грамотенъ и хотя, по способностямъ, много уступаетъ талавливимъ ярославцамъ и владимірцамъ, но въ культурномъ отношеніи стоитъ безъ всякаго сравненія выше ихъ.

А у насъ, кто помогалъ народу, кто умственно сообщался съ нимъ и ему содѣйствовалъ? Мировые посредники перваго призыва и затѣмъ земства. Но и тѣ, и другіе не имѣли времени, ни возможности для оказанія поддержки нравственной. Никто русскому мужику не помогъ воспитаться, никто не видѣлъ въ этомъ своего призванія, своей обязанности. Помѣщикъ въ немъ видѣлъ рабочую силу, батюшка—прихожанина и только. Допустимъ, что и у насъ, какимъ-нибудь чудомъ, безъ содѣйствія интеллигенціи, стали-бы возникать въ селеніяхъ—музыкальнныя общества. Какъ еще отвесились бы къ этому наши консервативные органы? Они, пожалуй, заподозрили бы въ музыкальныхъ обществахъ союзы для искусственнаго возвышенія цѣны на сельскія работы и сговоръ на счетъ производства потравъ. Да иными «музыкальскими орудіями» были-бы признаны неблагопотребными, какъ они признавались при Самозванцѣ.

Л. Прозоровъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. К р и т и к а.

Лирическія стихотворенія А. Фета, въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1894 г.

Въ предисловіи, написанномъ для настоящаго изданія г. Страховымъ, мы находимъ нѣкоторыя біографическія данныя, рисующія личность Фета, его характеръ, складъ его жизни, его отношеніе къ собственному поэтическому призванію. До 14-ти лѣтъ Фетъ жилъ и учился дома, рассказываетъ г. Страховъ. Затѣмъ его перевезли изъ Новоселокъ въ Москву и помѣстили въ число молодыхъ людей, жившихъ у извѣстнаго историка М. П. Погодина. Черезъ полгода онъ поступилъ въ университетъ, въ которомъ кончилъ курсъ по филологическому факультету въ 1844 г. Будучи студентомъ, Фетъ поддерживалъ тѣсныя, дружескія отношенія съ семьєю Аполлона Григорьева, съ Я. П. Полонскимъ, К. Д. Кавелинымъ, В. А. Черкасскимъ и др. Аполлонъ Григорьевъ съ самаго начала сдѣлался горячимъ поклонникомъ его стихотвореній, собиралъ и подводилъ ихъ подъ особые отдѣлы, просматривалъ ихъ до печати, совѣтуя автору тѣ или другія измѣненія. Московскій университетъ находился тогда на высотѣ ученой славы и блисталъ такими именами, какъ Шевыревъ, Граповскій, Крыловъ, Рѣдкинъ и др. Время было горячее, шумное. Въ интеллигентныхъ кругахъ широко распространился интересъ къ литературѣ. На поприщѣ журналистики дѣйствовали выдающіяся силы. Эстетическіе вопросы привлекали всеобщее вниманіе. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что молодое, свѣжее, проникнутое изяществомъ дарованіе сразу выдвинулось впередъ, при полномъ сочувствіи лучшихъ представителей литературы. Въ первыхъ стихотвореніяхъ Фета сіяетъ красота раннихъ юношескихъ вдохновеній. Отъ каждаго образа вѣетъ очарованіемъ лирическаго волненья, краски дрожатъ и переливаются въ чистѣйшемъ художественномъ зеркалѣ. Нельзя было не поразиться этимъ открытымъ служеніемъ иску-

ству въ его отвлеченіи отъ всего житейскаго, повседневнаго. Нельзя было не прислушаться къ этому новому голосу въ стройномъ хорѣ русской поэзіи, къ этому задушевному голосу, въ отрывистыхъ звукахъ котораго слышалась печаль и мягкими прихотливыми трелями разсыпались жалобы нѣжнаго, любящаго сердца. Гибкій стихъ, тонкая отдѣлка литературныхъ оборотовъ, богатство выраженій при неособенно обильномъ поэтическомъ словарѣ, наконецъ, поразительная грація въ описаніи природы—все это должно было броситься въ глаза. И дѣйствительно, еще будучи на студенческой скамьѣ, Фетъ уже пользовался довольно большою извѣстностью въ литературныхъ кругахъ. Въ 1840 г. онъ издалъ свои стихотворныя произведенія отдѣльною книжкою подъ названіемъ «Лирической Пантеонъ», благосклонно встрѣченною журналами. Съ 1842 года стали печататься его стихотворенія въ «Москвитянинѣ», а въ 1843 году Галаховъ сдѣлалъ честь начинающему поэту, рѣшившись внести нѣкоторыя его стихотворенія въ свою хрестоматію. Таковы были первые шаги Фета на блестящемъ пути почета и славы. Новая полоса жизни настала для него съ поступленіемъ въ военную службу въ 1845 году. Съ этого момента начинается полный расцвѣтъ его поэтической дѣятельности. Журналы наперерывъ печатаютъ его стихи, новая книжка его произведеній встрѣчаетъ въ литературѣ восторженные похвалы. Перейдя въ гвардію въ 1853 году, Фетъ заводитъ близкое знакомство съ кружкомъ «Современника», съ Некрасовымъ, Панаевымъ, Дружининымъ. Съ Тургеневымъ и Боткинымъ онъ поддерживалъ старыя дружескія отношенія. Нѣсколько позднѣе онъ знакомится съ гр. М. Н. Толстымъ, вернувшимся изъ Севастополя. Его дарованіе пользуется широкимъ успѣхомъ. Со всѣхъ сторонъ ему расточаются похвалы, каждое его стихотвореніе вызываетъ всеобщіе аплодисменты. Тургеневъ восторгается его талантомъ больше другихъ, и подъ его руководствомъ кружокъ извѣстныхъ литераторовъ общими силами выбираетъ, очищаетъ и красиво отпечатываетъ новое собраніе стихотвореній Фета въ 1856 году. «Время военной службы было второю яркою эпохою въ жизни Фета, говоритъ г. Страховъ. Много трудовъ и волненій, много радостей, строгая дисциплина службы, множество разнообразныхъ лицъ, успѣхи въ любви, въ дружбѣ, въ литературѣ,—всѣмъ была богата эта жизнь. И можно прямо сказать, что на Фетѣ были ясно видны два отпечатка: стараго помѣщичьяго быта, съ его тонкою общительностью и изяществомъ жизни, и военной службы николаевскихъ временъ, съ ея строгимъ пониманіемъ власти и обязанности». Поэтъ таинственныхъ надеждъ и грезъ, умѣющій летучимъ намекомъ производить волшебныя художественныя впечатлѣнія, Фетъ въ жизни поражалъ разсудочною ясностью, практическою энергіею, упорнымъ стремленіемъ къ точно опредѣленнымъ цѣлямъ. Живой и дѣятельный, онъ не любилъ безцѣльныхъ прогулокъ, не любилъ молча погружаться въ книгу. Неистощимый въ рѣчахъ, исполненныхъ блеска и парадоксовъ

онъ неохотно оставался оди́нь, безъ общества. Фетъ не любилъ, чтобы смѣшивали его поэтическую и чисто человѣческую дѣятельность, и какъ бы создавая существующій разладъ въ его жизни, онъ часто вдавался въ теоретическіе разговоры о различіи между поэтомъ и человѣкомъ. Какъ художникъ, онъ обогащалъ русское искусство дарами, полными вдохновенія, облеченными въ очаровательныя художественныя формы. Какъ человѣкъ, онъ эгергически хозяйничалъ въ своихъ имѣніяхъ, накопившая громадные имущества, достигшія подѣ конецъ его жизни той величины, которую можно назвать богатствомъ. Военная выдержка и пристрастіе къ вышнимъ житейскимъ благамъ, съ одной стороны, и рѣдкая чувствительность къ красотѣ въ ея самыхъ разнообразныхъ видахъ и проявленіяхъ съ другой, — таковы душевныя особенности этого замѣчательнаго таланта, пренебреженнаго русскою критикою за отсутствіе въ стихахъ его гражданскаго мотива, по своимъ безспорнымъ заслугамъ занявшаго одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ русской литературѣ — вопреки бессмысленному свисту задорныхъ фельетонистовъ, не смотря на всеобщія грубыя насмѣшки журнальных рецензентовъ. Съ гордостью человѣка увѣреннаго въ своей литературной силѣ и въ правотѣ своего поэтическаго служенія, Фетъ иногда схватывался съ своими литературными врагами, — и тогда слова его дышали искреннимъ презрѣніемъ. Сознаніе оригинальнаго таланта внушало ему чувство безспорнаго духовнаго превосходства, а удалые приемы журнальных бойцовъ съ ихъ слѣпою готовностью — разрушать, давить, обуздывать ногайками всякое сопротивленіе и возраженіе, только раздражали его аристократическое чувство изящнаго, его эстетическую вѣру въ свободу литературнаго творчества. Между Фетомъ и представителями журнализма шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ не было ни одной точки духовнаго соврикосновенія. Его *человѣческая* дѣятельность, его журнальныя писанія на текуція экономическія темы, проникнутыя узкими стремленіями и эгоизмомъ помѣщичьихъ интересовъ, шли въ разрѣзъ съ общими вѣяніями эпохи, и потому вызвали совершенно новятную, хотя черзчуръ разнузданную по формѣ оппозицію въ извѣстной части русской печати. Его чисто литературная дѣятельность въ свободной области поэтическаго искусства, съ его самостоятельными задачами, съ его высоко стоящимъ надъ повседневными фактами жизни закономъ красоты, противорѣчила утилитарнымъ понятіямъ тогдашней либеральной партіи, глядѣвшей на литературу подѣ узкимъ, случайнымъ угломъ зрѣнія. Вся умственная жизнь Фета представлялась современному обществу, какъ одно сплошное нарушеніе обще-обязательнаго устава. Было время, когда имя Фета произносилось не иначе, какъ съ сатирическою гримасою и стихотворенія его приводились, какъ примѣръ безцѣльной, бессодержательной, никому ненужной версификаціи. Въ предисловіи къ третьему выпуску «Вечернихъ огней» самъ Фетъ рассказываетъ намъ объ этомъ моментѣ въ исторіи рус-

ской журналистики и рассказываетъ, по обыкновенію, въ томъ яв-
наго раздраженія, съ гвѣвомъ несправедливой, не заслуженной имъ
обиды. До шестидесятихъ годовъ онъ, «подобно другимъ стихотвор-
цамъ», безразлично появлялся во всѣхъ журналахъ, но съ шестидеся-
тихъ годовъ «мы подверглись, пишетъ Фетъ, самому комическому
остракизму». Съ легкой руки правительственныхъ реформъ, «все
закипѣло духомъ оппозиціи и запоздалою гражданскою скорбью». Не
будучи въ силахъ двигать практическую жизнь, журналисты
стали требовать, чтобы вся литература прониклась направле-
ніемъ дня, чтобы искусство всецѣло отдалось на служеніе интере-
самъ минуты. «Быть писателемъ, хотя бы и лирическимъ поэтомъ, по
понятію этихъ людей, значило, говорить Фетъ, быть скорбнымъ поэтомъ.
Понятно, до какой степени имъ казались наши стихи не только пустыми,
но и возмутительными своею невозмутимостью и прискорбными отсут-
ствиемъ гражданской скорби». Но пусть читатель вникнетъ безпри-
страстно въ это дѣло. Пусть онъ самъ разберется въ настоящемъ лите-
ратурномъ спорѣ. Писатель искалъ убѣжища отъ всяческихъ житейскихъ
скорбей въ искусствѣ, въ поэзіи, въ творчествѣ. Онъ убѣгалъ отъ суеты
и тревоги повседневныхъ интересовъ въ свѣтлое царство мечты и фан-
тазии, онъ искалъ спасенія отъ развращающей житейской прозы, онъ со-
знательно, съ убѣжденіемъ, отворачивался отъ уличной суматохи. Могло-
ли, спрашивается, при такихъ условіяхъ проникнуться скорбью его твор-
чество? Имѣетъ ли смыслъ—просить огня у человѣка, выплывшаго изъ
глубины рѣки, куда онъ бросился, чтобы потушить загорѣвшееся на немъ
платье? Можно ли требовать у поэта того, къ чему его не обязываетъ
литературное призваніе? Фетъ недоумѣваетъ. Слова негодованія, въ
теченіе многихъ лѣтъ раздававшіяся вокругъ его стиховъ, и остра-
кизмъ, не святой съ нихъ и повинѣ—были бы понятны, если бы эти стихи
подобно стихамъ Тютчева и гр. Алексѣя Толстого, звучали порицаніемъ
господствующему направленію. Литературная оппозиція его поэтической
дѣятельности была бы законна, если бы въ этихъ стихахъ чувствовался
протестъ противъ кого бы то ни было. Но ничего подобнаго въ его
литературной дѣятельности не было. Стихи его подвергались гоненію
только за красоту своихъ мотивовъ. Имя поэта подверглось журнальному
бичеванію только потому, что его творческая работа не подходила подъ
установленный аршинъ...

Но въ жизни Фета были утѣшительные факты. Чѣмъ единогласнѣе
становился хоръ порицателей его поэтическихъ произведеній, тѣмъ съ
большимъ участіемъ и одушевленіемъ подходили на помощь его музѣ
«свѣжія силы несомнѣнныхъ знатоковъ дѣла». Пусть толпа, руково-
димая своими вождями, говорить что хочетъ: писатель равнодушенъ къ
ея суду. Если на сторонѣ поэта—люди, умѣющіе судить о литератур-
ныхъ произведеніяхъ не по капризу минуты, не по внушенію вѣшнихъ

обстоятельствъ, онъ можетъ быть спокоенъ: потомство внесетъ его имя на почетную высоту предъ всѣмъ обществомъ .

Въ 1877 году Фетъ купилъ себѣ огромное имѣніе, такъ называемую Ртищевскую Воробьевку, въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губ., на рѣкѣ Тускарн, въ 10 верстахъ къ востоку отъ извѣстной Коренной Пустыни. Деревня Воробьевка расположена на лѣвомъ луговомъ берегу рѣки, а господская усадьба стоитъ на правомъ берегу, очень высокомъ. Каменный домъ окруженъ съ востока каменными службами, а съ юга и запада огромнымъ паркомъ, дающимъ въ лѣтнее время широкую, прохладную тѣнь подъ своими вѣковыми дубами. Мѣсто такъ высоко, что изъ парка въ отдаленіи видѣются золотые кресты на церквахъ Коренной Пустыни. Въ саду поютъ соловьи, гнѣздятся грачи и цапли. По скату къ рѣкѣ разбиты роскошные цвѣтники. Противъ балкона усадьбы устроенъ фонтанъ. Здѣсь, въ поэтическомъ уединеніи отъ всего свѣта, Фетъ провелъ остатокъ жизни, переходя отъ занятій громаднымъ хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ къ различнымъ литературнымъ работамъ. Стихотворенія, внушенныя очаровательною обстановкою, смѣнялись у него терпѣливыми, хотя и мало удачными, переводами произведеній Шопенгауэра, Гете, Овидія, Виргилія и др. «Эту послѣднюю эпоху жизни поэта, говоритъ г. Страховъ, можно назвать временемъ довольства, житейскаго покоя и почета, прочной славы и спокойной литературной дѣятельности». Въ этомъ періодѣ Фетъ написалъ и издалъ рядъ замѣчательныхъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Вечерніе огни» и напечаталъ свои обширныя воспоминанія въ нѣсколькихъ томахъ. Къ числу важныхъ событій этой эпохи въ жизни Фета г. Страховъ относитъ и сближеніе поэта съ В. К. Константиновымъ Константиновичемъ. Самъ одаренный симпатичнымъ, хотя и не особенно глубокимъ лирическимъ дарованіемъ, К. Р. высоко цѣнилъ выдающійся талантъ Фета, находился съ нимъ въ дружеской перепискѣ, интересовался всегда его мнѣніемъ о собственныхъ стихотворныхъ произведеніяхъ. Между обоими поэтами, не смотря на различіе лѣтъ и положеній, сложилась искренняя связь духовнаго родства и солидарности, не прерывавшаяся до конца жизни Фета.

Вотъ главныя черты изъ біографіи поэта. Баловень судьбы, Фетъ не зналъ никогда въ жизни никакихъ серьезныхъ страданій. Обширныя богатства были всегда къ его услугамъ. Образование раскрывало передъ нимъ горизонты, которые всѣ оказывались доступными его таланту, его счастливому положенію въ обществѣ, его матеріальнымъ средствамъ. Любознательный отъ природы, онъ внимательно изучалъ не только богатую европейскую литературу, но и памятники классической древности. Счастливыми обстоятельствами вынужтый изъ прозаическихъ тисковъ мелкихъ будничныхъ интересовъ, чуждый волненіямъ минуты, не соприкасаясь съ тѣми сферами жизни, въ которыхъ зарождается и зрѣетъ смѣлая общественная инициатива, возникаютъ и достигаютъ огромной высоты

молодая страсти, готовая на подвигъ, Фетъ переносилъ въ свои поэтическія произведенія только то, что подсказывало ему его лирическое чувство, уединенное, почти оторванное отъ міра. Отсутствіе живого, конкретнаго матеріала, ярко озареннаго свѣтомъ искусства, чувствуется во всѣхъ стихотвореніяхъ этого замѣчательнаго таланта. Окунанные легкими облаками, поэтическіе образы Фета встаютъ передъ глазами въ неясныхъ, расплывающихся очертаніяхъ. Фетъ нигдѣ не потрясетъ вашего воображенія, нигдѣ не захватитъ васъ глубоко, нигдѣ не ударитъ по струнамъ вашего сердца, какъ ударялъ Пушкинъ, какъ ударялъ Лермонтовъ и какъ умѣетъ ударить по временамъ съ могучею энергіею пережившій Фета товарищъ по искусству, Аполлонъ Майковъ. Все, что ярко шумитъ борьбою драматическихъ элементовъ, все, что проносится бурей по лицу земли, тревожитъ душу смѣлыми, воинственными раскатами, все, что свѣгится экстазомъ, — все это было чуждо поэтическому темпераменту Фета, его холодному взгляду на окружающій міръ, воспитанному на крѣпостническихъ преданіяхъ и затѣмъ прошедшему суровую, опустошающую дисциплину военныхъ казармъ. Въ поэзіи Фета нѣтъ людей, обрисованныхъ во весь ростъ, нѣтъ и *внутренняго* человѣка въ его типическихъ выдающихся чертахъ и особенностяхъ. Улавливая мелкія перемѣны чувства, слѣдя за быстро проносящимися настроеніями души, Фетъ проходилъ равнодушный мимо того, что облеклось уже въ рѣзкую форму, и не изображалъ ни глубокихъ душевныхъ страданій, кричащихъ къ небу, ни тѣхъ радостей, которыя могутъ овладѣть всѣмъ существомъ человѣка. Яркія впечатлѣнія отражаются у него въ блѣдномъ свѣтѣ, теряя свою яркость. Настоящее движеніе жизни съ ея внутренними и внѣшними противорѣчіями, съ ея высшими и низшими инстинктами, борющимися внутри каждаго человѣка, теряетъ въ художественномъ изображеніи Фета свою грандіозность и становится волшебнымъ царствомъ безчисленныхъ видѣній, тихо рѣющихся въ холодномъ мерцааніи полумѣсяца. Нѣтъ могучихъ аккордовъ въ лирической поэзіи Фета. Она, какъ легкій эфиръ, освѣжаетъ, но не укрѣпляетъ. Какъ запахъ чайной розы, она слегка раздражаетъ нервы, но не опьяняетъ, не кружитъ голову сильными и волнующими ощущеніями. Она, какъ первая улыбка молодой красавицы, тревожитъ воображеніе, но не побѣждаетъ всего человѣка.

А музы все-таки любили Фета.

Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой
 Пришла она плѣнять мой духъ самолюбивый
 Разказомъ о цитахъ, герояхъ и копияхъ,
 О шлемахъ кованныхъ и сломанныхъ мечахъ.
 Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвию лавровой,
 Съ цитарой золотой, плъ изъ кости слоновой,
 Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
 Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
 Миѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій

И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій.
 По волѣ Шеридъ съ достоинствомъ пѣвца
 Я не мечталъ стяжать широкаго вѣща.
 О, пѣтъ! Подъ дымкою ревнивой покрывала
 Мнѣ музу молодость иную указала:
 Отягощала прядь душистая волосъ
 Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ,
 Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали,
 Отрывистая рѣчь была полна печали
 И женской прихоти, и серебряныхъ грезъ,
 Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ...

Съ удивительною правдивостью, Фетъ обрисовалъ въ цемпогихъ словахъ характеръ своей поэзіи. Муза пришла къ нему не съ тѣмъ, чтобы плѣнять его слухъ гордыми разсказами о цитахъ герояхъ и коняхъ. Она не говорила къ нему никогда тѣмъ могучимъ, гибкимъ, и простымъ языкомъ, въ которомъ есть звучность безъ созвучій. Нѣтъ, она пришла къ нему «подъ дымкою ревнивой покрывала», съ отрывистой рѣчью, полною печали, женской прихоти, невысказанныхъ мукъ. Ея дивную головку отягощала тяжелый узелъ душистыхъ волосъ. Въ рукѣ ея дрожали послѣдніе цвѣты... Такова его муза. Если въ душѣ вашей накопилось горе, почти невыразимое въ словахъ, раскройте его книги, и вы найдете въ нихъ тихую пѣсню печали—почти безъ словъ, составленную изъ однихъ отрывистыхъ звуковъ, производящихъ на душу глубокое впечатлѣніе. Если счастье вчерашняго дня ожило въ вашей памяти въ блѣдныхъ ощущеніяхъ легкой тоски или разочарованія, читайте Фета, и онъ дастъ названіе каждой промелькнувшей тѣни, соберетъ ваши чувства, всѣ оттѣнки вашего настроенія въ одну цѣльную поэтическую картину, въ которой не будетъ ни единого лишняго штриха и рядъ деталей будетъ отражать вашу печаль безъ малѣйшаго напряженія. Читайте Фета и тогда, когда исполненный счастья, вы сочли-бы профанаціею всѣ тѣ обычные выраженія, на которыя раздѣняются пылкость чувствъ, восторги сердца послѣ перваго движенія нахлынувшей и вдругъ исчезнувшей страсти. Фетъ передастъ ваше чувство въ намекѣ полиѣе и вѣрнѣе, чѣмъ иной поэтъ, изливающейся въ десяткахъ банальнѣйшихъ стиховъ, съ вымученнымъ перезвономъ рѣемъ, съ тусклыми, фальшивыми красками, съ искусственными риторическими образами. Стыдливая муза «подъ дымкою ревнивой покрывала» нашептываетъ ему нѣжные образы, которымъ нѣтъ подобія въ русской поэтической литературѣ, и, поддаваясь очарованію этой своеобразной музыки короткихъ, быстрыхъ и граціозныхъ фразъ, обвѣянныхъ вѣчною молодостью, вы неохотно оторветесь отъ стихотвореній Фета, хотя вы не пали въ нихъ тѣхъ могучихъ выраженій страсти, которыхъ искала ваша душа. Всѣ виды искусства хороши, и муза Фета съ ея дивной головкой, отягощенною тяжелыми, длинными косами, съ ея серебряными грезами и отрывистой рѣчью,

проникнутой печалью, имѣеть полное право стать—вмѣстѣ съ музами Полонскаго, Майкова—возлѣ музы Пушкина, какъ ея младшая сестра, менѣе, чѣмъ она, страстная, могучая, менѣе, чѣмъ она, одаренная гениемъ широкаго творчества, менѣе, чѣмъ она, проникающая въ тайны человѣческой жизни, но не менѣе, чѣмъ позволяли ей силы, любившая красоту, художественную правду, свободный вымыселъ фантазій, летящей къ небу...

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной!
 Эти звуки — бредъ неясный,
 Томный звонъ струны;
 Но, полны тоскливой муки,
 Навѣвають эти звуки
 Ласковые сны.
 Звонкимъ роемъ налетѣли,
 Налетѣли и залѣли
 Въ свѣтлой вышинѣ.
 Какъ ребенокъ имъ внимаю,
 Что сказалось въ нихъ,— не знаю,
 И не нужно мнѣ.
 Позднимъ лѣтомъ въ окна спальни
 Тихо шепчетъ листъ печальный,
 Шепчетъ не слова.
 Но, подъ легкій шумъ березы,
 Къ изголовью въ царство грезы
 Никнетъ голова.

Такъ рисуетъ содержаніе своихъ стихотвореній Фетъ. Они навѣваютъ ласковые сны своими звуками, играющими въ свѣтлой вышинѣ. То они подобны томному звону струны, пронизанному тоской и печалью, то они подобны шепоту поблѣзанаго листа, который стучится въ окна спальни...

Въ заключеніе нельзя не порадоваться новому изданію стихотворныхъ произведеній Фета. Оно исполнено по желанію и на средства г-жи Фетъ, вдовы поэта, В. К. Константиномъ Константиновичемъ и составителемъ предисловія, Н. Страховымъ. Планъ изданія былъ разработанъ самимъ поэтомъ въ маѣ 1892 года, такъ что выпускомъ въ свѣтъ настоящихъ двухъ частей какъ бы исполняется его завѣщаніе. Какъ сообщаетъ г. Страховъ, въ настоящее время уже начаты приготовленія къ полному собранію сочиненій А. Фета, въ которое будетъ внесено все имъ написанное въ строго хронологическомъ порядкѣ съ массою вариантовъ и библиографическихъ указаній. Но это изданіе появится еще, по видимому, не скоро.

Всеволодъ Чешихинъ. Стихи. Рига, 1894 г.

А. М. Оедоровъ. Стихотворенія. 1894 г.

Настоящія двѣ книжки заслуживаютъ нѣкотораго вниманія. У обоихъ авторовъ можно замѣтить слѣды дарованія, поэтической огонекъ, искреннюю любовь къ искусству. Г. Чешихинъ умѣетъ блеснуть остроумнымъ

стихомъ и по временамъ раскидывать передъ читателемъ множество философскихъ разсужденій, облеченныхъ удачными фразами. Разсудочная натура, съ наклономъ къ резонерству, съ чрезмѣрной симпатіей къ яркимъ парадоксамъ, опъ нигдѣ не подкушитъ васъ простотою стихотворнаго разсказа, но очень часто остановитъ ваше вниманіе блестящими неподдѣльной оригинальностью. Въ этомъ дарованіе г. Чешихина. Мѣстами у него вспыхиваютъ на фонѣ туманныхъ, сбывчивыхъ и растерянныхъ аллегорій зарницы настоящаго, молодого творчества. Не смотря на многочисленныя недостатки формы, въ которыхъ его произведенія, если читать ихъ внимательно, производятъ впечатлѣніе смѣлостью полета, подъемомъ философски настроеннаго воображенія, жаждущаго успокоенія въ созерцаніи таинственныхъ красотъ природы, жизни. Фантастическіе образы плывутъ у него въ безпорядкѣ и рисуются въ стихахъ, лишенныхъ изящества, звучнаго напѣва, но не лишенныхъ самобытнаго колорита. Иногда г. Чешихинъ удивитъ васъ хорошо подобранной художественной краской, живописной картинкой съ натуры. Посреди растоптутаго и малозначащаго разсказа, съ безконечными, раздражательными обращеніями къ невѣдомому читателю, вдругъ загорится у него счастливое поэтическое сравненіе—сверкнетъ на мгновеніе огненной змѣйкой и погаснетъ въ туманѣ безконечныхъ, неудержимыхъ описаній съ повыми, но уже бессильными порывами къ блестящимъ эффектамъ. Но нигдѣ вы не увидите въ стихотвореніяхъ г. Чешихина центральной творческой мысли, сдерживающей воображеніе, дающей направленіе работѣ ума надъ впечатлѣніями, которыя приносятся извнѣ. Опъ не владѣетъ своими настроеніями. Одержимый неотступной потребностью сочинять по каждому мелькнувшему случаю, выливать въ стихотворную форму все, что пришло въ голову подъ влияніемъ первой прочитанной книги, случайнаго разговора съ пріятелемъ, все, что внезапно ударило по нервамъ, г. Чешихинъ не умѣетъ сдерживать своего черезчуръ ретиваго Пегаса, который мчитъ его безконечными пустынными пространствами и только изрѣдка выноситъ его на болѣе или менѣе поэтическія вершины... И тѣмъ не менѣе у г. Чешихина, какъ мы уже сказали, есть несомнѣнное дарованіе, требующее ухода, строгой дисциплины, упорнаго воспитанія въ направленіи литературной сдержанности, поэтическаго такта и художественной мѣры. Сосредоточившись на опредѣленномъ сюжетѣ и отрѣшившись отъ надоедливой привычки комментировать каждое свое слово, обставлять многочисленными подробностями каждую ничтожную поэтическую выдумку, г. Чешихинъ могъ бы, безъ сомнѣнія, поработать съ пользою для современной литературы, не блистающей, какъ извѣстно, крупными и оригинальными талантами. У него для этого имѣется много данныхъ: образованіе, любовь къ искусству, тонкое пониманіе двухъ видовъ поэтической красоты,—красоты музыкальной и литературной.

Душа поэта—море,
А мысли—корабли,

Что ходить на просторѣ
 По всѣмъ концамъ земли.
 Въ ихъ нѣдрахъ необъятныхъ,
 Въ таинственной почвѣ
 Сокровищъ непонятныхъ
 Блестять, горять лучи.
 Но вѣтеръ—вдохповень
 Подуетъ лишь—и вдругъ
 Въ единомъ направленіи
 Бѣжить ихъ полукругъ.
 Какъ въ гавань, въ стихъ вѣзжаютъ
 Гиганты чередой,
 И предъ толпой блистаютъ
 Спокойной красотой.

Въ этомъ сравненіи есть извѣстная правда: въ душѣ, объятой вдохновеніемъ, мысли бѣгутъ въ одномъ направленіи, сдѣляясь между собою органически, неразрывно, въ строгомъ порядкѣ, по закону поэтической послѣдовательности и художественной естественности. Въ безпорядочной скачкѣ образовъ, въ произвольномъ сочетаніи самыхъ роскошныхъ красокъ, поэзіи нѣтъ. Въ хаотическомъ смѣшеніи банальной прозы, растинутой на многія страницы, съ удачными, но не связанными между собою поэтическими афоризмами—нѣтъ красоты, дающей жизнь и смыслъ всякому литературному произведенію. Не овладѣвъ своими настроеніями, не сосредоточивъ фантазіи на опредѣленномъ предметѣ, писатель никогда не создастъ ничего крупнаго, яркаго, выдающагося.

Это слѣдовало бы запомнить г. Чехихину.

Дарованіе г. Федорова другого рода. Наивныя юношескія настроенія, еще не отравленныя серьезными сомнѣніями, восторженная любовь къ природѣ, вѣра въ человѣка—таково содержаніе его наиболѣе удачныхъ стихотвореній. При менѣе богатомъ содержаніи, произведенія г. Федорова производятъ, однако, болѣе мягкое впечатлѣніе, чѣмъ стихотворенія г. Чехихина — искренностью тона, стремленіемъ къ изяществу, постоянными проблесками лирическаго пафоса. Молодой поэтъ не хотѣлъ бы, чтобы люди остудили его мечтанія суровымъ холодомъ язвительныхъ рѣчей. Пусть все вокругъ—порокъ, обманъ, пусть ложь разлита, какъ воздухъ, по всему міру, пусть неправда густымъ туманомъ разстилается по лицу земли, — душа его освѣщена зарей любви, зарей очарованія. Не отравляйте его радужныхъ мечтаній, не разрушайте его восторженныхъ грезъ... Дѣйствительно, грустные мотивы не даются г. Федорову. Его изящному стику легче выразить молодой порывъ радости, крикъ наивнаго счастья, чѣмъ тоску, сокрытую въ глубинѣ души. Чѣмъ сильное, тревожное чувство, порожденное извѣстнымъ впечатлѣніемъ. Въ его лирическихъ изліяніяхъ много огня, но мало психическихъ откровеній, подготовленныхъ серьезными душевными бурями. Въ лучшихъ его стихахъ кипитъ восторгъ, полный свѣжихъ силъ, но очень часто почти безпредметный, вызванный случайными, малосодержательными причинами.

Отсюда у него постоянныя увлеченія пышными красками, склонность къ риторикѣ, отсутствіе простыхъ, но глубокихъ выраженій для передачи различныхъ оттѣнковъ настроенія. Отсюда и неумѣнье сдерживать полетъ воображенія, своевременно прекращать игру поэтическими эффектами...

Г. Оедорову надо еще много поработать надъ собою.

Р. М. Хинъ. Силуэты. Москва. 1894 г.

Всѣ пять рассказовъ г-жи Хинъ проникнуты очень благородными чувствами и въ каждомъ изъ нихъ высшее начало, послѣ нѣкоторыхъ колебаній обстоятельствъ, непремѣнно торжествуетъ надъ низшимъ. При не особенно яркомъ воображеніи и чрезвычайной бѣдности психологическаго анализа, авторъ нигдѣ не затрудняетъ хода дѣйствія никакими замысловатыми препятствіями и потому каждый его рассказъ развертываетъ передъ нами въ легко чередующихся иллюстраціяхъ совершенно опредѣленную, весьма понятную и доступную мысль. Озаренныя тусклымъ свѣтомъ, проходятъ предъ нами фигуры несчастныхъ, но благородныхъ людей, которые не падаютъ въ борьбѣ съ условіями жизни, но, преодолевъ злую, направленную противъ нихъ стихію, своимъ торжествомъ докажутъ, что есть на свѣтѣ правда, что есть справедливость и нравственное мужество. Въ книгѣ нѣтъ ни одной страницы, отгѣченной глубокимъ талантомъ, знаніемъ русскихъ правовъ, умѣнемъ схватывать и передавать въ художественной формѣ колоритъ эпохи. Вялый рассказъ, кое-гдѣ оживляемый обычными эффектами банальной беллетристики, тянется черезъ десятки главъ, утомляя однообразіемъ мотива, безчисленными повтореніями, ненужными діалогами и монологами, удручая бесиліемъ литературнаго языка и стиля. Ни одного живого лица, ни одного настоящего поэтическаго порыва. Благородныя намѣренія, не окрыленные фантазіей, лишенные творческой энергіи, встаютъ передъ глазами въ загадочныхъ узорахъ, быстро исчезающихъ изъ памяти. Авторскія идеи мелькаютъ случайными искрами, неспособными зажечь широкій свѣтъ надъ картиною плохо изображенныхъ людскихъ страстей и отношеній. Рассказы г-жи Хинъ читаются безъ всякаго интереса, не смотря на то, что въ нихъ повсюду проглядываютъ, какъ мы уже сказали, благородныя чувства, симпатичное желаніе отстаивать правду противъ лжи, бороться противъ низкихъ страстей и предрассудковъ развращеннаго общества. Хвала за сочувствіе всему доброму и хорошему, но въ художественной литературѣ на первомъ планѣ талантъ, искусство изображенія, оригинальность вымысла. Одними намѣреніями, не одухотворенными свыше поэтическимъ даромъ, ничего не сдѣлаешь въ той сферѣ, гдѣ совершается свободное служеніе высшимъ интересамъ чловѣчества путемъ вдохновенія, таинственными проникновеніями въ глубь души. Талантъ нуженъ въ искусствѣ и безъ таланта въ немъ дѣлать нечего. А таланты даны немногимъ.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. К. Ушинскій. Изданіе восьмое. Спб. 1894 г.

Опытъ педагогической антропологии г. Ушинскаго, составленный много лѣтъ назадъ, на основаніи естественно-научныхъ данныхъ въ настоящее время значительно сокращенъ издателями (К. Сентъ-Илеръ и Л. Модзалевскимъ) въ отдѣлахъ, гдѣ трудъ г. Ушинскаго устарѣлъ или представлялъ одну подготовительную, критико-философскую работу къ практическимъ выводамъ. Такимъ образомъ, книга выпала съ вѣшной стороны, и по содержанию продолжаетъ быть интереснымъ сводомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о душѣ человѣка, подтверждающая справедливость мнѣнія Бенеке, что «педагогика есть прикладная психологія».

Въ основу своего труда г. Ушинскій положилъ анализъ фізіологическихъ и духовныхъ явленій въ человѣкѣ. «Если, говоритъ онъ, педагогика хочетъ воспитать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, то она должна прежде всего *узнать его* тоже во всѣхъ отношеніяхъ». Поэтому въ его педагогической антропологии заключаются свѣдѣнія объ организмахъ вообще: о процессѣ питанія, возобновленіи тканей, отдыхѣ и спѣ. нервной системѣ, привычкахъ, наслѣдственности и, наконецъ, переходъ отъ фізіологіи къ психологіи: къ процессамъ сознанія, чувства и воли. Наконецъ, въ книгѣ имѣется краткое *resumé* практической философіи, т. е. руководства къ жизни, къ которому К. Ушинскій пришелъ долгимъ изученіемъ различныхъ философскихъ системъ.

Обширный трудъ ученаго педагога, конечно, не безъ недостатковъ. Тѣмъ не менѣе достоинства книги очень крупныя. Авторъ коснулся самой слабой стороны современнаго воспитанія, говоря: если видѣть въ воспитаніи только обученіе чтенію и письму, древнимъ и новымъ языкамъ, хронологіи историческихъ событій, географіи и т. п., не думая о томъ, какой цѣли достигаемъ мы при этомъ изученіи, тогда, какъ бы мы ни передѣлывали и не перестраивали нашихъ программъ, школа попрежнему будетъ чистилищемъ, черезъ всѣ ступени котораго надо пройти человѣку, чтобы добиться того или другого положенія въ свѣтѣ... Эта система безобразныхъ случайностей воспитываетъ карьеристовъ. А между тѣмъ, педагогическое искусство въ томъ и состоитъ, чтобы покорить и подчинить «случайности» разуму и волѣ человѣка. Ушинскій думаетъ, что воспитатель и наставники *ex officio*—вовсе неединственные воспитатели человѣка, и что столь же сильными воспитателями его являются природа, семья, общество, народъ, религія и т. д. Однако же «и въ этихъ самыхъ явленіяхъ многое измѣняется самимъ человѣкомъ въ его послѣдовательномъ развитіи, и эти измѣненія выходятъ изъ предварительныхъ измѣненій въ его собственной душѣ, на вызовъ или задержку которыхъ школа, со своимъ ученіемъ и порядками, можетъ оказывать прямое и сильное дѣйствіе». Миръ управляется идеями и чувствами людей.

Поэтому г. Ушинскій цѣлью воспитанія считаетъ образованіе въ людяхъ извѣстнаго строя душевныхъ чувствъ и характера, какъ важнѣйшихъ дѣятелей въ любомъ порядкѣ вещей. Столь серьезная постановка вопроса о воспитаніи человѣка требуетъ цѣлаго факультета для педагоговъ. «А почему и не быть педагогическому факультету?» спрашиваетъ авторъ. «Если въ университетахъ существуютъ факультеты медицинскіе, и даже камеральные, и нѣтъ педагогическихъ, то это показываетъ только, что человѣкъ до сихъ поръ болѣе дорожитъ здоровьемъ своего тѣла и своего кармана, чѣмъ своимъ нравственнымъ здоровьемъ, и болѣе заботится о богатствѣ будущихъ поколѣвій, чѣмъ о хорошемъ ихъ воспитаніи. Общественное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы не заслуживало особаго факультета. Если же мы до сихъ поръ, готовя технологовъ, агрономовъ, инженеровъ, архитекторовъ, медиковъ, камерамитовъ, математиковъ, не готовили воспитателей,—то не должны удивляться, что дѣло воспитанія идетъ плохо, и что нравственное состояніе современнаго общества далеко не соответствуетъ его великолѣпнымъ биржамъ, дорогамъ, фабрикамъ, наукѣ, торговлѣ и промышленности. Педагоговъ числомъ нужно не менѣе, а даже еще болѣе, чѣмъ медиковъ, и если медикамъ мы ввѣряемъ наше здоровье, то воспитателямъ ввѣряемъ нравственность и умъ нашихъ дѣтей». Разумѣется, осуществленіе проекта по программѣ Ушинскаго представляется только вопросомъ времени. Стремясь сдѣлать волю человѣка общественнымъ рычагомъ, г. Ушинскій въ концѣ своей книги рисуетъ идеаль, къ которому должны быть направлены наши усилія. Это практическое руководство къ жизни въ настоящее время вышло отдельной брошюрой подъ заглавіемъ: «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи», представляющей извлеченіе изъ книги о «человѣкѣ». Въ то время какъ нѣкоторые педагоги рекомендуютъ матерямъ относиться къ дѣтямъ «какъ къ пришельцамъ въ міръ для того, чтобы быть счастливыми», г. Ушинскій справедливо полагаетъ, что «самое воспитаніе, если оно желаетъ счастья человѣку, должно воспитывать его *не для счастья*, а приготовить къ труду жизни». Если бы человѣкъ могъ покупать или даромъ получать счастье, то онъ не пересталъ-бы его цѣнить; условіемъ его является свободный трудъ и сопряженные съ нимъ обязанности и долгъ. Наслажденія жизни уравниваются трудомъ. «Поэзія, музыка, живопись, ваеніе могутъ быть или отдохновеніемъ послѣ труда, или должны находиться въ живой связи съ трудомъ человѣка; когда-же они дѣлаются предметомъ праздноя пріхоти, тогда не только теряютъ всю свою развивающую силу, но дѣйствуютъ отрицательно на нравственное и умственное совершенствованіе. Возьмемъ самое спокойное, самое продолжительное изъ наслажденій—наслажденіе семейнымъ счастьемъ, и мы также увидимъ, что безъ труда и оно невозможно». Однако, трудъ рабскій или оподляющій человѣчество г. Ушинскій признаетъ вредной дѣятельностью человѣка. «Трудъ, какъ

мы его понимаемъ, говорить въ заключеніе г. Ушинскій,—«есть такая свободная и согласная съ христіанской нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается, по безусловной необходимости ея, для достиженія той или другой истинно-человѣческой цѣли въ жизни». Этотъ трудъ есть непремѣнное условіе нашего счастья и воля человѣка должна быть направлена къ приученію себя къ нему, хотя-бы онъ и не доставилъ ему наслажденій. Ушинскій строго отличаетъ счастье отъ наслажденій, связывая первое съ трудомъ, а наслажденія и страданія считая побочными явленіями, усиливающими или ослабѣвающими дѣятельность. Счастье—въ дѣятельности человѣка независимо отъ вознагражденія или страданія его. Кто свертываетъ съ этой прямой дороги, увлекаясь наслажденіемъ или покоряясь страданіямъ, тотъ не живетъ, а медленно умираетъ... Глубоко правъ Кантъ, говоря, что «жизнь вообще, относительно сопровождающихъ ее удовольствій, зависящихъ отъ обстоятельствъ, не имѣетъ никакой цѣны и что вся стоимость жизни измѣряется тѣмъ употребленіемъ, которое мы изъ нея дѣлаемъ и тѣмъ дѣломъ, которое себѣ предлагаемъ». Ушинскій постоянно настаиваетъ въ своей системѣ воспитанія человѣка на такой стоимости жизни, говоря, что «счастье тогда само васъ отыщетъ».

Б. Библиографія.

І. ЛИТЕРАТУРА И ПЕДАГОГІЯ.

Марія Копотницкая. Ануся. Переводъ съ польскаго *Сергія Шаранова*. М. 1893. Ц. 5 к.

Тѣтя. Ея-же. М. 1893. Ц. 5 к.

У этой польской писательницы есть талантъ, есть умѣнье заглянуть въ душу человѣка, есть и юморъ; но ея рассказы отрывочны, словно оборваны, недосказаны. Лучшій изъ двухъ полмелованныхъ — *Ануся*. Это дѣтскія воспоминанія, полная теплоты и привности; но симпатичный образъ Ануся, составляющій главный предметъ воспоминаній, не дорисованъ авторомъ. Остается только впечатлѣніе чего-то добраго, религіознаго, поднаго высокой экзальтаціи; но именно вслѣдствіе своей отрывочности и неопредѣленности рассказъ можетъ быть почитъ только читателемъ высокаго развитія, съ хорошимъ литературнымъ вкусомъ. Другой рассказъ (*Тѣтя*) анекдотиченъ, изображено положеніе старой дѣвы, которой подкинули ребенка. Переводъ г. Шаранова хорошъ; жаль однако, что приведенные въ разсказахъ польскіе стихи онъ передаетъ прозой: эти мѣста перевода выходятъ слишкомъ дубоватыми.

«Горе отъ ума» А. С. Грибоѣдова. Разборъ комедіи для учащихся. Составилъ

С. Бураковскій. Изданіе 2-е. Новгородъ, 1893. Ц. 40 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Биографическія свѣдѣнія и разборъ его сочиненій для учащихся. Составилъ *С. Бураковскій.* Изд. 2-е. Н. 1893. Ц. 45 к.

А. С. Пушкина. Биографическія свѣдѣнія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся. Составилъ *С. Бураковскій.* Изд. 2-е. 1893. Ц. 60 к.

Литературные очерки г. Бураковскаго, хотя и предназначенные для учащихся, могутъ, однако, читаться и въ дальнѣйшихъ возрастахъ съ интересомъ и удовольствіемъ. Они составлены вполнѣ литературно и освѣщаютъ избранныя темы вѣрно и всесторонне, притомъ изложены легко и тономъ своимъ не напоминаютъ учебника. Для каждаго возраста и уже знакомаго съ литературой читателя, они являются очерками, на которыхъ легко освѣжить усвоенныя когда-то литературные образцы; для учащихся они представляютъ собою прекрасныя пособія, могущія иллюстрировать сухой и скучный курсъ класса. Г. Бураковскій скромненько и не претендуетъ на оригинальность своей критики: онъ часто ссылается на извѣстные авторитеты Бѣлинскаго, Ап. Григорьева, Гончарова и друг. пользуется и янвѣями маленькихъ писате-

лей, дѣлаи это съ тактомъ, кетити, въ мѣру, не докучая выписками и ссылками на авторитеты и искусно связывая ихъ мнѣнія со своимъ. Каждому очерку онъ предпосылаетъ биографическія свѣдѣнія о разбираемомъ авторѣ и литературную исторію разсматриваемыхъ произведеній (напр., разсказываетъ вѣстчастную судьбу «Горя отъ ума» до появленія комедіи на сценѣ). Единственный упрекъ, который мы должны направить къ составителю, это—замѣчаніе о дороговизнѣ его брошюръ: напр., 40 коп. за книжку въ 39 страницъ, отпечатанную не безукоризненно, на плохой бумагѣ, это непомѣрно дорого!

М. Ю. Лермонтовъ. Опытъ разбора его произведеній, составленный по новымъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Сост. С. Брайловскій. Воронежъ, 1893.

Рядомъ съ только-что отмѣченными дѣльными разборами г. Бураковского не безинтересно указать на работу г. Брайловскаго. Вотъ поистинѣ Сизифовъ трудъ! Это ужъ не литературный очеркъ, а какал-то схоластическая мозаика. Г. Брайловскій, положительпо, хочетъ замертвить Лермонтова, отнять отъ его произведеній всякій живой смыслъ, и уморить своихъ учениковъ, препарируя творенія великаго поэта съ холодною и сухою анатома, которому дѣла нѣтъ до души, таившейся когда-то въ разнимаемомъ имъ тѣлѣ. Точка зрѣнія у г. Брайловскаго чисто чиновничья. Разбирая Лермонтова, онъ не смѣетъ «свое сужденіе изъять»: онъ его разбираетъ, какъ начальство ему прикажетъ. Вышли *новые* планы министерства народнаго просвѣщенія 20 іюня 1890 г.—и г. Брайловскій, облекшись въ вицмундиръ, вытѣгивается въ струнку и принимается разбирать родныхъ постовахъ съ точки зрѣнія *новыхъ* плановъ; и выйдутъ черезъ нѣсколько лѣтъ еще какіе-нибудь *новѣйшіе* планы—г. Брайловскій опять руки по швамъ и давай разбирать по *новѣйшимъ* планамъ... Прискорбное явленіе! Тутъ не литература имѣется въ виду и не педагогія, а единственно министерскіе циркуляры и появленіе въ классѣ окружного инспектора, слѣдящаго за ихъ выполненіемъ. Что-же получается слѣдствіемъ такого чиновничьяго отношенія къ литературнымъ произведеніямъ? Составитель, не давъ никакихъ свѣдѣній о Лермонтовѣ, кромѣ годовъ его рожденія и смерти, прямо, ехъ адгурто, принимается за препарированіе произведеній поэта. Каждое разбираемое произведеніе разсматривается въ слѣдующемъ порядкѣ: а) *Содержаніе, планъ и идея стихотворенія*, причемъ оно имѣетъ того, чтобъ быть приведеннымъ въ подлинникъ, усердно пересказывается г. Брайловскимъ, и притомъ самымъ севернымъ образомъ, напр.: «Въ полночь, *когда все на землѣ засыпаетъ* (этого у Лермонтова нѣтъ вовсе), на небу летитъ ангелъ и ноетъ

свѣтлую (тихую пѣсню?) которую слушаютъ толпой мѣсяць, звѣзды и лучи; *пѣсня ангела свѣта потому* (онъ не Лермонтовское, а собственное объясненіе), что онъ нѣтъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ *душъ* (духовъ?) въ раю и о Богѣ Вѣликомъ, и *равно и потому* (!) онъ пѣтъ *искренно* (sic), и т. д., все въ такомъ-же полуграматномъ родѣ б) *Грамматическій разборъ*, причемъ Лермонтова начинаютъ потрошить въ этимологиическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ. в) *Стилистическій разборъ*: опять удавливаются разныя отдѣльныя словечки безъ всякаго отношенія къ смыслу самого произведенія. И такъ-то вотъ, по одному трафарету, составлены г. Брайловскимъ всѣ разборы. **Трехгрошовый день.** (Trinummus). Древне-латинская комедія, въ 5 дѣйств., Г. М. Плавта. Переводъ въ прозѣ со статей о Плавтѣ С. Эйгеса. Изданіе А. С. Суворина («Денежная бібліотека»). Сиб. 1893. Стр. 128. Ц. 10 к.

Знаменитѣйшій изъ римскихъ авторовъ комедій, Титъ Макцій Плавтъ, совсемъ не пѣвственъ русскимъ читателямъ, хотя на филологическомъ факультетѣ университетовъ изучается (среди темъ, данныхъ въ Петербургскомъ университетѣ на соисканіе медалей, въ будущемъ году, пѣвется такая: «О брашняхъ словахъ у Плавта»). Если приять во вниманіе, что Плавтъ далъ своимъ комедіями темы для разработки и подражанія Шекспиру (для его «*Комедіи ошибокъ*»), Лессингу (для «*Клада*»), Мольеру (для «*Скупого*»), словомъ—повліялъ на такія оригинальныя и самостоятельныя въ своемъ творествѣ, чуждыя подражательности дарованія, какъ эти три драматурга. — то ужъ въ этомъ одномъ можно и слѣдуетъ видѣть крупное литературное значеніе Плавта. Хотя самъ Плавтъ не былъ самостоятельнымъ творцомъ комедій и находится подъ вліяніемъ греческихъ комиковъ—не Арпестовской школы, а позднѣйшей, времямъ упадка Греціи—однако въ его произведеніяхъ подъ греками и ихъ дѣйствіями изображаются римляне съ ихъ правами, возрѣшимами, бытомъ и пр. Издатель оказываетъ не малую услугу русскому обществу, знакомя его съ Плавтомъ, въ переводѣ г. Эйгеса. Переводъ сдѣланъ прозой и, надо признатъ, не вездѣ безукоризненно легокъ. Однако, если его поглядѣть для поваго изданія, которое не временно должно послѣдовать, то получится отличная книжка. Лучшее, чѣмъ переводъ, оказывается вступительная статья г. Эйгеса о Плавтѣ, дающая ясное понятіе объ этомъ писателѣ и его значеніи во всеобщей исторіи литературы. Словомъ, эта книжка лишне доказательство, что древнія литературы—далеко не мертвыя литературы, и что знакомство съ ними можетъ доставить какъ истинный интересъ, такъ и удовольствіе не только классикамъ, но и любому изъ среднихъ читателей.

Коломанъ Миксатъ. Добрякъ. Переводъ съ венгерскаго Сергѣя Шарапова. М. 1893. Ц. 5 к.

Дуэль. Его же. М. 1893. Ц. 5 к.

Веселые, но фельетонные рассказы венгерскаго писателя могутъ быть прочитаны въ приво, но забудутся легко, такъ какъ очень ужъ легки по содержанию, иначе сказать—вовсе безсодержательны. Въ первомъ рассказѣ изображенъ добрякъ, который, въ слѣдствіе своего добродушія и безхарактерности, постоянно ставитъ себя въ комическія положенія. Начало рассказа—самая характеристика этого добряка и добриковъ вообще—очень хороша и полна юмора; но ожиданія читателя не оправдываются, ибо въ подтвержденіе характеристики приведенъ анекдотъ, далеко уступающій ей въ юморѣ и содержательности. Второй рассказъ—тоже анекдотъ: какой-то умникъ, по требованію своей невѣсты, вышелъ на дуэль, которая ничѣмъ не кончилась. Приложенная къ этому рассказу сказочка «*Куклы маленькой царевны*» совсѣмъ безцвѣтна.

Григорій Де-Волланъ. По бѣлу свѣту Путевья замѣтки Сиб. 1894. Ц. 2 р. 25 к.

На первой страницѣ своего труда г. Де-Волланъ заступаетъ за туристовъ, милолетнихъ писаній которыхъ вообще не любить старожилы, не признающіе скоросиблаго изученія посѣщаемыхъ странъ и не придающіе вѣры тому, что является въ литературѣ, какъ слѣдъ и плодъ слѣпыхъ и поверхностныхъ наблюденій. Авторъ рекомендуетъ себя, какъ «странствующаго фотографа», желающаго «зачеатлѣть на своей пластинкѣ что-нибудь интересное». Оказывается, что ему интересно рѣшительно все: на что ни посмотреть, сейчасъ-же свой аппаратъ наведетъ—(фотографія у него моментальная)—глядяши, готовъ снимокъ, но снимокъ неясный, нехарактерный, недетальный и никому неинтересный. Вотъ, напримѣръ, одно изъ описаній:

«Видъ съ крѣпости великолѣпный! Море у подножія горы отливало пѣсьми цвѣтами радуги» (стр. 4).

И все. Такъ-то вотъ милолетно наблюдаетъ и отмѣчаетъ г. Де-Волланъ свои впечатлѣнія, не останавливаясь на явленіяхъ, не разбирая ихъ, рѣдко сообщая ихъ исторію. Только о буддизмѣ поговорилъ онъ подробно (стр. 164 и слѣд.). Авторъ не лишень глубокомысленности. Вотъ какія, напримѣръ, замѣчанія дѣлаетъ онъ:

«Вообще я замѣтилъ, что чѣмъ цивилизованнѣе народъ, тѣмъ меньше переписки». «Всему хорошему и худому бываетъ конецъ». «Мода властвуетъ надъ прекрасною половиною рода человеческого; испанки съ турнюрами, точно наши купчихи; а говорять еще, что женщина консервативнѣе мужчинъ; въ Испаніи, должно быть, все павыворотъ: женщина за прогрессъ, а мужчины за старину». Итакъ, г. Де-Волланъ видитъ прогрессъ

въ турнюрѣ. Или это, быть можетъ, юморъ? И въ юморѣ, дѣйствительно, здѣсь нѣтъ недостатка. Вотъ его перлы: «Постель широкая, высокая, съ какою-то круглою, маленькою колбасою вмѣсто подушки». «Гимнастировали мы самымъ исправнымъ манеромъ»... и т. п.

Въ заключеніе падо признать, что эта поверхностная, скучная книга непомерно дорога.

Матери великихъ людей. Составилъ М. Блокъ. Переводъ съ французскаго, С.-Петербургъ, 1894 г. Изданіе Ф. Павленкова.

Авторъ рѣшилъ доказать, что воспитаніе, руководимое матерью, даетъ всегда самыя плодотворныя результаты и что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ дѣлается знаменитымъ не смотря на то, что воспитывался безъ матери, всегда на него имѣла благотворное вліяніе женщина, которая замѣнила ему родную мать. Свою мысль авторъ доказываетъ множествомъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ біографій знаменитыхъ людей, начиная съ Гракховъ и кончая Беранже. Конечно, возражать что-либо противъ значенія матери въ дѣлѣ воспитанія и образованія дѣтей трудно, но нѣтъ никакой надобности подчеркивать это значеніе разными односторонними приемами. Г. Блокъ искусственно подбираетъ подходящіе примѣры, и въ нихъ выдвигаетъ на первый планъ то, что необходимо для доказательства его положенія. Если оставить въ сторонѣ тенденціозность автора, то къ книгѣ его можно отнестись вполнѣ сочувственно и признать ее полезной для юношества старшаго возраста.

Международная Библиотека. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. № 11. Луио Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. № 12. Г. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. (Das Thier im Menschen). № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существованіе (Ethics and struggle for life). № 14. Отто Генемъ-Ранъ. Законы культуры. Одесса. 1894 г.

Статья Рене Думика «Литература и вырожденіе» посвящена возраженію на извѣстную работу Макса Нордау «Вырожденіе», въ которой тотъ особенно отрицательно относится къ французской литературѣ и вообще къ будущему Франціи, заявляя, что выраженіе «fin de siècle» слѣдовало бы замѣнить «fin de race». Г. Думикъ, въ свою очередь, остроумно и мѣтко указываетъ на слабыя стороны возрѣній Нордау. Въ рѣчи проф. Брентано приводится мысль, что современное тяжелое экономическое положеніе вызвано измѣнившимися условіями быта и производствъ; онъ считаетъ для улучшенія положенія самой подходящей мѣрой учрежденіе синдикатовъ или карателей.

Известный критикъ, г. Брандесъ, разсматриваетъ модный въ настоящее время вопросъ о зѣвѣтѣ въ человѣкѣ, по произведеніямъ Поля Бурже, Мопассана, Золя и гр. Толстого, сопоставляетъ и оцениваетъ окончательные выводы, къ которымъ приходится названные авторы.

Въ «Этикѣ и борьбѣ за существованіе» Лесли Стефенъ довольно подробно выиспытываетъ значеніе борьбы за существованіе въ жизни человѣчества, устанавливаетъ ея законныя и разумныя предѣлы, въ которыхъ она является необходимымъ средствомъ прогресса. Авторъ «Законовъ культуры» доказываетъ, что развитіе человеческого духа, «развитіе культуры» подчинено законнымъ прогресса, которому нисколько не препятствуетъ долго сохранившаея въ человеческомъ обществѣ различныя переживанія остатковъ старыхъ временъ. Авторъ коротко намѣчаетъ различныя стадіи, черезъ которыя прошло человечество, и дѣлаетъ нѣсколько не безинтересныхъ замѣчаній о будущемъ. Вообще новые выпуски международной бібліотеки представляютъ рядъ популярныхъ и достаточно интересныхъ краткихъ очерковъ.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Георгіевскій. Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. Спб. 1894 г.

Какъ известно, у насъ въ данное время работаетъ особая коммисія, занятая вопросомъ объ организаціи общественнаго призрѣнія въ Россіи. Въ виду этого, проф. Георгіевскій рѣшилъ ознакомить русское общество съ основными принципами общественнаго призрѣнія, его организаціей на западѣ Европы, и наконецъ, отъ себя предложить проектъ «возможной» его организаціи въ Россіи.

Проектъ «возможной» организаціи общественнаго призрѣнія въ Россіи наполненъ многими благими статьями и параграфами, по «возможное» его осуществленіе, въ сущности, поставлено въ зависимость отъ усвоенія русскимъ обществомъ слѣдующихъ словъ покойнаго мужа английской королевы: «мы, которымъ Провидѣніе даровало высокое положеніе, богатство, образованіе, обязаны сдѣлать все, что только въ нашихъ силахъ на пользу менѣ насъ надѣленныхъ благами судьбы». Усвоеніе «хорошихъ» словъ, конечно, полезно, но весьма паивно на немъ одноузъ строить планъ какихъ бы то ни было реформъ и нововведеній.

Самъ проф. Георгіевскій, правда, отличается оригинальными особенностями усвоенія. Такъ, вся его брошюра, которую онъ называетъ «монографіей», вплоть до проекта «возможной» организаціи общественнаго призрѣнія въ Россіи, представляетъ собою очень хорошо усвоеннымъ статью изъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften».

Петлиинъ. Опытъ описанія губерній и областей Россіи въ статистическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, въ связи съ дѣятельностью въ нихъ государственнаго банка и частныхъ кредитныхъ учреждений. 3 тома. Спб. 1893 г.

«Описаніе» г. Петлиина особо для каждой губерніи составлены по слѣдующей программѣ: а) статистическое описаніе губерніи, б) характеръ губерніи, ея торговля и промыслы, в) дѣятельность въ губерніи государственнаго банка и частныхъ кредитныхъ учреждений. Можно себѣ представить, сколько на такое описаніе особо каждой губерніи потребовалось труда и времени. Объ этомъ свидѣлствуютъ три громаднѣйшихъ тома цифръ, изрѣдка пересынаемыхъ краткими замѣчаніями и указаніями. Взятые нами для проверки нѣсколько губерній показали чрезвычайно добросовѣстное отношеніе г. Петлиина къ своей работѣ. Онъ по выбраннымъ нами губерніямъ использовалъ почти всю относящуюся къ нимъ литературу. Конечно, проверка всѣхъ губерній въ описаніи г. Петлиина потребовала бы столько времени и труда, сколько затратилъ ихъ самъ авторъ описаній. Если, кромѣ проверенныхъ нами губерній, г. Петлиинъ съ равной же добросовѣстностью описалъ еще хотя 10 другихъ губерній, то и этого достаточно для обезпеченія историческаго мѣста за его работой въ нашей экономической литературѣ. Жаль, что по цѣнѣ (15 р.) изслѣдованіе г. Петлиина окажется доступнымъ для немногихъ даже изъ любителей и специалистовъ.

Келленъ. О необходимости коренной реформы законодательства о правахъ на нѣдра земли. Спб. 1894 г.

Когда говорить о сказочныхъ богатствахъ, которыми природа надѣлила Россію, то разумнѣе, главнымъ образомъ тѣ богатства, которыя скрыты въ нѣдрахъ земли. При разныхъ разворахъ о поднятій разныхъ отраслей промышленности и разныхъ планахъ объ устраниеніи того страшнаго противорѣчія, что мы бѣдствуемъ среди сказочныхъ даровъ природы, остаются нетронутыми законы, преграждающіе доступъ къ богатствамъ, скрытымъ въ нѣдрахъ земли.

Наше горное законодательство получило определенную окраску только при Петрѣ I. Петръ I отдѣлилъ право собственности на поверхность земли отъ правъ на нѣдра земли. Въ его Бергъ-Привилегіи 10 дек. 1719 г. былъ установленъ принципъ *горной свободы* Всякому желающему было предоставлено право искать важнѣйшія ископаемые на чьихъ бы то ни было земляхъ и, въ случаѣ отысканія, получать для разработки площади определенной величины съ соблюденіемъ известныхъ обязательствъ въ пользу собственника земли. Этими постановленіямъ закона обязана своимъ развитіемъ наша горная промышленность въ прошломъ сто-

лѣтїи. Къ сожалѣнію, это развитіе было приостановлено закономъ 1782 г. Манпфестомъ 23 іюня 1782 г. Екатерина II уничтожила горную свободу и признала собственника земли исключительнымъ собственникомъ и всего заключающагося въ недрахъ этой земл. Основныя начала манпфеста 1782 г., за исключеніемъ Царства Польскаго, сохраняя свою силу и въ дѣйствующемъ горномъ законодательствѣ, служатъ непреодолимымъ препятствіемъ для развитія горной промышленности. Собственники поверхности земли, признаваемые исключительными собственниками недръ земл, сами не ведутъ розысковъ, не имѣютъ нужныхъ для того средствъ, а тѣмъ болѣе для разработки хотя бы то и случайны обнаружившихся рудъ и залежей. Всѣ попытки министерства государственныхъ имуществъ возстановить у насъ горную свободу, признанную въ Бергъ-привилегіи Петра I, до сихъ поръ не могли получить одобренія въ государственномъ совѣтѣ.

Федоровичъ. Исторія и теорія статистики. Одесса. 1894 г.

Въ нашей литературѣ пмѣются собственно только два руководства по статистикѣ, а именно — покойнаго проф. Янсона и проф. Чупрова. Курсъ проф. Федоровича, — если онъ будетъ доведенъ до конца по тому же плану, — займетъ видное мѣсто среди общихъ трактатовъ по статистикѣ. Пока проф. Федоровичъ на 713 стр. большого формата и довольно убористой печати изложилъ исторію и общую теорію статистики. Очевидно, такъ сказать, самая статистика будетъ изложена въ слѣдующихъ томахъ или выпускахъ, хотя о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ этихъ томовъ или выпусковъ ничего не сказано въ предисловіи и на обложкѣ не доставлено: т. I-й. Было бы желательнo, чтобы эти выпуски или томы дѣйствительно появились, причемъ, помимо полноты изложенія, была принята во вниманіе его ясность и возможное устраненіе противорѣчій въ детальной разработкѣ отдельныхъ вопросовъ.

Мышь. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. со всѣми относящимися къ нему узаконеніями, судебными и правительственными разъясненіями Спб. 1894 г.

Г. Мышь составилъ себѣ почетную извѣстность добросовѣстнаго труженика по составленію сборниковъ разныхъ узаконеній. Его «Городовое положеніе 11 іюня 1892 г.» является лучшимъ изъ всѣхъ неофициальныхъ изданій. Появившееся же теперь положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. потребовало такой массы труда, преодолѣть которую едва доступно и для человѣка рѣдкой энергіи.

Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г., въ сущности, повторена большая часть постановленій стараго положенія 1 ян. 1864 г. За 25 лѣтъ дѣйствій

этого положенія накопилась громадная масса разныхъ циркуляровъ, разъясненій, рѣшеній и постановленій, поясняющихъ смыслъ и требованія отдѣльныхъ статей положенія. Во всемъ этомъ матеріалѣ нужно было раззобраться и выдѣлать то, что сохраняетъ свою силу и для новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Кромѣ того, уже при дѣйствіи новаго положенія въ поясненіи какъ новыхъ его статей, такъ и повторенныхъ изъ стараго положенія издано опять громадное число циркуляровъ, разъясненій и т. д. Все это собрано г. Мышемъ и приводится подъ каждой статьей положенія. Но помимо Положенія, г. Мышь съ такими-же сводами разъясненій и циркуляровъ приводитъ и текстъ всѣхъ многочисленныхъ узаконеній, имѣющихъ прямое отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ по всѣмъ отраслямъ его дѣятельности. Въ виду этого книга, г. Мыша, помимо своего практическаго значенія для земскихъ дѣятелей, является положительно драгоценнымъ пособіемъ для всякаго, кто пожелалъ бы заняться пазлѣдованіемъ особой отрасли земской дѣятельности.

Демченко. Наказаніе по литовскому статуту въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1568 гг.). Часть 1-я, Кіевъ, 1894 г.

Литовскому статуту не везетъ въ глазахъ «представителей» «отечественной» пауки. 13 лѣтъ тому назадъ, покойный проф. Тальбергъ въ своей монографіи «Насильственное похищеніе имуществъ по русскому праву», заявлялъ, что «при всей важности разсматриваемаго памятника въ дѣлѣ изученія древне-русскаго права, литовскій статутъ до настоящаго времени остается безъ всякой научной разработки и не приобретаетъ еще, такъ сказать, права гражданства въ нашей историко-юридической литературѣ»; но, несмотря на 13 лѣтъ, протекшихъ со времени заявленія проф. Тальберга, литовскій статутъ попрежнему серьезно занималъ только польскихъ изслѣдователей. Въ виду этого, изслѣдованіе г. Демченко имѣетъ право на видное мѣсто въ нашей литературѣ, какъ первая серьезная попытка изслѣдовать уголовное право литовскаго статута и является довольно цѣннымъ приобретеніемъ и для исторіи русскаго уголовного права вообще.

Бергъ. Комментарій новыхъ провинціальныхъ учреждений 12 іюля 1889 г. Составленъ примѣнительно къ рѣшеніямъ 2-го и другихъ департаментовъ прав. сената и циркуляровъ м-ва вн. дѣлъ и юстиціи. Часть 1-я. Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и ихъ административный порядокъ дѣлопроизводства. Москва. 1894.

Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, сверхъ своего принципиальнаго значенія, къ тому-же и редактировано весьма неудачно. Почти при каждой статьѣ стоитъ рядъ ссылокъ на статьи изъ раз-

ныхъ томовъ Свода Законовъ и разныхъ положеній, съ которыми надлежитъ сообразоваться. Въ виду этого, по положенію о земскихъ начальникахъ нельзя усвоить себѣ ихъ обязанности и кругъ дѣятельности. Г. Беэръ въ своемъ «Комментаріи» издалъ изложеніе о земскихъ начальникахъ съ буквальными выписками всѣхъ статей, на которыя въ немъ проставлены ссылки и съ относящимися къ нимъ толкованіями сената и циркулярами министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства юстиціи. — Трудъ весьма полезный, жаль, что г. Беэръ перенесъ границы своей задачи и вступилъ на путь комплиментовъ. Въ предисловіи онъ говоритъ: «съ внутренней стороны положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ представляетъ собою законъ весьма цѣльный, законченный и хорошо обдуманый, вслѣдствіе чего и на практикѣ, въ особенности для опытнаго человѣка, онъ оказался въ высшей степени удобопримѣнимымъ и цѣлесообразнымъ, такъ что сельское населеніе стало обращаться къ земскому начальнику за разрѣшеніемъ и совѣтомъ по самымъ частнымъ и важнымъ вопросамъ своей жизни» и т. д. и т. д. Все это если бы и не было сомнительно, то все-таки едва ли было бы умѣтно въ «Комментаріи».

Фудель, I. свѣц. Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ. Москва, 1894 г.

Г. Фудель, пахоты современное устройство приходскихъ попечительствъ не достигаящимъ намѣченной цѣли, предлагаетъ ограничить ихъ дѣятельность «хозяйственной и благоустройственной частью въ церквяхъ» (стр. 6), духовно же просвѣтительную дѣятельность и благотворительную возложить на особия церковно-приходскія братства, которыя, по мысли автора, должны состояться изъ всѣхъ лицъ, платящихъ извѣстную денежную сумму подъ руководствомъ мѣстнаго духовенства, которому авторъ забочливо отводитъ преобладающее мѣсто въ проектируемыхъ обществахъ. Необходимость дать правильныя основанія общественной благотворительности въ Россіи чувствуется уже давно и организація благотворительныхъ обществъ въ каждомъ приходѣ была бы весьма желательна, по, конечно, отъ нея нельзя ожидать большихъ результатовъ, если ей будетъ приданъ исключительно церковный характеръ и председатели такихъ обществъ будутъ обязательно священники. Дѣло благотворительности должно быть общимъ дѣломъ всѣхъ прихожанъ и руководить имъ естественно должны лица, пользующіеся наибольшимъ довѣріемъ участниковъ, безъ различія занимаемаго ими положенія.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Москва, 1894.

Лѣтнія колоніи для воспитанниковъ городскихъ училищъ существовать уже 6-й годъ. Въ 1893 году въ нихъ провелъ всего 169 дѣ-

тей: 98 дѣвочекъ и 71 мальчикъ, выбранныхъ при участіи училищнаго врача, преимущественно изъ числа малокровныхъ и золотушныхъ. Стоимость содержанія каждаго воспитанника за лѣто равнилась 23 р. 66 коп., расходы покрывались, главнымъ образомъ, взносомъ училищъ за ихъ воспитанниковъ и пожертвованіями разныхъ лицъ; въ общемъ все лѣто стоило около 4.000 р. Передъ отправленіемъ въ колоніи дѣти измѣрялись и вѣсѣдывались врачами, всѣ дѣти записались въ санитарныя листы, по возвращеніи дѣтей обратно эти листы просматривались и на нихъ отмѣчались происшедшія за лѣто измѣненія; такимъ образомъ можно было наглядно выяснить пользу пребыванія дѣтей въ деревнѣ. Вопросъ о лѣтнихъ колоніяхъ для дѣтей бѣднѣйшаго городского населенія, которымъ приходится расти въ неудовлетворительныхъ санитарныхъ условіяхъ, заслуживаетъ общественнаго вниманія и слѣдуетъ надѣяться, что добрыя начинанія московскихъ учреждений колоній не останутся безъ подражанія.

Отчетъ Симбирскій бесплатной народной бібліотеки-читальни въ память И. А. Гончарова. Съ 17-го января 1894 г. Симбирскъ. 1894 г.

Симбирская бесплатная бібліотека-читальня въ память Гончарова открыта въ 1891 г.; въ настоящее время ея инвентарь состоитъ изъ 1,367 экземпляровъ книгъ и брошюръ, въ числѣ которыхъ много пожертвованныхъ учрежденіями и частными лицами. Въ теченіе года, въ ней состояло 264 читателя, изъ нихъ по сословіямъ были: 616 мѣщанъ и крестьянъ, а по образованію 669 учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Большинство абонентовъ брали книги на домъ по поручительству учителей, священниковъ, хозяевъ и т. д. Эта система поручительства, позволяющая не требовать залоговъ, оказалась очень удачною. Въ теченіе года не было возвращено всего 5 книгъ, что составляетъ всего 0,2% всѣхъ выдачъ. Больше всего выдавалось книгъ по беллетристикѣ: 8,400 изъ 23,000 выданныхъ; наибольшее число требованій было на Гогаля, Островскаго, Лермонтова, Гончарова, Григоровича и Толстого. Кроме берущихъ книги на домъ, въ читальнѣ перебывало 2,298 человекъ.

Шеломевъ. Женщины-телеграфисты въ Россіи и за границею. Спб. 1894 г.

Будущій историкъ государственной службы женщинъ въ Россіи долженъ будетъ прежде всего остановиться на ихъ дѣятельности по почтово-телеграфному вѣдомству. Телеграфъ является первымъ правитъльственнымъ учрежденіемъ, куда женщины были приняты на службу и гдѣ имъ ранѣе чѣмъ въ другихъ отрасляхъ и сферахъ пришлось доказать свою полную пригодность для самой отвѣтственной дѣятельности. Доказательство скоро было представлено и поразили самыхъ предубѣжденныхъ противни-

новъ самостоятельнаго женскаго труда—да еще въ казенныхъ учрежденіяхъ. Законами 20 ноября 1864 г. и 26 февр. 1865 г. женщинамъ было предоставлено право поступать на службу въ правительственный телеграфъ, и уже бывшему министру внутр. дѣлъ г.-ад. П. П. Мамшву пришлось характеризовать службу женщинъ слѣдующими словами: «женщины не уступаютъ мужчинамъ въ трудолюбіи, добросовѣстномъ исполненіи обязанностей, въ смѣливости, уступчивости и усердіи». Однако, женщины продолжали долго служить въ правительственномъ телеграфѣ и не пользовались правами государственной службы. Служебная дѣятельность женщинъ такъ ярко освѣщала эту несправедливость, что никто другой, какъ бывший министр внутр. дѣлъ г. Толстой счелъ необходимымъ выхлопотать женщинамъ право на повышение по службѣ (безъ производства въ чины) и право на полученіе пенсій изъ государственнаго казначейства.

Въ настоящее время въ правительственномъ телеграфѣ служатъ около 800 женщинъ, изъ которыхъ состоящія въ высшемъ разрядѣ получаютъ около 100 р., а въ низшемъ около 80 р. въ мѣсяцъ. Полная пенсія выдается за 25 лѣтъ службы вмѣсто 35 лѣтъ, установленныхъ общимъ уставомъ о пенсіяхъ.

Въ брошюрѣ Щеголева приведены тексты разныхъ правилъ, опредѣляющихъ условия поступленія и службы женщинъ въ правительственномъ телеграфѣ, такъ что для всякаго желающаго ознакомиться съ дѣятельностью женщинъ-телеграфистокъ все имѣется подъ руками. Жаль, что г. Щеголевъ въ очеркахъ о положеніи женщинъ-телеграфистокъ заграницей старается всячески показать, что у насъ имъ предоставлены такія права и такія условія службы, какими онѣ не пользуются ни въ одномъ западно-европейскомъ государствѣ. Гораздо лучше поступилъ бы г. Щеголевъ, еслибы онъ правдиво описалъ ограниченія женской службы на правительственномъ телеграфѣ, разобравъ напр., основательно ли ограничивать число женщинъ-телеграфистокъ извѣстнымъ процентомъ по отношенію къ мужчинамъ-телеграфистамъ?..

III. ЕСТЕСТВ. НАУКИ И МЕДИЦИНА.

D-r. Weill Mantou. Руководство для врачей по страхованію жизни. Перев. съ франц. Д-ръ В. О. Саваневскій, Москва, 1894, ц. 1 р. 25 к.

Названная книжка могла бы служить хорошимъ пособіемъ для быстрого ознакомленія съ довольно трудными вопросами, съ которыми встрѣчается довѣренный при итраховыхъ обществахъ врачъ, если бы вкравшіяся въ переводъ опечатки мѣстами не порождали серьезнаго недоумѣнія. Такъ напр., на стр. 24 сказано, что «всякій чувствующій себя не очень здоровымъ, счи-

таетъ для себя невыгоднымъ страховаться на случай смерти». Между тѣмъ очевидно, что фраза эта должна имѣть обратный смыслъ, и страхованіе лица со слабымъ здоровьемъ можетъ представлять невыгоду только для страхового общества, а никакъ не для него самого. Но есть недосмотры еще болѣе непріятные. Такъ, на стр. 26, гдѣ говорится о высотѣ страховой суммы, напечатано: «онъ (врачъ) при своихъ выгодахъ не долженъ ее принимать въ соображеніе». Одна невѣрная буква, во какая крупная ошибка! Выводы врача, которые должны быть настолько безпристрастны, что врачу даже не слѣдуетъ знать величину страховой суммы, какъ пишетъ авторъ, вдругъ названы выгодами!

Нѣкоторая невнимательность переводчика отражается на всей книжкѣ, но такъ какъ другой подобной книжки на русскомъ языкѣ нѣтъ, то желающимъ ознакомиться съ вопросомъ о страхованіи жизни придется обратиться къ переводу д-ра Саваневскаго.

Сонъ и сновидѣнія. Д-ра мед. В. С. Гейденберга. Симферополь, 1894, ц. 25 к.

Въ небольшомъ по объему, но довольно полномъ по содержанию очеркѣ, авторъ излагаетъ интересныя данныя, касающія сна и сновидѣній. Сонъ есть отдыхъ, во время котораго возобновляются потраченные матеріалы, но на него вовсе нельзя смотрѣть, какъ на временное приостановленіе жизненныхъ функцій, потому что «ни одно отравленіе нервной системы во время сна не прекращается вполне, а нѣкоторыя даже услаиваются». Особенно важное значеніе приобрѣтаютъ въ это время рефлекторныя движенія, происходящія помимо нашей воли и сознанія, а также фантазія, приводящая въ странную связь отдѣльныя впечатлѣнія, большую частью тѣ, которыя на яву почти не воспринимались нашимъ сознаніемъ, находясь въ такъ называемой безсознательной сферѣ ума.

Такъ какъ мы сознаемъ только небольшую часть воспринимаемыхъ извѣвъ впечатлѣній и психическихъ процессовъ, совершающихся въ мозгу, то понятно отсюда, что иногда во снѣ неожиданно встаютъ передъ нами какъ бы новыя для насъ самыя образы, новыя мысли... Этимъ же свойствомъ безсознательной работы мозга объясняется особенно появленіе такъ называемой пророческихъ сновъ, при которыхъ конечный выводъ долгихъ незознаваемыхъ размышленій выливается въ яркій и какъ будто извѣвъ вложенный образъ.

Брошюра читается очень легко и можетъ быть смѣло рекомендована вниманію читателей.

О врачебной тайнѣ съ точки зрѣнія требованія правосудія, администраціи и врачебной этики. Д-ра мед. I. В. Вертенсона, СПб. 1894. Изд. Риккера, ц. 60 к.

Въ то время, какъ почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ нарушение врачеб-

ной тайны строго преследуется закономъ, русское законодательство не только не преследуетъ врача за раскрытіе вѣрренной ему тайны больного, но даже обязываетъ его отбывать на судѣ безусловно на всѣ вопросы, касающіеся его пациентовъ.

Между тѣмъ и сами врачи и лучшая часть общества, исходя изъ основаній нравственнаго характера, относятся къ этому вопросу совершенно иначе и требуютъ самаго широкаго признанія врачебной тайны, безъ чего немыслимо довѣріе больного къ врачу, а первѣдо и самый успѣхъ леченія...

Ссылаясь на мнѣнія выдающихся юристовъ, авторъ высказываетъ основательныя пожеланія, чтобы врачебная тайна была наконецъ принята подъ охрану русскими законами. Къ этому пожеланію, конечно, нельзя не присоединиться.

Наше зрѣніе. Перев. и доп. съ франц. драм. *И. Е. Зейлига*, Москва, 1894. Ц. 80 к.

Изданіе общедоступныхъ руководствъ, знакомящихъ съ главнѣйшими признаками болѣзней и со способами предохраненія отъ нихъ, заслуживаетъ безусловнаго сочувствія. Книжка, переведенная и дополненная докторомъ Зейлихомъ, вполне отвѣчаетъ этой цѣли, и потому можетъ быть рекомендована лицамъ, желающимъ волучить свѣдѣнія о физиологій, гигиенѣ и болѣзняхъ зрѣнія.

Знакомы ежато, но довольно обстоятельно съ названными вопросами, книжка эта заслуживаетъ одного упрека. Зачѣмъ знакомить публику, не имѣющую надеждащей медицинсконей подготовки, съ различными способами леченія болѣзней? Пользы отъ этого никаконей не будетъ, а вредъ можетъ произойти не малый. Вредъ — оттого, что всякіе графы Маттел, бароны Вренскіе, пасторы Клейшпы, полковники гг. Чячаговъ, Федоровскій и др. еще болѣе развязно станутъ увѣрять, что для леченія не требуется никакихъ спеціальныхъ свѣдѣній, а довѣрчивая публикка, и безъ того уже свѣше мѣри смущаемая названными проповѣдниками, будетъ лишній разъ введена въ заблужденіе.

Мы думаемъ, что въ популярньихъ книгахъ вообще не слѣдовало бы говорить ни слова о леченіи, а напротивъ того, указывая на серьезныя признаки, требующіе обращенія къ врачу, постоянно проводить ту мысль, что леченіе есть дѣло только врача.

IV. КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Д. А. Корочевскій. Разказы про диаконго человека. Съ иллюстраціями въ текстѣ. Изданіе 2 е Е. П. Тихомировой. М. 1893. Ц. 2 р.

Появившіеся въ 1886 году отдѣльными 11-ю книжками очерки г. Корочевскаго вышли теперь вновь, по, къ сожалѣнію, уже не въ видѣ дешевенькихъ брошюръ, а соединенныя въ одну дорогую книгу. Отъ этого распространеніе ихъ среди мало-до-

стачныхъ классовъ можетъ значительно пострадать. Авторъ многое въ своихъ очеркахъ исправилъ и переработалъ, упростивъ, главнымъ образомъ, слогъ, бывшій въ первомъ изданіи слишкомъ мало доступнымъ для неподготовленнаго читателя. Книга его обильно иллюстрирована педурными политипажами. Рекомендуемъ ее, какъ прекрасное чтеніе для дѣтей старшаго возраста, уже знакомыхъ съ географіей, и для юношества. Наша педагогическая литература такъ бѣдна хорошими сочиненіями по географіи и этнографіи, что необходимо прывѣтствовать каждую такую книгу, — въ особенности, если она составлена такъ дѣльно, какъ очерки г. Корочевскаго.

А. Кизанскій. Разказы изъ народнаго быта для дѣтей. *Няня*. Кіевъ. 1893. Ц. 10 к. *Анна*. Кіевъ. 1893. Ц. 10 к. *Маринка*. Кіевъ. 1893. Ц. 10 к.

Довольно ординарныя разказы. Народный бытъ еле сквозитъ въ этихъ наброскахъ барскаго пера, которое и въ содержаніи и въ языкѣ вложило слишкомъ мало народности. Особенно слаба разсказъ «*Маринка*», гдѣ изображена дѣвочка, укравшая арбузъ въ панскомъ саду, и цѣлая драма, будто-бы носѣдовавшая за этимъ событіемъ. Въ разсказѣ «*Анна*» опять кража (наздательное, однако, чтеніе для дѣтей), но на этотъ разъ виновнаго не оказывается, заподозрѣнную кухарку барыня прощаетъ, а приказчику дѣлаетъ строгое внушеніе. Разсказъ «*Няня*» сравнительно лучше: онъ представляетъ воспомнанія старушки-няни о прежнихъ порядкахъ при крѣпостномъ правѣ. Въ общемъ однако отъ всѣхъ трехъ разсказовъ г-жи Казапской впечатлѣнія никаконныя.

Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія дома и въ школѣ. Составилъ *И. Горбуновъ-Посадовъ* и *Я. Егоровъ*. Съ рисунками Е. М. Бемъ, В. В. Переплетчикова и др. М. 1894. Стр. 216. Ц. 40 к.

«*Ясная звѣздочка*» служитъ продолженіемъ составленной два года тому назадъ тѣми-же лицами первой книги для чтенія «*Красное солнышко*» и предназначена для чтенія при второмъ годѣ обученія. Изданный отлично, даже можно признать — роскошно, и притомъ чрезвычайно дешево, сборникъ этотъ даетъ богатый матеріалъ для чтенія, который распадается на 15 отдѣловъ. Семья, школа и окружающій дѣтей мірокъ природы составляютъ содержаніе всей книги. Можно въ ней отыскать сдѣланный составителями шагъ впередъ — правда намъ еще нерышительный и небольшой, но во всякомъ случаѣ замѣтный: составители рѣшились выступить изъ того круга авторовъ, которыхъ обыкновенно эксплуатируютъ наши хрестоматички, очевидно не зная и не читая ничего, кромѣ того, чему сами учились въ школѣ. Классики — изъ этого круга ужъ ни шагу. По гг. Горбуновъ-Посадовъ и Егоровъ, повидному, слѣдя за современною педагогическою

и дѣтскою литературой, выбираютъ наиболѣе выдающіяся произведенія и менѣе извѣстныхъ авторовъ и нерѣдко пользуются стихотвореніями и отрывками изъ сочиненій Кайгородова, Л. Полпванова, Сурикова, Дрожжина, Берга, Каразина, Барыковой. Въ этомъ видѣнъ починъ весьма и давно ужъ желательнаго обновленія въ нашихъ устарѣлыхъ хрестоматіяхъ. Въ концѣ книги приложенъ отдѣлъ для церковно-славянскаго чтенія съ отрывками изъ Библии и Евангелія, правила правописанія, нумерація, таблица умноженія и мѣры.

Не можемъ однако не упрекнуть составителей въ нѣкоторой безцеремонности, съ какою вообще обращаются дѣлатели дѣтскихъ хрестоматій съ произведеніями крупнѣйшихъ нашихъ писателей: имъ ничего не стбитъ оборвать эксплуатируемое стихотвореніе на лобомъ мѣствѣ, или выхватить изъ него пѣсокъ строкъ по своему усмотрѣнію и произволу, или дать ему собственное заглавіе доморощеннаго производства. Такъ и тутъ: «Весна! растворяется первая рама»... г. Майкова озаглавлено: «*Весна въ городѣ*»; изъ «Бѣсовъ» Пушкина взято нѣсколько начальныхъ строкъ и преспокойно озаглавлено «*Метель*». Положимъ, это пустяки, мелочь, во все-таки это не въ духѣ литературныхъ приличій. Если составители съ легкимъ сердцемъ обрываютъ и переименовываютъ стихотворенія Пушкина, то имъ ужъ педалекъ до того, чтобы приступить къ редактированію и исправленію его стиховъ...

В. О. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Выпускъ I. Съ 60-ю иллюстраціями въ текстѣ. П. П. Кланга. М. 1893. Ц. 30 к.

Положимъ, въ классѣ начальной школы 27 учениковъ. Учитель беретъ книжку г. В. О. Крижъ и разпимаеть ее на 27 частей: она такъ напечатана и сплетена, что легко разпимается, причемъ каждая часть содержитъ въ себѣ отдѣльный рассказъ. На завтра дѣти возвращаютъ ему эти листки, и онъ дѣлаетъ между ними обмѣнъ рассказовъ. На послѣзавтра то-же и т. д. Такимъ образомъ, книжка будетъ читаться на дому одновременно 27-ю учениками въ теченіе 27-ми дней. А для того, чтобы эти листки не трепались по карманамъ и по сумкамъ учениковъ, изданы особо, по 2 к. за штуку, корешки съ напечатанными на нихъ полезными для дѣтей свѣдѣніями, которыя имъ невредно всегда имѣть подъ рукою, напр. таблица умноженія и т. п. Такова, такъ сказать, внѣшняя идея этой книжки. Что касается ея содержанія, то оно дѣлаетъ ее заслуживающею распространенія среди дѣтей начального школьнаго поз-

раста. Это все небольшія, страницъ по 4—8, сказочки, рассказы поучительнаго характера, но безъ лишняго морализованія, и очерки, знакомящіе дѣтей съ явленіями окружающей ихъ жизни, а также бѣсѣды, дающія ребятамъ понятіе о вещахъ серьезныхъ, но уже пужныхъ имъ. Изложеніе очерковъ и рассказовъ, вполнѣ приправленныхъ къ пониманію дѣтей крестьянской среды, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ новомъ изданіи книжка иллюстрирована 60-ю рисунками г. Кланга (первое изданіе было вовсе безъ картинокъ); но, право, издатель не стоило тратиться на приобрѣтеніе такой отчаянной и недобросовѣстной мазни.

П. Баршиниковъ. Жизнь Алексѣя Васильевича Кольцова. Изданіе Е. Н. Тихомировой. М. 1893. Ц. 25 к.

Такихъ книжекъ о Кольцовѣ очень много, напр. извѣстный очеркъ П. И. Вейнберга, стояющій всего 15 коп. Г-нъ Баршиниковъ ничего не прибавилъ къ нимъ своимъ очеркомъ: у него біографія Кольцова растянута есть въ пей много лишняго (напр., вся стр. 34-я, гдѣ авторъ зачѣмъ-то повелъ рѣчь о Петрѣ Великомъ), и наивнаго: «его тянуло въ столицу, гдѣ живутъ умные люди...» какъ будто въ деревнѣ умныхъ людей вовсе нѣтъ.

Исторія одного маленькаго чело-вѣка. *Мари Робертъ Галта.* Переводъ съ французскаго М. Гранстрема. Изданіе 2-ое. Спб. 1893. Ц. 2 р.

Это—одна изъ лучшихъ книгъ для дѣтей, которую полезно внимательно прочитать ребенку любой націи; да и въ любомъ возрастѣ прочтется эта повѣсть съ великимъ наслажденіемъ. Бодрая, честная идея лежитъ въ ея основаніи,—идея любви къ ближнимъ и неустаннаго труда ради ихъ блага. Этьеннъ, почти еще ребенкомъ, 14-ти лѣтъ, уже проникнуть этой идеей, — весь отдается своей семьѣ и держитъ ее на своихъ еще слабыхъ плечахъ. Онъ покидаетъ ее съ тѣмъ, чтобы на сторонѣ зарабатывать для ея пропитанія. Множество приключеній и лишений приходится ему вынести во время своихъ скитаній; но онъ не теряетъ бодрости духа, и наконецъ на чужбинѣ, въ Англіи находитъ себѣ заработокъ, обеспечивающій какъ его самого, такъ и семью. Конецъ повѣсти, вѣнчающій Этьенна и его семью всевозможными благополучіями, какъ нельзя болѣе способствуетъ удовлетворенію читателя. Мы увѣрены, что каждое дитя, каждый юноша, прочитавъ эту повѣсть, выпесетъ изъ нея мысль, что въ сознаніи исполненнаго долга лежатъ истинное счастье чело-вѣка.—Переводъ книги на русскій языкъ отличный; изданіе роскошное.

ЛОНДОНСКІЯ СЦЕНЫ.

Немного статистики.—Снаружи и внутри театра.—Довольные и недовольные.—Тъ и другіе.—О содержаніи театровъ актерами и театральной цензурѣ.—Критика.—Драма «The Second Mrs. Tanqueray». —Игра актеровъ.

I.

Два вида зрѣлищъ манятъ къ себѣ лондонца и добиваются его расположенія. Это — театральныя и «разнообразныя». Первые даются въ театрахъ, вторыя въ «music-hall'яхъ». Театры выступаютъ, какъ представители искусства, требуютъ уваженія, сочувствія и поклоненія во имя «высшихъ интересовъ»; фигурируютъ, какъ борцы за что-то «священное», выдаютъ себя за учителей, ссылаются на исторію, указываютъ на будущее и поучаютъ настоящее. Music-hall'ы же не присвоиваютъ себя никакихъ монополій, не претендуютъ ни на представительство, ни на учительство. Чѣмъ дальше, тѣмъ острѣе становится борьба между театрами и music-hall'ами. Но въ то-же время, гоняясь другъ за другомъ, они все больше и больше начинаютъ подражать другъ другу, такъ что въ будущемъ борьба окажется, пожалуй, сліяніемъ двухъ видовъ представленій въ одно, такъ сказать, театрально-музыкальное. Мы, однако, лучше воздержимся отъ предсказаній. Наша задача состоитъ въ описаніи настоящаго положенія театровъ и музыкъ-галловъ, будущее-же ихъ оставимъ для человѣка будущаго.

Каково-же настоящее ихъ положеніе? Кто ихъ посѣщаетъ и посѣщаютъ-ли ихъ? Что ставится на ихъ сценахъ и какъ ставится и, наконецъ, что такое music-hall'ы и чѣмъ они отличаются отъ театровъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, побудемъ съ вами и въ «театрѣ», и въ «музыкѣ-галлѣ»; но раньше—немного статистики.

Въ Лондонѣ (по даннымъ 1892 г.) 39 театровъ и 53 музыкъ-галла, не считая множества трактировъ, тавернъ и другихъ мѣстъ, въ которыхъ даются тѣ или другія представленія. Вместительность музыкъ-галловъ считается въ 160,000, а театровъ въ 70,000 мѣстъ. Театры разрѣшаются въ однихъ частяхъ города лордомъ Чемберленомъ (гоф-

мейстеромъ), а въ остальныхъ — совѣтомъ лондонскаго графства. Музык-галлы не состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи послѣдняго. Изъ данныхъ королевской комиссіи, засѣдавшей въ 1892 г., видно, что содержатели 35 музык-галловъ показали, что ихъ заведенія въ общей сложности посѣщаются каждый вечеръ 45,000 человекъ, въ недѣлю—270,000 чел., а въ годъ 14 милліонами. О значеніи сцены, какъ отрасли промышленности, могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: служащихъ при лондонскихъ сценахъ въ общей сложности считается одиннадцать тысячъ; капиталъ, вложенный въ антрепризу шестнадцати music-hall'овъ, дающихъ занятіе 926 сценическимъ исполнителямъ и 1,181 служащимъ, равняется 650,000 фунтовъ стерл. Эти всѣ 16 сценъ выплачиваютъ еженедѣльно жалованья и заработной платы 4,566 фунт. стерл. Валовой годичный сборъ — отъ всѣхъ театровъ и music-hall'овъ доходитъ до 2-хъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Теперь отправимся съ вами въ театръ. Театръ мы можемъ посѣтить днемъ или вечеромъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ театрахъ спектакли даются два раза въ день. Обыкновенно днемъ театры посѣщаетъ богатая публика, пользующаяся большимъ досугомъ, главнымъ образомъ дамы и загородные жители, которые не желаютъ рискнуть и опоздать на послѣдній поѣздъ, возвращаясь съ театра. Вечерній-же театралъ посѣтитель—настоящій лондонецъ, человекъ въ большей части занятый днемъ и свободный вечеромъ. Онъ тоже можетъ быть богатъ и пожалуй богаче провинціала; но богатство уже не составляетъ его характерной черты. И мы, конечно, тоже, какъ люди, богатство которыхъ не составляетъ ихъ характерной черты, и, притомъ, какъ люди занятые днемъ, отправляемся въ театръ вечеромъ. Начало въ 8 часовъ или немного позже; двери открываются минутъ за двадцать до вачала; но мы подходимъ къ театру гораздо раньше, если только намѣрены получить дешевыя и хорошія мѣста. Цѣна мѣстамъ, конечно, разнообразная, начиная съ шиллинга и кончая пятью гинеями, т. е. приблизительно отъ 50 копѣекъ до 55 рублей. Въ первомъ случаѣ силите на галерею верхняго яруса, а во второмъ—въ одной изъ лучшихъ ложъ. Въ каждомъ театрѣ имѣется нѣсколько кассъ для разныхъ разрядовъ мѣстъ. Само собой разумѣется, что если вы берете билетъ въ хорошія мѣста, то вамъ не нужно особенно спѣшить. Другое дѣло — съ билетами въ дешевыя мѣста. Тутъ кто раньше пришелъ, тотъ и занялъ лучшее мѣсто, и потому передъ кассой, гдѣ продаются билеты на дешевыя мѣста, всегда происходитъ давка.

Половина восьмого. Двери театра закрыты, но подъѣзды его ярко освѣщены, а съ высоты фронтона, въ видѣ рекламы, брызжутъ яркими снопами свѣта электрическіе фонари съ рефлекторами или, поднимаясь высоко къ небу, пылаютъ огненные языки отъ горящаго газа или сжижаемой нефти. На тротуарѣ, начиная съ дверей, ведущихъ въ Pit (мѣста за креслами), галерею или балконъ, протянулись хвосты театра-

ловъ. Каждый вновь прибывающій становится въ очередь, и всѣ спокойно ждутъ открытія дверей. Въ ожиданіи публика, однако, рѣдко скучаетъ. Уличные артисты «ловятъ моментъ» и стараются конкурировать съ своими болѣе счастливыми собратами, играющими на сценѣ: поютъ вымазанныя сажей и одѣтые въ полосатомъ ситцѣ «пегры»; декламируютъ «комикъ», играютъ виртуозъ на арфѣ и гуляютъ на рукахъ ногами вверхъ клоушъ. Иногда эти уличные представленія не менѣе занимательны, чѣмъ иныя театральныя, но здѣсь на улицѣ зритель не аплодируетъ; аплодисменты свои онъ какъ-бы бережетъ для другого случая и одобреніе свое выражаетъ теперь тѣмъ, что бросаетъ пенсъ въ протянутую ему шляпу. Уличный артистъ не тщеславенъ, за аплодисментами не гонится и, собирая пенсы, усердно продолжаетъ развлекать скучающихъ. Но вотъ двери распахнулись — и публика, плотной массой проникая въ нихъ медленно по постепенно суживающемуся проходу добирается до кассы и отсюда, наконецъ, попадаетъ въ зрительную залу.

Усаживаясь на свое мѣсто, начинаете внимательно оглядывать публику и залу, и невольно восклицаете: «О Боже, какъ все это похоже на много разъ уже видѣнное мною!». И дѣйствительно, въ ложахъ и первыхъ рядахъ креселъ тѣ же дамы, съ голыми плечами и въ богатыхъ костюмахъ, тѣ же черные фраки и бѣлые галстухи. Запавъсь все также полопъ загадочной аллегоріи и фантастическихъ ландшафтовъ; на потолокъ ведутъ хороводы тѣ же крылатые херувимы, а барьеры обиты тою же блестящей мишурой. Положительно, все то же самое, хотя, съ другой стороны, зритель изъ Россіи не можетъ не замѣтить и нѣкоторой разницы между лондонскими порядками въ театральной залѣ и петербургскими. Его вѣрно поразитъ то, что съ него ничего не берутъ за афишу, что многіе сидятъ въ шляпахъ, даже въ присутствіи членовъ королевской фамиліи, что никто почти не оставляетъ верхняго платья у служителей, что прислуга женская, и еще кое-какія другія мелочи.

Пока соберутся музыканты, пока оркестръ сыграетъ увертюру, пока занавѣсъ поднимется, попробую познакомить васъ съ тѣмъ, что сами англичане говорятъ о состояніи своего театра.

II.

Въ Англіи, конечно, какъ и вездѣ на свѣтѣ, имѣются довольные и недовольные. Первые находятъ, что англійская сцена процвѣтаетъ, а вторые, что она въ страшномъ упадкѣ, что сценой завладѣли мелодрама и фарсъ, а трагедіи и комедіи заимствуются или изъ старо-англійскаго или ново-французскаго репертуара. И это обвиненіе совершенно вѣрно. Нѣкоторые театры, какъ Adelphi и Princess's, только и даютъ мелодраму, при этомъ самаго избитаго и пошлаго характера. Англійская мелодрама обязательно кончается «хорошо», составъ дѣй-

ствующихъ лицъ въ ней не безъ пары комическихъ любовниковъ и не безъ добродѣтельнаго буффона, ловко мѣшающаго и хитро подставляющаго ногу главному злодѣю пьесы. Другіе театры, какъ Globe, Gaiety, Strand, облюбовали фарсъ, такъ называемый burlesque. Англійскій фарсъ обыкновенно сопровождается музыкой и безсодержателенъ до торрпеліевой пустоты. Но зато онъ безконечно смѣшитъ и забавляетъ. Все основано въ немъ болѣе на переодѣваніяхъ и островахъ, чѣмъ на комическихъ положеніяхъ. Даже лучшіе современные англійскіе драматурги, какъ Букененъ, Гренди, Пленеро, Генри Джонсъ, всегда склоняются въ сторону мелодрамы или фарса. И недовольные указываютъ на это пальцами и приписываютъ упадокъ лондонской сцены слѣдующимъ пяти причинамъ: 1) смѣшанному составу театральной публики, 2) апатіи ее образованной части, 3) непрерывнымъ повтореніямъ одной и той же пьесы, 4) содержанію театровъ актерами и 5) цензурѣ.

Остановимся болѣе подробно на этихъ причинахъ.

1) Театральная публика перестала быть однородной. Театръ сталъ поощряться всякимъ, у кого только въ карманѣ лишній шиллингъ: и культурнымъ любителемъ искусства и грубымъ невѣждой, которому просто некуда дѣваться отъ скуки. Театральная публика поэтому представляетъ собою теперь безконечное разнообразіе художественныхъ требованій, безконечную пестроту вкусовъ и пониманій. Одного удовлетворяетъ клоунскій прыжокъ, а другому нуженъ «Гамлетъ». Кого удовлетворить раньше? Авторъ то боится быть непонятымъ, то, наоборотъ, слишкомъ вульгарнымъ; силится поэтому служить тому и другому, одновременно угодить тонкому критику и любителю балаганщины, и въ результатѣ угождаетъ лишь директору театра, достоинство же драмы падаетъ. Къ этому присоединяется еще и вторая причина, то, что главнымъ судьей является не культурная часть театральной публики, а невѣжественный зритель. Въ то время какъ послѣдній не стѣняется громко высказывать свое одобреніе или порицаніе, первая съ олимпійскимъ видомъ презрительно молчитъ. Галерея и «Pit» свистятъ или шумно аплодируютъ, а ложи и партеръ, скрестивъ руки на груди, изображаютъ изъ себя завернувшихся въ свои тоги римскихъ сенаторовъ. Автору поневолѣ приходится лишь руководствоваться мнѣніемъ невѣждъ. Вотъ эта-то апатія культурныхъ зрителей составляетъ, будто, вторую причину упадка драмы.

3-я причина это — непрерывныя постановки. Одна и та же пьеса дается на одной и той же сценѣ подрядъ каждый вечеръ, а иногда и два раза въ день, до тѣхъ поръ, пока она не исчерпываетъ всего своего интереса. Если пьеса пользуется успѣхомъ, то она ставится нѣсколько сотъ разъ подрядъ. Въ настоящее время, на примѣръ, когда я пишу эти строки, на лондонскихъ сценахъ число непрерывныхъ представленій нѣкоторыхъ пьесъ далеко перевалило цифру 200, а въ Globe Theatre вотъ уже идетъ шестая сотня представленій веселаго фарса

«Charley's Aunt», написаннаго Брендономъ Томасомъ. Такое продолжительное повтореніе пьесы не можетъ не повліять ни на актеровъ, ни на авторовъ. Первые настолько осваиваются съ своими ролями, что начинаютъ ихъ играть совершенно механически, спустя рукава и безъ искры художественнаго огня. Самая-же главная причина упадка, это

4) Вошедшее въ Лондонѣ обыкновеніе содержанія театровъ актерами. Всѣ лучшіе вестъ-эндскіе театры, какъ Garrick, Haymarket, Liceum, St. James's, Toole's, Criterion и др. принадлежатъ актерамъ. Послѣдніе или состоятъ полными собственниками, или же имѣютъ за спиной у себя богатыхъ таинственныхъ предпринимателей, но всегда и вездѣ являются полными распорядителями судебъ сцены. Противъ антрепренеровъ изъ актеровъ особенно возстаетъ Вильямъ Арчеръ, молодой и талантливый критикъ, являющійся какъ бы вождемъ недовольныхъ. По мнѣнію этого критика, актеръ-директоръ всегда предпочтетъ ту пьесу, которая заключаетъ для него лично хорошую роль. И опять-таки отъ этого страдаютъ и актеры и драматурги. Первые потому, что актеръ-директоръ всегда возьметъ себѣ лучшую роль, въ которой легче отличиться, а коллегамъ дастъ менѣ значительны роли, хотя распредѣленіе ролей и не будетъ соответствовать темпераментамъ исполнителей. Авторы же терпятъ отъ того, что при оцѣнкѣ ихъ работъ принимаются во вниманіе не столько литературно-художественныя достоинства, сколько соображеніе, отвѣчаютъ-ли пьесы актерскому тщеславію самого директора театра. Затѣмъ, какъ я сказалъ, 5-я причина это—цензура.

Въ числѣ многочисленныхъ странностей мозаичной англійской общестственности это — сохранившаяся доселѣ театральная цензура. Вы можете печатать любую книгу, издавать любую газету, расписывать въ music-hall'ѣ любую пѣсню и декламировать со сцены какіе вамъ угодно куплеты или рассказы, но вы не можете ставить въ театрѣ пьесы, не разрѣшенной цензурой. Офиціальнымъ цензоромъ является lord-chamberlain, гофмаршалъ, но самъ онъ никогда не заглядываетъ въ представленные на его усмотрѣніе пьесы, а фактическимъ цензоромъ состоитъ лицо, специально назначенное для этой должности. Въ настоящее время мѣсто это занимаетъ нѣкто Пиготтъ. И вотъ этотъ самый Пиготтъ является единственнымъ человѣкомъ въ свободной и демократической Англій, который пользуется безграничнымъ правомъ разрѣшать и запрещать постановку пьесъ и на этого оригинальнаго самодержца никакого суда и расправы нѣтъ. Если онъ запретилъ вашу пьесу, то никто не можетъ ее разрѣшить. Ни министръ, ни королева даже. Одишь только парламентъ юридически это могъ бы сдѣлать, но на практикѣ и тотъ лишенъ возможности помочь вашему горю, такъ какъ потребовалось бы внесеніе спеціальнаго билля и чтеніе пьесы въ Westminster'ѣ, въ обѣихъ палатахъ.

Открывъ причины упадка, недовольные, конечно, не встрѣчаютъ уже

никакихъ затрудненій въ отысканіи ключа къ расцвѣту драмы. Стоитъ только устранить указанныя причины, т. е. упразднить театральную цензуру, разнообразить репертуаръ частыми новинками, открыть театры на новыхъ финансовыхъ началахъ, растормошить апатичнаго зрителя и отвлечь некультурную часть театальной публики въ music-hall'ы, гдѣ можно въ перемежку съ куплетами и акробатами ставить и хорошенькія драматическія представленія, какъ это и дѣлается уже на сценахъ нѣкоторыхъ music-hall'овъ. И «недовольные» даже рѣшили примѣнить свою теорію на практикѣ, затѣявъ, по примѣру парижскаго независимаго театра, свой собственный театръ или скорѣе — свой собственный репертуаръ, такъ какъ собственнаго театра, въ смыслѣ зданія, у нихъ нѣтъ еще. Хозяевами этого новаго «театра» являются сами зрители. Они подписываются на мѣста впередъ на годъ, составляя собою такимъ образомъ «общество независимаго театра» и болѣе или менѣе однородную по своимъ художественнымъ требованіямъ публику. Непосредственнымъ распорядителемъ сцены является инициаторъ этого дѣла, нѣкій Гринъ, натурализовавшійся въ Англіи голландецъ. Общество это не имѣетъ цѣлю дивидендовъ, которыхъ на основаніи правилъ общества и не можетъ быть. Вся цѣль его это — постановка хорошихъ пьесъ, хотя-бы и негодныхъ съ точки зрѣнія коммерціи. Общество даетъ въ году не больше 6—10 спектаклей, при чемъ рѣдко повторяетъ одну и ту-же пьесу нѣсколько разъ. Недавно по слѣдамъ общества независимаго театра пошла и сцена театра «Avenue», новая дирекція котораго рѣшила давать такія вещи, которыя хотя и не обѣщаютъ барышей, заключаютъ въ себѣ всетаки извѣстныя литературныя достоинства.

Не останавливаясь на вопросѣ, дѣйствительно-ли слѣдуетъ ожидать возрожденія англійской сцены отъ общества независимаго театра и дирекціи «Avenue», послушаемъ лучше, что говорятъ «довольные», къ которымъ принадлежатъ, всѣ содержатели вестъ-эндскихъ большихъ театровъ и большинство драматурговъ и публики.

III.

«Довольные» смотрятъ на состояніе англійской драмы съ точки зрѣнія театальной кассы, а эта послѣдняя положительно процвѣтаетъ. Никогда не собиралось столько публики въ столькихъ театрахъ; никогда театральные директора, авторы и актеры не пользовались такими доходами, такой популярностью, какъ за послѣдніе годы. Нѣкоторыя пьесы доставили своимъ авторамъ колоссальныя богатства. Какая-нибудь пьеса «Charley's Aunt» дала уже автору свыше 30,000 фун. стерл. говорара. Что-же касается до внутренняго достоинства пьесъ, то дѣйствительно, говорятъ «довольные», ставятся все больше мелодрамы и фарсы; но, спрашиваютъ они, сколько хорошихъ пьесъ имѣетъ все человѣчество,

начная съ древне-классическихъ по настоящій день? Конечно, помимо всемірныхъ, имѣется еще много хорошихъ національныхъ пьесъ, но и послѣднихъ не столь много, какъ кажется; да, наконецъ, развѣ за послѣднее время не замѣчается улучшенія англійской сцены? Еще дѣтъ шесть-семь тому назадъ на драму смотрѣли здѣсь, какъ на отраженіе ничтожныхъ и мелкихъ интересовъ обыденной жизни. Теперь-же все больше и больше начинаетъ входить въ сознаніе понятіе о драмѣ, какъ о національномъ искусствѣ, близко соприкасающемся съ великими умственными движеніями вѣка и имѣющемъ дѣло съ великими темами и вопросами дня. Правда, у насъ еще нѣтъ такой драмы, которая полно отразила-бы конецъ XIX вѣка,—сознаются довольные, — по каждому, будто, очевидно, что она нарождается. Но такъ говорятъ лишь «довольные» изъ принадлежащихъ къ такъ-называемой новой школѣ; «довольные-же» изъ «стариковъ», какъ Клементъ Скоттъ (изъ «Daily Telegraph»), тѣ прямо и считаютъ мелодраму и фарсъ солью драматической литературы. «Все то хорошо, что не скучно и нравственно», вотъ девизъ послѣдней категоріи «довольныхъ».

Что же касается до указанныхъ выше причинъ упадка, то «довольные» находятъ ихъ или совершенно вздорными, или же называютъ ихъ не «причинами упадка», а «двигателями искусства». И дѣйствительно, можно согласиться или нѣтъ съ «довольными» насчетъ ипшѣшняго художественнаго уровня англійской сцены, но въ одномъ они безспорно правы, а именно, что менѣе всего виноваты въ упадкѣ англійской драмы причины, указываемыя недовольными. Главными, болѣе или менѣе серьезными причинами можно было-бы съ перваго взгляда считать лишь цензуру и содержаніе театровъ актерами. Но, что такое въ Англійи театральная цензура?

Роль и значеніе театральной цензуры въ Англійи отлично выяснились изъ показаній, данныхъ въ упомянутой мною уже выше королевской комиссіи, учрежденной для изслѣдованія нѣкоторыхъ сторонъ театрального дѣла въ Лондонѣ. Въ этой комиссіи была допрошена театральные директора, критики, драматурги и другіе эксперты театрального дѣла. Ихъ разспрашивали много кое-о-чемъ и между прочимъ о цензурѣ. И вотъ показанія наиболѣе заинтересованныхъ лицъ: Извѣстный актеръ и антрепренеръ Ирвингъ заявилъ: «Я думаю, что было бы жаль мѣнять то, что такъ хорошо дѣйствовало до сихъ поръ, и на что никто не жалуется». Комиль Карръ, театральнй критикъ и драматургъ, показалъ: «Я думаю, что послѣдствіемъ уничтоженія цензуры было-бы ограниченіе той свободы, которою теперь пользуются драматическіе писатели. Я также противъ права аппеляціи на рѣшеніе цензора. Въ случаѣ надобности, мы можемъ публично апеллировать черезъ печать. Каждому драматургу предоставляется право издать неразрѣшенную къ постановкѣ драму или воспроизвести въ печати неразрѣшенные мѣста и, такимъ образомъ, сдѣлать споръ между авторомъ и цензоромъ предме-

томъ публичнаго обсужденія. И такъ въ дѣйствительности всегда бываетъ».

Но самое, конечно, интересное, это—показаніе самого цензора, мистера Пиготта. «Раньше всего, — началъ мистеръ Пиготтъ,—позвольте мнѣ заявить протестъ противъ употребленія термина «цензоръ», потому что это слово звучитъ очень нехорошо и можетъ быть употребляемо въ очень нехорошемъ смыслѣ. Многимъ оно напоминаетъ, Star Chamber (старинный судъ, дѣйствовавшій до Карла I), инквизицію и разныя другія древнія учрежденія, въ то время какъ моя должность это просто examiner (просмотрщикъ рукописей)... Examiner обязанъ примѣнять предписанный ему въ руководствѣ законъ въ самомъ либеральномъ духѣ, съ разборчивостью и благоразуміемъ, свойственнымъ долгому жизненному опыту, и съ тою культивированною симпатіей къ литературѣ и искусству, которая одинаково уважаетъ, какъ общественную нравственность и приличіе, такъ и свободу и достоинство благородной литературной профессіи и искусства. Онъ не претендуетъ быть законодателемъ вкуса или, какъ его въ шутку вазываютъ, *sensor morum*. Его отвѣтственность начинается лишь тамъ, гдѣ общественной нравственности грозитъ общественный соблазнъ. Попеченіе же о нравственности вообще—дѣло проповѣдника. Иногда, однако,—продолжалъ Пиготтъ,—вмѣшательство мое необходимо и полезно и по другимъ причинамъ. Напр., недавно я отклонилъ постановку на одной провинціальной сценѣ драмы, воспроизводившей дѣйствительное событіе, случившееся въ городѣ. Дѣйствительный герой событія былъ присужденъ къ смертной казни и въ то время какъ собиравлись ставить драму, онъ находился еще въ тюрьмѣ, ожидая исполненія приговора. Не допустилъ я также къ постановкѣ въ Лондонѣ оберъ-аммергаусскихъ религіозныхъ представленій. Конечно, въ самыхъ этихъ пьесахъ ничего не было безнравственнаго, но публичное представленіе ихъ повлекло бы за собою скандалъ... Вообще же можно смѣло сказать, что ошибки театральнаго examiner'a въ этой странѣ будутъ всегда на сторонѣ излишняго свисхожденія, по той простой причинѣ, что еслибы онъ вздумалъ болѣе крѣпко натянуть возжи, то онѣ бы лопнули».

Говоря о характерѣ лондонскихъ представленій, съ точки зрѣнія цензурной, Пиготтъ далъ слѣдующую экспертизу: «Я всегда находилъ, что двусмысленныя, рискованныя, безнравственныя и неприличныя пьесы предназначаются для вестъ-эндской публики (для богатой части Лондона); во всякомъ случаѣ не для истъ-энда (бѣдной части города). Чѣмъ дальше на востокъ вы идете по Лондону, тѣмъ нравственнѣе театральная публика... Въ отношеніи французскихъ пьесъ я всегда держался экстерриториальнаго принципа. «Ставьте ихъ, какъ въ Парижѣ», говорю я въ такихъ случаяхъ...

Изъ этихъ официальныхъ показаній, конечно, видно, что театральная цензура въ Лондонѣ никоимъ образомъ не можетъ мѣшать расцвѣту драмы.

Что-же касается до того, что во главѣ театральной антрепризы стоятъ актеры, то послѣдніе утверждаютъ, что они-то и являются спасителями искусства. Они указываютъ на Ирвинга, директора театра *Lyceum*. Благодаря Ирвингу, Шекспиръ воскресъ на англійской сценѣ. Никто такъ раньше не обставлялъ шекспировскихъ пьесъ, какъ онъ обставляются на сценѣ *Lyceum*, и никогда онъ не привлекали столько зрителей, сколько ихъ привлекаетъ Ирвингъ. По словамъ «довольныхъ», антрепренеръ всегда радъ ставить хорошую пьесу, хотя-бы въ ней и не было для него самого выдающейся роли. Въ успѣхъ пьесы онъ раньше всего заинтересованъ какъ директоръ театра, и если въ его труппѣ имѣется талантливый артистъ, то въ его-же интересахъ выдвинуть послѣдняго. Писатели не менѣе ревнивы и завистливы, чѣмъ актеры; однако, ни одинъ редакторъ не откажется принять вещи потому, что она можетъ выдвинуть автора ея. Наоборотъ, всякій редакторъ радъ открывать новые таланты и создавать имена своимъ сотрудникамъ. Затѣмъ, говорятъ «довольные», мы даемъ то, что нравится публикѣ. Преподнести-же ей нѣчто болѣе высокое было-бы совершенно бесполезно, такъ какъ она-бы тогда совсѣмъ забросила театръ. Выше лба уши не растутъ, и напрасно плакаться на то, что совершенно въ порядкѣ вещей.

Вотъ вкратцѣ вся суть журнальныхъ статей, публичныхъ рѣчей и частныхъ бесѣдъ, имѣющихъ своей темой современную лондонскую театральную сцену. Ознакомивши читателя съ мнѣніями другихъ, я позволю себѣ высказать въ нѣсколькихъ строкахъ и свое собственное мнѣніе. Безспорно, что англійская сцена въ упадкѣ, но также вѣрно и то, что она уже пережила свой тяжелый кризисъ и въ воздухѣ носится новое вѣяніе; все чаще и чаще начинаютъ появляться если не первоклассныя вещи, то такія, которыя ничего общаго уже не имѣютъ ни съ заѣзженными темами, ни съ шаблонной условностью, ни со старой сценической фальшью. И мнѣ кажется, что въ причинахъ упадка драмы не малую роль играла и сама театральная критика, составляющая въ Англии довольно оригинальное явленіе. Критикъ—это лишь театральныи «репортеръ». Онъ не литераторъ въ широкомъ смыслѣ слова. Это специалистъ, во всю жизнь свою не написавшій ни единой строчки, помимо театральныхъ рецензій. Въ Англии настоящая литература держится вдали отъ театра. На театральное представленіе лондонскій критикъ смотритъ какъ на вещь *an und für sich*. Если драма исторгаетъ у зрителей слезы, если комедія вызываетъ смѣхъ, значитъ—пьеса хороша. И рецензіи его, поэтому, состоятъ, главнымъ образомъ, въ очень подробномъ отчетѣ о внѣшнихъ сторонахъ представленія, но почти не касаются внутренней стороны пьесы. Словомъ, критикъ даетъ отчетъ о «представленіи» пьесы, но не о самой пьесѣ, о ея литературныхъ и художественныхъ достоинствахъ. Вотъ благодаря такой-то критикѣ, можетъ быть, и выработалась современная англійская драма, отличаю-

щаяся блестящими діалогами, но въ то-же время и крайне преувеличенными и совершенно невѣрными «изображеніями» жизни. Въ послѣднее время, однако, начинаютъ выдвигаться театральные рецензенты, для которыхъ солнце свѣтитъ не въ одномъ только театрѣ; они не только пишутъ рецензіи, но и интересуются какъ теоретическими вопросами сценическаго искусства, такъ и обще-литературными вопросами.

IV.

И такъ, мы въ театрѣ. Само собою разумѣется, что мы избрали самый лучший театръ, т. е. такой, на сценѣ котораго даются лучшія современныя пьесы и гдѣ играютъ лучшіе актеры. Идетъ пьеса «The Second Mrs. Tanqueray»,—драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, написанная А. Пинеро. Она идетъ на сценѣ St. James's Theatre, гдѣ въ первый разъ была поставлена въ маѣ 1893 г. Съ тѣхъ поръ она дается подрядъ каждый вечеръ, а иногда два раза въ день, и театръ всегда полонъ. Всѣ критики безъ исключенія признали ее лучшей изъ всѣхъ пьесъ, представляемыхъ за послѣдніе годы.

Занавѣсъ поднять—и вы пріятно поражены красивой и роскошной обстановкой. Представляется всего одна комната, но обставлена она художественно. И изящная мебель, и богатые, художественно сдѣланныя декораціи, и разныя бездѣлушки для украшенія стѣнъ и камина блестятъ своей свѣжестью и обнаруживаютъ въ своихъ исполнителяхъ живое творчество. Роскошь и свѣжесть костюмовъ дооплаютъ общее впечатлѣніе. И это богатство обстановки составляетъ характерную черту всѣхъ лондонскихъ сценъ. Быть можетъ, въ этомъ также кроется часть вины въ «упадкѣ» драмы; быть можетъ, творчество и энергія направлены слишкомъ много въ сторону декоративную и въ ущербъ литературной. Нѣкоторыя сцены, какъ, напр., театра Lyceum, сдѣлали себѣ даже специальность изъ обстановки. Пьесы Шекспира на сценѣ Lyceum ставятся какъ-бы лишь въ придатокъ къ прекрасной старинной мебели, къ блестящимъ костюмамъ и рѣдкимъ декораціямъ.

Хорошая обстановка, однако, ничуть не отвлекаетъ вашего вниманія отъ артистовъ, и вы съ одинаковымъ интересомъ смотрите и слушаете. «The Second Mrs. Tanqueray» оказывается дѣйствительно хорошей вещью, не смотря на то, что она не свободна отъ вѣкоторой шаблонности какъ формы, такъ и содержанія. И чѣмъ дальше развертывается дѣйствіе, тѣмъ болѣе начинаете понимать, отчего новая пьеса Пинеро имѣла такой успѣхъ и въ чемъ, собственно, состоитъ ея новизна. Главныя достоинства ея заключаются въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, авторъ изобразилъ не истерико-конфеточную, а настоящую душевную драму, логически обоснованную и мастерски нарисованную, и, во-вторыхъ, онъ смѣло выступилъ противъ окружающаго лицемѣрія. До сихъ поръ англійскіе драматурги платили дань царствующимъ пред-

разсудкамъ и, выводи на сцену падшую женщину, изображали ее худшей, чѣмъ «добродѣтельную». Пинеро все сдѣлалъ, наоборотъ: онъ показалъ намъ умную, простую и благородную, хотя и увлекающуюся молодую «падшую» женщину и рядомъ вывелъ передъ зрителями «приличныхъ» и «добродѣтельныхъ» дамъ, которыхъ онъ пѣсколькими легкими штрихами нарисовалъ въ полный ростъ ихъ пошлости и лицемѣрія. И сдѣлалъ онъ это безъ какихъ бы то ни было натяжекъ и такъ искусно, что симпатіями зрителей все больше и больше овладѣваетъ первая, а послѣднія вызываютъ смѣхъ и негодованіе. Если имѣть въ виду англійскій «cant», эту врожденную привычку всегда казаться «приличнымъ», то успѣхъ пьесы безсомнѣнно указываетъ на крупный талантъ ея автора.

Актеры, играющіе въ пьесѣ, лучшіе въ Лондонѣ. Роль Mrs Tanqueray исполняетъ миссисъ Кемпбель, артистка высокихъ сценическихъ достоинствъ. Роль Тенкерей исполняетъ Джорджъ Александръ, собственникъ театра и извѣстный во всей Англій артистъ. Другія роли тоже въ рукахъ талантливыхъ людей. И, однако, не трудно замѣтить и на этой образцовой сценѣ тотъ же недостатокъ, которымъ страдаетъ и всякая другая современная англійская сцена. Это—неумѣренность. Артисты или слишкомъ веселы или слишкомъ мрачны. Власть фарса и мелодрамы сильно сказывается въ ихъ игрѣ. Привычка играть или забавнаго шута или закоренѣлаго злодѣя крѣпко засѣла въ нихъ, и когда драматургъ подноситъ серьезную художественную вещь, артисты съ трудомъ освобождаются съ новымъ характеромъ своихъ ролей. Но этотъ недостатокъ, извѣстный у театраловъ подъ словомъ «перепгрываніе», конечно, лучше «недоигрыванія», такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ указываетъ на присутствіе темперамента, жизненности и любви къ искусству. Все дѣло только въ школѣ, въ привычкѣ играть подлежащія роли и олицетворять правдиво написанные характеры, т. е. во вѣшнихъ условіяхъ, отъ артистовъ почти независимыхъ. Стоить только улучшить эти условія — и артисты станутъ лучше играть. Съ разсвѣтомъ литературной серьезной драмы непремѣнно должно возродиться и англійское сценическое искусство въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Съ этой обнадеживающей мыслью мы оставляемъ St. James's Theatre и выходимъ на улицу. Теперь ровно одиннадцать часовъ вечера. Мы подходимъ къ станціи Іерингъ-Кроссъ. Главная театральная улица, Стрендъ залита электрическимъ свѣтомъ. Многочисленные, ярко освѣщенные рестораны быстро наполняются театральной публикой. Кэбы, омнибусы, желѣзнодорожные поѣзда другъ за другомъ и длинными вереницами, надъ землей и въ тоннеляхъ, со свѣтомъ и шумомъ мчатся въ разные концы города и развозятъ по домамъ театраловъ. Отправляемся домой и мы, отложивъ нашъ визитъ въ music-hall до другого раза.

С. Рыбаковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Рѣчь министра юстиціи въ Петрозаводскѣ.—Программа для работъ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ.—Несмѣняемость судей и судъ присяжныхъ.—Предположеніе о преобразованіи училища правовѣдѣнія.—Правила объ офицерскихъ поединкахъ.—Выкупъ Юго-западныхъ, Севастопольской и Двинско-Витебской дорогъ.—Закрытіе финляндскаго сейма.—«Недѣля» о евреяхъ и терпимости.

Министру юстиціи, Н. В. Муравьеву, представились въ послѣднее время два случая высказать взгляды на современные наши судебныя порядки. Открытію окружнаго суда въ Петрозаводскѣ г. министръ придалъ особую торжественность, произнесъ при этомъ сочувственную рѣчь о новомъ судоустройствѣ, смѣняющемъ старое въ нынѣшнемъ году въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Въ этой рѣчи, естественно, указывалось только на качества, достоинства новаго суда, «праваго и милостиваго». Затѣмъ, въ вступительной рѣчи, которою онъ старался очертить призваніе комиссіи по пересмотру того-же судопроизводства, Н. В. Муравьевъ разчищалъ поле для предполагаемыхъ измѣненій, для «капитальнаго ремонта» зданія, созданнаго судебными уставами, но при этомъ указывалъ также на тѣ неподлежащія ни спору, ни отміѣнъ основныя начала новаго судоустройства, которыя должны оставаться непоколебимыми.

Между обѣими этими рѣчами нѣтъ противорѣчія, и въ нихъ проявляется разность только въ тонѣ. Мы считаемъ необходимымъ весьма внимательно отнестись къ рѣчамъ министра, какъ по огромной важности порядка судоустройства для страны, такъ и потому, что у насъ крайне рѣдки публичныя заявленія главныхъ начальниковъ вѣдомствъ о самыхъ основаніяхъ, на которыхъ утверждается дѣятельность послѣднихъ.

Открытіе петрозаводскаго окружнаго суда ознаменовывало собой предстоящее въ нынѣшнемъ году расширеніе дѣйствія новыхъ судебныхъ порядковъ. Они будутъ введены, кромѣ Олонецкой, въ Оренбургской, Уфимской и Астраханской губерніяхъ. Въ день сдачи этого обзора въ печать уже получена телеграмма объ открытіи окружнаго суда въ Орен-

бургѣ. И такъ, судебная реформа распространяется на мѣстности, гдѣ она еще не была введена и въ то-же время предстоитъ пересмотрѣ если не основѣ ея, то существенныхъ ея положеній. Отмѣтимъ, что въ повелѣніи о распространеніи судебной реформы на губернію Астраханскую оговорено, что въ ея судѣ покамѣсть не будетъ введено учрежденіе присяжныхъ засѣдателей. Такое изъятіе, можно предположить, основывается на разноплеменности состава населенія названной губерніи. Но разноплеменность почти такова-же въ губерніи Саратовской.

Говоря въ Петрозаводскѣ о высокомъ достоинствѣ судебныхъ уставовъ, министръ указалъ на осуществленіе въ судебныхъ порядкахъ 1864 года—«правды и милости». «Безличная, незыблемая правда истиннаго разума и закона и неподкупной, ясной, чистой судебной совѣсти... правда суда—говорилъ министръ юстиціи—водружаетъ законность тамъ, гдѣ оказалось зло, безправіе, своеволие; она какъ-бы говоритъ гражданину: исполняй законы, живи спокойно, не обижай никого, *но и никого не страшись*, я заступлюсь за тебя; зато не жди отъ меня послабленія, если самъ сойдешь съ этой прямой, закономѣрной дороги». Этотъ характеръ «правды, безличной и незыблемой» несомнѣнно лежитъ въ основахъ судебныхъ уставовъ, и оставалось только, чтобы всѣ дѣйствующія въ странѣ учрежденія были согласованы, чтобы нѣкоторыя основныя положенія судебныхъ уставовъ не были обставлены исключеніями, на основаніи законовъ старыхъ, которыхъ дѣйствительность не только выражалась въ жизни, но выражена даже и въ текстѣ самыхъ уставовъ, въ видѣ нѣкоторыхъ примѣчаній, допускавшихъ отступленія отъ общаго принципа.

Но «правда—какъ говорилъ министръ—правда безъ милости суха и жестка, а милость безъ правды произвольна, ошибочна; но вмѣстѣ опѣ—полное выраженіе всей доступной намъ справедливости, копечная цѣль правосудія—вышая задача судьи». При этомъ министръ указалъ на безпредѣльное право помилованія, принадлежащее верховной власти, сверхъ того, на отведенную и самому суду «область нравственной оцѣнки и снисхожденія, гдѣ онъ имѣетъ возможность примирить предписанія законности съ требованіями челоуѣколюбія». Согласно съ этимъ, министръ указывалъ назначеніе судей въ соединеніи названныхъ началъ: «соединять правду съ милостью, творить правосудіе по закону и въ то-же время по лучшимъ побужденіямъ души челоуѣческой—вотъ ваше главное призваніе». Надо помнить, что это было обращеніе къ судьямъ, а не къ обществу, изъ котораго берутся присяжные. Стало-быть, не представлялось повода къ нелишнему практическаго значенія, особенно у насъ, выясненію, какой предѣлъ отдѣляетъ милость отъ правды. Французскіе присяжные примѣнили только милость къ виновнымъ въ страшномъ погромѣ на итальянцевъ въ Aigues-Mortes, а въ этомъ нельзя было не видѣть преступленія предѣла, который долженъ

быть между милостью и правдой. Въ данномъ случаѣ «милость безъ правды» положительно оказалась «произвольной и ошибочной».

Теперь мы должны перейти къ другой рѣчи Н. В. Муравьева, а именно къ той, которую онъ произнесъ въ первомъ засѣданіи комисіи для пересмотра судебныхъ уставовъ. Въ этой рѣчи изложена полная программа для работъ комисіи, которыя начнутся съ нынѣшней осени, программа, представляющая анализъ всѣхъ сторонъ, которыхъ долженъ коснуться этотъ сложный трудъ, излагающая порядокъ, въ какомъ онъ имѣеть совершаться и даже приблизительный (трехлѣтній) срокъ для полного его окончанія, т. е. до внесенія работъ комисіи на законодательное утвержденіе. Приступая къ изложенію этихъ указаній, министръ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: «ничего не предрѣшая и отнюдь не желая стѣснять будущія работы выраженіемъ впередъ своего личнаго мнѣнія по ихъ предметамъ, я позволяю себѣ лишь предположительно представить на усмотрѣніе комисіи нѣкоторыя, могущія служить отправными точками мысли о томъ, какъ слѣдовало-бы поставить и организовать разработку дѣла, ей порученнаго».

Рѣчь эта заняла слишкомъ восемь полныхъ столбцовъ въ «Гражданинѣ», откуда она перешла въ другія газеты. Нельзя не отдать ей той справедливости, что въ ней съ замѣчательною ясностью и систематичностью представленъ подробный анализъ многочисленныхъ пунктовъ подлежащей задачи. По отчетливости анализа и твердости руки, съ какой начертаны подраздѣленія, такъ сказать—наслоеніе частныхъ въ предстоящихъ работахъ, рѣчь эта могла-бы быть принята комисіею за программу, даже въ томъ случаѣ, еслибы была составлена однимъ изъ членовъ комисіи, а не предсѣдателемъ ея, министромъ юстиціи. Но такъ какъ программа въ данномъ случаѣ начертана самимъ министромъ и выражаетъ если не готовыя рѣшенія по главнымъ пунктамъ, то его ожиданія отъ трудовъ комисіи, это придаетъ программѣ особое значеніе и мы внимательно остановимся на важнѣйшихъ чертахъ ея. Мы признаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ рѣчи проявилось уже, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ пунктамъ, и принципиальное направленіе, въ какомъ, на взглядъ предсѣдателя, могъ бы совершиться пересмотръ судебныхъ уставовъ.

Пересмотръ этотъ ничѣмъ не ограничивается. Та форма, въ какую должны вылиться результаты работъ комисіи, опредѣлена министромъ такъ: «это—новое изданіе судебныхъ уставовъ, составленныхъ по повелѣнію Императора Александра II и пересмотрѣнныхъ по повелѣнію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора». И такъ, задача пересмотра поставлена самымъ широкимъ образомъ. Прежде всего, въ программѣ указаны тѣ основныя начала судоустройства и судопроизводства, которыя не должны подлежать отмѣнѣ по той причинѣ, что они составляютъ необходимую принадлежность всякаго правомѣрнаго суда, каковы бы ни были особенности или подробности его

устройства. Назовемъ вкратцѣ эти перечисленные г. министромъ начала или основныя свойства суда: 1) устность, 2) гласность, 3) состязательность судебного процесса, т. е. непосредственныя пренія сторонъ; 4) судъ долженъ быть государственный, правительственный и вмѣстѣ независимый отъ постороннихъ вліяній и давленій, такъ, чтобы судьи могъ исполнять свою обязанность ничего не опасаясь и не руководствуясь, не стѣсняясь ничѣмъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ; 5) извѣстный образовательный, нравственный и практическій цензъ судей. 6) «судъ долженъ производиться хотя и правительственными должностными лицами, но не безъ незамѣнимаго въ извѣстныхъ случаяхъ участія общественнаго элемента, въ лицѣ обывателей, которые несутъ государственную повинность содѣйствовать правосудію, въ качествѣ временныхъ судей, присяжныхъ засѣдателей, понятыхъ, свидѣтелей»; 7) судъ долженъ производиться не только по формальной теоріи доказательствъ, но и по свободному внутреннему убѣжденію; 8) «государство, олицетворяемое правительствомъ, должно имѣть въ судѣ своего особаго представителя или агента, въ лицѣ прокурора»; 9) обезпеченіе правъ личности на судѣ и 10) раздѣленіе ступеней суда на органы близкіе къ народу, и на общія установленія, съ тѣмъ, «чтобы на вершинѣ судебной іерархіи стоялъ правительствующій сенатъ, какъ верховный судъ, прямо подвѣдомственный Высочайшей власти».

Опредѣленія этихъ началъ мы приводимъ по возможности кратко, но по наиболѣе важнымъ пунктамъ (4, 6 и 8)—буквально. Въ программѣ они названы «краеугольными камнями преобразованія юстиціи... прочнымъ и устойчивымъ фундаментомъ, на которомъ должна и можетъ быть основана перестройка зданія судебной части». Въ предшествующемъ обзорѣ, говоря о докладѣ по пересмотру судебныхъ уставовъ, и останавливаясь на высказанномъ въ немъ соображеніи, что главное и основное въ нихъ должно быть сохранено, мы указывали на важнѣйшіе принципы реформы 1864 года, и въ числѣ ихъ поставили на первомъ мѣстѣ — разграниченіе между властями административной и судебной, въ чемъ мы сошлись съ нѣсколькими органами печати. Этотъ принципъ былъ тогда же указанъ и «Русскими Вѣдомостями», которые теперь, по поводу подробной программы, отмѣчаютъ отсутствіе въ перечнѣ основныхъ положеній — «указанія на необходимость отдѣленія власти судебной отъ административной и исполнительной», изъ сознанія каковой необходимости истекли какъ передача въ вѣдѣніе судовъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ, вѣдавшихся прежде полиціею и т. д., такъ и несмѣняемость судей, между тѣмъ, какъ положеніе о земскихъ начальникахъ основано на противоположномъ началѣ, т. е. на смѣшеніи судебной и административной властей.

Впрочемъ, дальнѣйшее изложеніе объяснить отсутствіе въ программѣ указанія на это начало судебной реформы 1864 года. Остальные, основ-

ные принципы ея поставлены въ программѣ вѣ спора, какъ «вошедшіе въ плоть и кровь страны, сдѣлавшіеся привычнымъ и дорогимъ достояніемъ нашего народа». Дальше сказано, что «форма, способъ, даже размѣры ихъ примѣненія могутъ измѣниться, но ихъ наличность, сущность, духъ должны остаться неприкосновенными». Въ этомъ отношеніи названная московская газета выражаетъ такое пожеланіе: «соотвѣтственно размѣрамъ практическаго приложенія и распространенія ихъ, прямо пропорціонально увеличивается проявленіе и благой сущности, и живворящаго духа, а потому желательно, чтобы съ теченіемъ времени эти размѣры увеличивались, а не уменьшались». Мы думаемъ, что если цѣлью новаго, переработаннаго изданія судебныхъ уставовъ должно быть ихъ усовершенствованіе, то цѣль эта могла бы быть достигнута только съ возможно широкимъ практическимъ примѣненіемъ тѣхъ общихъ началъ, которыя въ самой программѣ признаны краеугольными камнями правомѣрнаго суда.

Въ анализѣ практическихъ, опытныхъ указаній, содержащемся въ рѣчи предсѣдателя комисіи, отмѣчены нѣкоторые дѣйствительно важные недостатки нынѣшняго судопроизводства. Такъ «при слѣдствіи вызываетъ нареканіе малое обезпеченіе личной свободы обвиняемаго и правъ потерпѣвшаго отъ произвольныхъ распоряженій слѣдователя... Въ уголовныхъ дѣлахъ приходится считаться съ слабостью репрессивнаго возмездія, съ безнаказанностью преступленій, не раскрытыхъ слѣдствіемъ или отвергнутыхъ оправдательными приговорами суда.»

По вопросу о независимости суда, которая, въ общемъ принципѣ, программю вполне признается, въ ней высказаны мысли, которыя необходимо привести текстуально. «Въ заботахъ о независимости суда и о самостоятельности судей—сказано въ рѣчи—судебные уставы, съ одной стороны, не вполне ясно согласовали свои опредѣленія объ этомъ предметѣ съ коренными основами нашего государственнаго права, а съ другой, не снабдили правительство достаточно сильными и дѣйствительными средствами немедленно устранять изъ судебного вѣдомства всякій безпорядокъ при первыхъ его признакахъ. Отсюда—нѣсколько двусмысленное, какъ бы недоговоренное понятіе о судейской несмѣняемости, не замедлившая возникнуть потребность въ его ограниченіи... Отсюда—такъ много навредившая судебному вѣдомству и дѣлу благодарная почва для укоровъ въ кастичности, обособленности и тенденціозности, не всегда совпадающей со взглядами и намѣреніями правительства. И хотя въ этихъ указаніяхъ, несомнѣнно, много есть преувеличеннаго, а многое коренится въ простомъ недоразумѣніи или невѣрномъ пониманіи, но всетаки есть или, точнѣе, была, а слѣдовательно и впредь можетъ быть нѣкоторая доля фактической поделки. Поэтому, нужно устранить всякія къ тому поводы, сдѣлать невозможнымъ или безцѣльнымъ всякое преувеличеніе, разсѣять недоразумѣнія... Что можетъ быть острога и щекотливаго признать, что и судьи,

наравнѣ со всѣми вѣроподданными слугами отечества, подлежатъ, въ томъ или иномъ направленіи, дѣйствию непосредственнаго усмотрѣнія самодержавной верховной власти и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство должно всегда имѣть возможность быстро водворять въ судѣ нарушенный порядокъ или избавиться отъ недостойныхъ дѣятелей. Пересмотръ и исправленіе принадлежащихъ сюда правилъ должны утвердить на крѣпкомъ основаніи строго правительственный характеръ суда и судебного вѣдомства.»

На этомъ мѣстѣ программы мы должны остановиться съ особеннымъ вниманіемъ, прежде чѣмъ привесть изъ нея нѣкоторыя весьма полезныя и сочувственныя дальнѣйшія указанія. Какъ уже было сказано выше, всѣ вообще содержащіяся въ рѣчи указанія названы въ ней только «мыслями, могущими служить отправными точками», которыя предсѣдатель комиссіи высказываетъ лишь предположительно «ничего не предрѣшая» и «отнюдь не желая сколько-нибудь стѣснять будущія работы выраженіемъ впередъ своего личнаго мнѣнія». Стало бытъ, эти предположительныя замѣчанія вполне могутъ подлежать обсужденію въ печати, тѣмъ болѣе, что г. министромъ заявлено намѣреніе предавать гласности постепенные результаты работъ комиссіи, и что въ этой-же рѣчи мы находимъ слѣдующія слова: «упомяная о печати, не преувеличивая, но и не уменьшая ея значенія, я хотѣлъ-бы отвести ей въ нашей дѣятельности подобающее значеніе». Имѣя все это въ виду, мы и считаемъ возможнымъ высказать наше мнѣніе о томъ мѣстѣ программы, гдѣ говорится о независимости суда и о самостоятельности судей.

Когда предсѣдатель комиссіи говорилъ объ «укорахъ» судамъ въ кастичности, обособленности и тенденціозности, не всегда совпадающей со взглядамъ и намѣреніями правительства, то онъ, по всей вѣроятности, разумѣлъ укору подобнаго рода—именно въ печати, тѣ укору, которые съ такой ожесточенностью высказывалъ въ послѣдніе годы своей жизни покойный Катковъ, а за нимъ повторяютъ и нынѣ изданія извѣстнаго направленія. Мы не предполагаемъ, чтобы могла быть рѣчь о какихъ-либо иныхъ укорахъ, уже потому, что самъ предсѣдатель комиссіи признаетъ, что въ тѣхъ указаніяхъ есть много преувеличеннаго, многое зависѣло отъ недоразумѣнія или невѣрнаго пониманія. Намъ кажется, однако, что никакимъ измѣненіемъ въ уставахъ нельзя «сдѣлать безцѣльнымъ и невозможнымъ всякое преувеличеніе...» По крайней мѣрѣ самъ Катковъ не могъ не сознавать, что грома, въ концѣ своей жизни судъ, какъ «государство въ государствѣ», яростно возставая противъ несмѣняемости судей, онъ впадалъ въ «преувеличеніе».

Не сознавать этого онъ не могъ по той причинѣ, что сперва былъ самъ безусловнымъ приверженцемъ и защитникомъ всѣхъ началъ новаго суда и, при своемъ публицистическомъ талантѣ, лучше кого-либо выразилъ необходимость ихъ упроченія. «Безъ полной независимости отъ адми-

внстраціи—писаль онъ 1866 г. («Моск. Вѣд.», №№ 156, 198) — новое судопроизводство не могло бы имѣть силы, какъ-бы оно ни было обставлено и въ какія бы формы ни облеклось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ... Все, что можетъ причинить ущербъ достоинству судейскаго званія, ослабить его самостоятельность, стѣснить его независимость, было-бы покушеніемъ противъ сущности этого великаго преобразованія». Катковъ отвергалъ все, что могло лишить силы новый судебный порядокъ, «изъ начинающагося дѣла вынуть его душу и оставить шелуху, которая давала-бы только сильнѣе чувствовать тщету начинанія». Какое-же значеніе можно было послѣ этого придавать тѣмъ «укорамъ», которыми тотъ-же публицистъ впослѣдствіи старался именно о томъ, чтобы «изъ этого порядка была вынута душа», изо всѣхъ силъ старался повредить тому, въ чемъ прежде видѣлъ спасеніе, доказываль, будто порядокъ этотъ несомнѣстимъ съ нашими коренными законами?

Принципъ несмѣняемости судей столь-же согласимъ съ полноправіемъ государственной власти, какъ всякое иное условіе безсмѣнности, ею же учреждаемое или признаемое. Несмѣняемость ничѣмъ не отличается отъ неотсмѣняемости. Если съ нашими коренными законами вполне согласно, что государственная власть отказывается отмѣнять право гражданина на его имущество и хотя бы право чиновника на выслуженную имъ пенсію, то почему же съ тѣми-же законами была-бы несогласна несмѣняемость судей? Что государственная власть закономъ создала ихъ несмѣняемость, въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакого отступленія отъ полноты ея правъ, такъ какъ отъ нея вполне зависить, если только она признаетъ полезнымъ, отмѣнить этотъ законъ, какъ и каждый другой. Что пока законъ не отмѣненъ, судьи которыхъ власть учредила безсмѣнными, остаются безсмѣнными — въ этомъ нѣтъ ничего несогласнаго съ полнотою правъ власти. Вѣдь есть-же у насъ въ Россіи и кромѣ судей другія должностныя лица, по назначенію и избранію, которыхъ власть не смѣняетъ: такъ фактически несмѣняемы у насъ члены государственнаго совѣта, сенаторы, предводители дворянства. Признавать несмѣняемость судей за нѣчто несогласное съ нашими коренными законами значило бы утверждать, что съ ними несогласны какія-либо пожизненныя права, хотя-бы, повторяемъ, право пансіонера на дарованную ему той-же властью пенсію, на чинъ, съ которымъ онъ былъ уволенъ въ отставку и т. п.

Но, не представляя ничего несогласнаго съ полноправіемъ высшей власти, несмѣняемость судей является необходимымъ условіемъ ихъ независимости отъ администраціи, а независимость судьи и въ программѣ признается однимъ изъ коренныхъ устоевъ всякаго правомѣрнаго суда. Дѣло въ томъ, что, за исключеніемъ самыхъ высшихъ должностныхъ лицъ или ближайшихъ къ высшей власти, всѣ перемѣщенія и увольненія служащихъ, по какому-бы то ни было вѣдомству, въ дѣйствитель-

ности совершаются администраціею, центральною или мѣстною. И если-бы административной власти было предоставлено увольнять судей, хотя-бы и съ высшаго утвержденія, то судьи несомнѣнно стали бы въ полную зависимость отъ администраціи. А между тѣмъ, судьи бываютъ призваны рѣшать такія дѣла, въ которыхъ администрація, въ лицѣ тѣхъ или другихъ своихъ органовъ, а иногда и нѣсколькихъ, дѣйствующихъ въ согласіи, является одною изъ сторонъ. Можетъ ли быть рѣчь о исполнѣ независимыхъ, самостоятельныхъ рѣшенійхъ—судей зависимыхъ, лишенныхъ самостоятельности?

Въ несмѣняемости судей мы видимъ гарантію столь важную, что ставимъ ее на первый планъ, даже по отношенію къ самому суду присяжныхъ. Относительно этого послѣдняго учрежденія мы уже привели одно мѣсто программы, въ которомъ къ числу подлежащихъ сохраненію общихъ началъ отнесено и участіе въ судѣ общественнаго элемента. Но вотъ другое мѣсто, изъ котораго слѣдуетъ еще яснѣе, что, по личному мнѣнію предсѣдателя комиссіи, судъ присяжныхъ долженъ быть сохраненъ. Въ числѣ вопросовъ, которые должны быть изучены комиссіею, указанъ слѣдующій: «о всестороннемъ изслѣдованіи дѣятельности суда присяжныхъ и о мѣрахъ, которыя изъ этого изслѣдованія должны возникнуть съ цѣлью упорядоченія участія въ судѣ общественнаго элемента». Отсюда нельзя сдѣлать иного вывода, чѣмъ тотъ, что, по мысли программы, если въ способѣ составленія списковъ, въ цензѣ или самой компетенціи суда присяжныхъ и могутъ быть сдѣланы измѣненія, то всетаки самый принципъ суда присяжныхъ слѣдуетъ сохранить.

Это отрадный выводъ, такъ какъ достоинства суда присяжныхъ далеко превышаютъ тѣ его недостатки, которые зависятъ отъ нравственнаго склада самого общества. Каковы-бы это недостатки ни были, можно только желать, чтобы участіе общественнаго элемента въ учрежденіяхъ постепенно расширялось, такъ какъ это — вмѣстѣ съ безпристрастнымъ сужденіемъ общества о дѣйствіяхъ его представителей — даетъ единственный вѣрный путь къ постепенному устраненію недостатковъ. Но, повторимъ, что несмѣняемость судей мы считаемъ еще болѣе существеннымъ элементомъ новаго суда и что если-бы неизбежно пришлось *выбирать* между тѣмъ или другимъ — (понятно, что такого *выбора* быть не можетъ и что мы это говоримъ лишь для уясненія общей своей мысли),—то, какъ мы высоко ни цѣнимъ судъ присяжныхъ, всетаки предпочли-бы сохраненіе начала несмѣняемости судей. Несмѣняемость составляетъ основную гарантію всей самостоятельности суда. Рѣшеніе вопроса о виновности присяжными представляло-бы, конечно, столь-же важную и пожалуй еще болѣе важную гарантію въ такомъ случаѣ, еслибы уголовное производство подлежало вердикту присяжныхъ во всѣхъ дѣлахъ безъ исключенія и если-бы—какъ въ Англіи—для самаго привлеченія къ суду требовалось согласіе «большого жюри». Но

такъ какъ этихъ условій нѣтъ, то и судъ присяжныхъ у насъ вовсе не является гарантіею въ опредѣленномъ значеніи, хотя имѣетъ то высокое достоинство, что усиливаетъ въ судѣ элементъ свободнаго внутренняго убѣжденія.

Предсѣдатель комиссіи указалъ далѣе на необходимость поднятія въ нашей магистратурѣ профессиональнаго духа и служебныхъ правовъ, образованія, культуры и увеличенія ея матеріальныхъ средствъ. О нашемъ судебномъ персоналѣ въ этомъ мѣстѣ сказано слѣдующее: «Обстановка, обстоятельства, условія среди которыхъ онъ дѣйствуетъ, съ каждымъ годомъ становятся все неблагопріятнѣе и въ немъ самомъ, отчасти подъ внѣшними вліяніями, отчасти по внутренней недозрѣлости, начинаютъ прокрадываться тревожныя черты. Духъ и бодрость падаютъ, идеалы оскудѣваютъ, ремесленничество растетъ, интересъ къ знанію ослабѣваетъ, развитіе въ застоѣ, а тутъ-же рядомъ надвигается имущественная нужда, почти нищета...» Министръ признаетъ, что «на двѣ тысячи въ годъ не можетъ прожить съ семьею ни судебный слѣдователь, ни членъ окружнаго суда». Поэтому министръ признаетъ необходимымъ увеличеніе окладовъ, при чемъ главную часть средствъ для этого полагаетъ возможнымъ добыть при помощи сокращеній въ коллегіальномъ составѣ и упрощенія формъ судопроизводства, упрощенія, которое и само по себѣ необходимо для устраненія нѣздной медленности въ теченіи дѣлъ.

По отзыву министра, въ подъемѣ нуждаются какъ положеніе личнаго состава, такъ и «общій уровень юстиціи, высоко приподнятый при реформѣ, въ эпоху нѣкотораго ея идеализированія»; къ этому онъ прибавилъ, что необходимость такого подъема ни для кого изъ членовъ комиссіи—«не тайна». Но мы можемъ сказать еще, что какъ среди юристовъ, такъ и въ самомъ обществѣ давно замѣтили тѣ «тревожныя черты», о которыхъ упомянуто выше. По общему мнѣнію, именно «духъ, бодрость» нѣсколько упали, и «идеалы оскудѣли» въ судебномъ составѣ, въ сравненіи съ «высокимъ ихъ подъемомъ» при самой реформѣ и въ ближайшемъ въ ней періодѣ дѣятельности. Въ судебномъ составѣ стали отчасти проявляться духъ бюрократической рутинѣ, духъ карьеризма, отреченіе отъ идеальнаго взгляда на общественно-воспитательное значеніе независимаго суда, особенно у насъ, въ Россіи. И не подлежитъ сомнѣнію, что именно «обстановка, обстоятельства, условія, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ, съ каждымъ годомъ становились все неблагопріятнѣе» и «тревожныя черты» проявлялись въ судебномъ составѣ «отчасти подъ внѣшними вліяніями, отчасти и по внутренней недозрѣлости». Этотъ печальный фактъ указанъ въ рѣчи съ такой-же отчетливостью, какъ и собственные взгляды г. министра на разныя, даже и на щекотливыя вопросы.

Изъ только что сказаннаго логически истекаетъ необходимость озаботиться, чтобы обстановка и условія дѣятельности судебного perso-

нала сдѣлалась болѣе благопріятными, чѣмъ они были во второй половинѣ всего истекшаго періода ся. А для того, чтобы вѣшнія вліянія не оказывали еще болѣе неудовлетворительнаго дѣйствія, необходимо именно всѣми мѣрами поддержать и укрѣпить самостоятельность судей, при сохраненіи перваго ся условія — несмѣняемости ихъ. Затѣмъ, подъемъ духа вообще, возбужденіе бодрости, усвоеніе нѣсколько болѣе идеальнаго отношенія къ дѣлу будутъ уже зависѣть отъ условій общихъ, такъ сказать, отъ духа самаго историческаго періода.

Вполнѣ заслуживаютъ сочувствія указанія предсѣдателя комиссіи на необходимость «удешевленія юстиціи», такъ какъ «чѣмъ дешевле судъ», тѣмъ онъ доступнѣе, а «чѣмъ хорошій судъ доступнѣе, тѣмъ меньше сутяжничества, тѣмъ больше правды, мира и лада въ обществѣ»; затѣмъ—на упрощеніе общаго порядка подсудности инстанцій и вообще судебной организаціи, на согласованіе и объединеніе всѣхъ многообразныхъ институтовъ мѣстной юстиціи, на измѣненіе постановки судебной части въ новыхъ судебно административныхъ учрежденіяхъ (т. е. у земскихъ начальниковъ съ ихъ сѣздами)—въ смыслѣ разграниченія вѣдомства министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи; наконецъ—на желательность большаго обезпеченія личной свободы обвиняемаго отъ произвольныхъ распоряженій слѣдователя.

Въ заключеніе нашего подробнаго просмотра этой программы для переработки судебныхъ уставовъ, программы, имѣющей первостепенное значеніе для будущности нашей юстиціи, мы можемъ только выразить пожеланіе, чтобы при этой работѣ вполнѣ оправдалось мнѣніе, высказанное предсѣдателемъ комиссіи о необходимости «бережной охраны, при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ» — основныхъ началъ нашего новаго судопроизводства. «Ихъ наличность, сущность, духъ—говорилъ министр—должны остаться неприкосновенными, и въ этомъ заключается цѣнное преемство, завѣщанное намъ нашими много для Россіи потрудившимися предметниками».

Характерное для нашего времени предположеніе сообщается «Гражданиномъ». По словамъ газеты, предстоитъ преобразованіе устава училища правовѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы училище это было предназначено исключительно для потомственныхъ дворянъ. Училище правовѣдѣнія принесло пользу въ дореформенное время, когда людей съ юридическимъ образованіемъ было еще слишкомъ мало и въ судахъ, и въ администраціи. Правда, существовали юридическіе факультеты и, въ сравненіи съ числомъ окончивавшихъ ихъ курсъ, выпуски правовѣдовъ изъ спеціальнаго, закрытаго училища составляли лишь слабый контингентъ, безъ котораго и въ то время можно было обойтись. Но дѣло въ томъ, что заведеніе было привилегированнымъ и карьера его воспитанниковъ представлялась обезпеченною. Между тѣмъ, какъ университетскій юристъ могъ сядѣть до сѣдыхъ волосъ въ судѣ—въ должности секретаря, а въ департаментѣ и канцеляріи губернскаго правленія—на мѣстѣ

столоначальника, оставаясь подчиненнымъ такихъ гражданскихъ чиновъ, которые высшаго образованія не имѣли, а перѣдко и военныхъ, чаще, чѣмъ нынѣ назначавшихся тогда на видныя административныя должности—правовѣды быстро шелъ впередъ и это способствовало усиленію образованнаго элемента, если не на высшихъ, то по крайней мѣрѣ на ближайшихъ къ нимъ ступеняхъ.

Такъ, еще въ дореформенное время правовѣды смѣнили собою въ сенатѣ прежній составъ оберъ-секретарей и секретарей, изъ опытныхъ, но малообразованнымъ старымъ дѣльцовъ, заняли высшія мѣста въ судахъ губернскихъ и должности губернскихъ прокуроровъ, наконецъ, они же, въ извѣстномъ процентѣ, проникали и въ сенатъ.

Но въ настоящее время число людей съ юридическимъ образованіемъ такъ возросло, что большинство ихъ не находятъ себѣ мѣста ни въ судахъ, ни въ адвокатурѣ, а стало быть, собственно для пополненія судебного персонала совершенно все равно, продолжаетъ ли существовать особое училище правовѣдѣнія, выпускающее по 20 юристовъ въ годъ, или его существовать не будетъ. Въ проектѣ преобразованія, какъ о немъ передаетъ «Гражданинъ», предполагено оставить, собственно для спеціальнаго образованія, 3 класса, а остальные 4 класса въ самомъ училищѣ, да еще 3 класса приготовительные будутъ служить для общаго образованія. Такимъ образомъ въ училищѣ осталась бы отличительная его черта: облегченность курсовъ, какъ общеобразовательнаго, такъ и юридическаго, по сравненію съ гимназією и университетомъ. И теперь—хотя мы не забываемъ, что изъ училища правовѣдѣнія вышли нѣсколько выдающихся юристовъ, нѣкоторые изъ нихъ были и въ числѣ составителей судебныхъ уставовъ 1864 года—въ среднемъ, признается вообще, что юридическій курсъ, какъ въ училищѣ правовѣдѣнія, такъ и въ петербургскомъ александровскомъ лицейѣ, стоитъ ниже университетскаго уровня. Тѣмъ болѣе необходимо, стало быть, чтобы воспитанники этихъ заведеній, получающіе при опредѣленіи на службу чинъ высшій, чѣмъ университетскіе студенты, были сравнены съ послѣдними относительно порядка полученія дипломовъ, то есть, чтобы правовѣды и лицейсты, наравнѣ со студентами, подвергались государственному экзамену въ особо-назначаемыхъ комиссіяхъ смѣшаннаго состава.

Что касается до обращенія училища въ спеціально-дворянское, то учрежденіе и содержаніе школъ сословныхъ правильнѣе было-бы предоставить самымъ сословіямъ. Государственный доходъ составляется изъ платежей, прямыхъ и косвенныхъ, всего населенія. Но вполнѣ ли правильно требовать отъ большинства его, то-есть отъ крестьянъ, средства на приготовленіе особенныхъ юристовъ изъ дворянъ? Наконецъ, если-бы государство признало нужнымъ прійти въ помощь дворянству учрежденіемъ спеціальной для него школы, то это было бы понятво лишь по отношенію къ дѣтямъ дворянъ неимущихъ или къ сиротамъ дворянскаго сословія. Въ такомъ училищѣ дѣти должны были бы содержаться и

воспитываться на казенный счетъ. Между тѣмъ изъ предположеній, которыя передаетъ «Гражданинъ», видно, что ежегодная плата въ преобразованномъ училищѣ назначается—въ 700 рублей.

Можно кстати замѣтить, что даже и то устарѣвшее соображеніе, которымъ въ давнее время оправдывали учрежденіе отдѣльныхъ школъ для дѣтей дворянъ—женскихъ институтовъ, дворянскихъ институтовъ, кадетскихъ корпусовъ, а именно, что для дѣтей высшаго класса можетъ быть опасно совмѣстное пребываніе съ товарищами изъ такъ-называемыхъ низшихъ сословій, въ данномъ случаѣ нисколько не примѣнимо. Во-первыхъ, въ училище правовѣдѣнія и нынѣ принимаются только сыновья чиновниковъ не ниже извѣстнаго класса. Хотя, на практикѣ, со времени введенія новыхъ судовъ, въ виду того, что всѣ чины судебной корпораціи считаются занимающими должности того-же класса, котораго цифра составляетъ цензъ для приѣма въ училище правовѣдѣнія, туда принимаются вообще и сыновья судей и прокуроровъ, но нельзя же допустить мысли, что сынъ каждаго дворянина непремѣнно стоитъ нравственно выше и лучше воспитанъ дома, чѣмъ сынъ судьи или прокурора, происходящихъ не изъ дворянъ. А во-вторыхъ, даже то соображеніе (во всякомъ случаѣ крайне сомнительное), которое въ старину примѣнялось къ дѣтямъ, непримѣнимо къ молодымъ людямъ 18—20 лѣтъ, которые будутъ находиться въ трехъ высшихъ классахъ училища. Въ этомъ возрастѣ во всякомъ случаѣ полезно знакомиться со всеми слоями народа, а не обособляться въ кастовые кружки. По окончаніи училища правовѣдѣ поступить-же рядовымъ въ армію и будетъ подъ командой ефрейтора и унтеръ-офицера. Однимъ словомъ, если попятно содержаніе, хотя-бы на счетъ государства, дворянскихъ пансіоновъ, то трудно объяснить цѣль содержанія сословныхъ высшихъ училищъ, въ томъ числѣ и такого, которое предназначалось бы для приготовленія особыхъ юристовъ изъ дворянъ, вдобавокъ къ массѣ сидящихъ безъ юридическаго дѣла университетскихъ юристовъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней минувшаго мѣсяца появились въ газетахъ и обратили на себя общее вниманіе новыя правила относительно офицерскихъ дуелей. Общій законъ, какъ извѣстно, видитъ въ поединкѣ преступленіе и даже тяжкое, такъ какъ высшей мѣрой наказанія (въ случаѣ если условлено было, что дуэль должна окончиться смертью одного изъ противниковъ), главному виновнику въ законѣ полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе (Улож. о наказ. изд. 1880, ст. 1504). При обыкновенномъ-же поединкѣ, если его послѣдствіемъ была смерть, а оставшійся въ живыхъ не былъ ни причиною поединка, ни вызвавшею на поединокъ стороною, онъ все таки по закону подвергается заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ (ст. 1503). Эта наказуемость вполне распространялась доселѣ и на военныхъ, виновныхъ въ поединкахъ, такъ какъ «за преступленія и проступки общіе военно-служащимъ съ лицами гражданскаго званія...

лица военнаго вѣдомства подвергаются наказаніямъ на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ (Воинскій уставъ о наказаніяхъ ст. 278).»

Но положеніе военныхъ въ этомъ отношеніи значительно измѣняется приказами, въ которыхъ были объявлены утвержденныя, по докладу соединеннаго собранія главныхъ военнаго и морскаго судовъ, «Правила о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ». Сущность этихъ правилъ состоитъ въ слѣдующемъ. Всякое оскорбленіе, нанесенное офицеру, командиръ полка передаетъ на разсмотрѣніе суда общества офицеровъ; этотъ судъ или примиряетъ стороны, если примиреніе «согласно съ достоинствомъ офицера», или «постановляетъ, что поединокъ является единственно приличнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести офицера». Въ этомъ случаѣ судъ общества офицеровъ вліяетъ на секундантовъ въ томъ смыслѣ, «чтобы условія дуэли наиболѣе соответствовали обстоятельствамъ даннаго случая», иными словами, чтобы въ случаѣ серьезнаго оскорбленія дуэль не была только формальностью. Затѣмъ, если въ теченіе двухъ недѣль дуэль не состоится, то командиръ полка представляетъ по командѣ объ увольненіи отказавшагося отъ нея офицера отъ службы безъ прошенія. Здѣсь мы должны упомянуть, что суду общества офицеровъ подлежатъ одни оберъ-офицеры (Уставъ дисциплинарн., ст. 135). Вотъ чѣмъ объясняется пунктъ 5 новыхъ правилъ, который постановляетъ, что когда случай «не касается оберъ-офицеровъ» или когда суда офицеровъ въ части нѣтъ, то обязанности этого суда возлагаются на начальника части. Одна изъ статей военно-судебнаго устава, относящаяся къ порядку возбужденія уголовнаго преслѣдованія, дополнена нынѣ примѣчаніемъ, что слѣдственное производство о поединкѣ между офицерами препровождается, съ заключеніемъ прокурора, къ начальнику части, который представляетъ эти бумаги по командѣ военному министру, вмѣстѣ съ постановленіемъ суда общества офицеровъ, и затѣмъ уже отъ военнаго министра будетъ завѣсть доложить верховной власти, если онъ признаетъ, что обстоятельства дѣла того заслуживаютъ, о прекращеніи дѣла въ судебномъ порядкѣ.

Иными словами, если по обстоятельствамъ дѣла будетъ признано, что единственнымъ приличнымъ, сообразнымъ съ достоинствомъ офицерскаго званія исходомъ представлялся поединокъ, то онъ наказуемъ не будетъ, каковы бы ни были его послѣдствія. Съ цѣлью объясненія этихъ правилъ, въ «Русскомъ Инвалидѣ» была помещена обширная статья, въ которой излагалось, что полной ненаказуемости всѣхъ дуэлей между военными или съ военными допустить вельзя, такъ какъ могутъ быть случаи поединковъ ненужныхъ, вызываемыхъ одной злобою или легкомысліемъ, а стало-быть, не было иного пути, какъ сообщать въ каждомъ случаѣ слѣдственное производство командиру для того, чтобы высшая военная администрація, взвѣсивъ обстоятельства, могла

рѣшать, отдѣльно въ каждомъ случаѣ, слѣдуетъ-ли или нѣтъ ходатайствовать о прекращеніи судебного преслѣдованія.

Это условіе создаетъ практическое удобство: можно будетъ дѣлать различіе при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, рѣшать, какой изъ нихъ можетъ подлежать наказанію, а какой не можетъ. Но конечно, такое усмотрѣніе администраціи въ судебномъ дѣлѣ имѣетъ и свои неудобства. Фактическое-же содержаніе статьи «Русскаго Инвалида» заключается въ слѣдующихъ строкахъ: «въ основу этого законодательнаго вопроса была положена мысль прекратить, въ цѣляхъ повышенія общаго уровня понятій о чести въ офицерской средѣ, замѣчаемые, хотя и рѣдкіе случаи оставленія въ рядахъ арміи офицеровъ, оскорбившихъ своихъ товарищей и не давшихъ имъ за то должнаго удовлетворенія, а равно офицеровъ, потерпѣвшихъ оскорбленіе и не озаботившихся принять соответствующія мѣры къ возстановленію своей чести».

Войдемъ, для уясненія дѣла, въ понятія, существующія въ самой средѣ. Если оскорбленіе самое незаслуженное, нанесенное хотя бы чловѣкомъ сомнительнаго характера чловѣку уважаемому, само по себѣ, какъ фактъ, можетъ опозорить этого чловѣка; если ставъ къ барьеру съ оскорбителемъ, подвергая его и себя опасности, возможно «смыть» оскорбленіе и возстановитъ свое честное имя; если обмѣнъ выстрѣлами, при которомъ уважаемый и правый имѣетъ столько же шансовъ погибнуть, какъ и неуважаемый и неправый, — можетъ иногда составлять едивственный исходъ въ глазахъ какого-бы ни было суда... если мы будемъ разсуждать съ этой, особой точки зрѣнія, то къ какому выводу мы, по необходимости, придемъ? Къ тому, что въ рядахъ арміи, гдѣ все рассчитано на бой, а стало быть на пожертвованіе собою во имя военнаго долга, во имя засвидѣтельствованія личнаго мужества, въ имя славы знамени и чести мундира — не могутъ быть терпимы люди, которымъ чувство самосохраненія не дозволило подставить лобъ въ дѣлѣ, касавшемся ихъ лично.

Слишкомъ ясно, что можно возразить противъ признанія обиды, наносимой ближнему, такимъ обстоятельствомъ, которое позоритъ его, и противъ признанія поединка—средствомъ къ востановленію чести, по таковы взгляды, существующіе въ извѣстной средѣ. И такъ, остается разсматривать только практическую сторону дѣла. Если новыми правилами фактически допускается непаказуемость въ извѣстныхъ случаяхъ офицера за поединокъ, то спрашивается—можетъ ли оставаться, при равныхъ условіяхъ, наказуемымъ «штатскій», который выходилъ на дуэль съ офицеромъ? Очевидно—нѣтъ. И дѣйствительно, въ томъ же приказѣ военнаго министра сообщалось о предстоящемъ внесеніи въ государственныи совѣтъ проекта дополненія устава уголовнаго судопроизводства въ такомъ смыслѣ, что указанный выше порядокъ прекращенія слѣдственныхъ дѣлъ о поединкахъ можетъ быть примѣняемъ не только когда оба противника принадлежатъ къ офицерскому званію,

но и въ томъ случаѣ, если только *одинъ* изъ противниковъ—офицеръ. И такъ, штатскій, дравшійся съ офицеромъ, будетъ, относительно случаевъ ненаказуемости, поставленъ въ равныя условія съ офицеромъ. Но если гражданское лицо будетъ иногда ненаказуемо за поединокъ съ офицеромъ, то какже оно останется, по прежнему, наказуемо во всѣхъ безусловно случаяхъ поединка съ другимъ гражданскимъ же лицомъ? Этого несогласія въ законахъ можно было избѣгнуть, еслибы, безъ составленія особыхъ правилъ, просто было предложено командирамъ увольнять офицеровъ, отказавшихся отъ поединка; вмѣстѣ съ тѣмъ, оставивъ въ силѣ воспрещеніе закономъ поединка и угрозу карою за него, въ особенно уважительныхъ случаяхъ могло бы испрашиваться военнымъ министромъ или министромъ юстиціи, смотря по званію виновныхъ въ поединкѣ — помилованіе въ общемъ порядкѣ. Такимъ образомъ та-же цѣль была бы достигнута, и притомъ, уже безъ всякаго неудобства.

Вслѣдъ за желѣзными дорогами бывшаго Главнаго общества, поступаетъ въ казну съ будущаго Новаго года и сѣтъ югозападныхъ дорогъ. Эта сѣтъ самая большая изъ всѣхъ, находившихся въ временномъ владѣніи частныхъ обществъ, а именно—имѣетъ длину въ 3,257 верстъ. Одновременно рѣшена была также судьба лозово-севастопольской и двинско-витебской дорогъ. Съ присоединеніемъ всѣхъ этихъ дорогъ къ казенной сѣти общее протяженіе послѣдней возрастаетъ до 23 тыс. верстъ и въ частномъ владѣніи остается уже только одна треть всей нашей сѣти.

Мы нѣсколько остановимся только на выкупѣ юго-западныхъ дорогъ, какъ самой значительной группы частныхъ рельсовыхъ путей. Срокъ, съ котораго правительство получило право ихъ выкупа, наступилъ еще годъ тому назадъ. Но вообще полагали, что послѣ взятія въ казну линій Главнаго общества, потребуется нѣкоторое время для введенія на нихъ казенныхъ порядковъ и что повая финансовая операція, необходимая для выкупа другой большой частной сѣти, будетъ отложена года на два. Но въ неотдаленности выкупа юго-западныхъ дорогъ не сомнѣвался никто. Въ разъясненіи, которое было напечатано въ «Правит. Вѣстникѣ», указывалась на то, что неизвѣстность о ближайшихъ намѣреніяхъ правительства «дала поводъ къ обширной спекуляціи, которая искусственно подняла биржевой курсъ акцій», а сверхъ того, что только въ немногіе годы чистый доходъ юго-западныхъ дорогъ покрывалъ обязательные платежи общества, вслѣдствіе чего за нимъ состоятъ долгъ казнѣ по гарантіи свыше 106 милл. р., «между тѣмъ, какъ въ тѣ годы, когда чистый доходъ съ излишкомъ покрывалъ обязательные платежи общества, правительство получало только часть чистой прибыли, остальная-же поступала въ пользу акціонеровъ» и что такимъ образомъ, «весь рискъ предпріятія лежалъ на казнѣ, а прибыли дѣлились».

При этомъ, можно, однако, замѣтить, что долгъ по гарантіи накопился не въ послѣдніе годы, такъ какъ именно послѣднія лѣтъ пять казна ничего не приплачивала обществу и общество выдавало акціонерамъ (въ томъ числѣ и казнѣ) дивидендъ свыше гарантированныхъ 5 проц. Другой вопросъ—развившаяся спекуляція, которая была прекращена оффиціальнымъ объявленіемъ, что выкупъ акцій состоится по номинальной ихъ цѣнѣ, такъ какъ за обществомъ состоитъ упомянутый долгъ казнѣ. Вопросъ о необходимости выкупа желѣзныхъ дорогъ и эксплуатаціи ихъ казною можетъ быть рѣшаемъ различно, хотя вопросъ о постройкѣ дорогъ допускаетъ только одно правильное рѣшеніе—дороги должны строиться казною; сколько-бы при этомъ ни паживали исполнители работъ, эта потеря не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ той, которая представлялась львиными долями, доставшимися не исполнителямъ, а хозяевамъ постройки—концессионерамъ, которые строили на облигаціи, выпускавшіяся казною. Переходъ въ ея руки всѣхъ желѣзныхъ дорогъ представляетъ только то неудобство, что вслѣдствіе того еще болѣе возрастаетъ наша уже столь многочисленная чиновническая армія, что, впрочемъ, соответствуетъ духу времени.

«Московскія Вѣдомости» привели любопытныя выписки изъ двухъ рѣчей, произнесенныхъ въ городской палатѣ въ концѣ сессіи финляндскаго сейма, которая закрылась 21 мая. Въ рѣчахъ этихъ высказывалось порицаніе членамъ «туземнаго правительства» (т. е. финляндскаго сената) за то, что ими были даны неодобрительные отзывы о нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ и ходатайствахъ сейма, вслѣдствіе чего тѣ рѣшенія и ходатайства не были утверждены или были оставлены безъ вниманія. Нельзя не желать, чтобы единственная (къ сожалѣнію) русская газета, сообщающая хоть сколько-нибудь связныя свѣдѣнія, о нѣкоторыхъ сужденіяхъ финляндскаго сейма, взяла на себя трудъ представить общій очеркъ хода его работъ въ нынѣшнюю сессію. Само собою разумѣется, что чѣмъ такой очеркъ былъ-бы фактичнѣе, чѣмъ менѣе мѣста въ немъ заняло бы обличеніе финляндцевъ, которые желаютъ только сохраненія status quo, въ разныхъ «стремленіяхъ», тѣмъ очеркъ былъ-бы серьезнѣе. Мы остановимся здѣсь на одномъ только замѣчаніи московской газеты. Говоря, что «финноманы» держатъ себя менѣе «задорно», чѣмъ шведоманы, она объясняетъ это такъ: «финноманы ближе, чѣмъ шведоманы къ массѣ финскаго населенія и не могутъ не знать, что она далеко неодобрительно относится къ разнаго рода сепаратистическимъ махинаціямъ и бравадамъ». Можетъ быть, это и такъ, но во всякомъ случаѣ настроеніе массы населенія не можетъ составлять тайны и для шведомановъ, такъ какъ въ сеймѣ есть крестьянская палата, въ которой настроеніе прямо высказывается самими крестьянами. Изъ такихъ рѣчей, приводившихся, къ сожалѣнію, только въ «Моск. Вѣд.» и мы знакомимся съ этимъ настроеніемъ.

На прокурорскій путь по отношенію къ ипородцамъ иногда, хотя и робко, пробуетъ вступить и «Недѣля». Но покажутся недостатокъ навыка дѣлаетъ такіе шаги ея колеблющимися. Такъ, недавно въ одной статьѣ газеты была высказана мысль, что «правительства (т. е. вообще европейскія правительства) всячески должны *поощрять* переходъ евреевъ въ христіанство, наставляя ихъ чрезъ опытныхъ и просвѣщенныхъ миссіонеровъ и разсѣивая неправильное представленіе евреевъ о какихъ-то стѣснительныхъ мѣрахъ противъ евреевъ, принявшихъ христіанство.. Главнымъ образомъ, слѣдуетъ евреямъ объяснять, что ихъ національное самолюбіе (!) ни сколько не пострадаетъ отъ принятія религіи, которая зародилась въ Палестинѣ... и указывать имъ на невозможность жить въ современномъ европейскомъ государствѣ по принципамъ талмуда». Если евреи будутъ воспринимать основныя идеи христіанства по собственному внутреннему побужденію, то это будетъ конечно явленіемъ прогрессивнымъ и весьма отраднымъ. Но какимъ образомъ западныя правительства могли-бы «поощрять» къ тому евреевъ, когда на Западѣ самый законъ не воспрещаетъ и не поощряетъ перехода изъ какой-либо вѣры въ какую-либо другую? Могутъ-ли правительства стараться о разъясненіи евреямъ «невозможности жить въ современномъ европейскомъ государствѣ по принципамъ талмуда»—когда евреи жили по талмуду и въ средніе вѣка, среди самыхъ враждебныхъ для нихъ условій? Между тѣмъ, въ редакціонной статьѣ, въ томъ же номерѣ «Недѣли», говорилось: «Христово ученіе отличается безграничнымъ снисхожденіемъ къ заблуждающимся и невѣрнымъ и именно этой милосердной терпимости, христіанство обязано своими необъятными побѣдами». Далѣе въ статьѣ прибавлялось, что Россія «отличается (т. е. отъ другихъ странъ) издавна широкою вѣротерпимостью и остатки старинныхъ, суровыхъ взглядовъ встрѣчаются не въ практикѣ жизни, а только въ законодательствѣ». Спорить съ «Недѣлею» мы не будемъ, но замѣтимъ, что историческіе примѣры не говорятъ за поощреніе евреевъ къ принятію христіанства. Въ Испаніи ихъ нѣкогда такъ «поощряли», что всѣ евреи поголовно сдѣлались католиками, но когда, черезъ два столѣтія послѣ того, инквизиція всетаки выгнала евреевъ изъ Испаніи, то оказалось, что эти евреи не забыли за это время ни малѣйшаго обряда вѣры, отъ которой отреклись по принужденію. Для чего же было бы «поощрять» евреевъ къ неискреннему обращенію? А случаи обращенія вполне искренняго не пуждаются въ поощреніи.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Жизнь Ипп. Тэна.—Успѣхи начальнаго образованія въ С.-Петербургѣ.—Л. Н. Толстой о языкѣ «эсперанто».—Правда и ложь въ искусствѣ. — † Н. М. Астриревъ. — † Н. М. Ядрищевъ. — † Н. Н. Ге.

Жизнь Ипп. Тэна. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ новаго французскаго журнала «Revue de Paris», помѣщена любопытная статья о Тэнѣ г. Моно, извѣстнаго историка и редактора «Revue Historique», близкаго друга Тэна. Статья эта, написанная на основаніи писемъ Тэна и другихъ документовъ, сообщенныхъ Моно г-жею Тэнъ, представляетъ весьма интересныя данныя о жизни и характерѣ покойнаго ученаго. Мы приведемъ сообщаемыя ею свѣдѣнія въ сжатомъ, но по возможности послѣдовательномъ изложеніи.

Июльскій Тэнъ родился 21 апрѣля 1828 г., въ Вузье, гдѣ отецъ его занималъ должность частнаго повѣреннаго. До одиннадцати лѣтъ онъ занимался дома. Но когда въ 1839 г. отецъ его серьезно заболѣлъ, его отправили въ духовный пансіонъ въ Ретэль, гдѣ онъ пробылъ полтора года. Въ 1840 г. Жанъ Батистъ Тэнъ умеръ, оставивъ семьѣ скромное состояніе. Между тѣмъ, пора была подумать о томъ, чтобъ помѣстить мальчика въ такую среду, гдѣ бы онъ могъ удовлетворить свое стремленіе къ знанію и развитію рѣдкія умственныя способности, которыя онъ проявилъ уже въ это время. Весною 1841 г., его отправили въ Парижъ въ интернатъ Матэ, пенсіонеры котораго проходили курсъ въ еcHegе Bourgbon. Но жизнь пенсіонера плохо отзывалась на слабомъ здоровьи и на склонномъ къ созерцанію, независимомъ умѣ Тэна. Велѣдствіе этого г-жа Тэнъ рѣшилась вскорѣ переселиться въ Парижъ со своими дочерьми и взять сына къ себѣ. Съ этихъ поръ началась для него новая жизнь, продолжавшаяся съ небольшими перерывами до его женитьбы: онъ жилъ, какъ бы общою жизнью, со своею матерью, въ которой находилъ лучшаго друга.

Молодой Тэнъ вскорѣ занялъ видное мѣсто въ коллежѣ Bourgbon. Уже съ 14-ти лѣтняго возраста онъ написалъ себѣ программу всѣхъ своихъ занятій и строго слѣдилъ за исполненіемъ ея. Онъ позволялъ себѣ отдыхать впродолженіе двадцати минутъ, по возвращеніи съ вечернихъ школьныхъ занятій и играть одинъ часъ на роялѣ послѣ обѣда. Все остальное время предназначалось для работы. Онъ отказывался отъ всѣхъ развлеченій и велъ жизнь упорнаго труженника, не обращая вниманія на то, что эта жизнь дурно отзывалась на его хрупкомъ здоровьи. Каждый годъ во время экзаменовъ онъ подвергался опасности получить воспаленіе мозга.

Въ 1848 г., по окончаніи коллежа Bourgbon, Тэнъ поступилъ въ Ecole normale, готовя себя къ преподавательской дѣятельности. Здѣсь, также, какъ и въ Collège Bourgbon, онъ съ перваго дня занялъ видное мѣсто среди товарищей. Онъ не старался возвыситься надъ ними, но благодаря его уму и мягкому, скромному, веселому характеру, товарищи не только любили его, но относились

къ нему съ уваженіемъ, съ какимъ рѣдко относятся другъ къ другу молодые люди, находящіеся въ одномъ учебномъ заведеніи.

Онъ приходилъ на лекціи съ такимъ запасомъ знаній, что товарищи чувствовали себя невѣждами по сравненіи съ нимъ и невольно ставили его выше себя. Они обращались къ нему часто за помощью и онъ охотно снабжалъ ихъ всевозможными планами, замѣтками, справками, которыя всегда были у него готовы ранѣе, чѣмъ у другихъ. Съ меньшей любовью и уваженіемъ относились къ нему и профессора и къ ихъ официальнымъ отзывамъ о его успѣхахъ примѣшивалось выраженіе удивленія передъ высотой его нравственныхъ понятій и серьезнымъ складомъ его характера. Но все они ставили ему въ упрекъ чрезмѣрную склонность его къ классификаціи и отвлеченнымъ формуламъ. При окончаніи курса въ *Ecole normale* Тэнъ былъ уже вполне сложившимся въ умственномъ отношеніи человѣкомъ. У него уже были свои доктрины, созрѣвшія благодаря громадному запасу знаній и усиленному мышленію, своя система міра, проникнутая детерминизмомъ Спинозы и главное—своя манера мыслить и выражать свои мысли почти съ математическою точностью, сводя къ простой формулѣ выраженіе всякой системы, эпохи, характера. «Каждая книга и каждый человѣкъ, говорилъ онъ, могутъ быть выражены на пяти страницахъ, а эти пять страницъ въ пяти строкахъ». Привычка анализировать была въ немъ такъ сильна, что даже въ минуты отдыха, въ разговорахъ съ товарищами, онъ анализировалъ ихъ характеры «свойственный имъ складъ мыслей. Направленіе его ума отразилось даже въ его страсти къ музыкѣ: сыгравъ какуюнибудь изъ сонатъ Бетховена, въ произведеніяхъ котораго онъ особенно цѣнилъ стройность и могущество построенія, онъ часто восклицалъ: «это прекрасно, какъ силлогизмъ».

По выходѣ изъ *Ecole normale* въ 1851 г. Тэнъ держалъ экзаменъ на адъюнктъ-профессора философіи, но потерпѣлъ неудачу. Экзаменаторы нашли его идеи неосновательными, а методъ его изложенія сухимъ и утомительнымъ. Кромѣ того, со свойственною ему неосторожностью, Тэнъ взялъ слишкомъ рискованную для пробной лекціи тему. Но министръ народнаго просвѣщенія отнесся къ нему снисходительнѣе, чѣмъ экзаменаторы, и открылъ ему доступъ къ преподаванію философіи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ заступающимъ мѣсто профессора философіи въ Неверѣ. За новое свое дѣло онъ принялся почти съ восторгомъ. «Для того, чтобы научиться самому, очень полезно учить, писалъ онъ Парадолю.—Единственное средство изобрѣтать, это—жить исключительно своей спеціальностью. Я избралъ профессорскую дѣятельность только потому, что, по моему, это самый вѣрный путь, чтобы стать ученымъ». Впрочемъ, вскорѣ ему пришлось оставить эту должность; чтобы перейти въ лицей въ Пуатье, въ качествѣ профессора риторики. Причиной этому послужилъ слѣдующій случай: въ 1851 г., въ Неверскій университетъ былъ присланъ листъ, на которомъ излагались требованія одобренія мѣръ, принятыхъ президентомъ республики послѣ *сепар д'Etat*, 2-го декабря 1851 г. Тэнъ одинъ изъ всѣхъ профессоровъ отказался подписать свое имя на этомъ листѣ, вслѣдствіе чего былъ объявленъ революціонеромъ и обвиненъ въ томъ, что на лекціи превозносилъ Дантона. Но ему не посчастливилось и на новомъ мѣстѣ. Несмотря на осторожность, съ которою онъ держалъ себя, онъ оставался на плохомъ счету и въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ лицей въ Безансонъ. Весь этотъ тяжелый для него годъ Тэнъ дѣятельно переписывался съ матерью и съ друзьями. «Въ одиночествѣ живѣе чувствуется дружба, писалъ онъ.—Мнѣ кажется, что теперь я думаю о васъ съ большей нѣжностью... Мысли такъ отвлечены: ихъ можно постигнуть только благодаря усиліямъ. Какъ бы возвышенны онѣ ни были, онѣ не могутъ удовлетворить человѣка... Меня особенно трогаетъ то, что писалось о дружбѣ авторами древняго міра. Маркъ Аврелій—это мой катехизизъ, въ немъ

видишь самого себя». По въ это время экзамены на званіе адъюнктъ-профессора были упразднены. Узнавъ объ этомъ, Тэнъ, не теряя времени, сталъ приготовляться къ экзамену на адъюнктъ-профессора по литературѣ. Съ этою цѣлью онъ упражнялся въ стихосложеніи и другихъ работахъ на древнихъ языкахъ; писалъ различныя замѣтки, касающіяся правовъ и обычаевъ окружающихъ его, и пробовалъ набрасывать картинки природы, съ цѣлью пріобрѣсти болѣе гибкости воображенія и придать болѣе живости языку. Однако, недолго спустя, вышло постановленіе, въ силу котораго лица, окончившія *Ecole normale*, снова получали право держать экзаменъ на адъюнктъ-профессора философіи, но для этого они должны были или прослужить три года на государственной службѣ, или прослужить одинъ годъ и выдержать предварительно экзаменъ на адъюнктъ-профессора по литературѣ. Тэнъ воспользовался этимъ правомъ и, сдавъ экзаменъ по литературѣ, принялся за свою диссертацию, которую продолжалъ обдумывать въ продолженіе своихъ занятій по литературѣ. Черезъ два мѣсяца она уже была готова, и на этотъ разъ онъ самъ удивлялся быстротѣ, съ которой окончалъ эту трудную работу. Въ эти мѣсяцы напряженныхъ размышленій за одну и ту-же тему вполне опредѣлилось направленіе его идей, и всѣ его послѣдующія работы представляютъ собою только развитіе мыслей, намѣченныхъ въ диссертации. Однако эти философскіе взгляды Тэна, изложенные въ его диссертации, снова сказались причиной его неудачи. Положеніе его относительно ощущеній было хотя и не вполне материалистично, но шло въ разрѣзъ съ академическимъ направленіемъ и помѣшало профессорамъ Сорбонны, куда была представлена философская работа Тэна, удостоить ее одобренія. Но Тэнъ отнесся съ большою твердостью къ этой новой неудачѣ и черезъ нѣсколько дней уже принялся за новую работу по литературѣ. Въ 1853 г., послѣ блестящей защиты своей диссертации, при единодушныхъ одобреніяхъ, получилъ докторское званіе. Это полученіе докторской степени было послѣднимъ актомъ его отношеній съ университетомъ. Съ этихъ поръ онъ посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности.

По окончаніи своей диссертации Тэнъ принялся между прочимъ, за изученіе исторіи. Онъ приступилъ къ сочиненію о Титѣ Ливіи, которое имѣлъ въ виду окончить къ конкурсу, назначенному въ *Académie française*. Въ 1853 г. сочиненіе его было представлено въ академію, и Гизо, которому было поручено сдѣлать докладъ о немъ, горячо и сочувственно отозвался о работѣ своего молодого друга. Тѣмъ не менѣе, работа его не заслужила одобренія академіи. Академики нашли въ ней слишкомъ большую склонность къ новѣйшей исторической школѣ, въ особенности же неуважительное отношеніе къ авторитетамъ, къ Боссюэту. Послѣ долгихъ обсужденій, рѣшено было отложить конкурсъ до 1855 г. Между тѣмъ Тэнъ сдѣлалъ нѣсколько поправокъ и измѣненій въ своемъ сочиненіи и когда снова представилъ его въ академію на конкурсъ, то за нимъ было признано право первенства. Но шесть лѣтъ, проведенныя въ безпрерывномъ умственномъ напряженіи, плохо отозвались на здоровьи Тэна, и въ началѣ 1854 г. онъ почувствовалъ полный упадокъ силъ. Съ этихъ поръ онъ часто испытывалъ совершенную неспособность работать и принужденъ былъ въ нѣкоторое время измѣнить образъ жизни. Впрочемъ, онъ находилъ средство пользоваться и этимъ временемъ, слушая чтеніе кого-нибудь изъ близкихъ людей и благодаря превосходной памяти и привычкѣ классифицировать факты и идеи, многое выносилъ изъ этихъ чтеній для своихъ дальнѣйшихъ сочиненій. Такимъ образомъ изучалъ онъ и французскую революцію. Въ это же время онъ пріобрѣталъ знанія по физиологіи и въ особенности по анатоміи и психіатріи, что впоследствии дало ему возможность придать вполне научное направленіе своимъ изысканіямъ по психологіи.

Въ его занятіяхъ по медицинѣ помогаль ему его шуринь—докторъ Ляторсей, у котораго онъ даже прожилъ довольно долго въ 1854 г. въ Орсеѣ. Своимъ пребываніемъ въ Орсеѣ онъ воспользовался также, чтобъ познакомиться съ деревней и съ крестьянами. Въ томъ же году его послали для поправленія здоровья въ Пиреней. Во время этой поѣздки онъ дѣлалъ различныя замѣтки, касающіяся этой мѣстности. и по возвращеніи оттуда привезъ цѣлый томъ, представляющій собою оригинальное смѣшеніе описаній природы, забавныхъ замѣтокъ о сельскихъ нравахъ, сатирическихъ замѣчаній относительно общества, собирающагося на водахъ, и т. д. Вообще съ этихъ поръ въ манерѣ его писать проявляются значительныя измѣненія. Его языкъ пріобрѣтаетъ живость и яркость; онъ становится въ высшей степени чувствителенъ ко всѣмъ вѣшнимъ проявленіямъ и въ его изображеніяхъ отвлеченность и разсужденіе отступаютъ на задній планъ, уступая мѣсто картинамъ и образамъ. Но самые эти образы послушно слѣдуютъ за его методическою мыслью, располагаясь согласно строго продуманнымъ классификаціямъ. Яркія краски облекаютъ упругую сильную мысль и стиль краснорѣчиваго оратора нигдѣ не заслоняетъ мыслителя, быть можетъ, чрезмѣрно склоннаго къ формуламъ. Дарованіе писателя-художника, творчество, какъ способность создавать живые человѣческіе образы, всегда вызвали въ немъ чувство восторженнаго удивленія. Талантъ романиста казался ему высшимъ даромъ неба. Онъ попытался самъ написать романъ, но, написавъ нѣсколько десятковъ страницъ, бросилъ его, замѣтивъ, что произведеніе его не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ анализа собственной души. «Я слишкомъ близко зналъ истинныхъ художниковъ, творцовъ, изъ головы которыхъ выходятъ живыя фигуры, чтобы допустить, что я принадлежу къ ихъ числу», говорилъ онъ по этому поводу съ необычайною скромностью.

Пероворотъ, совершившійся въ стилѣ Тэна, соотвѣтствуетъ измѣненію его образа жизни, даже всего его характера. Его замкнутость и склонность къ одиночеству уступила мѣсто общительности. Живя вмѣстѣ съ матерью и сестрами, онъ поддерживалъ постоянныя отношенія со своими друзьями—Плана, Парадолемъ, Э. Абу. Онъ познакомился съ Ренаномъ, а черезъ Ренана съ Сентъ-Бевомъ, а Густавъ Дорэ и Плана ввели его въ кругъ артистовъ. Лица, знавшія его въ эти годы (1855—56), говорятъ, что онъ былъ въ это время полнъ жизни и веселости. Въ кружкѣ его друзей шли постоянно разговоры и споры на самыя разнообразныя литературныя и общественныя темы. Въ это же самое время началась журнальная дѣятельность Тэна статью о Лабрюйерѣ, помѣщенной въ «Revue de l'instruction publique». Въ теченіе двухъ лѣтъ Тэнь напечаталъ въ названномъ журналѣ до сорока небольшихъ статей, затрогивая цѣлый рядъ литературныхъ вопросовъ. Тогда же началось его сотрудничество въ «Revue de deux mondes» и въ «Journal des Debats», продолжавшееся до конца его жизни.

Но систематическій умъ Тэна не удовлетворялся этими разрозненными эссеями. Онъ стремился къ работѣ широкой и законченной, которая могла бы служить иллюстраціей его идеи о значеніи расы, среды, момента и основной склонности, которая отразилась уже въ его сочиненіи о Титѣ Ливіи. Такой именно работой была задуманная имъ «Исторія англійской литературы». Онъ видѣлъ въ этомъ трудѣ своемъ, представляющемъ обширную главу челоѣческой исторіи, изслѣдованіе по «исторической анатоміи и физиологіи». Но одновременно съ разработкой историческихъ и литературныхъ матеріаловъ, входившихъ въ этотъ подготовляемый имъ трудъ, Тэнь предпринялъ цѣлый рядъ философскихъ этюдовъ, которые должны были ознакомить публику съ его научно-философскимъ міросозерцаніемъ. Статьи эти, напечатанныя въ 1857 г. въ «Revue de l'instruction publique» подъ общимъ заглавіемъ «Французскіе философы XIX в.», заключали въ себѣ злую и часто даже ироническую критику французскихъ фи-

философскихъ ученій настоящаго столѣтiя. причеъ въ основанiи этой критики былъ положенъ нѣсколько расширенный и какъ бы обновленный Тэнномъ сенсуализмъ Кондильяка. Рѣзкiй, вызывающiй тонъ этихъ статей, направленныхъ противъ ортодоксальныхъ доктринъ и защищавшихъ свободу мысли, вызвалъ въ литературѣ цѣлую бурю. До сихъ поръ работы Тэна отмѣчались въ журналистикѣ только его друзьями.—теперь люди самыхъ различныхъ лагерей и понятiй принялись обсуждать выраженные Тэнномъ научно-философскiя положенiя. Извѣстность его росла съ каждымъ днемъ. Его влiянiе во Францiи соперничало только съ влiянiемъ Ревана. Вокругъ него сгруппировались молодыя, ученые силы и, не будучи еще профессоромъ, онъ сталъ въ главѣ извѣстной научной школы. Вскорѣ онъ былъ назначенъ экзаменаторомъ на курсы Saint-Sug, а черезъ годъ послѣ того выступилъ въ качествѣ профессора эстетики и исторiи искусствъ въ Ecole de beaux arts.

Въ 1863 г. появилась «Исторiя англiйской литературы» Тэна, которую онъ представилъ на конкурсъ въ Academie française. Гизо снова выступилъ его защитникомъ, но и на этотъ разъ направленiе его идей, слишкомъ рѣзко противорѣчившее общепринятому направленiю, вызвало при обсужденiи его цѣлую бурю. Тѣмъ не менѣе ни одно изъ конкурсныхъ сочиненiй не было найдено имъ болѣе достойнымъ премiи, чѣмъ сочиненiе Тэна, а потому премiя не была дана никому. Такимъ образомъ, побѣда осталась все-таки какъ-бы за Тэнномъ, что дало ему возможность выступить кандидатомъ въ Академiю. Въ 1878 г., послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, онъ былъ наконецъ принятъ въ Академiю и, благодаря добросовѣстной исполнительности, съ которой онъ, какъ и всегда, отнесся къ своимъ академическимъ обязанностямъ, вскорѣ приобрѣлъ значительное влiянiе въ этой новой средѣ.

Весь этотъ перiодъ, начиная съ 1864 г., онъ находился въ исключительныхъ для него благопрiятныхъ условiяхъ. Обязанности экзаменатора въ Saint-Sug давали ему возможность собирать материалъ для своихъ работъ, изучая провинциальное общество, а занятiя въ Ecole des beaux arts отнимали у него незначительную часть времени. Въ первый же годъ своего назначенiя въ Ecole des beaux arts онъ имѣлъ возможность побѣхать на три мѣсяца въ Италию, чтобы отдохнуть послѣ окончательныхъ работъ по англiйской литературѣ. Впрочемъ, это путешествiе не было для него настоящимъ отдыхомъ: онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы изучить современную Италию въ социальномъ и политическомъ отношенiи. Сейчасъ-же по возвращенiи его изъ этого путешествiя, стали появляться въ печати одна за другою нѣсколько отдѣльныхъ статей, изданныхъ позднѣе, подъ общимъ заглавiемъ «la Philosophie de l'art». Издавая въ то же время свои «Nouveaux Essais de critique et d'histoire», онъ находилъ отдыхъ отъ болѣе серьезныхъ заботъ, сопряженныхъ съ его профессорскою дѣятельностью, въ новой литературной работѣ—«la Vie parisienne» или «la vie et opinion de Thomas Graindorge», представляющей собою собранiе всѣхъ его замѣтокъ относительно парижской жизни и всего французскаго общества, облеченныхъ въ живую, литературную форму. По окончанiи этого произведенiя, онъ посвятилъ цѣлыхъ два года на сочиненiя по философи, материалъ для котораго собиралъ въ продолженiи многихъ лѣтъ и въ которомъ изложилъ свою теорiю разума. Но работа надъ этимъ сочиненiемъ не была для него утомительною, такъ какъ представляла собою изложенiе идей, естественно и послѣдовательно вытекающихъ изъ всѣхъ его философскихъ размышленiй.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, условiя жизни его вполне измѣняются. Въ 1868 г. Тэнъ женился на m^{lle} Денюзалль, дочери извѣстнаго архитектора. Не чувствуя себя болѣе одинокимъ, онъ охотно порвалъ обязательныя для него до тѣхъ поръ сношенiя съ обществомъ, оставаясь въ то-же время центромъ, вокругъ котораго

группировались ученые, литераторы и артисты. Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ въ прибрѣтенномъ имъ имѣніи, на берегу озера Аннеси, въ кругу близкихъ людей, которые пріѣзжали гостить къ нему. Въ создавшейся такимъ образомъ семейной жизни онъ находилъ спокойствіе и отдыхъ, которые были необходимы ему, чтобы снова приняться за трудныя литературныя работы.

Его путешествія по Франціи, Итали и Англии дали ему богатый матеріалъ для его сочиненій. Но съ Германіей онъ былъ мало знакомъ и, считая ея достойной изученія въ политическомъ отношеніи, въ 1870 г. предпринялъ путешествіе за границу. Но онъ посѣтилъ только нѣкоторые изъ ея городовъ, когда семейный трауръ и объявленіе войны побудили его вернуться во Францію. По возвращеніи изъ-за границы, проведя годъ въ Турѣ, въ дни политическаго разгрома и нравственнаго упадка въ обществѣ, онъ хорошо ознакомился съ недостатками общественнаго строя. Онъ былъ потрясенъ событіями войны и возмущенъ условіями мира и ужасами коммуны. Все это побудило его высказать свой образъ мыслей въ двухъ статьяхъ, носящихъ соціально-политическій характеръ, и принять дѣятельное участіе въ созданіи школы политическихъ наукъ, въ которой онъ видѣлъ одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для улучшенія общественнаго положенія. Вообще, событія этого года имѣли большое вліяніе на образъ его мыслей. Онъ попрежнему былъ увѣренъ, что наука должна играть важную роль въ политическихъ соображеніяхъ, но въ самой этой увѣренности было теперь менѣ отвлеченности. Въ возможности открывать и точнѣе опредѣлять общественное зло онъ видѣлъ цѣль науки и къ его работѣ примѣшивается съ этихъ поръ постоянное желаніе пранести этимъ хоть нѣкоторую пользу обществу, увѣренность, что впослѣдствіи наукѣ удастся открыть средство для искорененія зла. Послѣдней его работой было его сочиненіе «*les Origines de la France contemporaine*». Не смотря на ухудшающееся здоровье, онъ работалъ надъ нимъ много лѣтъ съ необычайной энергіей. Онъ считалъ необходимымъ прибрѣсти званія спеціалиста по всѣмъ статьямъ, о которыхъ ему приходилось говорить въ этомъ сочиненіи, и всю черновую подготовительную работу онъ велъ самъ, разбираясь во всевозможныхъ печатныхъ и рукописныхъ текстахъ и дѣлая массу замѣтокъ. Для этой работы онъ отказался въ 1884 г. даже отъ преподаванія въ Ecole des beaux arts. Но произведеніе это осталось неоконченнымъ. Въ 1892 г., осенью, Тэнъ заболѣлъ и 5-го марта 1893 г. его не стало.

Не касаясь философскихъ, научныхъ и общественныхъ убѣжденій Тэна, статья г. Моно рисуетъ его личность и его жизнь, обличающую въ немъ прежде всего необычайную умственную энергію и рѣдкое умѣнье работать и пользоваться своимъ временемъ и своими силами. Быть можетъ невольно и безсознательно, авторъ даетъ въ характеристикѣ Тэна весьма типическое изображеніе французскаго ученаго вообще—съ его живостью воображенія, съ его способностью къ популярному, образному и не лишнему ораторскимъ эффектамъ устному или письменному преподаванію, съ его склонностью укладывать свое міровоззрѣніе въ отчетливыя, стройныя, но подчасъ нѣсколько искусственныя и одностороннія формулы.

Усиѣхи начальнаго образованія въ Петербургѣ. Половъ живого интереса отчетъ исполнительній коммисіи по народному образованію въ Петербургѣ, читанный на актѣ начальныхъ училищъ 30 мая предсѣдателемъ училищной коммисіи при столичной городской думѣ, М. М. Стаскулевичемъ. Отчетъ прежде всего свидѣлствуетъ, что въ городскія начальныя училища наплывъ дѣтей все возрастаетъ съ каждымъ годомъ и, въ тѣ годы, когда дума открываетъ мало новыхъ училищъ (въ прошломъ году ихъ было открыто вновь всего 9), существующія начинаютъ переполняться; такъ въ минувшемъ учебномъ году во

многихъ училищахъ было по 60, а въ нѣкоторыхъ даже около 70 учениковъ, что, несомнѣнно, не можетъ не отзываться вредно на здоровьѣ какъ учащихся, такъ и учащихся. Поэтому Думою постановлено открыть въ слѣдующемъ учебномъ году 20 новыхъ училищъ.

Мужскихъ училищъ имѣлось въ отчетномъ году 162, а женскихъ 135; тѣмъ не менѣе, число учащихся дѣвочекъ достигло 45%: изъ 15.000 общаго числа учащихся нынѣ обучается 7,000 дѣвочекъ, тогда какъ 17 лѣтъ тому назадъ, при приѣмѣ начальныхъ училищъ въ вѣдѣніе города, число обучавшихся дѣвочекъ не превышало 22%. Окончило въ нынѣшнемъ году 2,498 дѣтей обоего пола изъ числа 2,506, допущенныхъ комиссіею къ публичному экзамену, т. е. 99,68%.

Внѣшняя обстановка городскихъ училищъ, помѣщающихся въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ квартирахъ, занимаемыхъ для нихъ въ частныхъ домахъ, казалось-бы, не можетъ быть именно влѣдствіе этого вполне удовлетворительною. Однако и тутъ заботы училищной комиссіи очевидны; такъ напр., изъ 297 училищъ только 19 не имѣли рекреационныхъ комнатъ, медицинское пособіе учащимся было оказано въ 30,500 случаяхъ, а заболѣвавшихъ учащихся комиссія замѣчала запасными, что вызвало у думы расходъ въ 6,178 р.

Въ высшей степени интересны и общія цифры расходовъ столицы на народное образованіе. Въ 1893 г. весь расходъ исчисляется въ 644,027 руб., и составляетъ 7% всего городского бюджета обыкновенныхъ расходовъ. Изъ этой суммы наибольшая часть израсходована на городскія начальныя училища, а именно 581,067 руб., т. е. 90% (изъ нихъ свыше 215,000 руб. пошло на наемъ училищныхъ квартиръ); остальные 10% училищнаго бюджета распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на воскресныя школы 4,200 руб., на безплатныя читальни 6,000 руб., на высшее народное образованіе 9,059 руб., на профессиональное образованіе 15,500 руб., на центральное управленіе училищъ 28,200 руб. Отсюда видно, что кромѣ содержанія начальныхъ училищъ, столичная дума заботится о распространеніи образованія и другими путями: въ истекшемъ учебномъ году воскресныхъ школъ въ городѣ было 12, и въ среднемъ на каждую приходилось по 50 человѣкъ; окончило курсъ 55 учащихся (37 мужскаго и 18 женскаго пола). Дѣтъ городскія читальни содержатъ въ себѣ 13,000 томовъ; первая имѣла 19,000 посѣдненій, а вторая около 8,000; большинство изъ нихъ составляли между взрослыми—рабочіе (свыше 4,300), а между малолѣтними—учащіеся въ начальныхъ школахъ (до 8,000). Для учащихся-же имѣется при комиссіи особая библіотека съ 12,000 томовъ.

Такова внѣшняя обстановка начальнаго образованія въ столицѣ. Что-же касается его характера, то находимъ въ отчетѣ за 1893 г. слѣдующія указанія училищнаго совѣта: «Въ поведеніи учащихся не наблюдалось случаевъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей. Прохожденіе предметовъ велось съ должною успѣшностью, учащіеся въ большинствѣ школъ быстро научались грамотѣ, сознательно относятся къ читаемому, умѣло рѣшаютъ ариѣметическія задачи; письменныя работы велись опрятно и аккуратно исправлялись учащими; ученики и ученицы старшихъ отдѣленій научились писать съ возможнымъ для нихъ соблюденіемъ орфографическихъ правилъ». Предѣлательство въ комиссіи, на основаніи новаго Городоваго Положенія, возложено не на члена городской управы, а на особое лицо, съ тѣмъ, чтобы оно могло посвятить все свои силы на такое специальное дѣло, не отвлекаясь исполненіемъ обязанностей, общихъ ему со всѣми другими членами управы.

Однако, и въ этомъ отрядномъ по цифрамъ и фактамъ отчетѣ есть замѣчаніе, краснорѣчиво свидѣтельствующее, что уснокопиться на этомъ нельзя и что состоянію народнаго образованія въ столицѣ далеко еще до желательной пол-

ноты. Дѣло въ томъ, что начальныя народныя училища въ общей системѣ народнаго образованія составляютъ, какъ это ясно выражено и въ самомъ ихъ названіи *начальныхъ* училищъ, лишь низшую ступень или два младшихъ отдѣленія полнаго 4-хъ класснаго городского училища. До передачи начальныхъ училищъ въ вѣдѣніе городской думы такихъ начальныхъ училищъ, низшихъ народныхъ, было 16, а четырехклассныхъ, высшихъ народныхъ училищъ—6, что представляло тогда вполне нормальное отношеніе числа низшихъ народныхъ училищъ къ высшимъ. Но переданы были городу только низшія училища, высшія-же остались попрежнему въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Городъ съ перваго же года управленія низшими училищами началъ увеличивать ихъ число и довелъ его до 300; между тѣмъ, министерство народнаго просвѣщенія ничего не дѣлало для того, чтобы увеличивать число высшихъ, т. е. четырехклассныхъ народныхъ училищъ. И такъ, пропорція, когда-то вполне нормальная, въ непродолжительномъ времени обратилась въ уродливую. За малымъ количествомъ четырехклассныхъ министерскихъ училищъ, дѣтямъ, окончившимъ двухклассную думскую школу, дѣваться некуда. Объ этомъ порабы серьезно подумать и постигнуть возможно бѣльшимъ открытіемъ высшихъ народныхъ училищъ въ столицѣ, а то для весьма многихъ дѣтей, прошедшихъ думскую начальную школу и желающихъ продолжать ученіе, дальнѣйшее образованіе со всѣми своими благодатными послѣдствіями закрыто.

Л. Н. Толстой о языкѣ эсперанто. Заимствуемъ изъ № 24 газеты «Нелѣя» письмо гр. Л. Толстого въ отвѣтъ на обращеніе къ нему «эксперантистовъ». Идея международнаго языка, связанная съ идеею братства и даже слиянія всѣхъ національностей, вопреки ихъ расовымъ и инымъ особенностямъ, не могла не найти сочувствія въ человѣкѣ, положившемъ въ основу всѣхъ своихъ воззрѣній начало христіанской любви. Вотъ письмо гр. Л. Толстого:

«Милостивые Государи!

«Я получилъ ваши письма и постараюсь какъ съумѣю исполнить ваше желаніе, т. е. высказать свое мнѣніе о мысли вообще всенароднаго языка и о томъ, насколько языкъ эсперанто соотвѣтствуетъ этой мысли.

«Въ томъ, что люди идутъ къ тому, чтобы составить одно стадо съ однимъ пастыремъ разума и любви и что одной изъ ближайшихъ предшествующихъ ступеней этого должно быть взаимное пониманіе людьми другъ друга, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Для того-же, чтобы люди понимали другъ друга, нужно или то, чтобы всѣ языки сами собой слились въ одинъ (что если и случится когда-либо, то только черезъ большое время), или то, чтобы знаніе всѣхъ языковъ такъ распространилось, чтобы не только всѣ сочиненія были переведены на всѣ языки, но и всѣ бы люди знали такъ много языковъ, чтобы всѣ имѣли возможность на томъ или другомъ языкѣ сообщаться другъ съ другомъ, или то, чтобы былъ избранъ всѣми одинъ языкъ, которому обязательно обучились-бы всѣ народы, или, наконецъ, то (какъ это предполагается волапюкистами), чтобы всѣ люди разныхъ народностей составили-бы себѣ одинъ международный облегченный языкъ и всѣ обучились ему. Въ этомъ состоитъ мысль эсперантистовъ. Мнѣ кажется, что это послѣднее предположеніе самое разумное и, главное, скорѣе всего осуществимое.

«Такъ я отвѣчаю на первый вопросъ. На второй вопросъ—насколько языкъ эсперанто удовлетворяетъ требованіямъ международнаго языка, — я не могу отвѣтить рѣшительно. Я не компетентный судья въ этомъ. Одно, что я знаю, это то, что волапюкъ оказался мнѣ очень сложнымъ. эсперанто-же, напротивъ, очень легкимъ, какимъ онъ долженъ показаться всякому европейскому человѣку. (Я думаю, что для всемірности въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. для того, чтобы соединить китайцевъ, африканскихъ народовъ и пр., понадо-

бится другой языкъ, но для европейскаго человѣка эсперанто чрезвычайно легко). Легкость обученія его такова, что получивъ лѣтъ шесть тому назадъ эмперантскую грамматику, словарь и статьи, написанныя на этомъ языкѣ, я послѣ не болѣе двухъ часовъ занятій былъ въ состояннн если не писать, то свободно читать на этомъ языкѣ.

«Во всякомъ случаѣ, жертвы, которыя принесеть каждый человѣкъ нашего европейскаго міра, посвятивъ нѣсколько времени на изученіе этого языка, такъ незначительны, а послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ усвоенія всѣми, — хотя бы только европейцами и американцами—всѣми христіанами,—этого языка, такъ огромны, что нельзя не сдѣлать этой попытки. Я всегда думалъ, что нѣтъ болѣе христіанской науки, какъ знаніе языковъ, то знаніе, которое даеть возможность общенія и единенія съ наибольшимъ количествомъ людей. Я не разъ видалъ, какъ люди становились во враждебныя отношенія другъ къ другу только отъ механическаго пренятія къ взаимному пониманію. И потому изученіе эсперанто и распространеніе его есть несомнѣнно христіанское дѣло, способствующее установленію Царства Божія, того дѣла, которое составляетъ главное и единственное назначеніе жизни человѣческой.

Левъ Толстой».

27-го апрѣля 1894 г.

«Недѣля» сопровождаетъ это письмо краткимъ перечнемъ различныхъ попытокъ созданія всемірнаго языка и въ заключеніе даеть слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о происхожденнн и распространѣннн языка «эсперанто»: «Въ концѣ 1887 года появилась первая брошюра о новомъ международномъ языкѣ «эсперанто». Изобрѣлъ этотъ языкъ русскій докторъ Заменгофъ. Онъ издалъ эту первую брошюру подъ псевдонимомъ «Эсперанто», ставшимъ потомъ названіемъ языка. (Эсперанто — значить надѣющійся. На печати эсперантскихъ клубовъ нарисованъ земной шаръ, обвитый одной лентой съ надписью «Espero» (падежда), съ якоремъ, символомъ надежды,—въ знакъ упованія эсперантистовъ, что всѣ народы земного шара будутъ сообщаться на всемірномъ языкѣ).

Корни словъ эсперанто заимствованы изъ нѣсколькихъ европейскихъ языковъ. Грамматика упрощена до послѣдней степени, такъ-что умѣщается вся на четырехъ страничкахъ. Весь трудъ изученія языка сводится къ изученію этой грамматики и 900 коренныхъ словъ. Языкъ этотъ звученъ и мягокъ и очень напоминаетъ итальянскій.

Въ настоящее время существуютъ учебники эсперанто на 17 языкахъ — славянскихъ, германскихъ, романскихъ, литовскомъ и еврейскомъ. Имѣются уже переводы на эсперанто еврейскихъ писателей, а также и оригинальныя сочиненія, написанныя прямо на этомъ языкѣ. Съ конца-же 1889 г., въ Нюрнбергѣ, въ Германіи, стала выходить газетка на языкѣ эсперанто подъ названіемъ «Esperantisto». Явились и клубы эсперантистовъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Два года тому назадъ и въ Петербургѣ открылось общество «Эсперо» для изученія и распространенія этого языка.

Втеченіе шести лѣтъ со времени появленія перваго руководства къ эсперанто, число изучившихъ его лицъ въ разныхъ мѣстахъ Европы понемногу все увеличивается. Появились эсперантисты и въ другихъ частяхъ свѣта. Конечно, число лицъ, изучившихъ этотъ языкъ, еще весьма незначительно для того, чтобы языкъ этотъ могъ достаточно широко служить цѣлямъ международнаго общенія. Все значеніе и судьба его—въ будущемъ. Время покажетъ, насколько можетъ онъ выполнить свою задачу».

Правда и ложь въ искусствѣ. Въ газетѣ «Новости», отъ 21-го мая с. г., напечатано интересное письмо изъ Парижа извѣстнаго скульптора Антокольскаго подъ заглавіемъ «Правда и ложь въ искусствѣ». Приводимъ это письмо цѣпкомъ:

«Пишу по поводу выставки на Марсовомъ полѣ. Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, но предупреждаю—впечатлѣніе мое далеко не отраднo. Ходилъ я туда нѣсколько разъ и что-же я видѣлъ, что вынесъ? Ничего!.. Нѣтъ, хужь: какое-то тяжелое, свинцовое чувство... Можетъ быть, тутъ и творится что-то новое, можетъ быть, явится художникъ, который соберетъ всѣ его зачатки и создастъ изъ нихъ что-нибудь цѣльное, законченное; повторяю—*можетъ быть*, но вѣроятіе всего, и того не будетъ, просто потому, что дальше идти некуда..

Тутъ на выставкѣ я видѣлъ фіолетовыя лица, портреты въ китайскомъ вкусѣ, фигуры въ сумеркахъ,—длинные до безконечности, тощія, какъ засохшія вѣтви; я видѣлъ, какъ молодые художники прикидываются стариками и играютъ въ аскетизмъ и какъ старики впадаютъ въ дѣтство и наивничаютъ.. Словомъ, я видѣлъ импрессионистовъ, символистовъ, прерафаэлитовъ; я видѣлъ здѣсь спиритизмъ, католицизмъ безъ вѣры, безъ сочувствія; я видѣлъ явное ханжество, ложь или бредъ больныхъ людей, а затѣмъ—бракъ: опыты начинающихъ художниковъ. Наконецъ, только изрѣдка, то тутъ, то тамъ, какъ ночные фонари, виднѣются и произведенія опытныхъ художниковъ стараго закала.

Не вѣрится, чтобы импрессионисты, которые такъ громко протестовали противъ всего условнаго, говорили, что искусство изолгалось, что не надо хитрить и лукавить, а надо дѣлать то, что видишь и какъ видишь,—не вѣрится, чтобы они или ихъ послѣдователи дошли до такой явной фальши. Ихъ искусство не основано на правдѣ, ихъ фантазія—не фантазія здоровыхъ художниковъ, а бредъ больныхъ людей. Бредятъ въ композиціи, въ краскахъ; бредъ перешелъ въ скульптуру, въ художественную индустрію и даже на афиши.. Нѣтъ сомнѣнія, что между ними есть и люди талантливые.. Еще-бы! Но, вѣдь, есть и сумасшедшіе, которые цѣлый день будутъ говорить съ вами, какъ здоровые, пока не коснутся пункта ихъ помѣшательства.

Но необходимо оговориться. Я не противъ новыхъ попытокъ въ искусствѣ. Съ какой стати?! Напротивъ, я радуюсь, какъ и каждый, всякой новизнѣ и всякому здоровому почину. Чѣмъ меньше шаблонности, чѣмъ больше самостоятельности,—тѣмъ лучше. Но быть оригинальнымъ и оригинальничать, быть искреннимъ и казаться искреннимъ, наконецъ, быть маленькимъ и драпироваться въ тогу великана—это далеко не одно и то-же.. Насколько хорошо одно, настолько смѣшно и досадно другое. Но досаднѣе всего то, что эти кажущіеся или дѣйствительные сумасшедшіе—правы! Удивляетесь?—Да, правы,—по своему: только крайность можетъ вызвать такую противоположную крайность. Правы,—какъ протестъ содержанія противъ формы, духа противъ матеріи; протестъ противъ эпикурейскаго и плотояднаго искусства!

Французское искусство выравъ гордится своей традиціей, своей техникой, а главное—своимъ вкусомъ. Но, въ большинствѣ случаевъ, оно подобно обширному луговому разливу, въ которомъ играетъ солнечное отраженіе: имъ любуются, на него засматриваются, оно ласкаетъ глазъ, оно широко, но не глубоко... Впрочемъ, о теперешнемъ искусствѣ во Франціи—въ другой разъ,—теперь-же мнѣ хочется поговорить только о выставкѣ.

Обращаюсь къ фактамъ. Укажу на нѣкоторые изъ нихъ, менѣе крайніе, болѣе умѣлые и болѣе характерные, которые прошли сквозь строгую критику журн. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза,—это изображеніе искушенія св. Антонія: святой, по обыкновенію, среди соблазнительныхъ дочерей Евы, но тутъ, почему-то на первомъ планѣ, какой-то римскій императоръ съ окровавленными руками, какая-то фигура съ сдернутымъ черепомъ, который она держитъ въ рукахъ, всматриваясь въ него какими-то фосфорическими глазами.. Поняли? А, вѣдь, художникъ обладаетъ техникой, картина до извѣстной сте-

нони прочувствована; но, Боже мой, что случилось съ его головой?! Другая картина на ту-же тему—художника, прославившагося три года тому назадъ картиною «Христосъ среди фарисеевъ». Тогда онъ изобразилъ Христа въ традиціонномъ костюмѣ, съ ореоломъ вокругъ головы, очутившагося въ парижскомъ салонѣ на вечерѣ. Гости только-что встали изъ-за стола,—все это портреты извѣстныхъ всему Парижу лицъ,—всѣ они во фракахъ и бѣлыхъ галетухахъ, нюютъ кофе, курятъ и весело поглядываютъ на Христа,—и только одна дама въ кисейномъ платьѣ простерлась передъ Нимъ ницъ, на полу. Годъ спустя, тотъ-же художникъ выставилъ Христа, распятаго на вершинѣ Монмартра, гдѣ тамошніе жители сочувственно окружаютъ его и одинъ рабочій въ синей блузѣ грозитъ оттуда кулакомъ Парижу. Теперь-же, какъ я уже сказалъ, онъ выставилъ картину: «Искушеніе св. Антонія». Святой—просто соврѣменный портретъ извѣстной парижской личности, человѣка среднихъ лѣтъ, толстаго, сладострастнаго, который сидитъ за письменнымъ столомъ, пишетъ и куритъ, а на плечахъ у него помѣстились двѣ соблазнительницы—бульварныя феп—excusez moi—совсѣмъ безъ костюмовъ... Хорошо!

Далѣе, нѣсколько картинъ одного и того же художника, который доказалъ, какъ дважды-два—четыре, что изъ одной и той же модели можно сдѣлать все, что угодно. Сперва вы видите просто портретъ молодой дѣвушки, сидящей у окна, затѣмъ вы видите ее же бродящей въ грязи по колѣна, въ видѣ какой то феп; наконецъ, блуждающей въ лѣсу подъ другимъ именемъ... Хорошо? Но вотъ искусство будущаго: портретъ молодого человѣка—узкій и длинный, написанный на узкомъ и длинномъ холстѣ, въ щели между двумя половниками дверей; молодой человѣкъ въ черномъ костюмѣ, на черномъ фонѣ подъ стекломъ, такъ что видны только лицо и одна желтая перчатка...

Но самое поразительное, самое тяжелое, безотрадное впечатлѣніе производитъ картина подъ заглавіемъ: «Все мертво!». Представьте себѣ пропасть, наполненную милліонами тѣлъ, убитыхъ камнями дождемъ... Тутъ представлѣны—церковь, правосудіе, невѣста, старые, молодые, жадные и отчаянные, добрые и злые... Все это грудями навалено другъ на друга. Изъ нѣдръ земли поднимаются огненные языки и сожигаютъ все. А на верху видны Саваоѣвъ, въ ужасѣ закрывшій лицо руками, окруженный сонмомъ ангеловъ, которые продолжаютъ бросать камнями... Что за фантазія, какой талантъ и сколько несимбиозма! Можно подумать, что художникъ написалъ эту картину наканунѣ самоубійства.

И все это творится въ Парижѣ,—вѣчно веселомъ и улыбающемся Парижѣ,—точно гробовой голось съ раскатами грома пропесеня надъ нимъ. И сколько появилось кающихся, сколько святыхъ Магдалинъ!.. Надолго-ли?—можетъ быть, скажутъ: «О, Парижъ—Содомъ и Гоморра!». Успокойтесь! Я говорилъ о тѣневой сторонѣ здѣшней жизни, а не о солнечной. Я говорю о береговыхъ волнахъ, которыя шумятъ, больше чѣмъ тѣ, что среди моря. Не судите о Франціи по ея повседневному вспышкамъ, по ея увлеченіямъ и бульварнымъ крикамъ. Все это похоже на свистъ локомотива; на его дымъ, на избытокъ пара которые на минуту оглушаютъ и отуманиваютъ васъ, но сама грузная машина быстро и легко несется прямо по проложенной для нея дорогѣ. Франція велика, одинакова какъ въ своемъ подъемѣ, такъ и въ своемъ паденіи. И съ одинаковой силой она влечетъ за собою всю Европу. Такова она, вообще,—такова она и въ искусствѣ.

Ужь не говоря о салонѣ Champs Elysées, гдѣ можно видѣть настоящее французское искусство и его могучую технику,—о чемъ я поговорю въ слѣдующій разъ,—даже и на выставкѣ на Марсовомъ полѣ, о которой я говорю теперь,—есть вещи понтипѣ замѣчательныя. Внизу, въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ, выставлены работы художника Джемса Тиссо—онъ одинъ изъ немногихъ въ Па-

рижѣ, которые могутъ приводить въ восторгъ. Эготъ художникъ выставилъ 350 акварелей, небольшихъ по размѣру,—маленькихъ, какъ золото. Всѣ онѣ изображаютъ исторію земной жизни Иисуса Христа. За эту тему брались многіе художники; многіе старались проникнуться исторической правдой, но, мнѣ кажется, никто не достигъ такой цѣльности, какъ онъ. Многіе изображали сюжетъ исторически, но не догматически, и наоборотъ. Тиссо-же сумѣлъ просто и наглядно показать, какъ христіанская религія возникла въ былое время на востокѣ, и этимъ примирилъ всѣхъ. Сперва вы видите тихую трудовую жизнь святого Иосифа, затѣмъ Введеніе, Благовѣщеніе, рожденіе Христа, поклоненіе волхвовъ, дѣтство и отрочество Христа, Его дѣянія, чудеса, грубое и жестокое насиліе надъ Нимъ, съ одной стороны, и страданіе—съ другой, распятіе, смерть, Воскресеніе и, наконецъ, религіозный экстазъ. И все это трактовано такъ смѣло, такъ оригинально, а главное—такъ искренно и симпатично ..

Не знаю, видѣлъ-ли Тиссо изданіе эскизовъ для иллюстраціи Библии покойнаго нашего Иванова. Можетъ быть, нѣтъ... можетъ быть, тутъ гениіи встрѣтились, но нѣкоторыя изъ композицій Тиссо сильно напоминаютъ мнѣ Иванова, въ особенности тамъ, гдѣ оба касаются Ассиріи. И какъ подумаешь, что Ивановъ работалъ въ томъ-же направленіи 30—40 лѣтъ тому назадъ! Боже мой, какъ мы иногда жестоки къ своимъ!..

Несомнѣнно, и кромѣ Тиссо есть на этой выставкѣ художники съ большими достоинствами, между прочимъ, и наши русскіе, но ихъ крайне мало; притомъ-же, на этотъ разъ мнѣ хотѣлось только охарактеризовать новыя теченія въ французскомъ искусствѣ, которыми увлекается теперешняя молодежь.

Чуть не забылъ о скульптурѣ. Это было-бы непростительно, особенно мнѣ—скульптору... Но что мнѣ сказать?—Ея тутъ мало, и она плоха... Та-же несообразность, бессмыслица и отчасти безгалантность, что и въ живописи. Скульпторамъ—*incobérents*—почему-то особенно поправилось изображать... спины. Спина на выставкѣ преобладаютъ. Не шучу,—говорю то, что есть, да и не до смѣху тутъ!.. Представьте себѣ глыбу мрамора: по обѣимъ сторонамъ вырублено двѣ спины, гдѣ-то торчатъ кисть руки—и только!.. Что это? Недоконченное безмертное твореніе? Нисколько. Оказывается, что творецъ живъ и продолжаетъ въ томъ-же родѣ .. И вы думаете, что онъ единственный?.. Повторяю — спины преобладаютъ».

† **Н. М. Астыревъ.** Астыревъ родился въ Тихвинѣ въ 1857 г., 16 ноября. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ былъ окруженъ богатой обстановкой, но потомъ, влѣдствие измѣнившихся семейныхъ обстоятельствъ, онъ былъ отданъ въ пансіонъ при 1-й петербургской гимназіи и уже 14-ти лѣтъ принужденъ былъ давать уроки для добыванія средствъ къ жизни. Не смотря на всѣ препятствія, Астыревъ все-таки окончилъ въ 1878 году московское реальное училище и, вернувшись въ Петербургъ, осенью того же года поступилъ въ институтъ инженерно-путей сообщенія. Передъ Н. М. открывалась довольно гладкая дорога, ида по которой онъ могъ современемъ дойти до степеней извѣстныхъ и пользоваться всеми благами жизни, доступными современному культурному обывателю. Но очевидно эта гладкая дорога не представлялась Астыреву особенно заманчивой, и въ маѣ мѣсяцѣ 1881 года онъ оставилъ и Институтъ и Петербургъ и взялъ мѣсто волостного писаря въ одномъ изъ уѣздовъ Воронежской губерніи. Астыреву, какъ онъ самъ писалъ впоследствии, хотѣлось живой дѣятельности, хотѣлось общенія съ живыми людьми, хотѣлось доказать самому себѣ свою пригодность на служеніе истиннымъ общественнымъ нуждамъ, а не на одно только служеніе интересамъ различныхъ «компаній и товариществъ». Ему казалось, что такое служеніе возможно только въ деревнѣ. Жизнь показала Астыреву.

что и въ деревнѣ такое служеніе далеко не всегда возможно, и 1884 году, благодаря интригамъ мѣстныхъ кулаковъ, Н. М. принужденъ былъ оставить мѣсто волостного писаря и съ этого времени начинается его дѣятельность въ качествѣ статистика. Свое пребываніе въ должности волостного писаря Астыревъ описалъ въ извѣстныхъ очеркахъ «Въ волостныхъ писаряхъ», напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1885 г., а въ 1886 г. вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Свои статистическія работы Астыревъ началъ подъ руководствомъ извѣстнаго статистика, В. П. Орлова и результаты своихъ наблюденій помѣщалъ въ «Ежегодникѣ Московскаго губернскаго земства» и въ «Юридическомъ Вѣстникѣ». Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ Астыревъ въ качествѣ уже извѣстнаго статистика былъ приглашенъ Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ для обширныхъ работъ, предпринятыхъ по изслѣдованію Иркутской и Енисейской губерній. Добытые матеріалы были обработаны и изданы Астыревымъ въ 90—91 годахъ.

Кромѣ работъ по статистикѣ, Н. М. не оставлялъ и литературныхъ занятій, такъ удачно имъ начатыхъ очерками «Въ волостныхъ писаряхъ». Онъ писалъ очерки изъ пародной жизни для «Русской Мысли», «Вѣстника Европы», «Русскихъ Вѣдомостей» и не задолго до смерти имъ были посланы полубеллетристическіе очерки подъ заглавіемъ «Въ званіи филантропа», въ которыхъ онъ описываетъ различныя мѣропріятія, принимавшіяся для борьбы съ голодомъ 1892 года.

Въ 1891 году очерки Астырева были изданы двумя отдѣльными книжками подъ заглавіями «Деревенскіе тицы и картинки» и «На тасяныхъ прогалинахъ». Въ самое последнее время, послѣ нѣкотораго перерыва своей дѣятельности, Астыревъ, не смотря на тяжкую болѣзнь, совершенно разстроившую его въ началѣ весьма крѣпкій организмъ, мечталъ о литературной работѣ, но дни его уже были сочтены, первый ударъ ускорилъ ходъ болѣзни и Астырева не стало. Послѣ него осталась жена и маленькая дочь, предоставленная заботамъ тѣхъ, кто можетъ оцѣнить свѣтлую личность покойнаго Астырева, который отъ начала и до конца дней своихъ былъ безукоризненно честнымъ человѣкомъ, непоколебимо стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, человѣкомъ, не шедшимъ на компромисы въ намѣ богатое компромисами время.

† Н. М. Ядрищевъ. Николай Михайловичъ Ядрищевъ былъ сынъ пермекаго куша, переѣхавшаго въ Сибирь. Родился онъ въ Омскѣ въ 1842 г., учился онъ сначала въ томекой гимназіи, а въ 60 году онъ уже былъ въ Петербургѣ, откуда въ то время уже долетали въ разные уголки Россіи какія-то радостныя и тревожныя вѣсти, волновавшія чужихъ людей. Когда 18-ти лѣтній Ядрищевъ попалъ въ кружокъ сибиряковъ-студентовъ, онъ сразу окунулся въ атмосферу самыхъ пылкихъ надеждъ и восторженныхъ плановъ. Ему, какъ и большинству его товарищей, было такъ ясно, что его родина Сибирь, векормившая, вспоившая его, только того и ждетъ, чтобы сынъ ея вернулся и отдалъ бы свой долгъ, внеся свѣточъ знанія, цивилизаціи въ темноту народныхъ массъ. Сибирь страна дикая, мало изслѣдованная, ее надо просвѣтить, открыть какъ можно больше школъ, разобраться въ тѣхъ матеріалахъ, которые имѣются, собрать новыя матеріалы, узнать свою страну, создать мѣстную сибирскую печать, устроить университетъ и т. д. и т. д. Съ такими приблизительно мыслями, пробывъ три года вольнослушателемъ, возвратился Ядрищевъ въ Сибирь, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ товарищей сибиряковъ, и съ свойственнымъ ему жаромъ принялся за работу. Онъ прочелъ въ Омскѣ блестящую лекцію, въ которой доказывалъ необходимость созданія университета и обращался къ обществу съ приглашеніемъ жертвовать деньги для этой цѣли. Сибиряки откликнулись на горячій призывъ молодого человѣка и были собраны не малыя суммы. Въ то же

время Ядринцевъ отдается публицистической дѣятельности и работаетъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» и «Томскихъ Губернск. Вѣдом.». Онъ и его товарищи всѣми силами будятъ общество, вызывая его къ дѣятельности, къ энергичной умственной жизни. Но тутъ является неожиданный перерывъ или, если и не перерывъ, то во всякомъ случаѣ ослабленіе дѣятельности, вызванное извѣстнымъ процессомъ о сибирскомъ сепаратизмѣ. Въ настоящее время самая мысль о возможности отдѣленія Сибири отъ Россіи покажется смѣшною и странной, а въ то время это не казалось смѣшно и Ядринцевъ поплатился ссылкой въ Архангельскую губернію, гдѣ и прожилъ до 1874 года, когда получилъ помплованье. Во время своего пребыванія въ Архангельскѣ Ядринцевъ всетаки продолжалъ работать надъ изученіемъ Сибири. Онъ писалъ въ различныхъ журналахъ, а въ 1872 году онъ издалъ свою книгу «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». «Искреннимъ желаніемъ автора, говорится въ предисловіи къ этому труду, — было содѣйствовать выработкѣ рациональной системы исправленія, которая-бы, давая полныя гарантіи общественной безопасности, могла возможно болѣе благоприятствовать перевоспитанію человѣка и его нравственному совершенствованію».

Эта работа Н. М. была замѣчена и впоследствии послужила цѣннымъ матеріаломъ для комиссіи по вопросу о реформѣ ссылки и тюремъ. Въ 73 и 74 годахъ Ядринцевъ продолжалъ писать въ различныхъ журналахъ и газетахъ по различнымъ вопросамъ, касавшимся Сибири, и между прочимъ опять выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей о ссылкѣ. Въ 75 году онъ принялъ дѣятельное участіе въ только что основанной газетѣ «Сибирь», а въ 1875 году бывшій ссыльный былъ приглашенъ на службу генераль-губернаторомъ западной Сибири, Казнаковымъ. Теперь для Ядринцева открылось широкое поле дѣятельности. Онъ снова былъ въ дорогой для него Сибири и могъ безпрепятственно отдаться ея изученію. Онъ составилъ въ это время программу для изученія сибирскихъ инородцевъ, для изслѣдованія сельской общины въ Сибири, и неумимо работалъ надъ разнообразными статистическими и этнографическими изысканіями. Онъ путешествовалъ по Алтаю, изучая движеніе и бытъ переселенцевъ, пробрался къ верховьямъ Катуня, осмотрѣлъ Телецкое озеро. Въ 1881 году, оставивъ службу, Ядринцевъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ въ слѣдующемъ году выпускаетъ самое извѣстное свое сочиненіе: «Сибирь, какъ колонія», которое потомъ явилось въ нѣмецкомъ переводѣ. Это сочиненіе было издано Ядринцевымъ къ 300-лѣтію завоеванія Сибири. Въ томъ же 82 году Николаѣ Михайловичъ основалъ еженедѣльную газету: «Восточное Обозрѣніе», съ приложеніемъ книжекъ «Сибирскаго Сборника». Въ это время Ядринцевъ становится центромъ кружка сибиряковъ, живущихъ въ Петербургѣ.

Въ 1885 году Ядринцевъ выпустилъ «Литературный Сборникъ», въ которомъ помѣщено много статей по исторіи и этнографіи Сибири и въ этомъ же году Н. М. уѣхалъ за границу, главнымъ образомъ въ Швейцарію, о которой онъ написалъ цѣлый рядъ очерковъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ опять въ Сибири, изслѣдуя бытъ инородцевъ Минусинскаго края и составляя карты распредѣленія сибирскихъ инородцевъ по губерніямъ. Результатомъ этого путешествія была новая книга: «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе». Одновременно Н. М. интересовался сибирскими древностями, исторіей угро-алтайскихъ племенъ и въ послѣдніе годы своей жизни, путешествуя въ сѣверной Монголіи, онъ открылъ развалины древняго Каракорума и въ долигѣ Орхона нашелъ многочисленныя надписи, заглавшія, какъ оказалось недавно по изслѣдованіямъ проф. Томсена, отрывки исторіи мѣстныхъ царей. Эти открытія надѣлали много шума въ ученomъ мѣрѣ.

Смерть жены сильно падломила душевныя силы Ядринцева. У него не стало друга, товарища по работѣ и опекуна въ житейскихъ дѣлахъ. По своей на-

турѣ, нѣжной и мягкой, Н. М. чрезвычайно нуждался въ заботливомъ уходѣ, ему былъ очень дорогъ тихій семейный очагъ, гдѣ бы онъ могъ отдыхать послѣ своей энергичной работы. Конечно, такой ударъ былъ очень силенъ для нѣжной души Н. М. Но, оправившись немного, онъ опять принялся за работу; въ прошломъ году ѣздилъ въ Америку для изученія колонизаціоннаго дѣла, а весной этого года отправился опять въ свою родную Сибирь, на Алтай, для завѣдыванія статистическимъ бюро. Внезапная смерть прекратила неумолимую дѣятельность этого самоотверженнаго радѣтеля сибирскихъ интересовъ, горячо вѣрившаго въ силы и будущность своей родины. «Если на зарѣ своей исторіи, писалъ Ядринцевъ въ своемъ сочиненіи «Сибирь какъ колонія», наша окраина не видѣла радостныхъ дней, то вѣра въ ея лучшую будущность, вѣра въ счастье и благоденствіе, доступное всемъ народамъ, должна воодушевить и подкрѣпить тѣхъ, кто отдастъ свои силы и трудъ на ея обновленіе».

Н. Н. Ге. Въ ночь съ 1-го на 2-ое іюня скоропостижно скончался отъ паралича сердца на хуторѣ своемъ, близъ Нѣжина, извѣстный художникъ Н. Н. Ге. За нѣсколько недѣль до смерти, мы видѣли его въ редакціи нашего журнала, куда онъ помѣщалъ и предполагалъ помѣщать въ дальнѣйшемъ свои очерки и воспоминанья. Онъ былъ колонокъ бодрости и умственной свѣжести, вдохновенно высказывалъ свои взгляды, объясняющіе все его художественныя произведенія послѣдняго времени, съ блескомъ въ глазахъ говорилъ о своей любви къ жизни и о глубокой величественной таинственности смерти.

Близкій другъ гр. А. Толстого, онъ раздѣлялъ его основныя взгляды, и въ его картинахъ—какъ-бы ни относиться къ отдѣльнымъ его замысламъ и деталямъ исполненія—всегда свѣтилась оригинальная, ищущая новыхъ, неизбитыхъ и вѣрныхъ путей мысль.

Надѣясь дать въ одной изъ ближайшихъ книжекъ болѣе обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго художника, заимствуемъ пока изъ «Русской Жизни» фактическую сторону біографіи художника. Онъ родился въ Воронежѣ въ 1831 г. Окончивъ кіевскую гимназію, онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ кіевского университета, потомъ перешелъ въ петербургскій университетъ, но и здѣсь пробылъ недолго и въ 1850 году поступилъ въ академію художествъ, гдѣ и пробылъ семь лѣтъ. Несмотря на рутину, царившую въ академіи, талантъ Ге былъ замѣчателенъ. За картину «Волшебница андорская вызываетъ тѣнь Самуила для царя Саула» молодой художникъ получилъ первую золотую медаль и посланъ на казенный счетъ за границу. Это время было для нашего общества эпохой возрожденія, эпохой напряженной работы для проведенія въ жизнь лучшихъ реформъ прошлаго царствованія. Ге рассказывалъ, что въ это время ему хотѣлось посредствомъ своего искусства выразить негодованіе противъ рабства и насилія, чтобы хоть этимъ откликнуться на многочисленныя голоса противниковъ крѣпостнаго права. Перебравъ много различныхъ сюжетовъ, Ге остановился на сюжетѣ изъ римской легенды о смерти Виргиніи, послужившей поводомъ къ сверженію децимвировъ. Надъ этой картиной Ге работалъ около двухъ лѣтъ: онъ перечиталъ массу источниковъ, посѣтилъ много музеевъ, отыскалъ наиболѣе подходящія типы, написалъ много этюдовъ къ этой картинѣ, но потомъ разочаровался, пересталъ вѣрить въ важность своей картины и бросилъ ее. Наступило опять время упорнаго исканія цѣли живописи, Ге хватался то за одинъ, то за другой сюжетъ и, наконецъ, вернулся въ Россію въ 1863 году съ знаменитой картиной «Тайная Вечеря», которую, по его словамъ, онъ написалъ въ двѣ недѣли. За эту картину Императоръ Александръ II заплатилъ 10,000 рублей, и Ге былъ назначенъ профессоромъ академіи. Послѣ этого Ге опять уѣхалъ за границу, гдѣ написалъ новыя картины: «Вѣтвникъ Воскресенія» и «Христосъ въ Геф-

симанскомъ салу». Кромѣ этихъ картинъ, Ге написалъ еще портретъ Герцена незадолго до его смерти.

Читая очень много историческихъ сочиненій, Ге не могъ не остановиться на крупной фигурѣ Петра I и давно задумалъ изобразить какой-нибудь изъ моментовъ жизни царя-преобразователя въ своей знаменитой картинѣ «Петръ I и царевнчъ Алексѣй». Затѣмъ слѣдовали картины: «Екатерина II у гроба Елизаветы» и «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» и портреты: «Тургенева, Щедрина, Некрасова, Костомарова, Потѣхина и др.

Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ Ге работалъ совершенно на другомъ поприщѣ: онъ сдѣлался гласнымъ черниговскаго земства, занималъ различныя должности и проявлялъ художественную дѣятельность только въ мастерскихъ каррикатурахъ, которыя онъ рисовалъ на занемцевъ-консерваторовъ.

Съ 80-хъ годовъ особенно тѣсное сближеніе съ Л. Н. Толстымъ дало новый толчокъ мыслямъ Ге, и онъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ картинъ, написанныхъ на евангельскіе сюжеты. Первая изъ этихъ картинъ—«Милосердіе» была имъ уничтожена, какъ неудовлетворившая требовательнаго автора; потомъ были написаны: «Выходъ съ Тайной Вечери», «Что есть истина?», «Совѣсть» (Иуда) «Повиненъ смерти» (судъ синедріона надъ Иисусомъ Христомъ), и наконецъ въ нынѣшнемъ году Ге привезъ въ Петербургъ картину «Распятіе»; хотя эта картина была помѣщена въ небольшой частной квартирѣ, но публики передъ нею перебивала масса. На очень многихъ, видѣвшихъ картину, она произвела весьма сильное впечатлѣніе. Чтобы дать понять мысль художника, мы позволимъ себѣ привести выдержку изъ написанной покойнымъ Н. Н. записки, въ которой онъ рассказалъ содержаніе картины. «Христосъ на крестѣ умираетъ. Около Него рвется съ креста къ умвращающему разбойникъ въ ужасѣ; только что полюбилъ онъ первый разъ, узналъ любовь и теряетъ самое дорогое: Христа, который зажегъ въ немъ жизнь, любовь, правду. Этому ужасу, этому горю вторитъ буря; облака пыли, песку сливаются небо съ землей,—тѣма надвигается, чтобы закрыть все».

Картина вызвала бурю негодованія и восторговъ... И 63-лѣтній старикъ съ юношеской живостью и неутомимостью давалъ объясненія, выдерживалъ споры, бѣгалъ по лѣстницамъ въ шестые этажи и спускался въ подвалы, такъ-какъ интересовавшіеся его работой люди принадлежали къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества. На съѣздѣ художниковъ въ Москвѣ Ге была сдѣлана восторженная овалія, которая являлась справедливымъ отвѣтомъ на то сердечное вниманіе, которое Н. Н. оказывалъ каждому молодому собрату. Какъ художникъ. Н. Н. особенно высоко ставилъ выборъ содержанія, основную мысль картины и весьма снисходительно относился къ недостаткамъ исполненія. Этотъ перевѣсъ мысли надъ формой очень часто виденъ и у самого Ге, особенно въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Кромѣ перечисленныхъ нами картинъ, послѣ Ге осталось много мелкихъ рисунковъ, какъ, напр., альбомъ къ разсказу Л. Н. Толстого «Чѣмъ люди живы», рисунокъ «Кающійся грѣшникъ», тоже къ разсказу Толстого. Голова грѣшника въ этомъ рисункѣ представляетъ собой нѣчто замѣчательное. Кромѣ картинъ и рисунковъ, Ге принадлежатъ два бюста В. Г. Бѣлинскаго и Л. Н. Толстого.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Карно и Казиміръ-Перье.

Одной изъ примѣчательныхъ телеграммъ по поводу кончины президента французской республики была та, которую г-жа Карно получила отъ Вильгельма II: «достоинъ своего великаго имени, г. Карно умеръ какъ воинъ на полѣ брани». Что сдѣлалъ «основатель» этого имени, дѣдъ убитаго нынѣ президента Лазарь Карно, чѣмъ имя свое онъ прославилъ, каковы были заслуги и характеръ Сади Карно—съ этого мы должны начать настоящій обзоръ.

Лазарь Карно, въ эпоху первой революціи, былъ «организаторомъ побѣды». Такое прозваніе не было придумано впоследствии, какъ обыкновенно устанавливаются историческія прозвища. Оно было провозглашено тогда же, въ конвентѣ, въ отвѣтъ на предложеніе, сдѣланное послѣ паденія Робеспьера, о преданіи Карно суду. Кто-то возразилъ: «нельзя судить того, кто въ нашихъ войскахъ организовалъ побѣду!». Предложеніе было оставлено безъ послѣдствій. Лазарь Карно при началѣ первой революціи былъ инженернымъ капитаномъ. Избранный въ законодательное собраніе, онъ подалъ голосъ за казнь короля Людовика XVI. Затѣмъ, онъ былъ посланъ комиссаромъ въ сѣверную армію и тамъ, видя нерѣшительность командовавшаго, генерала Грасьева, своей властью смѣнилъ его и принявъ самъ начальство надъ арміею, отгѣснилъ непріятельскія войска. Затѣмъ, онъ былъ избранъ въ члены комитета «общественнаго спасенія» и занялся организаціею республиканскихъ войскъ, высылавшихся противъ европейской коалиціи. Войска эти состояли изъ повобранцевъ и, конечно, тотъ, кто вооружалъ, паскоро обучалъ ихъ и заботился о снабженіи ихъ, имѣлъ не меньшую долю въ ихъ побѣдахъ, чѣмъ генералы, которые ими командовали. Это былъ Л. Карно. Избранный въ директорію, онъ не сошелся съ Баррасомъ и долженъ былъ бѣжать за границу. Послѣ 18 брюмера, онъ былъ назначенъ военнымъ министромъ, но видя стремленіе генерала Бонапарта къ диктатурѣ, подалъ въ отставку. Избранный затѣмъ въ трибунатъ,

онъ подалъ голосъ противъ пожизненности власти перваго консула и затѣмъ—противъ провозглашенія имперіи. Въ 1814 году, когда имперія находилась въ величайшей опасности, Наполеонъ назначилъ Л. Карно комендантомъ антверпенской крѣпости и Карно защищалъ ее до тѣхъ поръ, пока самъ Парижъ не сдался на капитуляцію. Реставрація сохранила Л. Карно его чины, но онъ, какъ строгій республиканецъ, удалился отъ двора и отъ участія въ дѣлахъ. По возвращеніи съ Эльбы, въ періодъ Ста Дней, Наполеонъ пожаловалъ Карно графскій титулъ, званіе пэра имперіи и назначилъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ окончательнаго паденія Наполеона, Л. Карно уѣхалъ за границу и умеръ въ Магдебургѣ, въ 1823 году.

Французской республикѣ не даромъ считается сто лѣтъ. Она имѣтъ уже свою «республиканскую» аристократію, то есть свое наслѣдственное служилое сословіе, которое, какъ извѣстно, образовалось и въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Повидимому, аристократія имени пока неизбѣжна, какъ неизбѣжна аристократія таланта. Различіе съ прежнимъ порядкомъ лишь въ томъ, что преимущества той и другой признаются свободно, добровольно—общественнымъ преданіемъ и избраніемъ.

Марія-Францискъ-Сади Карно выдался въ ряду дѣятелей третьей республики прежде всего потому, что онъ былъ внукъ своего славнаго дѣда и сынъ извѣстнаго министра второй республики. Этотъ второй Карно, Ипполитъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія при временномъ правленіи. Послѣ государственнаго переворота 1851 г., онъ былъ дважды избранъ въ законодательный корпусъ и дважды отказывался отъ избранія; но избранный въ третій разъ, онъ принялъ выборъ. Послѣ паденія второй имперіи, Ипполитъ Карно въ 1871 г. былъ избранъ въ національное собраніе, а въ 1875 г. — пожизненнымъ сенаторомъ.

Добавимъ, что и г. К. Перье обязанъ общественнымъ вниманіемъ къ нему, прежде всего, памяти о его дѣдѣ, знаменитомъ министрѣ короля Людовика Филиппа, съ твердостью подавившемъ, какъ легитимистское движеніе въ Вандеѣ, такъ и республиканскія. Сынъ его (отецъ нынѣшняго президента) былъ министромъ въ 1871 г. и умеръ въ 1876 г., пожизненнымъ сенаторомъ. Онъ былъ республиканецъ съ отѣнкомъ орлеанизма. Точно такъ, первая причина общественнаго вниманія къ г. Каваньяку, одному изъ кандидатовъ на президентство, заключалась въ томъ, что онъ сынъ генерала Готфрида Каваньяка, который съ 1848 г. энергически и даже жестоко усмирилъ возстаніе социалстовъ въ Парижѣ, по затѣмъ, стоя во главѣ арміи и гражданскихъ властей, безпрекословно подчинился результату народнаго голосованія, избравшаго въ президенты принца Людовика-Наполеона. Наконецъ, еще одинъ изъ нынѣшнихъ соперниковъ г. К. Перье при избраніи, г. Эммануиль Араго также представитель «республиканской аристократіи». Онъ сынъ извѣстнаго астронома и члена временнаго правленія второй республики.

Представимъ краткій некрологъ Сади Карно. Въ «Figaro» былъ напечатанъ полный его формуляръ (съ бланкомъ министерства), какъ инженеръ путей сообщенія. Изъ него видно, что М. Ф. Сади Карно родился въ Лиможѣ, 11 августа 1837 г., женатъ съ 1863 года, имѣлъ состояніе «среднее (fortune moyenne), здороваго сложенія, имѣлъ общее образованіе, какъ бакалавръ наукъ и словесности, зналъ языкъ нѣмецкій, умѣлъ читать по-англійски, и по-итальянски, специальное образованіе имѣлъ «весьма полное», поведенія и характера былъ «отличнаго», аттестованъ къ производству въ инженерномъ вѣдомствѣ. Окончивъ курсъ Политехнической школы, Карно вступилъ въ институтъ путей сообщенія (école des ponts et chaussées), былъ первымъ по приѣмному и по выпускному экзаменамъ и затѣмъ опредѣленъ инженеромъ въ Аннеси. При этихъ занятіяхъ онъ оставался до паденія второй имперіи. Республиканское правительство поручило ему организацію народной обороны въ Нормандіи и назначило его чрезвычайнымъ комиссаромъ и префектомъ департамента Нижней Сены. Въ февралѣ 1871 г. Карно былъ избранъ въ департаментѣ Кот-д'Оръ депутатомъ въ національное собраніе и поддалъ голосъ противъ заключенія мира съ Германіею. Въ палатѣ онъ выдался дѣльнымъ участіемъ въ обсужденіи вопросовъ, относившихся къ желѣзнымъ дорогамъ и общественнымъ работамъ, и въ 1878 г. былъ назначенъ товарищемъ министра общественныхъ работъ г. де-Фрейсине, а въ 1880 г. сдѣлался уже министромъ этого вѣдомства въ первомъ кабинетѣ Жюль Ферри. Послѣ паденія его, Карно былъ избранъ однимъ изъ вице-президентовъ палаты. Затѣмъ онъ вступилъ опять министромъ общественныхъ работъ въ кабинетъ Бриссона, а вскорѣ принялъ портфель министра финансовъ, который сохранилъ и въ слѣдующемъ министерствѣ Фрейсине, образовавшемся въ январѣ 1886 года.

Послѣ паденія этого кабинета, Карно возвратился къ роли депутата и по отставкѣ Греви, неожиданно былъ избранъ 3 декабря 1887 года президентомъ республики на 7 лѣтъ. О парламентскомъ эпизодѣ, который послужилъ непосредственнымъ поводомъ къ его избранію, мы упомянемъ ниже, говоря о нравственномъ характерѣ покойнаго. Престижъ президента республики нѣсколько пострадалъ отъ обстоятельствъ, вызвавшихъ отставку Греви. Изолированность Франціи въ Европѣ рельефно выступила въ то время при отказѣ нѣсколькихъ монархій отъ участія въ предстоявшей всемірной выставкѣ 1889 года. Сверхъ того, буланжистское движеніе находилось въ самомъ разгарѣ.

Самое имя создавало для Карно авторитетъ, къ которому присоединилось уваженіе къ его личности; человекъ умѣренный, умѣвнѣй держать себя съ достоинствомъ и тактомъ, онъ постарался поставить себя выше борющихся парламентскихъ фракцій, не проявлялъ личнаго пристрастія къ тѣмъ или другимъ вожакамъ, дѣйствовалъ всегда примирительно, по отношенію ко всемъ, исключая Булаше. Что въ отно-

шеніи къ Буланже не только безпристрастіе, но даже и строгое соблюденіе правосудія были нарушены—этого нельзя не признать. Какъ всегда, въ оправданіе приводилась пресловутая *raison d'Etat*, потому что въ буланжизмѣ видѣли опасное покушеніе противъ республики. Къ счастью для Карно, буланжизмъ оказался мыльнымъ пузырьемъ, а парижская всемірная выставка имѣла блестящій успѣхъ, давъ Парижу огромную наживу. Это укрѣпило положеніе президента, такъ какъ общественное мнѣніе во Франціи еще склонно относить все къ заслугѣ или къ вѣдѣнью правительства. Успѣхъ выставки былъ принятъ какъ національный триумфъ, какъ «мирная и плодотворная» побѣда Франціи, но все-таки — побѣда. Между тѣмъ, покойный президентъ прилагалъ старанія и къ улучшенію внѣшнихъ сношеній Франціи. Присылка французской эскадры въ Кронштадтъ, отвѣтомъ на которую было прибытіе русской эскадры въ Тулонъ, празднества по этимъ поводамъ, дипломатическая подготовка и освѣщеніе ихъ, несомнѣнное сближеніе между Франціею и Россіею, въ отвѣтъ на тройственный союзъ, и взаимныя услуги, какія при этомъ были оказаны, положительно прекратили изолированность Франціи, пробудили въ ней духъ бодрости, польстили національному самолюбію. Въ этомъ нельзя не видѣть несомнѣнной національной заслуги покойнаго.

Женатъ онъ былъ на дочери экономиста Дюпонъ-Уайта, написавшаго книгу о революціи 1848 г., которую покойный зять его перевелъ на французскій языкъ. Президентъ оставилъ троихъ сыновей, изъ которыхъ старшій, по имени также Сади — офицеръ, второй — горный инженеръ, третій еще въ училищѣ. Единственная дочь Карно замужемъ за генеральнымъ-прокуроромъ Кюниссе. Незадолго передъ смертью президента объявлено было объ обрученіи его второго сына.

По смерти Карно обнаружилась полная безупречность его дѣятельности. Состояніе его уменьшилось во время исполненія имъ должности президента. Припомнилось и то, что ближайшимъ поводомъ къ избранію его въ 1887 г. въ эту должность послужилъ фактъ, что, будучи одно время министромъ финансовъ, при президентѣ Греви, покойный Карно не согласился возвратитъ извѣстной и у насъ фирмѣ Дрейфусъ 40 тысячъ франковъ гербовыхъ пошлинъ, между тѣмъ, какъ впоследствии она была все-таки возвращена. Обстоятельство это имѣло ту важность, что до своего президентства Греви былъ юрисконсультъ дома Дрейфусъ. Когда обнаружилось, что Карно воспротивился требованію, которое, очевидно, шло отъ самого президента, такъ какъ оно впоследствии было таки исполнено, въ палатѣ раздалися троекратныя рукоплесканія и нѣсколько депутатовъ тутъ-же сказали ему, что этимъ палата уже назначила преемника Жюлю Греви. Въ виду такихъ свидѣтельствъ, надо иррѣти къ выводу, что если панамское дѣло при президентствѣ Карно не было изслѣдовано исчерпывающимъ образомъ, если требованія о выдачѣ г. Корнеліуса Герца не были достаточно настоятельны, то вину этого слѣдуетъ отнести не лично къ покойному президенту, но къ най-

болѣе вліятельнымъ политическимъ кружкамъ, которые настояли на томъ, чтобы былъ отвращенъ «погромъ» въ сплнскомъ большихъ раз-мѣрахъ.

Обращаясь къ президентскимъ выборамъ 3 декабря 1887 года, слѣдуетъ напомнить, что избраніе Карно, несмотря на приведенное обстоятельство, удостовѣрившее его честность и твердость, несмотря и на имя его, какъ наслѣдіе «организатора побѣды», явилось все-таки какъ результатъ компромисса между партіями. Между тѣмъ, г. Казиміръ-Перье избранъ вынѣ безъ предварительнаго соглашенія, просто подъ впечатлѣніемъ момента и по признанію большинства, что для борьбы съ анархистами, безъ общей реакціи, наиболѣе довѣрія внушаетъ именно онъ. О вѣроятностяхъ его избранія въ будущемъ ноябрѣ мы говорили еще въ то время, когда онъ былъ первымъ министромъ. Но тогда мы не знали одного существеннаго обстоятельства, въ которомъ опять проявилась добросовѣстность оплакиваемого нынѣ главы республики. Теперь сдѣлалось извѣстно изъ разсказа брата покойнаго, Адольфа Карно, что когда бывшій президентъ предложилъ К. Перье составленіе кабинета и тотъ отказывался, то Карно сообщилъ ему конфиденціально, что рѣшилъ не выступать кандидатомъ на будущихъ выборахъ въ президенты, такъ какъ признавалъ вторичное избраніе несогласнымъ съ духомъ конституціи; что законнымъ преемникомъ своимъ онъ считаетъ К. Перье и убѣждалъ его стать во главѣ кабинета съ той цѣлью, чтобы ознакомиться съ ходомъ дѣлъ и такимъ образомъ приготовиться къ исполненію будущей высокой должности.

Сравнимъ теперь, какъ произошло избраніе Карно въ 1887 году и избраніе Казиміръ-Перье въ настоящее время. Въ 1887 году никто не зналъ, что Карно имѣлъ серьезныя шансы избранія, теперь все знали, что наиболѣе вѣроятности на сторонѣ К. Перье. При избраніи Карно голоса на первомъ баллотированіи распредѣлились такъ: Садн-Карно — 303 голоса, Жюль Ферри — 212, генераль Соссье — 148, г. де Фрейсине и генераль Анперъ, бывшій военный агентъ въ Россіи, получили, каждый, свыше 70 голосовъ. Все были удивлены, что наиболѣе голосовъ было подано за Карно. Но требовалась перебаллотировка. Пока она производилась, покойный Ж. Ферри подошелъ къ Карно, сказалъ ему нѣсколько словъ и пожалъ руку. Онъ отказался отъ соперничества и при второй баллотировкѣ, Карно получилъ 616 голосовъ противъ 108, поданныхъ за генерала Соссье, коменданта парижскаго гарнизона. Избраніе-же К. Перье состоялось сразу, при первой баллотировкѣ. Результатъ ея былъ объявленъ президентомъ конгресса (соединенныхъ сената и палаты депутатовъ), въ Версалѣ, въ слѣдующемъ видѣ: за г. К. Перье — 451 голосъ, за гг. Бриссова — 195, Дюпюи — 97, генерала Феврие — 53, Эммануила Араго — 27, Каваньяка — 11, Лубе — 1, за другихъ — 10. И такъ, Перье былъ избранъ, такъ сказать, безъ «торга» былъ избранъ подъ впечатлѣніемъ, что именно онъ подходящій чело-

вѣвъ. Отмѣтимъ мимоходомъ, что ни на первой, ни на второй перекличкѣ его не оказалось въ конгрессѣ, онъ прїѣхалъ только въ 3 часа, когда уже считались голоса.

Въ 6¹/₂-лѣтнее правленіе Карно было назначено цѣлыхъ десять кабинетовъ, а именно: первый Тирара (1887), Флоке (1888), второй Тирара (1889), Фрейсине (1890), Лубе (1892), первый Рибо (1892), второй его-же (1893), первый Дююи (1893), Казимиръ-Перье (1893), второй Дююи (1894). Единственнымъ, сколько-нибудь продолжительнымъ, было управленіе Фрейсине, который ставъ въ четвертый разъ во главѣ кабинета въ 1890 г., продержался безъ малаго два года.

Восторженный прїемъ, оказанный покойному президенту въ Лионѣ, скорбь, какую вызвала его трагическая кончина, триумфъ, въ какой обратился его похоропы, колоссальное количество вѣнковъ, присланныхъ отовсюду (въ одномъ Парижѣ цвѣтовъ было заказано, на свыше милліонъ франковъ), свидѣтельствовали, что Карно дѣйствительно пріобрѣлъ привязанность французскаго общества. Но она не охранила его отъ кинжала убійцы, какъ популярность Генриха IV не спасла его отъ ножа фанатика, а высокое почитаніе, какимъ былъ окруженъ Абрагамъ Линкольнъ не отвратило пули отчаяннаго мстителя за Югъ. Идеинный мотивъ каждаго изъ этихъ убійцъ былъ совершенно различенъ: Равальякъ былъ фанатикъ религіозный, Бутъ — фанатикъ рабовладѣнія, Казеріо — фанатикъ авархіи. Дѣло каждаго изъ нихъ было одинаково преступно, не только какъ убійство, но и какъ посягательство одного человѣка на волю народа.

Но преступленія какъ Равальяка, такъ и Бута явились послѣднимъ отблкомъ только что передъ тѣмъ оконченной междоусобицы: Равальякъ былъ какъ бы послѣднимъ убійцей варооломеевской ночи. Бутъ мстителемъ за раздавленный и разоренный Югъ. Между тѣмъ, Казеріо вляется четвертымъ убійцей въ междоусобицѣ, начавшейся всего годъ тому назадъ, представителемъ секты, которая убійство возводитъ въ догматъ, видитъ въ цѣломъ рядѣ убійствъ средство для устрашенія общества и для произведенія переворота въ его строѣ. Такая мысль — не говоря уже о томъ, что она безнравственна, какъ указывающая единственнымъ средствомъ дѣйствія — убійство, нелѣпа сама по себѣ. Очевидно, что если бы подъ вліяніемъ устрашенія и могли произойти перемены въ нынѣшнемъ строѣ Франція и другихъ странъ, то скорѣе явилось бы диктатура, чѣмъ анархія, что общество перепробуетъ всѣ средства для борьбы съ анархистами и для отвращенія чего либо похожаго на анархію. Но мысль, что посредствомъ убійствъ можно добиться анархіи, не только уродлива въ смыслѣ нравственномъ, но и представляетъ собой очевидный софизмъ. Чѣмъ болѣе анархистамъ удалось бы страшить общество, тѣмъ болѣе его будетъ страшить именно — анархія. Ясно, что какъ бы даже ни сдѣлалась страшна борьба съ анархистами, человѣчество все таки всегда предпочтетъ ее — анархіи,

то-есть подчиненію тѣмъ же анархистамъ. Когда анархисты рассчитываютъ на устрашеніе для достиженія анархіи, то этотъ расчетъ столь же страненъ, какъ еслибы предположить, что въ сильную бурю на океанѣ люди со страха станутъ бросаться въ воду.

Но безусловное осужденіе преступленій, протестъ противъ убійства, какъ средства для преобразованія общественнаго строя, не исчерпываютъ вопроса объ анархизмѣ, также какъ его не исчерпываетъ и требованіе строгихъ мѣръ противъ его дѣятелей. Правда, мы еще не знаемъ, дѣйствовало ли Казеріо только какъ анархистъ. Почему онъ такъ настойчиво повторяетъ, что объявитъ свое побужденіе только — присяжнымъ; не прокурору, не суду, вѣтъ—именно присяжнымъ? Не хочетъ ли онъ сказать имъ, что убилъ главу французскаго государства не за то, что французы убили и искалѣчили многихъ итальянцевъ въ Эгъ-Мортъ, но зато, что французскіе присяжные оправдали то преступленіе? Тогда убійство его получило-бы характеръ преимущественно національный, хотя онъ самъ и анархистъ. Впрочемъ, выраженіе «національный» несомнѣнно умѣстно въ виду того, что въ Италіи палата депутатовъ, сенатъ, король Гумбертъ лично и его правительство самымъ энергическимъ образомъ осудили преступленіе; въ телеграммѣ г. Криспи было сказано: «анархисты отрекаются отъ отечества, и отечество отъказывается отъ анархиста убійцы».

Какъ-бы то ни было, если-бы оказалось, что этотъ 21 лѣтній фанатикъ дѣйствовалъ подъ влияніемъ погрома на его земляковъ въ Эгъ-Мортъ, то преступленіе его представилось-бы отчасти, какъ кровавая vendetta. Совершенно иное значеніе оно будетъ имѣть, если окажется, что это была только месть анархистской организаціи за казни Равашоли, Вальяна и Апри, что это былъ новый актъ практики «устрашенія», что Казеріо выпалъ жребій совершить преступленіе—рѣшительное его партіей.

Но и держась этого второго, наиболѣе распространеннаго предположенія, опять-таки нельзя не признать, что готовность людей идти на вѣрную смерть не можетъ не быть признана за болѣзненный симптомъ въ самомъ положеніи дѣлъ. Этого не могутъ не признавать всѣ люди мыслящіе, хотя-бы и консервативнаго направленія. Такъ нынѣшній президентъ республики К. Перье, въ рѣчи, произнесенной въ Лионѣ до убійства, отвергая ученія социалистическія, отозвавшись съ негодованіемъ объ анархистахъ, сказалъ однако: «необходимо, чтобы классы привлеченные усвоили болѣе широкій взглядъ на ихъ обязанности въ социальномъ отношеніи». Та-же главная мысль, какъ мы увидимъ ниже, проведена и въ посланіи новаго президента.

Что касается собственно осужденія убійства Карно и анархистской практики устрашенія,—всѣ французскія газеты были въ этомъ согласны, не только консервативныя, умѣренные, прогрессивскія, радикальныя, но и—социалистскія. Приведемъ нѣсколько отзывовъ органовъ радикальныхъ и социалистическихъ. «Radical» вышелъ въ траурѣ и говорилъ о «ces misé-

ables». Въ «Justice» г. Клемансо за собственной подписью осуждалъ «чудовищное покушеніе» (monstrueux attentat). Въ «Lanterne» оно также было названо отвратительнымъ покушеніемъ (abominable attentat). Къ какой-бы партіи ни принадлежалъ человекъ—говорилось въ «Lanterne»,—монархической, радикальной, социалистической или умеренно-республиканской, онъ можетъ имѣть только одно и тоже мнѣніе объ этомъ ненавистномъ (odieux) дѣлѣ».

Перейдемъ къ органамъ социалистическимъ. Въ «Petite République» г. Миллеранъ, выдающійся членъ социалистической группы въ палатѣ, подписалъ статью, въ которой говорилось: «въ нашей странѣ самые горячія борцы являются все-таки только сражающимися, но не убійцами (des combattants et non des assassins.). Послѣ этого, почти буквального воспроизведенія общеизвѣстнаго речитатива графа де Неверъ въ сценѣ заговора оперы «Гугеноты», заявлялось слѣдующее: «г. президентъ Карно сдумалъ вызвать уваженіе къ своему характеру. Правильность его дѣйствій, достоинство его образа жизни, безспорная его честность приобрѣли ему постепенно уваженіе всѣхъ партій... Мы, которые страстно боремся за обезпеченіе права жить, со всѣмъ, что здѣсь подразумевается, мы, которые протестуемъ противъ всякихъ насилій надъ личностью, мы, болѣе, чѣмъ кто-либо имѣемъ право клеймить (flétrir) убійства». «L'Intransigeant» говорилъ: «это преступленіе могло быть только дѣйствіемъ безумнаго. Въ самомъ дѣлѣ, ничто его не объясняетъ. Г. Карно, въ теченіе своего семилѣтія, близкаго къ концу, не могъ вызвать ненависти столь сильной, чтобы желать его смерти. Впрочемъ, или это покушеніе могло не удался и тогда оно только увеличило бы популярность жертвы, или оно могло быть успѣшно, и въ такомъ случаѣ должно было вызвать послѣдствія пагубныя для свободы, значить, и для дѣла преобразованій, ибо, не слѣдуетъ предаваться иллюзіямъ, вчерашній ударъ кивжала будетъ экслоатированъ противъ независимой печати и противъ социалистовъ».

Какъ мы уже сказали, самъ Карно видѣлъ въ г. К. Перье своего преемника. Избраніе новаго президента состоялось 27-го іюня. Выборы производились въ Версалѣ національнымъ собраніемъ, то есть соединенными палатой депутатовъ и сенатомъ. Передъ тѣмъ были въ Парижѣ два частныя собранія нѣкотораго числа депутатовъ и сенаторовъ, но они не пришли ни къ какимъ рѣшеніямъ, а одно окончилось дракой, при чемъ депутаты кидали другъ въ друга чернильницами и нѣкоторые ушли облитые чернилами. Затѣмъ, уже въ самомъ національномъ собраніи, передъ приступомъ къ избранію, заявлено было г. Дежантомъ предложеніе объ упраздненіи должности президента, а г. Бодри д'Ассонъ подавалъ предсѣдательствовавшему г. Шальмель-Лакуру бумагу, въ которой, говорятъ, изложено было предложеніе о возстановленіи монархіи. Но предсѣдатель не удостоилъ отвѣта ни того, ни другого. По объявленіи результата голосованія, двѣ-трети собранія стали

усиленно аплодировать, между тѣмъ какъ социалисты, а отчасти и радикалы неистово кричали «соціальная революція!», «да здравствуетъ коммуна!». По закрытіи собранія, президенты и вице-президенты обѣихъ палатъ и министры собрались въ другой залѣ, куда призвали К. Перье. Глава кабинета прочелъ ему протоколъ избранія, а президентъ сената сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. К. Перье былъ видимо растроганъ и взволнованъ. Онъ отвѣтилъ такъ: «національное собраніе оказываетъ мнѣ величайшую честь, доступную для гражданина, и возлагаетъ на меня самую тяжелую нравственную отвѣтственность. какая можетъ пасть на человѣка. Я посвящу странѣ всю свою энергію и патриотизмъ, республикѣ весь пылъ убѣжденія, которое никогда не мѣнялось, демократіи—всю мою преданность и мое сердце. Подобно тому, кого мы оплакиваемъ и чтимъ, я буду стараться исполнить мой долгъ, весь мой долгъ». При поздравленіяхъ, новый президентъ отвѣчалъ журналистамъ: «господа, скажу вамъ только одно—я принадлежу вамъ, судите меня (*je vous appartiens, discutez—moi*), но никогда не забывайте о Франціи и о республикѣ».

Приведемъ теперь нѣсколько свѣдѣній о личности новаго президента. Іоаннъ Павелъ Петръ Казиміръ-Перье родился въ 1847 г. Заимѣемъ, что крестныя его имена—только три первыя. Имя-же Казиміръ было крестнымъ именемъ его дѣда и отца, а за нимъ признаю какъ составная часть фамиліи, такъ что «Казиміръ-Перье» это есть двойная фамилія, принятая въ память дѣда, а не имя и фамилія, какъ у насъ полагаютъ даже газеты, которыя не ставятъ между частями фамиліи знака соединенія. Перье родился въ Парижѣ черезъ годъ по возвращеніи изъ Петербурга его отца, который былъ здѣсь секретаремъ посольства. Окончивъ курсъ юридическаго факультета (*école de droit*), І. Перье въ 1870 году поступилъ охотникомъ въ батальонъ мобилей департамента Оби, гдѣ находится его имѣніе, участвовалъ въ оборонѣ Парижа, отличился въ дѣлѣ при Баньё, былъ упомянутъ въ приказѣ и получилъ орденъ почетнаго легіона. По окончаніи войны онъ былъ директоромъ канцеляріи у своего отца, министра внутреннихъ дѣлъ въ 1871 г. Въ депутаты онъ былъ избранъ въ первый разъ въ 1876 г. въ округѣ Ножанъ-на-Сенѣ и постоянно избирался при послѣдующихъ общихъ выборахъ. Когда въ 1883 г. палата обсуждала законъ о воспрещеніи пребыванія во Франціи членамъ царствовавшихъ въ ней родовъ, К. Перье, какъ республиканецъ, признавалъ необходимость этого закона, но не считалъ приличнымъ, чтобы влукъ министра, который игралъ важную роль въ судьбѣ орлеанской монархіи, подавалъ голосъ за изгнаніе изъ Франціи внука короля Людовика-Филиппа и сложилъ съ себя званіе депутата, сказавъ въ открытомъ письмѣ къ своимъ избирателямъ: «при настоящихъ обстоятельствахъ я не могу согласовать моего семейнаго долга съ дѣйствіемъ, которое мнѣ указывается совѣстью и республиканскимъ убѣжденіемъ, а потому вручилъ президенту палаты мой отказъ отъ

званія депутата». Но онъ былъ избранъ снова и въ томъ-же году былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра генерала Кампенона и оставался въ этой должности нѣсколько долѣе года, до отставки Кампенона. Съ 1885 по 1893 г. онъ состоялъ вице-президентомъ палаты, а когда вслѣдствіе разоблаченій по панамскому дѣлу Флоке не могъ долѣе оставаться президентомъ ея, то вмѣсто него былъ избранъ, въ январѣ прошлаго года, К. Перье, который не имѣлъ ничего общаго съ Паваной. На прошлогоднихъ выборахъ онъ былъ избранъ въ томъ-же округѣ и новая палата избрала его также своимъ президентомъ. Затѣмъ, съ декабря прошлаго и до мая нынѣшняго года онъ былъ главою кабинета и министромъ иностранныхъ дѣлъ; наконецъ, опять президентомъ палаты.

К. Перье имѣетъ очень большое состояніе, унаслѣдованное еще отъ дѣда Казимира, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ Циціономъ былъ основателемъ значительнаго банкирскаго дома. Президентъ женатъ на своей кузинѣ, рожденной де-Сегюръ, имѣетъ сына, который еще въ гимназій, и 14-ти лѣтнюю дочь. Она-то первая въ домѣ и принимала поздравленія, такъ какъ новый президентъ еще не возвратился изъ Версаля, когда, узнавъ по телефону объ избраніи, въ домъ его стали съѣзжаться, чтобы занести свои имена въ книгу, посланники, генералы и знакомые. Жермена Казимиръ-Перье выходила на прогулку съ своей наставницею и нѣсколько пріѣхавшихъ поздравилъ ее на лѣстницѣ. Изъ Версаля новый президентъ пріѣхалъ въ Парижъ въ ландо, уже сопровождаемый эскадрономъ. Въ другихъ экипажахъ ѣхали за нимъ министры. Передъ министерствомъ выстроенъ былъ пѣхотный полкъ, который взялъ на караулъ при барабанномъ боѣ. Сидя рядомъ съ президентомъ, возвращался изъ Версаля г. Дюпон, только что бывший его соперникомъ на выборахъ; всѣхъ удивило малое число голосовъ, какое получилъ Дюпон, не только въ сравненіи съ Перье, но и съ Бриссономъ, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя газеты считали избраніе Дюпона даже болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ выборъ Перье. Другой соперникъ, генералъ Февріе, канцлеръ ордена почетнаго легіона, на слѣдующій день вручалъ новому президенту большой крестъ и цѣпь велкаго магистра этого ордена.

Согласно обычаю, министерство подало новому главѣ государства просьбу объ отставкѣ, но, по его желанію, осталось въ должностяхъ до погребенія прежняго президента. Затѣмъ, предстояло образованіе новаго кабинета. Перье предполагалъ поручить это г. Бурдо, министру финансовъ, съ которымъ онъ друженъ. Убіенство совершено 24 (12) іюня, въ день битвы при Сольферинно, что подало итальянскому королю поводъ упомянуть въ телеграммѣ, пзъявлявшей соболѣзнованіе, что «день, который соединялъ обѣ націи воспоминаніемъ совмѣстнаго торжества, будетъ отнынѣ соединять ихъ въ памяти объ общемъ для нихъ горѣ». Избраніе президента было назначено на 27 (15) іюня. Въ этомъ промежуткѣ времени друзья Перье узнали о его намѣреніи

не выступать кандидатомъ и съѣхались убѣждать его измѣнить намѣреніе. Ихъ поддержала мать г. Перье, слова которой о долгѣ съ увлеченіемъ повторялъ затѣмъ и комментировалъ Бурдо. Тогда, выразивъ согласіе, Перье спросилъ пріятели, согласится ли онъ стать во главѣ новаго кабинета. Въ эту минуту г. Бурдо обѣщалъ, хотя и ссылаясь на слабое здоровье. Но затѣмъ онъ всетаки отказался и кончилось тѣмъ, что кабинетъ Дююи окончательно сохранилъ свои портфели, что вполне правильно, такъ какъ палата недовѣрія ему не выражала, а стало бытъ смѣна его представила бы актъ «личной» политики новаго президента.

Упомянувъ только что о рѣшительномъ совѣтѣ г-жи Перье, матери. отмѣтимъ здѣсь же фактъ, что г-жа Карно, вдова (мать Карно также жива), узнавъ о намѣреніи правительства испросить ей пенсію въ 50 т. фр., просила не давать хода этому дѣлу, то есть отказалась отъ пенсіи, которая несомнѣнно была бы ей назначена. Это и другіе равнозначащія подробности, — напр. то, что Карно, какъ и Викторъ Гюго, никогда не назывался графомъ, мы приводимъ съ тою цѣлью, чтобы указать на ту «гордость имени», на тотъ «долгъ семейнаго преданія» какіе уже выработались въ этой средѣ, въ той наследственной буржуазно-аристократической группѣ, которая ведетъ свое начало отъ первой и второй республикъ.

Новый президентъ двумя поступками повліялъ на настроеніе къ нему массъ. Во-первыхъ, вопреки почти всеобщему обычаю на Западѣ, что глава государства лично не бываетъ на похоронахъ, а присылаетъ замѣстителя, онъ шелъ за гробомъ Карно, что вызывало крики *vive Casimir-Périer*, которые онъ прекращалъ жестомъ. Во-вторыхъ, для черезъ четыре послѣ убійства Карно, онъ, въ сопровожденіи двухъ приближенныхъ, вышелъ на прогулку пѣшкомъ, отъ набережной d'Orsay (лѣвый берегъ Сены) прошелъ до моста Сольферино, затѣмъ по улицѣ Кастильонъ, вандомской площади и улицѣ Мира, къ бульвару противъ Оперы, раскланываясь съ знакомыми, но неузнаваемой толпой. Только на площади Оперы появленіе его произвело сенсацію: экипажи остано- вились, образовалась толпа, люди на верхахъ омнибусовъ встали, раздались приветственные клики и замѣчанія *il n'a pas peur! C'est stânc!* Затѣмъ, толпа слѣдовала за нимъ, когда онъ пошелъ назадъ тѣмъ же путемъ, но уже черезъ мостъ Согласія, гдѣ встрѣтилъ пѣхотный взводъ, который построился и отдалъ ему воинскую честь.

Все это очень красиво не только въ декоративномъ, но и историческомъ смыслѣ. Мы видимъ, что во Франціи (какъ впрочемъ и въ Соединенныхъ Штатахъ) образовалась уже новая, буржуазная аристократія, которая ссылается на родовыя заслуги передъ страной, имѣетъ свои преданія, гордость и сознаніе особаго традиціонно-лежащаго на ней долга. Но въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Какъ разъ въ тѣ же дни шла по улицамъ Парижа другая похоронная процессія, въ которой участвовала

аристократія прошлаго, аристократія старинныхъ, вѣковыхъ родовъ, прославленныхъ, главнымъ образомъ, военными заслугами. Это были похороны князя Владислава Чарторискаго, второго сына князя Адама, друга юности императора Александра I, затѣмъ члена комитета преобразованій, русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, наконецъ, попечителя учебнаго округа. Владиславъ Чарторискій былъ нынѣ главой этого дома, въ первомъ бракѣ породнился съ королевой Изабеллой испанской, вторымъ съ Орлеанскимъ домомъ. Королева Изабелла прислала замѣстителя, но лично присутствовали все принцы и принцессы орлеанскаго, испанскаго и бразильскаго домовъ. Имена же частныхъ лицъ, слѣдовавшихъ за гробомъ, могутъ составить списокъ наиболѣе извѣстныхъ, уцѣлѣвшихъ именъ изъ исторіи Франціи и другихъ странъ.

Это аристократія уже отжившая въ смыслѣ политическомъ, то есть, лишившаяся власти, которую ей давали ея привилегія. А буржуазные роды, выдвинувшіеся на первый планъ своими заслугами и своей политической ролью, въ періодѣ господства буржуазіи, представляютъ собой только верхній слой новой, нынѣ могущественной аристократіи, той, которой власть основана на деньгахъ. И еще спрашивается, можетъ ли эта аристократія сохранить свою власть въ продолженіе столькихъ-же вѣковъ, какъ пользовались своею герцоги де-ла Тремуилль, де-Ноайль, де-Люинь, де-Брольи, де-Лоржъ, многочисленные князья, маркизы и проч., которые слѣдовали за гробомъ Чарторискаго. Едва-ли можно думать, что господство денежной аристократіи надъ народомъ продлится столько же, сколько протекло времени отъ крестовыхъ походовъ до нашего столѣтія.

Новая аристократія сохранить вліяніе свое надъ массами и переходъ къ какому-либо новому, болѣе удобному для большинства условіямъ она сдѣлаетъ мирнымъ и постепеннымъ только въ томъ случаѣ, если захочетъ в сѣмѣть сама работать для пользы массъ, для изученія такихъ преобразованій, которыя возможны и полезны. Необходимость улучшеній по мѣрѣ новыхъ нуждъ, заявляемыхъ временемъ, и новыхъ условій, имъ создаваемыхъ, не имѣетъ конца. Нельзя сказать: мы создали республику, мы прославились этимъ, мы руководимъ дѣлами и-баста, больше не будетъ ничего, драма окончена. Время, то есть развитіе, успѣхъ человѣчества не остановится въ интересѣ господъ Перье, Бурдо, Ротшильда, какъ оно не стояло для вѣчности привилегій герцоговъ де-ла-Тремуилль и де-Ноайль. Въ истинномъ интересѣ даже самой новой аристократіи, желательно, чтобы она поняла это лучше, чѣмъ прежняя, потерявшая нынѣ свою власть, подъ напоромъ именно буржуазіи, которая требовала для себя справедливости и не должна была-бы забывать даннаго ею самой историческаго урока.

При всей личной привлекательности новаго президента, можно было опасаться, чтобы избраніе свое онъ не понялъ только въ смыслѣ боевомъ, какъ его впрочемъ и разумѣли нѣкоторые изъ избравшихъ Перье. Это

было бы ошибкой, такъ какъ крайніе консерваторы вотировали все-таки не за него, но за генерала Февріе. Большинство избрало г. Перье, какъ человѣка надежнаго, съ наслѣдственнымъ именемъ, къ тому-же милліонера, заинтересованнаго въ порядкѣ, а по личнымъ качествамъ, твердаго и мужественнаго дѣятеля, способнаго бороться, безъ обращенія, однако, къ средствамъ общей реакціи. Но все-таки, въ мысли большинства, онъ избранъ прежде всего—для борьбы. Такъ и опредѣлилъ главную задачу и даже личное настроеніе новаго президента республики Эрнестъ Додэ въ примѣчательной статьѣ въ «Figaro», гдѣ онъ рисуетъ К. Перье не на основаніи его заявленій, но такимъ, какимъ писатель зналъ его до избранія. Э. Додэ говоритъ, что І. Казиміръ-Перье прежде всего—борецъ (un combattant). «Получивъ власть, онъ захочетъ прежде и болѣе всего быть рѣшительнымъ защитникомъ общественнаго порядка и, позволяю себѣ сказать—порядка правтвеннаго... Не только на улицѣ, по его мнѣнію, должно охранять порядокъ, но возстановить его въ умахъ, поднять принципъ авторитета, издавна уже слишкомъ мало признаваемый. Чиповниковъ, крупныхъ и мелкихъ, онъ подтянетъ къ строгой дисциплинѣ... сообщить болѣе дѣятельную и въ особенности болѣе настойчивую инициативу власти исполнительной... Онъ озабочится, чтобы религіозная терпимость была не пустымъ словомъ, а фактомъ и замѣнила бы собою борьбу съ церковью. Онъ не полагаетъ, что слѣдовало бы отмѣнить въ этомъ смыслѣ законы уже состоявшіеся, считаетъ ихъ заложенными въ зданіе республики, но думаетъ, что большинство французовъ желаетъ, чтобы они примѣнялись въ смыслѣ благожелательномъ, а не враждебномъ. Наконецъ, главное, что онъ будетъ имѣть въ виду, это—раздавить анархію, которая во всемъ мірѣ грозитъ правительствомъ и обществу. Онъ считаетъ, что это предпріятіе составляетъ его причину быть (sa raison d'être)... «Я былъ бы очень удивленъ, заключаетъ Эрнестъ Доде, еслибы ожидаемое посланіе президента разошлось въ существенныхъ идеяхъ отъ тѣхъ, которыя мною изложены».

Очевидно, онъ писалъ на основаніи прежнихъ бесѣдъ съ г. Перье. Быть можетъ отъ него же онъ слышалъ такое мнѣніе, что Гриви только и старался о томъ, чтобы его не примѣчали, а Карно «былъ слабъ», не пользовался всѣми средствами, какія ему предоставляла конституція, допуская вещи, которыя были противны его личному убѣжденію и его инициативой могли бы быть устранены.

Быть можетъ, Э. Доде и правъ въ характеристикѣ *будущихъ* дѣйствій новаго президента республики. Но въ одномъ писатель положительно ошибся; это—въ главномъ содержаніи и въ духѣ посланія, съ какимъ К. Перье обратился къ палатамъ. Въ этомъ посланіи не только не преобладаетъ мысль о необходимости репрессіи, но объ этомъ нѣтъ даже ни одного слова. Посланію г. Перье надо отдать справед-

ливость въ томъ, что въ немъ больше задушевности, чѣмъ фразъ. Онъ прямо заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи, «по истеченіи семи лѣтъ, передать судьбу Франціи въ другія руки». но прибавляетъ, что покажетъ ей судьба довѣрена ему, онъ, уважая волю націи, будетъ однако «видѣть свой долгъ въ недопущеніи, чтобы предоставленные мнѣ конституціей права не признавались или умалялись». Это вступленіе было согласно съ предвидѣніями Э. Доде. Но это можно толковать только въ смыслѣ принципа авторитета, но не необходимости репрессій.

А это примѣчательно. Судя по тому особому значенію, какое избранію К. Перье дастъ только-что совершенное убійство главы государства, можно было ожидать, что энергическій новый президентъ захочетъ извлечь и пользу изъ того потрясенія, какое испытала страна, т. е. внесетъ строгій законъ противъ возбужденій къ преступнымъ дѣйствіемъ, подобно тому, какъ то сдѣлалъ г. Кресси, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ непривіятія закона палатою, немедленно распустить ее и произвести общіе выборы, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ убійства президента, рассчитывая, что страна избретъ палату болѣе консервативную, чѣмъ нынѣшняя. Быть можетъ, президентъ это и сдѣлаетъ, но все-таки замѣчательно, что въ посланіи онъ не упомянулъ о необходимости какого-либо закона въ такомъ родѣ. Совсѣмъ иной смыслъ имѣетъ главное мѣсто посланія, болѣе сходное со второй частью задачи, какъ ее опредѣлилъ де-Май, чѣмъ съ объясненіемъ Э. Доде, будто самая «raison d'être» новаго президента заключается въ репрессіи.

Вотъ это мѣсто. «Парламентъ сумѣетъ доказать, что республика — вовсе не безплодное соперничество личныхъ честолюбій, но что она — неустанное изысканіе всякихъ улучшеній въ областяхъ, какъ матеріальной, такъ и нравственной, народное выраженіе плодотворныхъ мыслей и благородныхъ стремленій. По самому существу своему, республика — это такое правленіе, которое чувствительно къ незаслуженнымъ страданіямъ и которое должно полагать свою гордость въ томъ, чтобы не разочаровать тѣхъ, кого оно *обязано удовлетворить не однимъ только надеждами...* Понимать свое время, вѣрить въ прогрессъ, желать его — значитъ обезпечивать порядокъ и соціальный миръ». Правда, это — только общія выраженія. Но направленіе раціональное, предписываемое истинной государственной мудростью, указано въ нихъ съ достаточной опредѣленностью.

По случаю похоронъ Карво, императоръ Вильгельмъ помиловалъ двухъ офицеровъ французскаго флота: Дегун и Дельге-Малава, приговоренныхъ лейпцигскимъ судомъ за военное шпіонство къ заключенію въ крѣпости, первый на 6, а второй на 4 года. По свѣдѣніямъ брата лейтенанта Дегуи, заключенные въ Глацъ, изъ того, что до нихъ до-

ходило, извлекли надежду, что до полного срока ихъ держать не будутъ, но освободятъ не раньше года или года съ лишнимъ. Извѣстiе, сообщенное французскому правительству германскимъ посломъ, произвело во Франціи благопріятное впечатлѣніе. Замѣчательно, однако, что въ Германіи открыли такихъ любознательныхъ офицеровъ и уличили ихъ, во Франціи-же доселѣ не открыли, между тѣмъ, какъ, судя по прошлому, едвали можно сомнѣваться, что пѣмцы изслѣдуютъ Францію болѣе старательно, чѣмъ французы Германію.

Л. Полоцкій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ складахъ изданій „Посредника“ продается

„ВЕСНА“

Сборникъ разсказовъ, стиховъ и статей съ полезными свѣдѣніями.

(Рассказы: Рашель, гдѣ не искалъ. Вапъ-Дейка.—Необыкновенный случай. А. Аполлова.—Школа. Козырева.—Настасья Большенина. С. Семенова.—Статьи: Вода на землѣ, подъ землей и надъ землей. Н. Рубавина.—О томъ, какъ у насъ на Руси началось и шло земледѣліе С. Дремцова.—О полевомъ травостяннн. В. Бажаева.—Огородничество: И. Елина.—Пчеловодство. С. Красноперова.—О заразныхъ болѣзняхъ. Врача В. Рудина.—Стихи: И. Вдовина, И. Бѣлоусова и др.) Съ рисунками и акварелью художника Пастернака. Ц. 40 к., съ перес. 57 к. Можно выписывать изъ редакціи Посредника (Москва, Долгій пер., д. Нюнина).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

С. Т. Семеновъ.

КРЕСТЬЯНСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.

Ц. 60 коп. Съ пересылкой 77 коп.

Складъ изданія: Москва, Zubovo, Долгій переулочъ д. Нюнина, редакція Посредника

Вышла іюньская (№ 38) книжка журнала

„АРТИСТЪ“

Содержаніе: *Правда, манера и манерность въ живописи*. В. Михеева, *Рѣшеніе*. пов. Л. Ф. Нелидовой. *А. С. Даргомыжскій*. И. И. Корзухина. *У моря*, повѣсть Г. Мачтета. *Драмы Стриндберга*. Вес. Чешихина. *Одинъ*, ром. И. Н. Потапенко. *О Тичіанъ*. Г. Пудора. *Фантас. разск. Гофмана*. „Крейслеріана“, пер. А. Страхова. *Маркиза*, разск. Е. Шаврова. *Антуанъ*, П. Боборыкина. *Стихотвореніе* А. Федорова. *Notturmo*, муз. В. Калининкова. *Литературное обозрѣніе*. *Замѣтки читателя*, И. И. Иванова. *Библиографія*. *Современное обозрѣніе*. *Эмма Невада*. Хроника. *Сестра Нина*, др. въ 4 д. П. М. Невѣжина. *Приложеніе къ біографіи А. С. Даргомыжскаго*. Три фототипы: *Паробки*, карт. Н. К. Пимоненко, *Пасмурный день*, карт. Е. Е. Волкова, *портретъ Э. Невады*.

Вышелъ № 38 (іюнь) журн. „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“. Содержаніе: „Сумерки“, ком. въ 5 д. Э. Фермера. перев. В. Плюинской. „Крахъ Банка“, ком. въ 4 д. И. И. Мясничаго. „На помосткахъ“, ст. Альбера Ламбергъ, перев. Н. Э. Хроника. Корреспонденціи. Справочный отдѣлъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. На полгода.
Безъ дост. Съ перес. Безъ дост. Съ перес.

На журн. „Артистъ“	10 р.	12 р.	6 р.	7 р.
На журн. „Театр. Библиотека“	7 р.	8 р.	4 р.	5 р.
На оба журвала вмѣстѣ	13 р.	16 р.	8 р.	10 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ на одинъ журналъ— 2 руб. и затѣмъ ЕЖЕМѢСЯЧНО по 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба журнала вмѣстѣ 3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ „Артиста“ по 2 р., „Театр. Библиотеки“ по 1 р. съ перес.

Редакція и гл. контора журнала „Артистъ“—у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ. Отдѣленіе конторы и книжный магазинъ журн. „Артистъ“—Страстной бульв., д. Адельгеймъ.

ПОДПИСКА НА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1894 ГОДА.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, без предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди—братья; иль доля—жить въ мѣрѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдовавшаго отечества—въ тѣхъ матеріалахъ, которыми мы преимущественно стремимся дѣлиться съ тружениками-участниками общественной работы.

Основная нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ весь успѣхъ, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внешней политики была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цена съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ 9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяца—1 р.; для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не меньше 1 рубля ежемесячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ желаемымъ имѣть романъ Э. Золя «ДОКТОРЪ ПАСКАЛЬ», изданій «РУССКОЙ ЖИЗНИ», книга высылается безплатно.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Редакторъ-Издатель А. Пороховниковъ.

„ОБРАЗОВАНИЕ“

педагогическій и научно-популярный журналъ.

Въ вышедшихъ №№ журнала за 1893 годъ помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: 1. Что можетъ сдѣлать школа для развитія характера? П. Каптерева.—2. О различныхъ формахъ характера. Т. Рибо, съ замѣчавіями проф. А. И. Введенскаго.—3. Изъ исторіи моего учительства (3 статьи). Виктора Острогорскаго. 4. Профессиональное увлеченіе А. Ядрова.—5. Что можетъ дать начальная школа В. Александрова.—6. Содержаніе книги для класснаго чтенія Д. И. Тихомирова.—7. Новая педагогическія движенія на Западѣ. (8 статей Е. Страннолюбской и Сахаровой)—8. Задачи школьной географіи. Д. Коропчевскаго.—9. Очерки народнаго образованія. Д. Д. Семенова.—10. Маленькіе парижане. Е. Чебышевой-Дмитріевой.—11. Мученики темнаго царства (ремесленные ученики). И. Радецкаго.—12. Что читаютъ подростокующее поколѣніе? А. Хирьякова.—13. Письма о народной школѣ. А. Анастасьева (три статьи).—14. Учительскій вопросъ. В. Сиповскаго.—15. Школьная былина (о школѣ 50-хъ годовъ) В. Михневича (2 статьи).—16. Среднее образованіе во Франціи. А. Ивантѣва.—17. Наша учащаяся молодежь.—18. Искусство работать проф. Гильти (перев. А. Острогорскаго).—19. Искусство имѣть время. Его-же.—20. Счастье. Его-же.—21. Народные университеты въ Англии.—22. Отчего такъ мало хорошихъ учителей? В. Сиповскаго.—23. Кое что о семейныхъ идеалахъ. Д. Д. Семенова.—24. Чтенія въ деревнѣ. Г. Дубовенко.—25. Письма изъ деревни. В. Сиповскаго.—26. По вопросу о женскомъ образованіи Е. Л.—27. На выставкѣ въ Чикаго. О. А.—28. Учительскія семинаріи въ Россіи. 29. О положеніи народнаго учителя. И. Р.—30. Общество содѣйствія физическому развитію. В. С.—31. Гимнастика или подвижныя игры В. С.—32. Величайшія народныя бібліотеки.—33. Женскій трудъ въ Германіи. С.—34. Школьное дѣло въ Англии и мн. друг. Сверхъ того отдѣлы: I. Критика и бібліографія (болѣе ста рецензій научно-популярныхъ книгъ, учебниковъ, книгъ для чтенія дѣтей и народа).—II. Изъ жизни и литературы (хроника).—III. Статистика образованія.—IV. Разныя извѣстія.—V. Изъ области знанія. (Сообщенія объ открытіяхъ научныхъ; свѣдѣнія и извѣстія изъ области наукъ). Проложенія: Я. А.

Компескій. I. О культурѣ природныхъ дарованій пер. Л. Н. Модзалевскаго. II. Фенелонъ „О воспитаніи юношества“.

Цѣна за годъ, т. е. за 12 №№, съ доставкою пять руб. Для народныхъ учителей допускается взносъ подписной платы въ два срока. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою 10 процентовъ.

Подписка принимается, въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Гороховая ул., д. 18), а также въ книжныхъ магазинахъ Фену и „Новаго Времени“. Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ обращаться непосредственно въ главную контору редакціи.

Редакторъ-Издатель В. Синовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1894 году.

Серьезныя государственныя и общественныя задачи, выдвинутыя на очередь въ послѣднее время, побудили насъ значительно расширить нѣкоторые отдѣлы нашей газеты, и пригласить къ участию въ ней новыхъ лицъ. Не останавливаясь на сдѣланномъ, мы будемъ въ 1894 году стремиться къ дальнѣйшему оживленію нашего изданія, поставивъ своею задачею—сдѣлать его какъ можно болѣе отзывчивымъ на всѣ назрѣвающія потребности жизни.

Подписная цѣна: съ доставкою въ Петербургъ на годъ 14 руб., на полгода 7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца 4 руб.; съ пересылкою въ имперію на годъ 15 руб., на полгода 8 руб., на 3 мѣсяца 4 р. Съ казенными прибавленіями: въ Петербургѣ на годъ 17 руб., на полгода 9 р.; съ пересылкою на годъ 18 р., на полгода 10 р.

Загранично: на годъ 22 руб., на полгода 12 руб., на мѣсяць 2 руб. Съ казенными прибавленіями на годъ 26 руб.

Допускается разсрочка, съ уплатою при подпискѣ 5 руб. (съ казенными прибавленіями 8 руб.), къ 1 апрѣля 5 руб. и къ 1 августа 5 руб. (для городскихъ подписчиковъ 4 руб.). При просрочкѣ втораго или третьяго взноса, высылка газеты приостанавливается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Троицкая ул., д. № 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелле (Невскій пр., № 20), въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ С.-Петербургѣ. За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

Редакторъ-издатель В. Г. Австенко.

Въ 1894 ГОДУ (ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

будеть издаваться по прежней программѣ и съ особымъ отдѣломъ работъ и сообщеній
НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ и УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Обязательный объемъ остается прежній: не менѣе 25 листовъ въ годъ (въ предыдущіе годы давалось 40—50 листовъ, т. е. болѣе обязательнаго объема) Лѣтнія книжки выходятъ по двѣ вмѣстѣ (№№ 6—7 вмѣстѣ и №№ 8—9).

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Беренштамъ, Н. Бунаковъ, Гербачъ, врачъ Григорьевъ, Демковъ, Доброносцевъ, д-ръ мед. Ивановъ, Кричагинъ, Латышевъ, Св. Песокій, Пузыревскій, Д. Соловьевъ, Св. Мих. Соколовъ, Сентъ-Илеръ, Шаталовъ и др. Въ журналѣ помѣщаются многія работы и письма народныхъ учителей, разборы новыхъ книгъ и различныя сообщенія о ходѣ учебнаго дѣла.

Ежегодный конкурсъ на составленіе чтеній для народа.

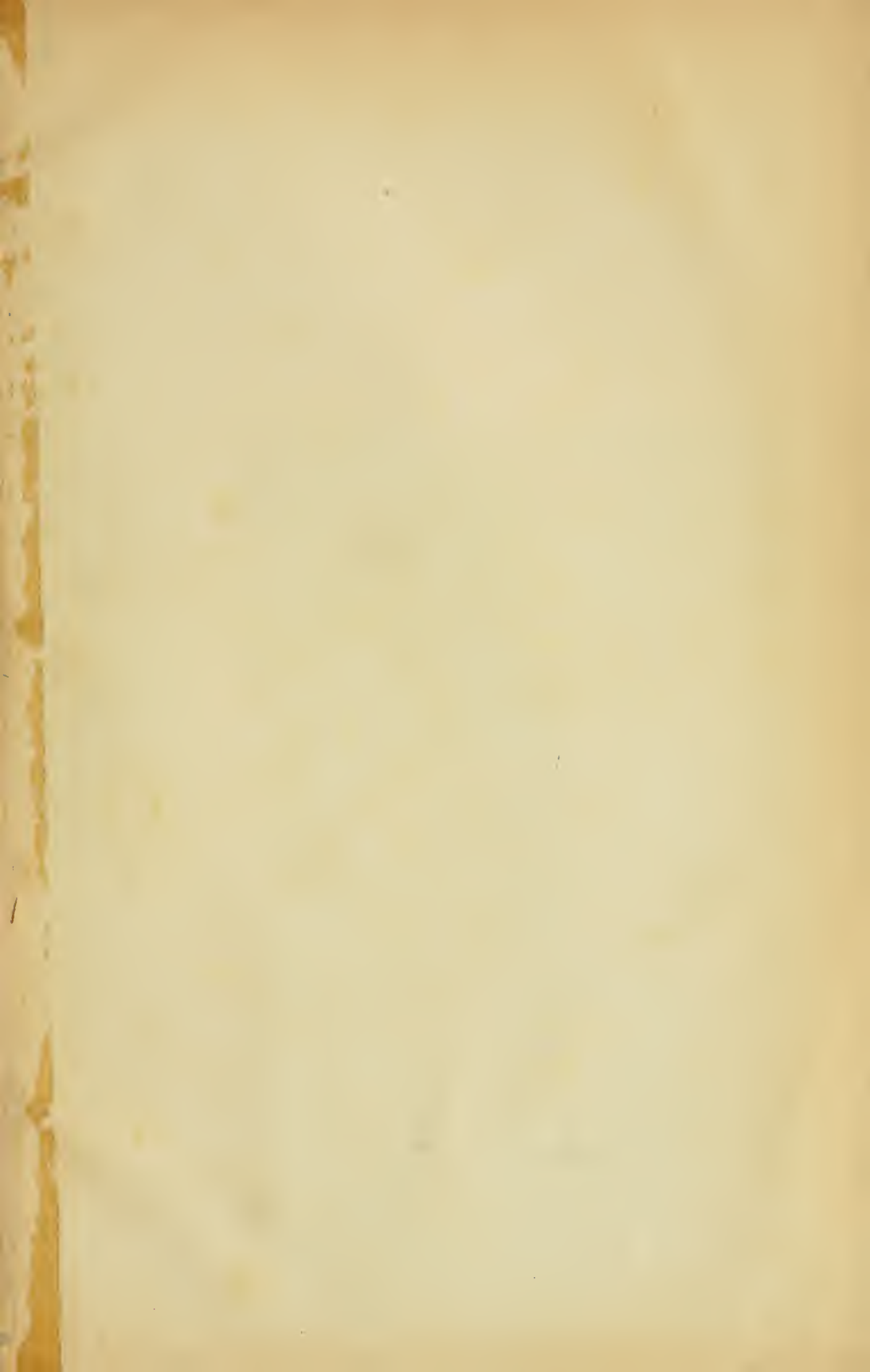
Подписка на 1894 г. принимается въ редакціи (Спб., Звенигородская ул., д. 8, кв. директора нар. учил.).

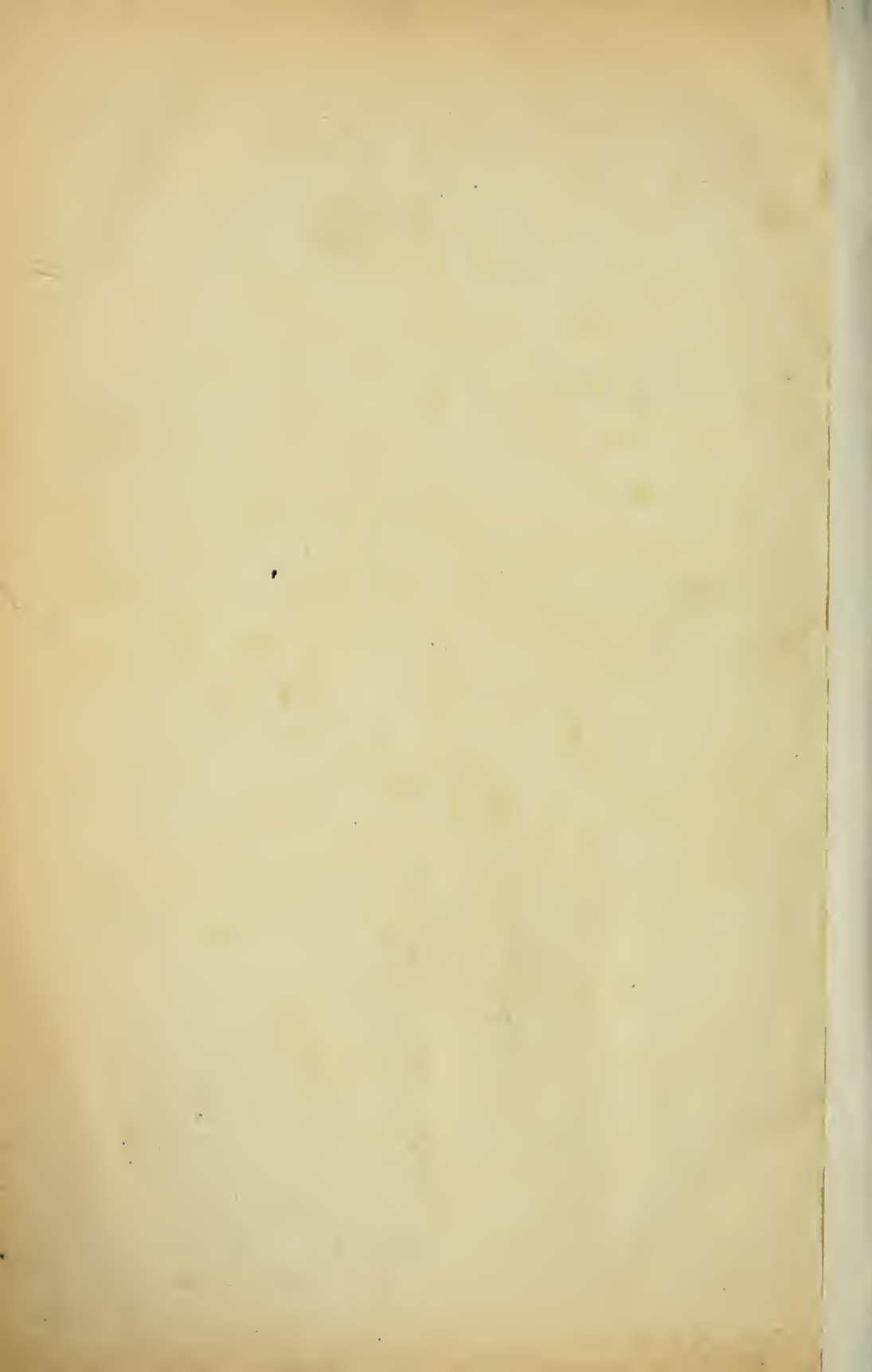
Подписная цѣна на годъ: 3 рубля съ пересылкою.

Есть экземпляры за прежніе годы, кромѣ 1883, 1885 и 1891 гг.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для народныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

Редакторъ-издатель В. Латышевъ.

AP
50
357
1894
no.7

Severnýi viestnik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

